

Виктор
Брачев

СОВ.
секретно

ЧЕКИСТЫ ПРОТИВ
ОККУЛЬТИСТОВ

СОВ.
секретно

Виктор
Брачев

ЧЕКИСТЫ ПРОТИВ
ОККУЛЬТИСТОВ

Оккультно-мистическое подполье в СССР

Царская ложа
«Крест и звезда»

•
Орден рыцарей
Святого Грааля

•
Масонство и
большевизм

•
«Чекистская ложа»
в Москве

•
Братство Серафима
Саровского

СОВ.
секретно

В серии

СОВ.
секретно

А. Широкопад
«ТАЙНЫ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ»

А. Широкопад
«ОГНЕННЫЙ МЕЧ РУССКОГО ФЛОТА»

С. Чарный
«ТАЙНЫ ОКТЯБРЯ 1993»

А. Литвин
«КРАСНЫЙ И БЕЛЫЙ ТЕРРОР»

А. Первушин
«АСТРОНАВТЫ ГИТЛЕРА»

В. Брачев
«ЧЕКИСТЫ ПРОТИВ ОККУЛЬТИСТОВ»

Виктор
Брачев

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2004

ББК 86.42
Б 87

Оформление художника *С. Силина*

Б 87 **Брачев В.**
Чекисты против оккультистов. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. — 544 с., илл.
ISBN 5-699-06001-4

В этой книге впервые раскрываются факты искусственного создания масонско-оккультных лож органами ОГПУ и НКВД для засвечивания и отслеживания действий «врагов советской власти». С другой стороны, лидеры масонств заявляли о том, что «стремления к коммунизму совпадают в общих чертах со стремлениями русского масонства». Это красноречивое признание раскрывает механизм управления Миром единым тайным правительством.

ББК 86.42

ISBN 5-699-06001-4

© Брачев В., 2004
© ООО «Издательство «Яуза», 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Предисловие

Успехи, которых добилось в последние десятилетия как отечественное, так и зарубежное масоноведение, привели к тому, что сейчас уже практически никто не сомневается в значимости самой проблемы. Да и какие могут быть сомнения, если на сегодняшний день, и по далеко не полным данным, нам известны имена и фамилии более 12 тысяч русских масонов¹. Учитывая, что речь у нас все-таки идет не о рабочих и крестьянах, а о представителях элиты общества, правящего, так сказать, класса или слоя России XVIII — XX вв., цифра эта более чем внушительна. Спор поэтому может идти лишь о степени влияния их на общественную жизнь и политические события этого времени, причем в центре внимания оказывается роль масонов как в подготовке, так и в непосредственном участии в революционных событиях 1917 года. Этим, собственно, и объясняется то сравнительно большое место, которое уделяется этим сюжетам в исторической литературе. Менее известно, однако, что наряду с масонством, политическим или кадетским (русские ложи «Великого Востока Франции» и «Великого Востока народов России»), в нашем Отечестве, причем не только в начале XX века, но и в первые десятилетия советской власти существовало большое число так называемых парамасонских организаций оккультного толка в виде разного рода посвячительных орденов, мистических кружков и религиозных

¹ Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001.

братств. Особый интерес в этой связи представляют практически неизвестные до начала 1990-х годов религиозно-мистические ордена и братства 1920—1930-х годов.

Успешная ликвидация их к началу 1940-х годов по праву может считаться одним из крупнейших и значительных «достижений» ОГПУ—НКВД по искоренению инакомыслия в нашей стране. Однако, что конкретно стояло за этим «достижением», известно мало. Еще меньше известно о судьбах и трагедиях отдельных лиц, ставших жертвами чекистских операций: стойкость и жертвенность одних, предательство и конформизм других.

Но масоны и оккультисты — это не просто кружки инакомыслящих интеллигентов. Это еще и так называемое «тайное знание», «древняя мудрость», благодаря чему они и являются притягательной силой для не слишком прочно стоящих в мировоззренческом смысле на ногах людей. Отсюда такой деликатный аспект темы, как отдельные попытки чекистов использовать «тайное знание» в интересах Советского государства, причем инициатива, как правило, исходила от самих мистиков: какого-либо другого способа найти свое место в советской системе у них просто не было. Не менее деликатной является и проблема чекистской провокации в оккультно-мистической среде, размах которой не идет ни в какое сравнение с жалкими потугами на этом поприще царской охранки дореволюционного времени.

В загадочный и таинственный мир ленинградских оккультных кружков и групп автор этих строк окунулся в конце 1980-х годов, когда по совету покойного ныне профессора В.И. Старцева (1931—2000) обратился к так называемому «масонскому фонду» тогдашнего Музея истории религии и атеизма. Увиденное там — малопонятная для современного человека эзотерическая символика, с преобладанием звезд, крестов и черепов со скрещенными костями, посвятительные тетради с подробнейшим описанием степеней и таинственных масонских обрядов, клятвы, писанные кровью, — поразило меня.

Казалось невероятным, что все это могло происходить

здесь, в нашем городе, в XX веке. Правда, профессор Старцев несколько охладил мой пыл, заявив, что масоны эти не настоящие, так как ложи были организованы едва ли не по инициативе ОГПУ, во всяком случае, находились под его контролем.

На самом деле картина оказалась куда более сложной. Но выяснилось это уже позже, когда в начале 1990-х годов автор этих строк получил возможность ознакомиться с «масонскими делами» архива УКГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области. Уникальность и несомненный интерес, который представляют обнаруженные там материалы, собственно, и побудили автора взяться за разработку этой темы. В результате удалось выяснить теснейшую связь ленинградских и московских «масонов» с деятельностью оккультных кружков и групп дореволюционного времени, продолжением которой они в ряде случаев и являлись¹. Не приходится говорить и о какой-либо мировоззренческой, идейной самостоятельности наших мистиков 1920—30-х годов. С этим связаны отдельные экскурсы автора этих строк в биографии и характер учений таких известных, правда, главным образом, в своем кругу, мэтров оккультизма, как Е.П. Блаватская, Р. Штейнер, Г.И. Гурджиев, П.Д. Успенский, Н.К. Рерих, у которых учились и на которых равнялись члены мистических кружков советского времени. Следует подчеркнуть, что данная работа носит конкретно-исторический характер. Ее цель — рассказать о масонских или парамасонских ложах и орденах, богоискательских кружках и братствах, людях, которые их составляли, целях, которые они преследовали, и, наконец, результатах, к которым они пришли. Споры о том, масоны это были или не масоны, настоящие они масоны или ненастоящие, «правильными» или «неправильными» с формальной точки зрения были устроенные ими ложи, я оставляю другим.

¹ Брачев В. С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997.

В конце концов, как бы мы сегодня ни назвали то или иное интеллигентское сообщество 1920-х годов: масонской ложей, орденом, православным братством или просто оккультным или богоискательским кружком, исследовательская задача от этого, как, надеюсь, понимает читатель, не меняется. И в том, и в другом, и в третьем, и в четвертом случаях речь все-таки должна идти о судьбе конкретных людей, их духовных исканиях, взглядах и действиях.

Здесь нет необходимости подробно рассматривать особенности источниковой базы исследования. Остановимся поэтому только на самом главном: правомерности широкого использования автором этих строк в своей работе материалов архивно-следственных дел ОГПУ — НКВД СССР. Дело в том, что у части наших историков существует довольно-таки стойкое предубеждение против них как заведомых фальшивок, *«степень достоверности показаний обвиняемых»* в которых якобы *«настолько незначительна, что современный уровень наших знаний о событиях, связанных с организацией процесса, не позволяет в результате научного комментирования выделить из общего потока ложных, а порою и фантастических сведений даже крупницы правды»*¹. Автор же этих строк придерживается на этот счет прямо противоположного мнения². Речь, конечно же, вовсе не о том, чтобы слепо верить абсурдным обвинениям, которые зачастую выдвигались следствием против участников религиозно-мистических кружков и братств 1920 — 1930-х годов: шпионаж, диверсии, подготовка терактов, антисо-

¹ Ананьич Б. В., Панеях В. М., Цамутали А. Н. Предисловие // Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XI.

² Брачев В. С. Архивно-следственные материалы ОГПУ как источник по истории ленинградской интеллигенции 1920-х годов // Петербургские чтения — 97. Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 494—504. См. также: Никитин А. Л. Мистические ордена в культурной жизни Советской России // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995, № 4. С. 189—202.

ветская агитация и проч., о чем в свое время справедливо предостерегал историков И.А. Ильин¹. Однако и пренебрегать этим ценным и, что особенно важно, массовым источником, даже не попытавшись отделить в нем зерна от плевел, профессиональному историку было бы не к лицу.

Нельзя согласиться и с мнением И.В. Павловой, которая, опасаясь, видимо «не тех» выводов, к которым могут прийти при работе с архивно-следственными материалами сталинского периода исследователи, предлагает им корректировать свои выводы *«нравственной позицией историка, которая определяет его отношение не только к массовым репрессиям, но и вообще к тому, что происходило в 30-е годы, а также формирует его подход к источникам»*².

Но в том-то и дело, что отношение к тому, что происходило в 30-е годы, у разных историков разное. Неизбежно разным, следовательно, будет и их нравственная интерпретация источников этого времени. Вывод отсюда может быть только один: независимо от того, какой Россией занимается историк, сталинской или путинской, масонами или не масонами, танцевать ему необходимо все же не от интуиции и некоего внеисточникового *«общего знания, понимания и видения эпохи»*³, к чему призывает нас И.В. Павлова, а от конкретных, отложившихся в результате деятельности тех или иных учреждений архивных документов. Иного пути для историка, если он хочет остаться на почве науки, нет и быть не может.

В процессе работы над книгой у автора сложились свои оценки описываемых в ней событий и лиц. Познакомить с ними читателя — его долг. Однако навязывать их кому бы

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948—1954 гг. М., 1992. Т.1. С. 57.

² Павлова И. В. Интерпретация источников по истории России 30-х годов (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999, № 2. С. 59.

³ Там же. С. 58.

то ни было не входило в его задачу. Напротив, обширные документальные приложения из малодоступных пока еще архивов УФСБ РФ дадут, как надеется автор, возможность заинтересованному читателю и для собственных оценок и выводов.

И, наконец, последнее. Написание данной работы во многом было облегчено разысканиями по отдельным аспектам заявленной здесь темы моих предшественников, среди которых особо хотелось бы выделить московского историка А.Л. Никитина¹ и петербуржцев А.И. Андреева² и В.В.Антонова³. Большую помощь в подготовке публикации данной работы к печати оказали автору петербургские исследователи А.И. Колпакиди, Е.А. Прудникова и И.В. Пыхалов.

¹ Никитин А. Л. Масоны, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998; Он же. *Rosa mystika*. Поэзия и проза российских тамплиеров. М., 2002.

² Андреев А. И. Время Шамбалы. Окультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002; Он же. Доктор Барченко — искатель Шамбалы // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. 5. СПб., 2001. С. 215—331.

³ Антонов В. В. Братство прп. Серафима Саровского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып.16. СПб., 1996; Он же. «Воскресенье» Мейера и воскресники Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып.4. СПб., 1999. С. 288—326.

Религиозно-мистические кружки и ордена в России (1900 — 1917 гг.)

1. РУССКИЕ ТЕОСОФЫ И АНТРОПОСОФЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Как ни важно для нас уяснение подлинной роли кадетского или политического масонства в истории России XX века, не следует забывать, что оно все-таки всего лишь вершина айсберга¹, с которым столкнулся в начале века громадный и неповоротливый корабль российской государственности.

Проникновение в толщу русского материка масонской «подземной реки», неумолимо и методично размывающей самые глубинные основы традиционного русского самосознания, началось, конечно же, задолго до февральско-мартовских дней 1917 года. Продолжалось это проникновение и в послереволюционные годы, причем как до, так и после 1917 года видная роль здесь принадлежала практически неизвестным сейчас масонским (мартинисты, филалеты, розенкрейцеры) или масонствующим (спириты, теософы, софианцы) кружкам и группам российской интеллигенции. Непросто складывались отношения тайных интеллигентских сообществ и со спецслужбами. Особенно драматичный характер приобрели они в 1920-е годы, о чем и пойдет,

¹ Соловьев О. Ф. Русское масонство 1730 — 1917 гг. М., 1993; Старцев В. И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996; Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. М., 1996.

главным образом, речь в этой книге. Однако начать следует все-таки издалека, с событий второй половины далекого теперь от нас XIX века, когда после некоторого затишья николаевского царствования, собственно, и началось новое, после екатерининского и александровского времени мистическое поветрие в нашей стране.

Первыми освоили русскую почву в этом плане спириты. Спиритизм (Spiritus — дух) как вера в возможность появления в мире физическом духов загробного мира¹ был известен еще в глубокой древности. Однако в современном его звучании он берет начало с 1848 года, когда в американском городке Гайдесвиль проживавшую там семью Фокс стали беспокоить некие таинственные стуки в доме². Одна из дочерей Фокс, Кэт, вступила путем перестукивания в контакт с таинственным незнакомцем. Им оказался дух убитого в этом доме 31 год назад человека. Сестры Кэт были признаны медиумами, или посредниками между миром духов и людей. Желających вступить в контакт с духами умерших родственников оказалось немало, и у сестер Фокс появились последователи не только в Америке, но и в Европе³.

В России первые спиритические сеансы были устроены в 1853 году и сразу же вызвали горячие споры. В 1875 году по предложению профессора С.-Петербургского университета Д.И. Менделеева была образована комиссия для изучения спиритических явлений. Членам ее были показаны два медиума, доставленные из Англии горячим пропагандистом этого учения профессором Н.П. Вагнером, — братья Петти, и женщина-медиум Кляйер. Результаты их медитации оказались плачевными, и комиссия констатировала, что спиритизм есть не что иное, как обман и суеверие. Это, однако,

¹ Кардек Алан. Спиритизм: общение с существами духовного мира. М., 2003.

² Конан-Дойл А. История спиритизма. СПб., 1999. С. 50—51.

³ Вашингтон Питер. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритизм Америке. М., 1998. С. 19.

нисколько не охладило приверженцев учения, в числе которых был и известный химик, академик А.Н. Бутлеров¹. Присущая спиритизму способность увлекать неопита чудесами и необычными для обыденного восприятия феноменами способствовала популярности этого явления.

В 1905 году на основе московского спиритического кружка и редакции оккультного журнала «Ребус» было образовано Русское спиритическое общество. Деятельными членами его уже буквально с первых шагов стали М.И. Сизов, М.П. Киселев и М.А.Эртель².

Наибольшую известность среди спиритических кружков и групп 1907—1908 гг. получил кружок (до 15 человек), группировавшийся вокруг издателя журнала «Спиритуалист» почетного гражданина Владимира Павловича Быкова. При нем также издавались оккультный журнал «Голос всеобщей любви» и газета спиритуально-оккультного направления «Оттуда». Важно подчеркнуть наличие у В.П. Быкова, который являлся мастером стула одной из московских лож и поддерживал тесные связи с масонами Чернигова и Петербурга, посвяtitельных тетрадей, паролей и знаков некоего «Ордена розенкрейцеров». Это, во-первых, исключает самостоятельный характер работ московских «братьев», а во-вторых, прямо указывает на их связь, ввиду союза двух орденов, с мартинизмом. Едва ли случайно поэтому, что уже в январе 1908 года московские «братья» посылают в Париж к главе «Ордена мартинистов» Папюсу своего представителя с приглашением принять участие в работе журналов и, что самое любопытное, получают его полное согласие на это. Никак нельзя поэтому согласиться с А.Я. Авре-хом в оценке В.П. Быкова как «обыкновенного проходимца,

¹ Прибытков В. И. Спиритизм в России от возникновения до настоящего времени. СПб., 1901. С. 75—83.

² О русском спиритуалистическом обществе // Вопросы психизма и спиритуалистической философии. 1908, № 1. С. 40.

который делал весьма выгодный бизнес на глупости и суеверии замоскворецких клиентов»¹.

В 1910 году В.П.Быков участвовал в работе Всемирного конгресса спиритов в Брюсселе, где русским делегатам было прямо заявлено, что только из-за отсутствия в России политических свобод и изобилия невежества и темноты в народе у них еще держится представление о Христе как о Боге. Во всех других странах, за исключением двух небольших религиозных общин в Швейцарии, спириты уже давно развенчали Спасителя и считают его обыкновенным человеком и даже обыкновенным медиумом. Более того, современный медиум-целитель Пиле из Дуэ якобы имеет больше оснований называться Христом.

«И эти страшные слова, — пишет В. Быков, — при взгляде на жирного, с лоснящейся физиономией француза Пиле, присутствовавшего при этой кошунственной речи, были громовым ударом для бедных русских делегатов от русского спиритизма, уже давно катившихся по наклонной плоскости, но еще бывших на некотором расстоянии от такого конца»².

Так, к удивлению многих, вчерашний горячий пропагандист этого учения в одночасье превратился в его яростного ниспровергателя³. *«Могу уверить горьким опытом, — писал он теперь, — что девять десятых спиритических феноменов представляют собою результат самой бессовестной грубой подделки, в которой души умерших не принимают ни малейшего участия».* Вместе с тем, наряду с обыкновенным мошенничеством на почве галлюцинаций, самовнушения и гипноза и коллективного психоза, в спиритических сеансах, доказывал он, присутствует и нечто большее, вырастающее в *«яркую картину мировой борьбы с Богом и святой церковью. Сила эта есть не что иное, как сила Сатаны»⁴.*

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 252.

² Быков В. П. Спиритизм перед судом науки, общества и религии. М., 1914. С. 318 — 319.

³ Шахнович М. Петербургские мистики. СПб., 1996. С. 216.

⁴ Быков В. П. Указ. соч. С. 265.

Повальное увлечение российской интеллигенции спиритизмом и столоверчением во многом облегчило восприятие ею более сложного религиозно-мистического учения масонского характера, каким является теософия.

Основу теософской мудрости составляет герметическая философия, названная так по имени Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего) — легендарного автора учения, дошедшего до нас в 14 книгах (или отрывках из них), египетско-греческого происхождения. В литературе эти книги получили название герметических (Гермес, как известно, древнегреческий бог, сопровождающий души умерших в загробный мир, и покровитель тайного знания). Герметизм сегодня понимается как философская доктрина, воссоздающая картину мироздания, основанную на взаимовлиянии космической энергии и человеческих устремлений, и предлагающая использование секретных методик расширения возможностей сознания¹. Само учение представляет собой сплав египетского многобожия, иудейско-христианского монотеизма и греческого философского идеализма. Его элементы встречаются практически во всех религиозно-философских учениях древности от брахманизма и древнееврейской каббалы до розенкрейцеров. В современном понимании теософское учение сложилось, однако, только во 2-й половине XIX века. Основоположителем его является Елена Петровна Блаватская (урожд. Ган, 1831—1891) — двоюродная сестра графа С.Ю. Витте, выдававшая себя за ученицу и посланницу великих буддийских мудрецов, якобы живущих в горах Тибета².

Несостоятельность теософских претензий Е.П. Блаватской убедительно показал в свое время в хорошо известной

¹ Лешкевич Т. Г. Герметизм — тайная мудрость древних // Эзотерическая философия: от герметизма к теософии. Сб. научн. статей под ред. Л.А. Мирской. Ч. I. Герметизм и герметические науки. Ростов-на-Дону, 2002. С. 8—38.

² Мэрфи Г. Елена Блаватская. Пер. с англ. Челябинск, 1999.

специалистам брошюре «Современная жрица Изиды» близко знавший ее Всеволод Соловьев¹.

Родилась она 31 июля 1891 года. Ее родителями были полковник Петр Алексеевич фон Ган и Елена Андреевна Ган, урожденная Фадеева. По линии матери прадедом Елены Петровны был известный масон и оккультист князь Павел Долгорукий. Уже в детстве девочка проявляла интерес к хранившейся в бабушкиной библиотеке оккультной литературе, страдала галлюцинациями и истерическими припадками. Незадолго до своего семнадцатилетия, 7 июля 1848 года, Елена Петровна вышла замуж за сорокалетнего генерала, вице-губернатора Еревана Н.В. Блаватского, однако вскоре покидает его и уезжает в Константинополь.

Начинается период странствий Е.П. Блаватской. По ее рассказам, она много путешествовала по Востоку, побывала в Центральной и Южной Африке, в Индии, Америке, а в горах Тибета даже провела целых семь лет. Здесь она якобы познакомилась с махатмами, или великими учителями человечества, которые и посвятили ее в «древнюю мудрость», раскрывшую перед ней едва ли не все тайны Вселенной. Однако все хорошее, как известно, имеет конец. Вынуждена была покинуть уютную долину в горах Тибета, где, собственно, и жили махатмы, и Елена Петровна. Возвратившись в Европу, она начинает проповедь нового учения под патронажем махатм Мория и Кут Хуми, которые направляют ее действия в виде специальных посланий к ней, которые она обнаруживает на своем письменном столе. Конечно же, на самом деле никаких посланий ни от каких махатм Елена Петровна никогда не получала. Сомневаются исследователи и в реальности длительного путешествия Блаватской по горам Тибета. Не приходится сомневаться поэтому в исключительно книжном характере содержания учения Блаватской, изложенного в ряде ее трудов («Разоблаченная

¹ Соловьев В.С. Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е.П. Блаватской и «Теософическим обществом». Изд. 2-е. М., 1994.

Изида»¹, «Из пещер и дебрей Индостана»², «Тайная доктрина»³ и др.), представляющих собой синтез восточных религий, уже хорошо к тому времени известных в Европе, и западной магии Элифаса Леви (1810—1875, настоящее имя Альфонс Луи Констан), обильно сдобренной мифологией масонов, тамплиеров и розенкрейцеров.

Согласно воспоминаниям современников, Елена Петровна была довольно-таки полная и неряшливо одевавшаяся женщина со светло-каштановыми волосами, скрученными в кудряшки, похожими, по отзыву ее недоброжелателей, на овечью шерсть, и сверкающими магнетизмом голубыми глазами. Покрой одежды, вследствие своей полноты, она предпочитала свободный. Заядлая курильщица, она постоянно носила при себе табак для сигарет в меховом кисете на шее. Руки ее были унизаны множеством колец. Говорила низким грудным голосом, к сексу была равнодушна, несмотря на присущий ей цинизм и грубость в рассуждениях на эту тему⁴.

Многие считали Елену Петровну гермафродитом. Нередки были и обвинения ее в трансвестизме и лесбийских наклонностях. Достоверно известно, однако, лишь одно: упав в детстве с лошади, Елена Петровна навсегда потеряла возможность иметь нормальную половую жизнь. *«Я никогда не могла иметь сношений с мужчиной без воспаления внутри, так как там у меня чего-то не хватает»*, — признавалась она⁵.

Но вернемся к Елене Петровне Блаватской начала 1870-х годов. К этому времени (1873 г.) относится такой любопыт-

¹ Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и философии. В 2-х т. М., 2000.

² Блаватская Е. П. Из пещер и дебрей Индостана. М., 2001.

³ Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии. М., 1999.

⁴ Вашингтон Питер. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритизм Америке. М., 1998. С. 55.

⁵ Там же. С. 454.

ный факт ее биографии, как предложение Третьему отделению своих услуг по освещению деятельности русских революционных кружков и групп во Франции. Предложение Е.П. Блаватской принято, однако, не было¹.

Важными событиями в жизни Е.П. Блаватской стали ее переезд летом 1873 года из Парижа в Соединенные Штаты Америки и встреча там в октябре 1874 года с отставным полковником американской армии Генри Олькоттом (1832—1907). Генри Олькотт был владельцем небольшой юридической фирмы в Нью-Йорке, а все свое свободное время посвящал занятиям спиритизмом.

В 1875 году вместе с полковником Генри Олькоттом Блаватская основывает Теософское общество в Нью-Йорке, ставящее целью образование первоначального ядра будущего всечеловеческого братства, развитие сверхъестественных сил человека, изучение и пропаганду религиозно-философских учений древности². Основной труд Е.П. Блаватской — сочинение «Тайная доктрина»³. Само учение Е.П. Блаватской делится на три части: космогенез, антропогенез, т. е. представление об эволюции человечества, и, наконец, онтология, или учение о человеке. Что касается космогенеза, то в основе представлений о нем лежит идея некоей вечной истины без определенной формы и содержания — Абсолютного Ничто. Это, по Е.П. Блаватской, первый период космогенеза, когда бытие еще не проявлено.

Вторая стадия — это пробуждение Абсолюта, когда небытие становится бытием и Абсолют приобретает сознание — Божественную Мысль. В результате Единое (Абсолют) становится двумя — Духом и Материей. Дух (Мысль — Змея) оплодотворяет Материю (Яйцо), положив тем самым начало ее делению, так как после оплодотворения Абсолют

¹ Лурье Ф. М., Перегудова З.И.. Царская охранка и провокация // Из глубины времен. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 55.

² Пазилова В. П. Современна ли жрица Изиды? М., 1990. С. 13.

³ Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Синтез науки, философии и религии. Т. 1—2. М., Харьков, 1999.

становится триединым (Отец, Мать и Сын) и появляется уже как жизнь.

Начинается общая эволюция Вселенной (Выдох Браммы), или начало Великой Манвантары. Результатом этой эволюции стало превращение первичного Хаоса в стройную систему космических миров и планетарных систем, в том числе и нашей, солнечной. Здесь, собственно, и произошло чудо, связанное с истечением «семян Божественности» — человеческих душ, посылаемых Божественным Логосом в материю для того, чтобы одушевить физические тела, подготовленные для их дальнейшей эволюции от минералов к растениям, от растений к животным, от животных к человеку. Каждой планетой Солнечной системы, утверждают теософы, управляет отдельный Логос, который имеет в своем подчинении другие логосы, или духов. Все сущее во Вселенной обладает, согласно учению теософов, сознанием. Если мы не улавливаем признаков этого сознания, скажем в камне, то это еще не значит, что оно отсутствует в нем. Что касается мира в целом, то он представляет собой, согласно теософской доктрине, некую иерархию сознательных существ, или духов, каждый из которых имеет предназначенную только для него миссию. Говоря другими словами, Вселенную теософов можно представить как что-то вроде некоего сверхкомпьютера, работающего по определенной программе — закону кармы. Собственно, это и есть настоящий теософский бог — принцип или программа всего сущего.

Коротко говоря, суть теософской космологии сводится в конечном счете к тому, что некий безличный Абсолют раскрывает себя и тем самым дает возможность существования видимому Космосу. Каждая частичка Космоса одухотворена и присутствует в человеческой монаде. Монада со временем инволюционирует в человека. Человек эволюционирует обратно в монаду и растворяется в нирване.

Человек, в представлении теософов, в потенции своей есть бог. Но, чтобы приблизиться к нему, ему предварительно нужно освободиться от присущей человеку индиви-

дуальности, то есть умереть. «Человек, — отмечала в связи с этим видная представительница теософского движения Анни Безант, — есть духовная сущность, облекшаяся в плоть для приобретения опыта в низших материальных мирах с целью овладеть ими и господствовать над ними, а в позднейшие времена (то есть после физической смерти. — Б. В.) — и занять свое место в творческих и направляющих иерархиях Вселенной»¹.

Общая эволюция человеческого рода происходит, согласно представлениям теософов, по спирали, причем каждый виток ее неизменно проходит через три тесно связанных между собой мира: физический, астральный (страсти, желания) и ментальный (мысль). С физическим миром связаны физические отправления человека. Сложнее обстоит дело с мирами астральным и ментальным. Дело в том, что, освободившись после смерти от своих физической и эфирной (невидимые лучи, которые окружают человека при его жизни) оболочек, он оказывается на некоторое время в своеобразном чистилище, или в Астрале. Именно с этим явлением и связано вызывание при помощи магнетизма живых людей духа умершего человека. Однако при полном переходе умершего в ментальный план это уже становится невозможным.

Как раз в этом состоянии, утверждают теософы, и аккумулируется весь предшествующий духовный опыт земного существования человека. И в процессе его дальнейшей эволюции он переходит в свое последнее состояние или план — бессмертной души, или Атма-Будхи-Манас.

Все, что ждет человека после смерти, есть не что иное, как результат его земной жизни, утверждают теософы. Более того, человек не может изменить своей земной судьбы, так как вся она уже, в известной степени, предопределена законом кармы, или возмездия. Иначе говоря, карма — это такой закон, которым осуществляется некая высшая космическая справедливость и который «всякую причину приво-

¹ Безант А. В преддверии Храма. Томск, 1997. С. 10.

дит к соответствующему следствию и каждый поступок к такому же результату»¹.

Заслугой Е.П. Блаватской стала предпринятая ею удачная попытка создания некоей универсальной религии с целью постижения единства той невыразимой силы, которая правит во Вселенной, в связи с чем под теософией обычно и понимают ее учение. Хотя на самом деле истоки теософии восходят к идеям неоплатоников и гностиков I — III веков новой эры, а также к мистическим учениям в Европе XVI — XVIII веков: Беме, Парацельса, Сведенборга, Сен-Мартена и других². Главной задачей человека современные теософы считают познание им Бога в себе самом путем добродетельной и созерцательной жизни. Важной составной частью учения является вера в перевоплощение человека и многократность его существования на Земле, а также стремление к созданию мировой универсальной религии. Бог в представлении теософов есть совокупность мира, проявление которого можно наблюдать во всей природе³.

Как ни абсурдно само по себе учение теософов, последователей у него всегда было более чем достаточно. Особенно притягательным было оно в глазах прогрессивной русской интеллигенции. В России московское и петербургское теософические общества были созданы в 1908 году. Петербургское общество возглавила А.А. Каменская. Официальным органом общества был журнал «Вестник теософии». Устав РГО предусматривал следование его адептов следующим принципам: братство человечества и братство всех религий. Что касается конкретных задач общества, то на первом плане у теософов стояло раскрытие ими скрытых

¹ Клизовский А.И. Основы миропонимания новой эпохи. Минск, 1995. С. 111.

² Мирская Л.А. Теософия (истоки и смысл тайного знания) // Эзотерическая философия: от герметизма к теософии Сб. научн. статей под ред. Л.А. Мирской. Ч. II. Мистический опыт и оккультные теории. Ростов-на-Дону, 2002. С. 125 — 189.

³ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. М., 2002:

духовных и физических возможностей человека и организация в этой связи исследований в области тайного знания¹.

Самым крупным отделением РТО было петербургское. Вторым по значению считалось калужское во главе с Е.Ф. Писаревой, издававшей здесь журнал «Лотос». Из других крупных деятелей теософского движения начала века можно отметить А.Слободинскую, В. Ушакову и А.П. Философову. Как видим, тон движению уже изначально задавали мистически настроенные дамы. Горячими поклонниками теософии были поэты Андрей Белый и Вячеслав Иванов. Символика РТО взята от древних языческих оккультно-магических символов Вавилона, Греции, индуизма и буддизма. Эмблема Теософского общества представляет собой два перекрещивающихся треугольника, опоясанных змеем, который держит во рту свой хвост. Внутри треугольников знак «тау», вверху у головы змея — свастика. Культ змея известен с древнейших времен. Особо почитался он у пифагорейцев, орфиков, затем в порядке преемственности — в средневековых сектах офитов, каинитов, катаров, альбигойцев, культ последних был заимствован масонами и от масонов перешел к теософам².

Два перекрещивающихся треугольника символизируют единство макро- и микрокосмоса. В масонстве этот знак известен как печать Соломона или большая масонская печать; она заимствована из дионисийских мистерий. Дионисийцы называли себя сынами Соломона — два налегающих друг на друга треугольника. Тамплиеры принесли эту символику в средневековую Европу.

Свастика означает, по Е. Блаватской, «крест Джайна, в масонских учениях говорится, что это самый древний орден братства Мистического креста... Это самая мистическая и древняя диаграмма... Этот символ был запечатлен на сердце

¹ Вестник теософии. М., 1992, № 1. С. 5.

² Карасев Н. Путь оккультизма. Историко-богословские исследования. М., 2003. С. 239.

Будды и потому называется «печатью сердца»... Он высечен на каждой скале, храме в Индии. А также всюду, где буддисты оставили свои вехи... И в оккультизме для нас он священ»¹.

Среди русских последователей этого учения был и Н.К. Рерих, развивавший в своих произведениях мысль о легендарных Учителях человечества, постигших законы эволюции мироздания, и о легендарной Шамбале, где якобы живут эти Учителя.

Многие видные теософы (Е.П. Блаватская², Анни Безант³ и др.) были членами масонских лож. Н.К. Рерих был посвящен в 1919 г. в одной из эзотерических масонских лож в Лондоне и входил в мексиканский капитул ордена «Роза и Крест», управлявший ложами системы «Права человека»⁴. Отдали дань увлечению теософией и масонством Андрей Белый, Вячеслав Иванов и другие поэты-символисты. Однако официально теософы отрицают свою связь с масонскими ложами. Во всемирном братстве им отведена роль своеобразного идеологического прикрытия «вольного каменщичества».

Яснее всего темная духовная сущность теософии проявляется в ее отношении к христианству; теософы решительно отрицают божественность Христа, который для них не более чем медиум. В 1907 году, после смерти Генри Олькотта, президентом Теософского общества была избрана Анни Безант (1847—1933). Как и другие руководители Теософского общества, она также была плодовитым литератором и оставила после себя ряд трудов: «Древняя мудрость»⁵, «Эзо-

¹ Блаватская Е. П. Теософский словарь. М., 1994. С. 394.

² Блаватская Е.П. Письма. М., 1995. С. 45—46.

³ Кудрявцев К. Д. Что такое Теософическое общество? СПб., 1914. С. 41.

⁴ Виноградов А. Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1996. С. 190—191.

⁵ Безант Анни. Древняя мудрость. Очерк теософского учения. М., 2000.

терическое христианство»¹, «Путь к посвящению»², «Сила мысли»³ и др.). Деятельным помощником Анни Безант по руководству Теософским обществом был бывший англиканский священник Чарльз Ледбитер (1854—1934) — автор ряда известных среди оккультистов трудов: «По ту сторону смерти»⁴, «Реальность астрального плана»⁵, «Учитель и путь»⁶ и ряд других.

В начале XX века тогдашние руководители всемирного теософского движения Чарльз Ледбитер и Анни Безант взяли в Адьяре (Индия) под свою опеку некоего индийского мальчика Кришнамурти, объявив его новым мессией — новым воплощением Иисуса Христа, и тут же занялись формированием штата будущих апостолов его, учредив для этой цели международный молодежный духовный «Орден звезды на востоке». Произошло это 11 января 1911 года в Адьяре. А уже в следующем, 1912 году отделение этого ордена появилось и в Санкт-Петербурге. А.И. Немировский, ссылаясь на показания Якова Монисова 1937 года следователям НКВД, утверждает, что руководительницей «Ордена звезды на востоке» в Санкт-Петербурге была Анна Александровна Пушкина — правнучка великого поэта⁷. Это не так. Как видно из рекламного проспекта ордена, его представительницей в России являлась В.Н. Пушкина (Петроград, 5-я рота, д. 8)⁸. Как видим, тоже Пушкина, но, очевидно, не та. Я. Монисов, таким образом, явно что-то напутал.

«Мы верим, — говорится в проспекте ордена, — что вскоре в мир придет великий мировой Учитель, и хотим так

¹ Безант Анни. Эзотерическое христианство. М., 2001.

² Безант Анни. Путь к посвящению. М., 2003.

³ Безант Анни. Сила мысли. М., 1998 г.

⁴ Ледбитер Чарльз. По ту сторону смерти. М., 2000.

⁵ Ледбитер Чарльз. Реальность астрального плана. М., 2002.

⁶ Ледбитер Чарльз. Учитель и путь. М., 1993.

⁷ Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 409.

⁸ Орден звезды на востоке. СПб., 1917. С. 2.

жить теперь, чтобы быть достойными узнать его, когда он придет»¹.

Так получилось, что среди первых адептов «Ордена звезды на востоке» в Петрограде оказалась Н.М. Ронжина, вспоминая впоследствии об этом своем приключении так: *«Меня записали в эту организацию. Я носила как знак принадлежности к ордену серебряную (пяतिकонечную. — Б.В.) звезду на золотой цепочке. Это мне нравилось, потому что было красиво. Ходила на собрания. Боже, что за сумбур там царил! Кто садился за рояль и пел псалмы. Кто-то декламировал «Бхагавадгиту», кто-то, приняв определенную асану, занимался медитацией и т. д.»².*

Правда, под влиянием одного своего знакомого Н.М. Ронжина скоро ушла из ордена, не потеряв, однако, интереса к мистике. Что же касается «Ордена звезды на востоке», то его через некоторое время пришлось закрыть. Дело в том, что подросший Кришнамурти не оправдал возлагавшихся на него его учителями надежд и в 1929 году объявил о разрыве с ними. Умер он в 1986 году в возрасте 91 года. Перед смертью Кришнамурти все-таки примирился с теософами. Главным же его делом с 1945 года стали путешествия по миру и публичные лекции, направленные на пропаганду своего учения.

Весьма популярным среди российской интеллигенции предреволюционных лет было и учение антропософов, объединявшее в своих рядах последователей Рудольфа Штейнера (1861—1925) — генерального секретаря немецкого отделения Теософского общества. Родился Рудольф Лоренц Штейнер 27 февраля 1861 года в городе Кральевце в Австро-Венгрии³. Первый опыт ясновидения пережил в возрасте семи лет. Собственно, он и положил начало его ок-

¹ Орден звезды на востоке.

² Сидоров В. М. Знаки Христа. М., 1992. С. 41.

³ Линденберг Кристоф. Рудольф Штейнер. Биографический очерк. М., 1998.

культурной деятельности. Важным этапом становления Рудольфа Штейнера как мистика стала его учеба в Венском психологическом институте и знакомство с естественно-научными трудами И.В. Гете¹. С трудами Е.П. Блаватской Р. Штейнер познакомился еще в 1887 году, однако по-настоящему увлекся теософией только в самом конце XIX века. В 1903 году он начинает издание оккультного журнала «Люцифер», в следующем, 1904-м выходит в свет его труд «Теософия», где, вопреки своим теософским учителям, основное внимание сосредотачивает не на индуизме, а на каббале и христианском гностицизме. Это был прямой отход от основ теософского учения. Однако наружу разногласия Р. Штейнера с руководителями теософского движения вышли только в 1906 году. Полный же его разрыв с ними случился в 1913 году, когда Рудольф Штейнер официально отказался признать в индийском мальчике Кришнамурти воплощенного Мессию. В 1913 году он порывает с теософией и основывает собственное Антропософское общество (январь 1913 г.) с центром в г. Дорнахе (Швейцария). Антропософия в переводе с древнегреческого означает «человекознание» и определяется современными исследователями как особый духовно-научный способ познания мира и человека с помощью сознательного приобретения человеком внутренних сил. Другими словами, антропософия означает знание, которое приобретает человек, его мышлением и волей сознательно, в то время как теософия предполагает получение тех же знаний от неких высших иерархий в подсознательном состоянии его духовных сил. Именно стремление Рудольфа Штейнера превратить теософию в экспериментальную науку и привело его к разрыву с теософией. Основная цель антропософии — раскрытие скрытых, непознанных духовных возможностей человека с помощью специальной системы упражнений или, го-

¹ Штейнер Р. Очерк теории познания гетевского мировоззрения. М., 1993.

воря другими словами, науки¹. Считается, что антропософия — это теософия, так сказать, высшего порядка, предназначенная для тех, кто хочет внести в нее дух научного знания. «Она увлекала, — как писал Н.А. Бердяев, — *более культурных людей*».

Каких-либо принципиальных отличий от теософии антропософия не содержит: просто индийские мотивы, которыми проникнута теософия, отодвинуты здесь на второй план, а на первый план выдвинуто христианство и Библия. Собственно, «просветлением» и очищением человека в смысле приближения его к «истинно христианским ценностям» и занимаются антропософы. В целом антропософия представляет собой причудливую смесь восточной теософии, еврейской каббалистики, пифагорейской и неоплатоновской мистики, манихейства, астрологии и масонства. Следует иметь в виду, что сам основоположник антропософии инженер Рудольф Штейнер был видным масоном.

Собственная доктрина Рудольфа Штейнера основана на идее триединого социального порядка или организации, разработанная им в 1915—1931 гг. и изложенная в книге «Основные черты социального вопроса» (1919 г.). Социальный организм, по мнению Штейнера, соответствует принципу разделения человеческой психики на ум, чувство и волю, что и выражается в культурной, политической и экономической сферах социального организма. Подобно тому, как мысль, воля и чувство неразрывно обусловлены в человеке, так и в государстве, доказывал он, неразрывно связаны между собой культура, политика и экономика.

Русское Антропософское общество в Москве² было открыто уже 20 сентября 1913 года, в день положения крае-

¹Алоян Н. Л. Антропософия // Эзотерическая философия: от герметизма к теософии. Сб. научн. статей под ред. Л.А. Мирской. Ч. II. Мистический опыт и оккультные теории. Ростов-на-Дону, 2002. С. 190—232.

²Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917—1923) // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. М., 1992.

угольного камня будущего антропософского храма Гетеанума в Дорнахе. Первым председателем Антропософского общества стал Б.П. Григоров, в 1921 г. его сменил Т.Г. Трапезников.

10 октября 1913 г. было зарегистрировано и петербургское отделение общества. Возглавила его жена инженера путей сообщения Елизавета Васильева. Секретарем общества стал Борис Леман.

Среди наиболее горячих пропагандистов антропософского движения в России — Андрей Белый (Бугаев)¹, его вторая жена Клавдия Васильева, М.Я. фон Сиверс, О.Н. Анненкова, М.А. Сабашникова (первая жена М.А. Волошина), М.А. Столяров, В.О. Анисимова (Станевич), А.С. Петровский.

Идефикс антропософов этого времени стало сооружение специального антропософского храма в Дорнахе — так называемого «Гетеанума». Деятельное участие в этом строительстве принимала русская художница Анна (Ася) Алексеевна Тургенева, троюродная внучка великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, оставившая об этом периоде своей жизни любопытные, хотя и поверхностные воспоминания². Здесь же находились вплоть до 1916 года и поэт Андрей Белый (в Германию он уехал в 1912 году), Мария Яковлевна фон Сиверс (1866—1948), вышедшая в 1914 году замуж за Рудольфа Штейнера, и другие русские антропософы. Связи русских и немецких последователей Р. Штейнера были, таким образом, самыми тесными.

В 1923 г. Теософское и Антропософское общества были формально закрыты, хотя фактически продолжали существовать вплоть до конца 1920-х годов. Первый серьезный удар по ним нанесли аресты 1927 года. Окончательно же их добились в 1931 году, когда большая часть участников движения оказалась в ссылках и лагерях.

¹ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. М., 1992. С. 337—448.

² Тургенева Ася. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М., 2002.

2. ИЛЛЮМИНАТЫ, ФИЛАЛЕТЫ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ. ТАЙНА ЛОЖИ «МЕЗОРИ». МИСТИЧЕСКАЯ КАЗНЬ ГРАФА ВИТТЕ

Активно подвизались в начале XX века на русской почве и духовно-мистические ордена: мартинисты, розенкрейцеры, рыцари-филалеты (друзья истины), иллюминаты.

Председателем петербургского отделения ордена иллюминатов был Фриц Дезор. Среди членов: А. Маркович, А. Лосская, А. Трояновский, М. Исаев, Н. Дондукова и др. Как утверждал В.Л. Вяземский, в Кронштадте еще в начале XX века работала и новиковская ложа «Нептун», членом которой был якобы сам академик А.Н.Пыпин (умер в 1904 году), Н.Н. Беклемишев и ряд других лиц¹. Хорошо осведомленный современный исследователь масонства А.И. Серков относится к этой версии скептически². Это и понятно вследствие практически полного отсутствия документальных подтверждений данного факта.

Не так много знаем мы, к сожалению, и о другом масонско-мистическом ордене, действовавшем на территории дореволюционной России — Рыцарей филалетов (Друзей истины). Орден этот был основан во Франции еще в 1890 году неким масоном шотландского обряда Алкаестом. В самом конце 1890-х годов там же, в Париже была учреждена и центральная ложа ордена — «Карма», объявившая себя преемницей ордена средневековых розенкрейцеров. Первые ложи ордена филалетов в России — «Пирамида» и «Карма» были учреждены при покровительстве великого князя Александра Михайловича еще в 1898 году³. В 1900-е годы большой поклонницей идей ордена становится русская фе-

¹ Вяземский В. Л. Первая четверть века существования русско-го зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн. 161. С. 233.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 89.

³ Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 165—166.

министка Варвара Авчинникова-Архангельская. В 1910 году она получает назначение делегата ордена в России. В Петербурге В. Авчинникова-Архангельская была поддержана уже упоминавшимся адъютантом великого князя Александра Михайловича, председателем Лиги обновления флота (с 1912 года) Николаем Николаевичем Беклемишевым (1887—1957)¹. Среди моряков Николай Николаевич, Великий провинциальный мастер лож шотландского устава в Санкт-Петербурге в 1916—1917 гг.², был известен, главным образом, как крупный специалист по минному делу. На страницах редактируемого им журнала «Море» была развернута (правда, под прикрытием критики западного политиканствующего масонства) самая настоящая пропаганда масонских идей в нашем Отечестве³.

В 1914 году В.В. Авчинникова-Архангельская неожиданно умирает и Великим провинциальным мастером ордена филалетов в Санкт-Петербурге становится Н.Н. Беклемишев. К 1917 году под его руководством известны, в частности, следующие ложи ордена: «Северная пирамида», «Два горизонта», «Четыре элемента», «Нептун» и «Карма». Одну из этих лож («Карма») возглавлял, судя по всему, великий князь Александр Михайлович. Впрочем, Л.Д. Кандауров в своей «Записке» утверждал, что великий князь всего лишь покровительствовал ордену⁴. В 1916 году в Петрограде была открыта еще одна мастерская ордена Филалетов — Великая ложа «Астрейя». 12 апреля 1917 года в ложе «Карма» получил посвящение А.П. Веретенников. Формально ложа просуществовала вплоть до конца 1919 года. Собирались «братья» обычно в гостинице «Англетер». Деятельнейшим членом

¹ После 1917 года Н.Н. Беклемишев находился в эмиграции.

² Серков А. И. Русское масонство. Энциклопедический словарь. 1931 — 2000. М., 2001. С. 98.

³ Лебедев С. Б. Масоны и вокруг них на страницах журнала «Море» с 1901 по 1917 г. Библиографический аннотированный указатель. СПб., 1994.

⁴ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 88.

этого сообщества был секретарь германского генерального консульства в Петрограде Юлиус Германн¹.

Самой таинственной оккультной организацией дореволюционной России, вне всякого сомнения, могут считаться розенкрейцеры. Каббалистический «Орден Креста и Розы» был воссоздан в 1880-х годах во Франции Станиславом Гуайтой. Его последователи считают себя наследниками традиций знаменитого «Братства розенкрейцеров» XVI — XVII столетий. Особенностью ордена является чрезвычайно скрытый характер его деятельности и поощрение образования вокруг себя различного рода свободных групп и ассоциаций, из которых розенкрейцеры и черпают свежие силы. Розенкрейцеры, отмечает исследователь ордена Ю.П. Граббе, работают, состоя не в рядах масонства, а значительно выше его (18-я степень в масонстве есть степень розенкрейцера)². Говоря о розенкрейцерах начала XX века, нельзя не рассказать и о так называемой петербургской розенкрейцерской ложе «Мезори», известной среди специалистов своим смертным приговором председателю Совета Министров С.Ю. Витте, вынесенным ему 30 апреля 1905 года. Приговору, в свою очередь, предшествовало два постановления ложи³. Первое из них — о возбуждении «судебного преследования» против графа С.Ю. Витте — не датировано. Появилось оно скорее всего до 30 апреля 1905 года. Второе — само «судебное постановление» ложи с перечнем «преступлений» графа, своего рода обвинительный акт против него.

¹ Серков А. Придет ли к нам «Великий Восток»? // Родина, 1993, № 11. С. 87.

² Граббе Ю. П. Корни церковной смуты. Белград, 1927. С. 1.

³ И «постановления», и «приговор» ложи «Мезори» по делу С.Ю. Витте опубликованы И.В. Лукояновым в альманахе «Петербургская историческая школа» (СПб., 2002. С. 282—301). Здесь же и пять писем — посланий этой ложи — четыре к Николаю II и одно к И.Л. Горемыкину. Неопубликованным остается только одно послание ложи к Николаю II от 29 сентября 1905 года, известное историкам по книге А.Я. Авреха «Масоны и революция» (М., 1990. С. 222—225).

«В Санкт-Петербургскую ложу «Мезори», — читаем мы в первом постановлении (т. е. о возбуждении дела), — поступило вполне, по-видимому, обоснованное обвинение председателя Комитета министров Сергея Витте, министров: Алексея Ермолова, графа Владимира Ламскопфа, Виктора Сахарова, Федора Авелана, Владимира Коковцова, князя Михаила Хилкова, Сергея Манухина и финляндского генерал-губернатора князя Оболенского в умышленном бездействии власти и предательстве из своекорыстных или иных видов родины и государя, а баронов Эммануила Нольде и Юлия Икскуль фон Гильденбандта — в укрывательстве и пособничестве означенным государственным преступникам.

Получив от Верховного ордена дозволение, ввиду местного характера оказанных поименованными лицами преступлений, судить обвиняемых в Санкт-Петербурге, Совет ложи повелел: поручить аудитору произвести расследование и согласно выяснившимся обстоятельствам дела представить трибуналу обвинительный акт не позже конца Фоминой недели. В случае возможного и даже вероятного, по крайней мере для некоторых, осуждения преступников на смерть, Совет ложи, руководствуясь параграфом 15 Статута и по предложению великого магистра, в настоящем собрании постановил: 1. Для устранения всякой опасности для посторонних лиц саму казнь произвести наименее явным из оккультных способов, безотлагательно и непременно в течение сего, 1905 г. и 2. В силу разрешения, данного Верховным советом и ввиду тяжелых внутренних волнений, переживаемых Россией, представить великому магистру ложи «Мезори» привлечь к ответственности всех лиц, невзирая на их общественное положение, виновных в злодеяниях, подобных вышеуказанным»¹.

Конкретные же обвинения против С.Ю. Витте сформу-

¹ Лукоянов И. В. Русские розенкрейцеры начала XX века — реальность? // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 287.

лированы во втором постановлении, датированном 30 апреля 1905 года. «В лето от рождения Бога-Слова 1905-е, месяца апреля в 30-й день в общем торжественном собрании ложи был выслушан и единогласно утвержден приговор трибунала о Сергее Витте, в коем изложены его бесчестные происки и предательство родной страны.

Таким образом, собрание признало вполне для себя доказанным, что этот человек, без совести и чести, едва достигнув власти, сделался злым гением своего отечества и что, продавшись международной шайке жидов, он упорно добивается разорения и унижения России. Постыдно отдав иноземцам, при этом не без пользы для себя, природные богатства родной земли, он возбуждает затем смуту и делается душой всех мятежей и убийств, покрывающих Россию кровью и разрушением. Но мало того, не довольствуясь уже содеянными им преступлениями, он своими нечистыми, запятнанными изменой руками расшатывает вековые устои народной жизни, дабы окончательно предать свой народ порабощению и безграничной эксплуатации его подлых повелителей.

Да будет же ему, однако, известно, что не оскудела еще русская земля и что есть еще честные люди на Руси, которым опротивели его злодеяния и которые стали на защиту отечества. Вооружившись не бомбами и прокламациями, подобно его пособникам, а невидимой и неуловимой силой, способной уничтожить самого могущественного врага.

Довольно измены и предательства! Преступник достиг предела своего могущества и безнаказанности. Если слаб монарх, а большинство других, стоящих у власти людей, сделались рабски послушными сообщниками Сергея Витте, то существует иная власть, свободная и сильная, которая бесповоротно решила уничтожить злодея совместно с прочими предателями, если те не опомнятся и не перестанут быть безгласными орудиями его подлых замыслов»¹.

¹ Лукьянов И. В. Русские розенкрейцеры начала XX века — реальность? // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 287 — 288.

И, наконец, пожалуй, самый интересный документ — сам приговор. *«Сергей Витте! Сим приговором за содеянные тобой преступления против твоего народа ты осужден на смерть и до истечения года со дня сего осуждения должен будешь явиться пред страшное судилище Христово дать отчет в измене и злодействах, стоивших твоей родине стольких жертв, крови и бедствий.*

Мы выкидываем тебя из магического круга крещения, отдаем во власть всем злым силам пространства и обрушиваем на тебя все стихии: земля да поглотит тебя, вода затопит, огонь да пожрет, а ветер да развеет как пук гнилой соломы. Будь же ты трижды проклят, Иуда-предатель, блуждая без крова и пристанища, как вечный жид, снедаемый угрызениями совести. Подобно Каину, все, что бы ты ни предпринял, будет отныне заранее поражено бессилием и вывалится из подлых рук твоих!

Когда помутится твоя мысль, когда тебя охватит усталость, уныние и разочарование, когда в тиши бессонной ночи гнетущая, глухая тоска пробудится в душе твоей — знай, что это неуловимая смертельная стрела отмщения, пущенная нами, подтачивает самый источник твоей жизни. Помни, что никакая полиция в мире не в силах оградить тебя от этого невидимого и неуловимого оружия, как никакая медицинская наука никогда не раскроет и не излечит тебя от невидимого недуга.

На твоём изображении, магически с тобой связанном, великий судья ложи нанес тебе сегодня первый смертельный удар священным мечом. Издыхай же теперь сам, как ты хотел погубить Россию и русский народ!

Преданный всем силам зла, мучимый ими без устали и сожаления, катись к могиле, иди на суд Божий и готовься к страшному наказанию!»¹

Все другие документы, вышедшие из недр ложи «Мезори», за исключением письма на имя председателя Совета Мини-

¹ Лукоянов И. В. Русские розенкрейцеры начала XX века — реальность? // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 288.

стров И.Л. Горемыкина от 12 декабря 1914 года, представляют собой послания ложи за подписью ее магистра (всего их пять) на имя императора Николая II за период с 25 сентября 1905 г. по 25 июля 1915 г. с критикой в охранительном духе как внешней, так и внутренней политики государства и большого интереса для целей нашего исследования не представляют. Отметим лишь, что интерес ложи к вопросам большой политики не может не насторожить, так как хорошо известно, что розенкрейцеры вообще-то не поощряют политиканства своих членов. Правда, магистр ложи «Мезори» в своем письме на имя И.Л. Горемыкина за 12 декабря 1914 г. оправдывает свой шаг, ссылаясь на якобы полученное им на это разрешение от капитула ордена ввиду особых тяжелых политических обстоятельств в России в связи с революцией 1905—1907 гг.¹ И тем не менее вопросы все же остаются.

Но вернемся к С.Ю. Витте и смертному приговору, вынесенному ему ложей «Мезори». Самое интересное здесь — это описание мистического обряда, своего рода ритуального убийства этого политика, заключавшегося в нанесении по якобы мистически связанному с ним его изображению (скорее всего фотографии) ряда ударов по наиболее уязвимым точкам при помощи ритуального меча. Автору этих строк эта «казнь» напомнила такого же рода ритуальные пассы, правда уже в советские годы, члена ордена розенкрейцеров Е.А. Ракеевой. *«Довожу до сведения, — писала она 13 февраля 1941 г. в НКВД из тюремной камеры, — что знание мною некоторых оккультных законов позволяет мне производить так называемые «эввальты» — психологические воздействия с целью разрушения психического и физического равновесия отдельных личностей, что мною было проделано в сентябре месяце 1940 года в отношении И.В. Сталина. И думаю, что кое-какие результаты должны были сказаться»*². Именно таким образом и собирались, как это видно из

¹ Лукоянов И. В. Русские розенкрейцеры начала XX века — реальность? // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 298.

² Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 283—284.

текста приговора, довести до смерти С.Ю. Витте члены ложи «Мезори». Однако результат, как того и следовало ожидать, оказался нулевым. Обескураженный этим, магистр ложи в своем послании Николаю II, относящемся к декабрю 1912 года, вынужден был оправдываться. *«В свое время это Вас, Государь, удивило, вероятно, почему изменник до сих пор жив»*, — пишет он. И оправдывает бессилие ложи тем, что *«уход этого государственного изменника с занимаемого им высокого поста (апрель 1906 г. — В.Б.) после объявленной ему альтернативы (уйти или быть казненным) избавил нас, к счастью, от необходимости марать руки в крови предателя»*¹.

Конечно же, магистр немного лукавил. На самом деле сведений ни о каких альтернативах смертному приговору С.Ю. Витте имеющиеся в нашем распоряжении источники не содержат. Да и с момента объявления приговора (апрель 1905 г.) и уходом С.Ю. Витте с высокого поста председателя Совета Министров прошел целый год — время более чем достаточное для расправы с ним, пусть даже и при помощи мистики. Напомним, что первый удар священным мечом по изображению С.Ю. Витте был нанесен судьей ложи «Мезори» еще 30 апреля 1905 года. Но безрезультатно. С.Ю. Витте остался жив. Нельзя не сказать и о сильнейшем психологическом давлении, которому подвергался все это время С.Ю. Витте со стороны «братьев» из ложи «Мезори». Трудно, даже невозможно допустить, чтобы он не знал о вынесенном ему приговоре. Можно не сомневаться, что первым, кто получил его текст, был именно «приговоренный».

Не оставили «братья» розенкрейцеры в покое С.Ю. Витте и после его отставки. *«Через некоторое время по моем приезде (из-за границы в конце октября — начале ноября 1906 г. — В.Б.) я начал, — пишет С.Ю. Витте в своих воспоминаниях, — получать угрожающие письма с различными значками, как-то: с крестом, скелетом, которыми меня предупрежда-*

¹ Лукоянов И. В. Русские розенкрейцеры начала XX века — реальность? // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 289.

ли, что вот такие-то партии решили меня убить»¹. Таинственные значки, о которых идет речь, — это, конечно же, знаки масонской символики. Только так можно объяснить довольно странное поведение С.Ю. Витте, который, по его собственному признанию, тут же их и уничтожил, хотя здравый смысл требовал передать их в Департамент полиции. Очевидно, дело скорее всего в том, что, несмотря на отставку, С.Ю. Витте всерьез рассчитывал на свое возвращение в большую политику. Огласка истории со смертным приговором — а она была почти неизбежна, попади письма в руки полиции, — могла только помешать этим планам. Так что понять поступок С.Ю. Витте можно, тем более что, будучи человеком умным, он понимал, что всерьез искать авторов писем никто не будет.

В связи с намеренным, как мы полагаем, уничтожением Витте посланий от «братьев» ложи «Мезори» нельзя умолчать, что сам Сергей Юльевич также может быть «взят под подозрение» в смысле его возможной принадлежности к масонству. Дело в том, что существует информация, исходящая от бывшего вице-директора Департамента полиции и товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого (1873—1918), что в делах Департамента полиции якобы имелась некая «схема» масонских структур начала XX века, из которой можно заключить, что С.Ю. Витте все-таки был магистром одной из петроградских лож². К этому можно добавить, что мнение о масонстве С.Ю. Витте было настолько широко распространено в правых кругах начала века, что даже проникло в художественную литературу (роман Е.А. Шабельской «Сатанисты XX века». М., 2000.). Однако в научной литературе сколько-нибудь убедительных аргументов и фактов в пользу этого любопытного предположения так и не приведено.

Возвращаясь к злополучным письмам со значками, следует подчеркнуть, что дело не ограничилось простыми угрозами в адрес С.Ю. Витте. Были и реальные покушения на

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3 М., 1960. С. 414.

² Острцов В. Черная сотня, взгляд справа. М., 1994. С. 28.

его жизнь, правда неудачные, — 29 января¹ и 30 мая 1907 года².

Как полагает И.В. Лукоянов, содержание посланий ложи «Мезори» Николаю II выводит нас на группу лиц славянофильствующего толка, которых обычно собирала в своем салоне графиня Софья Сергеевна Игнатъева (урожденная Мещерская) — вдова убитого в 1906 году в Твери эсерами графа Алексея Павловича Игнатъева (1842—1906)³. Учитывая рефреном проходящую из послания в послание мысль о некой особой миссии России среди славянских народов⁴ и постоянные сетования на недостаток или отсутствие у представителей царской администрации национального самосознания⁵, догадка И.В. Лукоянова выглядит правдоподобной.

В то же время обращает на себя внимание следующий пассаж из послания (декабрь 1912 г.) магистра ложи к Николаю II, где он пишет о своей борьбе с влиянием в прошлом при русском дворе «клеветы парижских мартинистов Филиппа». *«А когда нам, — пишет он здесь, — удалось разоблачить этого в полном смысле негодяя и шарлатана, то Вашему Величеству подсунули (граф Витте и К^о) хлыста Гришку Распутина»*⁶.

Очевидно, таким образом, искать адептов ложи «Мезори», и прежде всего ее магистра, надо не только среди посетителей салона Софьи Сергеевны Игнатъевой, но и в рядах противников влияния при дворе Николая II «лионского старца» Филиппа Вашо, о котором у нас речь еще впереди. Так что вычисление авторов этих посланий, а следовательно, и разгадка тайны петербургской розенкрейцерской ло-

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 417.

² Там же. С. 429.

³ Лукоянов И. В. Русские розенкрейцеры начала XX века — реальность? // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 284—285.

⁴ Там же. С. 295.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Там же. С. 290.

жи «Мезори» и ее магистра, видимо, не такое уж невозможное дело.

Из других петербургских лож ордена достоверно известно только о кружке Александра Каспаровича Кордига в Озерках (основан 30 июня 1907 г.). Кроме того, есть упоминания и о существовании розенкрейцерских лож в Москве, Саратове, Казани и Нижнем Новгороде. Ложи в Полтаве («Кирилл и Мефодий»), Киеве («Северное сияние») и Феодосии («Иордан») работали под управлением центральной ложи «Нарцисс»¹. Более точными сведениями об их деятельности исследователи, к сожалению, не располагают, так как розенкрейцеры имеют обыкновение работать «в тиши», не афишируя своей деятельности.

К розенкрейцерским сообществам следует отнести и так называемую ложу «Астрея», учрежденную в 1908 году на основе мистического кружка Петра Александровича Чистякова — издателя оккультного журнала (вышло всего несколько номеров) «Русский франкмасон». Инициатива учреждения ложи принадлежала британскому подданному из русских евреев Ивану Федоровичу Персицу (Джеймс Перси). Настоящее имя Персица — Хаим Исаак Завелевич. Родился он 15 октября 1877 года в Москве в еврейской купеческой семье. С 13 лет жил за границей, причем в последнее время перед возвращением в Москву (май 1908 г.) в Лондоне. В России он выдавал себя за представителя англо-американского масонства. Этим он привлек к себе внимание не только московских простаков, не подозревавших, что имеют дело с секретным сотрудником Департамента полиции², но и газетчиков. Поскольку Джеймс Перси публично заявлял, что он хлопочет об открытии масонских лож в России, один из них напомнил ему, что с 1822 года масонство в России запрещено. *«Да, я знаю это, — парировал Дж. Пер-*

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 90.

² Документы Департамента полиции о масонах в России. Публ. В.Е. Корнеева // Масоны в России. Вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 104.

си, — но объясняется это тем, что представители властей знакомы с учением масонов по французским ложам, а не по английским. Английское масонство — враг всякой политики, и я уверен, что, познакомившись с ним, правительство разрешит нам пропаганду его в России. Я еду в ближайшем будущем в Петербург, куда имею много рекомендательных писем»¹. Что двигало Джеймсом Перси, когда он делал это явно провокационное заявление, остается только гадать. Но масонская ложа в Москве с помощью П.А.Чистякова была им все же, судя по всему, организована.

Мастером стула этой во многом «полицейской» по своему происхождению ложи стал, благодаря своему авторитету в кругах московских оккультистов, П.А. Чистяков. Секретарем при нем, по утверждению И. Персица, была известная исследовательница масонства Т.О. Соколовская. 21 декабря 1908 года, когда члены ложи собрались на квартире П.А. Чистякова для проведения своего обыкновенного заседания, туда неожиданно нагрянула полиция. «Братьев» наскоро переписали и предложили разойтись по домам². Что касается И.Ф. Персица, то, как английский подданный, он был выслан в Австро-Венгрию³, оставив в архиве «охранки» так называемый «Список членов масонской ложи «Астрея». Единственным человеком, который этот список видел, был в 1917 году, по его утверждению, С.П. Мельгунов⁴. Что касается дальнейшей судьбы И.Ф. Персица, то в феврале 1912 года он вновь появился в Москве. Продолжилось и его секретное сотрудничество с Департаментом полиции⁵.

¹ Происки масонов // Вече (Москва), 1908, 4 декабря. С. 2.

² Новое время, 1908, 23 декабря. С. 3.

³ Соловьев О. Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 197—205.

⁴ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Масонские заговоры перед революцией. Париж, 1931. С. 182.

⁵ Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 636.

3. «ОРДЕН МАРТИНИСТОВ» В РОССИИ. ЦАРСКАЯ ЛОЖА «КРЕСТ И ЗВЕЗДА»

Практически одновременно с орденами филалетов и розенкрейцеров активно работали в России и тесно связанные с ними мартинисты. Не следует забывать, что непременным условием посвящения в 18-ю розенкрейцерскую степень «братьев» масонов является успешное прохождение ими герметической науки у мартинистов. Мартинизм — одна из наиболее распространенных форм эзотерического масонства. Основан был орден в 1890 году во Франции врачом, практиковавшим в области гипноза, Жераром Энкоссом (1860—1916), более известным под своим эзотерическим именем «Папюс». Работы Папюса, посвященные масонской символике¹, каббалистике², оккультизму³, гипнозу, черной и белой магии⁴, всегда пользовались большой популярностью у читающей публики. Неоднократно переиздавались они и в России. Большой вклад в становление ордена внес еще один известный оккультист — Огюст Шабосо. Что касается главы ордена мартинистов Папюса (врача по профессии), то интерес к тайному знанию он проявил еще в юности, в 1877 году вступив в Теософское общество. Вместе со Станиславом де Гуайтой Папюс был основателем «Ордена розенкрейцеров» во Франции (каббалистический «Орден Розы и Креста»). С 1897 года — член Верховного совета этого ордена. Своими духовными учителями Папюс считал мистика маркиза (титул этот был куплен им в Италии после женитьбы в конце 1870-х гг. на русской графине М.В. Келлер) Александра Сент-Ив д'Альвейдра (1842—1911) и знаменитого в то время во Франции целителя и гипнотизера из Лиона месье Филиппа (Н.А. Вашо). Несмотря

¹ Папюс. Генезис и развитие масонских символов. СПб., 1992.

² Папюс. Каббала, или Наука о Боге, Вселенной и человеке. М., 2002.

³ Папюс. Оккультизм, магия и гипноз. М., 1999.

⁴ Папюс. Черная и белая магия. Кн. 1—2. М., 1993.

на то что «Великий Восток Франции» в Великая ложа Франции, ссылаясь на недостаточное внимание его к общей посвятително-символической работе и выдвигание на первый план вопросов практического применения оккультных знаний, и отказали в признании за орденом мартинистов характера «правильной масонской организации», сам Папюс энергично настаивал на этом, ибо являлся старым масоном одной из Сведенборгских лож во Франции, представляющих собой так называемую мистическую, или оккультную, ветвь вольного каменшчества в Европе. В пользу масонского характера «Ордена мартинистов» говорит и то, что в 1908 году Папюс был избран Великим мастером лож масонского устава обряда Мемфис-Мисраим во Франции, став, таким образом, одним из преемников в этой должности великого итальянского революционера, масона Джузеппе Гарибальди (1807 — 1882) и Великого мастера Великого Востока Германии Германа Т. Рейсса¹. Масонская традиция связывает истоки учения мартинистов с деятельностью знаменитого мистика XVIII века Мартинеса Паскалиса. Большой вклад в развитие учения и становление организационной структуры внесли во второй половине XVIII века ученики и последователи Паскалиса Ж. Б. Виллермоз и Клод Сен-Мартен, именем которого и был назван орден. Декларируемая цель мартинистов вполне в масонском духе: нравственное возрождение личности и всего человечества.

Главное средство в достижении поставленной цели они видели в личном примере, в *«духовно-нравственном подъеме своих членов»*, что обеспечивалось их неустанными поисками «духовного» сближения с Божеством в лице Искупителя. Пантаклем «Ордена мартинистов» является черный круг с двумя пересекающимися треугольниками (светлую вершиною вверх и черною вершиною вниз).

Начало проникновения мартинизма в Россию относится к 1894 году, когда в Петербурге появился первый делегат

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 68, 69.

ордена, однако заметным оно становится лишь с деятельностью на этом поприще полковника графа Валериана Валериановича Муравьева-Амурского (1850—1908), брата министра юстиции и племянника известного государственного деятеля графа Н.Н. Муравьева-Амурского (1809 — 1881), от которого он и унаследовал графский титул. Еще будучи военным атташе во Франции, он увлекся оккультизмом и около 1895 года был принят в орден самим Папюсом. По возвращении из Парижа В.В. Муравьев-Амурский основывает в Петербурге в 1899 году первую в России мартинистскую ложу, подчиняющуюся Верховному совету ордена в Париже, — «Аполлония».

В начале 1900 года Папюс впервые посетил Петербург. Официально якобы для чтения лекций по оккультизму и магнетизму, фактически же с целью приобретения здесь богатых и влиятельных покровителей. Миссия эта удалась. Лекциями Папюса о магнетизме и необычайных способностях лионского старца Филиппа заинтересовались великие князья Николай и Петр Николаевичи, и особенно их жены — «черногорки» (дочери черногорского короля) Милица и Анастасия Николаевны, а уже через них узнала о нем и императрица Александра Федоровна, уже имевшая к этому времени четырех дочерей и безуспешно мечтавшая о сыне-наследнике. Папюс обещал помочь. Весной 1900 года герцогиня Лейхтенбергская Анастасия Николаевна по поручению Николая II посетила во Франции «святого» старца Филиппа Ансельм-Вашо из Лиона, чтобы убедиться в его чудотворной силе. Филипп родился 25 апреля 1849 года в Савоие в крестьянской семье и был известен во Франции к этому времени как целитель и гипнотизер. Законченного медицинского образования, как водится в таких случаях, он не имел и лечил внушением. 20 сентября 1901 года произошла личная встреча Николая II с месье Филиппом в Компьене¹, организованная все той же герцогиней Лейхтен-

¹ Бурышкин П.А. Филипп — предшественник Распутина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 40. С. 179—199.

бергской, после чего глубокой осенью того же года по личному приглашению царя почтенный старец прибыл в Петербург. По сведениям П.А. Бурышкина, первое посещение Филиппом Вашо России было непродолжительным (около двух месяцев) и ограничивалось Царским Селом, где он вместе со своей дочерью госпожой Лаланд был на попечении дворцового коменданта П.П. Гессе.

Второй визит, в ходе которого старец посетил Крым, где он жил во дворце великого князя Петра Николаевича, П.А. Бурышкин относит к осени 1902 года. В принципе, это вполне согласуется с выводом исследователей о центральной роли в этой истории доклада руководителя русской заграничной агентуры в Париже П.А. Рачковского, смело разоблачившего «святого старца» как авантюриста и агента масонов. Доклад этот стоил карьеры П.А. Рачковскому. 15 октября 1902 года он был уволен в отставку¹. Однако другой исследователь, А.М. дю Шайла, относил приезд Филиппа к осени 1903 года и даже называл точную дату его отъезда — 25 ноября². Примирить эти данные может, впрочем, предположение, что на самом деле первый визит Филиппа Вашо в Россию был более продолжительным, чем считал П.А. Бурышкин, и растянулся без малого на целый год.

Как бы то ни было, «святой старец», а именно так неизменно выставлял себя месье Филипп, сумел полностью очаровать и подчинить своему влиянию как государя, так и в особенности его суеверную супругу. Характерно, что по настоянию Филиппа Николай II повелел руководству Военно-медицинской академии в Петербурге выдать ему диплом доктора медицины. Одновременно с этим месье Филипп получил чин действительного статского советника и, по некоторым, не вполне, впрочем, подтвержденным

¹ Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998. С. 27.

² А.М. дю Шайла. Монархическая идея и действительность // Последние новости. Париж, 1921, 2 июня. С. 2.

данным, получил назначение на должность инспектора по военно-санитарной части¹.

Как отмечал в своем дневнике за 30 августа 1902 года А.А. Половцев, именно месье Филипп внушил императрице путем гипноза навязчивую мысль о ее беременности. Однако когда она показалась врачам, оказалось, что это не так. Между тем история с мнимой беременностью императрицы получила огласку². Конфуз «старца» был, казалось бы, полным, и ему не оставалось ничего другого, как собираться в дорогу. Однако перед отъездом старец вновь предсказал императрице скорую беременность и рождение сына. *«Я видела госпожу Ольгу Мусину-Пушкину несколько раз после этого, — вспоминала позже уже упоминавшаяся нами госпожа Лаланд, — и она рассказала мне, что, едуци в карете императора и императрицы, месье Филипп обещал императрице сына, и на этот раз не он, а царица поцеловала руку Учителя. У Ольги Мусиной-Пушкиной были на глазах слезы. Это обещание впоследствии исполнилось»*³. 30 июля 1904 года у царской четы появился наследник — цесаревич Алексей. Правда, до этого, в июле 1903 года, была поездка Николая II и его супруги в Саровскую пустынь и их ночные купания в святом источнике (где купался сам преподобный Серафим). Факт, однако, остается фактом: обещания месье Филиппа действительно исполнилось. Это еще больше укрепило веру и без того мистически настроенной императрицы в необыкновенные способности лионского старца, которого она стала почитать как святого.

Важно подчеркнуть, что роль Филиппа при русском дворе не ограничивалась советами по медицинской части, что хорошо видно из переписки императрицы Александры Федоровны с Николаем II. *«Это не по моей воле, а Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Григорий всегда это говорил, m-r Philippe — тоже»*, — писала она

¹ Бурыйшкін П. А. Филипп — предшественник Распутина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн.40. С. 190.

² Половцев А. А. Дневник // Красный архив, 1923. Кн. 3. С. 246—247.

³ Там же. С. 196.

своему супругу 16 июня 1915 года. Эта же тема неизменно присутствует и в целом ряде других писем государыни. *«Вспомни, что даже т-р Филипп сказал, что нельзя давать конституцию, так как это будет гибелью России и твоей. И все истинно русские говорят это»* (письмо от 14 декабря 1916 года)¹.

На медиумических сеансах по желанию царя Филипп якобы вызывал дух его отца Александра III, который советовал сыну крепить дружбу с Францией и подталкивал его к войне с Японией. Советы эти не случайны, так как Филипп был не только целителем, но и крупным оккультистом и масоном, членом Верховного совета ордена мартинистов, своего рода духовным отцом Папюса.

2 августа 1905 года Филипп умер и был похоронен в местечке Лояс. Однако в России его не забыли. Мы уже указывали на ряд писем императрицы с упоминанием о «святом старце». В одном из них она прямо характеризует Филиппа как *«одного из двух друзей, посланных нам Богом»* (под вторым другом подразумевался, конечно, Григорий Распутин). Во многом странную и не всегда разумную приверженность царя дружбе с Францией объясняли тесными связями царя с парижскими орденами мартинистов и розенкрейцеров². На роль первого оккультного советника царя после смерти Филиппа выдвинулся уже известный нам Папюс. Относительно времени его первого знакомства с царской семьей у нас нет точных данных. А.И. Серков уверенно относит его к 1900 году. Второй раз Папюс посетил Петербург уже в 1905 году³. По сведениям Мориса Палеолога, первая поездка Папюса в Петербург относится к 1902 году⁴.

¹ Половцев А. А. Дневник. // Красный архив, 1923. Кн. 3. С. 198—199.

² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории, 1990. № 10. С. 123.

³ Серков А. И. С. История русского масонства. 1845—1945. СПб., 1997. С. 70.

⁴ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 235.

Как бы то ни было, в самый разгар революции в России (октябрь 1905 года), когда для романовской династии действительно наступили черные дни, именно к нему обратил свои взоры встревоженный монарх. Срочно прибыв по его приглашению в Царское Село, Папюс уже едва ли не на следующий день устроил здесь вызывание духа Александра III. Кроме царя и царицы на этой тайной, по его словам, литургии присутствовал только один свидетель — адъютант императора капитан Мандрыка (несколько позже — губернатор Тифлиса). *«Ты должен во что бы то ни стало подавить начинающуюся революцию, — якобы заявил ему Александр III. — Но она еще возродится и будет тем сильнее, чем суровее должна быть репрессия теперь. Что бы ни случилось, бодрись, сын мой, не прекращай борьбы»*¹. В последний раз в Петербург Папюс приезжал в феврале 1906 года².

Конечно, некоторые детали изложенных здесь фактов небесспорны и нуждаются в дополнительном, в первую очередь документальном, обосновании — слишком уж они необычны для нашего, ставшего уже традиционным, восприятия личности последнего русского императора. Но сам факт увлечения Николая II и его супруги Филиппом Вашо и Папюсом, как, впрочем, и тесной связи царской семьи с этими проходимцами, не подлежит никакому сомнению.

С увлечением царской четы французскими оккультистами доктором Папюсом и месье Филиппом связана и такая сложная проблема, как прикосновенность Николая II к масонству. Ведь мартинисты, по сути дела, — те же масоны. Речь идет о так называемой «царской» ложе «Крест и Звезда» в Царском Селе, в которой якобы и посвятил месье Филипп Николая II. О времени этого посвящения единого мнения среди исследователей нет. Так, согласно сведениям Л.Д. Кандаурова, ложа «Крест и Звезда» была основана Филиппом Вашо еще в 1895 году. Но это очевидная ошибка, что подтверждается, в частности, и данными Департамента

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 237.

² Там же. С. 236.

полиции, относящими ее учреждение к 1900 году,¹ и согласуется со временем знакомства царской четы с Филиппом и последующим приглашением его посетить Россию. Согласно данным В.Л. Вяземского, Николай II лично председательствовал в ложе «Крест и Звезда», «учрежденной в Зимнем дворце под руководством опытных мартинистов Филиппа и самого Папюса»². Сведения эти Вяземский почерпнул из сочинения о Филиппе главы ордена мартинистов 1920-х годов Жана Брико.

Нелишне в связи с этим заметить, что, с точки зрения европейца (а именно такими европейски образованными людьми, воспитанными на образцах и идеалах европейской культуры, и были наши монархи в XIX веке), ничего особенного в факте посвящения в масонство не было, и для большинства из них членство в ложах и покровительство им было делом обыкновенным. Более того, масонская традиция утверждает, что в 1866 году в Копенгагене в масонскую ложу был посвящен отец Николая II, цесаревич Александр Александрович, будущий царь Александр III. Руководил его посвящением тесть, датский король Кристиан Девятый. Большого впечатления на воспитанного в национальном духе наследника российского престола масонская церемония, однако, не произвела. «Да, все это интересно, — заявил он, — но боюсь, что преждевременно в России вводить»³. Что же касается масонства или, вернее, мартинизма сына Александра, Николая II, то современный исследователь А.И. Серков полагает, что легенда о посвящении в мартинисты Николая II не имеет под собой реальной исторической основы⁴, однако доводов в пользу своего предположения не приводит. А следовало бы. Ведь сведения о пребывании Николая II в мартинистской ложе содержатся и в других источниках, в

¹ Соловьёв О. Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 167.

² Вяземский В. Л. Первая четверть века существования русского зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн. 161. С. 234.

³ Орден. Интервью главы русской масонской ложи во Франции Михаила Гардера // Политика, 1991, № 11. С. 12.

⁴ Серков А. И. Указ. соч. С. 71.

частности в брошюре кружка русских масонов в Лондоне (1928)¹. О том же сообщает в своей записке (ЦХИДК, ф. 730, оп. 1, д. 172, л. 33) и хорошо информированный Л.Д. Кандауров. *«В числе членов ложи, — пишет он, — был император Николай II. Собрания открывались и закрывались молитвословиями. Ритуал был выработан собственный. Интересовалась ложа, главным образом, вопросами религиозно-нравственными. Как говорят, созыв первой Гаагской мирной конференции (1899 г. — Б.В.) был вызван в значительной степени влиянием этой политики. Позднее царь отвернулся от оккультизма и обратился к святому Серафиму Саровскому, перестав посещать ассоциацию».* О.Ф. Соловьев склонен верить сообщениям о масонстве Николая II².

К этому же склонялся и известный русский историк Ю.В. Готье: *«Очередная беседа с А.А. Тихомировым (бывшим ректором и попечителем Московского университета), — отмечал он в своем дневнике за 12 (25) мая 1920 года, — который говорил в виде предположения, что Николай II в свое время был не без греха в масонстве и участвовал в черных мессах; он ссылался при этом на лиц, бывших близкими ко двору с заднего крыльца. Кто знает, быть может, в этом есть доля правды»*³. Сомнения, впрочем, все же остаются.

Что касается обособленности этой ложи от других мартинистских кружков и групп, то объяснить это можно ее особым положением как ложи, в которую входил сам император. В результате сношения поддерживались, главным образом, только с французской мартинистской ложей в городе Тур. В 1902—1903 гг. Николай II отворачивается, как уже отмечалось, от оккультизма и фактически прекращает посещать ложу, которая тем не менее просуществовала вплоть до 1916 года. *«Полицейские скоро напали на след мартинистов, — отмечал в своей записке Л.Д. Кандауров, — группировавшихся вокруг издававшегося в Царском Селе журнала «Ребус», среди которых было несколько великих князей*

¹ Заметки о масонстве. Лондон, 1928. С. 41.

² Вопросы истории, 1998, № 9. С. 157.

³ Готье Ю. В. Мои заметки // Вопросы истории, 1992, № 2—3. С. 151.

(Николай Николаевич, Петр Николаевич, Георгий Михайлович) и лиц, близких ко двору. Их не тронули»¹.

Как бы то ни было, громадное влияние Филиппа на Николая II и его жену не подлежит сомнению. «У Их Величеств, — вспоминала Анна Вырубова, — в спальне всегда стояла катаная рамка с засушенными цветами, данными им т. Philippe, которые, по его словам, были тронуты рукой самого Спасителя»². И дело тут совсем не в том, что у Григория Распутина, оказывается, при царском дворе был французский предшественник — месье Филипп, а в так характерном для Николая II мистически-религиозном умонастройении, которое, собственно, и довело его до Ипатьевского дома. Что уж тут говорить о масонской ложе, тем более что масонский характер мартинизма далеко не очевиден для непосвященных. Ведь основные усилия членов этого ордена направлены на овладение тайным знанием, в благих, разумеется, целях — ради спасения человечества от бедности, войн и других напастей. Что касается посвятительной традиции и ритуальной стороны в практике ордена, то ей не уделялось серьезного внимания. А ведь посвятительно-символическая работа, собственно, и составляет основу нравственного масонства. Все это позволяет некоторым исследователям характеризовать орден мартинистов лишь как формально масонскую организацию³. Такой же формально-масонской могла быть, если следовать этой логике, и прикосновенность к масонству Николая II. Несмотря на кажущуюся экзотичность, сама по себе версия о мартинизме Николая II правдоподобна и вполне имеет право на существование. Тем более что, как уже отмечалось, ближайшие родственники царя князья Николай и Петр Николаевичи (внуки Николая I и двоюродные братья Александра III), а также великий князь Георгий Михайлович (1863—1919),

¹ Острецов В. Л. Масонство, культура и русская история. М., 1998. С. 421.

² Неизвестные фрагменты воспоминаний Анны Вырубовой // Родина, 1998, № 2. С. 66.

³ Серков А. И. Указ. соч. С. 69.

будучи мартинистами высокого посвящения, продолжали свои работы в Царском Селе вплоть до 1916 года. Заядлым оккультистом был и великий князь Александр Михайлович, брат Георгия (1866—1933), возглавлявший в Петербурге накануне войны масонскую ложу розенкрейцерского толка, состоявшую из придворных аристократов.

Роль ложи—матери петербургских мартинистов в 1900-е годы играл масонский кружок актрисы императорской труппы Ольги Ивановны Мусиной-Пушкиной, куда, помимо В.В. Муравьева-Амурского, входили: ротмистр лейб-гвардии конного полка Д.Ф. Левшин, библиотекарь Зимнего дворца А.И. Леман, а также «братья», укрывшиеся за инициалами П.Н. и Н.Н. Сюда же входил и сам Папюс. Первоначально «кружок» пытался воздействовать на императорский двор через Филиппа, а после его отъезда из России действовал непосредственно через Папюса.

Видное место среди масонско-оккультных кружков и групп Петербурга этого времени занимал кружок почетного академика, ответственного редактора (с 1909 года) либерального журнала «Вестник Европы» Константина Константиновича Арсеньева (1837—1919), который, в свою очередь, состоял в тесной связи с Папюсом. В этот кружок входили бывший профессор Московского университета князь Е.Н. Трубецкой, шталмейстер двора его величества князь А.Н. Оболенский, член Государственного совета С.К. Войналович, адъютант великого князя Сергея Михайловича гвардейский капитан С.М. Война-Панченко, полковник В.Н. Андронников, княгиня В.Ф. Гагарина и др. Как и члены кружка Мусиной-Пушкиной, К.К. Арсеньев и его «братья» также стремились воздействовать на двор, в частности, через шталмейстера А.Н. Оболенского. Есть сведения и о связях кружка Оболенского с английскими (через некую Мари Поле) и американскими масонами¹. Оккульти-

¹ О членах масонско-оккультных кружков Санкт-Петербурга // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. Издание 2-е. М., 1996. С. 578—585.

ческие бдения в доме Арсеньева продолжались вплоть до его смерти в 1919 году¹.

В связи с масонскими бдениями у К.К. Арсеньева в Петербурге стоит, очевидно, упомянуть и о аналогичном кружке в Москве. Возглавлял его тоже Арсеньев. Правда, не Константин Константинович, а Василий Сергеевич (1829—1915). Как и его петербургский родственник и собрат, он также был потомственным масоном. Ведь отец его входил в свое время в ближайшее окружение самого Н.И. Новикова. Мать была дочерью известного масона В.Д. Комынина. Масоном был и дядя матери Л.В. Левшин. Несмотря на то что масонство в николаевское время официально как бы и не существовало, обстоятельство это нисколько не помешало В.С. Арсеньеву вступить в 1850 году в ложу.

Но вернемся в оккультно-масонский Петербург начала века. Из других кружков и групп этого времени здесь можно отметить еще и так называемую «масонскую фракцию» «Денница», куда входили уже известные нам О.И. Мусина-Пушкина, М.И. Доможирова (вдова контр-адмирала), частный поверенный Б.В. Никольский, И.Н. Семенов (муж известной писательницы В.И. Крыжановской) и ряд других лиц.

Особый интерес вызывает дьявологическая ложа «Люцифер» (1910—1916), принадлежавшая к московскому капитулу ордена розенкрейцеров («Астрея»), куда входили увлекавшиеся декадансом представители творческой интеллигенции, среди которых были поэты-символисты: Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Белый, А. Петровский, а в период работы над мистической пьесой «Роза и Крест», возможно, и Александр Блок².

В январе 1906 года В.В. Муравьев-Амурский опубликовал в ряде газет («Русское слово», «Русские ведомости») объявления о вызове им лиц, желающих вступить в масонские ложи, и получил в ответ на свое приглашение 63 письма.

¹ Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 309—312.

² Берберова Н. Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986. С. 23.

В числе отозвавшихся был и внук масона александровского времени (лога «Соединенные друзья») судебный исполнитель из города Владимира Петр Михайлович Казначеев (р. в 1854 г.). В 1907 году В.В. Муравьев и его ближайший помощник М.К. Исаев лично прибывают во Владимир с целью посвящения в мартинисты как самого П.М. Казначеева, так и его сына Дмитрия, а также жену и дочь Петра Михайловича. Одновременно в мартинисты были посвящены и братья К. и М. Соковнины¹. Так во Владимире летом 1907 года возникла еще одна мартинистская ложа — «Святого Иоанна».

Тем не менее общее число мартинистов в России было крайне незначительным. Так, даже в Петербурге во времена Муравьева число членов его кружка едва превышало 10 человек. Можно поэтому констатировать, что распространение мартинистских лож в России того времени не подкреплялось сколько-нибудь серьезной работой по руководству их деятельностью со стороны Генерального делегата ордена для России графа В.В. Муравьева-Амурского, относившегося к своим обязанностям весьма своеобразно: лож он не открывал, посвятительных тетрадей не вручал и посвящал сам без всякого ритуала и часто сразу в третью степень. Кроме того, граф много играл на бирже, причем котировку бумаг предыдущего дня ему безошибочно угадывала постоянно сопровождавшая его женщина-медиум.

Возникшие на этой почве недоразумения В.В. Муравьева с Папиусом, которого он обвинил в люциферанстве, привели к тому, что незадачливый граф, связывавший свои неудачи в биржевой игре с происками сатанистов, вынужден был в 1907 году оставить должность. Ушел из ордена и его помощник М.К. Исаев, правда не к профанам, а в берлинский «Орден иллюминатов», отделение которого было открыто в Петербурге в 1908 году. Среди первых членов этого ордена был, в частности, известный переводчик сочинений Папиуса на русский язык А.В. Трояновский².

¹ Серков А. И. Указ. соч. С. 74.

² Там же. С. 75.

Должность руководителя русских мартинистов оставалась вакантной вплоть до 2 мая 1910 года, когда Генеральным делегатом ордена в России был назначен хиромант и спирит, автор популярных брошюр по этой теме («Страдания самоубийцы в потустороннем мире». СПб., 1910; «Графология». СПб., 1903, и др.) граф Чеслав Иосифович Чинский.

Родился он в 1858 году в Варшавской губернии. До 1890 года жил в Кракове, выдавая себя за гипнотизера. В марте 1893 года был выслан из Пруссии, после чего поселился в Дрездене. Лечил дам «бальзаковского возраста» наложением рук на живот. С женой не жил. Неприятности у Чинского начались после того, как, соблазнив баронессу Ядвигу Цедеш, он вступил с ней в фиктивный брак под именем пастора Веретемана. В дело вмешались, однако, отец и брат потерпевшей, подавшие на Чинского в суд. Вердикт суда (17—20 декабря 1894 года, Дрезден) был суров: три года тюрьмы и «потеря чести» на пять лет.

В Петербурге Ч.И. Чинский появился еще в 1906 году. Здесь под псевдонимом Пунар-Бхава он публиковался в «Биржевых ведомостях». За умеренную плату предсказывал будущее и подавал советы на все случаи жизни. Имел хорошую клиентуру, состоявшую в основном из состоятельных дам романтического унастроения¹.

В Петербурге делегат ордена поселился по адресу Кузнечный переулок, дом 16/19, в квартире Е.К. Лосской, вдовы присяжного поверенного, с которой, по сведениям Департамента полиции, видимо, и сожительствовал.

Главная задача, которая стояла перед ним, заключалась в объединении мартинистских лож в стране в рамках единой организации — русского отделения ордена, в связи с чем уже 9 июля 1910 года он представил петербургскому градоначальнику заявление с просьбой о легализации мартинизма в России². Впрочем, не дожидаясь разрешения, ко-

¹ Ухтубжский П. Процесс Чинского // Земщина, 1910 г, 11 октября. С. 2; См. также: Процесс Чинского в истинном свете. СПб., 1908.

² О деятельности масона-афериста Ч. Чинского // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. Издание 2-е. М., 1996. С. 593.

торое так и не последовало, Чинский стал открывать ложи явочным порядком, щедро раздавая высокие масонские степени своим новым знакомым. К этому времени относится знакомство Чинского с выходцем из Лифляндии (родился 2 ноября 1868 года в Риге) бароном Григорием Оттоновичем Мебесом — наиболее серьезным и глубоким из оккультистов России.

Его отцом был офицер лейб-гвардии егерского полка флигель-адъютант полковник Оттон Карлович Мебес (из дворян Лифляндской губернии, родился 31 октября 1835 года). В службу О.К. Мебес вступил унтер-офицером в лейб-гвардии егерский (Гатчинский) резервный полк в 1855 году. В 1874 году произведен в полковники с оставлением в звании флигель-адъютанта. 12 октября 1877 года в должности командира батальона убит в ходе боевых действий под селом Телин в Болгарии¹.

Матерью Г.О. Мебеса была дочь Санкт-Петербургского 1-й гильдии купца Ольга Григорьевна Жукова. Кроме Григория, в семье Оттона Карловича было еще двое детей: дочь Лидия (1873) и сын Алексей (1877). Несмотря на то что сам О.К. Мебес был лютеранином, дети его были крещены уже по православному обряду.

Среднее образование Г.О. Мебес получил во 2-й Санкт-Петербургской гимназии и в 1887 году оказался на физико-математическом факультете (отделение математических наук) Санкт-Петербургского университета². После окончания его (1891 год) работал учителем математики в средних учебных заведениях. Однако подлинной страстью Г.О. Мебеса была все-таки не математика, а так называемое «тайное знание», изучению и пропаганде которого он посвятил всю свою жизнь. Глубокий ум, прекрасное знание древних языков (греческий, латинский, древнееврейский), не говоря уже о языках новых, а также солидная математическая

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 26112 (личное дело студента Мебеса Григория). Л. 7—9.

² Там же. Л. 1—2.

подготовка позволили ему создать фундаментальный «Курс энциклопедии оккультизма» в двух томах (вышел в 1913-м) — наиболее серьезное пособие по этому предмету не только в русской, но и западноевропейской оккультной литературе того времени.

В 1906—1917 годах Г.О. Мебес — преподаватель математики в Пажеском корпусе и Николаевском кадетском корпусе. Его женой была Ольга Евграфовна Нагорнова, с которой он порвал в 1912 году, что не помешало ей играть впоследствии видную роль в мартинизме. *«Худой, очень некрасивый, с каким-то немного перекошенным лицом, с пенсне на носу»¹*, Г.О. Мебес являл собой пример ученого поистине энциклопедических знаний. *«Вся внешность Григория Оттоновича, — пишет А.М. Асеев, — производила впечатление внутренней силы. Крупный, с широкими плечами, немного сутулый, резкие черты лица, с тяжелым горбатым носом и густыми бровями, нависшими над спокойными и всегда внимательными серыми глазами, густыми усами и клинообразной бородкой. Цвет волос рыжий, с проседью. Обычно был одет в черный сюртук. Манеры имел спокойные и несколько старомодные, говорил изысканно вежливо, зачастую вставляя в речь шутку»²*.

Серьезное отношение Г.О. Мебеса к оккультизму и глубина его познаний в этой области произвели впечатление на Чинского, и, недолго думая, он предложил ему степень «Неведомого начальника» (полное мартинистское посвящение) и почетный диплом доктора герметизма Высшей герметической школы в Париже. В конце 1910 года Г. Мебес становится Генеральным инспектором (секретарем) петербургского отделения ордена, Генеральной ложей которого (ложа-мать) стала Великая ложа Аполлония Тианско-

¹ Серков А.И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 78.

² Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, № 2. С. 33.

го, объединявшая вокруг себя малые ложи. В том же году 5 августа уже сам Г.О. Мебес официально открывает во Владимире мартинистскую ложу «Апостола Иоанна». Основной костяк ее составила уже известная нам семья Казначеевых и их ближайшие друзья и родственники. В 1911 году в связи с переездом Казначеевых в Москву ложа «Святого Иоанна» также была перенесена в первопрестольную.

Деятельным членом ложи «Святого Иоанна» в Москве была актриса Л.Д. Рындина — жена известного политического масона С.А. Соколова. Большой интерес к деятельности московских мартинистов проявил уже известный нам патриарх русского масонства В.С. Арсеньев, сохранивший в своем архиве многие рукописи московских розенкрейцеров XVIII века. Основываясь на этих контактах русских мартинистов начала XX века, известный писатель-масон Ю.К. Терапиано даже писал, что благодаря знакомству П.М. Казначеева с В.С. Арсеньевым якобы произошло символическое слияние русского масонства новиковского толка с орденом мартинистов¹, что, конечно же, большая натяжка.

Существовала еще и третья мартинистская ложа — «Святого Андрея» в Киеве, которой руководил С.К. Маркотун. Известно также о существовании русской мартинистской ложи в Маньчжурии, которая, впрочем, скоро была «усыплена»².

Широкая известность Ч.И. Чинского привлекла внимание царя. Прибыв в октябре 1910 года по его приглашению в Царское Село, Ч.И. Чинский, как и его предшественник аббат Филипп, стал вызывать дух Александра III. Облачившись в ритуальные одежды мага и заключив царя вместе с присутствующими в магический круг, с мечом в руке Ч.И. Чинский силился вызвать потустороннюю силу, определяющую судьбу России. В конце концов ему это удалось, и дух предсказал Николаю II великую войну и невиданные потрясе-

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 78—79.

² Заметки о неомартинизме // Музей истории религии (Санкт-Петербург). Р.О. Колл. II. Д. 14. Л. 1—4.

ния империи. Когда же заинтригованный царь осведомился о собственной судьбе и стал настаивать на ответе, то, как вспоминал позднее Чинский, раздался страшный шум, потух свет и магический алтарь опрокинулся. Царь был разочарован.

Это обстоятельство, а также скандальная слава, которую приобрел Чинский своими денежными аферами, привели к тому, что он был выслан в 1911 году под гласный надзор полиции в Белозерский уезд Новгородской губернии, где у него было имение Кочево. Продав его вскоре за 40 тысяч рублей, Чинский в декабре 1913 года покидает Россию. Воспользовавшись этим, Г.О. Мебес постарался избавиться от опеки парижских руководителей, объявив в августе 1912 года о провозглашении независимости русских мартинистов. Возглавляемую им ложу «Аполлония» Г.О. Мебес (посвятительное имя Butator) объявил великой ложей (Великий совет России). В ответ на это его начальник Ч.И. Чинский немедленно отстранил Г.О. Мебеса от дел. Управляющим Российской верховной делегацией ордена им был назначен П.М. Казначеев, который тут же выдал патент С.К. Маркотуну на учреждение ложи «Святого апостола Андрея» в Киеве. Окончательно ситуация прояснилась только к концу 1912 года, после официального сообщения Г.О. Мебесом Папюсу о своем разрыве с ним и учреждении в России самостоятельного ордена под названием «Автономный разряд мартинизма русского послушания» во главе с «Невидимым магистром».

В 1913 году петербургские мартинисты во главе с Г.О. Мебесом образовали особую автономную цепь О.М.О.Р. с ярко выраженной тамплиерской окраской. В 1916 году она была преобразована в «Орден мартинистов восточного послушания». Управлялся орден «Невидимым магистром», или Отцом (Г.О. Мебес). Его официальным представителем был ученик Г.О. Мебеса генерал-инспектор И.К. Антошевский (посвятительное имя Гиацинтус). Летом 1917 года, когда И.К. Антошевский был убит, его сменил в этой должности другой ученик Мебеса — В.В. Богданов. Капитул ор-

дена состоял из семи лиц. Официальным печатным органом русских мартинистов был оккультный журнал «Изида».

Противоречия между петербургскими и московскими «братьями» имели принципиальный характер. Если П.М. Казначеев во главу угла ставил посвятительную традицию, что сближало его с философским или нравственным масонством, то Г.О. Мебес приоритетным для себя и своих учеников считал овладение оккультным знанием. На фоне подчеркнуто корректного отношения к христианству со стороны москвичей открыто антихристианская направленность оккультических бдений петербуржцев бросалась в глаза. Тем временем в 1915 году в Варшаве во время вступления туда немцев лишился рассудка Ч.И. Чинский, и управление русской делегацией ордена мартинистов перешло к П.М. Казначееву¹.

Декларативная цель, которую ставили перед собой русские мартинисты, заключалась в том, чтобы, с одной стороны, подготовить идущего к Высшему посвящению (программа-максимум), а с другой — расширить среднее эзотерическое образование не признанных достойными посвящения.

А.М. Асееву принадлежит версия, согласно которой все три главные ветви русского посвятительного движения: масонство, мартинизм и розенкрейцерство — существовали в виде отдельных и самостоятельных организаций. Однако руководил ими один и тот же человек — Г.О. Мебес. Нечего и говорить, что все три ордена работали в тесном контакте друг с другом и входили в них зачастую одни и те же лица. Мартинистские и розенкрейцерские ложи располагались, по сведениям А.М. Асеева, на квартире Г.О. Мебеса в Песках и были прекрасно обставлены². Комментатор текста А.М. Асеева Н.А. Богомолов отмечает, однако, что на самом деле квартира Г.О. Мебеса находилась не в Песках, а

¹ Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 83.

² Асеев А. М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, № 2. С. 33.

на углу Греческого проспекта и 5-й Рождественской. Это действительно так. К сожалению, Богомолов не учитывает того обстоятельства, что в 1917—начале 1918 года Г.О. Мебес действительно жил некоторое время в Песках, где учительствовал. Все это указывает на то, что А.М. Асеев был весьма и весьма хорошо информирован, и информации его можно, следовательно, доверять. Хотя вывод его, что Г.О. Мебес якобы был негласным руководителем посвячительного движения в России не только начала века, но и в 1920-е годы, — явное преувеличение. Другое дело, что и масоны, и мартинисты, и розенкрейцеры, в сущности говоря, звенья одной цепи — они всегда работали и работают в тесном контакте друг с другом. Скрытная деятельность их в России, а затем и в СССР продолжалась вплоть до 1925 года, когда ими всерьез заинтересовался ОГПУ¹.

Стоит отметить, что за эти годы как московские, так и петербургские мартинисты проделали немалую эволюцию, суть которой заключалась во все большем и большем сближении их с масонами. Первый шаг в этом направлении был сделан с принятием в 1912 году в Италии известного киевского мартиниста С.К. Маркотуна в 18-ю шотландскую степень масонства. П.М. Казначееву же, как фактическому руководителю московской ветви ордена, и вовсе была присвоена высшая, 33-я степень шотландского масонства.

На основании патента, выданного Великой ложей Италии, работала с 1914 года и киевская ложа «Нарцисс» (шотландский устав). В 1917 году под ее руководство перешли и «братья» из ложи «Соединенные славяне». Ей же подчинялся и ряд лож в провинции («Кирилл и Мефодий» в Полтаве и «Иордан» в Феодосии). Председательствовал в ложе все тот же С.К. Маркотун. Среди ее членов были Ю.К. Терапиано и П.П. Скоропадский. В 1916—1917 гг. дело дошло и до официального учреждения мартинистами настоящих масонских лож.

¹ Петербургские мартинисты 1910—1925 гг. Публ. В.С. Брачева // Отечественная история, 1993, № 3. С. 177—182.

В сентябре 1917 года киевская ложа «Андрей Первозванный» провозгласила себя Великой ложей Украины и существовала в качестве таковой на территории СССР вплоть до 1933 года. Любопытно, что среди ее членов были такие небезызвестные в отечественной истории деятели, как гетман Украины (1918 год) Павел Петрович Скоропадский и председатель Директории Украинской народной республики (с февраля 1919 года) Симон Васильевич Петлюра. Последний даже подвизался некоторое время (1919 год) в качестве великого мастера этой ложи¹.

В апреле 1917 года такая же ложа — «Семен Гамалея к кубическому камню» — была учреждена и в Москве. Кроме П.М. Казначеева, первыми членами ее стали Ю.К. Терапиано, переведенный как офицер в один из московских полков, и Леон Гольторп. Официальное открытие ее пришлось, однако, отложить на октябрь 1917 года, когда членами ложи стали барон А.Ф. Каульбарс, генерал И. Новицкий, Л. Хорват, Н.А. Назарьев и Ф.И. Шилов². Официальные заседания ложи «Семен Гамалея к кубическому камню» были прекращены 13 июня 1918 года. Неофициальные же работы «братьев» продолжались до 1920 года³. Знали об их существовании и масоны Великой ложи Франции, отправившие в 1923 году в Советскую Россию через масона Н.П. Вакара ряд вещевых посылок «братьям» в качестве сильной гуманитарной помощи⁴. Заслуживает внимания и то, что к «Великому Востоку Италии» принадлежал и один из руководителей петербургских мартинистов в 1918—1919 годах Борис Викторович Кириченко (Астромов).

Недостаточное внимание Г.О. Мебеса, Б.В. Астромова и

¹ Серков А. И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1140.

² Серков А. И. История русского масонства. 1845—1945 гг. СПб., 1997. С. 83—84.

³ Там же. С. 84.

⁴ Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 185.

некоторых других руководителей оккультно-масонских кружков и групп начала века к посвятителю традиции позволяет отнести созданные и возглавляемые ими организации: «Орден мартинистов восточного послушания» (1912 г.), «Мартинезический разряд строгого восточного послушания» (1919 г.), «Автономное русское масонство» Б.В. Астромова, «Орден мартинистов» во главе с П.М. Казначеевым — не столько к масонским, сколько к парамасонским образованиям, считает А.И. Серков. Впрочем, в принципиальном плане суть дела от этого не меняется.

4. ОТ «СВЯТОЙ СОФИИ» К «ЛЮЦИФЕРУ»: ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Спириты, теософы, розенкрейцеры, мартинисты не скрывают антиправославной, шире — антихристианской сущности своего учения. Сложнее обстоит дело с софианством или неоправославием, подрывающим под предлогом требований реформ православную церковь изнутри. Связь софианцев с масонством и розенкрейцерством не подлежит сомнению¹. Софианство произошло из «семян, упавших с символической Розы и проросших в плодородной почве современного общества»; — отмечал Ю.П.Граббе².

Вопросом о розенкрейцерских истоках софианства занимался в свое время и П.А. Бурыйшкин. «Вряд ли это можно утверждать, — пришел он к выводу, — если не считать антропософию своего рода розенкрейцерством, а самого Штейнера — прежде всего рыцарем Креста и Розы. Но косвенное влияние, может быть, и было»³. В том-то и дело, добавим мы от себя.

¹ Нефедьев Г.В. Русский символизм и розенкрейцерство // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 51. С. 167—195.

² Граббе Ю. П. Корни церковной смуты. Белград, 1927. С. 5.

³ Бурыйшкин П. А. Розенкрейцерские истоки софианства // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 462.

Основоположник учения о Святой Софии — Владимир Соловьев (1853—1900), обладая гениальным умом, представлял собой, в то же время, как полагают некоторые исследователи, «врожденно неполноценную личность с несомненными психопатическими чертами психической дегенерации. На слабых плечах своей телесной и нервно-психической неполноценности нес он тяжкое бремя яркой гениальности. Рано пробудившаяся и, «как жало во плоть», всю жизнь мучившая Соловьева патологическая эротика, вместе с тлетворными влияниями неправославной, нецерковной мистики, извратили его религиозный мистический опыт, пленили его в прелесть и увели в бесконечность блужданий в поисках истины — вне церкви»¹.

Даже если согласиться, что присоединение В.С. Соловьева к католической церкви 18 февраля 1896 года (в Москве, в домашней часовне о. Н.А. Толстого) было канонически неправильным, одна его идея «соединения церквей» (уния), не говоря уже о его учении о Святой Софии, ясно показывает, насколько далеко ушел он от ортодоксального, охранительного православия в духе отца Иоанна Кронштадтского.

Начитавшись в юности статей Д.И. Писарева, В.С. Соловьев глубоко проникся духом «шестидесятнического» нигилизма и утилитаризма. «Но если Д.И. Писарев и Н. Добролюбов покушались только на искусство, пытаясь поставить и его на службу прогрессу, превратив каждое стихотворение в политическую прокламацию, то Соловьев пошел еще дальше. Он захотел саму религию заставить таскать каштаны для либералов-общественников. Его грандиозный синтез, — пишет современный исследователь, — был задуман с одной-единственной целью — мобилизовать все ресурсы, даже попусторонние, на службу посястороннему прогрессу»². Как

¹ Андреев (Андреевский) И.М. Очерки по истории русской литературы XIX века. Вып. 1. Джорданвилль, 1968. С. 301.

² Соболев Альберт. Владимир Соловьев и о. Георгий Флоровский // Россия. XXI. 2000, № 4. С. 116.

мыслитель В.С. Соловьев исповедовал теорию Богочеловечества, согласно которой человек как соработник Божий должен самым активным образом участвовать в так и не закончившемся еще до конца процессе сотворения мира.

«Это, — писал сам В.С. Соловьев, разъясняя свое учение о Святой Софии, — мы с Богом, как Христос есть Бог с нами. Понимаете разницу? — Бог с нами, значит, он активен, а мы пассивны! Мы с Богом — наоборот, он тут пассивен, он — тело, материя, а мы — воля, дух»¹.

Но именно это-то как раз и требовалось по условиям того времени, таков был тогдашний, говоря языком нашего времени, «идеологический заказ». Отсюда и энтузиазм поклонников В.С. Соловьева, не жалевших усилий для пропаганды «модернизированного православия» своего кумира. Не смутило их и появление некой Анны Шмидт, объявившей себя в 1900 году «тварным воплощением» Святой Софии, а Владимира Соловьева — земным воплощением Иисуса Христа, чего тот, правда, не признал².

Характерно, что в качестве «тварного воплощения» Святой Софии у каждого софиолога был, как говорится, свой персонаж женского пола. Если для Андрея Белого воплощением Подруги Вечной выступала Маргарита Кирилловна Морозова (урожденная Мамонтова — жена промышленника и мецената М.А. Морозова), которую он впервые увидел на симфоническом концерте в 1901 году (само знакомство произошло только в 1905 году), то у Александра Блока в качестве таковой выступает Незнакомка, Прекрасная Дама — Л.Д. Менделеева, вдохновлявшая в те годы его поэтическую музу.

31 июля 1900 года В.С. Соловьев умер. Это дало сигнал для возникновения среди его поклонников небольшого кружка, члены которого ставили своей задачей развитие и

¹ Соболев Альберт. Владимир Соловьев и о. Георгий Флоровский // Россия. XXI. 2000, № 4. С. 116—117.

² Из рукописей Анны Николаевны Шмидт. С письмами к ней Владимира Соловьева. М., 1916.

популяризацию учения о Святой Софии. Собирались они в Москве в доме брата знаменитого философа, Михаила Сергеевича Соловьева. Среди членов кружка — поэт Андрей Белый, А.С. Петровский, С.Н. Трубецкой, Л.Л. Кобылинский (Эллис), сын М.С. Соловьева — поэт С.М. Соловьев. Бывали здесь и В.Я. Брюсов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус.

Центральной идеей, объединявшей этих людей, являлось учение Владимира Соловьева о Святой Софии¹ как женственном начале в Боге, неустанными поисками «познания» которого они и занялись. Что же касается подходов к проблеме, то здесь его участники разошлись. Если одних интересовала ее преимущественно религиозно-философская сторона, базировавшаяся на учении гностика II в. н. э. Валентина, то другие, напротив, переноса Святую Софию в область идейно-политическую, усматривали ее проявление в приближающейся революции в России.

Задача, которую они перед собою ставили, заключалась в идейной подготовке приближающегося революционного взрыва. Революции социально-политической, утверждали они, должна предшествовать «революция духа». Судя по тому, что в феврале 1917 года Русь, по выражению В. Розанова, «слиняла за три дня», отрицать вклад «революционеров сознания» в крушение исторической России не приходится.

Тем временем в 1903 году умирает М.С. Соловьев, и на месте его кружка возникает новая организация — «Братство Аргонавтов», намекающее на древнегреческий миф о героическом путешествии в поисках золотого руна на корабле «Арго». Председателем «Арго» был поэт Андрей Белый. Среди членов — философы и поэты Л.Л. Кобылинский (Эллис), С.М. Соловьев, Г.А. Рачинский, П.И. Астров, А.С. Петровский, В.В. Владимиров, А.С. Челищев, М.А. Эртель, которые и составляли его основное ядро. Кроме них, собра-

¹ Бонеецкий Н. К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии, 1995, № 7.

ния «Аргонавтов» посещали поэты К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис, философы М.О. Гершензон, Г.Т. Шпет, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн и другие.

В идейном плане «Аргонавты» были продолжателями кружка М.С.Соловьева. Святая София, согласно их представлениям, «открывается» только индивидуумам, коллективному сознанию она недоступна. Индивидуум созерцает ее как владычицу мира, в мистическом восприятии она — «душа мира», но может раскрыться и как «душа человечества». Ее откровения могут гласить и народам:

С «Братством Аргонавтов» были тесно связаны русские символисты с характерным для них мистическим восприятием культуры (Д.С. Мережковский, В. Брюсов, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, А. Белый и др.). У Д. Мережковского и З. Гиппиус это вылилось в поиски некой новой религии, у Вячеслава Иванова и Андрея Белого — в разработку теории символов как знамения и средства выражения новой реальности. Близок к «Аргонавтам» был и Александр Блок, хотя, живя в Петербурге, он не посещал их заседаний. У Блока, отмечал А. Белый, едва ли не раньше других «братьев» «выработалось конкретное учение о Софии», в котором он исходил из гностической системы Валентина¹.

«Для нас символизм, — писал в 1909 году Л.Л. Кобылинский (Эллис), — дорог более всего как путь освобождения, неизбежно ведущий нас к единству воли и знания и к примату творчества над познанием. Этим он сближается с сокровенным ядром последних глубоких мистических учений и великих религий, с заветнейшими устремлениями и положениями оккультной науки и практики, превращая самых высших из среды своих последователей в жрецов как бы новой религии, посвященных в Откровения, высочайшие среди всех в наши дни»².

¹ Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея. Т. I. М., 1922. С. 149, 164.

² Эллис (Кобылинский Л.Л.). Культура и символизм // Веса, 1909, № 10—11. С. 108.

«Аргонавты» не были тайной организацией или тайным союзом, но намерения создать его у них были, как это хорошо видно из письма Андрея Белого к Э.К. Меттнеру от 26 марта 1903 года, где он не только выражает такое желание, но и указывает на цель этого *«негласного общества (союза) — во имя Ницше — союз аргонавтов. Цель эзотерическая — путешествие сквозь Ницше в надежде отыскать золотое руно»*¹.

Использование «Аргонавтами» мифа о золотом руне, под которым алхимики понимают обычно полное описание герметических работ, ведущих к получению философского камня, весьма показательно. Так же как и то, что «золотым руном» мистики называют обычно готовую для «делания» материю².

Говоря об «Аргонавтах», следует иметь в виду, что это была свободная ассоциация людей искусства, литературы и науки, не связанная каким-либо уставом и не имеющая четко обозначенных контуров. А отсюда и непрочность, недолговременность этого объединения. В 1910 году кружок «Аргонавтов» прекратил существование.

«Аргонавты» — это, пожалуй, одно из самых известных и представительных мистических сообществ так называемой творческой интеллигенции России предреволюционного времени. Были и другие, причем в ряде случаев весьма курьезные. Так, например, писатель Алексей Михайлович Ремизов (1871—1957) взял да и основал в 1907 году оккультный кружок «Обезьянья Великая и Вольная Палата» («Обезвеволпал»), члены которой поставили своей целью бороться («мыслью и идеей», разумеется) с «гнусным человеческим лицемерием». В кружок входили историк П.Е. Щеголев, писатели М.М. Пришвин, В.Я. Шишков, А.Н. Толстой и Е.И. Замятин³.

¹ Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 108.

² Нефедьев Г.В. Русский символизм и розенкрейцерство. Статья вторая // Новое литературное обозрение, 2002, № 4(56). С. 151.

³ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 409—410.

Одновременно с московским кружком «Аргонатов» и в тесной связи с ним работали и петербургские софианцы, группировавшиеся вокруг Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, квартира которых получила среди «братьев» название «логовище мысли». Здесь собирались С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.В. Карташев, А.С. Аскольдов, И.М. Андреевский, Д.В. Философов, А.М. и С.П. Ремизовы, В.В. Розанов. Одной из излюбленных тем этой публики была теория «брака трех» (*menage en trois*), горячим пропагандистом которой выступал, в частности, Д.С. Мережковский.

Практическим воплощением этой идеи была некоторое время «тройка» — А.А. Блок, его жена Л.Д. Блок (Менделеева) и Борис Бугаев (Андрей Белый). *«Л.Д. мне объясняет, — отмечал в связи с этим А. Белый, — что Александр Александрович ей не муж; они не живут как муж и жена; она его любит братски, а меня подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен ее развести с Александром Александровичем и на ней жениться; я предлагаю ей это; она — колеблется, предлагая мне, в свою очередь, нечто вроде menage en trois, что мне несимпатично. Мы имеем разговор с Александром Александровичем, где ставим вопрос, как нам быть. Александр Александрович молчит, уклоняясь от решительного ответа, но как бы давая нам с Любовью Дмитриевной свободу...»*¹

Да и что ему оставалось делать, если, по признанию самой Любови Дмитриевны, «короткая вспышка чувственного его увлечения мной в зиму и лето перед свадьбой скоро, в первые же два месяца, погасла, не успев вырвать меня из моего девического неведения, так как инстинктивная самозащита понималась Сашей всерьез»². По авторитетному свидетельству Андрея Белого, в интимном плане А. Блок был извращенец, неспособный на нормальный половой акт, и большой любитель так называемых «ночных фиалок». Интересующихся вопросом о том, что скрывается за этим специфици-

¹ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 468.

² Блок Л. Д. И были, и небылицы о Блоке и о себе // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 74.

ческим термином, мы отсылаем к мемуарам Р. Гуля¹. Сказанное, как представляется, вполне оправдывает многочисленные любовные увлечения Л.Д. Блок. Наиболее сильное из них — К.Н. Кузьмин-Караваев, от которого она родила сына (это при живом-то муже, Александре Блоке!). Ребенок умер в 1912 году.

Любопытный штрих на тему нравственного облика этой богемы «серебряного века русской культуры» приводит в своих воспоминаниях поэт Максимилиан Волошин. Поэт Эллис (Л.Л. Кобылинский) заговорил *«при Брюсове: почему Вячеслав Иванов так восторгается Городецким (С.М. Городецкий, поэт. — Б.В.). — Брюсов ответил ему: «Знаете, Лев Львович, нельзя быть таким наивным. Кто не знает, в каких отношениях Вячеслав Иванов и Городецкий?» — Эллис не вполне поверил и спросил приехавшего В.Ф. Нувеля. Тот засмеялся ему в лицо: «Вы совсем наивное дитя, несмотря на ваш голый череп. Наша жизнь — моя, Кузьмина, Дягилева, Вячеслава Иванова, Городецкого — достаточно известна всем в Петербурге»².*

Это было время, когда отношения Андрея Белого и четы Мережковских были наиболее близкими. *«Они приняли меня на свои тайные моления; их малая община имела свои молитвы, общие; было 2 чина; 1-й: чин ежедневной вечерней молитвы; и 2-й: чин служб: этот чин свершался приблизительно раз в 2 недели, по «четвергам»; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором были поставлены плоды и вино; горели светильники; на Мережковском и Философове были надеты широкие пурпурные ленты, напоминающие епитрахили. В числе участников «четвергов» в это время были: Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташев, я, Татьяна Николаевна Гиппиус, Наталья Николаевна Гиппиус; вот и*

¹ Гуль Р. Я унес Россию // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн. 161. С. 10.

² Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 269.

все; Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяева и Волжского; но те скоро отошли от них»¹.

Господствовавшая у Мережковских атмосфера «кадетской религиозной общественности» и «абстрактное направление» их кружка² не вполне устраивали его членов. Во главе «оппозиции» встал В.И. Иванов, организовавший в ноябре — декабре 1905 года новое «братство», которое и становится с этого времени центром софианской жизни Петербурга. Помимо организаторов кружка (В.И. Иванов, А. Белый, А. Блок), собрания на квартире Иванова («Башня») посещали также А.Н. Бенуа, Н.С. Гумилев, Е.В. Аничков, В.А. Пяст, С.М. Городецкий, Лев Шестов, А.С. Аскольдов, Н.О. Лосский, А.Р. Минцлова³.

Если московские «Аргonautы» ставили перед собой мистико-теургические задачи, то в Санкт-Петербурге господствовали концепции мистического анархизма Г. Чулкова, соборности и дионисийский мистицизм Вячеслава Иванова⁴.

Собирались «братья», как правило, по средам⁵. Хорошее представление о «творческой атмосфере» собраний в «Башне» Вячеслава Иванова дают воспоминания одной из участниц их Е.Ю. Кузьминой-Караваевой. *«Вся Россия спит. Полночь. В столовой много народа... Мы не успели еще со всеми поздороваться, а уже Мережковский кричит моему мужу: «С кем Вы — с Христом или Антихристом?» Спор продолжается. Я узнаю, что Христос и революция неразрывно связаны, что революция — это раскрытие Третьего Завета. Слышу*

¹ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 672.

² Записки петербургских религиозно-философских собраний (1902—1903). СПб., 1906.

³ Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея. Т. III. М., Берлин, 1922. С. 173.

⁴ Нефедьев Г. В. Русский символизм и розенкрейцерство. Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2002, № 4(56). С. 162.

⁵ Из оккультного быта «Башни» Вяч. Иванова // Богомоллов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 311—334.

бесконечный поток последних серьезнейших слов. Передо мной как бы духовная обнаженность, все наружу, все почти бесстыдно. Потом Кузмин поет под собственный аккомпанемент дивные стихи. Потом разговор о греческих трагедиях, об «орхестре», о Дионисе, о православной церкви. На рассвете поднимаемся на крышу...»¹

Помимо обычного для таких собраний чтения рефератов на религиозно-философские темы, случались на «средах» В.И. Иванова и масонские оргии, известные как «Дионисово действие». Во время черной смуты 1905 года, с укоризной отмечал в связи с этим В.Ф. Иванов, наши «богоискатели» и рыцари Св. Софии создавали «христианские братства борьбы» и оправдывали «освободительное движение» с его ложью, грязью, насилием и кровью.

«Мы были свидетелями, когда самые выдающиеся представители нашей интеллигенции, пресловутый «мозг страны», устраивали мистерии с музыкой, песнями, плясками и вином, причащались кровью, выпущенной из музыканта-еврея, и посвящали восторженные стихи дьяволу»², — писал он. Факт, как оказалось, действительно имевший место 2 мая 1905 года на квартире петербургского литератора Николая Минского (Виленкина). «Где-то кого-то кололи булавкой и пили его кровь, выжатую в вино, под флагом той же мистерии — это только смешило», — свидетельствует в связи с этим Андрей Белый»³.

Кроме самого Вячеслава Иванова⁴ (в 1926 г. перешел в католичество), активное участие в работе кружка принимала и его жена — Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Разыгрывая из себя дионисийскую натуру, она принимала своих гостей в «Башне» не иначе как в красном хитоне. *«Об этой женщине, —*

¹ Кузьмина-Караваева Е. Ю. Встречи с Блоком (к пятнадцатилетию со дня смерти) // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб., 2000. С. 111—112.

² Иванов В. Ф. Православный мир и масонство. Харбин, 1935. С. 127.

³ Белый А. Между двумя революциями. М., 1990. С. 499.

⁴ Обатнин Геннадий. Иванов-мистик. Окультизм и мистика в поэзии и прозе Вячеслава Иванова. 1905—1919 гг. М., 2000.

восторженно пишет современная исследовательница, — *слагали легенды. Когда она, в огненно-красной тунике, прихотливо задрапированной на плечах, обнажавших ее прекрасные руки, появлялась в помещении без мебели, с накинутыми на подушки оранжевыми коврами (а именно такой была обстановка знаменитой «Ивановской башни» на Таврической, 25 в Петербурге, где собирались близкие к «новым» течениям в искусстве ученые, музыканты, поэты), смолкали готовые вспыхнуть споры, взоры людей жадно обращались к ней, ловя каждое произнесенное ею слово»¹. В кружке Зиновьева-Аннибал играла роль вдохновительницы. Н.А. Бердяев называл ее душою, Психеей ивановских «сред». Широкой публике эта дама была известна скандальной повестью «Тридцать три уroda» (СПб., 1907), в которой подробно описывается лесбийская любовь.*

В плане усилий членов кружка, направленных на внедрение в общественное сознание идеи «свободной любви» или, проще говоря, подготовку сексуальной революции в нашей стране, обращает на себя внимание выступление на одном из заседаний кружка в «Башне» М. Волошина, прочитавшего доклад «Новые пути Эроса»². Лекция изобиловала двусмысленными фразами, вроде: «*все мы гермафродиты в духе своем*» или «*по любви к юношам узнают служителей истинной любви*». В ходе возникшей затем дискуссии «*дивно говорил*» Вячеслав Иванов, энергично доказывавший, что «*в сущности, вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу*», что «*нет ни этики, ни эстетики — обе сводятся к эротике*».

В свете последних розысканий становится все более очевидным, что так называемый «серебряный век» в России, о котором с таким придыханием говорит сегодня наша интеллигенция, породил, между прочим, откровенно анти-

¹ Михайлова Мария. Мы — две руки единого креста // Наука и религия. 1995, № 3. С. 30.

² Пути Эроса. Материалы и комментарии к платонову «Пиру» // Волошин Максимилиан. Из литературного наследия. Т. 2. СПб., 1999. С. 13—28.

христианское направление в нашей литературе (В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, Ф.К. Сологуб, Н.С. Гумилев, А.А. Блок и др.), восходящее в своей основе к идеям древних гностиков II — III веков новой эры¹. В то же время, несмотря на очевидные издержки увлечения нашей творческой интеллигенции начала XX века мистикой и теософией, оно имело и положительную сторону, так как способствовало расцвету у нас такого известного направления в литературе и искусстве, как символизм с его подчеркнута мистическим восприятием мира и попытками постижения его скрытой от непосвященных сущности. Это и уже неоднократно упоминавшиеся нами Александр Блок, Андрей Белый, Вяч. Иванов, В.Я. Брюсов, З. Гиппиус, Д.С. Мережковский, К.Д. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, Эллис (Л. Кобылинский), И. Анненский и другие².

Особый интерес в этой связи представляет увлечение оккультизмом и спиритическими сеансами поэта Валерия Брюсова³. Вот что вспоминал об этом В.К. Станюкович: *«Как-то раз я зашел к Брюсову вечером, — пишет он (воспоминания относятся к 1894 году), — он торопился к А. Лангу на спиритический сеанс и затащил меня к нему, зная мое отрицательное отношение к этим сеансам. В слабо освещенной комнате с темными портьерами мы нашли длинного, странного, с блестящими глазами Ланга. Он был один и никого не ждал. В торжественной тишине хозяин и Брюсов приступили к священнодействию. На дощечку, сквозь которую проходил карандаш, они положили правые руки, и он тотчас забегал по большому листу, расположенному на столе. Как только лист исписывался, он убирался в сторону, а под ним оказывался чистый, готовый к дальнейшим откровениям. Быстро покрыва-*

¹ Слободнюк С.Л. «Идушие путями зла». Дьяволы серебряного века. Древний гностицизм и русская литература. 1880 — 1930 гг. СПб., 1998. С. 4.

² Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.

³ Спиритизм Валерия Брюсова // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 279—310.

лись листы строками, написанными крупным почерком. Мягкий мрак и тишина кругом, а в круге света, падающего из-под низко опущенного абажура, склоненные фигуры над бегающими по белому листу руками. Я сидел в глубоком кресле, мне было уютно, и никакой таинственности я не ощущал. Продолжая так около часу, они остановились.

Спириты хотели и меня вовлечь в их мистерию, но я отказался, и мое явное неверие вызвало чрезвычайное раздражение Духа. Он начал покрывать очередной лист самыми отборными ругательствами, которыми никогда не осквернялись уста товарищей. Я начал хохотать и разогнал таинственную атмосферу уютной комнаты с мягкими темными драпировками, разомкнув руки товарищей. Дух, возмущенный моим присутствием, перестал двигать карандаш, и исписанные листы были приобщены к толстой груде прежних откровений».

Возвращались они уже по темной Москве. Брюсов упрекал Станюковича в нетерпимости и неверии. Убеждал в том, что Дух, а не он ругал его. «В этом я ему наполовину поверил (их было двое). Обещал никогда более не искушать Духа. Насколько помню, — замечает В.К. Станюкович, — эти обещания с духами, совместно с Лангом, длились долго. Брюсов вообще интересовался областью тайного знания, а Ланг был убежденный спирит. Брюсов говорил мне, что стихи Ланга написаны не им, а духами... Ланг выступил со стихами вместе с Брюсовым в первом выпуске «Русских символистов» под псевдонимом Митропольский, а затем выпустил под фамилией Бедина книжку стихов «Одинокий труд»¹.

Самое удивительное, что увлечения своего Валерий Яковлевич не оставлял и в зрелые годы. «В эту зиму (1903 год. — Б.В.), — писал в своих воспоминаниях М.А. Волошин, — литературная молодежь обычно встречалась у Брюсова в старом фамильном доме на Цветном бульваре. Дом этот, очевидно принадлежавший родителям Брюсова, находился на противоположной стороне, супротив тогдашних

¹ Станюкович В. К. Воспоминания о Брюсове // Литературное наследство. Т. 83. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 727—728.

цирков Соломоновского и Никитина, на самой периферии московской «Субурры», описанной в рассказе А. Чехова «Припадок». Дом носил московский купеческий характер. Здесь, в небольшой белой столовой, рядом с гостиной, уставленной цветочными горшками, где «лопасти латаний рисовались на эмалевой стене» высокой изразцовой печки, собиралась у Валерия Яковлевича, в зиму, предшествующую основанию «Весов», московская поэтическая молодежь того времени. За чайным столом читали по очереди свои стихи и выслушивали критические замечания хозяина. Разговоры Брюсова, который в это время собирал материалы для «Огненного Ангела», были сухи, богаты, остры, осведомленны и часто вращались около оккультных тем. Его интерес к оккультизму был не только книжный. Незадолго до этого он сам, по-видимому, пережил оккультный роман.

«Меня интересовало, — рассказывал он, — как спиритические духи, т. е. те существа, с которыми мы разговариваем на спиритических сеансах, сами относятся к нам, как они видят и принимают человеческий мир. Я иногда ставил им вопрос об этом и получал ответы очень неожиданные:

— Так, как будто огонек в поле и около него тени.

В виде огонька они, значит, видят спиритический столлик. Я пробовал спрашивать:

— А сколько же нас сидит около огонька?

Но у них не было явно ни восприятия лиц, ни числа. Ответы были самые противоречивые и разные:

— Один, пять — толпа...

Считать они совсем не умели. Мы занимались обыкновенно вдвоем с Лангом (Миропольским, поэма которого «Лествица» напечатана «Скорпионом»). Постепенно у нас составилась группа знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге существ они являли свои виды и планы на нас — и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований необходимо было иметь в своем распоряжении обширное пустопо-

рожнее место. Требование, которое трудно было осуществить в условиях городской жизни. Мне показалось, что это мог бы удовлетворить большой чердак недостроенного дома. Я подал эту мысль, и они одобрили. У меня был на примете такой четырехэтажный строящийся дом, хозяин которого был знакомым моей семьи. Я отправился к нему просить разрешения, и тут случилась первая странность. Этот человек, уже немолодой и почтенный, принял меня в отдельной комнате, и, когда я ему изложил все мое дело и он поднялся со стула, чтобы ответить мне, — он вдруг упал — у него был удар и паралич языка. Ответа я так и не получил.

В другой раз все уже было устроено и разрешение получено — я ждал только Ланга, чтобы идти туда, он должен был зайти за мной. Но он не пришел ко мне, и сеанс не состоялся. Потом выяснилась вещь еще более странная.

Когда он шел по Цветному бульвару, какой-то прохожий, поравнявшись с ним, ударил его по голове тяжелым кирпичом, завернутым в клетчатый платок. Он потерял сознание и очнулся только через два часа в аптеке, куда его отнесли. Так и второй раз наш сеанс не состоялся.

Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я поставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, мало понятные. Нам отвечали: «Их нет. Они заперты» и раз даже — «Они умерли»¹.

¹ Волошин М. А. Брюсов В. Воспоминания. Фрагменты // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 391—392.

Любопытна в связи с этим реакция Брюсова на провозглашенный Андреем Белым на одной из «сред» у Вячеслава Иванова масонский тост: «*Пью за Свет!*» «*Брюсов, сидевший рядом со мной, — свидетельствует А. Белый, — вскочил как ужаленный и, поднимая свой бокал, прогортанил: «За тьму!» Впрочем, такие «богомерзкие» выходки были обычным явлением в этой среде. «Я не выдержал, — вспоминал А. Белый, — вдруг за столом при всех сорвал с себя крест, бросив его в траву. А.А. (Блок. — Б.В.) усмехнулся недоброй улыбкой»¹.*

Сам Андрей Белый всю свою сознательную жизнь оставался глубоким и законченным мистиком. «*Человек начинается там, — писал он, — где кончается слово, где слово свивается — там начинается оккультизм; и все мы — оккультисты... Оккультизм — это воздух, которым мы дышим; и изучение оккультистов без овладения жестами, без умения их видеть, читать — есть дурная привычка. Назвав себя оккультистом, не думаю, что я оккультист в полном смысле: тот смысл постигается в десятилетиях подвига упражнений, в конкретности, и не лежит путь смысла в сентенциях об оккультизме*». Воспаленное воображение поэта рисовало впечатляющие картины некой вселенской мистерии, участники которой «*строятся в им одним открытые знаки и образуют фигуры как в танцах; танцуют треугольники из людей, пересекаются в гексаграммы... если знак пентаграммы есть пять, то вхождение шестого в обряд пентаграммы обогащает в шесть раз возникающие возможности встречи... Но этого не поймут, о чем, собственно, говорю; обрываю слова...*» — записывал он в своем дневнике. И далее следует обширный пассаж о месте оккультной символики в современном мире. «*Священные фигуры — оккультные знаки нельзя созерцать безнаказанно (опрокинутый треугольник — не то, что прямой: опрокинутый — самосознание, обращенное к духу, прямой — на себя); созерцание треугольника на калоше, которую топ-*

¹ Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея. Т. II. М., Берлин, 1922. С. 250.

чем мы (знак божества!), есть пародия на обряд: и неспроста святым этим знаком давно штемпелюют калоши и, ежедневно мы топчем в грязи властный знак Божества. И это — дело «их» рук...»¹

Именно братские мистерии «Аргонавтов», а также мистериально-теургические элементы их мифотворческого гнозиса, пишет современный исследователь Г.В. Нефедьев, «оказались определяющими для трансформации ценностей мифопоэтического символизма в ценности розенкрейцерские. Основу этих элементов составлял синтез философско-эстетических и оккультных мифологем аргонавтического мировоззрения... Мистерии и спиритизм, алхимия и теософия, теургия и соловьевская софийская мистика Вечно женственного, христианство и гностицизм — все это в той или иной мере укладывалось в розенкрейцерскую мифологию. В не меньшей степени к ней подводило и представление о себе аргонавтов как о рыцарях, стремящихся к посвящению, как о членах эзотерического братства. Таким образом, — констатирует этот исследователь, — сложилась реальная почва для преобразования эзотерической общности аргонавтов в розенкрейцерское братство»².

«Приступ медиумизма» и усиление антиправославных, антихристианских настроений у «Аргонавтов» во многом были связаны с деятельностью в их среде А.Р. Минцловой — известно, что одно время она подвизалась в качестве помощницы известного теософа Рудольфа Штейнера. Порвав с ним, она появилась сначала в Москве, а затем в Петербурге в качестве представителя некой таинственной организации, судя по всему, ордена розенкрейцеров, и имела своей задачей создание «Братства Святого Духа».

«Минцлову, — писал в связи с этим Н. Валентинов, —

¹ Белый А. Записки чудака. «Геликон». М., Берлин, 1922. С. 153–155, 171.

² Нефедьев Г. В. Русский символизм и розенкрейцерство. Статья вторая // Новое литературное обозрение, 2002, № 4(56). С. 163.

дочь известного в Москве адвоката, я видел один только раз в кафе на Тверской улице: меня познакомил с нею приехавший из Петербурга Арабаджин — двоюродный брат Белого. Она произвела на меня самое неприятное впечатление: толстый обрубок, грязные желтоватые волосы, огромный глупый лоб, узенькие свиные глаза, а главное — речи! За два года я привык говорить с символистами, к «воздуху» символизма достаточно привык и на всякие мистические «всмутки» уже не реагировал. Но Минцлова раздражала своими таинственными намеками вроде: «Как маловажно то, что вы говорите, в сравнении с тем, что вот здесь, рядом с нами, находится и нас слушает». — «О ком вы говорите?» — «Да зачем мне отвечать — ведь все равно вы этого не поймете. У вас нет для этого органов восприятия».

Минцлова была вхожа ко всем писателям, и особенно к символистам. В Петербурге она была постоянным гостем и другом Вяч. Иванова, а в Москве «обработывала» А. Белого. Осенью 1908 г. Белый действительно бегал не только к «раввину» (М.О. Гершензону. — Б.В.), проникаться у него духом «Вех», — мысль его бежала и в другом направлении: он входил «в стихию теософических дум», штудировал «*Doctrine Secrute*» Блаватской, посещал теософический кружок Христофоровой, где у него завязались отношения с Минцловой, уже прошедшей через антропософскую школу Рудольфа Штейнера. «Оккультистка» Минцлова была, несомненно, сумасшедшей, и она околдовала Белого»¹.

Результатом медиумического затмения Андрея Белого стало появление (июль 1908 года) у него антирусского по своему духу, упаднического стихотворения «Отчаянье»:

Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ.
В пространство пади и разбейся.
За годом мучительный год,

¹ Валентинов Н. Встречи с Андреем Белым // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 137.

Века нищеты и безволя.
 Позволь же, о Родина-мать,
 В сырое, в пустое раздолье,
 В раздолье твое прорыдать, —

заканчивающегося следующим пассажем:

Исчезни в пространстве,
 Исчезни, Россия,
 Россия моя!¹.

Что это было затмение, свидетельствует появившаяся в 1909 году в журнале «Весы» большая статья А. Белого под названием «Штемпелеванная культура», где он восстает против засилия инородческих элементов в русской культуре.

Проштемпелеванный, т. е. прошедший сквозь цензуру биржевиков, интернационализм с пафосом провозглашается последним словом искусства морально шаткой и оторванной от народа группой критиков, — негодует здесь А. Белый. Кто же эти критики?

«Главарями национальной культуры, — пишет он, — оказываются чуждые этой культуре люди... Чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек... Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон... Вы посмотрите на списки сотрудников газет и журналов в России: кто музыкальные и литературные критики этих журналов? Вы увидите сплошь и рядом имена евреев... пишущих на жаргоне эсперанто и терроризирующих всякую попытку углубить и обогатить русский язык». Рать критиков и предпринимателей в России пополняется *«в значительной степени одной нацией; в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди самого узкого и арийству чуждого юдаизма».* *«Ударяясь в космополитизм, — предупреждает Андрей Белый, — мы подкапываемся под само содержание души народной, то есть под*

¹ Белый А. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966. С. 160.

собственную культуру»¹. С резким протестом против «оброссиивания» и интернационализации русской культуры выступил в это же время и П.Б. Струве.

«Не знаменательно ли, — писал он в статье «Интеллигенция и национальное лицо», — что рядом с «Российской империей», с этим, в глазах всех радикально мыслящих, официальным казенным чудовищем-левиафаном, есть тоже «российская» социал-демократическая рабочая партия. Не русская, а именно «российская». Ни один русский иначе, как слегка иронически, не скажет про себя, что он «российский» (уже говорят. — Б.В.) человек, а целая и притом наирадикальнейшая партия применила к себе это официальное — ультрагосударственное название, ультраимперское обозначение. Это значит: она хочет быть безразлична, бесцветна, бескровна в национальном отношении... Для меня важно сейчас подчеркнуть, что ради идеала человеческой и разумной государственности — русская интеллигенция обесцвечивает себя в «российскую». Этот космополитизм очень государственен, ибо «инородцев» нельзя ни физически истребить, ни упразднить как таковых, то есть нельзя сделать «русскими», а можно лишь воспринять в единое «российское» лоно, и в нем успокоить». «Но позвольте мне, — заявил П.Б. Струве, — убежденному стороннику государственности, восстать против обнаруживающейся в этом случае чрезмерности культа государственного начала. Позвольте мне сказать, что так же, как не следует заниматься «обрусением» тех, кто не хочет «русеть», так же точно нам самим не следует себя «оброссиивать». Мы, русские, также имеем право на свое «национальное русское чувство», и «не пристало нам хитрить с ним и прятать наше лицо»². Однако погоды такого рода заявления не делали, и большинство представителей русской дореволюционной интеллигенции твердо стояло на космополитических, интернационалистских позициях.

¹ Бугаев Б. Штемпелеванная культура // Весы, 1909, № 9. С. 74—76, 80.

² Струве П. Б. Интеллигенция и национальное лицо // Слово, 1909, 10 (23) марта. С. 2.

Это к ней с горечью обращался в свое время известный русский философ Н.А. Бердяев. *«Вы, — говорил он, — не способны проникнуть в интимную тайну национального бытия... Вы готовы были признать национальное бытие и национальные права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать. И это потому, что вас интересовала проблема угнетения, но совершенно не интересовала проблема национальности»*¹. В тех же случаях, когда отдельные представители русской интеллигенции, вопреки всему, все же пытались встать на национальные, патриотические позиции, интернациональная, космополитическая среда, к которой они всецело принадлежали, тут же ставила их «на место».

И эпизод с Андреем Белым, возмущившимся засилием космополитических элементов в русской культуре, в этом смысле весьма показателен. Дело в том, что это один из редких случаев, когда мы знаем, чем закончился этот инцидент. А закончился он тем, чем, очевидно, всегда заканчиваются у нас и другие подобные этой истории. Друзья и знакомые после злополучной публикации сразу же отшатнулись от Андрея Белого. Но это еще было полбеды. Главная беда заключалась в том, что отшатнулись от него и издатели. В результате наш «патриот» вынужден был дать задний ход, каяться и просить прощения, получив выволочку от одного из властителей дум тогдашней русской прогрессивной интеллигенции в Петрограде — М.О. Гершензона.

*«А ведь какой кипучка он был, — вспоминал А. Белый в 1925 году в связи со смертью М.О. Гершензона. — Раз на меня натопал, накричал, почти выгнал от себя (за заметку «Штемпелеванная культура»). Я смутился и — внутренне сказал себе: заслужу прощение... И заслужил; дулся он на меня два месяца и после вернул расположение»*². Больше таких «проколов» в смысле патриотизма Андрей Белый уже не допускал.

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 91.

² Белый А. — Р.В. Иванову-Разумнику. Март, 1925. В кн. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 312.

Но вернемся к той атмосфере, в которой жила, можно сказать «варилась», тогдашняя петербургская богема, увлеченная проповедями А. Минцловой. В 1910 году Минцлова неожиданно исчезает из поля зрения «братьев», оставив Андрею Белому аметистовое кольцо, по которому его должны были найти посланцы «Братства». По словам П.А. Бурышкина, которого А. Минцлова перед своим уходом успела-таки посвятить в свою тайну, миссия, ей порученная, заключающаяся якобы в том, чтобы *«возжечь к свету сердца, соединив их для мира духовного»*, осталась ею неисполненной; *«миссия-де провалилась, потому что ее неустойчивость и болезненность вместе с растущей атмосферой недоверия к ней расшатали все светлое дело каких-то неведомых благодетелей человечества, за нею стоящих... Ее удаляют они навсегда от людей и общения»*¹.

Удалось все-таки или нет А.Р. Минцловой создать среди «Аргонатов» розенкрейцерское «Братство Святого Духа», сказать наверняка нельзя. Г.В. Нефедьев полагает, что да. Ядро московского розенкрейцерства составляли, по его мнению, Андрей Белый, Э.К. Меттнер и Н.П. Киселев².

«В кратких заметках, — отмечала в своих мемуарах А.А. Тургенева (первая жена А. Белого), — нельзя передать бредовую атмосферу, окружавшую группы людей в России, переживавших эти и подобные им происшествия в обстановке того времени. С разными оттенками эти настроения были свойственны многим кругам. И, приезжая из Западной Европы, ты каждый раз был захвачен душевным богатством и интенсивностью московских разговоров до трех часов ночи, за остывшим самоваром; в Петербурге в «Башне» Вячеслава Иванова они длились нормально до шести часов утра, но были более определенными, литературно-эстетическими. Что следо-

¹ Бурышкин П. А. Розенкрейцерские истоки софианства. В кн. Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 458—459.

² Нефедьев Г. В. Русский символизм и розенкрейцерство. Статья вторая // Новое литературное обозрение, 2002, № 4(56). С. 149.

вало из этих разговоров? Они велись изо дня в день непрерывно, пока кто-нибудь из учеников не выдерживал и не начинал бунтовать, впадая в истерику, — такой тотчас отправлялся друзьями в деревню на поправку»¹.

В 1912 году Андрей Белый увлекается антропософией и становится учеником и последователем Рудольфа Штейнера. Вместе со своей тогдашней женой Асей Тургеневой он покидает Россию и уезжает в Швейцарию, чтобы слушать лекции Учителя и принять участие в строительстве антропософского храма в Дорнахе («Иоанново здание»).

К этому времени в Петербурге и Москве уже вовсю действовала новая масонская организация — Религиозно-философское общество (РФО). Возникло оно в 1907 году и состояло в основном из последователей учения Владимира Соловьева и так называемых «обновленцев», требовавших «обновления» и реформирования православной церкви в духе времени, а то и вовсе замены ее учения неким «новым религиозным сознанием»². Как справедливо отмечал С. Франк, отождествляя божественную силу Христову с революционным движением, а дьявола с реакцией, творцы так называемого «нового религиозного сознания» низводили тем самым религию «почти на уровень служебного средства общественного прогресса»³. Большеи профанации роли религии в обществе пред- ставить трудно.

Результатом этой кипучей деятельности «реформаторов» было резкое усиление нападков либеральной прессы на православное духовенство. Само же общество быстро превратилось во враждебный всему русскому центр масонства. Кого только не было на его собраниях: богоискатели, владимироловьевцы, раскаявшиеся декаденты, отважно ли-

¹ Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 190.

² Мейер А. А. Петербургское религиозно-философское общество // Вопросы философии, 1992, № 7. С. 112.

³ Франк С. О так называемом «новом религиозном сознании». В кн. Мережковский Д. С. Pro et contra. СПб., 2001. С. 310—311.

беральничающие священники, соборные анархисты, эсе-
ки, а также оккультисты всех мастей, теософы и антропософы.
Само собой разумеется — студенты, курсистки, взыскую-
щие Града Господня и просто ищущие¹.

Председательствовал на заседаниях петербургского от-
деления общества профессор С.-Петербургской духовной
академии масон Антон Владимирович Карташев. Среди
наиболее активных членов РФО — такие же масоны: Д.С.
Мережковский, Зинаида Гиппиус, Петр Струве, Александр
Мейер, Д.В. Философов, Евгений Аничков и целый сонм
сливок петербургской масонствующей интеллигенции.

Духовным и организационным предтечей общества
явились уже упоминавшиеся выше религиозно-философ-
ские собрания 1901—1903 гг. Вот какое впечатление произ-
вели они на толькo что возвратившегося в январе 1903 года
из Парижа М.А. Волошина.

«Петербург и русская жизнь меня поразили, — пишет
он. — Читался доклад В.В. Розанова на тему о возможности
творчества в области церковных догматов. Читал доклад не
Розанов, который никогда публично не говорил, а читал Ме-
режковский по его рукописи. Нервный, женский и высокий
голос Мережковского, трагический шишковатый лоб В.В. Ро-
занова, который он молча и нервно охватывал властными
пальцами, прикрывая глаза; бледные испитые лица петербур-
гских литераторов вперемишку с черными клобуками монахов;
огромные седые бороды и живописные головы священников, ли-
ловые и коричневые рясы; острый трепет веры и ненависти...
над собранием. Это рождало смутные представления о рас-
кольничьем соборе XVII века»². Неудивительно поэтому, что в
том же году собрания были закрыты. Однако идея их не

¹ Розенталь Л. Как изгоняли Розанова // Ленинградская пано-
рама, 1989, № 11. С. 32.

² Волошин М.А. Брюсов В. Воспоминания. Фрагменты // Вале-
рий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 389.

умерла, воплотившись в заседания Религиозно-философского общества.

Возглавлял петербургское отделение общества с 1912 года Вячеслав Иванов, которого сменил в 1917 г. А.В. Карташев. Секретарем была Ксения Половцева. «Мятежный дух» в обществе постоянно поддерживала уже упоминавшаяся нами Зинаида Гиппиус — «*святая дева с ликом бляди*» (С. Соловьев), в отношении которой современники расходились, пожалуй, только в одном: гермафродит она или только лесбиянка.

Во главе московского отделения Религиозно-философского общества стояли: Г.А. Рачинский (председатель), Андрей Белый, В.П. Свенцицкий, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой. Церковное течение в софианстве представлял Сергей Булгаков. Наиболее же радикальная часть общества группировалась вокруг В.П. Свенцицкого и его «Христианского братства борьбы» (1905 — 1908), пытавшегося вести революционную работу под флагом христианских идей¹. Лейтмотивом развернутого ими похода на традиционные основы русского самосознания стал призыв к разрыву с православием и возвращение к «первоисточникам христианства»².

Результатом оголтелой проповеди «*внецерковного религиозного революционаризма*» стал очевидный накануне 1917 года раскол среди членов общества. Еще в 1914 году в знак протеста против исключения В.В. Розанова вынуждены были покинуть его ряды С.А. Аскольдов (Алексеев) и П.Б. Струве. И уж совсем нетерпимое положение сложилось в петербургском Религиозно-философском обществе после «победоносного Февраля», когда потерявшие всякое чувство меры «леваки» (А.А. Мейер, К.А. Половцева) попытались организовать религиозные митинги на животрепещущие

¹ Иванова Е. В. Флоренский и Христианское братство борьбы // Вопросы философии, 1993, № 6. С. 159—166.

² Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» (1902—1909 гг.). СПб., 1996. С. 253.

по тем временам темы: социализм и религия, Бог и наука, церковь и государство, революция сознания, религия и революция. Не менее любопытен и состав предполагаемых участников «народных митингов»: А.Ф. Керенский, Б.В. Савинков, А.В. Карташев, А.А. Мейер, Н.Д. Соколов, В.П. Соколов, Н.О. Лосский, Г.В. Плеханов¹.

Неудивительно поэтому, что деятели РФО не только не испугались «Великого Октября», но, напротив, основав (ноябрь 1919 г.) в Петрограде т. н. «Вольную философскую ассоциацию» (Вольфила²), можно сказать, удвоили свои силы в борьбе против ортодоксального православия и традиционных ценностей русского народа. На то, что Вольфила, как и РФО, была организацией определенно масонского толка, указывает большой интерес, который проявлял к ней руководитель петербургских мартинистов Г.О. Мебес. *«Этой организацией, — писал А.М. Асеев, — очень интересовался Г.О.М.; он встречался и подолгу беседовал с глазу на глаз с Андреем Белым. Постоянно бывали в Вольфиле и некоторые петроградские масоны, принимавшие активное участие в ее работе»*³. В октябре 1921 г. было открыто и московское отделение Вольфилы. Однако должного взаимопонимания с большевиками они не нашли, и в 1922 году многие активные деятели Вольфилы и Религиозно-философского общества были высланы из страны на «философском пароходе».

Стоит отметить, что и за границей бывшие деятели Вольфилы (Булгаков, Бердяев, Франк, Трубецкой, Карташев)

¹Петербургское Религиозно-философское общество (1907—1917). Публ. Е.В. Бронниковой // Вопросы философии, 1993, № 6. С. 121.

²Гаген-Торн Н. И.. Вольфила: Вольная философская ассоциация в Ленинграде 1920—1922 годов // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 214. См. также: Иванова Е. В. Вольная философская ассоциация. Труды и дни // Ежегодник рукописного отделения Пушкинского дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 3—77; Белоус В. Т. Петроградская Вольная философская ассоциация (1917—1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997.

³Асеев А. М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, № 2. С. 36.

задачу свою по-прежнему видели в развитии и распространении православного мировоззрения среди русских эмигрантов в его «современной упаковке». Огромную роль в этой связи они придавали деятельности созданного ими в 1923 году «Братства Святой Софии». Однако к доктрине о Святой Софии Владимира Соловьева прямой их деятельности не имела¹.

¹Прот. Зенькович Василий. О Братстве Святой Софии в эмиграции // Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923—1939 гг. М., 2001. С. 5.

Ленинградские мистики 1920-х годов

1. «ОРДЕН МАРТИНИСТОВ» Г.О. МЕБЕСА ПЕРВЫХ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ. «КРАСНОЕ МАСОНСТВО» Б.В. АСТРОМОВА

Масонская идеология в начале XX века пустила настолько глубокие корни в среде российской интеллигенции, что даже знаменитый большевистский террор 1920-х гг. оказался не в состоянии сразу уничтожить ее быстрорастущую поросль. На сегодняшний день известно, по крайней мере, одиннадцать тайных масонских или полумасонских организаций, действовавших в 1920-е годы в СССР: «Единое трудовое братство», «Орден мартинистов», «Орден Св. Грааля», «Русское автономное масонство», «Воскресенье», «Братство истинного служения», «Орден Света», «Орден Духа», «Эмеш Редивиус», «Орден манихеистов» (неорозенкрейцеров арионского посвящения), «Орден тамплиеров и розенкрейцеров». Шесть первых из них располагались в Ленинграде. «Орден Света», «Орден манихеистов» и «Эмеш Редивиус» объединяли в своих рядах московских «братьев» и «сестер».

Тесно связанные с московским «Орденом Света» «Орден Духа» и «Орден тамплиеров и розенкрейцеров» располагались соответственно в Нижнем Новгороде и Сочи. Дочерними ложами «Русского автономного масонства» были ложа «Гармония» в Москве и «Рыцари пылающего голубя» в Тбилиси.

Крупнейшей оккультной организацией 1920-х гг. в Ленинграде был «Орден мартинистов», представлявший собой

ветвь одноименного французского ордена. Напомню, что первая мартинистская ложа была организована здесь еще в 1899 году графом Валерианом Муравьевым-Амурским. Трения, возникшие между ним и главой «Ордена мартинистов» в Париже известным оккультистом Папюсом, привели к тому, что около 1905 г. В.В. Муравьев-Амурский был отставлен от должности делегата ордена в России.

В 1910 г. на его место был назначен поляк граф Ч.И. Чинский, с именем которого, собственно, и связано создание русского отделения «Ордена мартинистов». В 1912 г. среди них произошел раскол, и петербургская часть ордена во главе с Григорием Мебесом объявила о своей автономии или, проще говоря, независимости от Парижа. Московские же «братья» во главе с П.М. и Д.П.Казначеевыми, напротив, остались ему верны и продолжали свою деятельность под руководством своего парижского начальства вплоть до 1920 года. Петербургские же мартинисты образовали в 1913 г. особую автономную цепь с тамплиерской окраской, которая и просуществовала вплоть до ее разгрома в 1926 году ОГПУ.

В основе учения мартинистов лежит оккультизм — особое направление религиозно-философской мысли, стремящееся к познанию божества интуитивным путем, путем психических переживаний, связанных с проникновением в потусторонний мир и общением с его сущностями. В отличие от своих «братьев» из «Великих Востоков» Франции, Италии и «Великого востока народов России» (А.Ф. Керенский и К^о), преследовавших чисто политические цели, мартинизм ориентирует своих членов на внутреннюю духовную работу над самим собой, своим собственным моральным и интеллектуальным совершенствованием.

Это позволяет отнести мартинистов к особой, т. н. духовной, или эзотерической, ветви «Мирового братства». Отличительным знаком русских мартинистов являлся круг с шестиконечной звездой внутри, основные цвета: белый (ленты) и красный (плащи и маски). Посвящения производились по примеру масонских с несколько упрощенным

ритуалом. В 1918—1921 гг. лекции по Зогаре (часть каббалы) читал Г.О. Мебес, по истории религии, с ярко выраженным антихристианским уклоном, его жена Мария Нестерова (Эрлангер). С историей масонства слушателей знакомил Борис Астромов. Помимо чисто теоретических занятий, в «школе» велась и практическая работа по развитию у ее членов цепи способностей к телепатии и психометрии.

Всего нам известны имена 43 человек, прошедших «школу» Г.О. Мебеса в 1918—1925 гг., в том числе известный военный историк Г.С. Габаев и поэт Владимир Пяст. Однако в целом состав ордена был вполне зауряден: юристы, бухгалтеры, студенты, домохозяйки, несостоявшиеся художники и журналисты — одним словом, рядовая, разочаровавшаяся в жизни и ударившаяся в мистику русская интеллигенция¹.

Неприглядную роль в судьбе ленинградских мартинистов сыграл Борис Викторович Астромов-Ватсон² (наст. фамилия Кириченко), о котором уже шла речь в начале очерка. Выходец из обедневшей дворянской семьи, он родился 27 апреля 1883 года в городе Воронеже. Его отцом был потомственный дворянин Виктор Васильевич Кириченко, мать — Елена Ивановна (урожденная Длугоканская). Дед — отставной майор Василий Иванович Кириченко. Женат он был на Екатерине Морзос. После окончания 2-й Киевской гимназии Б.В. Кириченко поступает в 1903 году на восточный факультет Санкт-Петербургского университета (арабoturецко-татарское отделение), однако курса не окончил³.

Участник русско-японской войны. Уволенный 10 нояб-

¹ Петербургские мартинисты 1910—1925 гг. Публ. В.С. Брачева // Отечественная история, 1993, № 3. С. 180—182.

² В а т с о н — это артистический псевдоним Б.В. Кириченко. Дело в том, что в начале 1920-х гг. он окончил кинотехникум. Это дало ему возможность принять участие в съемках ряда кинофильмов тех лет: «Красный партизан», «Чудотворец», «Скорбь бесконечная».

³ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 41551 (личное дело студента Кириченко Бориса), л. 12.

ря 1905 года в запас старшим унтер-офицером¹, Б.В. Кириченко уезжает в 1906 году по совету родных для поправки здоровья и продолжения учебы в Италию. (Каких-либо документальных сведений о его пребывании до этого времени в кадетском корпусе, из которого он якобы был изгнан за попытку изнасилования учительницы французского языка, о чем писали в своем фельетоне в 1928 году братья Тур, не имеется².)

В Италии Б.В. Кириченко поступает на юридический факультет Туринского университета, где становится учеником знаменитого криминалиста масона Чезаре Ломброзо. В 1909 г. состоялось его посвящение в «Братство» (лога «Авзония», принадлежащая к «Великому Востоку Италии»).

То, что Б.В. Кириченко (Астромов) оказался именно в Италии, не было случайностью. Дело в том, что здесь у него жил двоюродный дядя (судя по всему, по матери) Юлиан Константинович Астромов. Родился он еще в 1820 г., и к встрече с племянником дяде было уже далеко за 80. В Италии же он оказался в 1847 г., когда после окончания Петербургского университета (в 1845 г.) уехал в качестве домашнего учителя графа Уварова за границу: сначала в Германию, а затем в Италию. Здесь в Риме 8 сентября 1847 г. Ю.К. Астромов принимает в иезуитской церкви Св. Игнатия католичество и вскоре становится монахом. Разрыв с православием произошел под влиянием друзей и чтения католической литературы. В 1855 г. Ю.К. Астромова заочно судили в Санкт-Петербурге за вероотступничество. Умер он в 1913 г. в Риме в сане священника римско-католической церкви³. История с дядей-католиком многое разъясняет в запутанной биографии Б.В. Кириченко. И не только в смыс-

¹ Ц Г И А СПб. Ф. 14, о. 3, д. 41551 (личное дело студента Кириченко Бориса), л. 21.

² Бр. Тур. Тень от нуля // Красная газета, 15 июня 1928. Веч. выпуск. С. 5.

³ Цимбаева Е. Н. Русский католицизм. Забытое прошлое русского либерализма. М., 1999. С. 81.

ле происхождения его второй фамилии Астромов, но и в смысле приверженности его к поискам духовного начала в жизни, что, как выясняется, было семейной чертой его рода. *«Я всегда интересовался метафизикой и мистикой, — писал Б.В. Астромов в одной из своих биографий. — Будучи студентом Туринского университета (Италия) в 1909 г. вступил в масонскую ложу «Конкордия» (по другим данным, «Авзония». — Б.В.), принадлежавшую к Великому Востоку Италии. Моим руководителем был инженер Джамутини. Я был посвящен в степень ученика и товарища (подмастерья). Из итальянских масонов знал, кроме того: профессора университета Ахилла Лориа и директора того же университета Джованни Горрини. Они оба изучали русский язык, и на этой почве я с ними познакомился»¹.*

Учился Б.В. Астромов хорошо и даже рассчитывал на оставление в университете для подготовки к профессорскому званию. Неожиданная смерть Чезаре Ломброзо расстроила его планы, и новоиспеченный юрист после получения диплома вынужден был возвратиться зимой 1909/1910 г. в Санкт-Петербург. Должность, которую ему удалось здесь получить, — помощник делопроизводителя 3-го разряда судебного отдела Государственного банка, — его устраивала мало.

К сожалению, мы ничего не знаем о духовных исканиях Б.В. Астромова этого времени. Известно лишь, правда со слов его самого, что никакого участия в работе петербургских масонских лож он в 1910—1917 гг. не принимал. Посвящение его в «Орден мартинистов» состоялось только в 1918 году после знакомства с Г.О. Мебесом. В 1919 г. Г.О. Мебес назначает Б.В. Астромова Генеральным секретарем ордена.

Трения, возникшие между ними, приводят к тому, что в 1921 г. Б.В. Астромов вынужден был уйти из ордена. Г.О. Мебес в своих показаниях в ОГПУ в 1925 году основной упор делал на низкие моральные качества Б.В. Астро-

¹ Оппоков Виталий. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия, 1995, № 2. С. 105.

мова (авторитаризм, половая распущенность, финансовые злоупотребления и пр.). Но существовали, как представляется, и более серьезные причины для их разрыва. Дело в том, что после 1917 года Г.О. Мебес, по информации А.М. Асеева, *«сильно сократил масонскую сторону своей деятельности; считал масонство по своей конструкции организацией сложной и громоздкой, а потому опасной в условиях советской действительности»*¹. Б.В. Астромов же, напротив, в центр своей деятельности поставил именно масонство как таковое. В результате он вышел из юрисдикции Г.О. М. и начал самостоятельную работу совместно с О.Е. Нагорновой — мастером женской масонской ложи, организованной уже после революции.

Казалось бы, пути незадачливого генсека и мартинистов навсегда разошлись. Однако оказалось, что это далеко не так. В мае 1925 г. Б.В. Астромов неожиданно появляется в приемной ОГПУ в Москве и предлагает свои услуги по освещению масонства в стране в обмен на разрешение покинуть СССР. Разрешения на эмиграцию Б.В. Астромов не получил, зато его предложение по освещению масонства в СССР заинтересовало чекистов, тем более что, как оказалось, они следили за ним еще с 1922 года.

Однако оставим на некоторое время чекистов с их проблемами и обратимся к личности героя нашего очерка — Б.В. Астромова. Скупые данные его биографии мы уже привели. Теперь, как представляется, самое время обратиться к его «художественному», так сказать, портрету. Принадлежит он известным ленинградским журналистам 1920-х годов — Л.Д. Тубельскому и П.Л. Рыжей, писавшим под псевдонимом «Тур». В 1928 году по следам масонских дел ленинградского ОГПУ ими были опубликованы две статьи-фельетона: «Галиматья» — в «Ленинградской прав-

¹ Асеев А. М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, № 2. С. 34.

де» и «Тень от нуля (масоны в Ленинграде)» — в «Красной газете».

«Перед нами, — писали они, — фотографическая карточка: нечто вроде крылатого грифона, озаренного вспышкой магния, — кивер, доломан, шкура пантеры, кожаные рейтузы. На бледном изможденно-наглом лице зияют огромные жемчужные пустые глаза, холодные, серые, как платина. Они похожи на две склянки эфира — кажется, вот-вот они испарятся к небесам. Лицо, сжигаемое тайными страстями аскета и негодяя. Это — Астромов, он же Ватсон, он же Кириченко. Это именно он в своем опереточном пышном наряде — юрист, лицензиат, мечтатель, золоторотец, окончивший академию в Италии с ученой степенью магистра иллюзорных наук, великий мастер ордена масонов.

Даже его родная мать (теща. — Б.В.) не может объяснить происхождение трех его фамилий. Вся его прошлая и настоящая жизнь покрыта пеленой таинственности, не совсем вспоротой даже ланцетом следствия.

Биография его заслуживает внимания. Он родился в разорившейся дворянской семье, учился в кадетском корпусе, из которого был выгнан за попытку изнасиловать учительницу французского языка. 1906 год застаёт его в Италии, куда он попал невесть каким путем. Во Флоренции он сходитя с масонами и принимает обет вольного каменщика. Далее карьера его идет извилистыми, странными путями. Он возвращается в Россию, где пытается организовать мистическое объединение. Мирно служит в страховом обществе «Саламандра». Между дел кончает юридический факультет (факт не подтверждается. Юридический факультет Б.В. Астромов закончил еще в Италии. — Б.В.). Затем непосредственно поступает на службу в сыскное отделение (документального подтверждения не имеется. — Б.В.). Открывает игорный дом. Женится на баронессе Либен. Несколько лет Астромов живет на ее средства, окончательно подчиняя себе ее волю. Разорив ее, заставляет при посторонних играть роль жилицы, водит к себе на семейную квартиру женщин, живет с извест-

ной кокоткой из «Аквариума» Анжеликой Гопп. Награждает жену за четырехлетнюю совместную жизнь истерией.

Во время мировой войны Астромов занимается шпионажем и мародерством (документальные подтверждения отсутствуют. — Б.В.). Делает себе изрядное состояние на шарлатанских поставках каких-то корборундовых кругов для патронных заводов. Занимается искусными спекуляциями субтропическим рисом «индиго». В перерывах между сделками — совсем как в бульварном романе — Ривьера, Ницца, Иль-де-Франс. Томительные сумерки Ронсара. В один, как говорится, прекрасный день Астромов играет на бирже на повышение манташевских акций и ленских шерри и проигрывает все, вплоть до трости и котелка. Спасаясь от долгов, устав от мирской суеты, он уезжает в качестве лесничего в лес, в имение знакомого помещика под Курском.

Революционные потрясения не меняют жизненного стиля Астромова. В революции он продолжает жить той же паразитической жизнью авантюриста. Высокомерный анатом любви, изысканный бульвардье, он мешочничает, возит в деревню граммофоны и ситец. Транспортирует обратно соль и муку. Насилует в деревнях девушек под лозунгом «улучшения породы». Необъяснимыми путями он получает академический паек в Доме ученых. Потом профессии его меняются с быстротой необыкновенной. Он занимается кустарной выработкой бальзамов и снадобий против клопов и тараканов, причем называет эти снадобья «Эликсир сатаны». Затем, при переходе к нэпу, он открывает масонское кафе «Веселый фарисей». Играет в ресторанном джаз-банде на саксофоне. Заведует прачечной от Комхоза. Наконец, устраивается инспектором в Губфинотделе.

Меняя профессии как перчатки, он все чаще меняет женщин и жен. На вечеринке у масона Сверчкова он пытается насиловать присутствовавших там дам... Материальный достаток Астромова складывается из торговли гороскопами по червонцу за штуку и из поборов подчиненных ему масонов. Великий мастер страдает манией величия: любит облачаться в странные одеяния, командовать и приказывать; написал два

своих портрета в костюмах бенедиктинского монаха и маркиза XVIII столетия. Показывая их посетителям, скромно дает понять, что это его портреты в прошлых инкарнациях. Сообщает, что он живет две тысячи лет. Туманно рассказывает о своем происхождении от Наполеона I, подтверждая это своим наружным сходством с ним.

Великий мастер нечист на руку: продал мебель своей четвертой жены (третьей? — Б.В.), украл четыре фунта серебра у одной из масонок, украл старинный меч из приемной врача. Таков, — заключают авторы, — один из характерных представителей отечественного масонства в наши дни. Таков один из последних могокан крупного авантюризма типа Калиостро. Родись он веком раньше, он был бы Калиостро или де Роккетом. Сейчас он — опереточная, смешная фигура».

Досталось от авторов статьи и коллеге Б.В. Астромова — С.Д. Ларионову. Места ему в фельетоне уделено, правда, значительно меньше, но яркость и выпуклость зарисовки от этого не пострадали.

«Подобно тому как Калиостро сопровождал его друг и доверенный Петер Шенк, точно так же тенью Астромова являлся этот Ларионов, — пишут они. — Он происходил из семинаристов. Был одновременно студентом-медиком, студентом консерватории по классу гобоя, актером фарса Сабурова, православным священником и, конечно, масоном. Когда синод лишил его священнического сана, он принял католичество и быстро стал ксендзом одного из соборов. Это — авантюрист астромовского толка. И тот и другой сейчас — вымирающая, редкая порода бобров или марабу. Жестокое законы Дарвина действительны и в применении к поколениям авантюристов»¹.

Как ни художественна и занимательна характеристика Б.В. Астромова, данная ему «братьями Тур», она все же пристрастна. Во всяком случае, к появлению Б.В. Астромова на Лубянке и к его предложениям там отнеслись со всей

¹ Бр. Тур. Тень от нуля (масоны в Ленинграде) // Красная газета, 15 июня 1928 г., веч. выпуск. С. 5.

серьезностью. Очевидно, что, несмотря на присущие ему недостатки, столь красочно описанные фельетонистами, Б.В. Астромов оставался в то же время достаточно умен и убедителен в глазах своих высокопоставленных собеседников из ОГПУ.

После допросов и бесед в Москве со «специалистами» ОГПУ (член коллегии Я.С. Агранов, начальник Секретно-оперативного отдела Генкин) Б.В. Астромов прибыл в начале июня 1925 г. в Ленинград, где и стал «работать» под контролем ОГПУ. Оперативную связь с ОГПУ (зам. начальника Райский) Б.В. Астромов осуществлял через некоего Лихтермана, встречаясь с ним время от времени на конспиративной квартире по Надеждинской улице. Не возбранялось ему появляться в ОГПУ и по собственной инициативе, позвонив, правда, предварительно по соответствующему телефону.

Повышенный интерес этого учреждения к Б.В. Астромову понятен, так как он «заложил» не только мартинистов, но и собственную подпольную организацию «Русское автономное масонство», Генеральным секретарем которого и представился чекистам. Начало ей было положено еще в 1921 г. учреждением Б.В. Астромовым из недовольных Г.О. Мебесом мартинистов собственной, независимой от него масонской ложи «Три северные звезды».

Сделать это было не так уж и сложно, поскольку в результате проведенной в 1919 году Г.О. Мебесом реорганизации «Ордена мартинистов» (введение так называемого «строгого послушания» или, проще говоря, строгой дисциплины) недовольных было много. Часть их группировалась вокруг А.Н. Семигановского (старый мартинист, возглавлявший с 1916 года ложу «Зодиак»), исключенного Г.О. Мебесом в 1919 году и основавшего после разрыва с Учителем собственный «Христианский эзотерический орден» (1920 — 1923 гг.) — С.Д. Ларионов, Б.Л. Киселев, Н.Н. Молчанов, Н.П. Смирнов и другие. Часть пошла за Б.В. Астромовым. Членами его ложи вскоре стали: инженер-архитектор П.Д. Козырев, инженер-путеец М.М. Петров, бывший присяжный

поверенный В.П. Остен-Дризен, художник Н.Г. Сверчков, киноартист С.Д. Васильев, бывший адъютант командующего Ленинградским военным округом Д.И. Аврова, служащий АРА в Ленинграде Р.А. Кюн, кинорежиссер Г.В. Александров, бывший инспектор консерватории Г.Ю. Бруни, артист балета Е.Г. Кякшт. Б.В. Астромову удалось организовать четыре диссидентствующие ложи мартинистского толка — «Пылающий лев» (мастер стула В.П. Остен-Дризен), «Дельфин» (мастер стула М.М. Петров, наместный мастер А.Н. Вольский), «Золотой колос» (наместные мастера Н.А. Башмакова и О.Е. Нагорнова). Упражнения в передаче мыслей, столоверчение, гипнотические сеансы, лекции — таков приблизительно был круг их занятий.

В августе 1922 года представители этих лож учредили т.н. ложу-мать Великая ложа «Астрея» и объявили о создании новой, независимой от мартинистов организации «Русское автономное масонство» (члены: А.Н. Вольский, С.В. Поллисадов, М.М. Севастьянов, В.В. Петров, А.Н. Остен-Дризен, Р.А. Кюн). Генеральным секретарем Великой ложи «Астреи» стал Б.В. Астромов.

Располагалась *Astrea Ruthenica*, или Великая ложа «Русская звезда», в доме на Михайловской площади, напротив Михайловского театра, на втором этаже, в квартире О.Е. Нагорновой и ее приемной дочери, на которой был женат Б.В. Астромов. Ложа занимала большой зал с драпировкой голубого цвета. Окна помещения выходили на Михайловскую площадь. Собственная ложа Б.В. Астромова «Три северные звезды» располагалась в его собственной квартире недалеко от Владимирской церкви. Это был обычный кабинет с двумя окнами. В нише одного из них помещался алтарь со всеми необходимыми атрибутами. Чтобы превратить обычный кабинет в масонскую ложу, достаточно было отдернуть занавеси.

Что касается должности Великого мастера, которым был объявлен бывший директор императорских театров В.А. Теляковский (1861—1924), то она, судя по всему, оставалась вакантной, так как в ходе следствия Астромов вы-

нужден был признать факт мистификации «братьев» в этом вопросе и подделку подписи Теляковского на официальных документах ложи.

На основании патентов, выданных Б.В. Астромовым, были открыты две ложи за пределами Ленинграда: «Гармония» в Москве во главе с бывшим мартинистом Сергеем Полисадовым и «Рыцарей пылающего голубя» в Тифлисе во главе с братом Б.В. Астромова Львом Кириченко-Мартовым.

Отношения Б.В. Астромова с советской властью в первые послереволюционные годы были весьма дружественными. *«Петрогубчека, — вспоминал он позднее, — призвал наших руководителей и побеседовав с ними, выяснила, что наша организация стояла и стоит в стороне от политики и занимается философскими вопросами человеческого самоусовершенствования и перевоспитания... Следовательно... Владимир еще до революции был знаком с деятельностью Российского автономного масонства. Поэтому, расспросив нас и заслушав доклад Владимирова, председатель Петрогубчека Комаров махнул добродушно рукой: «Раз вы не против нас, то живите мирно, принося в своем маленьком масштабе известную пользу человечеству».*

«Я не буду касаться моего дальнейшего прохождения гражданской службы после демобилизации по болезни в начале 1920 года, — показывал 3 февраля 1926 года Б.В. Астромов на допросе, — лишь расскажу происшедший у меня разговор с членом Президиума Коминтерна, а тогда комиссаром Петрогуботдела юстиции тов. Я.И. Анвельтом. Тов. Анвельт назначил меня в 1921 г. юрисконсультантом в Смольный. Тогда я пришел к нему и откровенно сказал, что я — масон, а потому, может быть, он передумает. Тот, пристально посмотрев на меня, сказал — «я знаю, что вы порядочный человек». И я был назначен. Этот разговор всегда можно проверить, т. к. т. Анвельт находится в Москве. Труднее проверить разговоры мои с председ. сов. нар. суда в Ленинграде тов. Филиповой, спрашивавшей меня неоднократно, почему я не вступаю в коммунистическую партию, потому что тов. Филипова, захваченная эстонским

правительством и не желая попасть ему в руки, покончила с собой в 1923 г. в Ревеле, но один такой разговор происходил в присутствии нарсуды тов. Арнольд, которая теперь служит во ВЦИКе и, наверно, помнит мой шуточный ответ: «Все равно я уже синдикалист. Ведь и Джон Рид — тоже синдикалист». Это был период моего увлечения масонством.

Каковы мои политические убеждения? Как масон — я гражданин мира, т. е. для меня теперь (во времена студенчества еще существовали) не существует национальных и государственных границ. Для меня все равны: русский, еврей, татарин, индус, китаец и т. д., француз, итальянец и американец; хотя тянет меня к Востоку. Как масон — я стремлюсь к счастью и прогрессу всего человечества, когда не будет ни войн, ни болезней, ни страданий; и вижу, что у нас, в СССР, через диктатуру пролетариата это будет со временем достигнуто в малом масштабе, т. е. в пределах С.С.С.Р.

Значит, нужно стараться поскорее: а) изжить этот переходный период — диктатуру и б) расширить Советы до Всемирного Союза Советов всех освобожденных народностей¹.

Б.В. Астромову даже удалось получить охранную грамоту для Великой ложи «Астрея» и помещения ложи «Аполлоний Тианский» «Ордена мартинистов» во главе с Г.О.Мебесом. Копия этого документа вместе с телефоном уполномоченного ЧК по борьбе с левыми партиями хранилась у председателя домкома масона С.Д. Ларионова².

Церемония посвящения в младшие степени ордена сводилась к следующему. Преклонив колена перед алтарем, неопит зачитывал соответствующий его степени отрывок посвятительной тетради, после чего председательствующий в белой одежде мага делал ему краткое наставление. Закан-

¹ Архив УФСБ РФ по СПб. и Ленинградской области. Д. 12517. т. 1, л. 78.

² Оппок Виталий. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия, 1995, № 2. С. 107.

чивалась церемония приведением неофита к присяге, скрепляемой его подписью кровью из проколотого пальца.

По свидетельству М.М. Севастьянова, которого Б.В. Астромов посвятил в 30-ю масонскую степень (4-я мартинистская), ему в ходе этого таинства пришлось не только поставить кровью отпечаток указательного пальца у своей подписи под текстом клятвы с обетом молчания, но и поцеловать рукоятку ритуального меча и шестиконечную звезду на груди Б.В. Астромова. Кроме того, в соответствии с оккультной традицией, Астромов нарисовал ему на лбу еще и изображение священной пентаграммы, т. е. пятиконечной звезды. Среди ленинградских оккультистов «школа» Б.В. Астромова считалась магической, так как позволяла, по общему мнению, прошедшим ее «подчинять» себе окружающую среду, правда, не прибегая, в отличие от черной магии, к услугам темных, сатанинских сил.

Такова была в общих чертах организация Б.В. Астромова, члены которой оказались втянутыми своим руководителем в крупную политическую игру. Некоторое представление о ней дает подготовленный Б.В. Астромовым и его коллегой по ордену М.М. Севастьяновым 15 августа 1925 г. по просьбе ОГПУ специальный доклад (о нем уже упоминалось в начале нашего очерка), целиком посвященный возможному сотрудничеству между большевиками и масонами.

При помощи ОГПУ доклад был перепечатан на машинке и отправлен в двух экземплярах в Москву, а копия его представлена в Ленинграде в местное отделение ОГПУ. Доклад Б.В. Астромова не был его личной импровизацией на «масонскую» тему. Это был масонский ответ на интересовавшие «специалистов» ОГПУ конкретные вопросы. В первую очередь речь шла, естественно, о возможности использования масонской организации в интересах строительства коммунизма в СССР.

Развивая эту мысль, Б.В. Астромов в своем докладе подчеркнул, что, *«конечно, масоны не претендуют на открытую легализацию, т. к. это будет скорее вредно, чем полезно для работы»*. И тогда, отмечал он, смогут обвинить в «чекизме»

или *«рептильности»*, что непременно оттолкнет от масонства русскую интеллигенцию. Роль масонства должна была главным образом заключаться в том, чтобы убедить лучшую часть ее в *«закономерности переживаемых событий, а следовательно, и неизбежности их»*.

Здесь, по мнению Б.В. Астромова, *«реальная работа»* «Автономного русского масонства» могла бы выразиться прежде всего *«в укреплении в правосознании русской интеллигенции идей интернационализма и коммунизма, а также в борьбе с клерикализмом»*. В конечном итоге Б.В. Астромов предлагал советскому правительству следующий *«modus vivendi»*: советская власть терпит существование масонских лож и ячеек, входящих в союз Генеральной ложи «Астрея», не преследуя ее членов, а Генеральная ложа «Астрея», в свою очередь, берет на себя обязательство *«не иметь никаких тайн от правительства СССР и не находиться в связи или в союзе ни с одним иностранным масонским орденом»*.

Документ — что и говорить — примечательный. Но что или кто стоит за ним? Действительно ли Б.В. Астромов сам додумался до идеи масонизации при негласной поддержке правительства если не всей страны, то хотя бы русской интеллигенции, или же эта идея была подсказана ему во время бесед со «специалистами» ОГПУ?

Ответить на этот вопрос непросто. Дело в том, что, заявляя в ходе следствия, что никаких других целей при создании своей организации, кроме *«самоусовершенствования и самодисциплинирования»* ее членов, он не преследовал, Б.В. Астромов был не вполне искренен. Во всяком случае, попытки Б.В. Астромова связаться с английским масоном Ломбартом Деритом — бывшим пастором англиканской церкви в С.-Петербурге, а также с ректором Туринского университета масоном Горрини позволяют предположить, что планы его шли несколько дальше работы *«над собой»* членов сообщества. Об этом же говорит переписка Астромова с Р.А. Кюном и его хлопоты начиная с 1923 года о получении заграничной визы.

Р.А. Кюн был приятелем Б.В. Астромова и членом его

ложи. Эмигрировав в начале 1920-х гг. в Америку, он попытался установить связь ленинградских масонов с тамошними «братьями», предъявляя им при этом подписанный Б.В. Астромовым «диплом» или «патент» Великой ложи «Астрей» «Автономного русского масонства». Но никакого впечатления на американских масонов бумаги Р.А. Кюна не произвели.

«Вчера говорил опять с историком здешнего факультета (руководитель масонской ложи. — Б.В.), — писал он Астромову из Америки. — Он шельма, очень образованный и недаром историк (масон. — Б.В.). Очень трудно его убедить. Все эти дипломы — все не то, хотя они еще будут рассматриваться на заседании консилиума. Он говорит: почему? — 1) шотландский стиль; 2) египетский рисунок; 3) еврейские подписи... Должно быть не больше трех факультетов (степеней. — Б.В.). И много, много еще ерунды, которой здесь больше нет давным-давно. Они говорят: таких обманщиков много на свете, почитали немного и лезут в ученые»¹.

Как видим, Б.В. Астромов отнюдь не собирался засиживаться на берегах Невы. И все же сама мысль о возможном сотрудничестве масонов с советской властью принадлежит, судя по всему, не Б.В. Астромову.

Здесь скорее всего, как представляется автору этих строк, были задействованы иные силы. Некоторый свет на них проливают показания масона Н.Н. Беклемишева, который свидетельствовал, что уже в конце 1925 г. Б.В. Астромов говорил ему о своем желании устроить в Москве «*ложу с ведома Политуправления, чтобы работать совместно на сближение с западными державами*». «*Припоминаю, — показывал он 3 марта 1926 г. следователям Ленинградского ОГПУ, — что сначала Астромов приписывал эту идею некоему Барченко, а потом уже стал говорить от себя и, кажется, ездил по этому вопросу в Москву*». Таким образом, выясняется, что идея использования масонских каналов для сближения Со-

¹ Оппоков Виталий. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия, 1995, № 2. С. 104.

ветской России с западными державами была подброшена Б.В. Астромову со стороны А.В. Барченко, который, как мы уже знаем, вовлек в 1919 г. в масонскую ложу Г.И. Бокия (могло, впрочем, быть и наоборот) и был, несомненно, связан с ОГПУ.

Правой рукой Б.В. Астромова был наместный мастер московской ложи «Гармония» Сергей Палисадов, с помощью которого ему удалось «выйти» на своего коллегу из «Великого Востока Франции» В.И. Забрженева, работавшего в середине 1920-х гг. в Совнаркоме СССР. Ободренный этим, Б.В. Астромов дает С.В. Полисадову задание связаться посредством орденских знаков с А.В. Луначарским и редактором «Известий» Ю.С. Стекловым (Нахамкисом). Сам Астромов тоже не сидел сложа руки и сумел заинтересовать масонством заведующего отделом международных расчетов в Ленинграде члена ВКП(б) А.Р. Рикса и настойчиво искал встреч с бывшим следователем Петроградской Губчека К.К. Владимировым.

«Иисус Христос, — смущал Б.В. Астромов работавших с ним чекистов, — самый первый христианин, можно сказать, был и первым масоном... Но его можно также назвать и первым большевиком. Хотя все это очень спорно... В нашем понимании Христос — самозванец. Мы чтим Бога как Архитектора Вселенной, как нечто отвлеченное, отвергая официальную религию и церковь. Масоны — скорее большевики, чем христиане»¹.

Сведения о ленинградских масонских ложах, имевшиеся к этому времени в ОГПУ, сводились к тому, что среди их членов немало «высококвалифицированных научных как гражданских, так и военных сил, технических специалистов и пр. — лиц, занимающих крупные должности в советском аппарате, готовящихся выступить против Соввласти». Было известно также и о связях ленинградских лож с заграницей, в частности с масонскими ложами «фашистской Италии». Не остался без внимания чекистов и конспиративный характер

¹ Оппоков Виталий. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия, 1995, № 2. С. 112.

работы масонских лож и их бешеная «борьба с «засильем жидов», Соввластью и ВКП(б)», а также попытки втянуть в масонство «отдельных членов партии, дабы проводить через них свою работу».

Летом 1924 года ОГПУ установило, что вождем «Ордена мартинистов» в Ленинграде является Г.О. Мебес, причем деятельную помощь ему оказывает «*проживающая с ним М.А. Нестерова*». Не было секретом для ОГПУ и имя руководителя Союза «Астрея» — Борис Викторович Астромов-Кириченко-Ватсон. 14 июля 1924 года ОГПУ сумело установить, что на квартире у П.П. Ишимерского собирается оккультный кружок, члены которого занимаются вызовом духов и различного рода предсказаниями, в том числе и политического характера: «*смерть тов. Троцкого от руки женщины*», «*приближающееся царство Николая III*» и т.п. Наружным наблюдением была установлена связь этого кружка с Г.О. Мебесом.

Выяснилось также (апрель 1925 года), что оккультист Г.В. Александров занимался «*вербовкой людей в масонскую организацию, где посвящение производится только после длительного предварительного испытания, причем после посвящения производится тщательное наблюдение за вновь принятым, вплоть до его спальни*». Члены кружка занимались развитием воли, строгим подчинением себе своих желаний. Было установлено также, что сам Г.В. Александров, в свою очередь, является членом ложи Б.В. Астромова.

2 июня 1925 года ОГПУ стало известно о существовании подготовительной масонской группы (20 человек), собиравшейся на квартире у Е.П. Вартапетовой-Бершадской-Баресковой, которая вместе со своим братом А.П. Баресковым и являлась ее руководителем.

Семь месяцев продолжалась провокационная по своей сути деятельность Б.В. Астромова, пока, наконец, работавшие с ним чекисты не поняли, что их подопечный явно не та фигура, с которой можно иметь серьезное дело. Инвалид второй группы (последствие контузии, полученной им в русско-японскую войну), Б.В. Астромов пользовался у ма-

сонов незавидной репутацией не только неуравновешенного, но и лживого, морально нечистоплотного человека. Ни о каком уважении к нему со стороны учеников не могло быть и речи. Весь авторитет Б.В. Астромова среди «братьев» покоился на присущей ему силе гипнотического воздействия на собеседника. В связи с этим среди части «братьев» даже распространилось поверье, что вся магическая сила Астромова заключается в семи длинных волосках на его лысом черепе под академической шапочкой, направление концов которых якобы регулярно меняется им с переменной направленности астрального влияния.

Крайне неблагоприятные для Б.В. Астромова показания относительно его морального облика дали в ходе следствия его теща О.Е. Иванова-Нагорнова и две первые жены: Л.И. Хальфина и баронесса А.Н. Либен. Особенно много нареканий вызывало практикуемое Б.В. Астромовым принуждение своих учениц к вступлению с ним в половую связь в извращенных формах — так называемое *«трехпланное посвящение»*, якобы распространенное в некоторых эзотерических ложах Западной Европы. В развитие этого сюжета стоит отметить, что в ходе следствия в представительство ОГПУ в ЛВО поступило заявление от Е.Л. Юргевич, просящей привлечь Б.В. Астромова за оскорбление, *«имевшее место на вечеринке у Н.Л. Сверчковой, где он пытался ее изнасиловать, а затем, пользуясь гипнозом, подчинил ее волю и принудил к противоестественному половому сношению с собой, а впоследствии неоднократно пытался склонить ее к тому же»*. Свидетельскими показаниями Н.Л. Сверчковой было установлено, что Б.В. Астромов сожительствовал со своей ученицей К.В. Степановой-Михайловой, которая, в свою очередь, не только подтвердила этот факт, но и рассказала, что одновременно с этим тот сожительствовал и с актрисой Горязиной и пытался сожительствовать с другими ее подругами.

Припертый к стенке в ходе следствия своими «братьями» по ордену, Б.В. Астромов защищался как лев. Прежде всего, он постарался отвести свидетельства о якобы прису-

щей ему клеptomании. Характерны в этом отношении его показания от 11 февраля 1926 года:

«Предупрежденный, что за дачу ложных показаний буду привлечен к ответственности по статье 178 УК, показываю:

В[опрос]. Крали ли у кого-либо из знакомых или присваивали ли себе чужие вещи?

О[твет]. Ни у кого и ничего никогда не крал и чужих вещей не присваивал. В краже меня обвиняет, очевидно, приемная мать моей жены — Нагорнова-Иванова Ольга Евграфовна. Был следующий случай: в 1923 году, когда Г.О.М[ебес] окончательно запретил ей бывать у него (с Г.О.М. она жила до 1912/13 годов), благодаря ее интриганскому и взбалмошному характеру она, разозленная на Г.О.М., предложила мне кому-нибудь продать подаренный ей Г.О.М. мартинистический знак 4-й тайной степени в виде пятиконечной звезды, состоящий из семи металлов. Тогда я ей сказал, что зачем ей продавать другим, когда я сам куплю у ней его. Мне она ответила: «Нет, вам я его подарю». Когда же у нас начались с ней несогласия, я ей возместил этот знак вещами, стоимость коих значительно превосходит указанную ею сумму, — 50 рублей. Правдивость вышеизложенного могут подтвердить письма моей жены. Никаких других вещей я у Нагорновой не брал и споров о вещах с ней не заводил, зная ее характер...

В. Какие меры запугивания вы употребляли в отношении непокорных или уходивших от вас масонов?

О. Никаких физических мер запугивания мною не предпринималось. Помню один случай, когда на масона Сверчкова было наложено взыскание за недисциплинированность, а он, обидевшись, подал заявление об уходе. Тогда мною ему было написано письмо, где указывалось, что из-под наказания не уходят, что нужно его сначала выполнить, а потом уходить. В письме была ссылка на принесенную им при посвящении присягу с вытекающими из нарушения ее нравственными последствиями. После этого Сверчков явился ко мне со слезами раскаяния и извинениями. Уходящих учеников у меня не было, и никаких мер и угроз в отношении других масонов мною не предпринималось».

Отрицал Б.В. Астромов какие-либо элементы принуждения и в отношении сожительствовавших с ним учениц, признавая, впрочем, свою приверженность «нетрадиционным» приемам секса. *«Фактов своей извращенности не отрицаю»*, — отмечал он в своих показаниях.

Однако моральный облик Б.В. Астромова, судя по всему, не так уж интересовал следствие. Материалов на эту тему у него и так было предостаточно. Другое дело — заграничные связи Б.В. Астромова. Впрочем, здесь Борис Викторович был немногословен и ответы на задаваемые ему следователями ОГПУ вопросы давал продуманные и взвешенные.

«В. Кому за границу вы посылали сведения о русском маонстве?»

О. Собирался послать выдержки из своей лекции о маонстве для напечатания в итальянских журналах и об этом писал Горрини. Но этой статьи не собрался перевести на итальянский язык и послать. Предполагал везти с собой (речь идет о предполагаемой поездке Астромова в Италию. — Б.В.).

В. Имеете ли родственников за границей помимо жены и где?»

О. Имею только одного брата Михаила Викторовича в Мукдене. Письмо от него получил одно летом 1924 года и на него не отвечал. Был один дядя (двоюродный) в Италии, католик, настоятель католической церкви в Риме. Умер в 1910 году.

В. Почему вы искали знакомства с консульствами?»

О. Знакомств с консульствами я не искал, но когда собирался уезжать за границу, то хлопотал о визах для себя и своей жены. Бывал в латвийском, итальянском, германском и в Москве был в австрийском консульстве уже с готовым паспортом моей жены. Знаком по итальянскому обществу с итальянским консулом, секретарем итальянского консула, а из германского консульства знаю служащего Блюменфельда по Коллегии защитников. В каждом из этих консульств я был не более двух-трех раз по надобностям виз.

В. Кто вам дал визу из Италии?»

О. О визе я начал хлопотать в 1923 году через находившее-

са тогда в Ленинграде коммерческое представительство, где и познакомился с нынешним секретарем итальянского консульства. Визу я получил непосредственно из итальянского министерства иностранных дел по представлению коммерческого агентства.

В. В каких взаимоотношениях вы находитесь с парижской конторой по розыску наследников?

О. Ни в каких. Но знаю о ней следующее. Дризен мне рассказывал, что гражданин Хазин, наживший в свое время крупный капитал на розыске наследников, ныне, переехав в Париж, открыл там такое же бюро и имеет, полагаю, большую агентуру в СССР. Дризен является его рядовым агентом, так как я знаю, что он сам ездил куда-то за Москву, кажется в Рязань, за какими-то документами по поручению Хазина. Я лично с Хазиным виделся несколько раз; в моих хлопотах о получении паспорта в бюро виз и на квартире у Дризена Хазин мне однажды дал адрес парижского адвоката, некоего Бентовского, полагаю, что это его поверенный...»

Воспользовавшись словоохотливостью Б.В. Астромова, следствие потребовало от него подробной характеристики названных им ранее известных ему оккультных групп и их отдельных членов. Б.В. Астромов с готовностью откликнулся на это требование.

«Дополнительно к предыдущему, — читаем мы в его показаниях от 11 февраля 1926 года, — показываю:

Помимо упомянутых оккультных групп, существовал «Эзотерический орден Восточного Послушания» под руководством Семигановского Антона Николаевича. Он родился в Париже в 1887 году от матери-итальянки Диальти, почему эту фамилию он и присоединил после революции к своей. Кончил университет в Санкт-Петербурге. В 1916/17 годах читал лекции по оккультизму в обществе «Сфинкс», председателем коего был Лабода Георгий Осипович. С Г.О.М. он познакомился в 1916 г. (кажется) у оккультистки Гревцовой. Скоро Семигановскому была дана 4-я степень мартинизма, соответствующая 30-й масонской, которая дает право посвящать в младшие степени, и было ему поручено управлять мартинистской ложей

«Зодиак». Эта ложа находилась на квартире Семигановского на площ. Мариинского театра. В этой ложе находились также Ларионов Сергей Дмитриевич и Киселев Борис Львович, а также, кажется, и художник Молчанов Николай Петрович. В своих практических работах по оккультизму (так наз. астральный выход) Семигановский стал прибегать к морфию, к которому скоро пристрастился. К нему же он приучил и своего ученика — Киселева Б.Л.

Благодаря морфию у Семигановского развилась болтливость и мания величия. Для подтверждения ходивших об этом слухов к Семигановскому была подослана мартинистка Демченко Екатерина Григорьевна, которой Семигановский действительно выболтал о своей тайной степени посвящения и своих планах образовать самостоятельный орден, так как он «не хочет подчиняться женщине», то есть Нестеровой Марине Альфредовне. За это он был лишен своих степеней и исключен в 1919—1920 годах из ордена мартинистов.

Семигановский не успокоился и основал собственный христианский «Эзотерический орден». Его помощниками были Ларионов С.Д., Киселев Б.Л. и Смирнов Н.П., которым он для авторитетности сразу дал третью степень мартинизма (чисто формально, не дав им посвячительных тетрадей и не подготовив их теоретически к этой степени). Зимой 1923 года член ложи «Три северные звезды» Казанский Петр Васильевич доложил мне, как своему мастеру стула, что на Басейной, 8, в квартире некоего Ордовского (бухгалтера по профессии) читаются лекции по оккультизму, причем лекторы говорят, что у них имеется несколько групп, большая библиотека по оккультизму и что всю организацию возглавляет видный оккультист, имя которого они пока отказались назвать. Заинтересованный этим, я вместе с Казанским стал посещать эти лекции под видом якобы интересующегося оккультизмом. Сразу же я узнал в лекторах исключенных из среды мартинистов Ларионова и Киселева, которые, как младшие, меня, конечно, не знали...

Случай рассказать орден скоро представился. Ларионов, который был «великим канцлером», давно собирался «съесть»

Семигановского, но неким было его заменить. Сам же он, очевидно, не решался на самостоятельную деятельность. Мой приход в этом отношении был ему на руку. Тем более что я совершенно не был в курсе их орденских дел, а следовательно, сделав меня магистром, а себя наместником, Ларионов получал полную свободу действий. Он подговорил Киселева, слабовольного, как морфиниста, и тот подал заявление в капитул, прося суда над магистром...

Вместо того чтобы исключить Семигановского, я воспользовался своими правами верховного судьи, и, взяв предварительно с них подписку... закрыл «Эзотерический орден» и примыкающую как подготовительная ступень к нему «Эзотерическую церковь» — кружок подготавливавшихся. Происходило это весной 1923 года. Ларионов и Киселев затаили недоброжелательство против меня, но им пришлось подчиниться.

Большой интерес представляют характеристики, данные Б.В. Астромовым ближайшим помощникам Семигановского — С.Д. Ларионову, Б.Л. Киселеву, Н.П. Смирнову.

«Ларионов Сергей Дмитриевич, рождения 1893 или 1895 г. Был студентом-медиком 3-го курса, учился в консерватории, был артистом у Сабурова и, наконец, в одно время с Семигановским сделался священником. В ордене мартинистов он был в младшей степени ассоциата. За устройство своего мистического брака Ларионов был на год исключен из ордена. В 1920 году он появился снова у Нестеровой, предлагая организованную им якобы группу. Эту группу поручено было «посмотреть» Комарову, и тот дал отрицательный отзыв, и ее вхождение (группы) не состоялось. После этого, по слухам, Ларионов принял католичество и был в сношениях с католическим епископом Цепляком. В чем выражалась деятельность Ларионова после возвращения Семигановского в Москву, не знаю.

Киселев Борис Львович, одних почти лет с Ларионовым, был студентом политехникума. В ордене мартинистов был в младшей степени. Находился под руководством Богданова Василия Васильевича. Сначала подавал надежды, но потом, под влиянием Семигановского, пристрастился к морфию и

стал обнаруживать признаки клептомании, за что был удален из ордена.

При образовании Семигановским своего «Эзотерического ордена» был привлечен последним в качестве «ректора» оккультных курсов. Перед самым закрытием ордена у него снова стали проявляться болезненные признаки клептомании. Думаю, что угроза Ларионова рассказать об этом другим и заставила Киселева согласиться на предложение Ларионова подать свою жалобу на Семигановского, так как по натуре своей Киселев не злой человек и не интриган...

Смирнов Николай Петрович был священником 35 лет и ничего из себя интересного не представляет. Семигановскому и Ларионову он, очевидно, нужен был для рекламы, так как редко можно встретить простого попа, который бы занимался столь «богомерзким» делом, как оккультизм.

О других руководителях оккультных групп в Ленинграде дополняю:

Клочков Григорий Владимирович. Знаю, что он был литератором, печатавшимся в газетах. Теперь «профессор» в каком-то военно-учебном заведении. В 1918—1919 гг. жил в Ялте, где, как говорят, успешно лечил магнетизмом (пассажи). Говорят, что некоторые приходившие на костылях уходили от него совершенно здоровыми...

Лобода Георгий Осипович, бывший председатель общества «Сфинкс», где бывали Семигановский и Барченко А.В. Серьезное вначале, общество впоследствии выродилось в столоверчение и в ужины с вином за отдельными столиками. В 1917 году Лобода составил компилятивный сборник «Сфинкс», который, если бы не был так проникнут «лампадным маслом», мог бы служить руководством для начинающих оккультистов. Занятия Лободы оккультизмом носили явно выраженный эротический характер, за что он и поплатился: в него стреляли, пуля попала в рот и, выбив несколько зубов, вылетела наружу, и рана быстро зажила, не оставив повреждений, кроме следов пороха на лице. В 1923—1924 годах он принимал участие в ко-

миссии по изучению психических явлений при Институте мозга. Жена его популярная в Сенновском районе гадалка»¹.

Словоохотливость Б.В. Астромова, помимо, так сказать, шкурного интереса, связанного с возможностью облегчения своей участи, имела и другую, не менее важную основу. Всякие отношения со своими коллегами по ордену были к этому времени у него уже порваны. И дело тут не только в изъянах нравственного облика Генерального секретаря «Автономного русского масонства», которые, конечно же, не могли не беспокоить их. Не менее важно и то, что «братья» быстро догадались о контактах Б.В. Астромова с ОГПУ и, понятное дело, не одобряли их, справедливо подозревая в нем провокатора. Смута, возникшая в связи с этим в «братской» среде, закончилась в конце концов тем, что 16 ноября 1925 г. астромовская ложа «Кубического камня» была закрыта «братьями», что означало фактическое исключение его из им же созданной организации.

22 ноября Б.В. Астромову был предъявлен ультиматум о сложении им с себя звания Генерального секретаря сообщества, которое он в сложившихся обстоятельствах вынужден был принять. 12 декабря 1925 года после долгих проволочек Б.В. Астромов объявил об официальном снятии с себя «звания» члена Генеральной ложи «Астрея» и генерального секретаря. Это был конец Б.В. Астромова, ибо как с частным лицом ни о каком сотрудничестве с ним ОГПУ уже не могло быть и речи. Теперь он мог интересоваться чекистов лишь в качестве подследственного.

И действительно, 30 января 1926 г. Б.В. Астромов был арестован. Начались усиленные допросы ленинградских оккультистов — Г.О. Мебеса, М.А. Нестеровой и других.

«Эзотеризмом, — показывал Г.О. Мебес на допросе 28 апреля 1926 года, — интересовался с давних пор (могу сказать, с молодости). В 1910 году, имея уже вполне сложившее-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 109—117 об.

ся эзотерическое мирозерцание, знакомлюсь с фон Чинским, тогдашним делегатом «Ордена мартинистов парижского послушания»; через два месяца посвящаюсь им в Неведомого начальника (полное март. посвящение); в конце 1910-го (или в начале 1911-го), несмотря на снабжение меня Парижской Высшей герметической школой Почетным дипломом на степень доктора герметизма и очень почетное и доверчивое обращение со мною фон Чинского я неофициально ухожу из ордена, недовольный поверхностным отношением к науке и Преданию большинства членов ордена его печати, а также периодической печати дружественного с ним Парижского каббалистического ордена Креста — Розы. В 1911—1912 гг. работаю самостоятельно, прочитываю несколько публичных лекций; в 1912—1913-го читаю лекции у себя на дому. В этот период времени, собственно, и возникает у меня Автономный разряд мартинизма русского послушания (термин «русский» после Октябрьской революции заменен термином «восточный», и тот и другой термины фактически означали — «не зависящий от Парижа»), что не мешает мне в 1912-м исполнить по просьбе Чинского два-три поручения по части справочной и по посвящению отдельных лиц. В конце 1912-м (или в начале 1913-го) я официально сообщаю Папюсу, что я категорически утверждаю не только фактическую, но и формальную свою автономию и прошу провозгласить это печатно, что и выполняется журналом *Initiation* (правда, в очень мягкой и почтительной ко мне форме, но все же категорично)...

Вся работа по школе велась мною и М.А.Н. только в Ленинграде. Иногородних делегатов не имелось, и самый институт делегирования признается мною неортодоксальным и нецелесообразным, ибо его отрицательные стороны мне исторически известны, хотя бы на примере парижского мартинизма.

Лично я работаю программно только с полноправными Неведомыми нач[альниками], расширяя их философское мирозерцание и критико-исторические подходы к Преданию и к этиологии религиозных верований.

В общем плане работы своей идейно преследую нижеперечисленные цели: мне желательно заставить ученика в строгой постепенности самоанализа пересмотреть все свои знания, все свои верования, все свои привычки, все свои этико-эстетические подходы к жизни. Для облегчения этой работы я с ним рассматриваю сложный философский, научный, жизненный и т. п. материал в очень широких пределах — от грубейших суеверий почти дикого человека до тончайших методологических потуг человека высококультурного. Таким планом работы думаю развить в человеке, во-первых, сознательность, во-вторых, бодрое, мужественное отношение к жизни и спокойное довольство своим положением, как бы скромно оно ни было. Никаких догматических тезисов не навязываю, но как учитель ставлю обязательство работать по моему плану и вести себя согласно тому, что я считаю обязательным минимумом порядочности и серьезности.

На вопрос о том, как я отношусь к дивинации, отвечаю, что считаю уместным для работающих у меня проверять в жизни данные френологического, физиогномического характера, а также данные теории психологических «планетных» типов и так называемых «аналогично-групповых планетных влияний». Что касается астрологии, то она, по-моему, интересна только с точки зрения ознакомления с ее терминологией, проникшей далеко за пределы учения о дивинации, а отчасти и с точки зрения истории религий. Лично я к астрологии отношусь ультраскептически, но годичный гороскоп для Северного полушария составляю, признавая за ним педагогическое значение в смысле указания на опасность тех или других человеческих слабостей: люди всегда лучше запомнят указание на определенные слабости, чем на слабости вообще, хотя бы эти определенные слабости были выбраны случайно.

На вопрос о том, какое я себе отважу место как оккультисту и знаю ли я себе равного по эрудиции в этой области в пределах территории СССР, вынужден ответить, что самого себя судить не могу, а стараюсь только применить честно те скромные познания, которыми обладаю...

Раскрывать псевдонимы и называть своих учеников я не могу — не позволяет совесть»¹.

Решительно отказалась выдавать своих учеников по «школе» и М.А. Нестерова:

«Руководила школой Старого восточного послушания, причем отвечала за правильность руководства перед Григорием Оттоновичем Мебесом. Эта школа организована мною весной 19-го года и работала до последнего времени. Школа ставила своей задачей общеобразовательные цели и затем этико-эстетическое развитие. Устав и программа школы нигде не были зарегистрированы, и школа, следовательно, не является легальной. Ничего противного существующему строю в школе не преподавалось. Всего приблизительно через школу прошло человек 35. Школа отличалась текучестью состава.

Вопрос. Кто персонально являлись вашими учениками?

Ответ. Отказываюсь назвать»².

Принципиальная позиция отказа от «сотрудничества» со следствием, занятая руководителями мартинистов, заслуживает уважения. Однако придерживались ее далеко не все. Особенно неприглядно вел себя с этой точки зрения Б.В. Астромов, который не только раскрыл личный состав ордена, но и «засветил» ряд других оккультных кружков Ленинграда, чего он, конечно, мог и не делать.

«Из других оккультных организаций мне известны:

1) Группа Лободы Георгия Осиповича, образовавшаяся из оккультного общества «Сфинкс», легально существовавшего до 1918 года. Как велико общество и состав его, мне неизвестно. Полагаю, что состав женский, и занимаются там больше столоверчением и молитвословиями.

2) Остаток эзотерического ордена восточного послушания Семигановского под названием «Внутренняя (эзотерическая) церковь». Руководят кружком священник Ларионов Сер-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 503—504.

² Там же, л. 444.

гей Дмитриевич и Киселев Борис Львович. У них ведутся лекционные занятия по истории оккультизма. Состав кружка не знаю.

3) Кружок Клочкова Григория Владимировича с антихристианским направлением. Он работает вместе с женой Патцнер. Знаю, что после ухода из ордена мартинистов у Клочкова бывал Трапицын с женой, который читал там лекции по истории буддизма.

4) Орден рыцарей Грааля под руководством некоего Гошерна-де-ля-Фосс. Занимаются они оккультизмом. Придерживаются чрезвычайно пышного ритуала. Предполагаю в них христианское направление.

5) Кружок доктора Барченко Александра Васильевича. В свое время он бывал в обществе «Сфинкс» и пытался с ним соединиться, но безуспешно. Из членов кружка Барченко знал Шандаревского Петра Сергеевича и Кондалайна А.А. Среди оккультистов Барченко не пользуется хорошей репутацией, как, например, могу указать на распространение им среди учеников рукописи, выдаваемой им за свою, которая есть не что иное, как плохой перевод с французского одной из книжек Элифаса Леви.

6) Знал группу Ломана (жив[ет] на Адмиралтейском канале), занимающуюся также оккультизмом и принадлежащую к антропософии, т. е. учеников Рудольфа Штейнера.

7) Из одиночек оккультистов знаю: 1. Наумова Александра Адельфиевича, ушедшего из кружка Ларионова и занявшегося магнетическим лечением знакомых; 2. Хлебникова Михаила Владимировича (?), у коего на квартире в свое время помещалось общество «Сфинкс»; 3) Беклемишева Николая Николаевича, который, думаю, за старостью оккультизмом уже не занимается.

8) Из одиночек масонов Великого Востока Франции знаю: а) Зарудного А[лександра] С[ергеевича]; б) Морозова Николая Александровича; в) Грузенберга Семена Оскаровича; г) Геккена Вениамина Григорьевича; д) Некрасова [Николая Виссарионовича]¹.

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 94—95.

Уже находясь в Доме предварительного заключения, Астромов пишет 11 февраля 1926 г. письмо И. В. Сталину, где развивает мысль об использовании «красного масонства» не только как объединения коммунистически мыслящих интеллигентов, но и как «форму и маскировку, которые мог бы принять Коминтерн».

«В поданном в авг. м. прошл. года вместе с управляющим мастером московской ложи «Гармония» Полисадовым докладе наблюдающему органу СССР о возможности совместной деятельности Авт[ономного] рус[ского] мас[онства] и коммунизма, — писал Б. В. Астромов, — была вскользь брошена фраза: «красное масонство свободно могло бы существовать рядом с буржуазным — ведь существует же Профинтерн и Коминтерн рядом с рабочими и крестьянскими союзами, примыкающими к Амстердамскому соглашению»¹.

Теперь я хочу указать на красное масонство не только как на объединение коммунистически мыслящих, но как на форму и маскировку, которые мог бы принять Коминтерн. Ни для кого не секрет, что Коминтерн (негласное московское правительство и штаб мировой революции, как его называют на Западе) является главным камнем преткновения для заключения соглашений с Англией, Францией и Америкой и, следовательно, задерживается экономическое возрождение СССР.

Между тем, если бы Коминтерн был перелицован по образцу масонства, т. е. принял бы его внешние формы (конечно, упростив и видоизменив многое), ни Лига Наций, ни кто другой ничего не осмелились бы возразить против его существования как масонской организации. Особенно Франция и Америка, где имеются целые ложи с социалистическим большинством и где правительство большей частью состоит тоже из масонов (напр., Президент Тафт, не бывший раньше масоном, сейчас же по избрании был посвящен в масоны).

Принятие Коминтерном масонской личины — совсем несложно и коснется лишь внешности. Каждая национальная

¹ Такой фразы в августовском докладе Б. В. Астромова 1925 г. нет, хотя общий смысл его предложения передан им верно.

секция его могла бы образовать отдельную ложу — мастерскую, а представители их (президиум) сформировали бы генеральную ложу.

Я удивляюсь, как рабоче-крестьянскому правительству раньше не пришло в голову воспользоваться этой старорбочей, профессиональной организацией, захваченной буржуазией. Конечно, реформировав ее и очистив ее, согласно духу и заветам ленинизма (ведь позаимствовали же рабочие организации идею скаутизма и завели у себя отряды пионеров). Тем более что Соввласть уже взяла масонские символы: пятикон[ечную] звезду, молоток и серп.

Наконец, сама пропаганда ленинизма, благодаря масонской конспирации и дисциплине, могла бы вестись успешнее, особенно в странах Востока, где так склонны ко всему таинственному.

Все, что я здесь пишу, только отдельные мысли, необработанные и недетализированные.

Мне хотелось бы этими строками лишь дать толчок, пробудить Вашу творческую созидательную мысль.

А может быть, это Вас заинтересует. Тогда я готов служить своими знаниями и опытом в этой области в качестве советчика-консультанта или как Вы найдете удобным».

Характерно, что себя незадачливый генеральный секретарь «Автономного русского масонства» видел «в качестве советчика-консультанта» при И.В. Сталине¹.

Жизнь, однако, распорядилась по-другому. Сразу же после ареста Б.В. Астромова дошла очередь и до членов «Русского автономного масонства» и «Ордена мартинистов» во главе с Г.О. Мебесом. В ночь с 16 на 17 апреля 1926 года ОГПУ провело обыски на квартирах наиболее активных деятелей оккультных лож: Г.О. Мебеса, М.А. Нестеровой, С.В. Слободовой, А.П. Барескова, В.Ф. Гредингера, Г.И. Лободы, С.Д. Ларионова, Г.В. Клочкова, А.Н. Патцнер, Н.Г. Сверчкова. «Улов» чекистов был ошеломляющим:

¹ Ленинградские масоны и ОГПУ. Публ. В.С. Брачева // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 275—276.

огромное количество книг, масонских значков, мечей, шпаг, плащей, ленточек и других предметов масонского ритуала, которые были немедленно изъяты. Сложнее обстояло дело с масонским алтарем и молельней, обнаруженными на квартире у Г.О. Мебеса (Греческий пр., д.13/3, кв. 5), которые было решено оставить под сохранность хозяина. После этого ленинградских оккультистов стали то и дело вызывать на допросы в ОГПУ. Однако под арестом держали одного только Б.В. Астромова. В отношении остальных было решено ограничиться подпиской о невыезде.

Характерно, что уже после ареста Б.В. Астромова его ближайшие друзья Георгий Александров, Николай Сверчков и Василий Гредингер пытались спасти организацию, преобразовав ее в ложу «Возрожденный Сфинкс», основанную уже на розенкрейцеровских началах. Основу этого масонского сообщества должны были составить масоны, «оставшиеся от Астромова»¹. Но было уже поздно.

20 мая 1926 года Б.В. Астромову, Г.О. Мебесу и другим оккультистам было предъявлено официальное обвинение. История масонства в России, читаем мы здесь, показывает, что оно всегда было в услужении того или иного капиталистического государства и как течение выросло и развилось из усилий буржуазии, направленных на то, чтобы притупить противоречия, рождаемые классовой борьбой и капиталистической эксплуатацией. *«Усилия буржуазии в этом направлении чрезвычайно разнообразны, и в маскировке классовых противоречий масонство занимает важное место, создавая в обществе атмосферу незыблемости капиталистического строя. Политика буржуазии делается не только в парламентах и передовых статьях. Буржуазия оболочивает сознание промежуточных слоев общества и вождей рабочих партий, парализуя их мысль и волю, создавая на их пути могущественное, хотя и не всегда заметное препятствие».*

Масонство, подчеркивалось в обвинительном заключе-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 687.

нии, по существу своему является не чем иным, как «мелко-буржуазной переделкой католицизма, где роль кардиналов и аббатов играют банкиры и парламентские дельцы, продажные журналисты и адвокаты, а также прочие политические авантюристы. Разбавив католицизм и сократив небесную иерархию до одного лица — Великого архитектора вселенной, масонство приспособило к своему обиходу терминологию демократии: братство, гуманность, истина, справедливость, добродетель и в такой форме является важной составной частью буржуазного режима».

Вступление в масонскую ложу в буржуазных странах означает, как правило, приобщение к высшим сферам политики, так как именно здесь «завязываются карьеристские связи, создаются группировки и вся эта работа покрывается флером морали, мистики и обрядности... Масонство не меняет своей тактики в отношении коммунистической партии: оно не исключает коммунистов из своей среды. Наоборот, оно широко открывает перед ними двери, поскольку его политической функцией как раз и является всасывание в свои ряды представителей рабочего класса, дабы содействовать размягчению их воли, а по возможности и мозгов»¹.

Опасения, что широкая огласка этого дела могла бы привлечь к нему внимание «еще не окрепших идеологически некоторых групп населения» СССР, привели к тому, что судьба ленинградских оккультистов была решена во внесудебном порядке. 18 июня 1926 года дело было рассмотрено Особым совещанием Президиума коллегии ОГПУ. Самое тяжелое наказание — три года концлагерей по ст. 61 УК РСФСР — получил сотрудничавший с ОГПУ Б.В. Астромов, заподозренный чекистами в неискренности. По три года получили его коллеги: В.Ф. Гредингер и С.Д. Ларионов. Остальные 16 обвиняемых — Г.В. Александров, А.А. Егоров, А.А. Антонова, Н.З. Кирюнов, Б.Л. Киселев, А.А. Наумов, С.В. Слободова, М.А. Нестерова, Г.В. Ключков, Г.О. Лобо-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 655—656.

да, Е.П. Вартапетова-Барескова, М.А. Колокольцева, Г.С. Габаяев, А.Н. Патцнер, А.В. Клименко, Г.О. Мебес — отделались сравнительно легким испугом. Как «социально опасные элементы» они подлежали административной ссылке в отдаленные местности СССР сроком на три года. Н.Г. Сверчкову в связи с «временной отлучкой», а также А.П. Барескову, находившемуся в психиатрической больнице, обвинение предъявлено не было¹.

После отбытия срока практически все осужденные получили дополнительно трехлетний срок (это так называемый «минус с двенадцати») и были отправлены на вольные поселения: Г.О. Мебес — в город Усть-Сысольск на Урале, Астромов, Дризен, Петров и Гредингер — на Урал, Палисадов — в Ташкент. Остальные масоны, мартинисты и розенкрейцеры оказались в Сибири (Нарымский край) и Средней Азии. Наконец, после отбытия трех лет ссылки они были освобождены. Но не все дождались долгожданной свободы. В ссылке в Череповце в возрасте 30 лет умер Г.В. Александров. Такая же участь постигла в Усть-Сысольске и Г.О. Мебеса. Характерно, что после его смерти русские масоны передавали из уст в уста, что на его могиле якобы совершенно неожиданно вырос большой куст акации (масонский символ жизни). Одни говорили, что его якобы специально посадил один из учеников Г.О. Мебеса, другие — что кустик появился сам, без всякого содействия рук человеческих, как некогда расцвел на могиле Хирама куст акации².

Что касается московской ложи «Гармония», то она, как это ни удивительно, практически не пострадала. Арестован был один только С.В. Палисадов (сидел в Бутырской тюрьме), который всю вину за организацию нелегального сообщества взял на себя. Очень скоро «Гармония» опять возоб-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 694—698.

² Асеев А. М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, № 2. С. 35.

новила свою работу, правда, уже под руководством не Палисадова, а преподавателя Московского института восточных языков Петра Михайловича Кайзера. Однако просуществовала ложа недолго, и уже в 1930 году, в связи с делом «Русского национального центра», была разгромлена, а члены ее: П.Н. Киселев, М.Г. Попов и другие — арестованы. Руководитель ложи П.М. Кайзер-Ясман был расстрелян. В том же 1930 году был расстрелян и ряд ленинградских масонов: бывший полковник пограничной стражи Александр Сергеевич Гирс и бывший подпоручик лейбгвардии Павловского полка Георгий Алексеевич Клодт¹.

Что же касается Б.В. Астромова, то местом его пребывания после отбытия наказания стал город Гудауты Абхазской АССР, где он устроился работать завлабораторией местного табачного завода. 10 июля 1940 года он был вновь арестован сотрудниками 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

«Трудно поверить, — писала в связи с делом Б.В. Астромова «Ленинградская правда», — что еще совсем недавно в Ленинграде функционировали четыре масонские ложи. Четыре самых настоящих, вполне серьезных масонских ложи с несколькими десятками членов, с магистрами, с мастерами, с посвящениями, клятвами, подписанными кровью, с уставом, заграничной перепиской, служениями, заседаниями и даже членскими взносами. Генеральным секретарем, магистром и инициатором этой «Великой ложи Астреи» — братства российских масонов был некто Астромов-Кириченко-Ватсон. Его личность сама по себе требует клинического изучения. Хронический и врожденный авантюрист, гипнотизер, бывший кавалергард, тип патологический в половом смысле, утверждавший, что ведет свой род от Наполеона I, и доказывавший это своим поразительным сходством с последним, — он был идеологом и трибуном «вольных каменщиков». Бульварный авантюризм сочетался в масонском главаре со своеобразной эрудицией. В делах житейских он прошел сложный темный путь...

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 63.

Для организации масонского ордена он окружил себя не только соответствующей бутафорией, но и компанией изуверов, обскурантов и мракобесов. Откуда-то он приискал для своего дела некоего Мебеса — дворянина, автора многих оккультных книг и владельца крупнейшей в мире коллекции порнографических открыток. В анкете Мебес на вопрос о социальном происхождении ответил, что происходит «от Адама». Каким-то образом Астромов раздобыл и старуху (М.А. Нестерова. — Б.В.), имевшую гипнотическое влияние на женщин — членов ложи и вымогавшую у них деньги и молчание.

Дело развивалось в порядке строгой последовательности. Упомянутый изысканный актив занимался вербовкой «вольных каменщиков», агитацией и пропагандой. Новые братья и сестры, в свою очередь, вербовали своих друзей. Отечественное масонство разрасталось. Нового посвящаемого приводили в комнату Великого магистра под таинственный свет старинных фонарей, среди библий, иероглифов, эмблем, «кафинских узлов» и пентаграмм. Ему демонстрировали пару-другую призраков, сделанных с помощью киноаппарата, нескольких вертящихся столов, переламывали над ним шпагу, заставляли подписаться кровью и требовали членские взносы. Таким образом были посвящены покойный Теляковский, балерина (ошибка: надо артист балета. — Б.В.), несколько видных кинорежиссеров и артистов, сын придворного кондитера, библиотекарь, пара-другая счетоводов, десяток женщин без определенных занятий, поэты, славянофилы, интеллигенты, обыватели, бывшие офицеры, дворяне и даже пом. прокурора ЛВО Гредингер, оказавшийся впоследствии авантюристом и заявлявший, что он розенкрейцер и что он уже жил в нескольких веках на протяжении разных столетий.

Конечно же, происходили служения и собрания. Они заключались в мистических занятиях и, как гласит устав, «гармонизации» братьев с сестрами, то есть, попросту говоря, в самом настоящем блуде. В распоряжении ложи имелась обширная порнографическая литература... Однако, конечно, этой музыкой не ограничивалось истинное лицо масонской ложи. Кроме денежного вымогательства, здесь имелись и политические задачи: масоны мечтали о власти масонства на

Руси и о постепенном совращении большевиков на путь масонства!

Но, пожалуй, самое примечательное во всей этой галиматье — это то, что внешне под нее подводится архиреволюционный «идеологический базис». Масоны писали льстивые письма нашим ответственным работникам и рядовым партийцам, в которых заверяли о своем горячем сочувствии советской власти и коммунистической партии. Более того, они заявляли, что задачи и цели масонства тождественны задачам и целям ВКП(б). Астромов пытался даже напечатать в «Прожекторе» статью «Великая французская революция и масоны». Масонская ложа посылала своих наиболее красноречивых агитаторов к советским работникам, но — ясное дело — им не удалось завербовать ни одного партийца»¹.

Характерной особенностью фельетонов является усиленный нажим (особенно это характерно для второй публикации — в «Красной газете») на моральную нечистоплотность «братьев» и «сестер». «Трудно, да и омерзительно описывать в газетной статье, — констатируют авторы, — все формы и разветвления масонской работы. Кроме телепатии и психометрии, в промежутках между антисоветской пропагандой, во всех этих ложах: «Пылающий лев», «Дельфин», «Золотой колос», «Цветущая акация», «Кубический камень» процветали самые противоестественные формы порока. «Пылающий лев» на поверку оказывался всего лишь тлеющей собакой. Среди главарей масонской организации существовала так называемая любовная цепь, по которой все женщины переходили от одного главаря к другому в последовательном порядке (в протоколах допросов этот факт не отражен. — Б.В.). Половые литургии у аналоев, радения среди кадилниц, похабнейший блуд в стиле Поль де Кока среди стигматов божественного блаженства. Здесь, в этой масонской галиматье, лишний раз подтвердилось известное психологическое сочетание ме-

¹ Бр. Тур. Галиматья // Ленинградская правда, 5 янв. 1928 г. С. 2.

тафизики и эротизма, аскетическое богословие Фомы Аквината и вавилонский разврат Таисы всегда были связаны роковой близостью»¹.

2. «ОРДЕН РЫЦАРЕЙ СВЯТОГО ГРААЛЯ» А.Г. ГОШЕРОН-ДЕЛАФОСА

Самое любопытное во всей этой истории с фельетонами — это то, что появились они задним, так сказать, числом — через полтора-два года после осуждения Б.В. Астромова и руководителей ордена мартинистов. И на то были серьезные причины.

Дело в том, что вскоре после окончания «масонского дела» 1926 года ОГПУ вышло на след еще нескольких оккультных организаций. Едва ли не на первом месте среди них значился и «Орден рыцарей Святого Грааля». Возглавлял его француз — Александр Габриэлович Гошерон-Делафос, подвизавшийся в 1920-е гг. в роли контролера финансового контрольного отдела Губфо.

Мы уже знаем, что первыми, кто получил возможность обратиться к изучению архивно-следственных дел ленинградских оккультистов, были не историки, а журналисты — Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей, разразившиеся целым рядом написанных на их основе статей, опубликованных в 1928 году в ленинградских газетах. Не обошли они своим вниманием и дело Гошерон-Делафоса. Было бы несправедливо, если бы мы оставили без внимания их или, вернее сказать, «огэпэушную» интерпретацию истории и характера деятельности его кружка. Правда, в отличие от предыдущих фельетонов, статья о «Братстве Святого Грааля» лишена присущего их произведениям блеска (сказалась бедность и сухость имевшегося в их распоряжении следственного материала), но читается она, безусловно, с большим интересом.

¹ Бр. Тур. Тень от нуля (масоны в Ленинграде) // Красная газета, 15 июня 1928 г. Вечер. выпуск. С. 5.

«Мы слышали о Черном Интернационале анархистов, — начинают свою статью Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей. — Нам известен Желтый Интернационал Бонкура и Жуо. Мы знаем, наконец, красный Интернационал коммунизма. Но голубой Интернационал! Вряд ли слышал о таком кто-нибудь из читателей. Между тем этот лазурный интернационал существовал совершенно конкретно и неопровержимо, причем центр его до сего времени находился в Ленинграде, — интригуют они читателя. — Правда, этот интернационал состоял всего из нескольких десятков человек, но тем не менее он имел вполне определенное лицо и четкую идеологическую платформу.

В сущности говоря, этот голубой интернационал являлся детищем «Ордена Святого Грааля». Поэтому сначала расскажем пару слов о самом ордене, ибо, «к сожалению», сей орден не пользовался достаточной популярностью среди широких масс.

Ленинградский «Орден Святого Грааля» являлся средоточием мистически настроенной интеллигенции, богемы и «бывших людей». Его возглавлял некто Александр Габриэлович Гошерон-Делафос. Этот гражданин со звучной фамилией служил контролером Губфо. В орден принимались исключительно бывшие дворяне. Сюда входили, кроме Гошерона-Делафоса, Цуханов — делопроизводитель Академии наук, Пуаре-Пургольд — художница, чьи муж и мать сидят в Соловках, Михновский — контролер Госипподрома, уже не раз привлекавшийся за агитацию, Шляхтина-Адамсон — дочь полковника, эмигрировавшего во Францию, Анна Фогт — актриса, переводчица издательства «Радуга», Тюлин — преподаватель консерватории, Битютко — работник концессионного предприятия «Бергерт и Вирт» и другие. Все эти колоритные фигуры, — подчеркивалось в статье, — обладают высшим образованием и происходят, конечно, из дворян...»

Главным лейтмотивом статьи являлся тезис об антисоветском характере деятельности ордена. «Согласно уставу, — утверждали ее авторы, — рыцарям Чаши Святого Грааля вменялось в обязанность вести антисоветскую агитацию на кораблях, на пристани, дома, у друзей, на улице, в консер-

ватории, на высокой работе, на низкой, в пивной, везде, всюду, всегда, где находятся рыцари Святого Грааля».

Политическая программа ордена, утверждали они, достаточно четко «окрашена в национальные цвета бывшей Российской империи. Критикуя все существующие формы государственного устройства, орден признавал идеальной формой государственного строя систему абсолютной монархии. Основой этого учения являлся «научно обоснованный» догмат, что не личность должна служить обществу, а, наоборот, общество — личности. «Индивидуализм — знамя и двигатель прогресса. Масса, толпа — символ грубой силы, застоя, косности. Все тонкое, красивое — от индивида, все животное, безобразное — от массы» (официальная доктрина ордена).

Но спасения одной своей заблудшей Отчизны тщедушным рыцарям Грааля, видите ли, казалось мало. Необходимо благодетельствовать все человечество. Они желали поселить свои мудрые идеи в душах всего мира и для этого считали необходимым создать свой интернационал. Об этом они декларировали почти в стихотворной форме: «Не красный — символ крови, ненависти и насилия. Не черный — символ мрачной решимости и смерти. А лазурный — символ неба, воздуха и простора. Итак — новый, Голубой интернационал монархии».

Сии политические гекзаметры нуждались в реальном подкреплении, тем более что орден признавал необходимость активной борьбы за свои идеи. Члены ордена должны были заниматься «изучением целей и путей борьбы, особенностей поля битвы, качества оружия и способов владения им».

Магистр Гошерон-Делафос для того, чтобы поддержать дух своих рыцарей, кормил их баснями о том, что орден должен скоро получить значительные денежные субсидии от заграничных капиталистов. Конечно же, для него самого было ясно, что никто из финансистов, хотя бы и ослепленный ненавистью к Советскому Союзу, не даст ни копейки на это маниакальное предприятие. Но магистр Делафос не останавливался на этом и продолжал хвастать, что имел встречу с каким-то приезжавшим из Рима аббатом и будто бы вел переписку с «мыслящим» Западом.

Такова история голубого интернационала в Ленинграде, — отмечала в заключение газета. — Влага серенькое и жалкое существование, его рыцари питали весьма голубые и прозрачные надежды. Но эти надежды были растоптаны бдительными руками рабочей диктатуры в самом цвету».

Характеризуя далее «Орден Святого Грааля» как «экстракт из тупого юродства и неудавшихся покушений», «перья ОГПУ» — Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей усматривали в этой оккультной организации «бесплодную злость некоторой категории общественных импотентов», «озлобленное отчаяние», «жестокую тоску» и даже «собачьи порывы» людей, выбитых из седла и очутившихся «под конем, легших как обреченные шпалы под железный путь нашей эпохи. И в этом бесплодном бесновании — их печальный и единственный удел»¹.

Теперь, когда читатель уже получил хотя и «огэпэушное», но все же какое-то самое общее представление о «Братстве Святого Грааля», самое время обратиться к первоисточнику вдохновения Л.Д. Тубельского и П.Л. Рыжей — самому архивно-следственному делу А.Г. Гошерона-Делафоса.

Старейшими членами ордена были близкие друзья Делафоса: Николай Цуханов и Михаил Битютко, которые и составляли вместе с ним руководящий «треугольник» организации. Среди других «братьев» и «сестер»: художница М.А. Пуаре-Пургольд, артистка театра А.И. Фогт, студентка ЛГУ Наталья Тарновская, музыкант А.А. Кинель, археолог Г.В. Михновский, композитор и музыковед Ю.А. Зингер. Фактически орден возник не ранее 1916 года, хотя первые посвящения в него А.Г. Делафос совершил еще в 1914 году (поэт Дмитрий Коковцов и Николай Цуханов). Дело в том, что к этому времени Делафос возвратился из поездки по Франции, где и был, видимо, посвящен, хотя на следствии он и отрицал этот факт.

Во главе ордена стоял «треугольник» (Александр Гоше-

¹ Бр. Тур. Голубой интернационал магистра Делафоса // Ленинградская правда, 29 июня 1928 г.: С. 3.

рон-Делафос, Николай Цуханов, Михаил Бицютко). Степеней посвящения в ордене было семь: паж, рыцарь, лебедь, страж, шеф, помощник, учитель. Высшей степенью посвящения — «Учитель» — обладал Александр Гошерон-Делафос. Николай Цуханов и Михаил Бицютко подвизались в качестве «помощников» («эдов»). А.А. Кенель обладала степенью «внемерный луч». Георгий Михновский и Александра Шляхтина-Адамсон были посвящены в степень «шеф», Анна Фогт, Марианна Пуаре-Пургольд и Юрий Тюлин — «хранитель» (или «страж»). Наконец, самый младший член сообщества, 22-летняя студентка Зинаида Иванова, подвизалась и в самой младшей степени — «рыцарь».

В свою очередь, каждый «эд» должен был иметь трех учеников — «гардов» («стражей»), каждый «гард» — трех «лебедей», каждый «лебедь» — двух «рыцарей». Настольным руководством для членов ордена являлись: «Историческая традиция Святого Грааля» и «Великое наставление» как образец высоконравственного поведения рыцаря Святого Грааля. Истоки своего ордена члены его возводили к дому французских герцогов Анжуйских, традиции которого якобы выражал потомок этого дома, глава ордена, «Учитель» А.Г. Гошерон-Делафос.

Прием новых членов происходил при соблюдении соответственного ритуала, который состоял в том, что «треугольник» произносил ряд формул и заклинаний, а посвящаемый давал торжественную клятву — хранить тайны ордена и его название. На собраниях рыцарей перед посвящением и включением в магическую цепь новых членов, глава ордена читал лекцию-наставление и рассказывал подробности своего посещения центра всей системы ордена, находящегося во Франции, где якобы производится такая же работа и подготовка к посвящению новых рыцарей. На торжественном собрании рыцарей «Св. Грааля» 8 мая 1927 года по случаю годовщины существования ордена в России Гошерон-Делафос сообщил о предстоящем приезде представителя высшей системы ордена из-за границы для обследования степени подготовленности рыцарей в Ленинграде и предложил усилить как занятия с учениками, так и

связь между отдельными рыцарями. Одновременно Гошерон указал, что, если работа будет признана удовлетворительной, возможно, последует денежная субсидия ордену и ежемесячное вознаграждение его членам.

Официально декларируемая цель ордена — «*усовершенствование мыслительных и нравственных способностей*» рыцарей «Чаша святого Грааля» по мере их продвижения по лестнице степеней — не отличалась оригинальностью и была сродни целям, декларируемым другими масонскими сообществами всех времен. Легенды о Граале — чаше, в которую якобы стекала кровь распятого Христа, после того как римский центурион Лонгин пронзил копьем его грудь, и Парсифале — рыцаре, который удостоился высокой чести войти в братство Св. Грааля, — так же почитаемы у масонов, как и миф об Адонираме — строителе Соломонова храма. Сам А.Г. Делафос говорил своим ученикам о существовании некоего идеального центра Св. Грааля в полуразрушенном рыцарском замке Монсалват в Бретани во Франции, увидеть и войти в который могут только посвященные.

Мистико-религиозная философия, проповедуемая Делафосом, уходит своими корнями в средневековое сектантство, известное в литературе как манихейство — доктрина, исповедуемая еретическими движениями катаров, вальденсов и альбигойцев. Помимо чаши, в символике ордена присутствовали также крест и светящаяся пентаграмма.

В ночь на 15 июня 1927 года члены мистического братства были арестованы. При обыске у них было изъято большое количество оккультной литературы и богатый архив ордена: протоколы собраний, записи лекций, описания ритуалов при посвящении, а также рисунки разного рода оккультной символики.

В ходе следствия А.Г. Гошерон-Делафос энергично отрицал факт своего посвящения и связывал образование ордена исключительно со своим интересом к европейскому средневековью и своей литературной работой¹. Собствен-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14368, л. 7 — 9.

но, так и должен был себя вести в ходе допросов эзотерист-масон, да и просто разумный человек. Немногословны были и другие члены сообщества. «*Организация, если можно так выразиться*, — заявил, например, Н.И. Цуханов на допросе 16 июня 1927 года, — *существует как научно-философское течение с 1917 или с 1916 года. Впервые я узнал об этом из книг, названий которых не помню. Несколько человек, как-то: Битютко Михаил Михайлович, Пуаре Марианна Александровна, Колокольцева Мария Александровна и семья Фогт: Анна Ивановна, Михаил Федорович и Федор Федорович — объединились в то время и занимались вопросами оккультного характера с научно-философским подходом. Эта группа существует и до настоящего времени. Больше лиц, этим занимающихся, я не знаю*¹.

Более откровенен был допрошенный в качестве свидетеля музыкант Юрий Зандер, отметивший антисоветский характер высказываний некоторых членов кружка (Н.И. Цуханова, Г.В. Михновского)². В целом же протоколы допросов арестованных поражают удивительной бедностью своего содержания. Понять это можно. Большой политики в деятельности членов кружка не было — одни обывательские разговоры. Что же касается оккультной, мистической стороны работы кружка, то она следствие интересовала мало. Еще меньше в ее раскрытии были заинтересованы сами арестованные.

Как бы то ни было, в обвинительном заключении по делу однозначно утверждалось, что «Орден Святого Грааля» является «*организацией нелегальной и антисоветской*», а по сему следствие на этом основании было решено считать законченным, а предъявленное обвинение в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 5 УК РСФСР, — доказанным³.

Наиболее суровое наказание, в соответствии с поста-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14368, л. 40.

² Там же. Л. 102—104.

³ Там же. Л. 103 — 111.

новлением Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 года — 10 лет концлагерей, — было определено А.Г. Гошерон-Делафосу, по 5 лет получили М.М. Бипютко, Г.В. Михновский и Н.И. Цуханов. По 3 года концлагерей получили М.А. Пуаре-Пургольд и А.А. Кенель. Более мягкое наказание — 3 года ссылки — ждало А.И. Фогт (Сибирь) и А.Я. Шляхтину-Адамсон (Средняя Азия). В отношении Ю.Н. Тюлина и З.К. Ивановой дело было прекращено.

Суровость приговора, явно не соответствующая тяжести содеянного арестованными, не может не озадачить, хотя только на первый взгляд. Если же обратить внимание на то, что практически все подследственные «из дворян», то все становится на свои места. Да и позиция ОГПУ в отношении оккультистов к этому времени уже определилась, что не замедлило сказаться и на судьбе других групп масонского толка, действовавших в 1920-е годы в Ленинграде. Одной из них являлось «Братство истинного служения», известное, впрочем, и под другим названием — «Эзотерическая ложа».

3. «БРАТСТВО ИСТИННОГО СЛУЖЕНИЯ»

Г.А. ТЮФЯЕВА И В.Г. ЛАБАЗИНА

В начале февраля 1927 года в ПП ОГПУ в ЛВО стали поступать сведения о том, что в квартире № 28, дом 43 в по Кировской улице у Георгия Анатольевича Тюфяева, конторского служащего из недоучившихся студентов (3 курса юрфака Петербургского университета), происходят собрания оккультистов, устроивших тайный оккультный клуб для совершения молитв и проведения спиритических сеансов. После проверки указанных сведений выяснилось, что сведения эти соответствуют действительности, поскольку на квартире Тюфяева происходят собрания членов нелегальной оккультной и религиозной организации, носящей на-

звание «Эзотерическая ложа» или «Братство истинного служения».

Собрания членов этой ложи происходили каждые 9 дней в специально приспособленном храме для совершения молитв, после которых устраивались спиритические сеансы. В них участвовало до 40 человек. «Братство истинного служения» возникло в начале 1925 года, а до этого существовало как оккультный кружок, члены которого занимались спиритизмом и изучением оккультных наук под руководством уже упомянутого Г.А. Тюфяева и Владимира Германовича Лабазина.

Прием новых лиц производился по поручительству одного из членов «Братства». Вступающий приносил клятву верности «Братству» и брал на себя обязательство под страхом строгой кары хранить в тайне все происходящее в «Братстве», а также само его существование, не открывая этого никому, даже своим родственникам. После этого вступающий принимал посвящение в первую степень — «ищущего». Всего существовало четыре степени посвящения: «ищущий», «идуший», «ведущий», «поучающий».

Вступающий в «Братство» проходил определенный курс оккультных знаний в специально составленных группах (согласно подготовленности отдельных членов «Братства»), причем члены одной группы не могли переходить по своему желанию в другую группу и должны были хранить в секрете все происходящее в своей группе.

Кроме того, члены «Братства» платили членские взносы в размере не меньше 1 рубля в месяц и, по возможности, вносили пожертвования на содержание храма. Считалось, что все члены «Братства», находясь под покровительством архангела Рафаэля, должны строго выполнять все его распоряжения, которые передаются во время спиритических сеансов через дисковые беседы или медиумов.

Основной целью «Братства», доложил информатор ОГПУ, являлось практическое и теоретическое изучение эзотерических явлений посредством спиритических сеансов. «Братство истинного служения» имело рукописные ма-

териалы выработанных обрядов и ритуал, по которым совершались молитвы архангелам, а также формулы клятв и посвящений, а также специально сшитую одежду, надеваемую при молитвах всеми посвященными «братьями» и «сестрами».

Особый интерес у ОГПУ вызвали проповеди пастырей «Братства»: Георгия Анатольевича и Лидии Владимировны Тюфяевых, Владимира Николаевича Очнева-Лефевра и Александра Ивановича Сикстеля, энергично внушавших своим слушателям, что в течение веков происходит борьба между Христом и Антихристом. В России в 1917 году победил Антихрист и с силой распространяет свою власть, увлекая всех в непроглядную бесконечную тьму Черного треугольника. Постепенно, через организации, устроенные Антихристом на земле, он разрушает храмы и церкви, а руководителей их убивает и отправляет в ссылку.

Сами руководители — пастыри «Братства» не могут служить в советских учреждениях, потому что такой службой они поддерживали бы власть Антихриста.

Членам «Братства» от имени архангела Рафаэля разрешалось работать в советских учреждениях исключительно «за хлеб», чтобы не умереть с голода, и запрещалось участвовать в работе общественных советских организаций, так как этим они поддерживали власть Антихриста.

В конце марта были получены сведения, что ложа Г.А. Тюфяева настолько заполнена, что не может принимать новых членов, для чего в квартире № 27 того же дома была срочно устроена новая ложа, где был оборудован еще один храм под руководством Алексея Алексеевича Разуваева. Одновременно, по предложению Тюфяева, проводилась большая кампания по вовлечению в ложу новых членов, главным образом из мистически настроенной молодежи.

В ночь на 13 мая ОГПУ произвело обыски у членов «Братства» и арестовало 15 наиболее активных его участников: Г.А. Тюфяева, Л.В. Тюфяеву, В.С. Берестина, А.И. Сикстеля, В.Н. Очнева-Лефевра, Е.И. Очневу-Лефевр, А.А. Разуваева, А.А. Разуваеву, Л.Н. Люценко, Н.А. Ольховскую-

Ростову, М.П. Протасова, О.П. Грицнер-Варламову, Е.М. Калачникову, А.Д. Локтеву и В.Г. Лабазина. При обысках было изъято оборудование двух храмов, а также большое количество оккультной литературы, символических изображений, пасторская одежда, устав и печать «Братства», а также такие сугубо «мирские» предметы, как пишущая машинка и револьвер.

В ходе предварительного следствия выяснилось, что еще в конце 1924 года Г.А. Тюфяев, В.Г. Лабазин и М.Д. Нилов организовали кружок под названием «Научно-спиритическое общество», в который, помимо них, вошли Любовь Зюньзя, Надежда Радынская, Вера Лабазина, Аглаида Раттай, Эмиль Солтис и несколько девиц из соседнего интерната. Через некоторое время Г.А. Тюфяев сообщил, что архангел Рафаэль требует от общества гармонии между его членами. Гармония эта должна была выражаться в телесной и духовной связи между мужчинами и женщинами кружка. «Сгармонироваться», согласно требованию архангела Рафаэля, должны были следующие пары: Г.А. Тюфяев с Н.А. Радынской, Н.Д. Нилов с А.Н. Ратай, Э.Л. Солтис — с В.Г. Лабазиной, В.Г. Лабазин — с Л.А. Зюньзя.

Неофициально Г.А. Тюфяев, пользуясь положением руководителя, пожелал «сгармонироваться» и с другими женщинами, в частности с двумя девушками из интерната. Последние от этого предложения, однако, отказались, переведа все в шутку. Больше их на заседаниях кружка никто не видел. Несмотря на претензии к Г.А. Тюфяеву со стороны «сестер» и его трения с В.Г. Лабазиным, также претендовавшим на роль руководителя кружка, основное его ядро не только было сохранено, но и сам кружок непрерывно пополнялся за счет новых членов. Как видно из протоколов допросов арестованных, многие из них оказались втянутыми в кружок, наивно надеясь пообщаться таким образом со своими умершими родственниками, что вполне определенно обещал им Г.А. Тюфяев.

Как бы то ни было, резкое возрастание численности кружка позволило Г.А. Тюфяеву объявить в конце 1925 года

о преобразовании его в «Братство истинного служения», численность которого, как уже отмечалось, доходила до 40 человек. Достоверные же сведения о членстве в «Братстве» ОГПУ удалось получить только в отношении 33 «братьев» и «сестер». Это «пасторы ложи № 4» Г.А. Тюфяев, Л.В. Тюфяева, А.И. Сикстель, В.Н. Очнев-Лефевр, «пасторы ложи № 2 (базирувавшейся в квартире № 27)» А.А. Разуваев и В.Г. Лабазин, казначей ложи № 4 В.С. Берестин, медиумы ложи № 2 Н.А. Ольховская-Ростова и Л.А. Зюньзя, медиум ложи № 4 Е.И. Крель, временный пастор ложи № 4 М.П. Протасов, «сестры» ложи № 4 Е.М. Калачникова, А.Д. Локтева, Е.И. Очнева-Лефевр, Н.И. Бутова, А.А. Разуваева, Н.А. Радынская, А.Н. Раттай, А.С. Кункевич, Т.В. Калачникова, А.М. Розенгейм, А.Н. Азбелева, М.М. Александрова, Е.И. Лапина, А.В. Козлянинова, Д.В. Титова, Т.В. Козлянинова, Л.П. Масленникова, Н.А. Азмидова, А.И. Мишина, «сестры» ложи № 2 Л.Н. Люценко и О.П. Грицнер-Варламова, и, наконец, «брат» ложи № 4 М.Д. Нилов.

В ходе следствия Г.А. Тюфяев вынужден был сознаться в мистификации «братьев» и «сестер»¹. Я признаю себя виновным, заявил он, в том, что обманывал «братьев», поскольку сам не верил в правоту теософских учителей и высших духов. Относительно «высокопосвященных братьев» Эбрамара и Андрея он также вынужден был признать, что в действительности они не существовали и были использованы им для поднятия своего авторитета среди членов «Братства». Вынужден был он признать и неприглядность своего поведения в отношении «сестер» «Братства». Я, свидетельствовала «сестра» Л.В. Шернспец, участвовала в спиритических сеансах, устраиваемых Г.А. Тюфяевым в помещении Государственного художественно-промышленного техникума и в квартирах по Пушкинской и Кировской улицам, где оказалась под его влиянием. Оказывается, Г.А. Тюфяев принуждал ее к половому сожительству, симулируя прика-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 9315, т. 2, л. 130—138.

зания архангела Рафаэля через диск. Фанатизм Лиды Шернспец был, однако, настолько велик, что она уже была намерена отдаться ему, но, вовремя узнав об обманах Тюфяева, она ушла из «Братства».

Из допросов Ю.М. и В.М. Шернспец выяснилось, что они также оказались жертвами Тюфяева, который вымогал у них деньги и одежду, а В.М.Шернспец таким же образом принуждал к вступлению с ним в половую связь. Под давлением улик Г.А. Тюфяев также вынужден был признать свою вину, что, пользуясь авторитетом братьев Эбрамара и Андрея, посылал от их имени письма членам «Братства» — Наталье Ольховской и Лидии Люценко с целью принуждения их к половой связи с ним.

В ходе следствия всплыл вопрос об отношении Г.А. Тюфяева к ордену «Звезды на Востоке», члены которого Агния Разуваева, Анна Калачникова и Евгения Лапина подвизались в то же время и в качестве сестер «Братства истинного служения». Признав факт агитации его в это теософское оккультное сообщество, Г.А. Тюфяев подчеркнул свое отрицательное отношение к нему. *«Скажу так, — показывал он. — Впервые я узнал об этой организации от гражданки Агнии Разуваевой, которая и познакомила меня весьма спутанно с идеями ордена, показавшимися мне абсурдными... так как я совершенно не разделял мнения теософских учителей о каком-то пришествии на землю Христа, что является сущей утопией»¹.*

Видную роль в «Братстве» играл безработный артист драмы В.Н. Очнев-Лефевр. *«Этот дом по Советскому проспекту, — писала «Красная газета», — почти ничем не выделяется среди остальных. На нем нет ни памятной доски, ни геральдических гербов. Однако — кто бы мог подумать — еще совсем недавно в нем проживал Людовик XVI, король Франции и Наварры. Он проживал здесь до нынешних времен, пока не выбрал места не столь отдаленные, к северу от Ленинграда.*

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 9315, т. 2, л. 137.

Впрочем, настоящее имя Людовика XVI было Владимир Николаевич Очнев-Лефевр. Дворянин, сын придворного кондитера, он был одним из активнейших членов «Эзотерического ордена», или «Братства истинного служения». Этот орден был основан в 1924 году и работал вплоть до наших дней. Мистическое братство это возглавлялось неким Тюфяевым, отцом Георгием, — бывшим дворянином, бывшим студентом, бывшим человеком. Очнев же играл в «Братстве» роль перевоплощенного Людовика XVI, призванного спасти Россию и Францию... В одной из проповедей Тюфяев, между прочим, сообщил, что наряду с «Братством истинного служения» существует «Черное братство», где собираются слуги антихриста. И что на одном из этих «Черных братств» он, Тюфяев, был и видел, как Зиновьев причащался кровью двухлетнего убитого ребенка»¹.

Состав «Братства» — безработные артисты (В.Н. Очнев-Лефевр, Л.Н. Люценко, Н.А. Ольховская-Ростова, Е.М. Калачникова, Л.А. Зюньзя), вдовы и дочери бывших царских офицеров (А.С. Кункевич, Е.И. Крель, М.М. Александрова, О.П. Грицнер-Варламова и другие) — практически все «из дворян». Успех у этой специфической публики умело организуемых Георгием Тюфяевым «медиумических сеансов» и «трансов» вполне закономерен.

Несмотря на очевидное отсутствие серьезной «политики» в деятельности «Братства истинного служения», приговор Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 года был суров: Г.А. Тюфяев — 10 лет концлагерей, В.Н. Очнев-Лефевр, В.Г. Лабазин, А.И. Сикстель, В.С. Берестин, М.П. Протасов — 5 лет. Л.В. Тюфяева, А.А. Разуваев, Н.А. Ольховская-Ростова — 3 года концлагерей. О.П. Грицнер-Варламова, А.А. Разуваева, Л.Н. Люценко, Е.И. Очнева-Лефевр, Л.А. Зюньзя, Е.И. Крель, Е.И. Лапина — 3 года ссылки (Средняя Азия). А.Д. Локтева, Е.М. Калачникова, М.М. Александрова и А.С. Кункевич

¹ Бр. Тур. Тень от нуля (масоны в Ленинграде) // Красная газета, 15 июня 1928 г. Вечер. выпуск. С. 5.

были лишены права проживания в Москве, Ленинграде и ряде пограничных областей СССР сроком на три года.

«При ликвидации этой веселой компании, — отмечала «Ленинградская правда» в уже упоминавшемся нами фельетоне «Галиматья», — можно только удивляться и разводиться руками. Действительно, вот необыкновенное дело! Какой странный и нелепый парадокс. На десятом году революции в советской стране, в городе рабочей диктатуры — такие странные птицы. Поистине, нужно быть талантливым авантюристом, чтобы в век атомистических теорий, химического анализа, индустриализации, волго-донских каналов, гидростроительства, океанских перелетов, шедевров металлургии проповедовать масонство. Да где еще — в Советском Союзе!

Но этот парадокс, если взглянуть на него глубже, совсем не так удивителен, а пропитан печальной иронией. Это маленький парадокс, создавшийся в результате больших социальных перемещений. Масонская ложа в 1927 году — это последняя и диковинная форма, в которую вылились искания внутренней эмиграции и опустошенной обывательщины. Это последняя спазма изгоев революции, сиротливо шатающихся на историческом ветру как недожатые колосья. Это одно из предчувствий выражения «бессильной активности» «третьей силы». И в небывалой нелепости этой масонской истории можно прочесть издевательскую иронию времени над историческим бараклом, забытым в наших днях прошедшей эпохой»¹.

«Чем же по существу является советское масонство? — Оно является жалкой трагикомедией старой консервативной «великодержавной» интеллигенции, которая осталась на старых идеологических позициях. Это один из ее последних, наиболее полно выраженных и четко окрашенных тупиков. Это — наиболее издевательское знамение ее распада. Это вырождение вылилось в карикатуру. И когда разворотили эту зловонную плесень, обнаружилось во всей отвратительной наготе по-

¹ Бр. Тур. Галиматья // Ленинградская правда, 5 января 1928 г. С. 2.

трясающее ничтожество этих спиритов, этих завонявшихся в самих себе дрянненьких брюзжащих великодержавных интеллигентов. Как клопы понюхав персидского порошку, высыпали наружу, на листы следствия, все эти дворяне, генеральские вдовы, доктора богословия, спившиеся актеры, воспитанники кадетских корпусов, доценты христианской экзегетики, кокаинисты, кантоницы, идеалисты, старорежимные прокуроры, гвардейские поручики, апостолы чистого разума, предводители дворянства, пенсионерки, сестры милосердия, черносотенцы, потомственные и почетные скулодробители, доморощенные Пуришкевичи и Крушеваны. Стало еще раз ясно, что они со всеми своими усилиями — абсолютное ничтожество, совершеннейший нуль, скорее, тень от нуля. Стало еще раз ясно, что их уже ничто не спасет в их зачумленной моральной пустоте, даже высокий перст Рафаэля, даже небесный пуп Эбромара»¹.

Из зарубежных откликов на дело ленинградских мартинистов удалось обнаружить лишь публикацию в издававшейся в Париже русской эмигрантской газете «Возрождение» за 2 и 3 июля 1926 г. Однако ничего нового по сравнению с архивными документами она не содержит.

4. МАСОНСТВО И БОЛЬШЕВИЗМ

Говоря о масонах и оккультистах в СССР, не обойтись без сюжета и о так называемой «Кремлевской ложе». Для начала, так сказать, для затравки, небольшой отрывок из диалога, состоявшегося в декабре 1982 года между московским писателем Феликсом Чуевым и бывшим Председателем Совнаркома СССР Вячеславом Молотовым. «*Сейчас много разговоров идет о масонстве. Говорят, что у нас в стране тоже есть масоны*», — заводит разговор Чуев. «*Наверное, есть. Подпольные. Не может не быть*», — отвечает Молотов. «*И про вас говорят, что вы тоже масон*». — «*Масон давно*.

¹ Бр. Тур. Тень от нуля (масоны в Ленинграде) // Красная газета, 15 июня 1928 г. Вечер. выпуск. С. 5.

С 1906 года», — улыбается Молотов, имея в виду время своего вступления в РСДРП. «Существует мнение, что масоны есть и среди коммунистов», — не отстает от него Чуев. «Могут быть», — допускает Молотов. «И вот говорят, что в Политбюро Молотов был главным масоном». — «Главным, — отзывается Молотов. — Да, это я между делом оставался коммунистом, а между тем успевал быть масоном. Где это вы копаете такие истины?»¹

Разговор этот не случаен. Дело в том, что на тесную связь (по крайней мере, внешнюю) масонства и большевизма обращали внимание многие исследователи. Связь эта (опять-таки чисто внешняя, конечно), прослеживается уже в символике Советского государства: серп, молот, пшеничные колосья и знаменитая пятиконечная красная звезда. Конечно же, звезда — широко распространенный символ, в том числе и в христианстве. Но те звезды — голубые. Большевики же избрали в качестве одного из своих важнейших символов именно красную (пламенеющую) звезду, а это, как уже отмечалось, чисто масонский символ. «Все наиболее известные каббалисты Запада, как средневековые, так и современные, рассматривали пентаграмму, или пятиконечную звезду, в качестве микрокосма, а шестиконечный, двойной треугольник — как макрокосм»; — утверждает Е.П. Блаватская². Стоит отметить, что впервые в качестве революционного символа красная пятиконечная звезда появляется еще в апреле 1917 года в новой военно-морской кокарде. Удивляться этому, зная о масонском характере Временного правительства, не приходится. Но вот почему за этот явно оккультно-каббалистический символ так ухватились большевики — это, как говорится, большой вопрос. Как бы то ни было, в Красной Армии пятиконечная звезда с помещенным в центре изображением плуга и молота была

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С. 267.

² Блаватская Е.П. Пятиконечная и шестиконечная звезда. В кн.: Блаватская Е.П. Скрижали астрального света. М., 2002. С. 622.

введена 7 мая 1918 года и имела наименование «марсовой звезды с плугом и молотом». Дело в том, что, по древнеримскому преданию, бог войны Марс вырос из красно-оранжевого пятиконечного цветка лилии. Этот символ становится в 1918 году принадлежностью лиц, состоящих на службе в Красной Армии. Любопытно, что вначале марсова звезда носилась красноармейцами двумя лучами вверх, а одним вниз, что означало знак антихриста из-за ассоциации с рогами дьявола. Вследствие этого военный отдел ВЦИК вынужден был даже выпустить специальную листовку: «Смотри, товарищ. Вот красная звезда». В листовке первоначальная оплошность была исправлена и пятиконечная звезда была уже нарисована правильно, то есть двумя лучами вниз. И с этого времени знак этот больше не менял своего положения¹.

«Под знаменем масонской звезды, — писал в 1932 году председатель Архиерейского собора Русской православной церкви за границей митрополит Антоний, — работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки к масонским. Многолетнее наблюдение над разрушением нашей Родины воочию показало всему миру, как ученики подражают своим учителям и как поработители русского народа верны программе масонских лож». Что же касается еврейства, то иудаизм, по его мнению, «исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и в масонских устремлениях к мировому владычеству»².

«В 1918 году, — вторит ему историк-эмигрант В.Ф. Иванов, — над Россией восходит пятиконечная звезда — эмблема

¹ Антонов О. И., Казаков А. В. Военная символика Красной Армии в период Гражданской войны // Гражданская война в России. Материалы X Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1998. С. 99.

² Николаевский Б. И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 174.

мирового масонства. Власть перешла к самому злобному и разрушительному масонству — красному во главе с масонами высокого посвящения — Лениным, Троцким и их приспешниками — масонами более низкого посвящения: Розенфельдом, Зиновьевым, Парвусом, Радеком, Литвиновым... Программа борьбы «строителей» сводится к уничтожению православной веры, искоренению национализма, главным образом великорусского шовинизма, разрушению быта, русской православной семьи и великого духовного наследия наших предков»¹.

«Для торжества масонских идеалов, — отмечал он, — нужно было убить душу русского народа, вырвать у него Бога, национально обезличить, затоптать в грязь его великое прошлое, развратить молодое поколение и воспитать новую породу людей без Бога и Отечества, двуногих зверей, которые, выдрессированные укротителем, покорно засядут в масонскую клетку».

Мнение о тесной связи масонства, иудаизма и коммунистического учения было распространено в 1920-е годы не только среди эмигрантов, но и в Советской России. «Еврей всегда ищет общности, — отмечал в этой связи известный философ А.Ф. Лосев, — так как он прирожденный коммунист». Что же касается самого учения основоположников научного коммунизма, то это, по его заключению, есть не что иное, как «типичнейший иудаизм», хотя и в несколько переработанном виде².

«В конце 1920-х годов, — пишет в связи с этим специально изучавший этот вопрос Л. Кацис, — Лосев выдвинул идею, что будто бы историческим носителем духа Сатаны является еврейство, а марксизм и коммунизм есть наиболее полное выражение еврейского (сатанинского) духа»³. Спорность этого утверждения А.Ф. Лосева очевидна, ибо с еще

¹ Иванов В. Ф. От Петра I до наших дней. Харбин, 1934. С. 497.

² Так истязается и распинается истина. А.Ф. Лосев в резолюциях ОГПУ // Источник. Вестник Архива Президента РФ. Документы русской истории. 1996, № 4. С. 124.

³ Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000. С. 648.

большим успехом он мог бы утверждать то же самое применительно к капитализму. Для нас в данном случае важно уяснить распространенность таких представлений среди русской интеллигенции того времени.

Самое любопытное, что общность конечных целей масонов и большевиков не отрицают и сами масоны. Читатель уже знает из «масонского дела», возбужденного в январе 1926 года ОГПУ против ленинградских «братьев», о весьма любопытном документе, адресованном правительству СССР. Датирован он августом 1925 года и принадлежит перу Генерального секретаря «Автономного русского масонства» Бориса Астромова. А говорилось в нем следующее: дорога и цель вольных каменщиков и коммунистов одна и та же — *«обращение человечества в единую братскую семью... Преследуя одни и те же цели, признавая справедливыми и подлежащими проведению в жизнь одни и те же воззрения, коммунизм и русское масонство совершенно не должны подозрительно смотреть друг на друга, наоборот, пути их параллельны и ведут к одной цели»*. Разница, по мнению Б.В. Астромова, только в «методах действий», т. к. в отличие от революционного пути, которым идут большевики, *«путь русского масонства — это путь медленной интеллектуальной работы, путь тихой сапы»*. А враги у большевиков и масонов, отмечал Б.В. Астромов, одни и те же — национальные и религиозные предрассудки, классовый эгоизм, частная собственность. Суть сделки, которую он предлагал большевикам, заключалась в том, что в обмен на «негласную легализацию» в стране масонских лож «братья» взяли бы на себя обязательства содействовать «перемагничиванию» русской интеллигенции на сторону советской власти, т. к. *«стремления коммунизма совпадают в общих чертах со стремлениями русского масонства»*. Сопоставим теперь эти рассуждения масона Астромова, заподозрить которого в «черносотенстве» едва ли возможно, с высказываниями на эту тему противников масонства — Василия Иванова и митрополита Антония. Совпадение взглядов, как видим, поразительное.

«Не подлежит, однако, сомнению, — писал А.М. Асе-

ев, — что в прошлом масонами были Анатолий Луначарский — нарком просвещения и Карл Радек. Принадлежали к масонству и один из крупнейших русских поэтов Валерий Брюсов (член коммунистической партии с 1920 года) и знаменитый писатель Максим Горький (Алексей Пешков). Ходили слухи, что масоном был Лев Троцкий»¹. Мы уже отмечали как бесспорный факт принадлежности к масонству двух большевиков: И.И. Скворцова-Степанова и С.П. Середы. Отметим, уточняя сведения Асеева, что масоном был, правда недолго, и Л.Д. Троцкий. Как видно из закрытых масонских источников — письмо адепта берлинской эмигрантской ложи «Великий свет Севера» С.А. Соколова достопочтимому мастеру ложи А.К. Елухину от 12 марта 1937 года, «Троцкий был некогда в течение нескольких месяцев рядовым членом одной из французских лож, откуда согласно уставу был исключен за переездом в другую страну без извещения и за неуплату обязательного сбора»².

В связи с обнаружившимся масонством Л.Д. Троцкого нельзя не упомянуть и об опубликованной в Москве в 1991 году книге И. Ландовского «Красная симфония», впервые появившейся на книжных прилавках Испании еще в 1960-е годы. Врач И. Ландовский был эмигрантом, работавшим в качестве врача НКВД с подследственными на знаменитых московских процессах 1937—1938 гг. В своей любопытной книге он не только признает факт использования при допросах подследственных психотропных средств, но и приводит в ней показания видного большевика Христиана Раковского. Здесь Х.Г. Раковский, заявив о своей принадлежности к «Ордену вольных каменщиков», намекает далее на некую таинственную связь, которая якобы существовала между руководством большевиков и направлявшим их деятельность «интернационалом банкиров». Доверенным ли-

¹ Асеев А. М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998, № 2. С. 32.

² Соловьев О. Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 234.

цом этого «интернационала» якобы и являлся Л.Д. Троцкий, женатый, как известно, на дочери банкира Льва Животовского, тесно связанного с банкирами Варбургами — компаньонами и родственниками американского миллионера Якова Шиффа¹.

Правда, в 1922 году на IV конгрессе Коминтерна Л.Д. Троцкий решительно отрицал свою принадлежность к ордену. Протестуя против разговоров о его и В.И. Ленина якобы масонстве, Л.Д. Троцкий публично выразил недоумение, «почему подобные обвинения не адресуют нашим товарищам Зиновьеву, Радеку, особенно Бухарину, который вполне подходит для масонства»². «Товарищи», впрочем, тоже уже давно под подозрением у историков. Что касается В.И. Ленина, то речь здесь идет о масонской ложе «Союз Бельвиля Великого Востока Франции», в которую он якобы входил до 1914 года. Согласно другой версии, ложа, в которую якобы входили Ленин и Зиновьев, называлась «Ар э Травай»³. Архив ее, к сожалению, погиб в годы Второй мировой войны. Косвенным подтверждением этой версии может служить публикация московской журналистки Екатерины Деевой, в которой утверждается обнаружение французскими масонами книги почетных посетителей Великой ложи Франции за 1905 год, где якобы имеется и запись В.И. Ульянова (Ленина)⁴.

Масонами «Великого Востока Франции» в свое время были, как теперь уже известно из рассекреченных архивов КГБ СССР, Г.В. Чичерин и А.В. Луначарский. Нельзя исключить возможность принадлежности к «Братству» в доре-

¹ Из протокола допроса обвиняемого Христиана Георгиевича Раковского следователем НКВД Гавриилом Кузьминым (Дювалем) 26.01.1938 г. В кн.: Виноградов А.Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 431—460.

² Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 79.

³ Виноградов А. Ретушью по белым пятнам // Молодая гвардия, 1991, № 8. С. 267.

⁴ Деева Е. Тайна убитого мастера // Московский комсомолец, 17 мая 1994. С. 4.

волюционный период их деятельности и других видных большевиков.

Что касается А.В.Луначарского, то свидетельством его несомненно масонских взглядов может служить следующий пассаж из его лекции «О преподавании истории в коммунистической школе», прочитанной на Петроградских педагогических курсах в сентябре 1918 года:

«И вот, по мере того, как коммунистическое начало будет доминировать над принципом одиночества и принципом «человек человеку волк», каждый начнет рассматривать всю человеческую историю как своего рода великую постройку, при которой наделана масса ошибок, которую нужно не только достраивать, но и исправлять, которая болезненным путем, путем злобы и борьбы, воздвигается все-таки как некая Вавилонская башня, воздвигается для того, чтобы коснуться неба и оказаться лестницей, по которой человек может подняться к искони поставленному им идеалу человекобожества, действительного всезнания, действительной всеблагости»¹.

Более четкого и ясного изложения масонского идеала трудно себе и представить.

Н.Н. Берберова в своей книге «Люди и ложи» отметила факт обмена в марте 1936 года в Праге Н.И. Бухарина тайными масонскими знаками с присутствовавшими в зале «вольными каменщиками» из числа русских эмигрантов. Тем самым бывший член Политбюро ЦК ВКП(б) хотел подчеркнуть свою близость к ним. Выступая позже во время посещения СССР в 1989 году на ленинградском телевидении, Н.Н. Берберова уточнила, о каком знаке шла речь. По ее сведениям, этот знак — движение ладонью от правого плеча к левому, свидетельствовавший, как полагают некоторые исследователи, что Николай Иванович был посвящен в свое время во 2-ю степень «Братства»². Полагают

¹ Луначарский А. Проблемы народного образования (Сборник статей). М., 1923. С. 105.

² Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 343.

также, что ближайшему другу Н.И. Бухарина К.Б. Радеку было поручено ЦК ВКП(б) поддерживать связи с просоветским и пацифистским крылом западного масонства¹.

Все это, однако, частности. Гораздо важнее другое. Несмотря на то что документального подтверждения эти сведения пока не получили, каких-либо препятствий для вхождения большевиков (по крайней мере до 1917 г.) в заграничные масонские ложи не было. Ведь, как и их коллеги меньшевики, все они были социал-демократами, входили в одну и ту же партию — РСДРП, хотя и принадлежали к разным ее фракциям. Активное же участие в работе масонских лож меньшевиков, как и вообще социалистов Европы и Америки, никогда не вызывало сомнений.

Можно, конечно, сомневаться, был или не был, скажем, Г.Е. Зиновьев масоном. Но то, что он предлагал через различные оккультные организации и масонские ложи Западной Европы «вытащить» Советский Союз из экономической дипломатической изоляции — это факт². И надо думать, что такого мнения придерживался не только Григорий Евсеевич. В этом-то, собственно, и состоял интерес «кремлевских насельников» и ОГПУ к масонам.

¹ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 333.

² Шишкин Олег. Исчезнувшая лаборатория // Огонек, 1995. № 34(4413). С. 71.

«Воскресенье» А.А. Мейера

Наряду с оккультными сообществами откровенно масонского характера широкое распространение в интеллигентской среде получили в 1920-е годы религиозно-философские кружки и группы, промасонская сущность деятельности которых хотя и не подлежит сомнению, но далеко не так очевидна для непосвященных. Крупнейшей из такого рода подпольных организаций интеллигенции Ленинграда являлся в те годы кружок «Воскресенье»¹.

Начало ей было положено в декабре 1917 года собранием инициативной группы сотрудников Публичной библиотеки на квартире философа Г.П. Федотова. Кроме самого Г.П. Федотова, здесь присутствовали его коллеги, тоже сотрудники библиотеки: Н.П. Анциферов и А.А. Мейер с женой, и Л.В. Преображенская.

То, что начало кружку было положено сотрудниками Публичной библиотеки, не было, конечно, случайностью, так как уже в годы войны стараниями известных масонов Александра Мейера и Александра Браудо² она была превращена в один из опорных пунктов «вольного каменшчества» в Петербурге. Как показывала на допросах в ОГПУ Ксения Половцева, именно Г.П. Федотов стоял у истоков «Воскресенья», он же разработал, по ее словам, и «деталь-

¹ Брачев В. С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997. С. 81—107; Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 288—326.

² Русское политическое масонство 1906 — 1918 гг. / Вступительная статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР, 1990, № 1. С. 142.

ные тезисы», положенные в основу работы кружка. Тем не менее очень скоро на роль лидера рядом с ним выдвигается масон А.А. Мейер и сама К.А. Половцева, что имело, как увидим, далеко идущие последствия для организации.

Дочь заведующего архивом Министерства императорского двора Ксения Анатольевна Половцева (1886—1948) по специальности была архитектором (в 1912 году она окончила Женские архитектурные курсы) и даже работала до 1917 года по своей специальности на постройке здания Академии наук. С А.А. Мейером она познакомилась еще в дореволюционные годы. Вместе они участвовали в работе религиозно-философского общества, где К.А. Половцева была в 1915—1917 гг. секретарем, а затем «Вольфила», где А.А. Мейер возглавлял отдел истории и философии. После Октябрьской революции А.А. Половцева вышла замуж за певца-хориста Мариинского театра Павла Дмитриевича Васильева. Однако брак их вскоре распался, и К.А. Половцева стала открыто жить с А.А. Мейером, несмотря на то что у того была жена и взрослые дети, которых он, по-видимому, так и не бросил. В 1928 году К.А. Половцева работала заведующей архивом завода «Электроаппарат»¹.

В идейном плане кружок Г.П. Федотова — А.А. Мейера был продолжателем традиций левого крыла религиозно-философского общества, представленного такими именами, как З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, А.В. Карташев, В.П. Свенцицкий, Е.П. Иванов, и др. Петербургское отделение общества всегда было левее московского. Его наиболее видные члены — масоны З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский — в свое время резко осудили «Вехи» и призывали народ к революции. Члены общества исключили В.В. Розанова за признанные ими «антисемитскими» его статьи о «деле Бейлиса» («Андрюша Ющинский») и еврейском во-

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 294.

просе («Наша кошерная печать») в России, а З.Н. Гиппиус яростно протестовала против «русского шовинизма» в годы Первой мировой войны и, в частности, против переименования Петербурга в Петроград. В отличие от своих московских коллег, петербургские члены РФО сознательно стремились теснее увязать свою деятельность с современным им общественным движением, ставя в центр своего внимания такие важные для русской действительности начала века проблемы, как преодоление разрыва между интеллигенцией и народом, между религией и социальной революцией.

Вот что вспоминал о зарождении кружка и его первых шагах Н.П. Анциферов:

«Я служил в эти дни в отделе Rossica в Публичной библиотеке. Ко мне обратился А.А. Мейер с предложением встретиться и вместе подумать. Встреча была назначена у Ксении Анатолиевны Половцевой в ее квартире на Пушкинской. Так возник кружок А.А. Мейера. Александр Александрович был очень красив, статен, высок, с тонкими правильными чертами лица, окаймленного густыми длинными волосами. Лицо нервное, одухотворенное, речь, сперва медленная, становилась все более страстной. Ксения Анатолиевна была также красива, с синими глазами и темными, просто причесанными волосами. Ее внутренняя жизнь была всегда напряженной...»

В кружке Мейера было решено воздерживаться от споров. Кто-то выдвигал какой-нибудь вопрос, и начиналось обсуждение по кругу. В моем дневнике, сгоревшем в нашем домике в дни ленинградской блокады, я записывал все прения, и теперь по памяти мне трудно восстановить даже наши темы. Все же кое-что запомнилось. «Патриотизм и интернационализм» (правда того и другого), «Взаимосвязь понятий свобода, равенство и братство». Еще юношей в 1907 году я писал о свободе и равенстве как о ценностях отрицательных, не имеющих своего положительного содержания. Человек может переживать рабство, неравенство как болезнь общества. Но здоровье переживать нельзя. Переживание — это освобождение от рабства, от гнета неравенства. Так переживается не здоро-

вье, а выздоровление. Братство — реальное переживание, оно имеет свое содержание в любви друг к другу и к чему-то высшему, стоящему над нами (Бог, родина). Еще обсуждалась тема «Товарищество и дружба». Это разные понятия (их теперь путают). Товарищей объединяет какое-нибудь дело (учение, борьба, труд). Друзей объединяет внутренняя жизнь человека. Дружба — глубоко индивидуальное понятие. Оно не исключает дела, но не сводится к нему. Что дает смысл жизни, ее наполнение: любовь, творчество, искусство, труд. Запомнилось мне своеобразное выступление Марии Константиновны Неслуховской (теперь жена Н.Тихонова). Она говорила о смысле грехопадения: «Адам и Ева вздумали приобрести самое ценное — познание добра и зла — без всякого труда, просто вкусив запретное яблоко». Труд для нас был основой нравственной жизни.

Собирались мы первоначально по вторникам, а потом решили встречаться в воскресные дни, чтобы иметь более свежие головы. Наши вечера напоминали собрания кружка Н.В. Станкевича строго трезвенным характером: только чай. Встречались самые разнообразные люди. Приходили и уходили. Бывали биолог Л.А. Орбели, художники К.С. Петров-Водкин и Л.А. Бруни, литературовед Л.В. Пумпянский, музыкант М.В. Юдина, бывал рабочий Иван Андреевич. Скромный и обаятельный человек, но фамилию его забыл. Постепенно кружок срастался и начал менять свой характер: становился более религиозным. По инициативе Мейера и Половцевой собрания начинались молитвой. В нее были включены слова о «свободе духа». А беседа начиналась с пожатия рук всех собравшихся. Получался круг вроде хоровода. Мейер и Половцева всячески стремились придать собраниям характер ритуала. Отмечая годовщину 1-го собрания кружка, испекли хлеб и перед началом rozdali его всем присутствующим. Это были дни голода. Меня, и в особенности мою жену, смущали эти тенденции.

Переменили и адрес собраний, но не в конспиративных целях. Мы подчеркивали, что у нас нет ничего тайного. К нам может прийти каждый желающий. Не помню, с какого времени мы стали собираться на Малом проспекте близ Б.Спас-

ской в одноэтажном домике, двери которого не запирались. Приходившие приносили несколько поленьев, и, когда трещал огонь в печках, становилось уютно, и создавалось особое чувство близости. Бывало, прежде чем разойтись, просили мужа Ксении Анатолиевны Павла Дмитриевича Васильева спеть нам что-нибудь. Голос у него был очень приятный, и пел он с большим чувством. В особенности хорошо выходила ария князя Игоря.

Не помню, у кого возникла идея издавать свой журнал. Не помню, кто дал средства. Это был 1918 год (начало). Свой орган мы назвали «Свободные голоса». Вышло всего два номера. Журнал вызвал резкую оппозицию Д. Мережковского и З. Гиппиус. Они обвинили нас в том же грехе, что и А. Блока за его «Двенадцать»¹.

Уже в марте 1918 года кружок состоял из 18 человек. Это позволило его руководителям поставить вопрос об общественной роли кружка. Тогда же выносятся постановления о пропаганде идеи кружка и ведении массовой агитационной работы среди населения. С этой целью было решено издавать свой журнал — «Свободные голоса». За средствами остановки не было (частные пожертвования), и уже в том же марте месяце был выпущен его первый номер под редакцией А.А. Мейера и Г.П. Федотова.

Содержание журнала отражало идейно-политические позиции кружка. Его статьи самым энергичным образом призывали русских людей к борьбе с большевизмом и зывали к патриотическим чувствам русской интеллигенции, побуждая ее к объединению во имя спасения родины. Со страниц журнала члены кружка как бы обращались к русским людям с предупреждением, что их родина, отечество, находится на краю гибели. Главная задача русской интеллигенции, считали они, заключается в том, чтобы возвратиться к вере и, выявив «слово русское», создать общий фронт против большевизма (статья Н.П. Анциферова «Россия и будущее»).

¹ Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992. С. 324—325.

«У всякого народа, — развивал эту мысль Г.П. Федотов (статья «Лицо России»), — есть родина, но только у нас — Россия... В начале войны у части русских социалистов проснулось сознание права на Отечество, как самостоятельную ценность. Теперь пора определить это все еще международное отечество как наше, как Россию. Еще недавно это стоило бы многим из нас тяжких усилий. Мы не хотели поклониться России-царице, венчанной царской короной. Гипнотизировал политический лик России — самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным мы проклинали Россию, с Марксом — ненавидели ее. И она не вынесла этой ненависти. Теперь мы стоим над ней, полные мучительной боли. Умерла ли она? Все ли жива еще? Или может воскреснуть?..»

К России приблизилась смерть. Отвернувшись от царицы, мы возвращаемся к страдальце, к мученице, к распятой. Мы даем обет жить для ее воскресения, слить с ее образом все самые священные для нас идеалы»¹.

«Магия интернационалистических лозунгов, — писал А.А. Мейер (статья «Интернационал и Россия»), — подкрепляемая усталостью населения, привела к развалу армии и к торжеству непрошенных гостей. Интернационал оказался новой державой, вмешавшейся в войну, союзницей Германии, являющейся крепким оплотом всей европейской социальной реакции. Лозунги Интернационала непримиримы с пониманием национальной культуры и любовью к Родине. «Единство трудящихся всех стран» базируется на национальном обезличении, на ослаблении любви к нации, на угасании пафоса к личному и является полным отрицанием национального лица. Только религиозное понимание истории могло бы дать выход из противоречия между нациями. До тех пор, пока социализм не подчинит свою общественную идеологию религиозной идее личности, он будет служить целям, чуждым его собственной правде. Интернационал — это суррогат великого вселенского

¹ Федотов Г. П. Лицо России. Собр. соч. в 12 томах. Т. 1. М., 1996. С. 104.

братства, который, соблазняя малых сих правдой мира и единения, делает из себя особую державу, подданные которой неизбежно становятся изменниками делу национального и всякого вообще творчества».

Такой же характер имел и второй номер журнала «Свободные голоса» (июнь 1918 г.), после чего из-за опасения репрессий со стороны властей его издание было прекращено.

Ядро кружка в первые годы его существования составляли: Г.П. Федотов, А.А. Мейер, К.А. Половцева, М.В. Пигулевская, П.Ф. Смотрицкий, Н.П. Анциферов. Деятельное участие в нем принимали также историк И.М. Гревс, философ С.А. Алексеев-Аскольдов, родственница С.М. Кирова (сестра его жены) старая большевичка С.Л. Маркус, Н.И. Конрад, А.А. Гизетти, Н.А. Крыжановская, литературовед М.М. Бахтин, его однофамилец В.В. Бахтин, Д.Д. Михайлов, антропософ Н.В. Мокридин, библиограф Л.Ф. Шидловский, пианистка М.В. Юдина, морской офицер С.А. Тилчев. *«Этот кружок, — отмечала Е.П. Федотова, — никак не мог быть назван не только церковным, но даже и православным. Три протестанта, две католички, перешедшие из православия, несколько некрещеных евреев и большинство православных, но православных по рождению и мироощущению, а пока стоящих вне Таинства»¹.*

Никакой строго определенной политической ориентации кружок, судя по всему, не имел. Среди его членов было 2 коммуниста, 1 монархист, но большинство надеялось на эволюцию советской власти. Путь, по которому решили идти кружковцы, был путь широкой пропаганды и идеи религиозного возрождения, который только и мог, по их мнению, спасти Россию.

В конце 1919 года на одном из заседаний организации, разросшейся к этому времени до 25—30 человек, она получает название «Воскресенье» как символ воскресения, возрождения России.

К 1919 году ядро кружка (около 11 человек) выделилось

¹ Федотов Г. П. Лицо России. Париж, 1988. С. 37.

в братство «Христос и свобода». В отличие от остальных, которые по-прежнему продолжали собираться по вторникам («вторичане»), члены братства стали собираться узким составом и по воскресеньям. Так продолжалось до 1923 года, когда произошел разрыв между кружковцами. Формальным поводом для него явился доклад Г.П. Федотова «О жертве», прочитанный им 6 марта 1923 года, после чего часть «вторичан» заявила, что эти вопросы им *«слишком чужды, что они боятся и, вероятно, больше не придут»*. После этого «вторники» вскоре прекратились. Что же касается «воскресений», то они продолжались вплоть до декабря 1928 года.

Главная задача, которую ставили перед собой участники кружка, заключалась в том, чтобы не дать большевикам возможности *«уничтожения христианской культуры»*. По свидетельству Н.П. Анциферова, члены кружка, разделяя экономическую и социальную программу большевиков, считали вместе с тем ее явно недостаточной для *«обновления человечества и построения коммунизма»*, так как она игнорировала религию. Другими словами, они хотели соединить несоединимое, надеясь, что придет время, *«когда 1 Мая встретится с Пасхальным воскресеньем»*. *«Основная установка моя в вопросе религия и революция — сводится к следующему: религия не частное и не национальное дело, — отмечал А.А. Мейер. — Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества. Христианская религия в принципе своем утверждает преодоление индивидуализма, и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией»*.

Члены кружка, особенно в первый период его деятельности, отрицательно относились к православию и православной церкви, полагая, что в рамках ее невозможно свободное развитие христианских идей. Этому же соответствовали и доклады, прочитанные на заседаниях кружка в 1921—1922 гг.: об аскетизме, о церковных делах, о еврействе, о коммунизме, о собственности, о Василии Великом и др. *«Для меня вторники, — отмечала К.А. Половцева, — это*

та лаборатория, где будет готовиться идеология современной интеллигенции, которая учтет и религиозность, и коммунизм».

В 1920—1921 гг. так думало большинство интеллигенции. Советская действительность заставила их вскоре если не переменить свои убеждения, то по крайней мере внести в них серьезные коррективы. *«Я в свое время, — писала в этой связи Н.В. Пигулевская 7 ноября 1922 года, — исповедовала такое убеждение: коммунизм строит здание, и строит без креста, но, когда достроит до конца, мы сделаем купола, поставим крест, и все будет хорошо. Я так думала. Теперь иначе. Я знаю, что из ратуши церквей не делают. Теперь строится синагога сатаны, из которой — сколько колоколов ни вешай, ничего не сделать».*

С весны 1920 года начинается процесс возвращения «вторичан» в лоно православной церкви. Инициаторы кружка все еще оставались вне таинства, но евреи крестились и попадали под влияние своих православных священников, обличавших А.А. Мейера в *«мережковских ересях»*. Это заставило в конце концов и самого А.А. Мейера также вернуться в лоно православной церкви.

С закрытием в 1923 году «Вольной философской ассоциации» («Вольфила»), которая использовалась как место встреч участников кружка и подбора подходящих кандидатов для его пополнения, и высылкой за границу ее наиболее активных членов (Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский и др.), возможности легальной деятельности «Воскресенья» резко сократились. Чтобы не привлекать внимания ОГПУ, в начале 1924 года решено было собираться не всем сразу, а поочередно, небольшими группами, на квартирах К.А. Половцевой, Г.П. Федотова, П.Ф. Смотрицкого, П.Д. Васильева, Г.В. и И.В. Пигулевских.

По инициативе или при непосредственном участии наиболее активных членов «Воскресенья» в 1924—1925 годах в Ленинграде был создан и успешно функционировал целый ряд интеллигентских кружков: «Содружество» (из студентов Института им. Лесгафта, руководитель А.А. Мей-

ер), «Кружок переоценки ценностей» (руководитель Г.П. Федотов), «Религиозно-философский кружок» (из бывших студентов и преподавателей Богословского пасторского училища, руководитель А.А. Мейер), «Кружок медиэвистов» (руководители И.М. Гревс и О.А. Добиаш-Рождественская), «Культурный уголок» (руководитель П.Ф. Смотрицкий). Однако в состав собственно «Воскресенья» как кружка за все время его существования было введено всего 32 человека: Елизавета Вахрушева, Анна Дмитрук, Алексей Максимович, Анастасия Дедок, Клавдия Некрасова, Тамара Арнон, Анна Лишкина, Эмилия Лаббе, Татьяна Смотрицкая, Юлия Цезарева-Боярова, Евгений Иванов, Мария Юдина, Евгения Тиличева-Оттен, Лев Пумпянский, Иван Гревс, Евгения Бахтина, Всеволод Бахтин, Ольга Дедок, Сергей Алексеев (Аскольдов), Николай Анциферов, Алексей Смирнов, Ольга Петрова (Менжинская), Татьяна Гиппиус, Вера Гиппиус, Николай Спицын, Вера Штейн, Иван Шилов, Самуил Дружкин, Вера Дружкина, Сильвия Зильберштейн, София Маркус¹.

В 1925 году Г.П. Федотов уезжает за границу, и руководство «Воскресеньем» полностью переходит в руки А.А. Мейера. *«Александр Александрович Мейер, — свидетельствует близко знавший его Д.С. Лихачев, — это — колоссальная человеческая личность»*. Видный философ², он оказался в то же время неплохим организатором и умел привлекать к себе людей. Где бы ни появлялся этот человек, сразу же около него начинала группироваться интеллигентная молодежь.

«Ни как религиозный мыслитель, ни как просто верующий Мейер не был ортодоксален, не любил «людей в мундирах», как говорил Достоевский. Мейер воспитывался в лютеранской атмосфере, но считал себя православным (похоронен философ на лютеранском Волковом кладбище). В своем учении о слове,

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т. 1, л. 391.

² Исупов К. Г. Слово как поступок (о философском учении А.А. Мейера) // Вопросы философии, 1992, № 7. С. 93—102.

об имени он близок М. Бахтину, с одной стороны, а с другой — имяславческой традиции. На Соловках, кстати, были заключенные из женского имяславческого монастыря, обительницы которого все погибли поодиночке: их отказ назвать свое имя был расценен как контрреволюционная конспирация.

Самое главное в Мейере — это гениальность самой его личности. Он был способен, встав утром с постели, тут же начать разговор с соседом на общие философские темы. Когда в арестантской роте он читал лекцию, большинство публики не понимало, о чем он говорит, но покорены его обаянием были все.

Он больше состоял из мыслей, чем из тела, не распределяясь поровну меж телом и мыслью.

Распространяя себя на других, он не терял себя, был энергетически собран, как шаровая молния. Он воздействовал на людей всем целостно организованным внешним обликом, внутренне сопряженным с миром его идей. Помню, когда однажды на Соловках ему остригли волосы, он очень стеснялся этим нарушением гармонии внешнего и внутреннего.

Мейер не строил свою жизнь как художественное произведение, но артистизм мыслителя, обаяние учителя были свойственны ему в высшей степени»¹.

По инициативе К.А. Половцевой уже в том же 1925 году принимается решение о развертывании целой сети кружков среди школьной молодежи для занятий с ними по Закону Божьему, среди которых можно отметить кружок учительницы Е.М. Вахрушевой в школе первой ступени (б. Стоюниной), в котором занимались дети 12—13 лет.

После долгих споров к 1925 году среди членов кружка возобладала точка зрения А.А. Мейера, бывшего лютеранина, перешедшего в православие, о необходимости создания общего фронта представителей всех религиозных конфессий в борьбе против атеизма. На этом основании был даже разрешен доступ в «Воскресенье», наряду с православными,

¹ Д. С. Лихачев. Об Александре Александровиче Мейере // Вопросы философии, 1992, № 7. С. 92—93.

людям других вероисповеданий, если только они подходят под остальные требования «Воскресенья». В своем докладе на эту тему А.А. Мейер подробно изложил, как будет протекать эта совместная борьба, если такое объединение состоится. В виде иллюстрации к его докладу К.А. Половцева продемонстрировала перед слушателями графическую схему, согласно которой в дополнение к существующим должны были быть созданы еще пять кружков: из католиков, лютеран, евреев и проч. Однако решение это вызвало резкие разногласия среди членов сообщества, некоторые из которых заявили о своем отказе от общей молитвы с иноверцами. Убеждения А.А. Мейера, что принятая в «Воскресенье» еврейка не может помешать общей молитве, так как она солидарна с православием и дала обещание креститься, — не помогли, и большая группа членов кружка (до 10 человек: П.Д. Васильев, Е.М. Вахрушева, Н.В. Пигулевская, В.В. Бахтин, В.П. Герман, А.Л. Лищкина, Е.С. Бахтина, Н.В. Спицын и другие) — составила оппозицию руководителям кружка. Не считая себя вправе участвовать в общей молитве с иноверцами, они собирались с этой целью отдельно по средам на своих собственных квартирах.

«Воскресенье» не было ни чисто религиозной, ни тем более православной организацией, поскольку среди ее членов находились люди самых различных вероисповеданий. С самого начала это было «пристанище богоискательски настроенной либеральной политизированной русской интеллигенции, которая, признавая Евангелие и Христа, пуще всего боялась подчинения церковным догматам и канонам. Недаром для кружка она выбрала девиз: «Христос и свобода»¹.

Вместе с тем не было оно и безобидной ассоциацией кружков интеллигентных людей, связанных общим куль-

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 295.

турным интересом, — речь, безусловно, может идти только о масонской структуре. На это намекал и сам А.А. Мейер, еще в 1922 году призывавший своих коллег *«не захватывать власти... не строить партии, а создавать б. м. ордена, которые пробудили бы идею в своей жизни, которая потом даст эффект вовне»*.

Стоит в связи с этим отметить, что еще в 1916 году А.А. Мейер был делегатом 3-го конвента «Великого Востока народов России», входил в состав специальной ложи для приема новых «братьев», сотрудничал в 1917 году в масонском издательстве «Друзья свободы». Его непосредственным начальником в Рукописном отделе Публичной библиотеки Петрограда был старый масон А.И. Браудо, а ближайшими друзьями — такие же масоны А. Карташев, З. Гиппиус и Д. Мережковский. Все они входили в так называемую «литературную ложу» «Великого Востока народов России», видную роль в которой играл и еврей А.А. Мейер¹. Не исключено, впрочем, что масонами были также К.А. Половцева и П.Ф. Смотрицкий².

Промасонский характер «Воскресенья» нашел свое отражение и в символике этой организации: *«Светоносный треугольник с Всевидящим Оком Провидения»*. По инициативе А.А. Мейера и К.А. Половцовой собрания кружка открывались молитвой (всего их было две), в которую были вставлены слова о свободе духа. Что же касается бесед по кругу, то начинались они со взаимного пожатия рук всеми собравшимися — знаменитая масонская цепь. *«Мейер и Половцева, — подчеркивал Н.П. Анциферов, — всячески стремились придать собраниям кружка характер ритуала»*³.

«Когда в впервые начал посещать «Воскресенье», — показывал 3 января 1929 года на следствии Всеволод Бахтин, — и присмотрелся к тому, что там происходит, то для меня

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. Т. V. СПб., 199. С. 300—301.

² Там же. С. 301.

³ Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992. С. 325.

стало ясно, что «Воскресенье» — не просто кружок интеллигентных людей, связанных общим культурным интересом, а нечто, что почти можно назвать религиозной сектой. Об этом говорило существование своей обрядности: свои молитвы, свои праздники по кругу. Впечатление усиливалось тем обстоятельством, что руководители и члены, избегая говорить об этом подробно и полно, несомненно придавали этой обрядности очень большое значение. Я, как новое лицо, естественно, захотел узнать смысл и происхождение обрядов, дабы не поступить религиозно, безответственно связывая себя с чем-то неизвестным. К моему удивлению, попытки расспросить встречали весьма уклончиво, а на настоятельные вопросы отвечали довольно решительным отпором. В частности, никоим образом нельзя было добиться, каково происхождение «своих» молитв. В результате у меня сложилось убеждение, что я не могу участвовать в религиозной жизни объединения, религиозное лицо которого мне неизвестно, и даже более того, со временем все более и более затемняется. Наряду с этим постепенно все крепло подозрение, что религиозные искания «Воскресенья» для меня, как для православного человека, неприемлемы. Подозрение, ибо повторяю, что ничего определенного в ответ на свои сомнения я добиться не мог.

Приблизительно так же, как и я, думали некоторые другие члены «Воскресенья» (Васильев, Пигулевская, Вахрушева, Герман, моя жена). Так как у нас была потребность в религиозном общении и так как в «Воскресенье» она, по указанным причинам, не могла удовлетвориться, то мы решили собираться отдельно. К нам вначале примкнул Смотряцкий П.Ф., но очень быстро порвал с нами. Новое объединение по традиции не имело какого-либо названия, а именовалось днем недели, когда мы встречались, т. е. «Среда». Особенностью «Среды» было то, что в нее входили только определенно православные люди, поддерживающие живую религиозную связь с Церковью. Внешним признаком этого должно было служить то, что каждый из участников «Среды» говел не реже двух раз в год. Задачей «Среды» было оказывать помощь друг другу в личной религиозной жизни, причем члены «Среды» воспринимались как лично близкие люди. Иными словами, «Среда» должна была

быть маленькой религиозной общиной православных людей. Встречи наши мы посвящали чтению (Евангелие, духовная литература) и общей молитве. Из вошедших первоначально в «Среду» людей большая часть постепенно отходила, так что в 1928 г. нас оставалось только четверо (я, жена, Вахрушева, Васильев), вернее даже трое (я, жена, Васильев), и Вахрушева поддерживала связь нерегулярно. Тем не менее мы не прекращали наших встреч по средам, которые приняли, таким образом, совсем интимный характер (но сохранили общую молитву и чтение вслух)»¹.

Как справедливо полагает В.В. Антонов, назвать «Воскресенье» православным кружком ни в коем случае нельзя. Скорее всего его можно назвать своеобразным экуменическим семинаром для нецерковной в основном интеллигенции, где о проблемах дискутировали с христианских позиций, считает этот исследователь. Что касается оппозиционности кружка режиму, то таковым его, с некоторыми оговорками, можно признать только в религиозно-культурном отношении. Иначе говоря, «Воскресенье» можно признать как «объединение либеральных диссидентов, желавших, чтобы большевики изменили свою политику в области религии и культуры»². Сколько-нибудь заметного влияния на общественные настроения в Петрограде оно не оказывало, да и оказать, очевидно, по условиям того времени не могло.

Явное желание А.А. Мейера превратить организацию в масонскую ложу привело в конце 1928 года к тому, что часть членов «Воскресенья» вынуждена была порвать с ним. Этому событию предшествовала попытка руководителей организации выявить предварительно наиболее близких им по духу людей.

2 декабря 1928 года после перерыва в деятельности

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т. 1, л. 400.

² Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 310.

«Воскресенья», устроенного из конспиративных соображений, на квартире Половцевой состоялось собрание, поставившее всех перед фактом перехода «Воскресенья» к новым методам работы. Присутствовали А.А. Мейер, П.Ф. Смотрицкий, К.А. Половцева, Е.П. Иванов и другие — всего 10 человек. В докладе о религиозном и культурном положении населения нынешней России К.А. Половцева осветила падение религиозности среди населения, уничтожение русской культуры и указала, какие обязанности в связи с этим падают на членов организации. Она предупредила, что для серьезной и успешной работы нужна сильная, дисциплинированная организация с членами, не считающимися с личным благополучием. В самом конце доклада она попросила высказаться, и если есть колеблющиеся, не желающие рисковать, то, заявила она, они обязаны об этом сообщить немедленно секретарю организации — Тамаре Наумовне Арнон и раз и навсегда уйти из ее состава.

После этого Т.Н. Арнон огласила новый устав «Воскресенья», суть которого сводилась к следующему: 1) люди мы все церковные; 2) Христос и свобода; 3) скрещивание религиозного и социального вопросов; 4) о культурности церковных людей. Смысл устава принципиально менял лицо и задачи кружка. «Воскресенье» было объявлено организацией людей разных вероисповеданий, религиозной лишь постольку, поскольку она занимается обсуждением религиозных вопросов.

В ходе обсуждения вопроса часть собравшихся (В.В. Бахтин, Е.П. Иванов, М.В. Юдина, Е.О. Тиличева, А.Г. Дмитрук) выразили свое несогласие с тезисами и покинули собрание, заявив о выходе из «Воскресенья». Среди членов организации произошел, таким образом, раскол. Это было, как показали дальнейшие события, началом ее конца.

Наиболее близким к «Воскресенью» А.А. Мейера в идейном плане был «Культурный уголок» — кружок художника Павла Фомича Смотрицкого (1876—1934), одного из учеников И.Е. Репина, примкнувшего, правда, к «Миру искусства». Возникновение его относится еще к 1822 году, причем

уже с самого начала интересы кружковцев оказались сосредоточенными на проблемах культуры и психологии. Собирались они обычно по четвергам на квартире П.Ф. Смотрицкого по Гесслеровской ул., д. 18. Активно работали, правда, всего пять человек: Валентина Сергеевна Грузова, Сергей Васильевич Приселков — проректор Академии художеств, его жена, художница Стелла Георгиевна Венгеровская (урожд. Коган), Константин Николаевич Кареев — сын известного историка и инженер Алексей Михайлович Мишенов. Частым посетителем этого кружка была и Тамара Наумовна Арнсон. И конечно же, всегда желанным гостем здесь был А.А.Мейер, неоднократно выступавший перед членами кружка с докладами.

Из других кружков Ленинграда той поры, в той или иной мере связанных с А.А. Мейером, наибольшего внимания заслуживает кружок Бориса Михайловича Назарова (р.1884), игравший роль определенной православной альтернативы масонско-экуменическому направлению «Воскресенья» А.А. Мейера. Начало его кружку было положено в 1920 году и находилось в прямой связи с деятельностью Петроградского богословского института (1920—1923 гг.) в Троице-Сергиевом подворье на Фонтанке¹.

Заседания кружка проводились обычно в библиотеке института по воскресеньям. Возглавлял кружок на первых порах заместитель ректора Богословского института Иван Павлович Щерба, а после его смерти в 1925 году духовным наставником этих «воскресников» стал архимандрит Гурий (Егоров) из Александро-Невской лавры. Фактическим же руководителем «воскресников» был, как уже отмечалось, вплоть до своего отъезда в 1928 году на работу в Москву капитан 2-го ранга Б.М. Назаров. Если «Воскресенья» Мейера выросло из религиозно-философского общества дореволюционных лет и «Вольфила» первых лет советской власти, то

¹ Бовкало А. А. Последний год существования Петроградского богословского института // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 24. М. — СПб., 1998. С. 484—549.

основу «воскресников» Б.М. Назарова составили слушатели и преподаватели Петроградского богословского института. Отсюда и строго православная направленность занятий кружка; сугубо богословский характер докладов, которые обычно читали здесь его члены. Не чурались, впрочем, кружковцы и обсуждения последних церковных новостей. Большинство было против «обновленцев» и решительно осуждало деятельность митрополита Сергия. Советскую власть члены кружка называли не иначе как властью Антихриста и были принципиальными противниками диалога с ней Русской православной церкви. В целом кружок, по заключению В.В. Антонова, отличался несомненно «ортодоксально-православным направлением».

Среди посетителей «воскресников» на квартире И.П. Щербы и Б.М. Назарова (Сергиевская ул., д.42) были: профессор-протоиерей А.А. Дмитриевский, о. Федор Андреев, А.А. Базунов, И.Н. Дукельская, известный историк А.Е. Пресняков, бывший приват-доцент кафедры истории церкви Петроградского университета А.П. Алявдин, священник П.И. Жарков, учительница Е.Л. Тенчинская, бухгалтер А.И. Голубинский, поэт М.Н. Флоровский (1895—1943). Однако основу, костяк кружка, помимо самого Назарова, составили бывший офицер, выпускник Петроградского университета Николай Александрович Александров (1893—1972) и монахиня Ельконида Александровна Зыкова¹.

Кроме уже упоминавшегося А.А. Мейера, довольно часто выступал с лекциями на «воскресниках» Б.М. Назарова еще один любимец тогдашней фрондирующей петроградской интеллигенции философ Михаил Михайлович Бахтин. Однако членом кружка он так и не стал. Не был он, как полагает В.В. Антонов, и истинно православным человеком, так как гораздо ближе стоял к современному деизму,

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 314.

чем к христианству, и в кружке Б.М. Назарова чувствовал себя, скорее, гостем, чем заинтересованным и полноправным участником¹.

Об одной из лекций М.М. Бахтина у пианистки М.В. Юдиной одна из присутствовавших при этом дам вспоминала впоследствии так: *«Устолика перед слушателями стоял Бахтин в черной длинной пелерине с капюшоном. Слушатели были заморожены. Женщина, сидевшая рядом со мной, воскликнула: «Боже, какая лекция! Он осветил историю мировой культуры. И как он это сделал!»*² Читал лекции перед слушателями М.М. Бахтин и у себя на дому, в комнате на Знаменской улице, д. 36. Этот своеобразный семинар М.М. Бахтина был посвящен чисто философским вопросам: философия Гегеля, Канта, Шеллинга, Гуссерля и др.³ Своеобразной лакмусовой бумажкой, указывающей на ортодоксально-православный характер «воскресников» Б.М. Назарова, может служить довольно частое посещение его собраний лицами духовного звания, в то время как в других петроградских богоискательских кружках 1920-х годов вследствие явно нецерковного их характера этого не наблюдалось.

Определенным православным и монархическим направлением отличался и кружок на дому поэта Григория Григорьевича Тайбалина (1879—1938, фамилия по отцу — Кусков). Начало ему было положено летом 1923 года. Всего следствием было выявлено 20 человек посетителей этого кружка, однако сколько-нибудь активно его посещало не более 10 человек: студент А.М. Миханьков и доцент И.Е. Аничков из «Братства Серафима Саровского», А.А. Кенель из «Братства Святого Грааля», артист Р.Б. Аполлонский, его жена И.А. Аполлонская-Стравинская, В.В. Вальдгарт, антрополог М.М. Дитерикс. Преобладающей темой бесед членов

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. Т. IV. СПб., 199. С. 317.

² Там же. С. 307.

³ Миркина Р. М. Бахтин, каким я его знала // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992, № 1. С. 126.

кружка были вопросы религиозного характера, причем практически все они сходились на том, что революция и православие несовместимы. Это было совсем не то, что проповедовали своим слушателям А.А. Мейер и его ближайшие друзья. Активно обсуждалась среди членов кружка и еврейская тема, так как именно они, по мнению Г.Г. Тайбалина, как раз и являлись «источником всех бедствий России»¹.

С большими оговорками, и то только до середины 1920-х годов, к православному направлению можно причислить кружок барона Михаила Фердинандовича Таубе (1855—1924) и его сына, работавшего в последние годы перед арестом чертежником Сергея Михайловича Таубе (1894—1937). До революции барон М.Ф. Таубе был известен своими работами по истории славянофильства и активным участием в «Союзе русского народа» — автор замечательного и широко известного в патриотических кругах стихотворения «Черносотенец». Первые послереволюционные годы уже начинавший слепнуть М.Ф. Таубе, опасаясь, что труды его так и останутся незаконченными, стал собирать раз в две недели у себя на дому небольшой кружок своих друзей и близких знакомых, перед которыми он и выступал со своими докладами. Кружок, как и следовало ожидать от черносотенцев, отличался строго монархическим православным направлением. Посетителей, впрочем, было немного: о. Александр Пакляр (1873—1938) и о. Карп Эльб (1869—1937), служивший в Исидоровском храме, математик Д.Ф. Пятибоко, врач Е.С. Диомедов, чертежница О.Н. Луговая, бывший гвардейский офицер А.В. Розеншильд-Паулин. После смерти в 1924 году М.С. Таубе кружок возглавил его сын Сергей, бывший капитан императорской гвардии. Однако свойственных его отцу твердых православных и монархических убеждений он не имел, о чем свидетельствует появление в его кружке уже в 1925 году масона А.А. Мейера. Как совершенно справедливо констатирует В.В. Антонов, нали-

¹ Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. №П-71897 в 5 томах. Т. 5, л. 337.

цо эволюция кружка из охранительно-православного в умеренно-либеральный¹.

Очевидна явная неоднородность духовных устремлений религиозно настроенных русских интеллигентов 1920-х годов, условно объединенных чекистами в одну «контрреволюционную» организацию под названием «Воскресенье». С одной стороны, это экуменически-либеральные круги петроградской интеллигенции первых послевоенных лет, а с другой — православно-славянофильская интеллигентская духовная оппозиция советскому режиму. *«В целом, — как справедливо пишет в этой связи В.В. Антонов, — такое разделение еще раз подтверждает давно существующее в России идеологическое противостояние в кругах думающей и активной интеллигенции»².*

Все так. Однако дальше с ним трудно согласиться. Из 70 осужденных по делу непосредственно к возглавляемому А.А. Мейером кружку «Воскресенье», констатирует он, имела отношение, в лучшем случае, лишь половина. Все остальные, как полагает В.В. Антонов, *«ближе стояли к православию и церкви, избежали масонского влияния, и с «Воскресеньем» следствие объединило их исключительно ради собственных целей. Таким образом, не вся религиозно настроенная интеллигенция Петрограда 1920-х годов вела духовные поиски по рецептам Мейера, и значительная ее часть сложным путем возвращалась к забытым ими утраченным традициям своих православных предков»³.*

«Надо подчеркнуть, — отмечает В.В. Антонов, — что из всех названных кружков Мейер руководил только двумя: «Содружество», которое затем прекратилось, и кружок у Таубе; в остальные его приглашали как известного и яркого лектора. Однако нередко активные люди переходили к Мейеру именно из этих кружков, которые являлись для него резервом, отчего

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 323.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 310.

чекисты рассматривали «Воскресенье» как управляющий и руководящий центр». Впрочем, сам В.В. Антонов не согласен с этим. «В действительности, — пишет он, — с ним (т. е. с Мейером. — Б.В.) кружки были связаны исключительно личностью самого лектора и участием многих слушателей сразу в нескольких кружках. Некоторые из этих кружков (Тайбалина, Смотрицкого, Назарова) занимали совершенно иные, чем «Воскресенье», идейные позиции, что совсем не мешало Мейеру зачислять их в число своих филиалов»¹.

Думается все же, что делал это А.А. Мейер совсем не зря. Существование идейных разногласий между членами интеллигентских богоискательских кружков Петрограда-Ленинграда 1920-х годов не только не исключает наличия определенного духовного единства между ними, но и известных организационных связей (хотя бы в виде личных дружеских или служебных отношений). Ведь, как мы уже знаем, несмотря на определенные идейные расхождения, и в кружке Тайбалина, и в кружке Назарова и масон, так сказать, формальный А.А. Мейер, и масон идейный М.М. Бахтин всегда были дорогими и желанными гостями. Да и сам В.В. Антонов вынужден признать, что, несмотря на свою ортодоксальность, Назаров, по-видимому, все же следовал традиции либеральных богоискательских кружков, где любили философствовать по церковным вопросам². И это сам Назаров! Что уж тут говорить о других, куда менее чем он твердых в вере кружковцев.

К этому времени А.А. Мейер и его коллеги уже находились под наблюдением ОГПУ. И результат не замедлил сказаться. В ночь на 25 ноября 1928 года был арестован учитель естествознания 33-й сов. школы Ленинграда Борис Владимирович Бахтин, однофамилец известного философа и литературоведа Михаила Михайловича Бахтина. Ничего интересного, однако, чекистам Борис Бахтин не рассказал. Дру-

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. Т. IV. СПб., 199. С. 306.

² Там же. С. 313.

гое дело арестованный 8 декабря того же года его старший брат Всеволод Бахтин (1901—1951), сотрудник Публичной библиотеки. Он оказался весьма словоохотлив, и через него чекисты очень скоро вышли на «Воскресенье» и его руководителя А.А. Мейера¹. 11 декабря был арестован А.А. Мейер, а вслед за ним и другие члены организации. Начались допросы.

В известной мере дело «Воскресенья» — это прямое следствие дела «Братства преподобного Серафима Саровского» (1928 г.). Дело это решилось постановлением Коллегии ОГПУ в октябре 1928 года. А уже в ноябре в ОГПУ стали поступать сведения о сборе средств и вещей в пользу осужденных. Заинтересовавшись этим сообщением, ОГПУ быстро установило, что занимались этим избежавшие суда коллеги осужденных: студент Института гражданских инженеров Лев Косвен, врач-психиатр Модест Моржецкий, лектор политпросвета Наталья Бурцева и преподаватель Педагогического института им. А.И. Герцена Александр Сухов². Все четверо были арестованы, после чего в ходе допросов (Косвен, Моржецкий) выяснилось, что, кроме ликвидированного ОГПУ «Братства Серафима Саровского» во главе с Иваном Михайловичем Андреевским, на свободе остаются члены еще одного интеллигентского сообщества, находившиеся с ним в тесной связи.

Так следствие вышло на т. н. «Содружество пяти» (И.М. Андреевский, к этому времени уже осужденный, С.А. Алексеев (Аскольдов), В.Н. Финне, Н.А. Молочковский и Б.В. Сланский), «составлявшее как бы коллегия по руководству «Братством Серафима Саровского». В конце ноября 1928 года все они были арестованы. Не приходится отрицать сам факт близости И.М. Андреевского и других членов т.н. «Содружества пяти». Как и он, арестованные Н.А. Молочков-

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. Т. IV. СПб., 199. С. 289.

² Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т. 1, л. 181.

ский и В.Н. Финне были врачами-психиатрами, Б.В. Сланский — студент медицинского института. Однако в том, что они составляли коллегия по руководству «Братством Серафима Саровского» и «Космической академии наук» (руководитель Э.К. Розенберг), члены которой к этому времени также были осуждены, — позволительно усомниться. Скорее всего это был домысел следователей ОГПУ.

Сомнительно также и то, что «Содружество пяти» имело какое-то отношение (хотя бы и через И.М. Андреевского) к кружку бывшего бухгалтера Госторга Григория Тайбалина, как то утверждало следствие. Во всяком случае, сами арестованные этого не подтвердили, хотя и признали, что были осведомлены о существовании кружков.

В дальнейшем в ходе следствия выяснилось также, что осужденный по делу «Братства Серафима Саровского» бывший профессор Петроградского университета С.А. Алексеев (Аскольдов) входил, наряду с ним, в еще одну подпольную организацию под названием «Воскресенье». Каких-либо конкретных данных о составе этой таинственной организации не было, и только в результате длительного и, надо сказать, профессионального агентурного наблюдения ОГПУ удалось получить о ней необходимые сведения. Они-то и послужили основанием для проведенных в декабре 1928 года, январе—феврале 1929 года арестов членов этой организации и связанных с ней кружков.

Большой находкой для чекистов стал арест бывшего друга Александра Блока Евгения Павловича Иванова (1879—1941), который не только самым подробным образом рассказал в ОГПУ о «Воскресенье», куда он был приглашен А.А. Мейером в 1925 году, но и о ряде других известных ему интеллигентских кружков: Бориса Михайловича Назарова, Дмитрия Михайловича Пинеса (1891—1937), Леона Абгаровича Орбели, Михаила Михайловича Бахтина¹.

Первое время после ареста в ходе предварительного

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 289.

следствия почти все арестованные отказывались от дачи показаний. Принципиальную позицию отказа от сотрудничества занял А.А. Мейер, отказавшийся от дачи каких-либо показаний по существу дела.

«С самого возникновения Религиозно-философского общества в Ленинграде в 1906 (1907-м. — Б.В.) году, — показывал он 5 января 1929 года, — я начал в нем работать. В Религиозно-философском обществе было много различных течений. Я примыкал тогда к тому течению, которое представлено было Мережковским и Карташевым. Сущность этого учения сводилась к борьбе за освобождение христианства от связи с монархизмом. Во время революции РФО прекратило существование (в марте 1917 года). В конце 1917 года Карташев уехал за границу. Мережковский еще года два был в России, работал в Публичной библиотеке. Уже тогда мы разошлись с Мережковским в понимании происходивших социальных процессов. Именно поэтому Мережковский не был привлечен тогда мною к работе моего кружка, в котором, по существу, продолжалась работа того течения в РФО, к которому примыкал и я. Основная установка моя в вопросе «религия и революция» сводится к следующему: религия не частное и не национальное дело. Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества. Христианская религия в принципе своем утверждает преодоление индивидуализма, и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией»¹.

Ближайшим помощником и единомышленником А.А. Мейера по «Воскресенью» являлась, как уже отмечалось, Ксения Анатольевна Половцева, бывший секретарь РФО, с которой он состоял в так называемом гражданском браке, не порывая, впрочем, официально и с законной женой — Прасковьей Аркадьевной Мейер, от которой имел двоих детей: дочь Марию и сына Аркадия. Что касается К.А. Половцевой, то она к этому времени, судя по всему,

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14284, т. 1, л. 230.

была уже разведена с П.Д. Васильевым, кстати, тоже членом этого «братства».

«Я, нижеподписавшаяся, Половцева Ксения Анатольевна, 42 лет, бывшая дворянка, проживающая: Петроградская сторона, Малый проспект, дом 7, кв. 10, работающая зав. библиотекой завода «Электроаппарат», разведенная, муж — артист б. Мариинского театра, неимущая, беспартийная, сочувствую советской власти, — показывала она 25 декабря 1928 года. — Образование — Высшие женские строительные курсы. Архитектор.

Сознаюсь в том, что действительно активно работала с моим мужем Мейером в объединении «Воскресенье». Объединение берет фактически свое начало от инициативной группы во главе с Федотовым, который в данное время в Париже. Федотов служил с моим мужем Мейером в Публичной библиотеке. Однажды Мейер, придя домой, позвал меня к Федотову на совещание инициативной группы. Здесь присутствовали: Анциферов с женой, я с Мейером, Преображенская Лидия Васильевна и ее приятельница, фамилии которой я не помню. На этом совещании Федотов сделал доклад на тему: «Пойдут ли церковь и религиозное движение вместе?» Обсуждали, но, естественно, ни к какому результату не пришли. Так этот вопрос остается до сих пор для нас нерешенным. Прочли молитву: «Отче наш», кончили чаем и угощением. Решили впредь также собираться. После этого первого совещания собирались на квартире у Федотова, почти ежемесячно. Бывал несколько раз Гревс. Деятельное участие принимал Шайтан. Бывал Курицын Владимир Николаевич, архитектор Пумпянский, Пигулевский, Оттен Евгения Оскаровна, Покровский Александр Михайлович, еще какие-то люди приходили, фамилии которых я не знаю. Одновременно бывали ныне находящиеся за границей Маркович Наталья Николаевна, Алина Карловна и Вероника. Федотов разработал детальные тезисы, положенные в основу работы и обсуждения нашего объединения. Я сама составила и начертила графическую схему. Так продолжалось до отъезда Федотова за границу, т. е. до 1925 года. После отъезда Федотова вскоре уехали за границу также Маркович

Вероника и Алиса Карловны, Бауман Анна Ивановна. Наступил второй период. Остались Мейер, я, Смотрицкий с женой, Дмитрук Анна Герасимовна, Максимович Алексей Яковлевич, Некрасова Клавдия Ильинична, Лишкина Анна Леонидовна, Арнсон Тамара Наумовна, Дедок Анастасия Анатольевна и Федорова Лена. Продолжали собираться ежемесячно в разных местах, преимущественно у Смотрицкого и последние два раза у меня на квартире. На этих собраниях прорабатывались аналогичные вопросы, иногда с молитвами. Помимо этого, у Смотрицкого был еще свой кружок. Последнее время собрания проводились у меня. 2 декабря 1928 года было поставлено задачей выявить всех лиц, которые будут серьезно прорабатывать все вопросы, поставленные общиной «Воскресенье». Для этого я предварительно с Арнсон разработала тезисы. Сущность их сводилась к следующему: 1) люди мы все церковные, 2) Христос и свобода, 3) скрещивание религиозного и социального вопросов, 4) о культурности церковных людей. Собралось человек двенадцать-четырнадцать. Когда собрались, я объяснила, почему я собрала их. Смысл моего обращения сводился к тому, что необходимо было окончательно выявить, остались ли еще люди, сочувствующие идее «Воскресенья», и кто из них остался верен ей. После моего обращения Арнсон зачитала составленные мною тезисы. Некоторые из присутствующих не были согласны, возражали и ушли. Например, Юдина, Иванов, Бахтин и его жена. Остальные были согласны. Наметили собраться 24 декабря 1928 года у Смотрицкого. В намеченный день действительно собрались у Смотрицкого, обсуждали результаты организационного собрания. Констатировали, что откликнулись не все. Одновременно говорили о молитве, как молиться. Решили употреблять молитвы церковные, а не своими словами. Решили и впредь встречаться по возможности регулярно. Информацию о религиозном движении в рядах эмиграции получали со слов Мейера. Приятельница жены Федотова в 1926 или 1927 г. ездила за границу в Париж, виделась там с Федотовым, о чем рассказала Мейеру, а он в свою очередь — мне. Я знаю, что у Мейера была книга, сочиненная Федотовым, «Митрополит Филипп», изданная за границей в 1928

году. Откуда взята эта книга, мне неизвестно. В свое время я также видела у Мейера заграничный журнал религиозного направления. Откуда он взял его, я тоже не знаю. Протокол записан с моих слов правильно, в чем и подписываюсь».

Допрошенная в тот же день дополнительно, К.А. Половцева сообщила:

«В дополнение своих чистосердечных показаний показываю, что лиц, связывающих Мейера с заграницей, я знаю лишь двух, 1 — подруга жены Федотова, кажется Маргарита, фамилия, возможно, Грюнвальд. Помню, что жена Федотова называла ее Маргаритой. Маргарита ездила в Париж в 1927 году по командировке ее учреждения. По возвращении своем из Парижа она Мейеру рассказала, а он в свою очередь мне, следующее. Подробно о личной жизни Федотова говорила, что Федотов читает лекции в Богословском институте, встречается часто с молодежью. Но идеологически он совсем одинок. О Карташове рассказывала, что он занимается общественной деятельностью, у него бывает очень много людей и он вообще живет на широкую ногу. Говорили о его личной жизни, что Карташев женился и у него есть ребенок. Параллельно рассказывала, что у них есть церковь (переоборудованный костел), расписанная русским художником. Недалеко от нее есть общежитие, где живут молодой Струве, сделавшийся священником. Вместе с этим могу заявить, что второе лицо которое ездило в Париж и рассказывало то же самое, является Добиаш-Рождественская. Больше о заграничных связях Мейера я не знаю. Протокол написан правильно, в чем и подписываюсь. К. Половцева»¹.

Весьма уклончивые и неопределенные показания дали в ходе следствия Т.Н. Арнсон, А.П. Смирнов, Е.В. Корш, Т.Н. Гиппиус, Б.М. Назаров, Э.А. Зыкова, Н.А. Александров, Г.Г. Тайбалин и Е.А. Тайбалина, Б.В. Бахтин, И.А. Аполлонская-Стравинская, Т.М. Смотрицкая, А.П. Сухов. Однако в дальнейшем такую принципиальную позицию вы-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14284, т. 3, л. 244—246.

держать удалось далеко не всем. Благодаря показаниям Всеволода Бахтина, Евгения Иванова, Павла Смотрицкого и ряда других арестованных, согласившихся в конце концов на «откровенные» показания (правда, с условием не называть личностей), общая картина истории и функционирования организации прояснилась вполне.

В итоге следствию удалось обнаружить или проявить, по крайней мере пять кружков ленинградской интеллигенции, общее руководство которыми восходило, согласно версии ОГПУ, к А.А. Мейеру: «Содружество» (руководитель А.А. Мейер), «Переоценка ценностей» (руководитель до 1925 г. Г.П. Федотов), «Кружок медиевистов» (руководитель, И.М. Гревс и О.А. Добиаш-Рождественская), «Культурный уголок» (руководитель П.Ф. Смотрицкий), кружок Г.Г. Тайбалина. Состав же их оказался следующими:

кружок Мейера «Содружество» (собирался по пятницам): Вахрушева Елизавета Михайловна, Лишкина Анна Леонидовна, Максимович Алексей Яковлевич, Ганьковский Дмитрий Михайлович, Якобсон Фаня Германовна, Давыдова Евгения Владимировна, Федорова Елена Семеновна, Арсон Тамара Наумовна, Дмитрук Анна Герасимовна, Воронид Николай Степанович, Некрасова Клавдия Ильинишна, Зыкова Эликонида Александровна, Лаббе Эмилия Васильевна;

кружок Федотова «Переоценка ценностей» (собирался по вторникам): Юдина Мария Вениаминовна, Батурина Александра Николаевна, Шилов Иван Андреевич, Гиппиус Вера Альбертовна, Мишонов Алексей Михайлович, Спиро Мария Семеновна, Пумпянский Лев Васильевич, Покровский Николай Александрович, Потулов Иван Ерофеевич;

кружок Гревса и Добиаш-Рождественской (собирался по субботам): Федотов Георгий Петрович, Бахтин Всеволод Владимирович, Пигулевская Нина Викторовна, Герман Вера Петровна, Люблинский Владимир Сергеевич, Ушаков Сергей Александрович, Тиханова-Клименко Мария Александровна, Гуковский Матвей Александрович, Штерн Георгий Александрович, Винберг Нина Анатольевна, Люб-

линская Александра Дмитриевна, Скржинская Елена Чеславовна, Вальтер Георгий Ульрихович, Тубянский Илья Давыдович;

кружок Смотрицкого «Культурный уголок» (собирался по четвергам): Арнсон Тамара Наумовна, Мишенев Сергей Михайлович, Грузова Валентина Сергеевна, Кареев Константин Николаевич, Приселков Сергей Васильевич, Венгеровская Стелла Георгиевна, Жуков Владимир Акимович, Палей Петр Николаевич, Муликовская Елизавета Павловна, Платунов Борис Аркадьевич, Мухина Анна Ивановна, Спиро Мария Семеновна, Пешекирова Мария Сергеевна, Туманова Нина Владимировна, Баканова Екатерина Михайловна, Лукина Мария Васильевна, Волкович Михаил Михайлович, Ганьковский Дмитрий Михайлович, Якобсон Фаня Германовна, Гелландер Рудольф Оттович, Штейн Михаил Петрович;

кружок Тайбалина: Аполлонская-Стравинская Инга Александровна, Дидерикс Михаил Михайлович, Вальдгарт Павел Петрович, Бельгардт Валериан Валерианович, Бахтин Борис Владимирович, Роменская Вера Васильевна, Кенель Александр Александрович, Мюллер Василий Федорович, Катенина Анна Алексеевна, Аничков Игорь Евгеньевич, Барковский Михаил Михайлович, Миханков Андрей Михайлович, Таубе Сергей Михайлович, Конюченко Андрей Тимофеевич.

Сам факт существования этих кружков не подлежит сомнению. Менее очевидна центральная организующая роль А.А. Мейера и «Воскресенья» в их возникновении и деятельности. Даже в самом «Воскресенье» среди членов его не было должного идейного единства. Наряду с либерально-масонским ядром его во главе с А.А. Мейером и К.А. Половцевой достаточно сильные позиции в кружке имели представители энергично противостоящего ему православно-монархического направления¹. Правда, в «Воскресенье»

¹ Антонов В. В. «Воскресенье» Мейера и «воскресники» Назарова. Духовные поиски петроградской интеллигенции 1920-х годов // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. IV. СПб., 1999. С. 314.

они были в меньшинстве. Однако в ряде других кружков (Григория Тайбалина, Бориса Назарова, Ивана Андреевского (Хельфернак, «Братство Серафима Саровского»), Эдуарда Розенберга («Космическая академия наук»)) ситуация была принципиально иной, и тон в них задавали не либералы, а «резко православные» люди. Сбить их с толку было не так-то просто.

Как бы то ни было, притянув к «Воскресенью» более или менее с ним связанные (по крайней мере, идейно) кружки и группы, следствие получило возможность раскрыть на этом материале крупнейшее даже по тем временам «интеллигентское дело».

Оказывается, как гласит обвинительное заключение по нему¹, «вскоре после Октябрьской революции некоторые ученые, последователи идеалистических течений в науке, профессора Духовной академии и бывшие общественные деятели, оказавшиеся отстраненными от преподавательской и общественной работы, устроились при содействии двух академиков в аппарате Академии наук, Публичной библиотеке, музеях и научных институтах. Не участвуя в общественной жизни и наблюдая за укреплением ненавистного им государственного строя в конце 1917 года, в квартире одного из академиков членов ЦК партии кадетов при участии профессора государственного университета (тоже кадета) И.М. Гревса собрались несколько человек для обсуждения вопросов, как сохранить чистоту русской интеллигенции от влияния новых идей. В результате было признано желательным организовать встречи интеллигентных, одинаково мыслящих людей с таким расчетом, чтобы не нарушить старых традиций и, главным образом, сохранить свое влияние на своих бывших учеников, молодых ученых и подрастающую молодежь. Для опыта было решено связаться с проживавшим в Москве бывшим князем Д.И. Шаховским, организовавшим там кружок молодежи из

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81782, т. 1, лл. 179—242.

своих близких знакомых. Результаты этих переговоров сказались сразу же. В декабре 1917 года создается маленький кружок (ядро) из членов бывшего Петроградского религиозно-философского общества — сотрудников Публичной библиотеки и Академии наук Карташева Антона Владимировича, бывшего министра Временного правительства по делам вероисповедания, Половцевой Ксении Анатольевны, дочери придворного чиновника, Мейера Александра Александровича — бывшего духовного проповедника, Гревса Ивана Михайловича — профессора университета, бывшего орловского помещика Федотова Георгия Петровича, ученики Гревса, и др., положивших начало регулярным собраниям на частных квартирах для обсуждения тенденций политических событий в России».

Так было положено начало созданию подпольной «контрреволюционной» организации правой интеллигенции под названием «Воскресенье».

«Во главе организации стояли бывшие активные деятели Петроградского религиозно-философского общества, и за все время своего существования организация насчитывала до 110 членов.

«Воскресенье» было связано с парижской белой эмиграцией в лице активных политических деятелей: члена группы «Борьба за Россию» и председателя Всеэмигрантского национального комитета Антона Владимировича Карташева и активного деятеля Союза христианской молодежи в Париже — Георгия Петровича Федотова, которым регулярно посылалась информация о деятельности организации.

Лидеры «Воскресенья» из разных источников получали белоэмигрантские газеты и литературу.

Имея своей конечной целью свержение советской власти, организация задачей текущего дня ставила создание крупного общественного движения против существующей политической системы.

Пытаясь создать такое движение, организация широко использовала религиозные и националистические настроения той интеллигенции, которая, благодаря своему враждебному

отношению к Советской власти, оказалась выбитой из колеи общественной жизни.

Из этой интеллигенции организация по плану создавала целую сеть подпольных кружков, которыми руководили отдельные члены организации и для которых подлинные ее политические цели маскировались целями борьбы с культурной и религиозной политикой Советской власти.

Помимо систематической антисоветской пропаганды в своих кружках, организация проводила широкую агитацию всюду, куда могли проникнуть ее члены (церкви, вузы, школы и частные квартиры), и распространяла антисоветские материалы, которые печатались силами и средствами организации»¹.

Из 110 человек, прошедших за все время существования «Воскресенья» через его кружки и группы, к ответственности в конечном счете было привлечено всего 70. Материалы в отношении И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественской и Л.С. Косвена были выделены в самостоятельное производство. «По своему социальному прошлому, — отмечалось в обвинительном заключении, — члены организации — осколки бывшего дворянского сословия, уничтоженного революцией, среди них дети бывших помещиков, дворцовых чиновников, бывшие статские советники и их жены, бывшие офицеры, попы и монахи». И это правда. Перед нами действительно представители «старого дворянского класса», дореволюционной русской интеллигенции. Практически все обвиняемые — из дворян и имели высшее образование.

Не менее существенно, однако, и другое. Наряду с попами (С.П. Мачихин, П.И. Жарков), монахами (Е.А. Зыкова, Г.М. Егоров) и бывшими офицерами (Н.А. Александров, С.М. Таубе, Г.Г. Тайбалин, А.В. Розеншильд-Паулин), как, впрочем, и библиотекарями (В.В. Бахтин, Н.В. Стебницкая-Пигулевская — ГПБ), певцами (П.Д. Васильев —

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т. 1, л. 180.

бывший муж К.А. Половцевой), врачами (В.А. Дегтярева, М.Н. Моржецкий, Н.А. Молочковский), художниками (С.Г. Венгеровская), студентами (М.М. Дитерихс, М.М. Волкович, Б.В. Сланский, А.Я. Максимович), среди проходивших по делу свыше трети оказались все же преподавателями высших и средних учебных заведений Ленинграда. Это: А.А. Мейер (Петроградский богословский институт), А.П. Смирнов (Институт истории искусств), Е.Л. Тенчинская (108-я сов. школа), А.В. Болдырев (ЛГУ), Б.В. Бахтин (33-я сов. школа), Н.А. Александров (108-я сов. школа), А.П. Сухов (Педагогический институт им. А.И. Герцена), А.А. Дедок (32-я сов. школа), Е.М. Вахрушева (51-я сов. школа), А.П. Алявдин (ЛГУ), П.П. Вальдгардт (Центральный музыкальный техникум), С.В. Приселков (доцент и проректор Академии художеств), О.В. Яфа (157-я сов. школа).

Очевидно, что острие репрессий второй половины 1920-х годов было направлено не столько против старой интеллигенции вообще, о «вредительстве» которой много говорилось в то время, сколько против ее наиболее активной, духовно развитой, думающей части.

Уже в мае 1929 года следствие по делу «Воскресенья» было закончено и за подписями начальника СОУ В.Р. Домбровского и ПП ОГПУ в ЛВО С.А. Мессинга ушло в Москву на рассмотрение коллегии ОГПУ. Участь обвиняемых была решена последней 22 июля 1929 года. Наиболее суровое наказание — 10 лет концлагерей — было определено А.А. Мейеру, Э.А. Зыковой, П.Ф. Смотрицкому и К.А. Половцевой. А.М. Мишенев, С.П. Мачихин, Г.Г. Тайбалин, М.М. Бахтин, А.В. Болдырев, Т.Н. Арнсон, А.И. Голубинский, А.Я. Максимович, Е.А. Назарова-Заржецкая, А.В. Розеншильд-Паулин, Н.В. Стебницкая-Пигулевская, Н.В. Спицын и П.П. Сланский получили по 5 лет концлагерей. М.М. Бахтину, впрочем, из-за его инвалидности концлагерь был заменен ссылкой, благодаря чему он и выжил.

По 3 года получили: В.В. Бахтин, Б.В. Бахтин, Л.А. Ба-

рышева, П.П. Вальдгардт, М.М. Волкович, Т.Н. Гиппиус, В.С. Грузова, А.Л. Лишкина, Н.А. Молочковский, К.И. Некрасова, А.П. Сухов, Б.В. Сланский, М.М. Таубе и С.М. Таубе, В.Н. Финне, О.В. Яфа, В.П. Герман, В.Ф. Штейн, Е.Л. Тенчинская, Н.П. Анциферов. Более мягкое наказание — 3 года ссылки — было определено А.А. Дедок, И.Н. Дукельской, Е.С. Бахтиной, Н.Б. Бурцевой (Гришковской, Долбежневой), С.Г. Венгеровской-Приселковой (урожд. Коган), С.В. Приселкову, Е.П. Иванову, А.А. Катениной, М.Н. Маржецкому, А.Ф. Мушниковой, Т.М. Смотрицкой, Е.А. Тайбалиной, Е.Н. Харламовой, М.И. Шалиско, Г.М. Егорову, М.К. Гринвальд, Е.В. Корш, П.И. Жаркову, И.А. Аполлонской-Стравинской. 3 года концлагерей получила В.А. Дегтярева, но ввиду преклонного возраста подсудимой наказание ей было смягчено — 3 года ссылки. В отношении остальных: Е.О. Оттен-Тиличевой, М.М. Дитерихса, К.Н. Кареева (сын известного историка) и других — решено было ограничиться условным наказанием — лишением их права проживания в Москве, Ленинграде и ряде других городов СССР с обязательным прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

В заключении умерли П.Д. Васильев, А.П. Смирнов, Н.В. Спицын, П.Ф. Смотрицкий. В.В. Бахтин после освобождения сошел с ума. От голода в блокадном Ленинграде умерли в 1942 году Е.П. Иванов и В.П. Герман. К.А. Половцева после своего освобождения в 1933 году «по зачетам», так и не получив разрешения на прописку в Москве или в Ленинграде, вынуждена была поселиться в Калинин (Тверь). Умерла она в 1948 году. По мотивам жизненного пути К.А. Половцевой А.В. Бенсфельд написан неопубликованный роман «Ирина. Ее жизнь». Рукопись хранится ныне в Российской национальной библиотеке. Был освобожден в 1934 году «по зачетам» и А.А. Мейер, также поселившийся после концлагеря в Калининской области. Умер он, однако, в Ленинграде в 1939 году от рака.

Более благоприятно сложилась судьба освободившегося в марте 1932 года врача Н.А. Молочковского, благополучно

скончавшегося в 1964 году в городе Рыльске, где он работал врачом местной больницы. Выжил и находившийся до 1936 года в лагере приятель Молочковского А.П. Обновленский, работавший позднее на кафедре классической филологии Ленинградского университета и умерший в 1980 году в Ленинграде. Что касается Б.М. Назарова, то он был освобожден едва ли не позже всех — только в 1937 году и сразу же уехал на постоянное место жительства в город Хвалынский Саратовского края. Дальнейшая судьба его неизвестна. Более или менее благополучно сложилась после освобождения судьба Нины Васильевны Пигулевской (член-корреспондент АН СССР с 1945 года), А.П. Алявдина, Е.М. Вахрушевой и А.Л. Лишкиной. В отношении других их «однодельцев» сведения не обнаружены.

«Хельфернак» и «Братство Серафима Саровского» И.М. Андреевского

«КОСМИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК»
Э.К. РОЗЕНБЕРГА

История религиозно-философских исканий петроградской интеллигенции была бы неполной, если бы мы не рассказали еще о двух интеллигентских кружках 1920-х годов: «Хельфернак» (Художественно-литературно-философско-религиозная научная академия, с 1926 года известен как «Братство преподобного Серафима Саровского») и «Космическая академия наук» (КАН). И тот и другой через своих духовных учителей и руководителей (И.М. Андреевский, С.А. Алексеев (Аскольдов) были тесно связаны с «Воскресеньем». Однако в идейном плане эти кружки стояли на принципиально различных позициях. Охранительное православие в духе о. Иоанна Кронштадтского и преподобного Серафима Саровского, которого держался И.М. Андреевский, было принципиально чуждо А.А. Мейеру. В этом, собственно, и состоит наш интерес к истории кружков, патронированных И.М. Андреевским, представлявших хотя и своеобразную, но весьма осязаемую альтернативу либерально-масонским устремлениям «обновленческого» характера руководителей «Воскресенья».

Во многом это было связано с личностью духовного руководителя обоих кружков Ивана Михайловича Андреевского. Один из участников «Космической академии» — Дмитрий Сергеевич Лихачев склонен недооценивать своего

бывшего учителя. Иван Михайлович, пишет он, имел скромный недостаток — некоторую хвастливость» и стремился «иногда изобразить себя главой или участником большого движения» и «почему-то впоследствии никогда не упоминал о «Хельфернаке», а «Братство» считал как бы существовавшим изначально. Позже он утверждал, что и «Космическая академия»... была как бы филиалом «Братства», принявшим свое нынешнее наименование в целях конспирации. На самом деле из восьми «академиков» к Ивану Михайловичу ходили только я, Раков, Селиванов и Розенберг. П.П. Машков и А.С. Тереховко были атеистами. Оба они сердились, когда впоследствии на Соловках Иван Михайлович представлял их как своих учеников. Владимир Карлович Розенберг, старший брат Эдуарда, к Ивану Михайловичу тоже не ходил... и формально оставался лютеранином»¹.

Пристрастность этого отзыва уважаемого академика очевидна: половина членов КАН, в том числе и ее руководитель Э.К. Розенберг, были учениками И.М. Андреевского. Разве этого недостаточно для того, чтобы он мог считать этот кружок своим? Да и идейные установки обоих кружков, как мы увидим чуть позже, были, в принципе, одни и те же и во многом были связаны с той духовной ориентацией, которую задавал своим ученикам И.М. Андреевский.

Но сначала несколько слов о самом И.М. Андреевском.

Детство и юность этого «резко, по отзывам знавших его, православного человека» прошло в бездуховной, далекой от церковного влияния среде. Родился он в 1894 году в семье архивариуса Петербургского управления земледелия и землеустройства Михаила Петровича Андреевского. Мать Ивана Михайловича (урожденная Нейман) была дочерью скрипача-немца в Мариинском театре. Из всех детей (два брата и сестра) известность получила лишь сестра — поэтесса Мария Шкапская. Активный по натуре, И.М. Андреевский уже в гимназические годы (а учился он во Введенской гимназии) включился в революционное или, правиль-

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 136.

нее будет сказать, так называемое «освободительное» движение. В 1912 году, будучи учеником 6-го класса, был арестован (так называемое «витнеровское дело» — антиправительственное выступление учащихся гимназии Витнера) и приговорен к высылке в Олонецкую губернию. Но в ссылку юному гимназисту ехать не пришлось (ее отменили). Вместо этого, как бы в награду за совершенное, на средства московского богача Шахова он оказывается в Сорбонне, где в течение трех семестров слушает лекции по философии. Приехав в 1914 году домой на каникулы, И.М. Андреевский надолго «застрял» в Петрограде в связи с началом мировой войны, и вместо Сорбонны ему пришлось заканчивать Психоневрологический институт (1914—1918 гг.). В 1918 году И.М. Андреевский поступает на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петроградского университета и успешно заканчивает его в 1921 году.

С этого времени начинается работа И.М. Андреевского в качестве учителя русской литературы в средних школах Петрограда: 5-я сов. школа близ Смольного, 190-я сов. школа (бывшая гимназия Л.Д. Леонтовской) на Плуталовой улице. Из школьных ученических кружков И.М. Андреевского этого времени и выросло то, что получило впоследствии известность как «Хельфернак». Начало кружку было положено в 1921 году в 5-й сов. школе, куда, помимо десятка учеников-старшеклассников, вошли, между прочим, и несколько взрослых людей: врач (он окончил университет и Военно-медицинскую академию) Модест Моржецкий и известный религиозный философ Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов).

Последнее обстоятельство имело, пожалуй, наибольшее значение, ибо С.А. Аскольдов был университетским учителем И.М. Андреевского и оказал на него как на мыслителя огромное влияние. *«Научившись у него истинному философствованию, я отблагодарил своего учителя и друга, — вспоминал И.М. Андреевский впоследствии, — тем, что, борясь с ним в течение 25-летней дружбы, привел его к охра-*

нительному православию о. Иоанна Кронштадтского, о чем он сам засвидетельствовал письмом за несколько дней до своей смерти»¹.

В 1922 году заседания кружка были продолжены в стенах 190-й сов. школы, куда перешел работать И.М. Андреевский. Среди членов его кружка этого времени — Лев Косвен, Николай Милуков, Валентина Морозова, Лев Мовшович, Николай Гурьев, Дмитрий Лихачев, Владимир Кондратьев, Вера Мальковская. Характерно, что члены кружка, работа которого заключалась в чтении и обсуждении докладов на литературно-философские темы, продолжали приходить на его заседания и после окончания школы. Это, собственно, и позволило И.М. Андреевскому перенести свои занятия из стен школы к себе на квартиру. Здесь, в двух тесных комнатках на мансардном четвертом этаже — улица Блохина, д. 8а, кв. 16 (ныне д. 12, кв. 22), и собирались по средам члены кружка.

Под влиянием своего учителя евреи Лев Косвен и Лев Мовшович приняли православие. Религиозный характер кружка вполне определился к концу 1925 года — чтение рефератов на богословские темы и получение элементарного богословского образования. Обязанности И.М. Андреевского как руководителя этого семинара сводились, по существу, к корректировке докладов и общему направлению деятельности, а также приглашению специалистов. Помимо уже упоминавшегося учителя И.М. Андреевского — С.А. Алексеева (Аскольдова), это были: А.П. Обновленский, М.М. Бахтин, В.Л. Комарович, А.П. Алявдин и ряд других известных в то время филологов и философов Ленинграда.

Кружок И.М. Андреевского имел строго охранительный, православный характер, как организация тихоновского толка. Члены его были принципиальными противниками обновленчества и декларации митрополита Сергия (Страгородского) — заместителя патриаршего местоблюстителя

¹ Трифунович З.В. Андреевский И.М. // Русское возрождение, 1978, № 4. С. 212—213.

и рассматривали официальную позицию Русской православной церкви того времени как недопустимую уступку советской власти. Характерна в этой связи поездка (1927 г.) И.М. Андреевского в составе делегации ленинградского духовенства, мирян к митрополиту Сергию с целью изменения его официальной позиции по отношению к большевикам. Что касается «политической физиономии» членов кружка, то она была неопределенна, хотя отрицательное отношение «братчиков» к советской власти, по крайней мере в церковном вопросе, не подлежит сомнению. Ряд членов «Хельфернака» (А.Н. Миханьков, И.Е. Аничков, Д.С. Лихачев), насколько можно судить на основании протоколов допросов, склонялись к монархической форме правления как наиболее предпочтительной для России. Однако большинство членов кружка имели по этому вопросу неопределенные убеждения и большого интереса к текущей политической жизни, за исключением, пожалуй, церковного вопроса, не проявляли.

«Расцвет «Хельфернака», — вспоминает Д.С. Лихачев, — приходился примерно на 1921—1925 годы, когда в двух тесных комнатках Ивана Михайловича Андреевского на мансардном этаже дома на Церковной улице, 12 каждую среду собирались и маститые ученые, и школьники, и студенты. Помню, среди присутствовавших С.А. Аскольдова (Алексеев), М.Н. Юдину, доктора Модеста Моржецкого, В.Л. Комаровича, И.Е. Аничкова, Е.П. Иванова, А.А. Гизетти, М.М. Бахтина, В.В. Бахтина, А.П. Сухова и многих других, а из молодежи — Володю Ракова, Федю Розенберга, Аркашу Селиванова, Варю Морозову, Колю Гурьева, Мишу Шапиро, Сережу Эйнерлинга... Всех не перечислишь. Во время заседаний пускалась по рядам громадная книга, в которой расписывались присутствующие и где на странице сверху своеобразным готическим почерком Ивана Михайловича Андреевского была обозначена тема доклада, фамилия докладчика и дата»¹.

Гонения на православную церковь привели к тому, что,

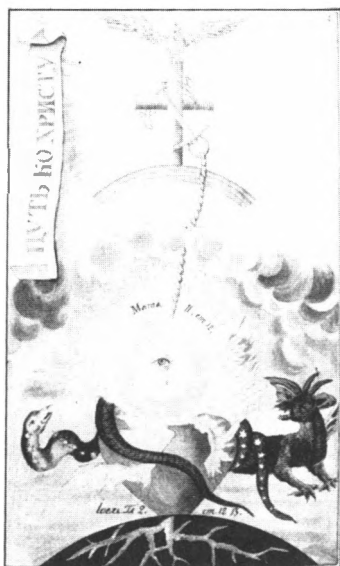
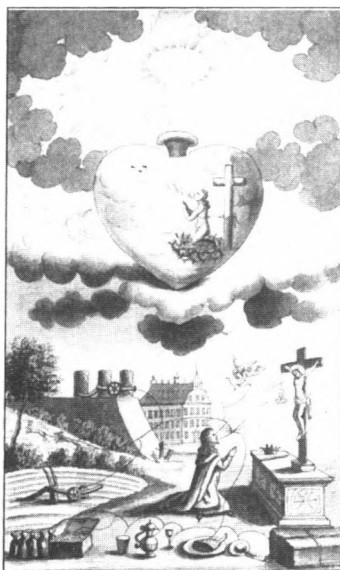
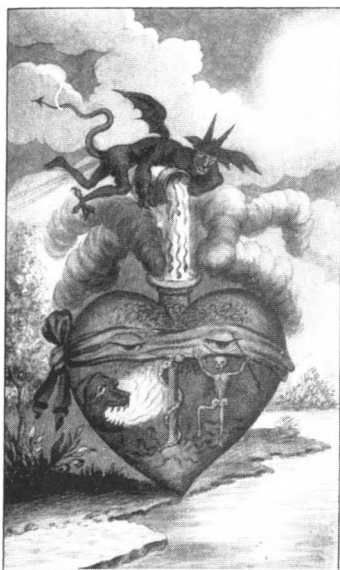
¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 131—132.

помимо регулярного заслушивания докладов из той или иной области богословия, практически на каждом заседании кружка (с 1926 года) стали заслушиваться и краткие сообщения о текущем положении в русской церковной жизни. Общее число членов кружка достигло в это время 15—20 человек. Костяк же его составляли: научный сотрудник НИИ языков ЛГУ Игорь Аничков (р. 1891 г.р.), учащийся подготовительных курсов ЛГУ Н.И. Гурьев (р. 1907), учащийся Высших Богословских курсов в Петрограде Борис Иванов (р. 1903), библиотекарь БАН Татьяна Крюкова (р. 1904), выпускник ЛГУ Дмитрий Лихачев (р. 1906), выпускник ЛГУ, учитель немецкого языка Андрей Миханьков (р. 1904), безработная, выпускница средней школы Валентина Морозова (р. 1910), студент Института гражданских инженеров Владимир Раков (р. 1906), инструктор налогового управления Эдуард Розенберг (р. 1903), студент Института гражданских инженеров Аркадий Селиванов (р. 1900), студентка медицинской техникума Людмила Суратова (р. 1906), машинистка Юлия Тихомирова (р. 1897), выпускник бывшей гимназии К. Мая, бухгалтер Владимир Шувалов (р. 1899), студент ЛГУ Сергей Эйнерлинг (р. 1905).

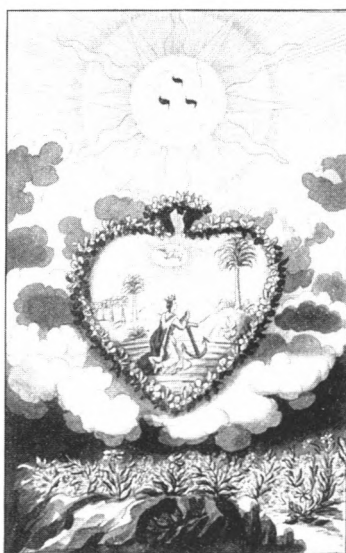
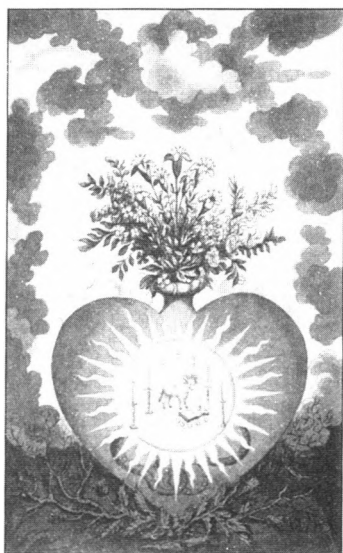
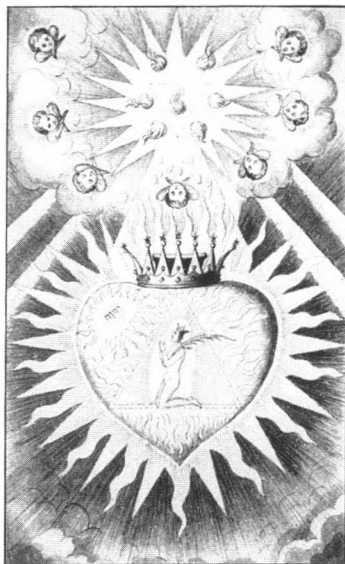
Изменившийся характер деятельности кружка по-новому ставил и вопрос о его названии, неопределенный характер которого уже не мог удовлетворить его членов. Еще в 1923 году, когда он вошел в кружок И.М. Андреевского, свидетельствовал Иван Петрович Ивановский, он назывался «Кружком святого Филиппа в память о митрополите, задушенном Малютой Скуратовым». Кружок, по его словам, преследовал цели религиозного характера, что достигалось чтением докладов на богословские темы¹.

Однако других указаний на то, что уже в 1923 году кружок И.М. Андреевского носил имя преподобного Филиппа, у нас нет, и скорее всего это было его, так сказать, неофициальное название. О явном желании И.М. Андреевского

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81213, т. 1, л. 92.

Масонские символические рисунки.

Масонские символические рисунки.

Г. Гурджиев.

Г. В. Чичерин.

А. В. Луначарский.

Н. И. Бухарин.

К. Б. Радек.

Г. Бокий.

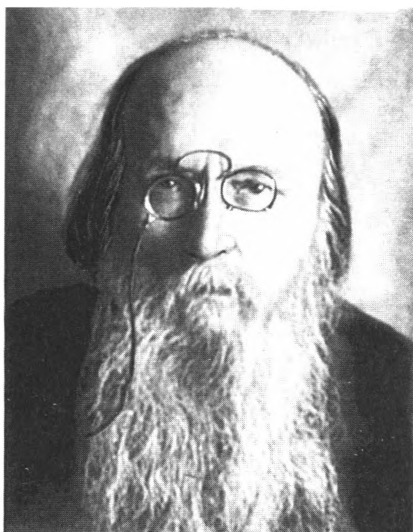
Я. Г. Блюмкин.

Глава «Единого Трудового Братства» А. В. Барченко.
1937 год. Лефортовская тюрьма.

А. А. Боровой.

А. А. Карелин.

В. И. Федоров-Забрежнев.

переименовать свой кружок в «Братство митрополита Филиппа» пишет Д.С. Лихачев. Потом, однако, под влиянием С.А. Алексеева (Аскольдова) И.М. Андреевский изменяет свое мнение. Решающее значение здесь имело, по-видимому, паломничество И.М. Андреевского в 1926 году в Саровскую пустынь.

Датой официального основания нового братства или, вернее, переименования уже несколько лет реально существующего кружка считается 15 января 1927 года, день памяти о. Серафима. В этот день о. Сергием Тихомировым (духовный отец И.М. Андреевского) был отслужен водосвятный молебен на квартире Суратовых (дьякон Кирилл Иванов), и с этого дня «Хельфернак» формально прекратил свое существование. На смену ему пришло «Братство преподобного Серафима Саровского».

«15 января 1927 года. Побежал к Суратовым, — записывал в своем дневнике Андрей Миханьков. — Поспел вовремя. Кружок был почти весь в сборе. Был прочитан акафист и отслужен водосвятный молебен. Володя Раков, облачившись в стихарь, прочел Апостола. Из виденных мною впервые в этом «Братстве», как мы с сегодняшнего дня называемся, отмечу проф. С.А. Аскольдова, И.Е. Аничкова (интересная особа): После молебна Иван Михайлович со слезой в голосе благодарил всех присутствующих»¹.

1 августа 1927 года на той же квартире Люси Суратовой о. Сергием был отслужен молебен по случаю дня обретения мощей преподобного Серафима.

Никакого писаного устава «Братство» не имело, хотя членам его и рекомендовалось регулярное посещение церкви, соблюдение постов и личный аскетизм. Цель «Братства» — путем личного духовного подвижничества — иночество в миру — «спасти Россию»². Характерной особенностью «Братства» были более строгие, по сравнению с «Хельфер-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81213, т. 3, л. 437.

² Там же. Т. 2. Л. 376.

наком», требования к соблюдению конспирации и дисциплины. На общий и уже вполне определившийся характер деятельности кружка это не повлияло.

Среди сделанных на заседаниях «Братства» в 1926—1927 годах докладов: о молитве, о прообразах Христа в Библии, о литургике (И.М. Андреевский), о евангелисте Марке (А.П. Обновленский), об обновленческом движении в России (В.Н. Финне), о ранней истории русской церкви (Д.С. Лихачев), о святых отцах (В.Г. Морозова), о прототипе старца Зосимы у Ф.М. Достоевского (В.Л. Комарович). Сын профессора Е.Ф. Аничкова, преподаватель фонетической школы ЛГУ И.Е. Аничков, выступил перед членами кружка с докладом «Россия и Антихрист», в котором говорилось: *«Я жду новой религии, в которую войдет, в качестве составного элемента, коммунизм, которая будет восполнением, а не отменю христианства, как и христианство было восполнением, а не отменю ветхозаветной религии. Это будет третья сила, которая явится как синтез после христианства и ленинизма, тезиса и антитезиса. Так думал и Александр Блок, который часто бывал в доме у моего отца и с которым я был лично знаком»*. Следователь А.Р. Стромин (Геллер) потребовал от него признания в антисемитизме. *«Я — прямой противник антисемитизма»*, — заявил И.Е. Аничков¹.

Последний перед арестом членов кружка доклад «О вечности» был прочитан Н.И. Гурьевым. Конечно, не следует заблуждаться относительно глубины содержания этих докладов и сообщений. Написанные наспех вчерашними студентами или школьниками, они имели, как правило, компилятивный, поверхностный характер. Однако большинство докладов, как справедливо отмечает В.В. Антонов, делалось все-таки *«зрелыми и знающими людьми: Аскольдовым, крупным религиозным философом, отцом Виктором Финне, дьяконом церкви Спаса на водах, в 1898 году окончившим юрфак Санкт-Петербургского университета священником Владимиром Пищулиным (он в сентябре 1927 года докладывал об ехва-*

¹ Лукин Е. По второму кругу Размышления над уроками прошлого // День, 1993, № 32 (103). С. 6.

ристии), отличным знатоком Достоевского доцентом В.Л. Комаровичем, работавшим в университете и Пушкинском доме, бывшим учителем истории А.П. Обновленским, еще до революции руководившим кружком верующей молодежи, и самим И.М. Андреевским, который хотя и не получил систематического богословского образования, но был широко начитан и в религиозных вопросах разбирался неплохо»¹.

Политически наиболее опасным из прозвучавших на заседаниях кружка докладов был реферат Татьяны Крюковой, сделанный ею осенью 1926 года после возвращения из Праги, где она провела в научной командировке около семи месяцев. Доклад Крюковой был посвящен религиозной и общественной жизни «русской Праги», что, конечно же, не могло не вызвать неподдельного интереса «братчиков», тем более что Крюкова, как оказалось, имела в Праге личные встречи с епископом Сергием, а также с известными философами-эмигрантами проф. Н.О. Лосским и И.И. Лапшиным.

По замыслу и характеру своей деятельности «Братство преподобного Серафима», пишет В.В. Антонов, было «типичной православно-просветительской организацией, которая была вынуждена работать в подполье из-за преследования всех видов религиозного образования. Такие подпольные семинары и кружки существовали в Петрограде и в Москве до середины 1930-х годов и возродились в 1970-х годах уже в новых условиях. Важным отличием их было и то, что кружок, состоявший из интеллигентов, постепенно перерос в «Братство», которое требовало от своих членов активного участия в церковной жизни, что свидетельствовало о покаянии и возвращении в церковь части еще недавно обезбоженной и революционно настроенной русской интеллигенции. Разумеется, в тогдашних условиях «братчики» могли заниматься исключительно личными подвигами благочестия, даже молиться ходили в храм порознь. И поэтому все их общественное служение

¹ Антонов В. В. Братство прп. Серафима Саровского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 16, ч. 2. СПб., 1996. С. 94.

сводилось, главным образом, к взаимному самообразованию и тихому миссионерству среди своих друзей и коллег»¹.

В январе 1927 года над «Братством» сгустились тучи: была арестована одна из посетительниц его собраний Ксения Милорадович. «Братства» она, правда, не выдала. Зато обнаружилось другое: среди членов кружка появился провокатор — студент Ленинградского университета Сергей Ионкин. В итоге было решено хотя бы по видимости «усыпить» «Братство». *«В ближайшую среду, — вспоминает Д.С. Лихачев, — на которую чуть ли не первым явился Ионкин, Андреевский встретил нас хмуро, уселся в глубокое, обитое синим бархатом кресло и стал говорить о бесполезности наших собраний и о решении его больше не собираться. Призвав всех ходить по мере сил и вере в церковь и читать религиозную литературу, он встал и пожал на прощание каждому из нас руку. Изредка я все же посещал Ивана Михайловича, брал у него книги. Навещали его и другие члены кружка»*².

Постепенно, однако, заседания «Братства» были возобновлены: 22 января 1928 года был заслушан доклад И.М. Гурьева «О вечности». Последнее заседание «Братства» состоялось 29 января 1928 года.

Не всех удовлетворял спокойный характер работы «Братства». У некоторой части «посетителей» И.М. Андреевского, преимущественно, как бы мы сейчас сказали, молодежного возраста — 22—25 лет, возникает мысль о создании собственного кружка, построенного уже на несколько иных, «молодежных» началах и отличающегося, естественно, более радикальным характером. Так возникла «Космическая академия наук» (КАН).

Однако прежде чем перейти собственно к ее истории, стоит, видимо, познакомить читателя и с творчеством на эту тему уже известных нам «перьев ОГПУ» Л.Д. Тубель-

¹ Антонов В. В. Братство прп. Серафима Саровского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 16, ч. 2. СПб., 1996. С. 94.

² Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб, 1995. С. 135.

ского и П.Л. Рыжей. Речь идет об их статье «Пепел дубов», напечатанной 14 июня 1928 года в «Ленинградской правде». Несмотря на то, что формально их публикация посвящена вроде бы не только КАН, но и «Братству Серафима Саровского», основное внимание авторов оказалось все же сосредоточенным на истории «Космической академии».

«Сгорает дуб, рассеченный молнией, и остается пепел, — начинается статья. — Вот он стоял еще недавно, величественный, шумливый и широкий, раскинув гудящие ветви вокруг. А сейчас о нем напоминает только жалкий пепел... Перед нами — доктора богословия, доценты христианской экзегетики, кантоницы, идеалисты, апостолы чистого разума, гвардейские поручики, предводители дворянства, черносотенные и потомственные скулодробители... Перед нами сорок пар чистых и нечистых, соединившихся воедино, — от последователей Канта до последователей Пуришкевича — в лоне «Космической академии наук» и «Братства Серафима Саровского».

«Вам не доводилось слышать о таких странных учреждениях? — задают риторический вопрос авторы статьи. — Весьма, весьма странно. Между тем в «Космической академии наук» все обстояло совсем как в настоящей Академии наук. Здесь имелся, помимо президента, непрременный секретарь, академики и даже малый и большой конференц-залы. Более того, здесь было несколько сотрудников настоящей Академии наук. Пожалуй, можно сказать, — развивают авторы свою мысль, — что «Космическая академия» явилась учреждением даже более полным и обстоятельным, нежели простая Академия наук СССР. Сюда входил ряд кафедр, в Академии наук не имеющихся. Из таковых могут быть названы кафедра православной апологетики, кафедра «истории жидов» в России, кафедра старой русской орфографии. Здесь также занимались исследованиями деятельности «чрезвычайки», а также другими, не менее любопытными, «чисто научными вопросами».

Научная деятельность «Космической академии», являв-

шейся составной частью большого махрово-черносотенного «Братства Серафима Саровского», продолжалась почти до нынешнего времени в Ленинграде и выражалась в собраниях «академиков», докладах на различные антисоветские темы, обсуждениях того, как быстрее и рациональней изгнать большевиков из России, печатании и распространении контрреволюционных материалов, а также в сообщениях о жизни зарубежной эмигрантщины в связи с Западом. На этот раз не космической, а вполне конкретной.

На собраниях «Братства» и «Космической академии наук» читались различные научные исследования типа «Евреи в России», составленные по книгам мировых антисемитов Генри Форда — «Мировое еврейство», Чемберлена — «Причины влияния евреев в Европе» и Нилуса — «Сионские мудрецы». Эти исследования обосновывали «оригинальную» теорию, по которой на земном шаре существует тайная организация евреев, чьими агентами произведена революция в России. Указанная «теория», которая, кстати сказать, не совсем нова и проповедовалась еще выжившим из ума герцогом Нортумберлендским, крупным английским шахтовладельцем, почиталась за один из краеугольных камней в работе «Космической академии».

Немало внимания было уделено также теории «святой русской старой орфографии», без которой, как утверждал «академик» по разряду филологии (Д.С. Лихачев. — *Б.В.*) утеряна божественная благодать в русской письменности».

И все же, по мнению авторов фельетона, «категории чистой науки» в деятельности КАН и «Братства Серафима Саровского» занимали явно второстепенное место. На первый план они ставили работу кружковцев чисто практического характера, связанную с «бешеной пропагандой» ими монархических идей. Это не была грубо упрощенная «кустарная» контрреволюция, доказывают они, нет, это была проповедь, проповедь, хорошо продуманная, украшенная разного рода риторикой.

«В школе учитель Андреевский рассказывал детям о жес-

током характере Рыкова, о жиде Зиновьеве и тому подобных вещах. На вечерах в рабочем клубе один из академиков — Каллистов, сын архиепископа (чисто формально, на самом деле его отцом являлся академик историк Б.Д. Греков. — Б.В.), ухитрившийся пролезть в лекторы культотдела профсовета, извращая предмет своей лекции, занимался антисоветской агитацией. Наконец, в церквах тихоновского толка покровители «Братства» призывали к весьма шаблонному изгнанию Антихриста и поминали открытыми молебнами августейших покойников — Александра II, а также трагически упокоившихся во граде Екатерины (Екатеринбурге, речь идет о расстреле Николая II и членов его семьи в 1918 году. — Б.В.).

Для характеристики размаха работ «Космической академии наук» и «Братства» достаточно указать на следующий факт. «Член» «Братства» сотрудница Академии наук (настоящей) Крюкова ездила в Чехословакию для изучения чешско-славянского языка в Пражском университете. Ныне можно со всей уверенностью полагать, что суффиксы и флексии славянских языков не были основным предметом ее поездки. Перед своим отъездом в Прагу Крюкова получила от главы «Братства» Андреевского поручение связаться с русской эмиграцией, что ею и было блестяще выполнено. Ученая филологичка беседовала в Праге с епископом Сергием, высланным из СССР, с профессорами-белогвардейцами: Лосским и Лапшиным. Она связалась также с кружками студентов-эмигрантов, бывших офицеров. Прочитанный ею по приезду информационный доклад «Политическая и религиозная жизнь 70 тысяч эмигрантов, живущих в Праге» произвел глубокое впечатление на членов «Космической академии».

Знакомясь сейчас с деятельностью «Космической академии наук» и «Братством Серафима Саровского», — отмечали Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей, — можно заключить, что это отнюдь не были беспочвенные, ирреальные корпорации мечтателей и философов категорического императива и чистого разума. Это были настоящие организации контрреволюционеров, вполне активные, хорошо законспирированные, гото-

вые перерастают в монархический заговор. Члены этих организаций открыто признали себя монархистами. Другое дело — какой игрушечный эффект дал бы этот серьезный монархический заговор! Но «Академия» и «Братство» в самой своей сущности являлись таким заговором».

Небезынтересна для нас и характеристика, которую дают авторы «житейскому пеплу», составлявшему «Академию» и «Братство». *«Девяносто процентов членов «Академии» имеют высшее образование. Здесь бывалый гвардейский поручик, окончивший парижский лицей Франсуа Дюрена, преподаватель Института истории искусств (Комарович. — Б.В.), сотрудница Академии наук СССР (Крюкова. — Б.В.), сыновья дворян, бывший председатель Всемирного союза студенческой христианской молодежи (Обновленский. — Б.В.), лаборант Гидрологического института, бывший уездный предводитель дворянства, бывший воинский начальник, торговец морфием, доцент политехнического института, сын бывшего сенатора и так далее, и так далее. Завершенный круг «бывших», у которых все в прошлом, очень мало в настоящем и ничто — в будущем».*

Коснувшись проявившихся во время следствия попытки ряда членов «Братства» и КАН представить свою деятельность «по Канту», как «субстанцию истины и благодати», Л.Д. Тубельский и Н.Л. Рыжей, со своей стороны, не придумали ничего лучшего, как определить их как *«жалкий пепел некогда могучих дубов, пытающихся снова обрести жизнь. Но никакая химия или алхимия в мире не могут обратить пепел в дерево. И мы до конца развеваем по ветру человеческий пепел, дотлевающий в весенних аллеях нашего буйного сада».* На такой оптимистической ноте завершают свою статью авторы «Ленинградской правды»¹.

Бойко написанная, тенденциозная статья Л.Д. Тубельского и П.Л. Рыжей, надо думать, в свое время не только за-

¹ Бр. Тур. Пепел дубов // Ленинградская правда, 14 июня 1928 г. С. 3.

интриговала, но и немало озадачила читателей: ведь авторы умудрились не назвать ни одной фамилии героев своего фельетона. Наш сегодняшний читатель находится в более выигрышном положении. О членах «Братства Серафима Саровского» он уже знает. Осталось познакомить его с «дочерней», так сказать, организацией кружка И.М. Андреевского — «Космической академией наук».

Начало ей было положено 14 мая 1926 года на Лицейской улице в квартире Петра Павловича Мошкова (впоследствии ей суждено было стать Малым конференц-залом академии) группой «отцов-основателей» в составе шести человек: Э.К. Розенберг, П.П. Мошков, Д.С. Лихачев, А.В. Селиванов, Н.Е. Сперанский, В.Т. Раков и А.М. Миханьков¹. Душой этого сообщества были трое друзей: Эдуард Розенберг, Петр Мошков и Анатолий Тереховко. Им и принадлежала инициатива создания КАН.

«Со мной, — пишет Д.С. Лихачев, — нас было девять: Федя Розенберг («Хартафилакс»), его брат Володя Розенберг, Володя Раков и его друг Аркаша Селиванов, Андрюша Миханьков, Петр Павлович Мошков (самый старший из нас), Коля Сперанский, Толя Тереховко и я».

Необходимым условием получения кафедры в КАН являлись регулярные выступления на ее заседаниях с докладами по избранной «специальности». Доклад Д.С. Лихачева о старой и новой орфографии был зачитан им 3 февраля 1928 года² и в настоящее время опубликован³.

Особенностью КАН было то, что все здесь было, и в этом мы должны согласиться с авторами газетного фельетона, как в настоящей академии: свой президент, академики, большой и малый конференц-залы. Присутствовал в деятельности КАН и игровой элемент: свое приветствие (хай-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81213, т. 4, л. 601.

² Там же. Л. 653—658.

³ Лихачев неизвестный. Тверь, 1993.

ре!), свой гимн и даже свое священное место в Царском Селе на вершине Парнаса.

Руководителем КАН был Эдуард Карлович Розенберг. Вот как характеризует этого человека хорошо знавший его Д.С. Лихачев: *«Моим самым большим и, пожалуй, единственным настоящим другом был Эдуард Карлович Розенберг. Самый жизнерадостный и веселый человек, которого я только знал. Он был среднего роста, с большой головой и большими ступнями ног... Он был великим мистификатором, создателем нашей второй жизни в «Космической академии» — с гимном, гербами, тросточками, штрипками на брюках, совместными прогулками, культом Пушкинского лица. Один из наших конференц-залов помещается на Литейной улице, а обещать друг другу вечную дружбу мы ходили на Парнас в Александровском парке в Царском Селе, где у нас был на самой вершине заветный пенёк от столетнего дуба. Он изучал самостоятельно латынь и греческий (ему помогал Андрюха Миханьков), легко знакомился, легко переносил тяготы своей неустроенной жизни, а тягот у него было много, и наиболее тяжкая — нарастающая глухота. Сам он был из Петергофа. Его отец был директором императорской аптеки, типичный немец — полный, аккуратный, спокойный, как и многие аптекари. Мать — финка, сперва лютеранка, потом перешла в православие. Эдуард не был похож на немца — разве только своей необыкновенной, чисто немецкой аккуратностью... В свободное время он ходил на лекции и заседания в Институт истории искусств на Исаакиевской площади. Именно в этот период (примерно с 1926 года) по его идее и его инициативе стала организовываться «Космическая академия наук» — шуточный кружок восьми друзей, к которым присоединился и я уже в 1927 году. С этого года я начинаю счет нашей дружбы»¹.*

Сам Эдуард Розенберг занял в КАН «скромное» место

¹ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 264—265.

секретаря Византийского государства — хранителя хартии, «Хартофилакса».

На первых порах «академики» думали сосредоточить свое внимание на углубленном изучении логики. Однако в дальнейшем в деятельности КАН все больше и больше начинает сказываться «злоба дня»: доклады о Февральской и Октябрьской революциях, о статистике расстрелов (доклад Д.С. Лихачева), о «еврейском засилье» в СССР. Весьма близок к кружковцам был Дмитрий Павлович Каллистов, сделавший на одном из заседаний КАН пробный доклад «О еврейском засилье», который был подкреплён им не только «вескими доказательствами», но и «вескими словами». Показателен и готовившийся «академиком» П.П. Мошковым доклад, приуроченный к одному из ближайших заседаний КАН, — «Евреи и Россия», обнаруженный у него на квартире в тезисах во время обыска, где он сравнивал советскую власть с властью еврейского кагала, доказывал, что нынешние Советы не русские, а еврейские учреждения, что революция в России является попыткой евреев доказать свое могущество на одном из современных европейских государств и что волнения, происходящие теперь во всем мире, вызваны натиском торжествующего еврейства, уничтожающего на своем пути все «нееврейское», согласно плану «сионских мудрецов».

Кандидатуры вступивших в состав КАН лиц подвергались разностороннему обсуждению, причем принимались только наиболее подходящие по «мысли в духу», т. е. люди, считающие, что «в России царит теперь невероятный в мировой истории гнет и насилие над живой мыслью под колпаком жидовствующих чекистов».

Д.С. Лихачев всячески подчеркивает невинный характер деятельности КАН. *«Космическая академия наук, — пишет он, — была своего рода маскарадным действием. Нами был провозглашен принцип веселой науки, которая не только ищет истину, но истину радостную и облаченную в веселые формы».* Однако, как мы уже убедились, обращение к архивно-следственному делу КАН показывает, что была в ее

деятельности и другая сторона, о которой умалчивает мемуарист: пристальный интерес к современности и еврейскому засилью в СССР. Особенно убийственны в этом плане имеющиеся в деле отрывки из дневника кандидата в члены КАН Д.П. Каллистова¹.

«Иудеи принадлежат, — читаем мы здесь, — к той части людской породы, которой чуждо чувство ложной застенчивости. Поэтому они уже давно, совершенно не стесняясь, смело садятся на шею революционного народа. Да и к чему стесняться: если вода сухая, то и жиды — русские. Брюнеты только, да кое-чего не хватает, вот и все. Это несущественный признак. (Отсюда выводы.) И идут они с запада и с юга, целыми полчищами оседают в русских городах, занимают лучшие русские земли. А мы все продолжаем услужливо улыбаться, а мы все кланяемся.

Кто они, эти пришельцы? Они действительно те, кто принес нам «классовое сознание извне», кто сотворил над русской бедной головой варварскую операцию, после которой и вода суха, и жид — русский, и революция — величайшее завоевание, но только их, а не наше. Вот почему глубоко прав товарищ Преображенский, когда говорит, что контрреволюция — это антисемитизм. Прибавим то, чего не хватает в этой формуле и что из нее непременно следует: революция — семитизм. Характерно, что о том, что контрреволюция — антисемитизм, уже пишут в газетах, а о том, что революция — семитизм, русские ослы боятся и подумать. Но, если вы согласитесь с положением товарища Преображенского, вы должны согласиться и со мной. Если революция это власть жидов — к черту такую революцию, пора проститься. Пора понять, что происходит. Пора трезво отнестись к проекту палестинских жидов, переехать на их настоящую родину, то бишь в нашу многострадальную матушку Русь. Пора перестать бояться тех непьющих русских мужичков, которые называются кула-

¹ Из архива «Космической академии наук». Дневник Д.П. Каллистова (1926—1927 гг.). Публ В.С. Брачева // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т. II. 1996, № 4. С. 315—327.

ками, и тех лавочников, которые, отпуская товар, кладут от страха в штаны и гордо именуются возрастающей в своей активности буржуазией»¹.

Конечно, членом КАН Д.П. Каллистов так и не стал и собраний ее не посещал. Все так. Но это, как говорится, чисто формальная сторона. Важнее другое — Д.П. Каллистов, и воспоминания Д.С. Лихачева это подтверждают, был другом кружковцев, в том числе и Дмитрия Сергеевича. Другом его, причем самым большим и, пожалуй, единственным настоящим другом, был и руководитель кружка Эдуард (после крещения — Федор) Карлович Розенберг, от которого, как это видно из материалов следствия, и исходила инициатива разработки вопроса о «еврейском засилье». Следующим докладом на эту же тему должен был стать, как это уже отмечалось, доклад П.П. Мошкова «Евреи и Россия», причем помочь в подборке литературы ему вызвался не кто иной, как Д.С. Лихачев.

На таких же, по существу, идеологических позициях стояли и другие члены сообщества. *«В трамвае перекрестился на Николу Морского, за что был осмеян рабочим. Хотел было вступить в разговор и крыть коммунистов и жидов, но решил не терять своего достоинства перед скотом»*, — записал, например, в своем дневнике от 2 апреля 1927 года Андрей Миханьков — член КАН.

4 июня 1927 года члены КАН отметили годовщину своей организации. В повестке торжественного заседания КАН², в частности, значилось: речь непрямого секретаря и Хартофилакса Ф.К. Розенберга, сообщение «академика» по разряду православного богословия В.Т. Ракова о возникновении обновленческого движения в Русской право-

¹ Из архива «Космической академии наук». Дневник Д. П. Каллистова (1926—1927 гг.). Публ. В. С. Брачева // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологической культуры. Т. II. 1996, № 4. С. 323 — 324.

² Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81213, т. 4, л. 599.

славной церкви, сообщение «академика» по разряду изящной лингвистики Ф.К. Розенберга о психологии слова, сообщение «академика» по разряду православной апологетики А.В. Селиванова на тему «Борьба за Логос», сообщение «академика» по разряду изящного естествознания Н.Е. Сперанского на тему «Проблема познания в естественных науках».

9 и 20 января 1928 года были арестованы, правда вне прямой связи с КАН, Д.П. Каллистов и член «Братства» Борис Иванов, от которых, собственно, и потянулась ниточка к КАН. 20 января Д.П. Каллистов рассказал следователю ОГПУ о КАН и ее членах, не преминув при этом подчеркнуть, что сам он в это сообщество не входил. Что касается Бориса Иванова, то у него при аресте была обнаружена записная книжка с фамилиями, адресами и номерами телефонов членов КАН вместе с их «академическими» званиями. По ним и начали забирать «академиков»¹.

8 февраля 1928 года были арестованы: Э.К. Розенберг, Д.С. Лихачев, В.Т. Раков, П.П. Мошков и А.В. Селиванов. *«8 февраля, под утро, — вспоминает Д.С. Лихачев, — за мной пришли. Сам обыск занял немного времени. Следователь справился с какой-то бумажкой, уверенно подошел к полке и вытащил книгу Г. Форда «Международное еврейство» в красной обложке. Для меня стало ясно: указал на книгу один мой знакомый по университету, который ни с того ни с сего заявил ко мне за неделю до ареста, смотрел книги и все спрашивал, плотоядно улыбаясь, нет ли у меня какой-нибудь антисоветчины»*².

Начались изнурительные допросы. После того как связь членов «Космической академии» с «Братством» была установлена, взялись и за него. 21 февраля был арестован руководитель кружка И.М. Андреевский. В тот же день аресто-

¹ Мещерский Н.А. Отрывки из воспоминаний // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 6. СПб., 1991. С. 36.

² Лихачев Д.С. Воспоминания. С. 140.

вали И.Е. Аничкова, Н.И. Гурьева, Л.А. Суратову, В.Л. Комаровича, А.М. Миханькова, Ю.С. Тихомирову, В.М. Шувалова, С.А. Эйнерлинга. 7 апреля были арестованы А.П. Обновленский, В.Н. Финне, о. Владимир Пищулин. Следствие по делу «Космической академии» и «Братства Серафима Саровского» вел уже известный нам А.Р. Стромин (Геллер).

Твердо, с достоинством вел себя на следствии И.М. Андреевский, который практически все отрицал. Немногословен был и Д.С. Лихачев, ряд других членов кружка. *«Ко всем государственным формам управления отношусь безразлично, — показывал С.А. Алексеев (Аскольдов) 10 мая 1928 года. — К советской власти отношусь сочувственно. К принципам социальной справедливости отношусь сочувственно. К отдельным действиям советской власти отношусь несочувственно».*

Что касается кружка И.М. Андреевского, то «я, — заявил С.А. Алексеев (Аскольдов), — иногда встречал эту молодежь, с которой он обыкновенно беседовал по различным вопросам. О существовании «Братства Серафима Саровского», которым руководил Андреевский, мне неизвестно, но допускаю, что кружок Андреевского так назывался»¹.

10 мая 1928 года С.А. Алексеев (Аскольдов) был освобожден под подписку о невыезде.

«В «Космическую академию наук», — показывал Д.С. Лихачев 8 февраля 1928 года в ДПЗ, — вступил в сентябре или октябре 1927 года по рекомендации Владимира Тихоновича Ракова, с которым вместе учился и кончал школу второй ступени. На собрании годовщины КАН я не присутствовал. Я занимал в КАН кафедру филологии... Книгу Генри Форда «Мировое еврейство» я давал гражданину Мошкову Петру Павловичу...»²

В своих показаниях подследственные были, по сути

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81213, т. 3, л. 464—464 об.

² Там же. Т. 1, л. 39 об.

дела, единодушны в резко православной, консервативной общественно-политической позиции руководителя «Братства» И.М. Андреевского. *«Я помню, — показывал 16 февраля 1928 года И.П. Ивановский, — что сам Андреевский говорил, что Зиновьев — масон, а отдельные члены кружка сетовали на отсутствие свободы печати, засилье в вузах хамов-рабфаковцев и прочее... По словам Андреевского, он, находясь во враждебных отношениях с масонами, знал о существовавших тогда масонских организациях, вражда с которыми доходила до угроз Андреевского убить кого-нибудь из масонов»¹.*

Подробные сведения о «Космической академии» дал В.Т. Раков.

«Прием в «Космическую академию», — показывал он 24 апреля 1928 года, — производился после того, как желающий вступить становился достаточно известным всему составу КАН как человек, интересующийся философскими и религиозными проблемами. Только из этих соображений желание Дмитрия Павловича Каллистова вступить в КАН не было удовлетворено. Несмотря на то, что член КАН Селиванов был за прием Каллистова в академию, все мы, — подчеркивал В.Т. Раков, — в том числе и я, были против этого, так как считали его не подходящим для КАН человеком; может быть, потому, что его как следует не знали. За все время Каллистов сделал в КАН один доклад антисемитского характера. Доклад этот сводился к тому, что в России засилье еврейского народа, все было подкреплено доводами и крепкими словами. Политические убеждения Д.П. Каллистова сводились к монархизму. На упомянутом докладе присутствовали: я, Селиванов, Мошков, Сперанский и Розенберг. Вся политическая сторона КАН выразилась в речи Э. Розенберга и докладе Д. Лихачева о расстрелах. Речь Розенберга указывала на невозможность в наше время свободного изучения философии и на стесненность всех инакомыслящих марксизмом. КАН рассматривалась ора-

¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81213, т. 1, л. 92 об.

тором как одно из характерных свободных объединений людей. В академии его речь была встречена сочувственно. Что касается сообщения Лихачева, то на нем я не был, и все, что мне о нем известно, — это только то, что оно было интересным. П.П. Мошков готовил доклад о мировом еврействе, но сделать его не успел. Источником служили: книга Г. Форда, Талмуд и другие книги, мне неизвестные. Что касается политических убеждений членов «Братства преподобного Серафима Саровского», то таковые имели очень неясный характер, ибо вопросами политики «Братство» не занималось. Из политических убеждений отдельных членов «Братства» мне известны лишь убеждения некоторых: И.Е. Аничков и А.М. Миханьков были монархисты, остальные же члены их не высказывают или имели убеждения неопределенные, так как вопросами политики не занимались вовсе.

Р.С. В речи Э. Розенберга упоминалось также о «жидовствующих чекистах». КАН — отдушина стеклянного колпака, под которым находится вся Советская Россия. И.М. Андреевский к советской власти относился несочувственно, так же как и остальные члены «Братства»...

Р.Р.С. Отношение Андреевского к КАН сводилось к тому, что он знал о существовании КАН, и был поднят в КАН вопрос о привлечении Андреевского в качестве экзаменатора по логике. Но это не состоялось, так как члены КАН отнеслись к предложению равнодушно, да и были недостаточно подготовленными. Прием в члены «Братства» производился путем опроса членов «Братства»: желают ли они иметь в своем числе предлагаемую кандидатуру, характеристика которой давалась членам. Иногда формальностей не было. Членам «Братства» рекомендовалось посещение церкви, соблюдение постов и, по мере сил, известный аскетизм. Прием в КАН носил такой же характер, как и в «Братстве», — требовалось общее собрание всех членов.

Р.Р.С. Д.П. Каллистов желал попасть в «Братство», но не был принят, так как его религиозные интересы были неяс-

ны «Братству» и практическим применением аскетике он, видимо, не интересовался.

Р.Р.Р.Р.С. Основная идея «Братства» заключалась в идее духовного подвижничества, которое должно вывести Россию из духовной стагнации, так как русский народ таит в себе духовную потенцию. В 1924 году И.М. Андреевскому было предложено вступить в масонскую ложу, возглавляемую профессором Солоновичем. Андреевский предложение не принял. В то же время в «Братстве» шли разговоры о существовании оккультной организации розенкрейцеров. Аскольдов принимал участие в работе «Братства». Являлся учителем И.М. Андреевского. Прочитал три доклада (о таинстве, откровении и догмате), и были прочитаны его статьи о церкви, из коих видно, что убеждения его носили правый характер.

Доклад Аничкова Игоря Евгеньевича на тему «Антихрист и Россия» сводился к указанию на Антихриста как на безбожное наше время; время безбожия является временем Антихристовым. Указывалось, что принятие советской идеологии противоречит учению Христа.

Василий Леонидович Комарович делал доклад «Жития святых как прообраз старца Зосимы» («Братья Карамазовы») и должен был сделать доклад о Китеже»¹.

Большим несчастьем для всех членов «Братства Серафима Саровского» явилось и поведение арестованного А.Н. Миханькова, написавшего, по предложению следователя, трактат под весьма своеобразным названием: «Что бы я сделал, если бы от меня зависела судьба России?» Здесь он не только обосновал необходимость восстановления монархии в стране, но и назвал возможных кандидатов на высшие государственные должности из числа своих знакомых. Конечно, ни о каком контрреволюционном заговоре члены кружка и не помышляли. Но они были инакомыслящими, а уже одно это делало их в глазах власть имущих потенциально

¹ Архив УФСВ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81213, т. 1, л. 2—3.

опасными. Всего по делу «Братства Серафима Саровского» и «Космической академии наук» проходило сорок человек, из которых тридцать были осуждены. Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 октября 1928 года 9 человек (Андреевский И.М., Розенберг Э.К., Лихачев Д.С., Раков В.Т., Мошков П.П., Тереховко А.С., Аничков И.Е., Миханьков А.Н., Каллистов Д.П.) получили по статье 58/11 УК РСФСР 5 лет концлагерей; трое — Обновленский А.П., Селиванов А.В., Сперанский Н.Е. — 3 года. И.Л. Сильвестрович был приговорен к тюремному заключению сроком на один год. Остальные — Муратова Л.В., Финне В.Ф., Пищулина В.Ф., Гурьев Н.И., Шувалов В.М., Розенберг Э.К., Смирнова В.И., Тихомирова Ю.С., Эйнерлинг С.А., Свириденко Л.К., Комарович В.Л., Морозова В.Г., Холмогорова Е.И., Успенский Г.А., Алексеев (Аскольдов) С.А., Мокиевский Г.П. — были высланы в отдаленные местности страны сроком на три года.

По-разному сложились их судьбы. После 9 месяцев предварительного заключения на Шпалерной (ул. Воинова) Д.С. Лихачев оказался в начале ноября 1928 года на Соловках. Вывезенный в ноябре 1931 года на материк, он был освобожден 4 августа 1932 года как ударник Беломоро-Балтийского канала, проведя в общей сложности в местах лишения свободы четыре с половиной года. Вскоре решением Президиума ВЦИК СССР с него была снята судимость. В 1932—1933 гг. получили свободу и другие осужденные по этому делу. Некоторые из них, как, например, Д.П. Каллистов, Э.К. Розенберг и Д.С. Лихачев, сохранили дружеские отношения между собой в последующие годы. Что касается судьбы руководителя «Братства» — И.М. Андреевского, то она сложилась следующим образом. Выпущенный в 1932 году на свободу, он поселился в Волховстрое. Оказавшись в годы войны на оккупированной территории, ушел вместе с немцами на Запад. После 1945 года проживал в США, где под псевдонимом И.М. Андреев опубликовал несколько работ по истории русской церкви. Умер он в 1976 году.

Конечно, о КАН и «Братстве Серафима Саровского» в Ленинграде 1920-х годов мало кто знал. Да и число членов этих кружков было невелико. Но не в числе здесь дело. «На смертоносное наступление марксистской идеологии совестливая часть русской интеллигенции ответила традиционным и наилучшим способом — она вернулась к утраченной вере своих предков и к опирающимся на нее нравственно-национальным идеалам»¹.

В прямо противоположном направлении (в этом-то, собственно, и состоит трагедия) развивались в 1920-е годы духовные искания другой части русской интеллигенции: теософия, розенкрейцерство, оккультизм, масонство. Собственно, ничего нового тут не было. Дорожка эта была изрядно протоптана русскими интеллигентами, как мы уже знаем, еще в дореволюционные годы.

¹ Антонов В. В. Братство прп. Серафима Саровского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 16, ч. 2. С. 99.

«Советский Калиостро»: Б.М. Зубакин и его «рыцари»

О Борисе Михайловиче Зубакине (1894—1938) и его «странствующей церкви Иоанновой» («Орден Духа») стало известно сравнительно недавно, после публикации в 1994 году книги историков А.И. Немировского и В.И. Уколовой «Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер». Название книги имеет явно условный характер. На самом деле Б.М. Зубакин — далеко не последний розенкрейцер на Руси: после 1991 года рыцарские духовные ордена растут у нас как грибы после дождя. Сомнительно и само розенкрейцеровство Б.М. Зубакина, носившее, как надо полагать, «самостийный» характер, ибо ни о каком посвящении его в заграничные ордена данных не имеется. Однако применительно ко времени, о котором идет речь в книге А.И. Немировского и В.И. Уколовой — 1920 — 1930-е годы, — Б.М. Зубакин действительно может считаться если не последним, то, по крайней мере, одним из последних сколько-нибудь крупных представителей этой ветви «тайного знания» в нашей стране.

На идею написания книги о Б.М. Зубакине А.И. Немировского натолкнули воспоминания и рассказы о нем 90-летней тещи, Татьяны Сергеевны Ильинской — родной сестры одной из многочисленных жен любвеобильного «странствующего рыцаря» Елены Ильинской, и обширное архивно-следственное дело Б.М. Зубакина, хранящееся в Центральном архиве ФСБ РФ, с содержанием которого он и его жена были ознакомлены как родственники репрессированного.

Большую часть книги¹ составляет, однако, не само ис-

¹ Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994.

следование А.И. Немировского «Судьба Бориса Зубакина», и даже не текст его соавтора В.И. Уколовой «Пепел розы» (об истории «Ордена розенкрейцеров» в Европе) — они-то по объему как раз и невелики, а обширные приложения к ним (показания Б.М. Зубакина 1922, 1929 и 1937 гг., его переписка с А.М. Горьким 1927 года и другие материалы). Собственно, изучение жизни и творчества Б.М. Зубакина еще только начинается. Тем не менее первичный материал для наших суждений о нем, и в частности о его оккультной, потаенной деятельности, у нас уже есть.

Родился Б.М. Зубакин 19 апреля 1894 года в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина Михаила Константиновича Зубакина, служившего в 1912 году ротмистром на Финляндской железной дороге¹. Умер он в 1919 году. По матери же Б.М. Зубакин вел свою родословную от шотландского рода Эдвардов. О матери героя нашего повествования, впрочем, практически ничего не известно, за исключением того, что она очень гордилась своим аристократическим происхождением, была надменной и весьма своенравной леди.

«Маменька, бывало, указывает сухонькой ручкой в метэнках на галерею ее предков и говорит: «Меня ты понять не можешь. Я вот от кого! А ты — плебей!» «Маменька, — возразил я, бывало, от души посмеиваясь, — но ведь эти длинноносые пэры и лорды мне тоже немного сродни», — вспоминал позже Б.М. Зубакин².

Начальное образование Б.М. Зубакин получил дома, среднее — в 12-й Санкт-Петербургской гимназии. Здесь он попал было под влияние революционно настроенной молодежи и был даже выбран как представитель 12-й Санкт-Петербургской гимназии на одно общегородское собрание гимназистов. Сам здесь он, правда, не выступал. Зато выступила с большим успехом его классная дама, Е.А. Розанова, декламировавшая его гимназические стихи. Надо ска-

¹ Весь Петербург. СПб., 1912. С. 346.

² Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 189.

зять, что «Жучка» (так называли Е.А. Розанову между собой гимназисты) оказалась вполне достойной своей клички. Она не только ловко женила на себе не по годам влюбчивого юношу, но впоследствии так же легко в 1918 году рассталась с ним, уехав за границу вместе с их общим сыном. Впрочем, подпольщиком-революционером Б.М.Зубакин не стал, хотя и совершил две, как впоследствии оказалось, серьезные ошибки. Во-первых, рано женился, о чем уже шла речь. И, во-вторых, после окончания в 1912 году гимназии отказался от поступления в университет. Из этого можно заключить, что семья Зубакиных (следует иметь в виду, что у него была еще и младшая сестра — Надежда) была более чем обеспечена, и подумать о том, чем и как он в недалеком будущем станет зарабатывать себе на жизнь, ему, похоже, даже не приходило в голову.

С детства *«я желал быть профессором истории, — признавался Б.М. Зубакин в письме к А.М. Горькому в 1927 году, — но, будучи уже на последнем классе гимназии, решил удержаться от профессуры и уехал в загородную усадьбу своего деда, одновременно окончил закрытый Институт свободных искусств. В 1915 году получил почетный диплом этого института за труд по истории тайных обществ и разработку вопроса об именах Божьих в кабалистических сектах»*¹.

Что скрывалось за утверждением Б.М. Зубакина об окончании им закрытого частного герметического института, о котором, кроме него самого, никто и слыхом не слыхивал, не ясно. Из показаний Б.М.Зубакина следователям ГПУ 31 декабря 1922 года видно, что в 1911 и 1912 годах он ездил «заниматься» к киевскому археологу Болсуновскому, гельсингфорсскому Тидерману и философу и историку литературы Германсону в Кенигсберге. Однако большую часть времени после окончания гимназии Б.М. Зубакин проводил у себя на даче, в доме деда в Озерках, усиленно работая над своим нравственным усовершенствованием, или, как

¹ Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 160.

это принято говорить у масонов, над своей душой. Еще будучи гимназистом, в 1911 году он организовал небольшую масонскую ложу «Свет звезд» («Люкс астралис», «Лоджия Астра»). Это не было случайностью. Дело в том, что род Эдвардов, как мы уже знаем, был шотландским, а шотландские аристократы, можно сказать, поголовно состояли тогда в масонских ложах. Были масоны и мистики и в роду Эдвардов.

Кроме самого Б.М. Зубакина, в ложу вошли его гимназический товарищ Валентин Николаевич Волошинов и Константин Константинович Владимиров, мать Волошинова — Мария Владимировна Волошинова и будущая жена Зубакина — уже известная нам «Жучка», или Евгения Розанова. В 1914 году к ним присоединилась юная поэтесса Ольга Богданова. Собирались молодые люди, как правило, в просторной квартире Волошиновых, но большей частью в старом доме деда Б.М. Зубакина в Озерках: молились, распевали специально сочиненные масонские гимны и усердно изучали доступную им оккультную масонскую литературу.

В конце 1914 года К.К. Владимиров познакомил Б.М. Зубакина со своим «тайным учителем» по ордену розенкрейцеров, Александром Каспаровичем фон Кордигом. Как оказалось, этот скромный аптекарский служащий возглавлял им же самим и основанную (30 июня 1907 года) розенкрейцерскую ложу в Озерках. Б.М. Зубакин уверял, что в роду Кордига были чешские масоны. Действительно, фамилия Кордиг — типично чешская. Смушает, правда, пресловутая приставка «фон» к его фамилии, свидетельствующая о принадлежности носителя к немецкому дворянству. Кроме того, известно, что в Петербург А.К. Кордиг прибыл из Финляндии.

Сам Б.М. Зубакин неоднократно подчеркивал, что именно А.К. Кордиг был первым, кто познакомил русских с чудодейственным корнем женьшень. Однако скорее всего он лишь торговал снадобьями на основе женьшеня (фирма «Штоль и Шмидт»). Во всяком случае, обращение к справочнику «Весь Петербург» за 1912 год указывает нам не только на Александра Каспаровича Кордига, но и на его брата,

Николая Каспаровича фон Кордига, торговца средствами для «ращения волос»¹.

Как бы то ни было, знакомство Б.М. Зубакина с А.К. Кордигом — этим «скромным и святым», по его словам, человеком, перевернуло всю его жизнь. А.К. Кордиг становится духовным учителем Б.М. Зубакина и его товарищем. Что касается их ложи «Лоджия Астра», то в 1915 году она вся в полном составе влилась в розенкрейцерскую ложу А.К. Кордига, до этого, судя по всему, крайне немногочисленную. Что касается нового названия этого, теперь уже, с 1915 года, розенкрейцерского кружка, то оно осталось по сути прежним — «L.A.», получив, правда, новое толкование «Эль-А» (Эль — согласно древнееврейской каббале, означает понятие божества).

А.К. Кордиг, судя по всему, был весьма осведомлен в области герметического знания. Во всяком случае, именно он познакомил Б.М. Зубакина и его товарищей с историей ордена розенкрейцеров, арканами (система герметических наук) и основами мистической философии. Особое внимание уделялось им изучению древнееврейской каббалы — тайной доктрины иудаизма, предназначенной для того, чтобы дать ответ на такие вечные вопросы, как сущность и смысл существования Бога, Вселенной и человека².

Занятия продолжались до начала 1916 года. Кроме уже известных нам лиц, к кружку примкнули в это время доктор Злобин, гимназический учитель Б.М. Зубакина А.А. Попов, приятель В.Н. Волошинова Георгий Ченцов, певица Вера Николаевна Пшесецкая, а также уже достаточно известный к тому времени оккультист Петр Сергеевич Шандаровский. Охотно посещал занятия кружка и отец Б.М. Зубакина М.К. Зубакин.

Руководство А.К. Кордига открыло у участников круж-

¹ Весь Петербург. СПб., 1912. С. 442.

² Рогова Н. В. Каббала. Эзотерическая философия: от герметизма к теософии // Сборник статей под ред. Л.А. Мирской. Ч. 2. Ростов-на-Дону, 2002. С. 41—101.

ка своеобразное второе дыхание. Если раньше пределом их мечтаний было уехать во Францию, чтобы поступить там в оккультный институт, то теперь Б.М. Зубакин и его друг Н.В. Волошинов сами решили открыть у себя школу-институт «Люкс астралис» с 4-годовалым сроком обучения (первый год — символика и введение в тайное знание, второй курс — каббала и магия, третий — мажорные арканы, четвертый курс — минорные арканы). В качестве лекторов этой «школы» и духовного ордена одновременно вызвались быть сами Б.М.Зубакин и Н.В. Волошинов, объявившие себя «В. — А.», т. е. ведущими в Астрал или астральную мудрость. Как видим, особой скромностью новоиспеченные духовные рыцари не отличались. Функционировал при ложе и «Верховный совет Духовного рыцарства Л.А.». Всем членам совета были присвоены пышные титулы и особые рыцарские имена: рыцарь «Богори» (Б.М. Зубакин), рыцарь «Ин» (Валентин Волошинов), рыцарь «Ро» (К.К. Владимиров) и другие.

Смертельно больной А.К. Кордиг доживал тем временем последние месяцы и уже ни во что не вмешивался. Умер он в конце 1916 года в больнице, всеми позабытый и никому не нужный. Во всяком случае никого из членов ложи среди провожавших его в последний путь не оказалось. Неизвестно даже место захоронения А.К. Кордига. Большой вины в этом самого Б.М. Зубакина, впрочем, нет, так как в конце 1915 года он поступил на краткосрочные курсы прапорщиков в Петрограде. Окончив их в январе 1916 года, он убыл 28 февраля добровольцем в армию. На фронте оказался по мобилизации и другой ближайший ученик А.К. Кордига, К.К. Владимиров. В результате кружок «Л.А.» всецело оказался на Валентине Волошинове и пришел в упадок. Хотя с внешней стороны он и старался поддерживать его деятельность: обзавелся специальной «розенкрейцерской» печатью с «египетским ключом», лечил больных магнетизмом и проч. Однако новых учеников, помимо тех, которые уже были, он набрать не сумел. Более того, жена Б.М. Зубакина, уже известная нам Евгения Розанова,

демонстративно ушла из ордена, не желая работать под руководством Валентина Волошинова.

Б.М. Зубакин тем временем служил в саперном батальоне в городе Невель Витебской губернии. Там он и провел почти все время вплоть до демобилизации в конце 1917 года (только в самый последний момент перед ней батальон был переброшен под Ригу).

Вернувшись в конце 1917 года в Петроград, Б.М. Зубакин с В.Н. Волошиновым попытались официально заявить об открытии своего «философского» (читай — эзотерического) института и набрать слушателей. Однако из затей этой ничего не вышло. К этому же времени относится и личная драма Б.М. Зубакина, закончившаяся официальным разводом с Евгенией Розановой. Оказавшись без работы, которой он, впрочем, никогда и не имел, денег, жены и сына, которого он обожал, Б.М. Зубакин посчитал наиболее разумным уехать на время из голодного Петрограда и отправился в город Невель, так хорошо знакомый ему по месту военной службы. Дело в том, что здесь он успел завести немало знакомых, и в частности добрую приятельницу Валентину Васильевну Коршун-Осмоловскую, принявшую горячее участие в его судьбе. Кончилось все тем, что по ее совету Б.М. Зубакин оказался в конце концов на хуторе Затишье, принадлежавшем Пелагее Семеновне Вербицкой. Добрая старушка приняла Б.М. Зубакина как родного, тем более что официально он занял место учителя начальной школы в соседней деревне. Тем не менее школьные занятия не слишком обременяли Б.М. Зубакина, и, имея массу свободного времени, он занялся окончанием своей диссертации «Опыт философии и религии как антиципация целей культуры», хотя диссертации, как мы знаем, были уже отменены. Так прошел 1918-й и начало 1919 года.

Между тем в Петрограде Валентин Волошинов с матерью, можно сказать, почти что умирали с голоду. Узнав об этом, Б.М. Зубакин тут же пригласил их к себе в Затишье. Поселившись на соседнем с Затишьем хуторе Отрадное, принадлежавшем Владимиру Ругевичу, Валентин Волоши-

нов быстро обратил его в свою веру. Неподалеку от Затишья проживал на своем хуторе с женой еще один хуторянин, престарелый художник Иоганн-Рафаил Буйницкий. Поскольку Ругевич и Буйницкие проявляли большой интерес к оккультизму и с жаром рассматривали привезенные Зубакиным и Волошиновым масонские книги и печати, мысль о воссоздании здесь розенкрейцерской ложи «LA» родилась, можно сказать, сама собой. «Верховным гроссмейстером» ложи избрали И.Р. Буйницкого. Духовное руководство оставил за собой Б.М. Зубакин. Из Невеля к кружку «рыцарей духа» вскоре присоединились Иван Цуриков и Георгий Кульбакин, а также землемер Крежевич. К этому же времени относится и знакомство Б.М. Зубакина с М.М. Бахтиным, оказавшимся в 1918 году в Невеле после окончания юридического факультета Петроградского университета. Однако по-настоящему теплые отношения установились у М.М. Бахтина только с Валентином Волошиновым. Вскоре присоединился к кружку еще один хуторянин, Яков Ластовский, и переехавшая в Затишье после смерти в 1919 году родителей младшая сестра Б.М. Зубакина Надежда-Регина Зубакина. Круг занятий «рыцарей духа» был вполне традиционен: изучение оккультной литературы, чтение стихов, музыка и пение. Так продолжалось до лета 1920 года.

Неожиданная мобилизация в июле Зубакина в Красную Армию положила конец этой идиллии, и «братство» фактически распалось. Решающую роль здесь, помимо мобилизации Б.М. Зубакина, сыграл, очевидно, и неожиданный отъезд в связи с женитьбой в Витебск Валентина Волошинова. Что же касается Б.М. Зубакина, то, признанный негодным к строевой службе, он был определен в качестве лектора ПУЗАП (Политическое управление Западного фронта) в Смоленске. Здесь он близко сошелся с приехавшим сюда для чтения лекций в Смоленском отделении Московского археологического института директором его, академиком Ф.И. Успенским. И, как часто это у него бывало, настолько очаровал старика, что тот даже согласился принять

от него диплом ордена рыцарей «L.A.». В свою очередь, и академик оказался весьма полезен для Б.М. Зубакина, согласившись взять его в качестве лектора Археологического института в его Витебском и Смоленском филиалах. Это была большая удача для Б.М. Зубакина.

Вскоре Б.М. Зубакина переводят в Минск. Пребывание здесь оказалось для него настолько плодотворным, что ему удалось даже организовать здесь розенкрейцерскую ложу «Стелла», куда вошли его новые минские знакомые писатель Павел Антонович Аренский (сын известного композитора), артист Иван Смолин, поэты Алексей Михайловский и Борис Плетнер, а также начинающий художник, а впоследствии известный режиссер Сергей Эйзенштейн. Всем им Б.М. Зубакиным был прочитан цикл лекций по мистике и мистической философии. Надо сказать, что впечатление на новоиспеченных рыцарей они произвели большое.

«Я никогда не забуду помещения ложи в Минске, — несколько иронично вспоминал позднее С.М. Эйзенштейн это время. — Мы приходили туда — несколько человек. Громадного роста, состоявший когда-то в анархистах дегенерировавший аристократ с немецкой фамилией (Борис Плетнер. — Б.В.). Неудачник — сын одного из второстепенных русских композиторов (Павел Аренский (1887—1941), поэт, драматург, востоковед. — Б.В.). Актер Смолин из передвижной фронтовой труппы... Тренькает за дверью балалайка. Стучат котелки из походной кухни во дворе. А здесь, накинув белую рубашу поверх гимнастерки и обмоток, — трижды жезлом ударяет долговязый анархист. Возвещает о том, что епископ Богори готов нас принять. Омовение ног посвященным руками самого епископа. Странная парчовая митра и подобие епитрахили на нем. Какие-то слова. И вот мы, взявшись за руки, проходим мимо зеркала. Зеркало посылает наш союз в... астрал. Балалайку сменяет за дверью гармонь. Красноармейцы уже веселы. Печаль их была ожиданием ужина. А мы уже — рыцари-розенкрейцеры».

Далее последовало посвящение Б.М. Зубакиным новоиспеченных рыцарей в учение каббалы, арканов Таро (ме-

тод пророчеств с помощью 78 символических изображений на игральных картах) и другие азы оккультизма. *«Не сплю, — вспоминает далее С.М. Эйзенштейн, — только на самой интересной части учения, все время вертящегося вокруг божеств, Бога и божественных откровений. А тут в самом конце выясняется, что посвященному сообщают: «...Бога нет, а Бог — это он сам». Это мне нравится»¹.*

«Имел здесь очень интересную встречу, — писал из Минска С.М. Эйзенштейн о Зубакине своей матери, — сейчас перешедшую в теснейшую дружбу нас троих с лицом совершенно необыкновенным: странствующим архиепископом Ордена Рыцарей Духа... Начать с того, что он видит астральное тело всех и по нему может о человеке говорить самые его сокровенные мысли. Мы все испытали это на себе. Сейчас засиживаемся до 4—5 утра над изучением книг мудрости Древнего Египта, Каббалы, Основ Высшей Магии, оккультизма... какое громадное количество лекций (вчетвером) он нам прочел об «извечных вопросах», сколько сведений сообщил о древних масонах, розенкрейцерах, вострчных магах, Египте и недавних (дореволюционных) тайных орденах! Тебя бы все это бесконечно заинтересовало, но всего писать не могу и прошу дальше никому не говорить. Сейчас проходим теоретическую часть практического курса выработки воли. Вообще он излагает удивительно захватывающее учение. И опять же дальнейшее — Москва. Туда, вероятно, прибудет и он. Знания его прямо безграничны...»²

Но просуществовала в Минске эта масонская ложа недолго, так как в связи с эвакуацией в ожидании захвата города поляками новоиспеченные «рыцари» должны были покинуть город и разъехаться в разные стороны, чтобы соединиться в конце концов в Москве. Б.М. Зубакина же опять перевели в Смоленск в качестве лектора отдела связи Политпросвета ВЧК западной границы республики.

¹ Эйзенштейн С. М. Мемуары. Т. 1. М., 1997. С. 62—63.

² Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 96.

Военного пайка нашему герою, как и следовало ожидать, не хватало. Жалованье в Археологическом институте было мизерное. К счастью, знакомый Б.М. Зубакина профессор В.М. Архангельский получил в конце 1921 года кафедру в Ржевском институте народного образования. Устроил он сюда по знакомству в качестве приезжающего лектора и Б.М. Зубакина.

Летом этого же года при содействии профессора Московского археологического института Н.М. Коробкова в Донском монастыре состоялась встреча Б.М. Зубакина с патриархом Тихоном. Не приходится сомневаться в прохладном отношении Б.М. Зубакина к ортодоксальному православию. Стоит ли удивляться, что беседа его с патриархом быстро переросла в дискуссию. Однако общее впечатление его от этой встречи было весьма благоприятным¹.

Тем временем перебравшиеся в Москву «странствующие рыцари духа» С. Эйзенштейн, Л. Никитин, П.А. Аренский усиленно приглашали Б.М. Зубакина переехать в Москву. *«Недели полторы назад получил от Бориса Михайловича письмо из Смоленска, — писал в начале осени 1921 года В.Н. Волошинов своему другу М.И. Кагану. — Судя по письму, настроение у него бодрое. Стиль мыслей и образ жизни, конечно, тот же. Приложил он к письму стихи, недурные, но не из лучших. Боюсь, что он забрасывает поэзию. Вот было бы хорошо, если бы все — ты, Михаил Михайлович (Бахтин. — Б.В.), Борис Михайлович и я снова соединились в Москве, продолжая труды Невеля: крепкий чай и разговоры до утра...»*²

Оказавшись в октябре 1921 года в Москве, демобилизованный к этому времени из Красной Армии Б.М. Зубакин встретил здесь своего старого приятеля поэта Сергея Городецкого, который тут же отвел его в общежитие приезжих писателей на Тверском бульваре. Здесь ему сразу же выде-

¹ Немировский А.И. Судьба Бориса Зубакина // Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 61.

² Память. Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С. 262.

лили койко-место. Через две недели, благодаря хлопотам все того же Городецкого, Б.М. Зубакин был уже счастливым обладателем ордера на отдельную комнату в центре Москвы. Так Б.М. Зубакин стал москвичом.

Что касается источника его существования в Москве, то им по-прежнему являлось преподавание в Смоленском и Витебском отделениях Московского археологического института, а также в Ржевском филиале Института народного образования. Несмотря на утомительность поездок, ездил туда Б.М. Зубакин более чем охотно. Дело в том, что в Витебске жил его старый приятель Валентин Волошинов, а под Невелем — родная сестра Надежда. В Смоленске же Б.М. Зубакин неизменно оказывался в центре им же и созданного небольшого мистического кружка: профессора В.М. Архангельский, Н.М. Коробков, В.А. Бочкарев, К.А. Умнов, Лапчинский и Барновский, смоленские студенты Леонид Шевелев, Михаил Жуков, Анастасия и Евгения Ракеевы. Особенно близко сошелся Б.М. Зубакин с Леонидом Шевелевым и его матерью, с которыми познакомился в конце 1921 года.

Были ученики у Б.М. Зубакина и во Ржеве: братья Соколовы и студент Селюгин, также принятые по их просьбе в его ложу. Предметом мечтаний Б.М. Зубакина было создать под Смоленском розенкрейцерскую общину с коровой и пасекой. Неясно, правда, кто должен был бы выполнять в этой общине так называемую «черную работу». Впрочем, до создания общины дело не дошло, хотя сама смоленская ложа и просуществовала до 1923 года. Возглавлял ее уже известный нам профессор Вениамин Михайлович Архангельский (1896—1953).

Несмотря на то что, ссылаясь на свое «преемство» от розенкрейцера А.К. Кордига, Б.М. Зубакин с легкостью необыкновенной посвящал учеников в «рыцари духа», сам он в глубине души испытывал определенное сомнение на этот счет. Только так можно понять настойчивые попытки его войти в контакт с представителями истинного ордена розенкрейцеров, чтобы получить от них посвящение. И в 1922

году, в апреле, его мечта наконец сбылась. Помог ему профессор Николай Михайлович Коробков — впоследствии крупный военный историк, краевед, автор известной монографии «Семилетняя война» (М., 1940), а также научно-популярных книг о русских полководцах П.А. Румянцеве-Задунайском, М.И. Кутузове и других, — заявивший ему однажды, что он не только знает таких людей, но и сам находится «на испытании». Кончилось все тем, что Б.М. Зубакину и Леониду Шевелеву велено было явиться в назначенный час на Кудринскую площадь в Москве, что они и исполнили. Здесь к ним быстро подошел человек с поднятым воротником. Он тут же усадил их в автомобиль, завязал глаза и повез в неизвестном направлении. Само посвящение происходило в каком-то темном помещении. Повязку с глаз Б.М. Зубакина и Леонида Шевелева здесь все-таки сняли, однако узнать кого-либо из присутствующих они не смогли, так как все они были в масках. Итак, «розенкрейцерское посвящение» Б.М. Зубакина и Л. Шевелева состоялось. *«До сих пор не понимаю, — отмечал в связи с этим сам Б.М. Зубакин, — была ли это шутка надо мной или нет».*

Оказавшись осенью 1921 года в незнакомой ему Москве, уже успевший за годы невеликого и смоленского «заточения» почувствовать себя провинциалом, Б.М. Зубакин старался как можно скорее войти в так называемый «ближний круг» тогдашней московской богемы и усердно посещал так называемые «Никитинские субботники» в доме в Газетном переулке (ныне улица Веснина), проводившиеся на квартире Евдокии Федоровны Никитиной. «Субботники» эти берут свое начало еще с 1914 года и были, можно сказать, традиционным местом сборищ так называемой «прогрессивной московской интеллигенции». Здесь Б.М. Зубакиным были прочитаны, в частности, три доклада, вызвавшие большой интерес у слушателей: «Смех и серьезность», «О чувстве космического у Блока» и «Стихи Владимира Пяста». Выступал здесь Б.М. Зубакин и со своими стихотворными импровизациями, также пользовавшимися большим успехом.

*И академик, и герой,
И мореплаватель, и плотник
Весьма паскудною оргой
На свой стекаются субботник, —*

напишет позже Б.М. Зубакин об этой московской масонской «тусовке»¹. Но тогда, еще до своего ареста, он думал иначе и, несомненно, испытывал удовлетворение от того, что был допущен в этот избранный круг.

В Москве Б.М. Зубакин продолжил занятия с оказавшимися здесь «рыцарями духа», причем, помимо уже известных нам лиц — П.А. Аренского, Л.А. Никитина, С.М. Эйзенштейн и переехавшего в Москву Леонида Шевелева, — здесь к ним присоединились театральный режиссер Валентин Смышляев и актеры МХАТа Михаил Чехов (племянник известного писателя) и Юрий Завадский с женой. Особое внимание в беседах Б.М. Зубакина с ними уделялось теме «Незримого Лотоса», который якобы расцветает в груди посвященного. *«Несомненно, в Незримом Лотосе что-то есть, — острил в связи с этим Михаил Чехов. — Вот возьмите собачек. Мы не видим ничего. А они что-то друг у друга вынюхивают под хвостиками»*².

Не вполне удовлетворенный этими занятиями, Б.М. Зубакин начинает искать новых последователей и неожиданно находит их в лице участников оккультного кружка известной певицы Веры Николаевны Пшесецкой (Тизенгаузен, Миллер, Нина Виноградова, Семен Штильман, Иван Коноплев) и предлагает им образовать более серьезный кружок под его, Б.М. Зубакина, естественно, руководством. Он же и вызвался читать для них лекции. Однако просуществовал кружок недолго и в связи с увлечением в 1922 году Зубакина Ксенией Апухтиной и последовавшей в том же

¹ Зубакин Б.М. — А.М. Горькому. 1927 г. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 148.

² Эйзенштейн С. М. Мемуары. Т. 1. М., 1997. С. 64.

году его женитьбой на ней распался. Во всяком случае, когда после «медового месяца», проведенного им с новой супругой в городе Орле, где у нее жил сын от первого брака, Б.М. Зубакин возвратился в Москву, возмущенные его поведением члены кружка отказались даже разговаривать с ним. Кончилось же все тем, что, обвиненный в организации нелегального, то есть официально не зарегистрированного кружка, Б.М.Зубакин неожиданно был арестован. Случилось это 30 декабря 1922 года. А уже на следующий день, 31 декабря, в самый канун Нового года, Б.М. Зубакин давал в ГПУ свои показания.

«1. *Фамилия — Зубакин (Эдвард-Зубакин).*

2. *Имя, отчество — Борис Михайлович.*

3. *Возраст — 28 лет.*

4. *Происхождение — сын полковника.*

5. *Местожительство — Москва, М.Знаменский пер., д. 7, кв. 28.*

6. *Семейное положение — женат вторично на Ксении Апухтиной. Первая жена, Евгения Розанова, в 1918 г. от меня уехала на юг, в данное время в Чехо-Словакии, вернее, за границей, где точно, не знаю. При ней мой сын Аза 9 лет. Сестра Надежда Зубакина проживает в Невеле, служит в От[деле] Наробраза библиотекарем — Чупровская волость, станция Изоча, деревня Михайловщина.*

7. *Партийность — свободомыслящий, мистический анархист, христианин. В общем христианстве разочарован.*

8. *Политические убеждения — сочувствую маленьким коллективам—общинам духовного типа.*

9. *Род занятий — литератор, поэт, профессор, педагог.*

10. *Образование — общее: Московский археологический институт, философский факультет. Специальное: Мистический закрытый институт, с 1913 по 1917 г. в Петрограде.*

11. *Чем занимался и где служил — а) до войны 1914 г. — учился в Питере с 1902 г., 12-я Петербургская гимназия. В 1912 г. ездил в Гельсингфорс заниматься к Германсону (философ, историк литературы), в 1911 г. ездил в Киев к археоло-*

гу Болсуновскому. В Гельсингфорсе занимался и у Тидермана (богослов); б) до Февральской революции 1917 г[ода] — с 1914 по 1916 год служил в Финляндии, писал, учился, уроки давал и пр. В 1916 г. доброволец в Невельском зап[асном] бат[альоне]. В 1917 г. убыл с фронта в Невель, служил учителем в сельце Михайловщине; в) до Октябрьской революции 1917 года — в Невеле учителем до 1920 г., когда был мобилизован в Витебске и был в ПУЗАПе лектором с 1920 до 1922 г. По ПУЗАПу был на кафедре исторического мировоззрения и религии; г) с Октябрьской революции и до ареста — первоначально в 1921 г., в Отделе связи фронта, был в ПО Запфронта и читал лекции в войсках ВЧК. В Москву прибыл в октябре (конце октября), числюсь на учете в Увоенкомате.

12. Сведения о прежней судимости — один раз был задержан в Орле до выяснения личности за заявление вслух о том, что слышал, как составляли протокол собрания живой церкви священники.

По прибытии в Москву из Смоленска первое время ночевал где попало, у родственницы моей жены Осиповой (тетка моей жены), у Никитских ворот, Мерзляковский пер. (ночевала только жена), у тещи Фельбаум, живущей в том же доме. У проф. Кагана один раз (Молочный переулок, д. 9, квартиры не помню). Затем в Союзе писателей, Тверская, 25, где получил койку в комнате для приезжающих литераторов. Почти одновременно получил и комнату от Московского КУБУ, где и живу: М. Знаменский, д. 7, кв. 28.

В Москве знакомых у меня очень много (шапочных), но близких знакомых нет. Участвую в литературных кружках «Звено», в «Никитинских субботниках» в Газетном переулке, д. 3, на частной квартире Никитиной. Больше ни в каких литературных кружках не состою. Хотел организовать кружок по изучению гипноза (теории) и кружок восточных... (неразборчиво), психологии средневековых и новейших мистиков. К участию в этих кружках хотел привлечь Карпова, Шевелева, проф. Озерова. Мистикой интересуюсь с детства, но отношусь к ней с критикой.

По матери мой род английский, Эдварды, мистики, масо-

ны. Предъявленная мне история ордена — мое сочинение и переписано по моей просьбе моим ржевским студентом Селюгиным, потому что по семейным преданиям у него тоже в роду были мистики, немецкие масоны. Я хотел в Ржеве организовать в 1921 г. кружок по изучению мистики, спиритизма, каббалистических учений и пр., с инсценировкой ритуалов, одеяний и пр. В этом кружке хотели быть Селюгин и его сестра, предполагался студент Иван Соколов, дом Балобновых. Больше никого не называю. Кружок был из 7 человек. Собирались и читали по спиритизму. Я еще не терял надежды организовать свой кружок, полагал и полагаю, что они мне помогут. В Невеле я также предполагал организовать кружок, и у меня жил Волошинов Валентин Николаевич, приехавший из Петрограда. Он был секретарем нашего института и заместителем духовного ректора умершего Кордига. Но с Волошиновым мы расстались, и он уехал. Я уехал мобилизованным лектором. Он уехал в Витебск. После этого я бывал у него проездом. С Шевелевым Леонидом Федоровичем я познакомился через мои лекции в Смоленске. Я был приглашен его матерью бывать у них в доме. Я предполагал под Смоленском устроить небольшую общину, но не пришлось, так как ни у кого не нашел подходящего места, был все время в разъездах, голодал и пр. Предполагал из существующего в Смоленске отделения Всероссийского общества поэтов привлечь в общину (предполагаемый кружок) кого-либо из членов, интеллигентных конечно, но уехал в Москву. Персонально из «Арены» предполагал привлечь Бруштейна, Лухманова, Васильева, другие фамилии забыл. Кроме того, надеялся на Жукова, студента-технолога, не состоящего в кружке. Кроме указанных лиц, в Смоленске никого из тех, кого хотел привлечь, больше не называю. С Коробковым А.М. знаком с 1921 г. как с товарищем, профессором по институту, бывал у него иногда по дружбе, рассказывал ему о своих интересах, об ордене «LA».

Мое сообщение о «LA» (Люкс Астралис — свет звезд, «астральная энергия»). С детства я интересовался оккультизмом и мистикой. По семейному преданию, у меня в роду были мистики-масоны. Уже юношей я попал в интимный кружок покойного фон Кордига, считаю себя его учеником. И по

философии. Андрей Алексеевич Попов, мой товарищ по гимназии Волошинов образовали группу под названием «Философский институт». Мы мечтали систематически постигать курс изучения оккультизма и средневековой мистики и жить вместе в любви и мудрости. У Евреинова есть книга «Театр для себя». Вот такой «театр» интимных мистерий я и мечтал образовать. Ввиду того что фон Кордиг был сыном масона-розенкрейцера (чешского), я — его ученик — считал, что являюсь как бы тоже продолжателем близких мне по духу, ныне вымерших романтиков духа. Как я сказал в своем показании — я встречал людей, сочувствующих моей мечте образовать самообслуживающуюся общинку, маленькую, потому что в больших группах (например, сектах) интимность быстро пропадает. Я написал краткую мною сочиненную генеалогию представителей духовной мистики. Доставал у коллекционеров снимки старинных рукописей. Хотел возобновить в миниатюре чрезвычайно художественные старинные ритуалы. У поэта Рукавишникова есть официальный литературный кружок «Орден триолета». И им, конечно, никто не мешает. Я люблю тоже древние титулы, церемонии, мистерии. Не мешал и я никому. Теперь я занят нуждой и больной женой. В широких, церковных например, движениях духа я тоже разочарован и еще больше убеждаюсь, что художество мистики должно вырабатываться интимно. Если когда-нибудь мне удастся собрать маленькую общину с молочным хозяйством и пчельником, я зарегистрируюсь официально: мистик-общинник! Вот и все. Пока собираю коллекции и пишу о старых масонах. У меня, кстати, отобрали при обыске шейный образок. Благословение покойного отца. Можно не верить, но уважать. И вот так же сейчас врываюется в мое сердце. Никогда я не шел лукаво. Ни с какими властями не боролся. Жить мне не так много (у меня порок сердца). И я хотел бы написать пару книг по философии и литературе. И умереть, никого не обидев, — среди природы и 2—3, таких же как я, друзей¹.

¹ Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 102—105.

Однако «отвязаться» от следствия было не так-то просто. Стремясь отыскать «криминал» в деятельности Б.М. Зубакина, оно заставило его самым подробнейшим образом описать историю возникновения «ЛА». История эта, собственно, уже известна читателю. Ограничимся поэтому только началом собственноручных показаний Зубакина от 31 декабря 1922 года:

«Я вырисовываю буквами, а мысли у меня от сидения и недоедания путаются.

Постараюсь номерами отмечать свои сообщения по тем вопросам, какие мне ставил следователь, предложивший записать мне все сказанное на допросе. Пишу с неуверенностью, что все это прочтут.

1. История возникновения кружка «ЛА».

ГЛАВА I.

1911 г.

1. В детстве я узнал, что у меня в роду были «духовные рыцари», «князья Каббалы», «мистики-масоны». Рассказы о них меня чрезвычайно заинтересовали. Чтение романа В. Соловьева «Волхвы-розенкрейцеры» меня окончательно утвердило в намерении изучить их оккультные науки (гипноз, хиромантию, астрологию, магию и т. п.) и мистику.

2. Церковные обряды меня не удовлетворяли. Мне казалось, что все чисто формально относятся к своим религиозным отправлениям и к своей душе. Жизнь окружающих казалась мещанской, пошлой, лишенной значения и смысла. А тут рядом из книг рисовались фигуры подвижников духовной науки, служители тайн природы, живущие уединенно или с избранными учениками в сельской глуши или на блаженных островах. Их церемонии, ритуалы, торжественно-благоговейное отношение друг к другу так восхитили меня, что я влюбился в них на всю жизнь.

3. Из переводных и подлинных книг Папюса, Эл. Леви, Эккартсгаузена я узнал для себя много любопытного. Я узнал, что во Франции, в Германии и Англии, особенно во Франции,

есть целые институты окк[ультных] наук, и мечтал туда попасть.

С товарищами по гимназии и сверстниками, из которых стоит упомянуть Владимирова и Волошинова, мы организовали кружок и назвались рыцарями духа, рыцарями «ЛА», Света (Lux) Звезд (Astralis). Это был 1911 год.

НАЧАЛО 1912 ГОДА

4. Мы в количестве 5 человек (Владимиров, Волошинов, я — Зубакин, мать Волошинова, моя тогда еще невеста, а потом первая жена Евгения Розанова) часто собирались, читали вместе и вместе молились.

Я старался инсценировать по книгам и воображению старинные ритуалы; мы дали обет жить вместе и постараться встретиться в вечной жизни.

5. Собрания наши мы держали в тайне, боясь любопытствующих и смеющихся.

Это было 10 лет тому назад. Мне было 18 лет»¹.

И далее год за годом Б.М. Зубакин самым подробным образом описывает историю своего кружка и рассказывает о его участниках. Примечателен и конец этой своеобразной тюремной «исповеди»:

«В настоящее время готовлюсь печатать статьи по литературе и стихи, готовлю курс ораторского искусства и стилистики речи. Ничего противозаконного я не делал. Частный сектантский религиозный кружок мистиков «ЛА» есть дело частное и даже регистрироваться не мог и не должен был. Мои материальные дела расстроены. Здоровье тоже, на руках больная — нервно — жена. Если когда-нибудь, через несколько лет, я смогу образовать хутор мечтателей вроде уже бывшего в Затишье с молочным хозяйством и пчелами, как

¹ Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 105—107.

мечтаю, и если я разыщу новые рукописи по каббале, скажите, заслуживаю ли я тюрьмы?»¹

Сомневаться в искренности этих слов было бы грешно. Однако насколько оправданной в сложившейся ситуации была эта искренность? Ведь правда, истина следователей ГПУ, и это Б.М. Зубакин, казалось бы, должен был понимать, интересовала меньше всего. Имена, факты, которых они добивались от Б.М. Зубакина, были нужны им для куда более прозаических целей.

«По мере чтения дела № 16900—4-СО, — пишет, внимательно ознакомившись с показаниями Б.М. Зубакина 1922 года; историк А.И. Немировский, — меняется отношение к жертве ГПУ: вместо жалости и сочувствия — недоумение и даже ярость: зачем он называет все имена? Неужели он не понимал, чем это грозит людям, ему поверившим? Неужели он не предвидел, что через какое-то время синий карандаш пройдет по его показаниям и под каждой фамилией появится жирная черта, после чего и сам человек будет вычеркнут из жизни?» — задает риторический вопрос А.И. Немировский. И сам же отвечает на него: «Нет, не знал! Не предвидел!»

Версия А.И. Немировского состоит в том, что во всем случившемся виноват следователь Яков Агранов, сознательно обманувший доверчивого поэта и мечтателя, пообещав ему, что ложу его обязательно зарегистрируют. Надо только будет ему после освобождения принести в ГПУ список с подписями всех желающих быть посвященными в «рыцари духа». И, принеся такой список в ГПУ через месяц после освобождения, Б.М. Зубакин, как полагает А.И. Немировский, сам не знал, что творил².

Не будем спорить с уважаемым исследователем, хотя сомнения на этот счет у нас есть. Ведь именно на Лубянке Б.М. Зубакин написал свое известное стихотворение:

¹ Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 121—122.

² Там же. С. 65—66.

*В тюрьме одна горoga
(И кто ее не знал?) —
По лестнице отлогой
Из камеры в подвал¹.*

Стихотворение это — явное свидетельство мучительных нравственных переживаний подследственного. В «подвал» Б.М. Зубакин, естественно, не хотел, вследствие чего вынужден был пойти на компромисс. Именно этим и объясняется полная чистосердечность его показаний.

Однако следствие желало большего, и, очевидно, Б.М. Зубакин вынужден был принять и это требование, после чего уже через месяц после ареста он был неожиданно освобожден. Конечно же, платным агентом ГПУ, как подавали его «властители дум» тогдашней московской интеллигенции, как, например, Надежда Мандельштам², видимо, он все же не стал. В то же время, как видно из показаний Б.М. Зубакина, относящихся ко времени его уже второго ареста, т. е. к 1929 году, в марте 1923 года, или ровно через месяц после своего освобождения, Б.М. Зубакин действительно принес в ГПУ список членов вновь воссозданного им подпольного мистического кружка. И хотя, как уверял впоследствии сам Б.М. Зубакин, фактически кружок этот так и не начал свою работу, провокационный характер действий Б.М. Зубакина не подлежит сомнению. Даже если никто из «заложенных» им «рыцарей», по крайней мере в то время, и не пострадал.

Можно, таким образом, констатировать, что слухи о Б.М. Зубакине как агенте ОГПУ хотя и были преувеличены, однако определенное основание под собой все же имели. Очевидно, что Б.М. Зубакин был явно не тот человек, с которым можно было смело идти в разведку. Но предоставим слово самому герою нашего повествования.

«В конце 1922 года моего ректора проф. Успенского, — от-

¹ Немировский А. И. Судьба Бориса Зубакина. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 65.

² Там же. С. 73.

мечал он в письме к Максиму Горькому начала февраля 1927 года, — *арестовали в связи с его старой дружбой с патриархом Тихоном. Через месяц как ближайшего друга ректора (весьма сомнительно. — Б.В.) арестовали и меня. Вдобавок в архиве моего ректора (вот как! — Б.В.) нашли официально для Археологического музея переданные ему мною на хранение мои старые бумаги. В бумагах были сведения о том, что я несколько лет назад закончил закрытую Мистическую философскую школу (мне это ничего не стоило, а бумаги, по трогательности воспоминаний, я берег). Месяца два выяснений, и меня, конечно же, освободили. Московские же хлыстоплясцы — теософствующие и антропософствующие бездельники, — с которыми до ареста я наотрез отказался и разговаривать-то, — весьма оскорбленные моей надменностью, подняли бучу! «Как, Зубакин — ученик таинственного «женьшеньца» Кордига по аресте освобожден. О, значит, он кому-то продался (кому надо) — он и ректора своего предал (того освободили, кажется, еще раньше меня). Он — черный маг — как и его дружок Брюсов». И пошло... Московская интеллигенция мало отличается от московских кликуш — бабы-просвирни, имеющие под мочалистой бороденкой университетские значки на рыхлом животе, — объявили меня под шумок за спиной — предателем, провокатором, жидомасоном — и воплощением Сатаны. И это в XX веке!!! Я запретил моим друзьям защищать меня», — с горечью отмечал он¹.*

Авторитет Б.М. Зубакина в глазах московских мистиков после этой истории тем не менее резко упал. Неудивительно, что после ареста и неожиданного освобождения уже до этого начавшие было отделяться от него «братья рыцари» — Павел Аренский, Леонид Никитин, Валентин Смышляев — сразу же ушли в «Орден тамплиеров». Во главе же москвичей, оставшихся верными Б.М. Зубакину, встал его ученик, уже известный нам Леонид Федорович Шевелев. Однако продолжать в этих условиях нормальную орденскую дея-

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому // Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 164—165.

тельность так некстати «засветившийся» в ГПУ Б.М. Зубакин не мог. Во всяком случае, это было очень опасно. И явно «страхуясь», уже в 1924 году Б.М. Зубакин и Л.Ф. Шевелев объявляют о закрытии «Лоджии Астра». Деятельность ее как организованного целого была, таким образом, официально прекращена. Осталось лишь персональное учительство «рыцарей духа» в рамках «странствующей церкви Иоанновой» и духовное руководство движением со стороны Б.М. Зубакина, именовавшего теперь себя ее епископом «Богори Вторым».

Резко пошла на убыль с этого времени и общественная активность Б.М. Зубакина. *«Я нигде по возможности не бываю. Литературных собраний не посещаю. Прежде бывал в Союзе писателей и поэтов. Иногда (два-три раза в год) выступаю с чтением стихов в Союзе писателей в Политехническом музее (разумеется, не по собственной инициативе, а по приглашению, так как иногда в силу сложившейся обо мне легенды, я сдавался на просьбы публики и импровизировал), так как в силу глухоты на левое ухо я ненамеренно громко (как утверждают люди со вкусом) произношу стихи, большинству кажусь замечательным чтецом»*¹.

Тяжелое настроение Б.М. Зубакина этой поры передает его стихотворение 1924 года:

*... За спертой духотой не молния ли близко?
 Когда вся юность — стертая записка.
 От пышной правды
 Только ворох лжи.
 И смерть нейдет, а сердца мятежи
 Лишь удушает крыша гали низкой.
 Когда предатели со взором василиска
 Над трупами справляют кутежи,
 Как тяжело дышится!
 Не молния ли близко?»*²

¹ Письма Б. Н. Зубакина А. М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 193.

² Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 344.

Даже с чисто внешней стороны Б.М. Зубакин представлял собой довольно-таки комичную фигуру. *«Когда я бывал одет, — доверительно рассказывал он, — понятно, очень неказисто, — надо мной часто смеялись на улицах. И я сдуру очень радовался, что вот на ходу я невольно доставлял моим ближним удовольствие и забаву. — Пусть смеются. Но вскоре я догадался, что этот смех плохой и не на пользу людям. И с тех пор я стал заботиться о своем костюме. Да все как-то неудачно. Когда я иду иногда вместе с поэтом Владимиром Пястом (у него очень длинный нос, и он очень похож на Данте, но одет — отчаянно), то бывает, что мальчишки и барышни хихикают нам в лицо. Пяст приходит в ужас и спрашивает: «Почему же они смеются?!» Я ему объясняю, что это смеются надо мною, и он, слава Богу, верит и успокаивается»¹.*

Любопытное воспоминание о Б.М. Зубакине этого времени оставила Анастасия Цветаева:

«Когда я в первый раз увидела этого человека, он сидел в общезитии Союза писателей за столом среди невообразимого беспорядка и писал стихи. Парусиновый балахон с капюшоном. И он очень был похож на монаха. Лысина. Темные волосы ниже ушей, хрупкие на концах и легко вьющиеся. Великолепный (как у греческих философов) лоб. И когда он повернул лицо — зеленоватые, большие, ясные, очень любезные глаза. Любезная, даже слишком, и чуть едкая улыбка. Что-то от испанского гранда. Встал: маленький рост... Молодой? Пожилой? Нет, древний. Вне возраста. И я долго смеялась (не верила), что ему 28 лет!»²

И далее, но уже в другом месте, еще одна любопытная зарисовка Анастасии Цветаевой:

«Маленький, в теплой шубе, держит шапку в руке, открыв лысину и кудри, со сказочным лицом, он походил на

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 179.

² Цветаева Анастасия. Воспоминания. М., 2002. С. 708.

какой-то давний портрет. Острый и все же отсутствующий взгляд был взгляд Калиостро»¹.

Несомненно, А.И. Цветаева была увлечена Б.М. Зубакиным. И не она одна. «Советский Калиостро» умел произвести впечатление. Особенно это легко удавалось ему в отношении представительниц прекрасного пола. Свидетельство тому — очередная женитьба Б.М. Зубакина в 1925 году на 23-летней московской красавице, артистке Малого театра Елене (Леля) Сергеевне Ильинской (1902 — 1955). Несмотря на то, что это был уже третий брак Б.М. Зубакина, жили молодые дружно, и только новый арест Б.М. Зубакина в 1929 году и его ссылка в Архангельск, о чем еще пойдет речь, нарушили эту семейную идиллию. В 1933 году Е.С. Ильинская официально разошлась с Б.М. Зубакиным, чтобы выйти замуж за его друга инженера Якова Монисова. Но тогда, в 1925-м, предвидеть все это никто не мог.

Новый тесть Б.М. Зубакина, Сергей Николаевич Ильинский, работал доцентом химии в одном из московских вузов. Материально Ильинские были обеспечены хорошо. Во всяком случае, только у них после многих лет бесприютного и полуголодного существования Б.М. Зубакин обрел наконец постоянный кров и забыл, что такое голод. В квартире Ильинских на Никитском бульваре зачастили теперь старые друзья Б.М. Зубакина: Владимир Пяст, Иван Рукавишников, Борис Пильняк, Леонид Шевелев, Анастасия Цветаева, Ольга Рунова и ее дочь Надежда (Ней) Мещерская.

Обструкция Б.М. Зубакина со стороны законодателей общественного мнения Москвы, впрочем, продолжалась. Характерен в этом отношении следующий эпизод. Как-то Б.М. Зубакин, выйдя на прогулку со своей новой женой, зашел на минутку к знакомым, оставив жену дожидаться его на улице. Каково же было ее удивление, когда, увидев, что она осталась одна, к ней тут же подскочил незнакомый ей молодой человек. «*Мадемуазель*, — заявил он. — *Я вас*

¹ Цветаева Анастасия. Воспоминания. М., 2002. С. 715.

только что видел с Зубакиным. Это страшный человек и ужасный предатель. Остерегайтесь его!»¹

Круг общения Б.М. Зубакина в этих условиях был невелик. «Собственно, у меня нет друзей. Да я и не ищу их», — с горечью отмечал он в одном из писем к Максиму Горькому². Правда, при ближайшем рассмотрении оказывается, что друзья, пусть и не самые близкие, у него все же были (некоторых мы уже назвали). Они не поверили наветам недругов Б.М. Зубакина и всячески защищали его. Характерен в этом отношении Сергей Есенин. Будучи наслышан о связях Зубакина с ОГПУ, он не пошел, однако, на поводу у общественного мнения, а предпочел руководствоваться в данном случае своей интуицией и, впервые увидев Б.М. Зубакина на одном из званых вечеров, тут же без церемоний подбежал к нему и с криком «С таким лицом подлецов не бывает»³ горячо обнял его и стал целовать. Вскоре они стали друзьями.

« — Зачем ты пьешь? — часто спрашивал его Б.М. Зубакин.

— Чтобы не думать, — отвечал Есенин. — Я пью, стараясь допить до той точки, после которой теряю всякую память и соображение».

Есенин, по словам Б.М. Зубакина, «кормил и поил всех вокруг». На это уходили все его деньги. Перед смертью он якобы в ключья разорвал фотокарточку своего сына, которую постоянно носил с собой, так как подозревал, что сын этот не от него⁴.

«Знаешь, друг, — часто говорил С.А. Есенин Б.М. Зубакину, — тебе ведь много не надо. — Брось все это. Поедем на

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 167.

² Там же. С. 193.

³ Там же. С. 166.

⁴ Там же. С. 139, 141.

пароходе по Волге. Ты будешь читать обо мне лекции, а я стихи. Хорошо?»¹

Кроме С. Есенина и уже упоминавшихся лиц, к числу своих друзей Б.М. Зубакин относил также поэта Георгия Шенгели, писателей Пантелеймона Романова и Бориса Пильняка, а также Леонида Шевелева и Анастасию Цветаеву. Что касается его старинного друга Валентина Волошинова, то их пути к этому времени уже окончательно разошлись.

Женитьба на Е.С. Ильинской несколько улучшила, как уже отмечалось, материальное положение Б.М. Зубакина. Однако завидным его назвать трудно. *«Я нигде не служу! Абсолютно. Мой институт закрыт с 1923 года»*, — отмечал он в письме к Максиму Горькому². И в другом письме: *«Я живу в ослепительной фантазмагорической веселой нищете»³*.

Несмотря на явные претензии Б.М. Зубакина подавать себя именно как поэта и на довольно-таки влиятельные знакомства в этой среде (свидетельством этому может служить организация им в 1924 году «Содружества поэтов-визионистов»: А. Белый, Т. Мачтет, В. Пяст, И. Приблудный и др., ничем себя, впрочем, так и не проявившего), стихов его печатать никто не хотел.

«Я никогда не буду поэтом, — самокритично признавал Б.М.Зубакин. — У меня слишком мало печали. Я давно восхищаюсь человеком и человеками. Мне все нравится»⁴.

Самым важным для человека Б.М. Зубакин считал *«талант жить — талантливо жить»*. Остальные таланты, по его мнению, в этом случае всегда приложатся⁵.

Известность в кругах московской литературной общности Б.М. Зубакин получил не как поэт, а как талантливый импровизатор на заданные темы. Сколько-нибудь

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 137.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же. С. 189.

⁵ Там же. С. 172.

регулярные публичные выступления его в этом амплуа начались в 1923 году. «У меня, — отмечал Б.М. Зубакин, — особо проклятый дар — импровизация... Я импровизирую легче, чем пишу, — трудными рифмами, особыми размерами и ритмами, записав на бумажку темы. Меня хотели показывать как аттракцион и ученую обезьяну. Но я, разумеется, отказался от всяких турне. Чуковские и рогачевские — львы — стонали о том, что это не будет записано. Но им и в голову не пришло взять для печати уже написанное. Брюсов, правда, потребовал тетрадь моих стихов и собирался печатать, да помер. Да еще Городецкий Сергей когда-то направил мою тетрадь в Госиздат, но в печати я ее так и не увидел. Итак, — суммирует он, — наградив меня ненужным мне венком, мои современники в торжественном склепе легенды припечатали накрепко — импровизатор. А мне 32 года, и у меня несколько томов стихов, поэмы, роман в стихах. На три из них пишут музыку (оперы), но, вероятно, ее будут играть на моих похоронах. Право, я не столько сержусь, сколько посмеиваюсь. Ходить же по редакциям — предлагать свои стихи у меня ноги не пойдут», — отмечал он в письме к Максиму Горькому конца 1926 года¹.

Стоит напомнить, что писать стихи Б.М. Зубакин начал еще на гимназической скамье и в 1913 году даже сумел напечатать некоторые из них в ряде петербургских журналов. Однако в том же 1913 году он принимает неожиданное решение оставить всякую литературную деятельность, чтобы целиком посвятить себя «тайному знанию». Не исключено, что толчком к этому шагу мог быть неблагоприятный отзыв о его стихах кого-нибудь из тогдашних мэтров русской словесности.

К литературной деятельности он возвратился только в 1922 году. Однако дальше нескольких журнальных публикаций дело так и не пошло. И писал Б.М. Зубакин, главным образом, «в стол». Единственным опубликованным в 1920-е

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 141—142.

годы сборником стихов Б.М. Зубакина стала тоненькая книжечка (56 страниц) «Медведь на бульваре»¹, изданная на средства автора (деньги на ее издание дал Б.М. Зубакину его тесть, старик С.Н. Ильинский). Сколько-нибудь заметным событием в литературной жизни Москвы она так и не стала, да, очевидно, и статья не могла. И дело тут не только в посредственности самих стихов. В конце концов, печатали, наверное, в тогдашних газетах и журналах стихи и похуже. Просто увлеченной грандиозными переменами, происходившими в стране в годы «великого перелома», советской литературной общественности было не до медведей, которых водили цыгане по городским бульварам на потеху московскому обывателю. Не случайно центральное стихотворение сборника под одноименным названием, переданное Б.М. Зубакиным в журнал «Красная новь», было отвергнуто редакцией.

Не лучшим образом обстояли дела и с научной деятельностью Б.М. Зубакина. «Кроме статей и разбросанных кое-где стихов у меня ничего в печати нет и, наверное, не будет»², — констатировал он в письме к Максиму Горькому, имевшего неосторожность, а может быть и намеренно попросившего у него выслать ему свои труды для ознакомления. И это понятно. О каких серьезных научных трудах могла идти речь применительно к человеку, не получившему в свое время даже элементарного университетского образования.

Правда, Б.М. Зубакин пишет в своих показаниях в ОГПУ о сданных им «в 1920 году «шутя» экзаменах экстерном за курс Московского археологического института». Однако о сколько-нибудь прочных знаниях в таких случаях говорить не приходится. Не должна вводить нас в заблуждение и профессура Б.М. Зубакина по истории первобытных религий в Московском, Смоленском и Витебском отделениях этого института, полученная им при содействии его дирек-

¹ Зубакин Б. М. Медведь на бульваре. Стихи. М., 1929.

² Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 182.

тора академика Ф.И. Успенского. Дело в том, что согласно известному постановлению Совнаркома РСФСР, вступившему в силу с 1 октября 1918 года, которое отменяло ученые степени, стать профессором было совсем несложно. Для этого достаточно было всего лишь иметь трехлетний стаж преподавательской работы в каком-либо из вузов.

Тем не менее сам Б.М. Зубакин и в своих показаниях в ОГПУ, и в переписке с Максимом Горьким весьма часто упоминает о своих неопубликованных «трудах». Прежде всего, это его так называемая «диссертация» «Опыт философии и религии как антиципация культуры», работу над которой он начал еще до революции. Остальные работы целиком были написаны им уже в 1920-е годы: «К истории греко-христианской ритуальности», «О символизме поэтического языка», «Искусство как познание» и, наконец, «О свастике в палеолите»¹.

Здесь, как подчеркивал сам Б.М. Зубакин, он старался продолжить и развить идеи киевского профессора К.В. Болсуновского о герметическом культе на Юге России, «объединенном интернационале» доисторических культур народов России и др. Работы эти не сохранились, и судить о степени их научности, конечно же, сложно. Можно лишь предположить, что, поскольку сам Б.М. Зубакин о каких-либо положительных отзывах со стороны специалистов на них не упоминает, работы эти носили скорее всего любительский характер и написание их являлось для него своеобразной духовной отдушиной.

Себя Б.М. Зубакин определял как *«свободомыслящего мистического анархиста»* и христианина, идеалом жизни которого являются *«маленькие коллективы-общины духовного типа»*. К революции 1917 года он отнесся сочувственно, надеясь, что с объявлением свободы совести он вместе со своими друзьями наконец-то сможет *«беспрепятственно жить как хотят, с пением гимнов, с изящным одеянием взамен идиотского европейского платья, с любимыми книгами и мисте-*

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 164.

риями». В целом положительно отнесся Б.М. Зубакин и к Великому Октябрю, поскольку, как и большевики, он также считал частную собственность *«преступлением и источником неправды и обмана»* и даже похвалялся тем, что все, что у него было, он добровольно раздал другим.

«Некоммунист я только потому, — отмечал он, — что они, коммунисты, — материалисты, а я — мистик-философ». В принципе, отмечал Б.М. Зубакин, он и его товарищи по ордену готовы работать над созданием нового общества, т. е. коммунизма, хотя им, признавался он, *«холодно и неудобно с широкой массой».* *«Мы готовы писать для человеческого общества книги и читать лекции по разным специальностям, работать умственно и физически на какой-нибудь службе, но таким натурам, как я, — добавлял он, — нужен интимный уголок молитв и художественно творимой жизни».* Так писал Б.М. Зубакин в своих показаниях 31 декабря 1922 года. Трудно сказать, насколько искренними были эти заявления. Одно несомненно: суровая правда советской действительности 1920-х годов ясно свидетельствовала, что такие люди, как Б.М. Зубакин, строителям социализма были не нужны. И он, судя по всему, это начинал понимать. Так, из отправленного им из Сорренто во время поездки к А.М. Горькому в Италию в 1927 году письма к своему сыну видно, что он хорошо знал настоящую цену советским вождям и без обиняков называл их тиранами. Никаких иллюзий в отношении возможности построения «светлого будущего» в нашей стране он, будучи человеком умным, не питал, но просил сына не винить советских руководителей за то зло, которое они творят в отношении собственного народа, так как они-де *«хотят добра людям, но не умеют этого сделать».* Главной же причиной необходимости для интеллигенции сохранять лояльность советскому режиму Б.М. Зубакин считал то, что последний пользуется, по крайней мере на тот момент, поддержкой подлинного хозяина России — многострадального русского крестьянства¹.

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 218.

«Когда говорят, вот, дескать, через десять—тыщу лет все станут прогрессивно-культурными, образованными, талантливыми, я тогда сержусь — чушь! Вздор. Не зависит человек от количества образования. И нечего откладывать и ждать с его оценкой. Уже сейчас и прежде была и есть велика и ценна человеческая личность! Ценна она в неповторимости своей и велика она иррациональной таинственной сущностью особой своей природы»¹. «Любить «таинственное», человеческое в самом себе» — вот к чему призывал Б.М. Зубакин, вот в чем он видел ключ религии, философии и искусства»².

*Пьяному мнится все встречное пьяным,
Злому не верится в святость другого —
Злые, слепые — с враждой и обманом —
Люди и Бога измыслили злого, —*

писал Б.М. Зубакин в одном из своих стихотворений.

Его Бог — это, безусловно, добрый Бог. *«Я часто говорю, — отмечал он в одном из своих писем, — что в своих церквах люди молятся какому-то подлому дьяволу, а не достойному поклонения существу. Если только ему, а не свободе бытия приписывается мировое неустройство»³.*

Православие, как и вообще официальная христианская церковность, удовлетворить Б.М. Зубакина никак не могло. Религию он считал делом сугубо интимным, частным, являлся принципиальным противником придания ей какого-либо общественного значения и решительно осуждал как религиозную, так и антирелигиозную пропаганду. Духовной основой его кружка была каббалистическая мистическая доктрина. Цель же, как подчеркивал Б.М. Зубакин в своем заявлении следователю НКВД от 2 декабря 1937 года, состояла в том, чтобы тайно противопоставить себя официальной православной церковности.

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 171.

² Там же. С. 172.

³ Там же. С. 188.

Как истинный масон и мистик, Б.М. Зубакин мечтал о синтезе всех религий, о мистической общине и о художественно-мистериальном быте в ней. Не считая себя патриотом России (следует, впрочем, иметь в виду, что патриотизм в 1920-е годы рассматривался властями как страшный криминал), Б.М. Зубакин признавался, что Родину он все же любит, подчеркивая, впрочем, что их у него «как бы две», т. е. Россия и Шотландия. *«Только в России, — заявлял он, — можно было назвать петербургских сфинксов свинксами, а Охтенскую бабу — богородицею»*. В этом суждении отчетливо проявляется высокомерная отстраненность нашего героя от России и всего русского, что было достаточно широко распространено среди тогдашней интеллигенции.

Не вполне ясен взгляд Б.М. Зубакина на еврейский вопрос. Однако у его личного секретаря и почитателя А.И. Цветаевой он был более чем определен. *«Я много на своем пути видела евреев, — отмечала она, правда уже на склоне лет, — и люблю эту нацию. Она умна, талантлива и всегда преследуема. Я в жизни ориентировалась на них...»*¹. Можно предположить, что таких же взглядов придерживался и сам Б.М. Зубакин.

Подмоченная общественная репутация Б.М. Зубакина, отсутствие постоянного заработка и возможности публиковать свои стихи и «научные труды» — все это сильно тяготило героя нашего повествования. Поправить положение без поддержки влиятельного покровителя было в сложившихся условиях едва ли возможно. Однако таких покровителей в тогдашней Москве у Б.М. Зубакина не нашлось. И тогда ему приходит в голову отчаянная мысль — обратиться к проживавшему тогда в Италии «великому пролетарскому писателю» А.М. Горькому, влияние которого на советский литературный процесс было в те годы весьма велико. Первое письмо А.М. Горькому в Сорренто Б.М. Зубакин отправил в самом конце 1926 года и, к немалому удивлению своему, получил ответ. Так завязалась эта странная переписка. Всего до нас дошло 27 писем Б.М. Зубакина к

¹ Донская Доброслава. Анастасия Цветаева: штрихи к портрету (дневниковые записи). Орехово-Зуево, 2002. С. 82.

А.М. Горькому конца 1926—1927 года. Что же касается писем Горького к нему, то до нас дошло всего лишь одно. Что в нем больше всего поражает, так это неоправданно высокая оценка А.М. Горьким «таланта» Б.М. Зубакина.

«Вы, сударь, изумительно талантливый человек, и по-русски безумно талантливый. Думается даже: Вы на границе гениальности», — написал он Б.М. Зубакину. Более того, после прочтения одного из писем Б.М. Зубакина А.М. Горькому захотелось даже *«взять его на руки, как внучку свою Марфу, и поносить по комнате, вынести на террасу и даже петь для него смешную чепуху»*¹.

Впрочем, от наблюдательного А.М. Горького не укрылась и некоторая, по его словам, «хаотичность» Б.М. Зубакина, о чем он сразу же счел необходимым предупредить его. *«В хаотичности этой и свобода, то есть счастье Ваше, но в ней же угроза Вам, ибо Вы можете расплескать сокровища души Вашей по капелькам и «впусто», как это Вы уже и делаете»*².

Чем же так заинтересовал Б.М. Зубакин знаменитого писателя? Ответы на этот вопрос могут быть самые разные. Однако скорее всего дело было в чрезвычайной открытости, простоте и непосредственности зубакинских писем и своеобразной, только ему присущей манере письма. Вот один из ее характерных образцов. *«Если я действительно приеду к Вам, — писал Б.М. Зубакин Горькому 31 мая 1927 года, — то, пожалуйста, не брейте, не стригите волосы. Я хочу видеть Вас таким, каким Вы были всегда. Отчего Вы не верите моему автопортрету (однако в голосочке Вашем послышалась все-таки тревога)? Да-с! Верьте: я и правда уродливым стал, а идиотом так и остался: у меня блаженное отупение; я вижу трясогузку на дороге и кланяюсь ей. Когда нет никого в саду, — откровенничал Зубакин, — подхожу к деревьям и целуюсь с ними. Собаки принимают меня за большого пса, и я даже не стараюсь объяснить им их заблуждение.*

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 228.

² Там же. С. 228.

Знаю, всем существом знаю, что каждая точка Бытия индивидуальна, неповторима и грезит о себе самой... Знаю, что поэты и колдуны не лгут и не ошибаются. Каждая точка бытия понимает другую. Есть древесный растительный язык всего мира»¹. И т. д. и т. п.

Второе, на что следует обратить внимание, так это неприкрытая лесть Б.М. Зубакина. *«Я Вас люблю, Алексей Максимович Пешков. Вы мой дорогой. Не приехать мне в Вашу Италию никогда. А ведь в первой моей детской поэме я описывал Капри и гору Тиберия — Ваши места»,* — писал он А.М. Горькому, явно напрашиваясь на получение от него официального приглашения для поездки в Италию. Не обошлось, как водится, и без стихов:

*Мой дорогой, мой чуткий, мой далекий,
Я так устал... Я знаю — далеки
Моей судьбы исполненные сроки,
Как и пожатые дружеской руки.
В Сорренто к Вам как раковину море
Доносит мир — свой шум и гул невзгод.
Прислушайтесь: в их заглушенном хоре
Моя душа Вам издала поет².*

Познакомился Б.М. Зубакин и с первой женой А.М. Горького Екатериной Павловной Пешковой и даже успел прочитать ей свой очередной роман в стихах. *«И она так хорошо воспитана, — делился Б.М. Зубакин с А.М. Горьким, — что и не протестовала. Мы с ней уговорились походить вместе по музеям, но она очень занята, бедненькая»³.*

В конце концов, явная лесть Б.М. Зубакина возымела свое действие, и А.М. Горький пригласил-таки его к себе в Сорренто. Узнав об этом, Б.М. Зубакин был вне себя от радости. *«Ах, Боже мой! Я даже устаю Вас любить — ведь такую большую штучищу, как Вы, приходится мне облюбовать*

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 207.

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 211.

ежедневно, да еще на таком расстоянии... Конечно, я не смогу прaxeхать. Дорогой! У меня нет денег. Я — беднее церковной крысы, у той есть своя нора. Впрочем, Цветаева еще беднее»¹.

Дело в том, что чуть позже Б.М. Зубакина в переписку с А.М. Горьким вступила и А.И. Цветаева, которая также получила приглашение посетить его в Италии.

Итак, получив формальное приглашение и урегулировав финансовую сторону дела за счет приглашающей стороны, т. е. А.М. Горького, Б.М. Зубакин стал собираться в дорогу. Естественно, что такой «великий» человек один в Италию поехать не мог, ему непременно нужна была секретарша, которая должна была стенографировать его экспромты и беседы с А.М. Горьким. Однако по техническим причинам А.И. Цветаева отправилась в Италию несколькими днями позже, чем Б.М. Зубакин, и в первую свою заграничную поездку, если не считать посещение им Кенигсберга в дореволюционное время, Б.М. Зубакин отправился один.

Хронология пребывания Б.М. Зубакина в Италии в 1927 году запутанна. Одно несомненно — оказавшись здесь в августе этого года, Б.М. Зубакин совсем не растерялся и в течение трех дней через Венецию, Верону, Флоренцию и Рим благополучно прибыл в Сорренто, поселившись здесь в отеле «Минерва». Прямо через дорогу располагалась вилла «Иль Сорито», где жил А.М. Горький. Первая встреча знаменитого писателя и поэта-импровизатора была теплой. Более того, вместе с А.М. Горьким Б.М. Зубакин даже совершил несколько экскурсий по Неаполю и Помпее. Однако дальше случилось непоправимое. А.И. Цветаева, посвятив описанию этой поездки довольно много места в своих воспоминаниях, о Б.М. Зубакине практически ничего не пишет². Известно, однако, что внешней причиной гнева А.М. Горького стала неумная шутка Б.М. Зубакина относительно дарственной надписи, которую тот ему сделал на подаренной книге. Не понравилась А.М. Горькому и желтая

¹ Письма Б.М. Зубакина А.М. Горькому. В кн.: Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 197.

² Цветаева Анастасия. Воспоминания. М., 2000. С. 780—788.

роза в петличке пиджака Б.М. Зубакина. «*Вы что же, учите меня, как надписывать книги?*» — в гневе кричал А.М. Горький. Извинения обескураженного Б.М. Зубакина ни к чему не привели, и, придя в свой номер в отеле, бедный наш поэт и хиромант «*слег как бревно в постель*», в ярости растоптав перед этим «*эту проклятую желтую розу*». Ему стало ясно, что это конец, и он стал спешно собираться домой в СССР¹. Так неожиданно закончился, не успев, по сути дела, начаться, «роман» Б.М. Зубакина с А.М. Горьким.

Дело тут было, очевидно, не столько в неудачной шутке Б.М. Зубакина, сколько в глубоком разочаровании знаменитого писателя от близкого общения со своим заочным другом. «*О Зубакине скажу так, — писал А.М. Горький А.Н. Тихонову 9 сентября 1927 года. — Сей профессор, археолог, епископ церкви Иоанновой, каббалист, хиромант, иерофант, по натуре своей — удивительно талантливы. Он исповедует какую-то религию, в которой совершенно отсутствует этика. Свято чтит Франциска Ассизского и также Игнатия Лойолу*». Общее мнение А.М. Горького сводилось к тому, что Зубакин, по его словам, несмотря на присущие ему таланты, «*опоздал родиться и в Калиостро не годится*»². Еще более резкую оценку Б.М. Зубакину дал Горький в письме к своей бывшей супруге Е.П. Пешковой, посоветовав ей не пускать больше Б.М. Зубакина на порог ее дома³.

Тяжелое настроение Б.М. Зубакина после разрыва с Горьким отразилось и на его творчестве этой поры.

*Молчи, мое сердце, молчи.
Мы сами себе палачи.
И сами себе с давних пор
Готовим на вью — топор.
Что ж, вспомнить придется о чем
Под злым да тупым топором!*⁴

¹ Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 214 — 215.

² Там же. С. 230.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же. С. 79.

Результатом неудачной поездки к А.М. Горькому, о чем тут же узнала литературная Москва, стало еще большее одиночество Б.М. Зубакина. Масла в огонь подлило и появление в 1929 году романа писателя Константина Вагинова «Труды и дни Свистонова», в одном из героев которого, правда не главным, интеллигентный советский читатель легко узнавал Б.М. Зубакина.

Сюжет книги таков. Главный герой, некий писатель Андрей Николаевич Свистонов, в ходе работы над своим очередным романом, в поисках «натуры» для него встречается с его будущими героями. В том числе и с «доктором философии», главой оккультного розенкрейцерского ордена Владимиром Евгеньевичем Психачевым (Б.М. Зубакин). «Советский Калиостро» — так назвал К.К. Вагинов одну из глав (четвертую) своего романа, целиком посвященную описанию встречи Свистонова с Психачевым и близкому знакомству его с возглавляемым последним орденом¹.

Следует иметь в виду, что образ известного итальянского масона-авантюриста (настоящее имя А. Калиостро — Ж. Бальзамо; 1743—1794), окончившего свою жизнь в стенах римской инквизиции, вызывал неподдельный интерес в кругах российской интеллигенции. Достаточно в этой связи назвать книгу М.А. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро», вышедшую в Петрограде в 1919 году². Большой интерес к этой личности проявлял и сам Б.М. Зубакин, работавший в 1926—1927 годах над драмой в стихах «Калиостро». Чем же мог привлечь нашу интеллигенцию итальянский авантюрист Джузеппе Бальзамо? Особо долго гадать не приходится. Дело в том, что биография этого масона дает нам основание считать его поклонником крайней степени оккультизма — сатанизма. С юности он уже был заражен манией величия, которая со временем только усиливалась и из-за которой он шел на любые авантюры и преступления. На своей родине, в Ита-

¹ Вагинов К. К. Труды и дни Свистонова. Л., 1929. С. 88—111.

² Кузмин М. А. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро. Пг., 1919.

лии, он поначалу упражнялся в мелком шарлатанстве: продавал «воду красоты», превращал серебро в золото, увеличивал вес и объем бриллиантов, предсказывал будущее и т. п. Но все это не удовлетворяло потребности его натуры, поэтому в 1776 году он меняет свое имя на аристократическое — граф Калиостро — и погружается в изучение оккультной литературы. В своих поисках он останавливается на масонстве. Проницательный Калиостро быстро сообразил, какую возможность для его деятельности может представлять масонство, и не ошибся. С целью изучения масонства и оккультизма он путешествует по Европе, Азии и Африке; впоследствии он любил хвалиться тем, что ему якобы доступны все тайны восточной и европейской мудрости. По преданию, он также посетил в Шлезвиге Сен-Жермена, от которого получил посвящение в высшую степень масонства и наставления по ритуальной магии.

Вскоре Калиостро основал свою масонскую ложу и учредил новую масонскую систему — «египетскую». Себя он называл наследником пророков Илии и Эноха, которые, по его убеждению, знали тайны египетских жрецов. Учредив ложу, он принял титул Великого Копта, а в своей системе ввел девяносто степеней посвящения и за посвящение в каждую степень требовал от кандидата деньги. Для того чтобы заинтриговать публику и увеличить количество адептов, он возбуждал в падких на чудеса масонских кругах интерес к тайному знанию и обещал им открыть эту оккультную мудрость.

Успех Калиостро превзошел все его ожидания. Состоятельные особы искали его расположения, и толпы кандидатов просили посвятить их в масоны. Калиостро, играя на чувствах и мистических потребностях общества, обещал продление жизни, господство над духами, физическое и моральное возрождение, внушал им, что обладает философским камнем и волшебным зеркалом и может перевоплощаться и живет уже не одну сотню лет. И ему верили, верили настолько, что он имел многочисленных поклонников, которые восхищались им и платили огромные деньги

за право быть посвященным в его орден. Был среди них и поэт Гете, говоривший, что Калиостро — замечательный человек. И действительно, в глазах образованного общества Калиостро был сверхчеловеком, его называли «божественным Калиостро», бюсты его ставили в своих домах многие знатные особы, изображения выбивались на кольцах и браслетах. Калиостро основал целую сеть дочерних лож и считался их верховным жрецом. Вместе с популярностью возрастала его алчность и властолюбие, и он предпринял попытку стать великим магистром всего масонства. Но это задело интересы других кандидатов в лидеры, и против Калиостро была развернута борьба. Его изгнали из Франции, он переехал в Лондон, затем в Швейцарию и, наконец, в Рим. Но здесь он попал прямо в руки инквизиции и провел в тюрьме остаток своих дней. Скончался он в 1795 году, в разгар французской революции. Его, правда, попытались спасти, но было уже поздно. Когда французские войска заняли Рим и хотели освободить Калиостро как своего единомышленника, того уже не было в живых¹.

Но вернемся к страницам романа К.К. Вагинова, посвященным встрече его главного героя с «советским Калиостро». *«Ну ладно, — говорит, обращаясь к Психачеву, Свистонов, — что же Вы намерены мне рассказать?»*

— Вас интересует, кто с кем живет?

— Признаться, мало.

— Что же Вас интересует?

— Ваши наблюдения за последние годы, Ваши чувства и мысли. Скажите, зачем Вы стремились охаять науку?

— Я считал это оригинальным.

— Вы, конечно, в юности писали стихи?

— О триппере.

— Весело.

— Очень весело...

У Психачева в комнате стояла библиотека по оккультиз-

¹ Карасев Н. Путь оккультизма. М., 2003. С. 214—215.

му, масонству, волшебству. Но Свистонов понимал, что Психачев не верит ни в оккультизм, ни в масонство, ни в магию¹.

Но проследим дальше за героем романа К.К. Вагинова. «Как грустна его жизнь, — подумал Свистонов. — Что ему дает слава «советского Калиостро», когда он сам знает, что он самозванец, что он совсем не грек и не прорицатель, а просто Владимир Евгеньевич Психачев»². Дело, впрочем, заканчивается тем, что по просьбе Свистонова Психачев все-таки посвящает его в адепты своего ордена, состоявшего, по его наблюдениям, главным образом из «уже не совсем молодых женщин». После этого и Свистонов, и Психачев, весьма довольные собой, отправляются отметить это событие в чайную.

Конечно же, карикатурный образ «советского Калиостро» появился в романе К.К. Вагинова далеко не случайно. Назначение его состояло в том, чтобы на фоне повального, можно сказать, увлечения интеллигенции 1920-х годов мистицизмом постараться по мере возможности развенчать его.

Доносительский характер книги Константина Вагинова очевиден. Ведь официально деятельность своей ложи Б.М. Зубакин прекратил, как мы уже знаем, еще в 1924 году. Правда, оставалось еще духовное руководство движением, но и его Б.М. Зубакин, по его словам, также оставил в 1927 году, объявив своим преемником Л.Ф. Шевелева. В книге же К. Вагинова проводилась мысль, что это далеко не так и активная пастырская деятельность «советского Калиостро» продолжается.

И тем не менее можно не сомневаться, что арест Б.М. Зубакина, последовавший 27 августа 1929 года, был большой неожиданностью как для него самого, так и для его близких. Характерно, что в «анкету арестованного» от 28 августа 1929 года Б.М. Зубакин собственноручно занес следующие слова:

«Взяты старые тетрадки со стихами и юношеский днев-

¹ Вагинов К. К. Труды и дни Свистонова. Л., 1929. С. 91.

² Там же. С. 93.

ник (вчитайтесь-ка хорошенько, т. следователь!) — отпустите меня поскорей, мне надо сдать пьесу и выпустить книгу «Исторический сценарий»¹.

Поражает наивность Б.М. Зубакина. Неужели он и впрямь полагал, что ОГПУ арестовывает людей только для того, чтобы, убедившись в их невиновности, тут же их отпускать, да еще «поскорей».

Обвинение, предъявленное Б.М. Зубакину, было вполне в духе того времени — «проповедь мистических идей в широких массах» и его «связи с мистиками». Кроме того, в вину Б.М. Зубакину было поставлено его членство в некоем «незаконном гипнотическом обществе в Москве». Что здесь имело в виду следствие, не вполне ясно. Несмотря на то что признать эти обвинения Б.М. Зубакин решительно отказался, делу это помогло мало, и постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 14 октября 1929 года он был выслан «через ОГПУ в Северный край» сроком на три года, считая с августа 1929 года.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Б.М. Зубакина на Севере, если бы не отправленная вдогонку ему секретная шифровка Якова Агранова: «Оставьте его на жительство в Архангельске». Можно в связи с этим предположить, что «каббалист и чернокнижник» Б.М. Зубакин чем-то импонировал известному чекисту.

Конечно же, Архангельск — не Москва, и жизнь здесь, особенно жизнь административно ссыльного, была трудна. К счастью, Б.М. Зубакин привык к лишениям и сравнительно быстро приспособился к новым условиям своего существования. Какое-то время ему пришлось пожить в селе Ломоносовка Холмогорского района, однако затем он поселился в одном из деревянных домов в самом центре Архангельска по улице Чумбарова-Лучинского. Здесь в Архангельске зимой 1930 года Б.М. Зубакин неожиданно встретил своего старого друга Владимира Пяста. Пяст по

¹Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 235.

делу о розенкрейцерах не проходил, но так получилось, что он тоже оказался в ссылке. Общение их было, однако, не слишком продолжительным, и В. Пяста отправили в конце концов в город Кадников Вологодской губернии. Тем не менее завязавшаяся между Б.М. Зубакиным и В. Пястом оживленная переписка во многом облегчила их существование.

*Это все, так сказать, эпитафия,
А в поэме судьбы — снега.
И на гальней скрипке наигрывает
В Холмогорской ссылке пурга¹, —*

писал Б.М. Зубакин своему другу в одном из писем 1931 года.

Надо сказать, что и здесь Б.М. Зубакин не изменил своим привычкам: легко вступал в беседу с незнакомыми людьми, имел терпение выслушивать их истории и охотно делился своими. Одним словом, оставался самим собой.

«Дорогой Владимир Алексеевич, — писал он 21 января 1932 года В.А. Пясту. — ... Теперь такой сюрприз: я, найдя на чердаке новые материалы о Геккерне, — написал интересную работу о Пушкине и нашел огромный материал о Ломоносове. За каждую из этих работ в отдельности (так мне не по заслугам повезло) можно было получить ученую степень. И по меньшей мере, как Сибирцев, — звание члена-корреспондента Академии. Эти работы мои и программу книги «О суеверии в быту» у меня редактор вырвал из рук. И что же? Нынче я узнал, что печататься в журнале под моим именем мне запрещено. Потребовали печатать под псевдонимом. Научное открытие. До такой подлости. Ну, словом, я решительно порвал с журналом, отказавшись начисто. Писать стихи под псевдонимом — пожалуйста. Но ответственное исследование... «О, пусть ждет своего срока», — сказал редактор. М-да-с!»²

¹ Немировский А.И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 246.

² Зубакин Б.М. — Пясту В.А. 21.01.1932. В кн.: Немировский А.И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 254.

В этом пассаже весь Б.М. Зубакин, любивший прихвастнуть и явно преувеличивавший свою удачливость и гениальность. Никаких «открытий» — ни в области изучения биографии и творчества М.В. Ломоносова, ни А.С. Пушкина он, разумеется, не совершил. Да и отказ его от печатания своих статей под псевдонимом по меньшей мере выглядит ребячеством. Но что тут поделаешь, таким уж был этот человек.

В августе 1932 года закончился срок административной ссылки Б.М. Зубакина. Однако в Москве его из-за разрыва с Е.С. Ильинской (официально брак был расторгнут в 1933 году) никто не ждал, и Б.М. Зубакин решил остаться в Архангельске. Здесь он нашел неожиданное применение еще одной грани своего таланта — незаурядного, как оказалось, скульптора-самоучки. По его инициативе при Театре рабочей молодежи Архангельска была создана творческая студия — ИЗОРАМ. Размещалась она в здании бывшей кирхи. По одну сторону перегороденного помещения шли репетиции театральной студии, по другую — работали будущие скульпторы. Помимо бюста А.С. Пушкина (не сохранился), творчество которого он высоко ценил (рукопись неопубликованной статьи Б.М. Зубакина «Новое и забытое о Пушкине» хранится ныне в Пушкинском доме АН РАН), Б.М. Зубакин работал здесь и по заказам из Москвы над бюстами М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова и других. Ряд скульптурных работ хранится в фондах Архангельского краеведческого музея до сего дня.

Большой интерес проявлял Б.М. Зубакин и к северной резьбе по кости, свидетельством чего является написанная им брошюра «Холмогорская резьба по кости. История и техника производства», опубликованная в 1931 году Северным краевым издательством. Не остался без внимания Б.М. Зубакина и богатый фольклор Архангельска. В 1934—1935 годах в журнале «Звезда Севера» им были опубликованы три статьи: «Холмогорский говор» (1934, № 1), «Словесные россыпи северного языка» (1934, № 7) и «Архангельский язык» (1935, № 5). И уж конечно, не мог равнодушно пройти Б.М. Зубакин мимо фигуры Ломоносова, подгото-

вив небольшое исследование «Новое и забытое о Ломоносове». Среди разделов его обращают на себя внимание посвященные влиянию Ломоносова на творчество русских поэтов вплоть до В.В. Маяковского включительно. Книга, или, правильнее, брошюра, впрочем, так и осталась неопубликованной.

Здесь же в Архангельске весной 1935 года Б.М. Зубакин оформил четвертый в своей жизни официальный брак с Татьяной Стефановной Романовской (Рожановской). Ей суждено было стать последней женой Б.М. Зубакина.

Не забывали его и ученики. Одной из наиболее преданных среди них была Евгения Александровна Ракеева, решившаяся для того, чтобы быть поближе к своему учителю, поселиться рядом с ним, устроившись в 1934 году машинисткой в Архангельском пароходстве. Дважды, в 1935 и 1936 годах, приезжала в Архангельск и другая преданная его ученица, А.И. Цветаева. Не меньшую преданность по отношению к нему проявляла и Александра Петровна Ракеева (Смоленск), регулярно проводившая у него в Архангельске в 1934—1937 годах практически все летние месяцы. В 1934 году посетил Архангельск и преемник Б.М. Зубакина на посту руководителя «странствующей церкви Иоанновой» иерофант Л.Ф. Шевелев.

Да и сам Б.М. Зубакин не особенно засиживался в своем Архангельске и был довольно-таки частым гостем в Москве как по делам «Всекохудожника», так и своим собственным. Кроме Москвы, посещал он также Ленинград и Смоленск. Во время этих поездок Б.М. Зубакин встречался с Л.Ф. Шевелевым, Н.А. Геевским, Я.А. Монисовым, Н. Леонгардом, Ф.Ф. Поповым, М.А. Жуковым, Е.А. Журавлевым, Н.А. Мещерской. В Москве Б.М. Зубакин останавливался на квартире Ильинских у своей бывшей жены Е.С. Ильинской, с которой он, несмотря на развод, поддерживал дружественные отношения.

Собственно, за эту ниточку и ухватился в 1937 году НКВД, уже давно державший «братца» Б.М. Зубакина в поле

своего зрения. Непосредственным виновником последнего ареста Б.М. Зубакина стал тайный агент ОГПУ среди московских розенкрейцеров Николай Леонгард, внедренный в их среду еще в 1925 году. А началось все с полученного Е.С. Ильинской от одной из ее «подруг» сообщения об аресте Н. Леонгарда. На самом деле никто Леонгарда не арестовывал. Это была провокация НКВД. Не зная этого, взволнованная полученной новостью Е.С. Ильинская тут же написала об этом Зубакину. Письмо было перехвачено. Так у чекистов появился еще один аргумент в пользу своей версии о существовании некой конспиративной мистической организации во главе с Б.М. Зубакиным. Насколько основательными были эти подозрения?

Напомним, что еще в 1927—1928 годах Б.М. Зубакин, по крайней мере формально, «ушел на покой», передав непосредственное руководство «странствующей церковью Иоанновой» своему ученику Леониду Федоровичу Шевелеву, специально возведенному им для этой цели в степень «иерофанта», т. е. первосвященника. За собой Б.М. Зубакин оставил только духовное руководство движением «рыцарей духа». Кроме него самого и Л.Ф. Шевелева, степенью «иерофанта» обладал еще один человек. Это был старый друг-соперник Б.М. Зубакина по руководству «ЛА» Валентин Волошинов. Однако он к этому времени из-за конфликта с Б.М. Зубакиным фактически отошел от движения, перейдя в начале 1930-х годов на должность доцента Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. Умер он в 1936 году от туберкулеза.

Постепенно отошли к этому времени от активного участия в делах «Ордена Духа» ленинградцы М.А. Журавлев и К.А. Жуков. То же можно сказать и о ряде других ранее активных рыцарей: Н.Н. Леонгарде (Москва), Н.А. Мещерской (Москва), Е.Н.Штарк-Михайлове (Москва), В.А. Пясте (Одесса), В.К. Бочкареве (Вязьма), К.С. и А.С. Шевелевых (Архангельск). Фактически сколько-нибудь активную деятельность во второй половине 1930-х годов проявляли толь-

ко москвичи: Борис Дмитриевич Тулузков, Федор Федорович Попов, Борис Викторович Кондырин, Николай Александрович Геевский и Анастасия Ивановна Цветаева. Кроме того, деятельными членами этого кружка оставались А.П. Ракеева (Смоленск) и Е.А. Ракеева (Архангельск). Руководителем москвичей был второй муж бывшей третьей жены Б.М. Зубакина Е.С. Ильинской инженер «Аэропроекта» Яков Онисимович Монисов. Он и возглавил организацию после безвременной кончины в 1936 году Л.Ф. Шевелева (работая последние годы техником на железной дороге (станция Вожега Вологодской области), он погиб при исполнении своих служебных обязанностей). Для этого Б.М. Зубакину пришлось возвести его; как ранее Л.Ф. Шевелева, в степень иерофанта.

Но вернемся к аресту Б.М. Зубакина. «Взяли» его 1 сентября 1937 года на архангельской квартире (Петроградский проспект, д. 148, кв. 2). В ходе обыска чекистами были изъяты личная переписка (150 единиц) и 27 рукописей Б.М. Зубакина. Конфисковали чекисты и 35 книг мистического содержания, а также атрибуты «духовного рыцарства» — римский меч, кинжал в деревянном футляре и шпагу. Днем позже, 2 сентября, уже в Москве были арестованы Я.О. Монисов, Е.И. Ильинская, Н.А. Геевский, А.И. Цветаева и другие члены «контрреволюционной организации» — именно так предпочитало называть следствие «странствующую церковь Иоаннову». Сюда же в Москву срочно был доставлен и сам Б.М. Зубакин.

В качестве обвинения против него следствием была выдвинута версия об организации и руководстве им «антисоветской мистической фашистской и повстанческой организацией масонского направления», якобы ставившей своей целью «свержение советской власти и установление фашистского строя». Однако Б.М. Зубакин решительно отмел это дикое обвинение.

«В ответ на вопрос, принадлежу ли к контрреволюционной организации розенкрейцерского толка, — показывал он 2 декабря 1937 года, — отвечаю — нет, не принадлежу. Более

того — принципиально не могу принадлежать к контрреволюционной организации. К чему же принадлежал?

С 1913 г. (и, собственно, ранее) я принадлежал к духовно-религиозному мистическому братству неорозенкрейцерского характера, являющемуся тайной церковью Иоанновой.

Чем же отличалось наше братство от всякого рода конспиративных организаций? — Отсутствием политической идеологии, духовно-каббалистическим вероучением, целью.

Почему было «нелегальным»? По исторической традиции — всегда — маленькие (по своей природе не могли быть большими) группы — т. к. наз[ванные] братства, — церкви Иоанновы — были тайны и интимны, желая жить в тишине и не подвергаться обвинению официальных церковников в ереси, чтоб не слыть еретиками.

Какие были условия принятия в братство?

А. Изучение (многолетнее) каббалистического учения арканов, каббалы. В. Принятие и выполнение нравств[енно] и физич[ески] особой школы. С. Принятие сана — рыцаря Духа (КА) и алтаря = диакону церкви Иоанновой и алтаря: Дарохранителя (ОР) = пресвитеру: Высокого или Ведущего = первосвященнику, епископу (по-греч[ески] иерофанту). Были 2-е, 3-е и более — Братьями, т[ак] ск[азать] «по доверию» слушающих курс, но не принявших пока сана. Ибо целью было всем быть на уровне «ВА» третьей степени нравствен[ного] пути и духов[ного] сана. Было свое богослужение — и форма — таинства принятия сана, почти не соблюдаемая в последние годы. Почему? — С 1924 примерно года «Л.А.» — стала рассеянной «странственной церковью Л.А.», братья разошлись, редко, случайно встречались. Духовным арбитром для всех оставался я, после моего (в 1927 — 1928 гг.) «ухода на покой» — Шевелев, по его смерти захотел стать Монисов.

Какая была деятельность братства и цель его?

Целью было создать общежитие либо в сельской местности, либо в двухкомнатных соединенных вместе квартирах, создать духовную общину, обитель, коммуну — «рыцарей Духа», Грааль, — «Монсальват». Жить и молиться вместе. Это было в миниатюре осуществлено в 1913-м, 14-м, 15-м,

16-м, 17-м гг., в Озерках и на квартире Волошинова в Ленинградской церкви.

В 1918 г. семья Волошинова переехала ко мне и к Буйницкому под Невель. Создалась «коммуна-церковь» Эль А. Буйницкий пытался оформить «Капитул» нового розенкрейцерства «ЛА», т. е. собрание-общезитие образцовой ячейки — братьев высшей, третьей степени...

История церкви «ЛА». В 1913 году мы назывались «Лоджия Астра» = звездная обитель церкви Иоанновой (или капелла). С присоединением к нам старика каббалиста Кордига стали называться «Эль А» («Эль» — по древнееврейской каббале=имя Божие, т. е. носители имени Божия, его основ — Альфы= «А»).

В 1920 году коммуна наша распалась. Буйницкий и Волошинов вовсе отошли. Я пытался самостоятельно основать общину вместе с оставшимся со мной Шевелевым (ибо мы двое остались от всех). Ничего не вышло. В 1924 г. я и Шевелев объявили «силанум» — прекращение деятельности, расход.

Прекратилась ли деятельность братства с 1924 года? Деятельность «ЛА» как целого прекратилась. Осталось: а) персональное учительство; б) надежда когда-нибудь вновь создать обитель-общезитие; в) братство «ЛА» стало «рассеянной по земле» — «странственной церковью «ЛА»». Я диктовал книгу моему другу Цветаевой, изредка собирались меня послушать 2—3 человека, принявших после «силанума», т. е. после 1924 года, от меня сан — духовного брата (= диакона) странствующей церкви «ЛА». Надежда, что наша цель осуществится — что мы осядем обителью, — меня покинула. — Я объявил в 1927—1928, что как первосвященник, кустос, иерофант — странственной церкви «ЛА» — ухожу на покой. Уехал я в ссылку в 1929 г. В эти годы (с 1928-го по 35-й) я ушел в искусство окончательно. Духовным арбитром для всех (а их 5 или 4 человека!!), имевших сан «ЛА», — братьев, — остался Шевелев. Приехав ко мне в 1934 году, он говорил мне, что и он отчаялся в том, что что-нибудь создастся когда-либо.

Итак, кроме приобретения Шевелевым книг — для себя и редких его встреч с Монисовым и Геевским — 2—3 его беседы

по арканам со мной, — «деятельности»-то никакой и не было и ничего не организовывалось.

По смерти Шевелева Монисов заявил мне, что он «чувствует дух Шевелева» на себе, и хоть Шевелев не успел его назначить своим духовным преемником, но он себя таким осознает... Далее, что пусть я «на покое», но, ввиду смерти Шевелева, я как оставшийся в живых «первосвященник-церофант» — должен хоть раз вернуться из своего отхода, благословить Монисова (= церковному рукоположить, конфирмовать) на его учительство, в его группе. Я уступил, так же как и в случае с Геевским, которому Шевелев еще не передал «инфлюкса» — рукоположения в ДА. Я просил Монисова — углубить-уширить отношения к ученикам его, от «новиковского» учебного — перейти к духовно-общежитейскому укладу. Понятно, я не подозревал о каких-либо двусмысленных высказываниях — и о контррев[олюционной] настроенности Шевелева перед его смертью. Иначе этому духовному мещанству я высказал бы самый решительный протест и отпор.

30 ноября — 2 декабря 1937 г.»¹.

Однако уже 8 декабря 1937 года тон его показаний резко меняется. Дело в том, что арестованные по делу руководитель ордена Я.О. Монисов и Н.А. Геевский не выдержали давления следствия и вынуждены были оговорить его (на суде, впрочем, Н.А. Геевский нашел в себе мужество отказаться от своих показаний). Сказалось, видимо, и тяжелое психологическое состояние Б.М. Зубакина — ведь это был уже его третий арест. Как бы то ни было, показания, которые дал 8 декабря 1937 года Б.М. Зубакин, производят удручающее впечатление.

«Вопрос. Вы обвиняетесь как руководитель нелегальной мистической контрреволюционной организации. Признаете ли Вы себя в этом виноватым?»

¹Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 267—269.

Ответ. Членом этой организации я был, но я не считаю ее контрреволюционной.

Вопрос. Арестованные по делу Монисов Я.А. и Геевский Н.А. показали, что Вы, Зубакин, являлись первосвященником, то есть руководителем организации. Так ли это?

Ответ. Да, это так. Я являлся руководителем всей нашей мистической нелегальной организации. В такую же степень иерофанта был посвящен в 1936 году и Монисов Я.А., который руководил в основном московской группой. В степени иерофанта были Волошинов и Шевелев, ныне умершие.

Вопрос. Была ли эта организация антисоветской?

Ответ. Этого я знать не могу, так как с 1930 по 1936 год организация была под руководством Шевелева, умершего в 1936 году.

Вопрос. Чем Вы можете доказать отсутствие связей с организацией в это время?

Ответ. Ссылкой. С 1933 по 1937 год после ссылки оставался жить в Северном крае. Выезжал только раз в Смоленск, где в конце 1933 года жил у сестры.

Вопрос. Имели ли связи с Цветаевой и Ракеевой А.П.?

Ответ. Цветаева и Ракеева являются ближайшими моими друзьями. Поэтому я имел с ними систематическую переписку. Особенно часто я переписывался с Цветаевой А.И.

Вопрос. Личные связи с Цветаевой и Ракеевой за это время были?

Ответ. С 1934 по 1937 г. Ракеева ежегодно проводила все лето в Архангельске. Цветаева в 1935 и 1936 годах проводила по месяцу в Архангельске во время своего отпуска.

Вопрос. С кем еще у Вас была переписка и личные встречи за время с 1930 по 1937 год из участников вашей организации?

Ответ. Больше ни переписки, ни встреч за это время не имел. Иногда только получал письма от высланного органами НКВД в г. Вологду Пяста В.А.

Вопрос. Следствие имеет данные, что Вы имели встречу с руководителем московской группы вашей организации Шевелевым. Приезжал ли он к Вам в Архангельск?

Ответ. Да. Шевелев был у меня в Архангельске в 1934 году.

Вопрос. Бывали ли Вы в Москве?

Ответ. Я приезжал в Москву ежегодно с 1934 по 1937 год по служебным делам в Всекохудожник. Продолжительность пребывания в Москве была 2—3 дня и более. Во время поездки в Москву я имел встречи с Цветаевой, Шевелевым (один раз в 1934 г.). В эту встречу он познакомил меня с Геевским Н.А. И с 1935 г. я встречался с Монисовым, который часто ходил ко мне на квартиру. В 1934 и 1935 гг. у меня был на квартире Леонгард Н., после его посещения делал к нему визит на квартиру и я.

Вопрос. С Мещерской Н.А. Вы имели встречи?

Ответ. Периодически встречался с нею на квартире, а когда это не удавалось, то я переговаривал с нею по телефону.

Вопрос. С Поповым Ф.Ф. Вы встречались?

Ответ. Да. Я его видел в 1937 году три раза. Познакомил меня с Поповым Монисов Я.А., который подготовил Попова для вступления в организацию, а я уже фактически принял его в таковую по просьбе Монисова.

Вопрос. Участников организации, проживающих в Ленинграде, Жукова и Журавлева Вы встречали за этот период времени?

Ответ. Да, я их встречал в 1935 и 1936 гг. Встречался с ними в Ленинграде (с Журавлевым в 1936 г., с Жуковым в 1935 г.).

Вопрос. Встречаться и поддерживать связь с людьми, входившими в контрреволюционную мистическую организацию, вы продолжали, значит, до дня своего ареста. Как же Вы говорите, что не могли руководить организацией? Ведь для руководства не требуется систематических встреч с каждым участником организации, а достаточно было увидеть несколько раз руководителей групп, чтобы через них руководить.

Ответ. Отвечать на этот вопрос не буду, так как он не реален.

Вопрос. Кого Вы еще не назвали из лиц, входящих в организацию?

Ответ. Я не назвал лиц, отошедших от организации, но сохранивших со мной и отчасти с Цветаевой дружеские связи. К таким лицам относятся Леонгард Н.Н., ныне арестованный органами НКВД, Пяст В.А., проживающий в Одессе,

Бочкарев В.К., проживающий в Вязьме, Жуков М.А., живет в Ленинграде, Мещерская Н.А., живет в Москве, Шевелева Анна Семеновна, живет в Архангельске, Шевелева Каллиста Семеновна, живет в Архангельске, Журавлев Константин Алексеевич, живет в Ленинграде, Штарк-Михайлов Евгений Николаевич, живет под Москвой, Демуар, живет в Ленинграде, близок к Шевелеву, но отношения его к организации я не знаю.

Вопрос. Кривицкая Наталья Алексеевна — участник организации?

Ответ. Мне об этом неизвестно. Но думаю, что нет.

Вопрос. С участником мистической антисоветской организации Кондыриным Вы встречались?

Ответ. Кондырина я встречал у Монисова, который считался другом Монисова.

Вопрос. Кондырин — член организации?

Ответ. Мне Монисов сообщил, что он ввел Кондырина в свою группу в 1935 г.

Вопрос. Назовите всех участников вашей организации.

Ответ. Я, Цветаева, Монисов и его группа, в которую входят Попов, Геевский, Тулузков и Кондырин. В нашу организацию входили проживающие в Смоленске Ракеева Анастасия Петровна и Ракеева Евгения Александровна.

Вопрос. А Ильинская разве не входила в состав организации?

Ответ. В организации она не была»¹.

Комментарий к этим показаниям может быть только один: неосторожно согласившись признать факт существования организации и свое членство в ней, Б.М. Зубакин, можно сказать, сам подписал себе смертный приговор. Правда, теоретически он еще мог надеяться сохранить жизнь: ведь простое участие в деятельности организации и руководство ею — это вещи все-таки разные. Однако после рассказа Б.М. Зубакина о своей переписке с ее членами и признания им факта личных встреч с ними в Москве и в

¹ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 271—274.

Архангельске надеяться ему было уже не на что. Ведь, как резонно заметил ему следователь, для того, чтобы возглавлять организацию, совсем не обязательно иметь с ее членами систематические встречи. Вполне можно обойтись и эпизодическими. *«Как же Вы говорите, что не могли руководить организацией?»* — вопрошал следователь. Возразить на это Б.М. Зубакину было нечего. Окончательно участь его была решена постановлением «тройки» УНКВД от 26 января 1938 года, приговорившей его к расстрелу. 3 февраля 1938 года приговор был приведен в исполнение¹.

Среди других «фигурантов» этого дела расстреляны были Михаил Александрович Жуков (1937 г.) и Яков Онисимович Монисов (1938 г.). Десять лет концлагерей получили Н.А. Геевский и К.А. Журавлев. На длительные сроки ИТЛ были осуждены другие однодельцы Б.М. Зубакина.

Так получилось, что одни из наиболее преданных учениц Зубакина — Е.А. и А.П. Ракеевы, благодаря стечению ряда обстоятельств, сумели тогда, в 1937 году, избежать расправы. К сожалению, потеря бдительности одной из них (речь идет о Евгении Александровне Ракеевой, попытавшейся было в 1939 году навести справки о судьбе учителя) закончилась трагедией. 15 марта 1940 года она была арестована, потянув за собой и Н.М. Полякову, А.П. Ракееву и некоего Андреева. Времена были суровые, и всех четверых суд приговорил к 10 годам ИТЛ.

Однако мужественная женщина не стала цепляться за свою, как оказалось, никому не нужную жизнь в советском концлагере и из Орловской тюрьмы, где она тогда находилась, потребовала себе расстрела, направив соответствующее ходатайство на имя И.В. Сталина. Ответа она, разумеется, не получила. Тогда 13 февраля 1941 года последовало ее новое заявление, на этот раз в НКВД.

«В 1937 г. советским правительством был арестован глава нашего розенкрейцерского ордена Борис Михайлович Зу-

¹ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 275.

бакин и прочие члены нашей рыцарской семьи. Мои попытки в 1939 г. навести справки о его судьбе привели к тому, что я и еще некоторые связанные со мною лица были арестованы. Во время допроса следователь мне сообщил, что Б.М. Зубакин расстрелян. Никаких конкретных обвинений, кроме принадлежности к якобы фашистской организации рыцарского ордена розенкрейцеров, ни мне, ни судимым со мною лицам предъявлено не было. Суд приговорил меня к 10 годам тюремного заключения. Решение суда было мною обжаловано, а также подавалось ходатайство на имя И.В. Сталина с просьбой применить ко мне высшую меру наказания, поскольку моя позиция в отношении советской власти абсолютно непримиримая и существование мое в советском мире логически бессмысленно и одинаково оскорбительно как против моей личности, так и против этого самого мира. Просьба моя уважена не была. Считаю нужным сделать следующее заявление: так как сохранение мне жизни после разгрома, произведенного в нашем ордена и зверского убийства главы нашего ордена Б.М. Зубакина считаю надругательством над своей личностью, то все мои мысли и воля могут быть направлены в одном направлении — враждебном советской власти и ее правителям. С другой стороны, так как я до своего ареста совершенно чиста перед советской властью даже в смысле антисоветских настроений, то не вижу причин, за что советская власть так жестоко мстит мне, принуждая к позору, с моей и общечеловеческой точки зрения жизни, когда для разных шпионов и диверсантов обычно пули не жалуют. При теперешнем моем настроении я просуществую недолго, но уйду из мира с горьким презрением к людям за неблагородство их поведения в отношении себя. Если следователь счел нужным меня обмануть и Б.М. Зубакин жив, то я прошу дать мне в этом убедиться воочию — и тогда с благодарностью приму какие угодно условия.

Довожу до сведения, что знание мною некоторых «окультурных» законов природы позволяет мне производить так называемые «энвальты» — психогипнотические воздействия с целью разрушения психического и физического равновесия отдельных личностей, что мною было проделано в сентябре месяце 1940 г. в отношении И.В. Сталина, и думаю, что кое-

какие результаты должны были сказаться. Во всяком случае, если моя просьба останется неисполненной, то буду практиковаться в отношении и прочих членов правительства»¹.

На этот раз ее заявление возымело действие, и 27 июля 1941 года последовал новый арест Е.А. Ракеевой, на этот раз уже в тюрьме. 1 сентября того же года состоялся и суд, на котором в своем последнем слове Е.А. Ракеева, в частности, заявила:

«Виновной себя признаю во всем, кроме восхваления Троцкого. Я полностью не одобряю всю политику советской власти и считаю, что она угнетает интересы всех без исключения. В Москве было несколько судебных процессов, и судили много людей, считая их подлыми, — а я считаю, что это были лучшие люди, которые, если бы были в правительстве, сделали бы много хорошего для общества. Троцкого я не восхваляла, ибо его политику считаю такой же неверной, как и политику большевиков и ее руководителей — коммунистов. Я среди заключенных действительно проводила работу всякими способами и старалась внушить им, что советская власть недолговечна и близок ее конец. Это под разным видом я проводила как устно, так и письменно»².

Суд приговорил ее к высшей мере наказания. 13 сентября 1941 года приговор был приведен в исполнение.

Для исследователей, писавших о Б.М. Зубакине, характерна явно преувеличенная оценка способностей и талантов этого «удивительного», как пишет о нем А.Л. Никитин, «человека, обладавшего сильнейшей силой внушения, ярким талантом поэта, литератора и, может быть, еще более ярким — скульптора, этнографа и воспитателя»³. Что касается «странствующей церкви Иоанновой» «ЛА» Б.М. Зубакина, то, как считает А.Л. Никитин, она представляла

¹ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994. С. 283—284.

² Там же. С. 284—285.

³ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998. С. 101.

собой не столько посвяtitельный орден, сколько общину мистиков, своего рода «маленькую бездействующую секту»¹. С чем-то из этих утверждений можно согласиться, с чем-то — поспорить. Но главное все-таки в другом: несмотря на то что, судя по всему, Б.М. Зубакин действительно «стоял совершенно в стороне от сколько-нибудь институционализированных орденов, однако устремления его были, несомненно, ориентированы на ту же систему эзотерических ценностей, что и у деятелей различных посвяtitельных орденов»².

Крупная, хотя и своеобразная роль Б.М. Зубакина в истории религиозно-мистических устремлений российской масонствующей интеллигенции 1920 — 1930-х годов не подлежит сомнению.

¹ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998. С. 32.

² Богомолов Н.А. К истории эзотеризма советской эпохи // Литературное обозрение, 1998, № 2. С. 24.

«Шамбала Сияющая»

1. «ЕДИНОЕ ТРУДОВОЕ БРАТСТВО»

А.В. БАРЧЕНКО

Сейчас можно уже утверждать, что ОГПУ, а через него и Политбюро ЦК ВКП(б) не только было осведомлено о роли масонства в мире, не только держало «под колпаком» наши отечественные масонские кружки и группы, но и стремилось извлечь из этого определенную пользу. Об «Автономном российском масонстве» Б.В. Кириченко-Астროмова и его контактах с ОГПУ мы уже знаем. Теперь, как представляется, самое время возвратиться к истории другой масонской структуры 1920 — 1930-х годов — «Единое Трудовое Братство». Оно тоже, как оказалось, представляет в этом плане большой интерес.

Организовал его в 1923 году в Петрограде уже хорошо известный к тому времени оккультист Александр Васильевич Барченко. Родился он в 1881 году. Отец его был из бывших крепостных крестьян, мать — из духовного сословия. Учился на медицинском факультете Юрьевского университета. С детства А.В. Барченко проявлял склонность к религиозности и мистицизму. В Юрьевском университете профессор римского права А.С. Кривцов рассказал ему о книге Сент-Ив д'Альвейдра (1842—1909), о существовании в горах Тибета некоего очага древней тайной культуры и науки — Агарте или Шамбале, который расположен где-то на стыке границ Индии, Афганистана и Тибета. То, что предлагают своим адептам европейские мистики и масоны, уверял юного студента А.С. Кривцов, ничто по сравнению с теми знаниями, которыми якобы владеют живущие в Агарте тайные учителя человечества.

В переводе с санскрита Шамбала (Счастливая земля) означает место покоя, иначе говоря, прообраз земного рая, некой Земли обетованной. Буддистская традиция связывает Шамбалу с учением о Калачакре, что в переводе с санскрита означает «Колесо времени», сокровенное знание, обладание которым позволяет достичь просветленного состояния. В Тибете Калачакра, или Дюнхор, становится известной на рубеже XI—XIV веков. Именно тогда под руководством индийских проповедников и был осуществлен перевод основных текстов Калачакры (описания Шамбалы, сведения о ее правителях, истории, пророчестве о грядущей великой битве против варваров на берегах реки Шита (Сита) в Индии и пришествии нового «золотого века») с санскрита на тибетский язык¹.

Войдя в контакт с хранителями тайн «Древней науки», скрывающимися от непосвященных в легендарной Шамбале-Агарте, и получив от них «ключи» к неизвестным нам источникам космической и психической энергий, человечество, доказывал А.Сент-Ив д'Альвейдр, сможет в конечном счете выйти на принципиально новый виток своего развития.

Вера — понятие субъективное. Неудивительно, что при всей абсурдности идея эта чрезвычайно увлекла А.В. Барченко и, можно сказать, перевернула всю его оставшуюся жизнь. Увлечение Барченко тайным знанием в 1909—1911 годах доходило о того, что, начитавшись разного рода пособий по этому вопросу, он не брезговал таким, казалось бы, презренным занятием, как гадание по рукам, — ремеслом, казалось бы, более приличествующим бродячим цыганкам, чем человеку с университетским, хотя и незаконченным образованием².

Но не будем слишком строги к Барченко. Мистикой в начале XX века увлекался не только он, но и куда более се-

¹ Андреев А. И. Время Шамбалы. Окультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 6—8.

² Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 52.

резные люди. Внимание ученых в это время оказалось привлечено к неким таинственным N-лучам, которые якобы испускает человеческая голова. Загадочные лучи были зафиксированы, и это дало некоторым энтузиастам основание утверждать, что в процессе мыслительной деятельности человека выделяется некая энергия, так называемые «мозговые лучи», и это якобы не только открывает путь к прочтению мыслей человека, но и к их передаче на большие расстояния. Спекулятивный характер такого рода предположений сегодня очевиден для всех. Однако в начале века это было далеко не так. Экспериментами в этой области тогда заинтересовались весьма серьезные ученые, и среди них — председатель (с 1901 г.) Русского общества нормальной и патологической психологии, профессор Владимир Иванович Бехтерев (1857—1927) — главный редактор «Вестника психологии, криминалистики, антропологии и гипнотизма».

Что касается А.В. Барченко, то его интерес к «мозговым лучам» был настолько велик, что он даже провел в 1910—1911 гг. ряд собственных опытов над ними. Их результаты были изложены в специальных статьях в журналах «Жизнь для всех» (1911, № 12) и «Природа и люди» (1911, № 32) под весьма характерным названием: «Передача мыслей на расстоянии».

К Октябрьской революции А.В. Барченко отнесся отрицательно, но и особой враждебности к ней вследствие своего низкого происхождения, судя по всему, не испытывал, и был к тому же убежденным противником частной собственности. К этому времени он уже зарекомендовал себя как знающий оккультист и литератор, много писавший для журналов «Вестник труда» и «Паломник».

Наиболее крупными вехами на этом пути стали его романы «Доктор Черный» и «Из мрака», опубликованные в 1913 (книги 1—5) и 1914 годах в журнале «Мир приключений»¹. Главный герой этих во многом автобиографичных

¹ Барченко А. В. Из мрака. М., 1991.

произведений, доктор медицины и приват-доцент Петербургского университета Александр Николаевич Черный, — тайный член Теософского общества, младший из махатм, то есть посвященных. Действие романа разворачивается как в России, так в Индии и горах Тибета. Осенью 1914 года А.В. Барченко призывают в армию. Однако уже в 1915 году он возвращается в Петроград и занимается журналистикой, выступая в то же время с публичными лекциями, пропагандирующими «Древнюю науку». В это же время А.В. Барченко посещает различного рода мистические кружки, которых было немало в это время в Петрограде: мартинистки и теософки Ю.Н. Данзас, доктора Д.В. Бобровского (двоюродный брат черносотенца Николая Евгеньевича Маркова (Марков 2-й), а также заседания общества «Сфинкс». Вскоре вокруг уже и самого А.В. Барченко формируется небольшой оккультный кружок, в который вошли его близкие друзья, последователи и единомышленники: сотрудник Академии наук астроном А.А. Нилус, уже упоминавшийся доктор Д.В. Бобровский, еще один сотрудник Академии наук астроном Александр Александрович Кондиайн и его жена Элеонора Месмахер, ученицы А.В. Барченко Лидия Николаевна Маркова (Шिशелова) и Юлия Струтинская, инженер С.Ф. Островский, физик Владимир Михайлович Алтухов, студенты Восточного института живых иностранных языков В.П. Королев и Ю.В. Шишелов, юрист Петр Сергеевич Шандаровский, служащий Николай Троньон.

В 1920 г. А.В. Барченко был приглашен В.М. Бехтеревым в Петроградский институт изучения мозга и психической деятельности. Здесь им был сделан доклад на тему «Дух древних учений в поле зрения современного естествознания». Однако основные усилия А.В. Барченко этого времени были направлены на разработку некоего универсального учения о ритме (гамме) в космологии, космогонии, геологии, минералогии, кристаллографии, общественной жизни и даже психике человека — так называемый «синтетический метод», основанный на «Древней науке». Как видим, А.В. Барченко не был оригинален и, подобно множеству

других шарлатанов, предлагал использовать свой метод буквально во всех случаях жизни.

В мае 1921 года А.В. Барченко покидает Петроград и в качестве члена ученой конференции Института мозга уезжает в длительную командировку в Лапландию и на Мурман. Официальная его должность в это время — заведующий Мурманским морским институтом краеведения. Одной из важнейших задач экспедиции являлось изучение так называемого «мерячения» — психического заболевания, связанного с периодическим впадением коренного населения этих мест в состояние транса. Кроме жены Натальи, Александра Васильевича в этой поездке сопровождали также и его уже упоминавшиеся нами ученицы — Юлия Струтинская и Лидия Шишелова — дочь Н.Е. Маркова, известного лидера правых в Государственной думе. Здесь, на Европейском Севере, А.В. Барченко пробыл почти два года. Основной задачей экспедиции было обследование района, прилегающего к Ловозерскому погосту, населенному в основном лопарями, проживавшими по берегам Ловозера и Сейдозера. Добраться сюда экспедиция смогла только лишь в сентябре 1922 года. Здесь ею был обнаружен ряд крупных мегалитических сооружений: «Старик» (фигура человека, простирающего руки в стороны), «Сейд» (огромная желтая колонна, напоминающая свечу), которому поклонялись окрестные лопари, кубические камни и целый ряд такого же рода «феноменов». Особое внимание А.В. Барченко привлекли несколько каменных сопков, напоминающих своими очертаниями египетские пирамиды. Не подлежит сомнению естественный характер происхождения этих мегалитических сооружений. Однако участников экспедиции больше устраивала другая версия: об искусственном характере обнаруженных ею каменных глыб, в которых А.В. Барченко усмотрел не что иное, как памятники практической магии некогда существовавшей здесь цивилизации.

Результаты экспедиции привели А.В. Барченко к твердому выводу, что лопари происходят от какой-то *«более древней культурной расы»*. В пользу этого вывода говорят, по

мнению А.В. Барченко, и сфотографированные им валуны — остатки, как он полагал, некогда существовавшей здесь древней цивилизации¹. Однако оригинальным в своих выводах А.В. Барченко здесь не был. Убеждение в том, что в далеком прошлом на севере Европы существовала древняя цивилизация — Гиперборея, высказывали в то время многие. Среди них известный русский мыслитель-космист Николай Федорович Федоров (1828—1909), выдвигавший идею строительства на берегу Баренцева моря в районе полуострова Рыбачий новой полярной столицы России².

В Петроград А.В. Барченко и его спутники возвратились поздней осенью 1922 года. А уже в начале 1923 года последовало и отчетное выступление А.В. Барченко в Институте мозга. К этому же времени по приглашению директора института В.М. Бехтерева начинается и сотрудничество А.В. Барченко с комиссией при институте по изучению мысленного внушения во главе с А.К. Борсуком и Л.Л. Васильевым.

27 октября 1923 г. за подписью руководителя Главнауки старого большевика Ф.Н. Петрова вышло постановление специальной комиссии Главнауки. Познакомившись с результатами исследований «биолога А.В. Барченко в области древнейшей (восточной) натурфилософии», комиссия не только признала их «вполне серьезными и ценными как в научном, так и в политическом отношении», но и постановила «немедленно предоставить ему из кредитов Главнауки средства на организацию биофизической лаборатории». Кроме того, А.В. Барченко был принят Главнаукой на работу в качестве ее ученого консультанта³. Уже через несколько месяцев биофизическая лаборатория при Политехническом музее в Петрограде была открыта. Возглавил ее, естественно, А.В. Барченко. Интерес к нему был так велик,

¹ Красная газета, 1923, 28 февр. Веч. выпуск.

² Федоров Н.Ф. О полярной столице России. В кн.: Федоров Н.Ф. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М., 1997. С. 383—385.

³ Шишкин О.А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 97.

что руководитель Главнауки даже организовал у себя на квартире его выступления о своих уникальных опытах. По крайней мере, нам известно об одном из таких выступлений 17 ноября 1923 года на пару с докладом известного народовольца и масона (ложе «Заря Петербурга», 1909 г.) Николая Александровича Морозова (1854—1946)¹. Состав лиц, присутствовавших на этом собрании, мы не знаем. Известно, однако, что в качестве оппонентов по докладу А.В. Барченко Ф.А. Петровым были приглашены: врач-бактериолог, член ВКП(б) с 1918 г. Михаил Георгиевич Вячеслов и масон «Великого Востока Франции» Владимир Иванович Забрежнев².

В своем стремлении нащупать возможные подходы к легендарной Шамбале и «Древней науке» А.В. Барченко пошел даже на такой неординарный для европейца шаг, как поселение в монашеском ламаистском общежитии при буддийском храме (построен в 1916 году в Старой Деревне), являвшемся в то время вместе с примыкающими к нему строениями резиденцией тибетской и монгольской миссий под эгидой НКВД СССР. Там А.В. Барченко познакомился с проживавшими здесь монголом Хаяном Хирвой и тибетцем Нага Навеном, сыгравшими в его жизни немалую роль. Особый интерес для него представлял Нага Навен — наместник Западного Тибета, прибывший в Россию для переговоров с Советским правительством. Общение с Нага Навеном многое дало А.В. Барченко в смысле углубления его знаний о Шамбале — Дюнхоре. Весьма сведущим в этом учении оказался и другой новый знакомец А.В. Барченко — начальник внутренней охраны Монголии, член ЦК Монгольской народно-революционной партии Хаян Хирва. Довольно близок был в это время А.В. Барченко и с главой тибетской миссии в СССР ламой Хамбо Агваном Доржиевым. Новые друзья А.В. Барченко не только углубили его

¹ Старцев В. И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 2001. С. 142.

² Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 99.

знания в «Древней науке», но и подсказали ему более точную ориентировку местонахождения легендарной Шамбалы (к северо-западу от Непала) и окончательно убедили его в правильности своей теории.

В ламаистском общежитии А.В. Барченко пробыл недолго и уже в конце 1923 года организовал небольшую коммуны, поселившись вместе с двумя своими женами Натальей и Ольгой в трехкомнатной квартире супругов А.А. и Э.М. Кондияйн на углу Каменноостровского проспекта и Малой Посадской улицы (д.9/2, кв.49). Здесь же вместе с ним проживали еще и ученицы А.В. Барченко Юлия Струтинская и Лидия Шишелова, а вместе с ними и хозяева квартиры супруги Кондияйн. Себе с новой женой Ольгой (одна из его учениц) А.В. Барченко смастерил деревянный топчан. Остальные спали прямо на полу на войлочной подстилке. *«Мы жили одной семьей или, вернее, коммуной, — вспоминала позднее Э.М. Кондияйн. — У нас все было общее. Мы по очереди дежурили по хозяйству. За столом часто разбирали поведение того или другого, его ошибки, дурные поступки»*¹. *«Один раз (дело было в 1923 году), — вспоминала позже Э.М. Кондияйн, — А.В. Барченко взял да и посвятил нас в розенкрейцеры без всякой таинственности и мистики»*². *Здесь же в квартире-коммуне А.В. Барченко оборудовал специальную лабораторию, в которой и проводил свои опыты по телепатии. Ходил он обычно в старом полушубке, туго подпоясанном солдатским ремнем, старой офицерской фуражке без кокарды, но зато в хороших хромовых сапогах, всегда идеально начищенных*³. *Выглядел он, согласно воспоминаниям дочери супругов Кондияйн О.А. Кондияйн, следующим образом: широкоплечий, довольно высокого роста, с копной седеющих волос и неизменной пенсне на носу*⁴. В своей коммуне А.В. Барченко

¹ Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 111.

² Там же.

³ Там же. С. 110.

⁴ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 112.

был безусловным лидером, и все ее члены беспрекословно подчинялись ему.

Однако главным делом А.В. Барченко в это время стала организация им в том же 1923 году небольшого эзотерического кружка под названием «Единое Трудовое Братство». Толчком к его возникновению послужил рассказ нового знакомого А.В. Барченко (дело было зимой 1922/23 года) Петра Сергеевича Шандаровского, который рассказал ему о Едином трудовом содружестве его учителя, известного мистика Г.И. Гурджиева. Александропольский грек Георгий Иванович Гурджиев (1873—1949)¹ появился в Москве в 1911 году, где вокруг него через некоторое время образовался небольшой эзотерический кружок последователей. Весьма частым гостем был он и в Петербурге. Любимыми учениками у него здесь были Петр Шандаровский, Антон Чарковский, Анна Бутковская, С.Д. Меркуров и С.Г. Успенская. Они-то и составили костяк организованного им мистического сообщества — Единое трудовое содружество.

К этому времени Г.И. Гурджиев был уже зрелый мистик, не только знакомый с современной ему оккультной литературой, но и претендовавший на собственное учение о человеке и его скрытых возможностях². Суть его заключается в том, что к человеку Г.И. Гурджиев подходил как к некой сверхсложной машине, потенциал которой до обидного мало задействован и практически не раскрыт в его повседневной деятельности. Что касается путей пробуждения скрытых в человеке сил и возможностей, то их, по Г.И. Гурджиеву, у него три. Первый путь — это путь факира, когда все внимание концентрируется на физическом развитии человека. Второй путь — это путь монаха, когда все кон-

¹ Мистики XX века. Энциклопедия. М., 2001. С. 164—180. См. также: П о в е л ь Л у и. Месье Гурджиев: документы, свидетельства, тексты и комментарии. М., 1998.; Н о т т К.С. Учение Гурджиева. М., 1995.

² Наиболее известным из трудов Г.И. Гурджиева является его книга «Рассказы Вельзевула своему внуку». СПб., 2001.

центрируется на эмоциональном развитии личности. И, наконец, третий путь — это путь йога, когда во главу угла ставится интеллектуальное развитие личности. Но сами по себе, в отрыве друг от друга, все три пути не дают должного эффекта. Во время своих путешествий по Центральной Азии Г.И. Гурджиеву стал якобы известен так называемый «четвертый путь», сочетающий в себе все три традиционных пути в их гармоничном единстве. Собственно, пропагандой этого четвертого пути и занимался как сам Г.И. Гурджиев, так и его ученики.

Наиболее видным из них считается Петр Демьянович Успенский (1875—1947), автор таких известных среди оккультистов трудов, как «Четвертый путь»¹, «Психология возможного»², «Новая модель Вселенной»³. Родился Петр Демьянович в 1875 году в Москве в семье земельного инспектора и художницы. Систематического образования не получил. Увлечение мистикой и математикой привело его к идее четвертого измерения, которым он называл время как таковое. Собственно, его интересовала не столько проблема времени, сколько паранормальные явления, с ним связанные (анализ сновидений, галлюцинаций наркоманов и пр.). Исходя из индуистских представлений о карме, реинкарнации и Колесе Судьбы, П.Д. Успенский развивал идею так называемого бессмертия человека, который не только уже жил в прошлом (хотя и забыл про это), но и будет бесконечно долго жить в будущем. Это так называемое Колесо Судьбы. Наша задача, таким образом, сводится, по Успенскому, к тому, чтобы постараться выйти из заколдованного круга.

В поисках необходимой для этой цели оккультной практики П.Д. Успенский обратился к теософии. Его поездки в 1908 и 1913 гг. в Индию только укрепили его эзотерическое мирозерцание. В Москву П.Д. Успенский вернулся в 1914 г.,

¹ Успенский П. Д. Четвертый путь. М., 1995.

² Успенский П. Д. Психология возможного. СПб., 2001.

³ Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. СПб., 1993.

а в следующем, 1915 г. он познакомился с уже известным нам Г.И. Гурджиевым. Устроил это знакомство двоюродный брат Гурджиева, скульптор С.Д. Меркуров¹. Впечатление, произведенное на П.Д. Успенского Г.И. Гурджиевым, было огромным, и он безоговорочно признал его своим учителем. Замой 1915 г. по поручению Г.И. Гурджиева П.Д. Успенский приезжает в Петербург с целью создания здесь небольшого оккультного кружка по изучению «системы Гурджиева». Главную задачу кружковцы видели в гармоничном развитии человеком своих собственных способностей во имя пробуждения скрытых в нем сил.

Ядро кружка в 1916 г. составляли математик А.А. Захаров, врач Леонид Сторнваль, жена П.Д. Успенского Софья Григорьевна и девица Юлия Островская, ставшая впоследствии гражданской женой Г.И. Гурджиева. В конце 1916 г. П.Д. Успенского мобилизывают в армию. Г.И. Гурджиев же в феврале 1917 г. опять уезжает в Москву. Пробыл он там недолго и в июле 1917 г. вместе с П.Д. Успенским и рядом своих учеников был уже в Тифлисе. Однако вместо Александрополя, куда первоначально и стремился Г.И. Гурджиев, он предпочел Ессентуки. Сюда вскоре прибывают и уже известный нам член кружка Захаров, а также супруги Томас и Ольга Гартман. Все они неплохо устроились здесь на снятой даче. Г.И. Гурджиев все время рвался в Туапсе, надеясь сесть там на пароход и отправиться в Константинополь. Об этом же мечтал и П.Д. Успенский. Ему первому и удалось осуществить этот замысел в марте 1920 г. Г.И. Гурджиеву, успевшему в 1919 г. открыть в Тифлисе Институт гармоничного развития человека, это удалось несколько позже, 7 июня 1920 г. В Россию никто из них больше не вернулся.

Обосновавшись в 1922 г. во Франции, в Приер д'Авон, близ Фонтенбло, в собственном замке, Г.И. Гурджиев су-

¹ Вашингтон Питер. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритизм Америке. М., 1998. С. 207.

мел-таки воплотить здесь в жизнь свою мечту и открыл на полученные пожертвования поставленный на широкую ногу Институт гармоничного развития человека. Жизнь здесь он вел, впрочем, довольно-таки бурную — посещал дорогие рестораны, устраивал обеды и совершал разного рода экстравагантные поступки. Что касается его бывшего ученика, П.Д. Успенского, то, эмигрировав, как и Г.И. Гурджиев, на Запад, он обосновался в Англии, продолжая развивать и пропагандировать взгляды учителя. Однако в личном плане отношения между ними не сложились. Умер Петр Демьянович Успенский 2 октября 1947 г. у себя в доме в Лайне (Англия). Перед смертью он фактически отрекся от своего учения, заявив в одном из последних своих выступлений, что никакой системы, о которой он и Г.И. Гурджиев толковали все эти годы, не существует и что *«язык, который он использовал в течение десяти лет, — бессмыслен, что ни школа, ни источник не существуют и что единственный путь — это посмотреть каждому в самого себя и решить, что он хочет на самом деле. Но искать источник мудрости — это иллюзия, поощряемая Гурджиевым. Если же его собственные ученики хотят спасти что-то после краха, то они должны оставить напряженную жизнь в системе в пользу самопознания, и добавить ему больше нечего»*¹. Конечно же, все это было истинной правдой, однако Г.И. Гурджиев, когда узнал об этом выступлении П.Д. Успенского, расценил его как интеллектуальное предательство². Впрочем, и сам Георгий Иванович доживал последние годы отпущенного ему судьбой срока земного существования. Здоровье его было уже подорвано, и 29 октября 1949 года он умер в американском госпитале в Нейи, пригороде Парижа. Впрочем, ученики Г.И. Гурджиева, не желая примириться со свершившимся фактом, тут же распространили версию о «мистическом» или «философском» характере смерти своего учителя, кото-

¹ Вашингтон Питер. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритизм Америке. М., 1998. С. 361.

² Там же. С. 394.

рый якобы ушел в бесконечность, оставив после себя труп-фантом¹.

По образцу кружка Г.И. Гурджиева, очевидно, и создавалось «Братство А.В. Барченко». Сам он в своих показаниях следователям ОГПУ в качестве членов «Единого Трудового Братства» называл следующих лиц: В.М. Алтухов, А.А. Кондияин, Э.М. Кондияин, Ю.В. Струтинская, В.П. Королев, Ю.В. Шишелов, Николай Троньон, П.С. Шандаровский. Показания А.А. Кондияина позволяют добавить к этому списку еще несколько фамилий: А.К. Борсук, В.П. Кашкадамов, Л.Л. Васильев, Н.В. Лопач, М.Г. Лазарева, К.П. Поварнин, писатель Н.Д. Никитин, библиотекарь В.П. Песецкий, ботаник П.Е. Васильковский². Однако обольщаться насчет принадлежности этих господ к «Братству», как справедливо пишет А.И. Андреев, не стоит. Очевидно, что следствие стремилось максимально расширить состав лиц, причастных к «Братству»³. Во всяком случае, костяк «Братства» был невелик: П.С. Шандаровский, А.А. и Э.М. Кондияин, Ю.В. Струтинская, Л.Н. Шишелова-Маркова, Ю.В. Шишелов, В.Н. Королев, а также старая и новая жены А.В. Барченко Наталья и Ольга.

В том же 1923 году А.В. Барченко составил так называемые «Правила жизни Единого Трудового Братства» — своего рода его моральный кодекс. Кроме того, в 1923 году им же был разработан и устав «Единого Трудового Братства», регламентирующий его так называемые оперативные функции.

«Размышляя о Боге, — говорится в первом пункте «Правил жизни», — помни, что понятие «Бог» можно выразить в числе единицей, в геометрии — точкой. Геометрическая точка не имеет измерения, но, излучая энергию, она обнимает вселенную. Пружина обладает наибольшей мощностью, будучи скрученной до совмещения с точкой».

¹ Вашингтон Питер. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритизм Америке. М., 1998. С. 395.

² Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 99.

³ Там же. С. 99.

Далее в «Правилах» даются следующие заповеди:

«2. *Цель не оправдывает средства.*

3. *Не имей собственности ни в вещах, ни в супруге, ни в людях.*

4. *Ноша в пути изнуряет, а что тяжелее золота?*

5. *Неси свою ношу в гору на собственных плечах.*

6. *Давай, не удручая просящего.*

7. *Давай всегда сам в собственные руки.*

8. *Считай себя должником того, кому ты имел возможность оказать помощь.*

9. *Воровство — не только присвоение вещей, не принадлежащих тебе, но и хранение лишнего, не нужного тебе.*

10. *Не проходи мимо женщины с ребенком на руках без вопроса, не нуждается ли она в необходимом.*

11. *Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой.*

12. *При встрече с бедняком, с лицом, стоящим ниже тебя, голову обнажай первый; от богача, от лица, стоящего выше тебя, ожидай приветия.*

13. *Не сопротивляйся злу насилем.*

14. *В личной защите не применяй иного оружия, кроме личного примера.*

15. *Смерти не бойся, но бойся оставить тело раньше, чем то, что им управляет, окрепнув, не возмужало.*

16. *Самоубийство расценивается как дезертирство.*

17. *Убийство допустимо только в том случае, если это единственная возможность спасти большое число жизней.*

18. *Стремись вперед, чтобы подать руку отставшему.*

19. *Споткнувшись, не изнемогай, а шагай тверже.*

20. *Вникай в то, что тебе доверяют, чтобы совесть не угнетала тебя после.*

21. *Нет презренного ремесла, если из рук выходит то, что не вредит живому.*

22. *При встрече с воином не кичись белизной своих рук.*

23. *Размышляя о том, какую специальность избрать сыну твоему, помни: посрамивший мудрецов ходил по земле плотником.*

24. *Помни, что ложь, грязнящая душу человека, душу ребенка делает калекой.*

25. *Отходя ко сну, дели поступки свои на 2 (положитель-*

ные и отрицательные) и на 7 (планетных категорий: Солнце, Меркурий, Венера, Земля или Луна, Марс, Юпитер, Сатурн).

26. *Никогда не прячься от солнца.*

27. *Два врача исцеляют — солнце и воздух.*

28. *Солнце — отец, Земля — мать; она родила тебе сестер и братьев там, где ты на ней обитаешь.*

29. *К супругу своему относись бережно, как к драгоценному сосуду, — ты пьешь из него наслаждение.*

30. *Если супруг твой подойдет к пропасти, пусть заглянет в нее и измерит ее глубину; но пусть рука твоя будет тверда, чтобы вовремя удержать его от падения.*

31. *Из тины болот тянутся лилии, они белы.*

32. *Законам страны, в которой живешь, — подчиняйся. С властью трудящихся — сотрудничай.*

33. *Семья — кирпич, из которого строится здание государства.*

34. *Говорящему «Один в поле не воин» — возражай: «Голос одного бодрствующего будит тысячу спящих».*

35. *Слабость — предмет не уважения, а искоренения.*

36. *Не отдавай себя в жертву одержимым шимнусами (злые духи), сытому, спящему сердцем.*

37. *Если ты озлословил человека, которому ты оказал помощь, то лучше бы ты его обокрал, ибо ты украл у него самое дорогое — доброе имя.*

38. *Не строй себе счастье за счет несчастья других»¹.*

Во главе «Единого Трудового Братства», согласно его уставу, стоял Совет (А.В. Барченко, А. Кондиайн, П.С. Шандаровский). Степеней продвижения по мистической лестнице тайного знания здесь предусматривалось всего две: «ученик» и «брат». В качестве символа «Братства» была принята «шестигранная фигура со знаком ритма, окрашенная в черные и белые цвета». Отличительным признаком «брата» была красная роза с лепестком белой лилии и крестом. Характерно, что все эти знаки следовало обязательно носить на перстне, розетке или булавке, а также помещать в окнах

¹ Андреев А.И. *Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России.* М., 2002. С. 96—98.

своей квартиры, чтобы другие члены кружка могли по этому признаку отыскать среди окон окно своего «брата».

Программные положения «Единого Трудового Братства» базировались на том, что ключ к успешному решению всех животрепещущих проблем современности надо искать в мистической Шамбале—Агарте, некоем конспиративном очаге, где сохраняются до сих пор остатки знаний и опыта того общества, которое находилось на более высокой стадии социального и материально-технического развития, чем современная цивилизация. *«А поскольку это так, необходимо выяснить пути в Шамбалу и установить с нею связь. Годными для этого могли бы быть люди, свободные от привязанности к вещам, собственности, личного обогащения, свободные от эгоизма, то есть достигшие высокого нравственного совершенства. Стало быть, надо было определить платформу, на которой люди разных мировоззрений могли бы заглушить свои временные социальные противоречия и подняться до понимания важности вопроса. Отсюда основным положением ЕТБ являются — отрицание классовой борьбы в обществе, открытый доступ в организацию лиц без различия их классовой, политической и религиозной принадлежности, то есть признание права для контрреволюционных элементов участвовать в организации, признание иерархии и уважение религиозных культов», — показывал позднее на следствии А.В. Барченко¹.*

Свое сообщество члены кружка однозначно рассматривали, по словам А.В. Барченко, как передовой отряд *«в борьбе человечества на арене истории, объединяющий своих членов на почве помощи телесно и духовно страдающему человеку, независимо от его политических и религиозных убеждений, в обладании приобретенным опытом древних цивилизаций, а также заживлении социальных ран средствами, имеющимися в распоряжении «Братства»².*

¹ Протокол № 2 от 10 июня 1937 года допроса Барченко Александра Васильевича. В кн.: Ш и ш к и н О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 367.

² Там же.

«Братство» называлось «трудовым», и, следуя логике этого названия, А.В. Барченко поневоле должен был стремиться к тому, чтобы вовлечь его членов в трудовую деятельность (курсы кройки и шитья, работа на ткацком станке, столярное дело). Однако из затеи этой, как и следовало ожидать, ничего путного не получилось, и это благое начинание А.В. Барченко осталось втуне.

Суть «Древней науки», которую проповедовал своим слушателям А.В. Барченко, хорошо передает написанная им для членов «Единого Трудового Братства» «Памятка».

«Золотой век, т. е. Великая Всемирная ФЕДЕРАЦИЯ народов, — говорится в начале этого примечательного документа, — построенная на основе чистого идейного коммунизма, господствовала некогда на всей земле. И господство ее насчитывало около 144 000 лет. Около 9000 лет тому назад, считая по нашей эре, в Азии (в границах современного Афганистана, Тибета и Индии) была попытка восстановить эту федерацию в прежнем объеме. Это та эпоха, которая известна в легендах под именем похода Рама (Ra = ☉ Ma = #, следовательно, Рама — культура, овладевшая полностью как дорической, так и ионической наукой). Рамидская Федерация, объединившая всю Азию и часть Европы, существовала в полном расцвете около 3600 лет и окончательно распалась после революции Иршу, около 5600 лет назад. Гибель Атлантиды в тесном смысле этого слова, т. е. архипелага между Африкой, Испанией и Америкой, населенного краснокожими, владевшими еще большей или меньшей полнотой Универсального знания, следует отнести к эпохе за 11 000 лет до нашего времени.

Нет сомнения, что эта «Атлантида» была уже периодом упадка, вырождения древнейшей мировой цивилизации, господствовавшей в полном расцвете на земном шаре, надобно думать, вплоть до эпохи за 36 000 лет до нашего времени»¹.

Но представлять себе, продолжает далее А.В. Барченко, что все 144 000 лет на Земле царил «золотой век» с молочными реками и кисельными берегами, было бы крайне на-

¹ Памятка для членов ЕТБ. В кн.: Ш и ш к и н О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 307—308.

ивно. Правильнее было бы считать, что в границах этого огромного периода, «когда космические условия особо благоприятствовали развитию цивилизаций, сконструированных по Универсальной схеме, чередовались периоды расцвета и упадка, в такой приблизительно последовательности: 2000 лет полного упадка и ожесточения, соответствующих нашей эре с Р. Х., в конце их наступает бурный революционный период в мировом масштабе, затем 8000 лет полного расцвета Универсальной Культуры, постепенно охватывающей весь мир». Затем наступает постепенный упадок культуры, что заняло в общей сложности приблизительно 6000 лет. В его границах еще существуют «солнечные» культуры, но наряду с ними и культуры «серебряные», под знаком #, т. е. те, в которых руководящее высшее содержание Универсальной науки. «Доризм» постепенно уходит в подполье. Руководящую политическую роль получает Ионизм, # серебро, т. е. та часть Универсального знания, которая владеет методами познания и применения энергетических механизмов природы. В логическом развитии господства лишь энергетической науки культура постепенно вырождается в культивирование прогрессивно снижающихся ступеней телесных потребностей. У выродившихся таким путем народностей начинает развиваться чувственность, как логический результат этого развития в цивилизациях наука вырождается в религиозные культы прогрессивно грубоющего содержания в смысле чувственности (грубая чувственность Вавилона — Молох, Астарта или рафинированная чувственность Египта).

И как результат чувственного огрубления развивается жестокость (кровавые жертвоприношения, войны). Этот период включен в границах приблизительно 4000 лет и символически отвечает, разумеется, Венере — «медный век».

Такой век исчисляется почти 2000 годами. В конце «железного века», проходящего под знаком революций и войн, развивается господство монархий и в культуре — анализ. Логический конец — разрушение цивилизации и обратный ход в центр камня, т. е. к идее коммунизма, безличности авторитета, правомочно организованного коллектива. «Вот

схематический, с весьма близким к действительности приближением, в числах циклический ход развития цивилизации на всем земном шаре в границах истекшего около 36 000 лет тому назад земного (т. е. для всего земного шара) золотого века в 144 000 лет (космический, или «зодиакальный» золотой век длится больше). И в его границах сменяется на земле золотой век (точнее, «Иридиевый» + «Платиновый» + «Золотой» = вместе 144 000, «Серебряный» — 108 000 лет, «Медный» — 72 000 лет и «Железный» + «Оловянный» + «Свинцовый» = 36 000 лет. Всего в этом земном цикле 360 000 лет)¹.

Далее А.В. Барченко переходит в своей «Памятке» к фантастическому рассказу о смене господствовавших в прошлом на Земле человеческих рас. «Думать, что во время всей Атлантиды была только одна красная раса, тоже наивно. Надобно думать, что красная раса была в то время лидером, воздем цивилизации, как теперь претендует белая раса. Но считать красных исключительно господами земли в древности отнюдь не приходится. Были и прежде все расы, но, так сказать, знамя культуры переходило из рук в руки, надобно думать, в такой последовательности: 1) черная, 2) белая, 3) желтая, 4) красная и опять в том же порядке. Это можно проследить на преданиях о том, что Лемурия (великая культура желтых, погибшая в Тихом океане и оставившая на побережье Азии Японию и Китай) была прежде, чем Атлантида, — культура красных, которые после опускания дна Атлантического океана уцелели в Америке и Гренландии и Северо-Восточной Азии (эскимосы, чукчи). Предания о Лемурии и Атлантиде в ныне живущих поколениях уцелели как бесформенные, совершенно потускневшие легенды. Между прочим, как предания о великой борьбе с черными белой расы сравнительно свежи (Рамаяна, предания о борьбе арийцев с черными в Индии и борьбе кельтов с черными в Европе, о нахождении доисторического черепа типа негров). Это потому, что после окончания красной расой 144000-летнего цикла

¹ Памятка для членов ЕТБ. В кн.: Ш и ш к и н О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 309 — 310.

следующий железный 36000-летний (который брамины называют Кали-юг — черный, жестокий век) начала по тому же универсальному закону смены рас черная раса, владевшая Универсальным ключом до Рамидской цивилизации. Ее именно памятники уцелели в горах Кавказа и Крыма»¹.

«Современные академические «киты», — полемизирует А.В. Барченко с представителями «официальной» науки, — относят пещерные города Крыма и Кавказа к христианской эре, не понимая, что якобы «христианские» эмблемы суть механизмы Доисторического Универсального знания». «Черного лидера» культуры сменили, согласно теории А.В. Барченко, «белые в Азии». По его мнению, белая раса возглавляла культуру, но лишь на евроазиатском материке, около 3600—4000 лет. Но до этого «предания говорят о существовании в Европе, откуда шли Рамиды, культуры в руках белой расы в течение 2000 лет (Кельтическая — «Друидическая» культура)». Следовательно, заключает А.В. Барченко, белая раса владела универсальной культурой в ближайший к нам период лишь около 6000—7000 лет в форме держания этого знания в подполье, в руках ограниченной коллегии теократического (жреческого) меньшинства. Сейчас же, мы видим, она занимает доминирующее положение на всем земном шаре. Правда, оговаривается А.В. Барченко, «пока она действует всеми отрицательными орудиями железного века. Но ближайший маленький (2000 лет) железный цикл истекает (от Р.Х.) через 100, даже менее лет. До потопа же в мировом масштабе (очередное поднятие Атлантического океана) Универсальный ключ дает цифру еще около 120 лет. Необходимо учесть обстоятельства.

1) В самой седой древности, какую теперь люди помнят, на всем земном шаре господствовала преимущественно желтая раса.

2) После нее по всему свету расселилась и угасла, но предварительно овладев ключом знания, красная раса.

¹ Памятка для членов ЕТБ. В кн.: Ш и ш к и н О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 310 — 311.

3) Потом, тем же порядком, черная — ибо следы ее мы видели и в Америке и на островах Тихого океана, и в Африке, и в исторических уже преданиях в качестве массы, изгоняемой белыми из Средней Азии и Европы.

4) Теперь расселяется по всей земле белая раса. В прошлом она в частичных своих цивилизациях (кельтическая, Рамидская) владела Универсальным ключом, но применить его к постройке Федерации народов в рамках этого железного века возможности еще не имела»¹.

Согласно А.В. Барченко, смена господствующих рас на Земле сопровождалась в прошлом и будет сопровождаться в будущем мировыми катаклизмами.

«Крупные океанические потоки совпадали с уходом с культурной арены расы, владевшей Универсальным ключом в мировом масштабе, расселенной по всему свету (желтая, красная). Еще не было потопа, отвечавшего черной расе, но следы расселенности таковой и владения ключом по всему свету уже налицо. Белая раса еще не расселилась по всему свету, но накануне расселения. Белая раса еще не применяла ключ в полном мировом масштабе. До ближайшего мирового потопа, — пророчествовал А.В. Барченко, — осталось около 1200 лет»².

Однако не все так плохо. Согласно А.В. Барченко, в 2000 году должен был закончиться 2000-летний железный период для белой расы, за которым обязательно последует мировая революция и золотой период — «коммунистический рай», который продлится 8000 лет.

«Из этих данных, — пишет далее А.В. Барченко, — логика заставляет вывести заключение, что:

а) очередной потоп уничтожит последние следы черной цивилизации в упадочной ее форме — т. е. больше всего пострадает, вероятно, Африка;

б) белая раса применит социологический идеал Универсального знания в его высшем виде, т. е. в виде мировой Федерации народов, на основе чистого, гармонизированного с при-

¹ Памятка для членов ЕТБ. В кн.: Ш и ш к и н О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 311 — 312.

² Там же. С. 313 — 314.

родой, коммунизма, а не в форме, хотя бы и высоко рафинированной, теократии Рамидов, скрывавшей все-таки высоту знания в сословию, резко ограниченном и допускавшем представительство в форме царей и императоров;

в) после потопа, надобно думать, белая же раса заключит 8000-летний золотой век большого золотого века, и под ее знаменем культура будет колебаться в своем развитии в границах всего междупотопного периода, ибо к ближайшему (через 1200 лет) потопу белая раса расселится по всему свету, и после поднятия дна Атлантического океана погибнут вместе с Африкой все низменности Европы, Америки и Азии, где ныне сосредоточена так называемая «культура» и степи Китая и Монголии. Горные же плато и кряжи Евразии, сплошь заселенные белой расой (Авганы, Кафиры, Горные Таджики, Курдистан, Белуджистан, Персия, Азербайджан, Закавказье и Гималаи с Шамбола и Саджа), должны уцелеть. Таким образом, белая раса после ближайшего потопа останется в большинстве. А так как перечисленные выше народности организованы и фактически управляются объединениями (в глазах европейских ослов это «жалкие секты дикарей»), владеющими наукой (секта Ахл-и-Хакк «Люди истины», Зер-дешти, Иезиды, Суфи, Джайни, Якобиты и пр.), то провести в жизнь социологический идеал этой науки и воспитать новые, в полном объеме, на основах этой науки, особых затруднений тогда не представит. Таким образом, весьма и весьма отдаленное будущее находится еще всецело в руках белой расы. Желтая раса действительно должна следовать в мировом масштабе за белой. Но этот период еще слишком далек от нас, чтобы о нем говорить теперь»¹; — заключает А.В. Барченко.

Нет никаких сомнений в компилятивном характере «эзотерической мудрости» А.В. Барченко, составленной на основании трудов западных оккультистов. Однако на его

¹ Памятка для членов ЕТБ. В кн.: Ш и ш к и н О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 313—314.

слушателей, людей, как правило, несведущих в дебрях оккультного знания, известное впечатление она все-таки производила. Самое поразительное, что не избежали этой слабости и люди вполне серьезные, облеченные властью. Во всяком случае, в конце 1923 года А.В. Барченко был зачислен ими консультантом Главнауки. Ему были даже выделены соответствующие средства для создания Биофизической лаборатории в здании Политехнического института в Москве. Об опытах, которые здесь проводились, известно мало. Полагают, что речь должна идти о передаче мыслей на расстоянии, или, иначе говоря, опытах парапсихологического характера. Показательно, что в то время, как у правительства катастрофически не хватало средств для поддержки отечественной науки, для сомнительных изысканий А.В. Барченко деньги нашлись. Причем поддержку ему оказывал не кто иной, как сам начальник Главнауки старый большевик Ф.Н. Петров (1876—1973), член партии с 1896 года. Однако сотрудничество А.В. Барченко с Главнаукой продолжалось недолго. Весной 1924 года у него произошел конфликт с одним из ее руководителей, академиком С.Ф. Ольденбургом, решительно выступившим против планов А.В. Барченко по организации по линии Главнауки монголо-тибетской экспедиции. В результате проект А.В. Барченко был отвергнут.

В это трудное время на помощь ему пришли «друзья», которыми он обзавелся в первые послереволюционные годы. Наиболее близким к нему человеком в это время был астроном Александр Александрович Кондияин (1889—1937). После окончания в 1911 году физико-математического факультета Петербургского университета А.А. Кондияин сотрудничал в качестве астронома-наблюдателя с Русским обществом любителей мировидения, которое возглавлял известный масон Н.А. Морозов (1854—1946) — родоначальник печально известной ныне так называемой «новой хронологии» (академик Фоменко и К^о). Знакомство А.В. Барченко с А.А. Кондияином произошло в 1918 году. Близок был в это время к А.В. Барченко и П.С. Шандаровский, окончивший до революции юридический факультет

Петербургского университета. Однако подлинной страстью П.С. Шандаровского, как и А.В. Барченко, была «Древняя наука», на почве которой они и познакомились зимой 1922/23 года.

Весьма колоритной фигурой среди ближайших друзей А.В. Барченко середины 1920-х годов был Константин Константинович Владимиров (родился в 1883 году в городе Пернов, ныне Пярну, Эстония). Как и А.В. Барченко, К.К. Владимиров учился на медицинском факультете, однако окончить его не сумел и перебивался разного рода конторской работой. В конце 1900-х годов он увлекся графологией и сравнительно быстро обзавелся собственной клиентурой. В числе его клиентов, которым он предсказывал судьбу по их почерку, были поэт Сергей Есенин, художник А.Н. Бенуа и другие представители тогдашней богемы Санкт-Петербурга. В октябре 1918 года склонный к авантюризму К.К. Владимиров становится сотрудником Петроградской ЧК, в которой он проработал с небольшим перерывом до конца 1920 года¹. В 1927 году Константин Константинович был арестован и выслан в Сибирь на три года, однако уже в мае следующего 1928 года он был вновь арестован и обвинен в шпионаже в пользу Англии. 5 ноября 1928 года К.К. Владимиров был расстрелян.

К 1919 году относится и близкое знакомство А.В. Барченко еще с двумя чекистами, сыгравшими важную роль в его жизни: Э.М. Отто (родился в 1884 году) и А.Ю. Рикс (родился в 1889 году). Первый из них, Эдуард Морицевич Отто, работал в Петроградской ЧК с февраля 1918 по декабрь 1922 года. Второй, Александр Юрьевич Рикс, — с июня 1918 по февраль 1923 года. Знакомство с ними А.В. Барченко состоялось в 1919 году, когда по их инициативе он был вызван в ЧК якобы в связи с поступившим на него доносом. Знакомство это вскоре переросло в дружбу. Полтора десятилетия спустя в 1936 году бывшие чекисты были арес-

¹ Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 64.

тованы по делу профессора Коммунистического университета в Ленинграде эстонца Я.К. Пальвадре и 11 октября того же года расстреляны.

К числу покровителей и друзей А.В. Барченко из интересовавшихся «Древней наукой» чекистских кругов можно отнести и К.Ф. Лейсмейера-Шварца, или «Карлушу», как ласково его называли в ближайшем окружении. Знакомство с ним А.В. Барченко относится к 1924 году. Уйдя, как и его товарищи, в 1920-е годы из «органов», К.Ф. Лейсмейер-Шварц подвизался в качестве фоторепортера «Союзфото» в Ленинграде. Из всех чекистов — друзей и покровителей Барченко его расстреляли последним, в сентябре 1937 года.

Но вернемся к А.В. Барченко и его конфликту с академиком С.Ф. Ольденбургом, в результате чего он вынужден был уйти из Главнауки. Самые близкие друзья А.А. Кондаин и П.С. Шандаровский помочь ему, как лица, не входящие во власть, не могли. Другое дело — плотно опекавшая его чекистская четверка в лице К.К. Владимирова, Э.М. Отто и А.Ю. Рикса, К.Ф. Лейсмейера-Шварца. По их совету А.В. Барченко составил письмо о своих работах на имя председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского, которое К.К. Владимирова тут же отвез в Москву на Лубянку. Одновременно он связался с членом Коллегии ОГПУ Г.И. Бокием, которого хорошо знал по совместной работе в Петрограде. В результате уже через несколько дней в Ленинграде появился один из руководителей ОГПУ, еще недавно занимавший примечательную должность начальника Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции при Секретно-оперативном управлении ГПУ, Я.С. Агранов (1893—1938). Встреча его с А.В. Барченко произошла на одной из чекистских конспиративных квартир. Закончилась она, как и следовало ожидать, положительно. Видимо, А.В. Барченко произвел благоприятное впечатление на этого высокопоставленного чекиста.

После этого в декабре 1924 г. А.В. Барченко отправился вместе со своими друзьями-чекистами в Москву для встречи с самим Г.И. Бокием (1879—1937), членом Коллегии

ОГПУ и заведующим спецотделом ОГПУ. Бокий также отнесся к идее А.В. Барченко об установлении контактов большевиков с обладателями тайн «Древней науки», скрывающимися в легендарной Шамбале—Агарте, с пониманием. В результате состоявшегося поздней ночью заседания Коллегии ОГПУ с подачи Г.И. Бокия ему было поручено более детальное знакомство с проектом А.В. Барченко и использование его предложений по своему усмотрению на пользу социалистическому строительству¹. Такова версия этого знакомства в изложении А.В. Барченко.

Несколько иначе вспоминал об этом сам Г.И. Бокий. После того как он познакомился с А.В. Барченко, тот, по словам Г.И. Бокия, тут же изложил ему свою теорию, согласно которой еще в доисторические времена существовало «высокоразвитое в культурном отношении общество, которое затем погибло в результате геологических катаклизмов. Общество это было коммунистическим и находилось на более высокой стадии социального (коммунистического) и материально-технического развития, чем наше. Остатки этого высшего общества, по словам Барченко, до сих пор существуют в неприступных горных районах, расположенных на стыке Индии, Тибета, Кашгара и Афганистана, и обладают всеми научно-техническими знаниями, которые были известны древнему обществу так называемой «Древней Науки», представляющей собой синтез всех научных знаний. Существование и «Древней Науки» и самих остатков этого общества являются тайной, тщательно оберегаемой его членами. Это стремление сохранить свое существование в тайне Барченко объяснял антагонизмом древнего общества с римским папой. Римские папы на протяжении всей истории преследовали остатки древнего общества, сохранившиеся в других местах, и в конце концов полностью их уничтожили. Себя Барченко называл последователем древнего общества, заявляя, что был посвящен во все это тайными посланцами его религиозно-по-

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 129—130.

литического центра, с которыми ему удалось однажды вступить в связь»¹.

В итоге уже в начале 1925 года по предложению Г.И. Бокия А.В. Барченко переселяется в Москву и оформляется в качестве консультанта в ВСНХ. Однако фактическим местом работы Александра Васильевича становится секретная лаборатория Спецотдела Г.И. Бокия. Прямо надо сказать: вряд ли Г.И. Бокий при всем его мистическом умонастроении всерьез поверил в существование в недрах Гималаев неких легендарных «учителей человечества». Люди, которые верят в такую чепуху, в ОГПУ, да и вообще в серьезных государственных структурах не работают. Другое дело, уверения А.В. Барченко о присущей якобы человеческому мозгу способности не только получать и интегрировать информацию, но еще и испускать ее в окружающее пространство, передавать на большие расстояния. На Востоке, уверял Г.И. Бокия А.В. Барченко маги, экстрасенсы и медиумы уже тысячи лет читают человеческие мысли. Факт испускания мозгом телепатических лучей научно доказан, утверждал он. И Бокий, очевидно, поверил. Да и как иначе? Слишком велика была у большевиков вера в науку и ее чудодейственную силу, способную якобы в короткий срок преобразить не только окружающий мир, но и самого человека.

Здесь необходимо сказать несколько слов о самом Глебе Ивановиче Бокии². Лев Разгон в своих воспоминаниях о Г.И. Бокии, которого он лично знал, рисует образ интеллигентного (учился в Горном институте, дворянин) и весьма скромного человека, никогда и никому не пожимавшего руки и отказывавшегося от всех привилегий: жил с женой и старшей дочерью в крошечной трехкомнатной квартире, зимой и летом ходил в плаще и мятой фуражке. И даже в дождь и снег, свидетельствует Л. Разгон, на его открытом

¹ Из протокола допроса Г.И. Бокия от 17—18 мая 1937. В кн.: Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 210—211.

² Бережков В.И. Испытания чекиста Бокия. Вечный революционер. СПб., 1999.

«Паккарде» никогда не натягивался верх»¹. В то же время странности эти органично сочетались у Г.И. Бокия с присущей ему неумемной энергией и недюжинными организаторскими способностями.

Родился Глеб Иванович в 1879 году в семье дворянина, действительного статского советника Ивана Дмитриевича Бокия и его законной супруги Александры Кузьминичны. Помимо Глеба, в семье было еще двое детей: старший сын Борис — впоследствии выпускник Горного института в Санкт-Петербурге, и дочь Наталья. В Горный институт, по примеру брата, поступил и Г.И. Бокий, но курса из-за частых арестов так и не окончил. Из близких знакомых Г.И. Бокия этого времени особо следует отметить Павла Васильевича Мокиевского, известного журналиста и врача, возглавлявшего отдел философии журнала «Русское богатство». В более узком кругу он был известен еще и своими оккультными увлечениями. Со студентом Бокием Мокиевский познакомился как с одним из товарищей своего сына, также учившегося в Горном институте. На близость отношений Г.И. Бокия с Мокиевским указывает то, что, когда после одного из арестов Г.И. Бокий оказался за решеткой, крупный залог в размере трех тысяч рублей за него внес именно Мокиевский. Согласно неподтвержденным, впрочем, данным, именно Мокиевский дал в 1909 году никому не известному студенту рекомендацию для посвящения в орден розенкрейцеров»².

В общей сложности Г.И. Бокий арестовывался до революции двенадцать раз и дважды успел побывать в ссылке. В РСДРП вступил в 1900 году. Октябрьскую революцию встретил членом Военно-революционного комитета в Петрограде. В марте 1918 г. Совнарком переехал из Петрограда в Москву. Туда же переехала и ВЧК. В Петрограде же вместо нее была срочно сформирована своя «чрезвычайка» во главе с председателем М.С. Урицким. Его заместителем и

¹ Разгон Л. Непридуманное. Повесть в рассказах. М., 1989. С. 29.

² Шишкин О.А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 30.

стал Глеб Иванович. После убийства Урицкого 30 августа 1918 г. Леонидом Канегиссером председателем Петроградской «чрезвычайки» был назначен Г.И. Бокий. Однако уже через несколько месяцев его переводят в Москву в распоряжение ЦК. Вершиной чекистской карьеры Г.И. Бокия стало назначение его постановлением Совнаркома РСФСР от 12 июня 1921 г. членом Коллегии ВЧК и начальником Спецотдела, специализировавшегося на охране государственных тайн, и в частности прослушивании и расшифровке переговоров и переписки иностранных посольств в Москве¹. Особым достижением подразделения Г.И. Бокия считается разработка в середине 20-х гг. так называемого «Русского кода» — системы, объединившей 54 шифра различных советских учреждений. Основная заслуга в появлении «Русского кода» принадлежит криптографу спецотдела Григорию Крамфусу².

Достаточно подробные сведения о Спецотделе Г.И. Бокия дает бежавший в 1930 году на Запад бывший сотрудник Иностранного отдела ОГПУ Г. Агабеков.

«Специальный отдел (СПЕКО) работает по охране государственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящий за порядком хранения секретных бумаг. Важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из-за границы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР.

Шифровальщики всех учреждений подчиняются непосредственно Специальному отделу. Работу по расшифровке иностранных шифров Спецотдел выполняет прекрасно и ежедневно составляет сводку расшифрованных иностранных телеграмм для рассылки начальникам отделов ОГПУ и членам ЦК.

Третьей задачей Специального отдела является надзор за тюрьмами и местами заключения по всему Советскому Сою-

¹ Соболева Т. История шифровального дела в России. М., 2002. С. 408.

² Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 173.

зу, охрану же их несут войска ОГПУ. При отделе имеется канцелярия, фабрикующая всевозможные документы (паспорта, фальшивые удостоверения и пр.), необходимые для той или иной цели в работе.

Начальником отдела состоит Бокий, бывший полпред ВЧК, буквально терроризировавший Туркестан в 1919—1920 годах. О нем еще и сейчас, десять лет спустя, ходят легенды в Ташкенте, что он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человеческую кровь. Несмотря на то что Бокий только начальник отдела, он, в исключение из правил, подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии и имеет колоссальное влияние в ОГПУ. Подбор сотрудников в Специальном отделе хорош, и работа поставлена образцово¹.

«Информация Агабекова, — комментирует этот опус бывшего чекиста современная исследовательница Татьяна Грекова, — сомнений не вызывает, если не считать слухов о сыром мясе и человеческой крови, которые, впрочем, и сам автор называет легендой. Скорее всего Бокий просто употреблял в пищу собачье мясо². Учитывая, что собачье мясо считается эффективнейшим средством для лечения туберкулеза, которым страдал все эти годы Г.И. Бокий, ничего мистического и свидетельствующего об особой кровожадности этого чекиста в данном факте нет.

Научный поиск Барченко во многом стимулировался его духовными исканиями, размышлениями о путях нравственного совершенствования человека в эпоху мировых катаклизмов. Поворотным в его жизни как в плане научном, так и сугубо личном стало его приобщение, не без помощи тибетских и монгольских лам, к таинствам буддийского эзотерического учения Дюнхор (Калачакры), происходящего из легендарной Шамбалы. В этом учении Барченко нашел ответы на самые злободневные вопросы современности. Однако, подобно бодхисаттвам, он не хотел доволь-

¹ Агабеков Г. С. Секретный террор. М., 1996. С. 13—14.

² Грекова Т. И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 187—188.

ствоваться собственным прозрением, а чувствовал потребность разделить свое знание с другими людьми. Первым делом он поставил себе задачу — посвятить в тайну Дюнхор *«высших руководителей коммунистического движения в России»*. Сделать это было необходимо, поскольку *«Россия в данный момент совершенно далека от понимания той величайшей общечеловеческой ценности, коей скрыто владеет Восток»*, писал он в 1927 г. бурятскому ученому Г. Цыбикову. По своему неведению большевики ломают *«коренной быт»* азиатских народов, оказываясь тем самым *«в одном ряду среди западных угнетателей Востока»*. А между тем *«учение марксизма об основной мировой субстанции, о «материи», родственно учению Дюнхор»*, доказывал он¹.

В том, что А.В. Барченко пытался заинтересовать своими опытами правительственные структуры, ничего удивительного, конечно, нет. Удивительно здесь другое: та легкость, с какой фантастические прожекты А.В. Барченко нашли живой отклик в правительственных структурах молодой Советской республики, и в первую очередь — в ОГПУ.

Одной из причин пристального внимания чекистов к А.В. Барченко являлись, несомненно, установленные им в 1923 году связи с так называемым «Великим братством Азии», объединившим ряд мистических течений Востока, с представителями которого Хаяном Хирвой и Нага Навеном он встречался в этом же году в Ленинграде. За всем этим стояла большая политика, поскольку, в отличие от далай-ламы, ориентировавшегося на англичан, духовный лидер Тибета Панчен-Богдо и ламство Западного Тибета обнаруживали стремление к сближению с СССР. *«Из совещаний с Нага Навеном, — показывал в 1937 году А.В. Барченко, — я получил от последнего санкцию на сообщение большевикам моих мистических изысканий в области древней науки через специально созданную группу коммунистов и на установление*

¹ Андреев А. И. От Байкала до священной Лхасы. СПб. — Прага — Самара, 1997. С. 244—245.

контактов Советского правительства с Шамбалой. От Нага Навена я получил также указание на желательность созыва в Москве съезда мистических объединений Востока и на возможность этим путем координировать шаги Коминтерна с тактикой выступлений всех мистических течений Востока, которыми, в частности, являются: гандизм в Индии, шейхизм в Азии и Африке»¹.

В общем, повторим, это была большая политика, суть которой, говоря словами А.В. Барченко, заключалась в том, чтобы при помощи ряда мистических сообществ, традиционно пользующихся авторитетом на Азиатском континенте, «добиться этим путем изменения политического курса и прорыва революционной базы на Восток»². Яснее, пожалуй, и не скажешь. В Москве А.В. Барченко призывал советское руководство повернуться лицом к Востоку. У Востока, заявлял он, свой путь развития, путь эволюции и бескровного разрешения социальных противоречий на основе овладения наследством древней науки, якобы уцелевшей в Шамбале.

Трудно сказать, насколько искренен был А.В. Барченко. Что касается советских руководителей, то единственное, чем их могли привлечь идеи А.В. Барченко, — так это возможностью «разбудить Азию» в свете господствовавшей тогда среди них идеи мировой революции. Поскольку на рабочих в странах Востока особенно рассчитывать не приходилось, для целей этих, в принципе, могли пригодиться и мистики. Важное место в этих планах отводилось, в частности, Индии и Афганистану. «Я ориентировал, — отмечал А.В. Барченко, — правительственные круги на Ага-хана, главу исмаилитов — президента Всеиндийской лиги мусульман, как на хранителя революционных традиций Востока».

С целью установления тесных связей с исмаилитами, при ближайшем участии Г.И. Бокия, А.В. Барченко была подготовлена в 1925 году экспедиция в Афганистан. Благо-

¹ Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. СПб. — Прага — Самара, 1997. С. 369.

² Там же. С. 370.

даря хлопотам Г.И. Бокия удалось добиться солидных ассигнований как на эту, так и на монголо-тибетскую экспедицию в размере 100 тыс. рублей золотом. Комиссаром экспедиции, т. е. главной деловой фигурой, предполагалось назначить уже известного нам графолога и чекиста К.К. Владимирова. Но, подумав, Г.И. Бокий отдал предпочтение кандидатуре знаменитого чекиста, убийцы германского посла в России графа Мирбаха Якова Блюмкина. Ободренные этим, члены кружка А.В. Барченко — жены Наталья и Ольга, личный секретарь Юлия Струтинская, а также Лидия Шишелова и А.А. Кондяин всерьез стали готовиться к ней: учили восточные языки и занимались верховой ездой. Среди других предполагаемых членов экспедиции значился и член «Единого Трудового Братства», выпускник Института живых восточных языков, референт НКВД Владимир Королев, которому в связи с этим срочно пришлось пройти курс верховой езды. Сам А.В. Барченко усиленно изучал английский язык и урду. Основной базой подготовки экспедиции стал особняк М. Измайлова между подмосковными селами Быково и Верея¹.

Дело оставалось за малым: согласовать этот вопрос с народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным. К этому же времени относятся тесные контакты А.В. Барченко с крупным советским чиновником Владимиром Ивановичем Забрежневым — масоном «Великого Востока Франции». *«Между прочим, — показывал А.В. Барченко в 1937 году, — Забрежнев писал обо мне Чичерину перед тем, как подготавливалась моя экспедиция в Афганистан. В беседе со мной Чичерин упоминал, что он получил это письмо от Забрежнева»*². *Что связывало этих людей, становится ясным из оброненного А.В. Барченко в ходе следствия замечания о Г.В. Чичерине как «старом члене «Великого Востока Франции»*³.

Что же касается Владимира Ивановича Забрежнева, то

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 201.

² Там же. С. 362.

³ Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 41.

он, как оказывается, контактировал в 1920-х годах со многими оккультистами и масонами. Стоит поэтому остановиться на его биографии поподробнее.

Настоящая фамилия этого человека — Федоров. Родился он 28 марта 1884 года в городе Черкассы Киевской губернии в семье мещанина Ивана Тимофеевича Федорова и законной супруги его Александры Петровны (оба православного вероисповедания)¹. Однако таинство крещения совершено было не в Черкассах, а в Троицкой церкви села Заливанщина Винницкого уезда. Не исключено поэтому, что подлинным местом рождения нашего героя могло быть именно это село. После окончания в 1906 году Немировской гимназии он в том же году поступает на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Однако университет окончить не успел, увлекшись революционным движением, и за невзнос платы за обучение с осенней половины 1909 года постановлением правления университета от 22 июня 1910 года был уволен из него².

Видный анархист. С 1912 по 1917 год — в эмиграции, где и был посвящен в одной из лож «Великого Востока Франции». После возвращения в 1917 году в Россию — личный секретарь министра продовольствия Временного правительства А.В. Пошехонова, редактор анархистской газеты «Голос Труда». Перешел на сторону большевиков и был отправлен по решению ЦК РКП(б) в 1919 году в качестве сотрудника иностранного отдела РОСТА со спецзаданием во Францию и Германию. В 1921—1922 гг. — завотделом печати НКВД, в 1922—1923 гг. — начальник Научно-технического отдела ОГПУ. Параллельно с этим в 1924 — 1926 гг. учился на медицинском факультете Первого Московского университета и в аспирантуре Института экспериментальной психологии. В 1926—1927 гг. — в составе советской торгово-дипломатической миссии в Западном Китае (Урумчи). В 1928—1929 гг. работал в «Антиквариате», принимал

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 138, д. 45556 (личное дело студента Федорова Владимира Ивановича), л. 6.

² Там же. Л.1.

участие в продаже русских культурных ценностей за границу. В 1930—1932 гг. — замдиректора Института мозга и Института им. Лесгафта в Ленинграде. В 1932—1938 гг. — цензор иностранного отдела Леноблглавлита. Арестовали В.И. Забрежнева в августе 1938 года, в том же году он был расстрелян.

Интерес В.И. Забрежнева к А.В. Барченко не был случайным, так как оба они не только были тесно связаны с ОГПУ, но и проявляли неподдельный интерес к тайному знанию. В частности, В.И. Забрежнев известен не только как способный администратор, но и как автор ряда опубликованных в 1920-е годы работ по гипнологии и методам психического воздействия на человека¹.

Организованная не без помощи В.И. Забрежнева беседа А.В. Барченко и Г.В. Чичерина состоялась 31 июля 1925 года. Высказав свое категорическое «нет» разрабатываемым А.В. Барченко планам экспедиции в Афганистан (Наркоминдел явно не хотел дразнить окопавшихся там англичан), Г.И. Чичерин был, казалось бы, не против экспедиции в Лхасу (Тибет). *«Я, разумеется, убежден, что никакой богатейшей культуры в доисторические времена не существовало, но исходя из того, что лишняя поездка в Лхасу может в небольшой степени укрепить связи, создающиеся у нас с Тибетом»*, — заявил он в своей записке в Политбюро ЦК ВКП(б)².

Однако и этой экспедиции не суждено было состояться. Вместо А.В. Барченко Г.В. Чичерин решил поддержать экспедицию в Лхасу успешного побывать у него до А.В. Барченко также связанного с ОГПУ³ американского гражданина русского происхождения, известного художника и философа Николая Константиновича Рериха (1874 — 1947).

¹ Андреев А. И. Время Шамбалы. Окультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 359—360.

² Там же. С. 152.

³ Там же. С. 189.

2. «ВЕЛИКИЙ ПЛАН» Н.К. РЕРИХА

С именем Н.К. Рериха связана она из самых крупных операций советских чекистов на оккультно-мистическом фронте в интересах Советского государства. Но сначала о самом Николае Константиновиче. Родился он 27 сентября 1874 года в Санкт-Петербурге в семье нотариуса. Отец его владел юридической конторой на Васильевском острове. Уже в детские годы Николай Константинович проявил большие способности к рисованию. Однако по настоянию отца после окончания в 1893 году гимназии девятнадцатилетний юноша оказался все же не в Академии художеств, а на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Но своего увлечения живописью Николай Константинович не оставил и после окончания университета закончил все-таки и Академию художеств. Уже первая самостоятельная картина Н.К. Рериха — «Гонец» — была приобретена самим П.М. Третьяковым. В 1909 году в Петербурге началось строительство буддийского храма, посвященного культу Калачакры-Тантры, смыслом которого является учение о Шамбале. Неудивительно, что серьезно увлекшийся к этому времени теософией Николай Константинович тут же вызвался расписать витражи кумирни. Развитию мистического умонастроения Николая Константиновича во многом способствовала его женитьба в 1901 году на дочери петербургского архитектора Елене Ивановне Шапошниковой. Брак этот вполне можно было бы назвать счастливым (в семье Рерихов было двое сыновей — Юрий и Святослав), если бы не истерический характер, частые эпилептические припадки и ярко выраженный мистицизм Елены Ивановны. Впрочем, склонность к мистицизму проявлял и сам Николай Константинович, и в этом смысле супруги были идеальной парой. К 1917 году Н.К. Рерих был уже известным художником, сочетавшим собственно творческую деятельность с деятельностью общественной как председатель творческого объединения «Мир искусства» и секретарь Общества поощрения художников.

Крайне подозрительным и странным в этой связи выглядит неожиданный отъезд Николая Константиновича вместе с семьей в конце 1916 года из Петербурга — отъезд, больше похожий на бегство. Причем не куда-нибудь, а в самую глушь — в финский городок Юхнилахти. Правда, сам художник уверял своих друзей, что все дело в перенесенном им год назад воспалении легких, которые он таким вот оригинальным образом решил укрепить на финском морозе и в финских снегах. На самом деле, как полагает современный исследователь Олег Шишкин, причина столь спешного отъезда Н.К. Рериха из Петербурга была совсем другой. *«Как и множество петроградских розенкрейцеров, Рерих был посвящен в тайну этой ночи (с 16 на 17 декабря 1916 года. — В.Б.). Его хорошие знакомые: великий князь Александр Михайлович — мэтр-венеральбл ложи «Нептун» и доктор Рябинин (Константин Николаевич. — В.Б.), член этой ложи, были вовлечены в убийство Распутина. Александр Михайлович был тестем Феликса Юсупова, а Рябинин — его врачом-психиатром. Феликс попросил доктора загипнотизировать его перед покушением, так как боялся, что не выдержит ошеломительного взгляда старца»¹.*

Так это было или не так — сказать сегодня наверняка нельзя. Во всяком случае в Петроград Николай Константинович больше уже не вернулся. Воспользовавшись открытием в Стокгольме своей выставки картин, он в 1918 году уехал в Швецию, а уже оттуда через год в Англию. Зная о мистическом умонастроении четы Рерихов, не приходится удивляться, что их лондонская квартира быстро превратилась в центр небольшого эзотерического кружка. Здесь же, в Лондоне, в июле 1920 года Н.К. Рерих и Елена Ивановна получили дипломы членов Теософского общества. Здесь же 24 марта 1920 года произошло и прямо, можно сказать, знаменательное событие в жизни Рерихов: их неожиданная «встреча» с гималайскими махатмами («махатма» в переводе с хинди означает «великая душа») — так в Индии называют

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 39.

людей, достигших высших ступеней духовного развития. *«Живут махатмы, — как уверял своих последователей Н.К. Рерих, — в Шамбале — прекрасной горной долине с субтропической растительностью, окруженной со всех сторон неприступными хребтами Гималаев»*¹. А дальше уже начинается самая настоящая мистика: сначала при помощи телепатии страдающая эпилептическими припадками Елена Ивановна, а затем уже и сам Николай Константинович стали регулярно получать «послания» от «махатм». Регулярными становятся с этого времени и личные встречи художника с великими Учителями (махатмами), живущими небольшой общиной («Белое братство») в Шамбале. Причем не только на «тонком», так сказать, плане — через «каналы астрального мира», но и в плане реальном, физическом.

Получив таким образом в лице «махатм» и их посланий мощную интеллектуальную поддержку, Н.К. Рерих развивает в 1920-е годы активную литературную деятельность. Одна за другой выходят в свет его работы: «Новая этика», «Зов» (1924), «Озарение» (1925), «Община» (1926), «Агни-йога» (1929), заложившие основы оккультно-философской доктрины Н.К. Рериха, сложившейся под воздействием учения Е.П. Блаватской.

Человек, утверждал Н.К. Рерих, приходит в наш земной мир не один, а много раз. Умирает только тело человека, дух же его бессмертен, и через некоторое время он обязательно опять появляется на земле, но уже в новом физическом теле или облиции. Происходит процесс так называемой реинкарнации, или перевоплощения. Цепь таких перевоплощений, в принципе, бесконечна, что открывает перед человеком возможности совершенствования своих духовных и нравственных качеств от одной реинкарнации к другой, до тех пор пока он не превратится в человека совершенного или богочеловека. Живым воплощением достижения человеком вершин духовно-этического и интеллектуального совер-

¹ Декроа М. Тибетские странствования полковника Кордашевского. СПб., 1990. С. 217.

шенства Н.К. Рерих и считал так называемое «Белое братство» духовных учителей человечества — представителей некой древней цивилизации, ныне исчезнувшей. Эти люди — архаты, или мудрецы, — в процессе реинкарнации сумели намного опередить современных людей в овладении тайнами природы и духа. Несмотря на уединенную, замкнутую жизнь братства в Шамбале, члены его, утверждал Н.К. Рерих, полны желания все-таки помочь человечеству и время от времени либо сами, либо через своих представителей появляются среди людей, чтобы объявить им свет истины. Вот за таких посланников «Белого братства» Шамбалы на земле, несущих свет истины заблудшему человечеству, и стали выдавать себя с начала 1920 г. К.Н. и Е.И. Рерих¹. В этом они видели свою миссию на земле.

Неудивительно поэтому, что вместо того, чтобы отправиться по приглашению руководителей Теософского общества в его штаб-квартиру в городе Адьяр (Индия), Н.К. и Е.И. Рерих по зову своих духовных учителей сели на пароход и уже в октябре 1920 года были в США. Е.П. Блаватская, напомним, в свое время тоже отправилась из Парижа в Америку по совету «махатм». Теперь этот же нехитрый трюк использовал Рерих. На самом деле, как полагает О.А. Шишкин, в Америку Н.К. Рериха направили не таинственные «махатмы», а ОГПУ. *«Правительство США должно было признать Советскую Россию, — пишет он. — Для этого годились любые средства, любые деньги и любые фокусы. Над этим уже бились лучшие умы Коминтерна и ВЧК. Леонид Красин, всесильный эмиссар Ленина, вручил полномочия и бриллианты»*². Что касается бриллиантов, то это вопрос далеко не бесспорный. А вот встреча Н.К. Рериха с прибывшим в Лондон 30 мая 1920 года, то есть накануне его отъезда в Америку, руководителем советской дипломатической миссии Л.Б. Красиным, действительный факт, и полностью ис-

¹ Беликов П. Ф. Рерих: опыт духовной биографии. Новосибирск, 1994. С. 236—262.

² Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 63.

ключить предположение, что именно в ходе этой встречи и было принято решение о поездке Н.К. Рериха в США, конечно же, нельзя.

Как и в Лондоне, по прибытии в Нью-Йорк вокруг четы Рерихов сразу же образовался оккультный кружок: супруги Морис и Зинаида Лихтман, солистка Чикагской оперы Мери Гарден и др. Сам Николай Константинович тут же установил тесные контакты с ведущими оккультно-мистическими центрами США: «Храм человечества», «Древний и мистический орден Розы и Креста» и другими¹. Что касается мистического кружка Н.К. Рериха, то он послужил ему основой для создания своего розенкрейцерского ордена в США «Будды Всепобеждающего». На устраиваемых Рерихами спиритических сеансах Николай Константинович запросто устанавливал телепатическую связь с махатмами Морией и Кут Хуми. Напомним, что еще до него с этими же махатмами весьма активно общалась Е.П. Блаватская, так что оригинальным здесь Рерих не был.

Дальше — больше. Уже через несколько месяцев Рерихи уверенно заявили о себе как о непосредственных учениках махатмы Мории, который-де и направил их в Америку со специальной миссией, не поясняя, впрочем, с какой именно². Однако скоро ситуация с преображением Рериха из простого смертного в живого бога стала проясняться. Дело в том, что в 1921—1922 гг. среди американских друзей Н.К. Рериха появились: миллионер и филантроп Чарльз Крейн, государственный секретарь США в 1922—1929 гг. Френк Бил и сенатор-республиканец Чарльз-Уильям Бора — председатель сенатской комиссии по иностранным делам. В Америке Бора считался либералом и носился с идеей признания правительством Соединенных Штатов власти большевиков в России. Конфиденциальная встреча между ним и Н.К. Рерихом на квартире еще одного знакомого художника, Хорша, зафиксирована в мемуарах деятельного члена

¹ Рерих Е. И. Письма. М., 1999. С. 30.

² Фосдик (Лихтман) З. Г. Мои учителя. М., 1998. С. 14—15.

рериховского кружка Зинаиды Лихтман (Фосдик). «В 1922 году, — пишет она, — присутствовала на встрече Рериха с одним из возможных кандидатов на пост президента от республиканской партии. Это был человек выдающегося ума, лишенный обычного для того времени предубеждения против советского строя. Помню, с каким сочувствием отнесся он к программе, которая, по мнению Рериха, могла бы иметь самые благие последствия для мира. А пункты этой программы были: признание советской страны, сотрудничество с нею, тесный экономический и политический союз. Осуществись эта программа, и многое в нашей жизни пошло бы по-другому»¹.

Однако наиболее близкие отношения сложились у Н.К. Рериха и его супруги с миллионером и филантропом, чикагским маклером, переехавшим в Нью-Йорк, Луисом Хоршем (Леви) и его супругой. Именно на деньги Хорша и содержались учрежденные Н.К. Рерихом в Нью-Йорке Школа объединенных искусств и выставочный центр «Корона Мунди». На самом деле этот экстравагантный человек, как установил Олег Шишкин, был негласным представителем ВЧК — ОГПУ в Соединенных Штатах под агентурной кличкой «Буддист»². Именно Луису Хоршу, видимо, и принадлежит первоначальная идея объявления мало кому известного художника из русских эмигрантов по фамилии Рерих «живым богом» — новым воплощением далай-ламы. Во всяком случае, уже во время своей «телепатической связи» с махатмой Морией 29 июня 1922 года Николай Константинович неожиданно узнал, что, оказывается, в прошлой своей жизни он бы не кем иным, как далай-ламой и теперь ему якобы предстоит новая миссия. На этот раз в России. Во время последующих спиритических сеансов махатмы сообщили ему (послания от них Николай Константинович записывал сам, находясь в состоянии транса, при этом несколько отворачивая, по свидетельству присутству-

¹ Сидоров В. По маршруту Рериха. М., 1979. С. 36.

² Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003, С. 68—69.

ющих, голову в сторону или загораживая глаза ладонью), что в прошлой жизни он был, оказывается, не только далай-ламой, о чем все уже знали, но еще и древнееврейским пророком Амосом. Воспользовавшись этим сообщением, Николай Константинович тут же отправляет свое послание в хасидское общество Амоса в Америке с предложением о своем немедленном почитании¹. Что ответили ему хасиды, история умалчивает.

«Н.К., — читаем мы в дневнике З. Фосдик от 29 июля 1922 г., — воплощение пятого далай-ламы. Н.К. добровольно воплотился после того, как был далай-ламой в Тибете, — сказал М.М. (махатма Мория. — В.Б.). Он — великая душа, и у него громадная миссия в России будущего»². Все дело, однако, было в том, что далай-лама у буддистов уже был, но и это не смутило Николая Константиновича, тут же объявившего себя далай-ламой не всех буддистов, а только буддистов западных, то есть белых американцев. Конечно же, рассчитывать на свое признание в собственно буддийском мире даже в таком качестве Н.К. Рерих, как самозванец, не мог. Но это ему было и не нужно. Во всяком случае, объявив себя далай-ламой, Рерих тут же спешно учреждает в 1923 году новую мистическую структуру — «Всемирный союз западных буддистов», во главе которого со степенью «Владыка Шамбалы» он, естественно, поставил самого себя. Понятно, что Владыке Шамбалы не пристало находиться слишком далеко от своих гималайских владений. Так у Н.К. Рериха родилась смутная мысль об организации некоего «посольства западных буддистов» в Лхасу, т. е. к буддистам восточным. Цель задуманной Н.К. Рерихом и его покровителями миссии в Тибет состояла в объединении западных, т. е. прежде всего американских, и восточных буддистов под высокой рукой далай-ламы³. Некоторое представление о том, как рождался или, вернее, созревал план

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 68.

² Фосдик (Лихтман) З. Г. Мои учителя. М., 1998. С. 177.

³ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 343.

этой гималайской экспедиции, дает дневник ученицы Н.К. Рериха Зинаиды Лихтман. *«Елена Ивановна рассказала, — читаем мы в записи за 21 декабря 1922 года, — что у них был накануне сеанс (спиритический. — В.Б.), и им было сказано, как они поедут посольством к далай-ламе, и у нашего посла знак Малой Медведицы на щеке (бородавки, образующие в точности это созвездие). Также нам было сказано, что рука М. (махатмы Мория. — В.Б.) опустится на их плечи, когда посольство будет у далай-ламы, и Щит засверкает над ними»¹.*

В конечном счете духовные искания супругов и их американского (в значительной части, как это выясняется теперь, ОГПУ-шного) окружения вылились в так называемый «Великий огэпэу план» Н.К. Рериха, ставивший своей целью объединение буддийских народов Азии именем будущего Будды—Майтрейи в единое буддо-коммунистическое государство — Священный Союз Востока. Краеугольным камнем, положенным в основу этого государства, должна была стать разработанная Н.К. Рерихом идея «Мировой Общины», органично сочетающей в себе элементы как буддийского, так и коммунистического учений, — идея, на которую, собственно, и купились патронировавшие Н.К. Рериха большевики из ОГПУ и Наркоминдела. *«Каждое столетие, — разъяснял ученикам Николай Константинович, — архаты делают попытку просветить мир Общиною. Но ни одна из этих попыток до сих пор не удалась. Неудача следовала за неудачей. Сказано: до тех пор, пока Лама не родится в западном теле и не явится как духовный завоеватель для разрушения векового невежества, до тех пор будет мало успеха в рассеянии козней Запада»². «Просветить мир Общиною», объединив предварительно буддийские народы в борьбе с «рассеянием козней Запада» на основе реформированного предварительно в коммунистическом духе их традиционно-*

¹ Фосдик (Лихтман) З. Г. Мой учителя. М., 1998. С. 143.

² Рерих Н. К. Алтай — Гималаи. Рига, 1992. С. 36.

го вероучения, — таковы были предложения Н.К. Рериха большевикам.

В условиях практически полного отсутствия в Индии и Тибете главного двигателя «мировой революции» — рабочего класса предложить что-либо другое для того, чтобы «разбудить Азию» (а именно такова была цель большевиков в этом регионе), было едва ли возможно. Другими словами, предложения Н.К. Рериха были таковы, что от них трудно было отказаться. Н.К. Рерих был, несомненно, очень умным человеком.

Первым практическим шагом на пути воплощения «Великого плана» в жизнь стала подготовка Н.К. Рерихом своей так называемой «Трансгималайской экспедиции». Началась она с прибытия Н.К. Рериха 30 сентября в Бомбей. Однако на пути в Индию, когда Рерихи находились еще в Париже, 5 сентября 1923 года на их имя пришла странная посылка с неким камнем, по всей видимости осколком метеорита. Этому камню супруги сразу же придали мистическое значение, выдав его за подарок махатм — «камень Чинта-Мани» («мыслящий камень»). Основная часть этого камня, упавшего на Землю в далекие времена из созвездия Орион, находится в легендарной Шамбале. То, что удалось заполучить Рерихам, — это всего лишь небольшая часть его, осколок целого. Но и он, учил Н.К. Рерих, способен творить чудеса, так как обладает необычными энергетическими способностями в виде излучений, позитивно влияющих на сознание и способности как отдельных личностей, им обладающих, так и тех стран и народов, на территории которых он находится.

Не воспользоваться «подарком махатм» перед трудным и опасным путешествием в Гималаи было бы грешно. Н.К. Рерих и воспользовался, и с этого времени таинственный «огненный камень» становится непременным атрибутом его Трансгималайской экспедиции.

Отправившись из Бомбея на север Индии, Н.К. Рерих поселился здесь с семьей на плантаторской даче в Талай-

Пхо-Бранг. Здесь он начинает разыгрывать перед местными жителями и буддийскими монахами роль реинкарнированного далай-ламы пятого, умершего около 250 лет назад. Поразительно, но факт — Н.К. Рерих сумел-таки добиться того, что в апреле 1924 года группа монахов из монастыря Морулинг, по известным уже нам приметам (бородавки на щеке, образующие созвездие Малой Медведицы), все-таки признала в нем покойного далай-ламу. Стараясь быть более убедительным в этой новой для себя роли, Н.К. Рерих тут же заказывает себе и соответствующее облачение далай-ламы и уже больше не выходит из этой роли. Себя же с этого времени он начинает именовать не иначе, как Рита-Регден (царь Шамбалы)¹.

В Индии Н.К. Рерих задержался, впрочем, недолго и уже 24 октября 1924 года возвратился в Нью-Йорк. Причины этого неожиданного вояжа не вполне ясны. Олег Шишкин полагает, что его блицвизит в Соединенные Штаты был связан, главным образом, с отработыванием различных схем поступления денег на его Трансгималайскую экспедицию². Как бы то ни было, уже в декабре 1924 года Н.К. Рерих возвратился в Европу. Здесь, в Берлине, его уже ожидали полпред Советской республики в Германии Николай Николаевич Крестинский и секретный агент ОГПУ, работавший под «крышей» полпредства, Георгий Астахов³. Характерна в этой связи депеша наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина в советское полпредство в Берлине от 1 марта 1925 г. *«Товарищу Крестинскому. Уважаемый товарищ! Пожалуйста, не упускайте из вида того полубуддиста-полукоммуниста, о котором вы в свое время писали и который в связи с товарищем Астаховым. У нас до сих пор не было такого серьезного мостка в эти столь важные центры. Ни в коем случае нельзя потерять эту возможность. Как мы ее ис-*

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 139.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 153.

пользуем — это потребует весьма серьезного обсуждения и подготовки»¹

Уладив таким образом все свои финансовые и политико-дипломатические проблемы, 25 декабря 1924 г. Н.К. Рерих сел на пароход «Катори-мару», который доставил его в Индию, где он наконец-то опять соединился с уже заждавшимися его женой и сыном. Прошло, однако, еще целых пять месяцев, прежде чем британские власти дали разрешение (май 1925 г.) на прохождение экспедиции по северным территориям Индии и Малому Тибету (Ладакху). В путь, однако, из Гулмарга тронулись только 8 августа. 26 августа 1925 г. экспедиция была уже в Лехе — столице княжества Ладакх. 17 сентября под видом благочестивого буддийского монаха на встречу с Н.К. Рерихом прибыл резидент ОГПУ, известный чекист Яков Блюмкин². Переговорив с ним, Рерих и его спутники продолжили путь к перевалу Кардонг. Перевалив через него, они взяли курс на Хотан и уже 14 октября въехали в его ворота. Здесь экспедиция неожиданно была надолго задержана правителем Хотана Ма Джэнем и в Кашгар вследствие этого прибыла только 13 февраля 1926 г. Следующим пунктом экспедиции Н.К. Рериха стала столица Западного Китая (Синьцзян) — город Урумчи, куда он и прибыл в начале апреля. Здесь 17 апреля 1926 г. Н.К. Рерих имел конфиденциальную встречу с резидентом ОГПУ в Западном Китае, Генеральным консулом СССР в Урумчи Александром Ефимовичем Быстровым³. О содержании этой беседы мы ничего не знаем. Но вот о содержании их последующего неофициального разговора, состоявшегося 19 апреля, хорошо известно из дневника самого А.Е. Быстрова. *«Сегодня приходил ко мне Рерих с женой и сыном. Рассказывал много интересного из своих путешествий. По их рассказам, они изучают буддизм, связаны с махатмами, очень*

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 160.

² Там же. С. 211.

³ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 199.

часто получают от махатм директивы, что нужно делать. Между прочим, они заявили, что везут письма махатм на имя тт. Чичерина и Сталина. Задачей махатм будто бы является объединение буддизма с коммунизмом и создание Великого Восточного Союза Республик. Среди тибетцев и индусов-буддистов ходит поверье (пророчество) о том, что освобождение их от иностранного ига придет из России, от красных (Северная Красная Шамбала). Рерихи везут в Москву несколько пророчеств такого рода. Из слов Рериха можно понять, что их поездки по Индии, Тибету и Западному Китаю — выполнение задач «махатм», и для выполнения задачи «махатм» они должны направиться в СССР, а потом якобы в Монголию, где они должны связаться с бежавшим из Тибета в Китай Таши-ламой (помощником далай-ламы по духовной части) и вытащить его в Монголию, а уже оттуда двинуться духовным шествием для освобождения Тибета от ига англичан¹.

Контакт Н.К. Рериха с резидентом ОГПУ в Урумчи товарищем Быстровым был настолько плотным, что здесь же 8 мая 1926 года он написал свое знаменитое завещание. «Настоящим завещаю, — читаем мы здесь, — все мое имущество, картины, литературные права, как и шеры американских корпораций, в пожизненное пользование жене моей Елене Ивановне Рерих. После же ее все указанное имущество завещаю Всесоюзной Коммунистической партии. Единственная просьба, чтобы предметам искусства было дано должное место, соответствующее высоким задачам коммунизма. Этим завещанием отменяются все ранее написанные. Прошу товарища Г.В. Чичерина, И.В. Сталина и А.Е. Быстрова, или кого они укажут, распорядиться настоящим завещанием.

Художник Николай Рерих.

Собственноручная подпись художника Николая Рериха совершена в нашем присутствии.

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 145—146.

Драгоман Генерального консульства СССР в Урумчи А. Зинькевич.

Делопроизводитель Генерального консульства в Урумчи З. Яковлева.

Настоящее завещание художника Николая Рериха явлено в Генеральном консульстве СССР в Урумчи 8 мая 1926 года и записано в книгу духовных завещаний под № 1.

Консульский сбор по ст. 13 в сумме 17 лан 64 фына и 10 проц., т. е. 1 лан 76 фын в пользу РОКК, а всего девятнадцать лан 40 фын (19 лан 40 фын) взысканы по квитанции № 108.

Секретарь Генерального консульства СССР в Урумчи П. Плотников»¹.

«Этот удивительный документ, — пишет в связи с этим Олег Шишкин, — адресован компартии, а если быть более точным, ее ЦК, чьим непосредственным представителем является Блюмкин, ушедший за кордон по благословению Спецотдела, подчинявшегося непосредственно ЦК. Любопытно и то, что одним из душеприказчиков Рериха, помимо Чичерина и Сталина, упомянут резидент ОГПУ Быстров. А секретарь Плотников, фиксирующий документ, находится в непосредственном подчинении Быстрова и также является сотрудником резидентуры. Донесения, подписанные Быстровым и Плотниковым, хранятся в Российском государственном военном архиве.

Кроме того, была договоренность о том, что через 10 лет (включая 1926 год) Рерихи вернутся в СССР с результатами исследований. Речь шла о 1935 году.

Завещание было составлено в трех экземплярах. Один из них оставался у Рериха. Судьба двух других необычайно любопытна.

7 сентября 1926 года Быстров переслал их заместителю председателя ОГПУ, начальнику Иностранного отдела Трилиссеру. Один экземпляр начальник ИНО оставил в главке, а вто-

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 249.

рой переслал в Нью-Йорк, Буддисту. Вместе с инструкцией на случай непредвиденных обстоятельств — деньги под экспедицию давались нешуточные»¹.

Современные последователи Н.К. Рериха оправдывают поступок своего кумира тем, что он якобы вынужден был подписать этот скандальный документ из страха погибнуть от рук чекистов. Мы же считаем более правдоподобной версию Олега Шишкина. Суть ее состоит в том, что этим документом Н.К. Рерих *«полностью и сознательно отдает себя в руки ЦК, НКВД и ОГПУ, т. е. трем основным организациям, ведущим разведку вне пределов СССР. В этом и суть секретности завещания»*. До этого, по мнению О.А. Шишкина, Н.К. Рерих выполнял лишь эпизодические поручения ОГПУ. Теперь его сотрудничество с этим учреждением перешло в новую фазу².

16 мая 1926 года экспедиция покинула Урумчи. Путь ее лежал по направлению к границе Союза Советских Социалистических Республик. 17 мая Н.К. Рерих и его спутники пересекли наконец границу и двинулись в Омск. Обеспечение безопасности Н.К. Рериха и сохранение режима секретности его поездки полностью взяло на себя ОГПУ³.

В столицу поездом Омск — Москва Рерихи прибыли 13 июня 1926 года. Здесь, на Казанском вокзале, Рерихов и сопровождающего их чекиста Я.Г. Блюмкина ждали сотрудники оперативного отдела ОГПУ. Елена Ивановна и ее сын Юрий были направлены в гостевые номера НКВД в «Метрополе». Что же касается Н.К. Рериха и Я.Г. Блюмкина, то они сразу же оказались на Лубянке, где были тепло встречены начальником Иностранного отдела ОГПУ Михаилом Трилиссером, Генрихом Ягодой, Вячеславом Менжинским и другими чекистами. Здесь же состоялось и знакомство Н.К. Рериха с начальником отделения разведотдела штаба РККА Борисом Мельниковым и начальником Спецотдела

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 250.

² Там же. С. 252.

³ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи. М., 1974. С. 237.

Глебом Ивановичем Бокием. А уже тот свел его с А.В. Барченко. Побывал Н.К. Рерих и на квартире у наркома просвещения А.В. Луначарского, где познакомился с председателем ВЦСПС Михаилом Томским. На следующий день — новые знакомства, на этот раз с членом Политбюро Л.Б. Каменевым и его супругой Софьей Давидовной. Но все это были неофициальные встречи. Официальная же часть в форме беседы Н.К. Рериха с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным состоялась 13 июня 1926 года. В ходе ее Николай Константинович вручил наркому так называемое «послание махатм». Собственно, самих посланий было два. Первое из них было адресовано Советскому правительству.

«На Гималаях мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлющей материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага.

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, так же как мы признали своевременность вашего движения и посылаем вам всю нашу мощь, утверждая единение Азии! Знаем, многие построения свершатся в годах 28—31—36. Привет вам, ищущим Общего Блага!»¹

Что касается второго письма, то оно было адресовано лично Г.В. Чичерину и содержало ряд предложений о сотрудничестве. В частности, такого плана: «Если Советский Союз признает буддизм учением коммунизма, то наши Общины могут подать деятельную помощь, и сотни миллионов буд-

¹ Шамбала — это не миф! / Составитель Н.Е. Ковалева. М., 2002. С. 191 — 192.

дистов, рассыпанных по миру, дадут необходимую мощь неожиданности...

Нужны меры для введения мирового коммунизма как ступени неотложной эволюции»¹.

Написаны «послания махатм» были на тибетском языке. Под ними стояли подписи: Гулаб Лал Сингх и Д.М. Что касается Гулаб Лал Сингха, то о нем ничего не известно. А вот инициалы «Д.М.» — это, скорее всего псевдоним самого Николая Константиновича — «Махатма Дорджи».

Вместе с письмами Г.В. Чичерину для передачи Советскому правительству Н.К. Рерих вручил ларец из слоновой кости со священной землей. На дне ларца было написано: «Махатмы — на могилу русского махатмы». Сама земля была взята из местечка Бурхан-Булат.

После встречи с Н.К. Рерихом Г.В. Чичерин в тот же день разослал о ней информацию в Реввоенсовет, в ИНО ОГПУ, в Коминтерн и в ЦК.

«Сов. секретно. Тов. Молотову. 13 июня 1926 года.

Уважаемый товарищ, приехавший в Москву художник Рерих, большой знаток буддизма, только что объехал значительную часть Тибета и Китайского Туркестана. Он проник также в некоторые области северной Индии. Там имеются буддийские общины, отвергающие официальный ламаизм и стоящие на точке зрения первоначального учения Будды с его примитивным потребительским коммунизмом. Это способствует их симпатии к коммунистической программе и к СССР. Это обстоятельство связывается с их борьбой против поддерживающих ламаизм официальных верхов буддийских государств.

Эти буддийские общины поручили Рериху возложить на гробницу Владимира Ильича небольшой ящик с землей с того места, откуда происходит Будда. Рерих привез этот ящик и спрашивает, что с ним делать. Он предлагает передать его в Институт Ленина. Кроме того, эти буддийские общины при-

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 270.

слали письма с приветствиями Советскому государству. В этих приветствиях они выдвигают мысль о всемирном союзе между буддизмом и коммунизмом. Рерих предлагает передать эти письма также в Институт Ленина. Прилагаю переводы этих двух писем. Если б, с нашей точки зрения, было признано допустимым опубликование этих писем, то нужно будет еще выяснить у Рериха, возможно ли это с конспиративной точки зрения ввиду крайне деспотических методов английских властей в этих местах. С коммунистическим приветом, Чичерин»¹.

Приведенные документы расставляют все точки над «и» относительно характера сотрудничества Н.К. Рериха с большевиками. Нет никакого сомнения в том, что, выступив в качестве некоего посредника между виртуальными «махатмами» и Советским правительством, Николай Константинович использовал это обстоятельство для того, чтобы предложить вниманию Советского правительства свою собственную программу революционного преобразования Азии из девяти пунктов:

1. Учение Будды есть революционное движение.
2. Майтрейя является символом коммунизма.
3. Миллионы буддистов в Азии могут быть привлечены к мировому движению в поддержку идеалов Общины.
4. Основной закон или простое учение Гаутамы должно легко проникнуть в народ.
5. Европа будет потрясена союзом буддизма с ленинизмом.
6. Монголы, тибетцы и калмыки признают сроки пророчеств о Майтрейе и готовы приложить их к текущей эволюции.
7. Отъезд Таши-ламы из Тибета дает небывалый повод к выступлению на востоке.
8. Буддизм объясняет причину отрицания Бога как закономерного явления.
9. Требуется предпринять немедленные действия согласо-

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 271.

*ванно с Советским правительством, полностью учитывая местные условия и пророчества Азии*¹.

В связи с очевидными претензиями Н.К. Рериха на некую особую роль духовного вождя проектируемой коминтерновскими стратегами в Москве будущей буддо-коммунистической федерации определенного внимания заслуживает привезенная им в Москву его книга «Община»², которую он надеялся издать в СССР в качестве духовного руководства и наставления для строителей нового мира. Конечно же, работа Н.К. Рериха так и не была опубликована в СССР. Не дождался он и официального ответа от советского руководства на сделанное им от лица «махатм» предложение о сотрудничестве, хотя обещания — неофициальные, конечно, — о всяческом содействии, в первую очередь со стороны Наркоминдела и по линии ОГПУ, он, несомненно, получил.

Удовлетворительно в целом завершились и переговоры Н.К. Рериха с Главконцесскомом о получении концессии на разработку им полезных ископаемых в районе горы Белуха на Алтае. Переговоры эти с 1925 года вели деловые партнеры Н.К. Рериха, члены его кружка, уже известные нам Луис Хорш и Морис Лихтман³.

Можно ли признать переговоры Н.К. Рериха в Москве как успешные? Очевидно, что да. Во всяком случае, на большее в тех условиях рассчитывать не приходилось. Понимая это, уже 22 июля 1926 года Рерихи отправляются в обратный путь, чтобы завершить начатое — прерванную ими на время Трансгималайскую экспедицию. 25 июня 1926 года они были уже в Новосибирске. Следующим пунктом их пути стал Барнаул. Здесь, в районе Уйлона, они и разбили свой базовый лагерь. Главным занятием Н.К. Рериха здесь стали полевые исследования. К 17 августа 1926 года относится внезапное исчезновение Н.К. Рериха из ла-

¹ Росов В. А. Николай Рерих — вестник Звенигорода. Экспедиция Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. М., 2002. С. 145.

² Рерих Н. К. Семь великих тайн Космоса. М., 2001. С. 269 — 396.

³ Андреев А. И. Время Шамбалы... М., 2002. С. 313.

геря. Появился он здесь только 24 августа, объяснив озадаченным спутникам, что «уходил в Шамбалу». На самом деле, как установил О.А. Шишкин, все это время он использовал для поездки на автомобиле «Додж» и в сопровождении сотрудников ОГПУ в Пекин, куда он благополучно и прибыл 20 августа. Здесь, в одном из столичных буддийских монастырей, состоялись сверхсекретные переговоры Николая Константиновича с представителями уже проживавшего в Китае духовного лидера Тибета и ярого противника далай-ламы Таши-ламы. Другим партнером Н.К. Рериха по этим переговорам был Чан Кайши. Характерно, что Н.К. Рерих появился на переговорах в облачении далай-ламы. По-другому, впрочем, и быть не могло, ибо самовлюбленный Николай Константинович выдавал себя, как мы уже знаем, не только за предводителя и главу Всемирного союза западных буддистов, но и еще за двадцать пятого князя Шамбалы, о котором говорили, что он придет в Лхасу с севера и принесет спасение не только тибетцам, но и всему миру и станет в конце концов царем света. Так что апломб Николаю Константиновичу было не занимать.

Что касается сути переговоров, то речь на них шла о реализации идеи Н.К. Рериха и стоявших за ним ОГПУ и Коминтерна об организации скорейшего переезда Таши-ламы в Тибет. Вот как излагает план этой удивительной операции специально исследовавший этот вопрос О.А. Шишкин. *«План операции в Тибете, — пишет он, — который предлагал Рерих, выглядел так: на границе Тибета к августу 1926 года скопилось множество противников далай-ламы, ополченцев-эмигрантов. Они считали своего монарха предателем, вставшим на сторону англичан. Поддержанное китайскими отрядами Гоминьдана, это ополчение в сентябре — октябре текущего года под флагом Шамбалы и Таши-ламы могло бы двинуться в центральные районы Тибета по дороге пилигримов. Одновременно с этим из Монголии на Лхасу выйдет караван Рериха, груженный оружием и артиллерией, сопровождаемый монгольской конницей. Одновременно в Западном и Восточном Тибете вспыхнут антиправительственные восстания. Это*

связжет армейские части, посланные из Лхасы. Тайное движение каравана «американца» Рериха не позволит центральному правительству своевременно перебросить войска, сосредоточенные в основном на Востоке. По всему пути будет распространяться известие о марш-броске белого царя Шамбалы. Судьбу Лхасы решит восстание монахов трех самых крупных монастырей: Дрипунг, Сэра, Голдан. На пике восстания в столицу Тибета на «Додджах» отправится Таши-лама с отрядом его охраны. Топи болот Цайдама будут скованы морозом, и, пополнив бензином из специальных тайников грузовики, автоколонна устремится в сердце страны. Неожиданное появление Таши-ламы вызовет взрыв энтузиазма среди его сторонников, финал операции можно будет считать предрешенным¹. Подлинной же целью задуманной операции с возвращением Таши-ламы в Лхасу было, с одной стороны, желание Н.К. Рериха воцариться в качестве князя Шамбалы в Тибете, а с другой, в лице стоявших за его спиной чекистов и коминтерновцев, советизация Тибета.

24 августа, завершив переговоры, Н.К. Рерих покидает Пекин и возвращается 24 августа 1926 года к себе в лагерь, после чего, перейдя вместе со своими спутниками границу, его «художественно-археологическая» экспедиция оказалась в столице Монголии Урге. Любопытно, что, во избежание возможных неприятностей в пути, по просьбе Советского правительства экспедиция в составе самого Николая Константиновича, его жены и сына Юрия была полностью освобождена от таможенного досмотра. Заслуживает внимания и то, что, помимо экспедиционного оружия, имелась у экспедиции и валюта в размере 25 тысяч долларов наличными, что, собственно, и позволило ей в дальнейшем не только избежать целого ряда проблем по пути следования, но и сформировать из местных бурят и монголов надежную охрану².

Разрешение китайского консула на въезд в Тибет через

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 284.

² Там же. С. 289.

территорию Китая было получено только в феврале 1927 года. В марте 1927 года было получено разрешение и от тибетских властей, и только после этого, 13 апреля 1927 г., экспедиция тронулась наконец в путь. 24 апреля 1927 года она была уже в Юм-Бейсе, на крайнем юге Монголии. Тем временем 27 февраля этого же года из Риги навстречу экспедиции выехал уже известный нам Николай Викторович Кордашевский, назначенный Н.К. Рерихом начальником ее вооруженной охраны. 21 мая 1927 года он был уже в Баотоу, а через месяц или, если быть более точным, 28 июня 1927 года в сопровождении переводчика добрался до базового лагеря экспедиции Н.К. Рериха в урочище Шарагол близ Шибочена¹. Жизнь здесь текла, как оказалось, идиллическая. Елена Ивановна аккуратно записывала свои видения, доктор Константин Николаевич Рябинин следил за здоровьем членов экспедиции и тоже вел дневниковые записи², Николай Константинович писал картины, его сын Юрий занимался изучением местных наречий. А приставленные к Н.К. Рериху Я.Г. Блюмкиным агенты ОГПУ Павел Портнягин (завхоз) и Борис Панкратов (переводчик) внимательно следили за всеми, регулярно посылая через Ургу в Москву свои донесения. Н.В. Кордашевскому в этих условиях не оставалось ничего другого, как взяться за строевую подготовку монгольского отряда в двадцать с небольшим человек, охранявшего экспедицию.

В урочище Шарагол Н.К. Рерих и его спутники пробыли до 19 августа 1927 года, после чего, снявшись с места, двинулись на юг, по направлению к Лхасе. Пройдя обширную соляную пустыню Цайдам, путники уверенно продвигались к монастырю Гумбун, пока не были задержаны тибетцами на высокогорном плато Чантанг на подступах к крепости Нагчу.

Трудности, с которыми пришлось столкнуться здесь

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 317.

² Рябинин К. Н. Развенчанный Тибет. М., 1996.

экспедиции, во многом усугублялись, помимо негативного отношения к ней со стороны местных властей, еще и тем, что в октябре 1927 года из-за трений с монгольским руководством неожиданно был отозван в Москву¹ тщательно ее опекавший Яков Григорьевич Блюмкин (3 ноября 1929 года за связь с Л.Д. Троцким он уже был расстрелян). Однако главным виновником задержки экспедиции следует, видимо, признать все же британского резидента в Сиккиме Ф.М. Бейли, своевременно проинформировавшего тибетское правительство о том, что под личиной американского гражданина Н.К. Рериха на самом деле скрывается «красный русский»². С другой стороны, и тибетские власти можно понять. Так как себя, напомним, Н.К. Рерих выдавал за великого посла западных буддистов Рета Ригдена и называл не иначе, как «махатмой Дорджи» (двадцать пятый царь Шамбалы). Вследствие чего и экспедиция его могла рассматриваться буддистами как некое священное воинство, призванное очистить Лхасу от неверных, а это правителям Тибета было совсем ни к чему. Не убеждали Лхасу и заверения Н.К. Рериха, что цель его посольства исключительно мирная и заключается она, главным образом, в том, чтобы вручить далай-ламе грамоту и орден Будды Всепобеждающего.

Более того, даже с чисто внешней стороны экспедиция Н.К. Рериха под знаменем Шамбалы в виде иконы — Танги Майтрейи и под звездно-полосатым флагом Соединенных Штатов напоминала собой больше духовное шествие, чем научную экспедицию. Но была у участников экспедиции еще так называемая внутренняя духовная работа, когда на привале путники собирались в палатке Елены Ивановны и слушали пророчества своего вождя о грядущей эволюции человечества и приходе новой расы, так называемых «духовных людей», о «Мировой Общине», Майтрейе и буду-

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 363.

² Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 318.

щем мировом правительстве гималайского братства и тому подобных интересных вещах. И, конечно же, все это время и Николай Константинович, и Елена Ивановна при помощи Агни-Йоги не переставали общаться со своими «великими учителями»¹.

Конечно же, подлинные цели своей экспедиции Н.К. Рерих предпочитал до поры до времени не раскрывать. И только отчаянное положение, в котором она оказалась на высокогорном плато Чантанг, заставило его слегка приоткрыть карты. 21 октября 1927 года Н.К. Рерих вручил сопровождавшему экспедицию тибетскому офицеру следующее заявление. *«Я, Рета Ригден, являюсь главой «Всемирного Союза Западных буддистов», основание которому положено в Америке. Ради высокой задачи воссоединения западных и восточных буддистов под высокой рукой далай-ламы я, моя супруга, сын и прочий состав посольства согласились предпринять трудное и опасное путешествие из Америки через океан, пустыни и горы, через зной, стужу и все лишения в Тибет, пройдя более шестнадцати тысяч английских миль. Обдуманно пустились мы в такой опасный путь — мы запаслись тибетским паспортом — письмом к властям Нагчу и письмом к Его Святейшеству далай-ламе; оба этих документа были выданы в Урге доверенным доньером Лхасского правительства. Во всех странах мира документ, выданный консулом-доньером, обеспечивает свободный въезд в страну. На деле же оказалось, что, несмотря на оповещение о священных целях нашего посольства, мы насильственно задержаны в самых бесплодных местностях всем известного своей суровостью и вредностью климата Чантанга. Мы задыхаемся, сердечная деятельность ослаблена, и каждый день и ночь грозит неминуемая катастрофа. Вопрос идет не о простом заболевании, но о жизни или смерти. Доктор, уполномоченный американскими организациями заботиться о здоровье членов посоль-*

¹ Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 311—312.

ства, вынужден был вывести свое заключение об угрожающей нам каждый час опасности.

Вы понимаете, что гибель первого посольства Западных Буддистов навсегда разделила бы буддийский мир на две несоединимые части, и вы, как буддисты, должны понять все протекающие отсюда непоправимые последствия. Кроме того, 24 ноября по европейскому исчислению в Америке состоится Буддийский собор. Если бы к этому сроку за моей подписью не пришло бы удовлетворительное наше сообщение о возложенных на нас поручениях и о личном принятии Его Святейшеством порученных нам для личного вручения Ему Грамоты и Ордена Будды Всепобеждающего, то Буддийский собор вынужден будет принять решение об избрании самостоятельного далай-ламы буддистов Запада. Все участники нашего посольства являются горячими сторонниками объединения под рукой далай-ламы Тибета. И мы понимаем, что раздвоение буддийской мощи было бы для Тибета губительным фактом, принимая во внимание великие возможности сильного государства Америки и высокую образованность и мощь лиц, вновь примкнувших к буддизму.

А потому всякие нежелательные последствия обособления были бы для нас, как истинных буддистов, чрезвычайно прискорбны. За время нашего служения идее буддизма мы имели радость участвовать в построении крупного буддийского храма и нескольких чортенов. А в настоящее время, по нашему указанию, в Америке сооружается первый буддийский храм, посвященный Шамбале. Сохраняют о нас память, как о жертвователях, многие буддийские монастыри — Кумбун, Ташилюмпо; монастыри в Сиккиме — Гумм, Пемайандзе, Санга-Челинг, Далинг, Ташидинг и другие. В Ладаке — Маульбек, Хемп, Спитуг, а также некоторые храмы в Урге, где для пожертвованного мною изображения Владыки Шамбалы будет сооружаться особый храм. Вы, как буддисты, должны знать сроки исполнения древних пророчеств и особое значение настоящего времени. Римпоче из Чумби, благословляя в Талай-Потанге около Дарджилинга написанные по нашему заказу изо-

бражения Шамбалы и Будды Всепобеждающего, предрекал успех пути нашего служения Учению. Теперь вместо радостного оповещения об исполнении заветов Благословенного Будды о всемирном распространении Его Учения Истины мы сидим и ожидаем смерти среди вихрей и стужи Чантанга»¹.

Как и следовало ожидать, никакой реакции на декларацию Н.К. Рериха от тибетских властей так и не последовало. И ему не оставалось ничего другого, как американскому гражданину, апеллировать путем рассылки телеграмм к консулу Соединенных Штатов Америки в Калькутте. Обращался он за помощью и к английскому резиденту в Сиккиме подполковнику Бейли и даже к американскому сенату. Последнее, видимо, и решило исход дела. 17 февраля 1928 года, после четырех месяцев проволочек, экспедиция получила наконец разрешение на проход как в Лхасу, так и в Сикким. Однако, совершенно неожиданно, Н.К. Рерих в Лхасу решил не ехать, поскольку было совершенно очевидно, что признавать его за посланника никому здесь не известных западных буддистов никто не собирается.

Однако Рерих не был бы Рерихом, если бы и на этот раз не выкинул свой очередной фокус. Речь идет о таинственном «огненном камне», или осколке, который вез с собой Н.К. Рерих и который был якобы получен им от махатм как своего рода талисман — символ рождающегося нового мира. О том, какое значение придавал ему Н.К. Рерих, свидетельствует тот факт, что везли его, как самую большую святыню, в специальной шкатулке, на спине пони². О легендарном происхождении камня у нас уже шла речь. Свою миссию Николай Константинович видел в том, чтобы вернуть эту святыню на ее законное место. Но где же оно, это законное место «мыслящего камня», предвестника нового, зарождающегося мира? Ситуация прояснилась лишь тогда, когда экспедиция приблизилась к крепости Сага-

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 343—345.

² Там же. С. 353.

Дзонг и Н.К. Рерих объявил, что их караван приблизился к некоей запретной зоне — «священной долине», где расположена башня правителя Шамбалы. Доступ туда, естественно, был возможен только для избранных. К избранным он отнес самого себя, доктора К.Н. Рябинина и чекиста Бориса Панкратова. В результате экспедиция разделилась. Так называемая основная ее часть — Н.К. Кордашевский, Ю.Н. Рерих, Е.И. Рерих и Павел Портнягин двинулись по направлению к княжеству Сикким. Н.К. Рерих же со своими спутниками отправился в неизвестном направлении. Отсутствовали они почти десять дней, и в лагере экспедиции появились только 5 мая 1928 года, но уже без Бориса Панкратова¹.

Что делал и с кем встречался Н.К. Рерих во время своего очередного «ухода в Шамбалу»? Олег Шишкин полагает, что разгадку этого секрета надо искать во вспыхнувшем в августе 1928 года с подачи Москвы восстании на юге Тибета «воинов Шамбалы» против правительства далай-ламы. *«Кто-то смотрел, — пишет он, — на случившееся как на проявление всеобщего мирового хаоса. И только члены «Единого Трудового Братства» знали, что началось сражение за «территорию спасения», за «всемирный Арарат», на котором уцелеют последние пророки последней цивилизации, когда поднимутся волны нового Всемирного потопа. Кровавого потопа, неотвратимо надвигающегося на Россию»².*

Но это уже, скорее, из области догадок. Каких-либо бесспорных доказательств о прямой причастности Н.К. Рериха к восстанию «воинов Шамбалы» у нас нет. Что касается его экспедиции, то, прибыв благополучно в Сикким, она была более чем радушно встречена здесь уже поджидавшим ее английским резидентом подполковником Бейли. На этом эпопея Н.К. Рериха с его Трансгималайской экспедицией закончилась.

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 354.

² Там же. С. 356.

Главным ее итогом стало разочарование Николая Константиновича в Тибете как духовной метрополии буддизма. Разочаровался он и в московских большевиках, так и не принявших его «Великий план». Однако от идеи строительства «новой страны» он все же не отказался, но ставка теперь была сделана не на СССР, а на правительство Соединенных Штатов.

В январе 1932 года во время посещения Пекина в отеле «Де Вагон Ли» состоялась встреча Н.К. Рериха с сотрудником разведуправления Красной Армии Александром Федоровичем Гуциным, сделавшим ему официальное предложение о возвращении в СССР. Однако дальновидный Рерих неожиданно отказался от этой чести и этим, несомненно, спас себе жизнь¹.

Здесь нет необходимости останавливаться на дальнейшей судьбе Николая Константиновича, обосновавшегося во второй половине 1930-х годов вместе с семьей в живописном поместье Нагар в долине Кулу на севере Индии. Отметим лишь, что в связи с угрозой мировой войны Николаем Константиновичем срочно был разработан так называемый «пакт Рериха»², в соответствии с которым все культурные учреждения должны были быть объявлены нейтральными и требующими особого покровительства всех, в том числе и воюющих стран. Отличительным знаком таких организаций, находящихся под защитой всех цивилизованных стран, Н.К. Рерих предложил Знамя Мира — белое полотнище, на котором изображены большая красная окружность с тремя красными кругами посередине, как символы прошлого, настоящего и будущего человечества в кольце вечности и единения.

Умер Н.К. Рерих в 1948 году от рака простаты. Тело его, согласно завещанию, было подвергнуто кремации. Старший сын художника, Юрий, скончался в 1960 году. Младший, Святослав, — в 1993-м, в поместье под Банголором, в Индии. Потомства после себя ни тот, ни другой не остави-

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 360.

² Рерих Н. К. Знамя мира и культуры. Пакт Рериха. М., 1998.

ли. Все богатство семьи Рерихов — поместье, чайные плантации и 35 миллионов долларов в швейцарских банках — достались жене Святослава Рериха, бывшей танцовщице Дэвике Рани, а уже после ее смерти — личной секретарше Святослава Рериха Мэри Пунач. Учитывая болезненные оккультные увлечения главы семейства, Николая Константиновича, и его супруги, столь плачевная судьба его рода была, можно сказать, запрограммирована.

При всем критическом отношении как к самому Н.К. Рериху — на что, как мы убедились, у нас есть все основания, — так и к его оккультно-мистическому наследию («сатанизм для интеллигенции», как назвал рерихианство о. Андрей Кураев)¹, нельзя не признать, что в пантеоне российских мистиков XX века ему принадлежит одно из первых мест, наряду с именами Гурджиева, Успенского, Барченко и др.

Так что соперник А.В. Барченко попался не из слабых. Неудивительно поэтому, что он проиграл. Не столько вина, сколько беда А.В. Барченко была в том, что, в отличие от американского гражданина Н.К. Рериха, он имел советское гражданство. Кроме того, если умный и деятельный Рерих к 1926 году уже успел побывать в Тибете и даже «вышел» (правда, пока виртуально) на Шамбалу и получил послание к советскому руководству от тамошних мудрецов (какая «удача»!), то А.В. Барченко только еще собирался в Лхасу, и предъявить советскому руководству ему, по большому счету, было пока нечего.

3. «ЧЕКИСТСКАЯ ЛОЖА» В МОСКВЕ

Несмотря на отчаянные усилия Г.И. Бокия, помочь планировавшейся А.В. Барченко экспедиции он так и не смог. Экспедиция не состоялась. Вместо нее А.В. Барченко организовал в 1927 году при поддержке все того же

¹ Кураев А. В. Сатанизм для интеллигенции. О Рерихе и православии. Т. 1, 2. М., 1997.

Г.И. Бокия другую экспедицию, на этот раз в крымские пещеры. На 1929—1930 гг. приходится его следующая экспедиция — на Алтай. Цель у них была, в принципе, одна и та же — поиски следов древней культуры и установление контактов с Шамбалой и якобы находящимися там духовными учителями человечества.

Большое место в деятельности Барченко этого времени занимала практическая работа по подготовке созыва в Москве съезда религиозно-мистических сообществ России и Востока. С этой целью начиная с 1925 года им были установлены связи с хасидами, исмаилитами, мусульманскими, суфийскими дервишами, караимами, тибетскими и монгольскими ламами, а также алтайскими старообрядцами, кержаками и русской сектой голбешников. Конечно, сидя в Москве, сделать это было довольно затруднительно. Впрочем, А.В. Барченко и не сидел: *«В этих условиях, — отмечал он, — я выезжал из Москвы в разные районы Союза: в Крым, в Ленинград, на Алтай, в Уфу, в бывшую Самарскую губернию, а также в Кострому»*¹.

На все эти поездки нужны были, конечно, деньги, и немалые. Деньги давало ОГПУ. *«Денежными средствами, — рассказывал в 1937 году А.В. Барченко, — как и все мое материальное обеспечение субсидировал член группы Бокий Глеб Иванович. Начиная с 1925 года от него в общей сложности получено около 100 тысяч рублей»*².

Потерпев фиаско в своих глобальных проектах, А.В. Барченко вполне преуспел, однако, на ниве так называемых «малых дел». Речь идет об организованном им в конце 1925 года из числа сотрудников Спецотдела Г.И. Бокия небольшим мистическом кружке (следует иметь в виду, что с 1925 года А.В. Барченко жил в Москве). На первых порах в кружок входили исключительно только сотрудники ОГПУ: Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Плужников

¹ Допрос А.В. Барченко от 10 июня 1937 г. В кн.: Ш и ш к и н О. А. Битва за Гималаи. М., 1999. С. 374.

² Там же. С. 375.

и Евгений Гоппиус. Однако занятия А.В. Барченко с сотрудниками спецотдела продолжались недолго ввиду их явной неподготовленности к усвоению премудростей «Древней науки». В результате кружок распался. Тогда Г.И. Бокий решил организовать из числа своих бывших товарищей по учебе в Горном институте новое сообщество. В него, в частности, вошли инженеры М.Л. Кострикин и А.В. Миرون, замнаркоминдела Б.С. Стомоняков, зав. орграспредотделом ЦК и член оргбюро И.М. Москвин, А.Я. Сосновский. Несколько раз занятия кружка посетили работник ЦК ВКП(б) С.М. Диманштейн, инженер Ю.Н. Флаксерман и даже будущий шеф НКВД Г.Г. Ягода¹. Согласно сведениям, приводимым Олегом Шишкиным со ссылкой на устную информацию вдовы А.В. Барченко Ольги Павловны, существовал еще и некий «кремлевский кружок», где также якобы выступал Александр Васильевич по просьбе очень заинтересовавшегося его лекциями секретаря ЦИК СССР Авеля Енукидзе².

Из других членов «Братства», не входивших в его основной московский состав, Г.И. Бокий называл впоследствии в своих показаниях 1937 года ленинградцев — уже известного нам астронома А.А. Кондайна, бывшего работника наркоминдела В.И. Забрежнева (1878—1939) и известного скульптора С.Д. Меркурова³. Наиболее известной фигурой среди них был, несомненно, скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров (1881—1952)⁴. Родился он в 1881 году в городе Александрополе (позднее Ленинанкан) и был двоюродным племянником знаменитого оккультиста XX века Георгия Ивановича Гурджиева, о котором у нас уже шла речь. Учился на философском факультете Цюрихского университета и

¹ Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 155.

² Шишкин О. А. Битва за Гималаи. 2003. С. 241.

³ Из протокола допроса Г.И. Бокия от 17—18 мая 1937. В кн.: Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 214—215.

⁴ Меркуров С. Д. Записки скульптора. М., 1953.

в Академии художеств в Мюнхене, где и познакомился с масонством. Большим увлечением С.Д. Меркурова являлось снятие посмертных масок со знаменитых людей, как основы для создания бюстов и памятников им. Стоит в связи с этим заметить, что посмертные маски с Льва Николаевича Толстого, Якова Михайловича Свердлова, Владимира Ильича Ленина, Феликса Эдмундовича Дзержинского и Алексея Максимовича Горького снимал именно С.Д. Меркуров. От расстрела его спасло очевидное заступничество И.В. Сталина, так как именно С.Д. Меркуров являлся автором грандиозных гранитных монументов В.И. Ленина и И.В. Сталина у начала канала Волга — Москва (1937). После создания этих монументов тема вождей станет основной в творчестве скульптора — лауреата двух Сталинских премий. Вершиной творчества¹ С.Д. Меркурова считается скульптурная композиция «Смерть вождя» мемориала в Горках Ленинских. Работа над ней заняла у него почти 20 лет, с 1927 по 1947 год. Поскольку тело Владимира Ильича Ленина изображено здесь С.Д. Меркуровым не в традиционной для европейца одежде, а покрытым, как полагают специалисты; буддийской тогой махатм, это дает возможность некоторым исследователям² видеть в этом чуть ли не намек скульптора на причастность вождя мирового пролетариата к мистическому братству посвященных.

Непростым человеком среди членов «Единого Трудового Братства» был и Владимир Иванович Забрэжнев (настоящая фамилия Федоров). Недоучившийся студент физико-математического факультета Петербургского университета, увлекавшийся анархизмом, он рано включился в революционную борьбу, был арестован и бежал за границу, где и вступил в конце концов в масонскую ложу «Великий Восток Франции». После Октябрьской революции, как член

¹ Меркуров С. Д. Монумент И.В. Сталина. Ереван. Фотоальбом. М., 1952; Он же. Избранные произведения. Альбом. М., 1958.

² Шишкин О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 203.

ВКП(б), занимал ряд ответственных должностей, в том числе заместителя директора Государственного Эрмитажа, откуда и был перемещен в 1930 году в Институт мозга в качестве заместителя его директора. Большим увлечением В.И. Забрежнева были исследования в области гипнологии, что, вероятно, и сблизило его с Г.И. Бокием и А.В. Барченко. Расстрелян в 1939 году в Ленинграде.

Но вернемся к А.В. Барченко. Перейдя в 1925 году из Главнауки в ВСНХ, куда он был зачислен консультантом, и переселившись в Москву, А.В. Барченко продолжил здесь свои изыскания в области гелиодинамики и лекарственных растений. При помощи Г.И. Бокия им была организована секретная Нейроэнергетическая лаборатория для изучения парапсихологических феноменов, которая была вскоре передана в Московский энергетический институт, а с 1934 года находилась под крышей Всесоюзного института экспериментальной медицины. Деятельным сотрудником Нейроэнергетической лаборатории был химик Евгений Евгеньевич Гоппиус. Здесь же в качестве сотрудницы лаборатории подвизалась и ученица А.В. Барченко Лидия Шишелова. В Ленинграде в 1932 году исследованиями по мысленному внушению в Институте мозга занималась группа Л.Л. Васильева в составе пяти человек. До 1907 г. здесь же этой проблемой занимался академик В.М. Бехтерев¹.

Кроме собственно научной работы и чтения лекций для сотрудников Спецотдела, А.В. Барченко выступал в роли консультанта по парапсихологии и принимал участие в разработке метода дешифровки. Ходил он в это время в кожаной одежде и разъезжал на служебном «Паккарде», вследствие чего соседи по дому, где он жил, однозначно считали его крупным чекистом. Можно констатировать, что дела А.В. Барченко шли хорошо. Однако теория малых дел совсем не в духе А.В. Барченко. Как и всякому прожектору, ему непременно были нужны только великие дела, проек-

¹ Васильев Л. Л. Таинственные явления человеческой психики. М., 1962.

ты, так сказать, глобального, вселенского масштаба. Фанатично уверовав в легендарную Шамбалу, А.В. Барченко рассчитывал обратить в свою веру и высшее руководство СССР. «Я нерегистрированный коммунист», — утверждал А.В. Барченко (письмо к профессору Г.Ц. Цибикову от 24 марта 1928 года) и выражал чувство гордости тем, что именно его русский народ оказался впереди других народов в своей способности поднять знамя социальной революции. «Я отнюдь не настолько наивен, — отмечал он, — чтобы думать, что правящая партия в России, даже полностью убедившись в реальности и ценности Дюнхора, сразу повернет идеологический и политический руль на 180°, разорвет все отношения с Западом, займется тантрической и созерцательной тренировкой и все поиски коллективно приложимых источников энергии заменит путем индивидуального совершенствования до степени возбуждения в себе крестцового «Чакрам». Но, предвидя неизбежность столкновения в будущем культур Востока и Запада, А.В. Барченко считал необходимым «посвятить идейных руководителей России в подлинную сущность того научного богатства, которым скрытно владеет Восток»¹.

В начале 1936 года А.В. Барченко настойчиво просит Г.И. Бокия организовать ему встречу с наркомом обороны К.Е. Ворошиловым и председателем Совнаркома В.М. Молотовым. Однако Г.И. Бокий оказался куда более умен и на поводу у А.В. Барченко не пошел. Тогда тот обратился в том же году к своему старому другу, уже известному нам бывшему сотруднику ОГПУ Ф.К. Шварцу, подвизавшемуся в качестве фоторепортера «Союзфото» в Ленинграде. Шварц в просьбе не отказал, но личной встречи с К.Е. Ворошиловым добиться, естественно, не смог. Единственное, что ему удалось, так это передать тезисы доклада А.В. Барченко о «Дюнхоре» адъютанту наркома. Дошел ли он до адресата — неизвестно.

¹ Барченко А.В. — Г.Ц. Цибикову. 24 марта 1928 года. В кн.: Ш и шкин О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 350.

Ровно через год, весной 1937 года А.В. Барченко вновь вызывает Ф.К. Шварца в Москву и дает ему на этот раз еще более ответственное и опасное поручение — добиться личной встречи А.В. Барченко с самим И.В. Сталиным. На прием к вождю Ф.К. Шварц не попал, а вот внимание на себя компетентных органов, несомненно, обратил. К сожалению, исследователи, констатирующие этот факт¹, явно уходят от его оценки. А зря, так как более неадекватного восприятия советской действительности, чем поведение А.В. Барченко, трудно себе представить. В отличие от него, советские вожди фанатиками отнюдь не были и прожектеров типа А.В. Барченко раскусить могли. С одним из советских руководителей, наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, А.В. Барченко уже пришлось столкнуться, как мы помним, в 1926 году. Однако впрок ему этот случай не пошел.

Конечно же, было бы совсем неправильным делать вывод о личной ответственности А.В. Барченко за провал «Братства». В условиях той общеполитической ситуации, которая сложилась в Советском Союзе к 1937 году, «зачистка» НКВД, арест Г.И. Бокия как представителя «старой гвардии» большевиков, а следовательно, и всех, с кем он был тесно связан, в том числе и А.В. Барченко, были, можно сказать, запрограммированы. Однако отрицать, что действия А.В. Барченко носили явно неадекватный и даже опасный характер как для него, так и для его окружения, не приходится.

Тем временем 16 мая 1937 года Г.И. Бокий был вызван к наркому внутренних дел Н.И. Ежову. Домой он уже не вернулся. Во время обыска, произведенного у Г.И. Бокия, чекисты обнаружили в его квартире немало странного, в том числе несколько десятков засушенных мужских половых органов, предназначавшихся, как надо полагать, для использования в магических целях².

¹ Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 175—176.

² Грекова Т. И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 224.

Несмотря на то что на протяжении 30-х гг. большая часть функций Спецотдела перешла к другим отделам, место, занимаемое Г.И. Бокием в партийно-советской иерархии, по-прежнему оставалось значительным: бессменный делегат съездов ВКП(б), кандидат в члены ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР 1-го и 2-го созывов, награжден орденом Ленина и значком «Почетный чекист» № 7¹. Причина и обстоятельства ареста Г.И. Бокия не вполне ясны. Наиболее распространенной является версия, согласно которой во время беседы в кабинете у Н.И. Ежова тот якобы потребовал у него передать в его распоряжение так называемую «черную книгу», сославшись на прямое распоряжение Сталина. Что из себя представляла эта «черная книга»? Никто, конечно же, не знает. Но определенные догадки на этот счет есть. Как полагает, например, О.А. Шишкин, речь идет о некоем секретном досье о личной жизни высших партийных и советских работников. *«Ну хотя бы информация о том, что писатель Исаак Бабель являлся любовником жены Ежова. Что сам Ежов — гомосексуалист. Что товарищ Агранов, глава секретного отдела НКВД, живет с Лилей Брик, женой комкора Примакова. Что Иосиф Виссарионович страдает манией величия. Что Сталин и Енукидзе предпочитают грудастых баб из хора Пятницкого, а эстеты Карахан и всесоюзный староста Калинин — балерин из Большого театра. Что все кремлевские бонзы — заурядные негодяи, дорвавшиеся до власти, закоренелые убийцы, воры и растлители. Какими они и были до и после 1917 года»*².

Следствие по делу Г.И. Бокия было поручено вести комиссару государственной безопасности 2-го ранга Льву Николаевичу Бельскому (настоящее имя — Абрам Михайлович Левин, 1889—1941). Помогал ему старший лейтенант госбезопасности казах Али Кутебаров.

Первый допрос Г.И. Бокия состоялся 17—18 мая 1937

¹ Бережков В. И. Испытание чекиста Бокия. Вечный революционер. СПб., 1999. С. 12.

² Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 307.

года. Ему было предъявлено обвинение в членстве в контрреволюционной масонской организации «Единое Трудовое Братство», шпионаже в пользу Англии и участии в антисоветском спиритическом кружке, на котором предсказывалось будущее. Свою «вину» Г.И. Бокий не отрицал. *«Мои расхождения с партией, — заявил он, — начались еще в 1918 г. с периода Брестского мира, когда я поддался мелкобуржуазным настроениям и вместе с Бухариным и другими левыми коммунистами пошел против Ленина. В силу выработавшихся у меня традиций я тогда подчинился партийной дисциплине, но, так как переубежден я не был, обстоятельство это оставило во мне неприятный осадок.*

Это неприятное чувство усилилось, когда меня с партийной работы, помимо моего желания, перебросили на работу в ЧК, и в особенности когда из-за конфликта с Зиновьевым отозвали из Ленинграда в Москву, затем послали в Ташкент, откуда я также вместе с другими членами Турккомиссии был отозван, вернее, снят с работы. К периоду профсоюзной дискуссии выросшая на почве изложенных выше неудач личная неудовлетворенность начала перерастать у меня в недовольство более общего порядка. В период дискуссии я стоял на позиции Ленина, но применявшиеся нами, на мой взгляд, демагогические методы борьбы отталкивали меня от нее и углубляли сложившееся у меня недовольство существующим положением. Неизгладимое впечатление произвели на меня Кронштадтские события. Я не мог примириться с мыслью, что те самые матросы, которые принимали участие в Октябрьских боях, восстали против партии и власти, и в поисках объяснения этого факта приходил к обвинению ЦК. При введении нэпа я, несмотря на образовавшийся у меня надрыв, не выступал против этого мероприятия партии. Нутром, однако, я воспринять нэп не мог и признал его только потому, что не видел другого исхода.

Обстоятельство это привело к углублению внутреннего разлада во мне, и я начал отходить от партийной жизни.

Дискуссию с Троцким 1923—1924 гг. я воспринял уже попартийному и хотя не разделял взглядов Троцкого, но был про-

тив той, на мой взгляд, излишней страстности, которая применялась в полемике против него. Решающее влияние в дальнейшем имела смерть Ленина. Я видел в ней гибель Революции. Завещание Ленина, которое мне стало известно не помню от кого, мешало мне воспринять Сталина как вождя партии, и я, не видя перспектив для Революции, ушел в мистику. К 1927—1928 гг. я уже отошел от партии настолько далеко, что развернувшаяся в это время борьба с троцкистами и зиновьевцами прошла мимо меня, и я в ней никакого участия не принял. Углубляясь под влиянием Барченко все более и более в мистику, я в конце концов организовал с ним масонское сообщество и вступил на путь прямой контрреволюционной деятельности»¹.

Не отрицал Г.И. Бокий и своего масонства, заявив, что масоном он стал еще в 1909 году, вступив в некую розенкрейцерскую ложу, среди членов которой, наряду с уже упоминавшимся нами скульптором С.Д. Меркуровым, был и покойный к тому времени известный академик-востоковед, занимавший с 1904 по 1929 год должность постоянного секретаря Академии наук, С.Ф. Ольденбург (умер в 1934 году). Ввел его якобы в эту ложу сотрудник журнала «Русское богатство» П.В. Мокиевский. Достаточно подробно изложил Г.И. Бокий и историю возникновения «масонской ложи» в своем Спецотделе ОГПУ. «До переезда в Москву в 1925 году, — показывал он, — у Барченко в Ленинграде произошел крупный конфликт с руководителями масонской организации, обвинявшими его в разглашении тайн ордена и грозившими ему уничтожением. Угроза эта от имени масонской организации была высказана ему в 1924 г. членом ордена академиком Ольденбургом. В связи с конфликтом с руководством организации Барченко отошел от ее ленинградского ядра и стал искать пути для непосредственной связи с высшим капиталом Шамбалы-Дюнхора, объединяя вокруг себя различных масонствующих элемент. Таким образом и возникло наше мистическое сообщество, фактически самостоятельная

¹ Из протокола допроса Г.И. Бокия от 17—18 мая 1937. В кн.: Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 209—210.

ложжа, ориентированная на непосредственную связь с высшим масонским капитулом Шамбалы-Дюнхора. К какому ордену принадлежал до переезда из Ленинграда Барченко, я сказать затрудняюсь. Ввиду особых, конфликтных отношений Барченко с основным ядром масонской организации в Ленинграде никто из нас, группировавшихся вокруг Барченко в новой ложе, официального посвящения не прошел, и как непосвященным Барченко не мог рассказывать некоторых тайн ордена, к которому мы формально не принадлежали. По косвенным намекам Барченко и общим наблюдениям можно судить, что он посвящен в члены ордена розенкрейцеров. Говорю я это на основании того, что на розенкрейцеров Барченко определенно указывал как на орден, связанный с нашим центром Шамбала-Дюнхора. У Барченко в различного рода геометрических чертежах и многочисленных фотографических снимках предметов древности постоянно повторялись эмблемы Розы, Креста и Чаши, которые являются символами розенкрейцеров. В настоящее время Барченко обладает печатью с общемасонскими эмблемами — двойного треугольника с символически изображенными на его сторонах Солнцем, Луной и Чашей»¹.

Особый интерес проявили следователи к личности организатора и идейного руководителя кружка А.В. Барченко. Как и следовало ожидать, надеясь сохранить свою жизнь, Г.И. Бокий сразу же «сдал» его. «Я признаю, — заявил он, — что мне были известны факты, указывающие на шпионскую деятельность Барченко».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Почему же Вы не приняли мер для ареста и привлечения Барченко к ответственности, а помогли ему продолжать свою шпионскую деятельность?

БОКИЙ. Я признаю, что наша ложа входила в состав общемасонской системы шпионажа. Я терпел такое положение, потому что, как я уже говорил, поставил интересы нашего ордена выше интересов партии и государства и, наблюдая проявления контрреволюционной шпионской деятельности, за-

¹ Из протокола допроса Г.И. Бокия от 17—18 мая 1937 г. В кн.: Андреев А.И. Время Шамбалы. оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 213—214.

крывал на них глаза, оправдывая их теми же интересами нашего ордена.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. С кем еще, кроме Владимирова, были связаны члены ложи по линии шпионажа?

БОКИЙ. Со слов Барченко, мне известно о связях нашего ордена с известным организатором английского шпионажа на Востоке, проживающим в настоящее время в Париже, афганским принцем Ага-Ханом. Ага-Хан входит в состав ордена Шамбала-Дюнхор и непосредственно связан с центром. Кроме того, у Барченко существовала связь с Польшей, через члена нашего ордена Кондияйна. В частности, Барченко мне рассказывал в 1925 г. о том, что Кондияйном были получены «под видом наследства» деньги из Польши.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Дайте подробные показания, в чем заключалась шпионская деятельность Барченко.

БОКИЙ. Шпионская деятельность Барченко в основном заключалась в создании разветвленного аппарата шпионажа. Работа эта велась им в двух направлениях — организация шпионской сети на периферии и проникновение в руководящие советские и партийные круги. Последнее делалось с той целью, чтобы овладеть умами руководящих работников и, по примеру масонских организаций в капиталистических странах, в частности во Франции, направлять деятельность правительства по своему усмотрению. Для насаждения сети на периферии Барченко использовал различные религиозно-мистические секты восточного происхождения. Для этой цели он постоянно предпринимал поездки в различные районы Союза, устанавливал связь с местными сектантскими организациями, встречался с закордонными эмиссарами. В 1926 г., когда он выезжал в Кострому для встречи с представителями нашего ордена Шамбала, который должен был прибыть из-за границы, он был задержан местным отделом ОГПУ. Я, однако, имея в виду интересы ордена, приказал его освободить. Кроме Костромы, как я уже показывал, он выезжал на Алтай, в Крым, Казань, Уфу и Самарскую губернию. Для того чтобы проникать в руководящие круги советских работников, Барченко старался заинтересовать отдельных лиц своими «науч-

ными исследованиями», их значением для обороны страны и т. п. Заинтересовав кого-либо научной стороной вопроса, он постепенно переходил к изложению своего учения о Шамбале и, опутав жертву паутиной мистики, использовал ее в целях шпионажа. Таким образом он в свое время обработал меня и проник в ОГПУ»¹.

Собственно религиозно-мистическая сторона «Древней науки», в контакт с хранителями которой так наивно надеялся вступить Г.И. Бокий, следствие интересовала мало. Другое дело — персональный состав кружка, тем более что Г.И. Бокий, надеясь спастись, не думал, судя по всему, ничего в этом плане скрывать. «Кружок этот, — показывал он, — работал под руководством посвященного в его тайны Барченко. Входили в кружок сотрудники Спецотдела ВЧК/ОГПУ Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гоппиус, Плужницов. Вскоре после организации мною кружка, однако, выяснилось, что привлеченные мною в него лица из числа сотрудников Спецотдела не подготовлены к восприятию тайн Древней Науки. В связи с этим кружок распался, и я привлек для изучения мистического учения Барченко новых лиц из числа своих старых товарищей по Горному институту. Эти лица впоследствии и составили наше масонствующее сообщество.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Кто, кроме Вас, входил в состав этого сообщества?

БОКИЙ. Кроме меня и руководящего нашими занятиями Барченко, в состав нашей группы входили: Кастрыкин Михаил Лаврентьевич, Миронов Александр Владимирович, Москвин Иван Михайлович и Стомоняков Борис Спиридонович. Непродолжительное время в группу входил Александр Яковлевич Соновский.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Какую связь Вы поддерживали с этими лицами помимо кружка?

БОКИЙ. Все эти лица, как я уже показывал, являются моими старыми товарищами по Горному институту. Помимо

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 217—218.

собраний, на которых Барченко читал нам рефераты о своем мистическом учении, у нас были установлены традиционные встречи, так называемые «свидания друзей». Раза 3 или 4 в году я, Стомомяков, Кастрькин, Миронов собирались у старой знакомой Алтаевой и проводили вместе 2—3 часа, после чего расходились, не встречаясь между собой до следующего раза.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. С какой целью Вы производили эти сборища, что делали на них?

БОКИЙ. Мы собирались как старые друзья для того, чтобы просто провести время вместе. Никаких других задач мы не ставили»¹.

Шокирующая откровенность показаний Г.И. Бокия во всем, что касалось его «братьев по ложе», органично сочеталась у него с чрезвычайной скупостью во всем, что касалось его личной роли во всем этом деле. «Прямым заданием по шпионажу от Барченко, — показывал он, — я не получал. Моя роль в этом деле выражалась в том, что, будучи увлечен мистикой Барченко, я пренебрегал интересами государства и помогал ему вести шпионскую работу, закрывая глаза на характер его деятельности и покрывая ее именем Спецотдела ОГПУ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это неверно. При занимаемой Вами должности Барченко не мог не стремиться использовать Вас в целях шпионажа более активно.

БОКИЙ. Причины сдержанности в этом отношении Барченко непонятны и для меня самого. Теперь, после обнаруженных под руководством наркома внутренних дел Ежова обстоятельств, я думаю, что шпионаж в органах ОГПУ — НКВД шел по другой линии. При самом активном использовании меня я не мог дать тех сведений, которые имели возможность давать другие арестованные лица, в частности Ягода. В связи с этим меня, очевидно, держали в резерве, не желая подвергать напрасно риску провала, сопряженному со всякой активной деятельностью, и довольствуясь тем общим содействием, которое я оказывал Барченко. К этому заключению меня приво-

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 212.

дит еще и следующее обстоятельство. Последние полтора-два года моя связь с Барченко значительно ослабла. Мы с ним не встречались, и он перестал обращаться ко мне с какими-либо просьбами, и только после произведенных в последнее время арестов он, стараясь восстановить со мной прежнюю связь, вновь обратился ко мне с письмом. Полагаю, что здесь имеет место именно попытка включить меня в активный шпионаж, ввиду провала других линий.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Следствие Вам не верит. Стараясь увести следствие от расследования своей шпионской деятельности, Вы хотите направить его в другую сторону. Предлагаю Вам дать откровенные показания о Вашей шпионской работе.

БОКИЙ. К тому, что я уже показал, я больше ничего существенного добавить не могу¹.

Второй допрос Г.И. Бокия состоялся 15 августа 1937 года. На этот раз каких-либо иллюзий относительно своей участи Г.И. Бокий уже, видимо, не питал и «признался» в подготовке убийства И.В. Сталина, сотрудничестве с английской разведкой и даже в подготовке терактов с помощью взрывов на расстоянии (напомним, что этой проблемой в его спецотделе занимался Е.Е. Гоппиус).

Благодаря показаниям Г.И. Бокия следствие уже с первых своих шагов получило исчерпывающие сведения о личном составе «Единого Трудового Братства». Уже 22 мая 1937 года был арестован А.В. Барченко, 26 мая — Л.Н. Шиселова (Маркова), 7 июня — А.А. Кондиайн, 2 июля — К.Ф. Шварц, 8 июня — В.Н. Ковалев. Всем им были предъявлены стандартные обвинения в антисоветской деятельности и принадлежности к контрреволюционной организации. Такая же участь постигла в начале июня 1937 года и высокопоставленных друзей Г.И. Бокия: замнаркома иностранных дел Бориса Спиридоновича Стомонякова и Ивана Михайловича Москвина², занимавшего во второй

¹ Шишкин О. А. Битва за Гималаи. М., 2003. С. 219—220.

² О И.М. Москвине см.: Разгон Л. Непридуманное. Повесть в рассказах. М., 1989. С. 8—9.

половине 20-х — начале 30-х годов ряд важных должностей в ЦК ВКП(б) и его секретариате, хотя напрямую их арест и не был связан с делом А.В. Барченко и Г.И. Бокия.

В ходе следствия чекистами была сфабрикована версия о существовании некой заговорщически-конспиративной организации восточных масонов-мистиков под названием «Великое братство Азии», играющей роль «высшего масонского капитула», с которым связаны все масонские ордена на Востоке. Основная задача этого центра заключалась якобы в том, чтобы подчинить своему влиянию коммунистическое руководство СССР. В то же время, подчеркивалось в обвинительном заключении, не брезговала эта организация, или, вернее, ее филиал во главе с А.В. Барченко, и шпионско-террористической деятельностью в пользу Англии. Одним из эпизодов ее якобы должна была стать организация по разработанному К.Ф. Шварцем и А.А. Кондаиным плану покушения на И.В. Сталина во время его отдыха на озере Рица.

Вот на это мифическое «Великое братство Азии» или, вернее, его представителей — монгола Хаяна Хирву и тибетца Нага Навена, от которых он получал инструкции, якобы и «работал» А.В. Барченко.

Надо сказать, что сам он в своих показаниях отчасти подыгрывал в этом отношении следствию. *«Под общим названием «Великое братство Азии», — отмечал он в своих показаниях от 10 июня 1937 года, — объединяются все мистические течения Востока — Центральной, Средней и Передней Азии, в которое входят различные монголо-тибетские братства, мусульманские секты, некоторые дервишские ордена Азии и отчасти Африки, в это братство входят парматы и хасиды, а также русские секты, известные под названием «бегуны», «подтольники», «голбешники». В 1923 году в городе Ленинграде я встречался с представителями ВБА Хаяном Хирвой и Нага Навеном.*

Нага Навен осведомил меня, что он прибыл для личного свидания с представителями Советского правительства, чтобы добиться сближения Западного Тибета с СССР. Он сказал, что далай-лама все больше сближается в Восточном

Тибете с англичанами, а население и ламство Западного Тибета против союза с англичанами, что вследствие этого ламство массами эмигрирует во Внутреннюю Монголию и далее в Улан-Батор, что духовный глава Тибета Панчен-Богдо также обнаруживает оппозицию далай-ламе и что в связи с этим создаются исключительные возможности для установления самых тесных отношений как политических, так и культурных между СССР и Западным Тибетом, через Южную Монголию.

Нага Навен указал, что политическую сторону этого вопроса он надеется осветить Советскому правительству и Коминтерну через Чичерина. Далее Нага Навен сообщил мне ряд сведений о Шамбале как о хранилище опыта доисторической культуры и центре «Великого братства Азии», объединившего теснейшим образом связанные между собой мистические течения Азии. Нага Навен обнаруживал широкую осведомленность во всех вопросах мистических учений, меня интересовавших. Он вырос в моих глазах в совершенно исключительный авторитет «Великого братства Азии». С этой встречи с Нага Навеном созданное мною «Единое Трудовое Братство» включилось в связь с «Великим братством Азии» и дополнялось его филиалом. Из совещаний с Нага Навеном я получил от последнего санкцию на сообщение большевикам моих мистических изысканий в области «Древней науки» через специально созданную группу коммунистов и на установление контактов Советского правительства с Шамбалой. От Нага Навена я получил также указания на желательность созыва в Москве съезда мистических объединений Востока и на возможность этим путем координировать шаги Коминтерна с тактикой выступлений всех мистических явлений Востока, которыми, в частности, являются гандизм в Индии, шейхизм в Азии и Африке. Продвижение вопроса о Шамбале большевиками, по словам Нага Навена, будет способствовать самому глубокому изменению отношений между СССР и Востоком. Именно на такое изменение отношений со всем Востоком, в результате сближения с СССР и Западным Тибетом, он, Нага Навен, готовится обратить внимание Чичерина, и если удастся, то и Коминтерна. Таким образом, представитель «Великого братства Азии» Нага Навен в моем лице указывал «Единому Трудо-

вому Братству» путь внедрения связи с ответственными представителями Советского правительства и Коминтерна, с тем чтобы ориентировать их в осуществлении революционной пропаганды и руководстве национально-освободительными движениями на революционные силы и добиться этим путем изменения политического курса и прорыва революционной базы на Восток.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы встретились с представителем «Великого братства Азии» Хаяном Хирвой и как поддерживали с ним связи?

Ответ: Хаян Хирва явился ко мне в квартиру в Ленинграде, где я жил совместно с Кондиайном, и сообщил, что обо мне, как о разрабатывающем систему Дюнхор, он узнал от лам в дацане. О себе заявил, что хотя сам не является авторитетом в этой системе, но имеет о ней конкретное представление. Впоследствии он встречался со мной в Москве и там связался с Нага Навеном. В Москве Хаян Хирва разыскал мой адрес в Главнауке, где я тогда в конце 1923 года работал. В 1926 году, когда Королев поехал в командировку в Улан-Батор, я через него пытался установить связи с Хаяном Хирвой, через последнего с Нага Навеном, прибывшим; как мне сообщили ламы, во Внутреннюю Монголию. С Королевым было направлено письмо. Он был снабжен также мною листом, на котором были изображены некоторые символы, в том числе розенкрейцеровская роза с крестом, для предъявления Хаяну в доказательство того, что Королев является моим представителем¹.

На вопрос следователя о том, каким же все-таки образом реализовывал он указания представителя «Великого братства Азии» Нага Навена, А.В. Барченко отвечал, что через Г.И. Бокия, с которым он связался в конце 1924 года при помощи К.К. Владимирова и К.Ф. Лейсмейера. «В ходе общения с Бокием, — заявил он, — я привлек его интерес к мистической теории Дюнхор и установлению контакта с Шамбалой, с тем чтобы продвигать эти вопросы в Политбю-

¹ Протокол № 2 от 10 июня 1937 года допроса Барченко Александра Васильевича. В кн.: Ш и ш к и н О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 368—370.

ро ЦК ВКП(б). В соответствии с контрреволюционными задачами, поставленными Нага Навеном. Внешне эти свои шаги я обосновывал тем, что контакт с Шамбалой способен вывести человечество из кровавого тупика безумия, той ожесточенной борьбы, в которой оно безнадежно тонет. Во главе с Бокием и вокруг него с моим участием создавалась группа братства, которая затем стала осуществлять функцию высшего совета «Единого Трудового Братства». Группа создавалась на основе указаний Нага Навена, а затем уже упоминавшегося Круглова, что изучение мистических теорий «Древней науки» допустимо либо в порядке прямого, преемственного посвящения в степень ученика и брата, либо в порядке сообщения знаний правомочному коллективу и что к этому изучению могут быть привлечены лишь лица, достигшие 45-летнего возраста. Какого-либо индивидуального посвящения члены группы не проходили, поскольку «Братству» были чужды всякого рода ритуальные посвящения. Группа была организована в порядке 2-го типа приема членов «Братства». Группа была создана в Москве на условиях полной конспирации. Я обязался перед группой, что все мои связи будут контролироваться ею, в том числе подыскание учеников братства хотя бы только для этического воспитания. В этот же период я дал члену Совета «Братства» Кондияйну, который находился в Ленинграде, указание вести работу в Ленинграде по вовлечению в «Братство» ряда профессоров (Парчук, Кашкадамов, Никитин, Ризен), ознакомить их с уставом, правилами и требником, с тем чтобы после они прибыли ко мне для получения ученического посвящения, заключавшегося в разъяснении обязанностей ученика «Братства». Ученичество, как я уже показывал, имело целью приобщение в дальнейшем ученика к работе братства в полном объеме»¹.

В сентябре 1937 года следствие было закончено, обвинительное заключение подписано, и начались расстрелы. Первым по приговору Военной Коллегии Верховного суда

¹ Протокол № 2 от 10 июня 1937 года допроса Барченко Александра Васильевича. В кн.: Ш и ш к и н О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 370—371.

СССР (ст.58, п.6, 8 и 11 УК РСФСР) расстреляли 9 сентября 1937 года А.А. Кондияйна, обвиненного в том, что он якобы был организатором и руководителем ленинградского отделения ордена розенкрейцеров и принимал участие в подготовке теракта против И.В. Сталина. Что касается проходивших с ним по делу других «розенкрейцеров» — сотрудника Института мозга профессора В.П. Кашкадамова, А.К. Борсука, К.И. Поварнина и Л.Л. Васильева, то их дело было выделено в отдельное производство, обнаружить которое исследователям до сих пор так и не удалось. Известно лишь, что В.П. Кашкадамов работал в последние годы жизни в педагогическом техникуме в Ленинграде. Умер он в январе 1941 года¹.

В сентябре 1937 года был расстрелян бывший чекист К.Ф. Лейсмейер-Шварц, 26 декабря — В.Н. Королев, 15 ноября — Г.И. Бокий, 21 ноября — И.М. Москвин, 30 декабря — Л.Н. Шишелова (Маркова).

Пострадали и жены «врагов народа»: Э.М. Кондияйн и О.П. Барченко, которые получили по 8 лет концлагерей. Еще более сурово обошлось Особое совещание с женой И.М. Москвина — Софьей Александровной, дочерью обрусевшего француза Александра Доллера и еврейки-народоволки Софьи Наумовны Шехтер. Надо сказать, что И.М. Москвин был не первым мужем Софьи Александровны. До 1923 года она была замужем за его другом Г.И. Бокием, от которого имела двух дочерей. Одна из них, Оксана Бокий, вышла замуж за будущего писателя Льва Разгона (это была его первая жена). Живя в первые годы после женитьбы в семье Москвиных, он хорошо знал героев этой истории и оставил о них весьма колоритные воспоминания, о которых у нас уже шла речь. Несмотря на развод, отношения между Софьей Александровной и ее бывшим супругом были самые хорошие, и Г.И. Бокий был своим человеком в семье Москвиных.

Арестовали Софью Александровну 14 июня 1937 года.

¹ Грекова Т. И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 233.

Обвинение, предъявленное ей, было несколько иного рода, нежели ее мужу, — подготовка террористического акта в отношении секретаря ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова и шпионаж в пользу Японии. Непосредственным исполнителем этого акта должен был стать известный в то время врач, лечивший методами традиционной тибетской медицины, Николай Николаевич Бадмаев, племянник известного до революции целителя Петра Александровича Бадмаева (Жамсаран Бадмаев)¹. Но и Софья Александровна, оказывается, не была, по версии следователей, самостоятельна, а действовала по указанию бывшего меньшевика А.М. Арнольдова, связанного, в свою очередь, с «Троцкистским параллельным центром». Задание отравить Н.И. Ежова она якобы получила от него еще в 1932 году². 25 декабря 1937 года следствие по делу С.А. Москвиной-Бокий было закончено, а 8 февраля 1938 года она была расстреляна³. В этом же месяце решила судьба А.В. Барченко. Смертный приговор ему был вынесен Военной Коллегией Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха 25 апреля 1938 года⁴.

Несмотря на трагический конец жизненного пути А.В. Барченко, неожиданным его назвать трудно. Слишком уж плотно был окружен «незарегистрированный коммунист» чекистами. Очень уж легко принял он навязанные ими правила игры, вплоть до кожанки и служебного «Паккарда», на котором разъезжал по улицам Москвы, пугая обывателей. И естественно, что, когда протезировавших ему чекистов «первого призыва» стали потихоньку расстреливать, дошла очередь и до него.

Так кем же он был на самом деле, доктор А.В. Барчен-

¹ Гусев Б. С. Петр Бадмаев: крестник императора, целитель, дипломат. М., 2000.

² Материалы из следственного дела по обвинению Бокий-Москвиной С.А. В кн.: Грекова Т. И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 354 — 358.

³ Грекова Т. И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 202.

⁴ Андреев А. И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 181.

ко? Крупным ученым, мечтателем, не понятым современниками и ставшим невинной жертвой «тоталитарного режима», каким его подают современные исследователи (О.А. Шишкин, А.И. Андреев)? Или все-таки удачливым (до поры до времени) авантюристом, сумевшим-таки заинтересовать своими прожеками таких серьезных людей, как Г.И. Бокий и Я.С. Агранов? Как ни огорчительно это прозвучит для поклонников таланта А.В. Барченко, автор этих строк склоняется все же ко второму варианту, и вот почему.

Ключевую роль в судьбе А.В. Барченко сыграла, как известно, его встреча с чекистом Г.И. Бокием в 1925 году. Организовали ее ленинградские чекисты, друзья А.В. Барченко. В том же 1925 году произошло знакомство Г.И. Бокия и Я.С. Агранова с еще одним оккультистом, вызванным ими из Ленинграда в Москву, — Б.В. Кириченко-Астромовым. За ним также стояли чекисты, в частности С.В. Палисадов (Полисадов). И тот и другой соблазняли в приемной ОГПУ в Москве Г.И. Бокия и Я.С. Агранова радужными перспективами, которые якобы сулило им использование масонства в интересах Советского государства. Правда, Б.В. Кириченко-Астромов акцент делал на политические и идеологические выгоды, а «доктор» А.В. Барченко упирал на «науку». И тот и другой были внимательно выслушаны высокопоставленными чекистами и обласканы ими. Однако выбор в конце концов был сделан ими в пользу А.В. Барченко. Б.В. Кириченко-Астромова же после шести месяцев «работы» с ним посадили в начале 1926 года за решетку. Очевидно, что респектабельный «доктор» А.В. Барченко показался Г.И. Бокию куда более деловой и солидной фигурой, чем импульсивный и взбалмошный Б.В. Кириченко-Астромов. К тому же стоит напомнить, что А.В. Барченко выдавал себя за ученого и апеллировал к науке (парапсихология, чтение мыслей, организация взрывов на расстоянии и, наконец, контакты с «учителями человечества»). Б.В. Кириченко-Астромову же предъявить чекистам в этом плане было нечего. Отсюда и результат.

Однако ученым, тем более крупным, недоучившийся студент-медик А.В. Барченко едва ли может считаться. Бо-

лее того, даже в той отрасли оккультного знания, которой, очевидно, он овладел, А.В. Барченко, как это показал А.И. Андреев, не был оригинален и всецело следовал за А. Сент-Ив д'Альвейдром и другими западными оккультистами¹. Другое дело — фанатизм и неумная энергия в распространении своего учения и вербовке его адептов. Здесь, как представляется, А.В. Барченко был несомненно на коне. Но именно этими качествами, не стоит забывать, как раз всегда и отличались прожектеры-авантюристы всех времен и народов. Уж они-то всегда знали и знают, как спасти человечество, и всегда готовы послужить своим знанием сильным мира сего. За некоторую мзду, конечно, в виде хорошо оплачиваемых должностей, спецлабораторий, служебных «Паккардов» и доступа в ведомственные распределители.

Характерны в этом плане настойчивые попытки А.В. Барченко добиться личной встречи с И.В. Сталиным, чтобы открыть ему глаза на перспективы овладения большевиками «Древней наукой» с его, А.В. Барченко, помощью, конечно. На эту же роль «советчика-консультанта» генерального секретаря ЦК ВКП(б) претендовал, как мы знаем, в 1926 году в своем письме на имя И.В. Сталина и Б.В. Кириченко-Астромов. Можно поэтому сказать, что, по большому счету, и А.В. Барченко, и Б.В. Кириченко-Астромов — птицы одного полета.

Стоит, видимо, упомянуть, что вскоре после этого пристальный интерес к Тибету проявляют в 1930-е годы нацистские спецслужбы, организовавшие туда три экспедиции СС под личным патронажем Гиммлера и Розенберга². Никаких Учителей, не говоря уже о входе во «внутреннюю полость Земли», они, конечно же, не обнаружили. Не нашел их и Н.К. Рерих, которому помогал Спецотдел Г.И. Бокия, хотя он и утверждал, что его экспедиция, как никто другой, была близка к цели. Но это уже несколько другая история.

¹ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 121—125.

² Демиденко М. И. По следам СС в Тибете. СПб., 2003. С. 228—295.

Московские мистики 1920—1930-х гг. и их судьба

1. ТЕОСОФЫ И АНТРОПОСОФЫ

Видную роль среди оккультно-мистических кружков и групп 1920-х годов по-прежнему, как и в дореволюционные годы, продолжали играть антропософы. Русское антропософское общество, напомним, возникло еще в 1913 году и в первые послереволюционные годы действовало на вполне легальных основаниях. Однако в 1923 году обществу было отказано в очередной перерегистрации, и оно поневоле вынуждено было перейти на нелегальное положение, разбившись на небольшие кружки единомышленников и наиболее близких друзей. То же самое произошло и с Теософским обществом, закрытым в том же 1923 году. Это тем более удивительно, что теософы, как, впрочем, и антропософы, тоже с энтузиазмом встретили Октябрьскую революцию, которую они приветствовали как «наступление новой космической эры». Энтузиазм этот продолжался, однако, недолго. Уже в 1918 году прекратилось издание «Вестника теософии». Начались первые аресты. Дело дошло до того, что, опасаясь ареста, вынуждена была эмигрировать в начале 1920-х гг. председатель РТО Анна Каменская, оставив на хранение ближайшим друзьям свой дневник. Однако отдельные теософские кружки и группы сохранялись в СССР вплоть до конца 1920-х гг. С одной из таких теософских коммун или общин на станции Лоо близ Сочи познакомилась в 1925 году Е.А. Польш (Шиповская). Теософы, главным образом женщины, по ее словам, арендовали здесь дачу одного бывшего фабриканта. Жили они бедно, на деньги,

получаемые от продажи ими же и выращенных овощей и фруктов. Ни молока, ни мяса теософы не употребляли¹. Любопытна в связи с этим реакция П.А. Аренского на этот аскетизм обитателей теософской дачи в Лоо. *«Я живу среди теософов и теософок в колонии. Это чудачки, чтобы не сказать чудовища. Все они вегетарианцы во всех отношениях, и мое единственное плотское наслаждение — это кусок сала, который я поджариваю тайно в лесу»*².

Летом 1926 года во время пребывания в Москве члена Теософского общества Н.К. Рериха здесь был образован кружок его единомышленников под названием «Амаравелла». *«В 1926 году, — показывал впоследствии в НКВД (в 1941 г.) один из руководителей кружка, художник-мистик Борис Алексеевич Смирнов (1905—1993), — мы организовали в Москве коммуну, которая должна была работать под руководством Н.К. Рериха. Входил в эту коммуну ряд московских художников. В 1930 году группа распалась»*³. В целом же теософское движение в 1920-е годы было малочисленным и слабым.

Более активными и многочисленными были антропософы. Председателем Московского антропософского общества с 1921 года являлся Трифон Георгиевич Трапезников (1882—1926). В 1925 году, незадолго до смерти, он уехал в Германию. После него во главе Московского общества антропософов встали: врач Петр Васильевич Васильев (р. 1885) и режиссер МХАТа Владимир Николаевич Татариннов (р. 1879) — один из ближайших друзей уехавшего за границу известного актера М.А. Чехова (1891—1955).

Лидерами петроградских антропософов 1920-х годов были поэт Борис Алексеевич Леман (1880—1945), руководивший так называемой группой «Бенедиктус», и поэтесса Елизавета Ивановна Васильева (1887—1928), стоявшая во

¹ Шиповская Е. А. Исповедь Рыцаря Света. М., 1998. С. 46.

² Там же. С. 47.

³ Орден российских тамплиеров. Т.2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 331.

главе группы Ильи Пророка. Руководящее ядро движения составляли поэт Андрей Белый, Клавдия Николаевна Васильева, Алексей Сергеевич Петровский и Борис Павлович Григоров¹.

Идейным руководителем общества был Андрей Белый, лично знакомый с основоположником учения, немецким мистиком, инженером Рудольфом Штейнером. Напомним, что первая встреча Андрея Белого с Рудольфом Штейнером произошла еще в 1912 году. До марта 1914 года Андрей Белый ездил с ним по разным городам Европы, где слушал и записывал лекции учителя и занимался под его руководством эзотерической практикой, приобретая в этой области большие теоретические познания и практический опыт. С мая 1914 по апрель 1916 года он жил в Дорнахе (Швейцария), где вместе с другими антропософами работал на строительстве здания антропософского центра. В 1921—1923 годах Андрей Белый вновь сумел побывать в Германии в гостях у Рудольфа Штейнера, после чего вернулся в СССР.

Первое здание Гетеанума сгорело в ночь на новый 1922 год. Конечно же, незаконченное деревянное здание храма могло сгореть из-за любой случайности. Но молва тут же приписала пожар проискам нацистов. Действительно, начало 1920-х годов — это время широкой кампании против теософов. Штейнера и его последователей обвиняли во всех смертных грехах: колдовстве, еврействе, предательстве, коммунизме, финансовых махинациях и пр. Так что версия о поджоге здания Гетеанума фашистами вполне имеет право на существование. Правда, сам руководитель движения Р. Штейнер считал, что за всем этим стоит не кто иной, как сам Ариман, повелитель Темного Лица. Согласно Р. Штейнеру, Ариман стал вмешиваться в людские дела с 1879 года (начало Великой французской революции), когда архангел Михаил, взяв человечество под свое покровительство,

¹ Спивак Моника. Андрей Белый в следственном деле антропософов // Лица. Биографический альманах. Вып.9. СПб., 2002. С. 275 — 276.

повел его по пути космического просвещения. Однако и силы тьмы не дремали. *«Иначе говоря, — комментирует эти настроения тогдашних теософов современный исследователь, — разрушение Гетеанума было интерпретировано ими как проявление на физическом плане метафизической войны Зла и Добра, хотя это толкование и не помешало Антропософскому обществу получить значительную страховку»¹.*

На полученные деньги было начато строительство нового здания Гетеанума. Открыто оно было на Рождество 1923 года. Однако полностью строительство было завершено только через пять лет, уже после смерти Рудольфа Штейнера 30 марта 1925 года. Оно и поныне остается центром Антропософского общества в Европе.

Важное место в оккультной практике антропософов всегда придавалось занятиям эвритмией, то есть искусству передачи слов при помощи ритмических движений тела. В 1920-е годы в Москве ими было образовано несколько таких кружков. Один из них вела Н.М. Моисеева. Ее брат В.М. Моисеев организовал кружок для начинающих. Среди других кружков можно назвать детский, подростковый и христианский. Из недр антропософских кружков вышла так называемая вальдорфская педагогика, усиленно пропагандируемая ныне в России как некий универсальный метод воспитания и обучения учащихся, а также раскрытие их скрытых физических и интеллектуальных возможностей.

«До 1927 года, — показывал арестованный в 1937 г. в Ленинграде преподаватель Ленинградского Восточного института, научный сотрудник Института востоковедения Юлиан Константинович Шуцкий (Щюцкий), — участвовал в нелегальном кружке по изучению антропософии в составе: Всеволода Николаевича Васильева, А.Д. Лебедева, Л.П. Владимирова, Е.И. Васильевой, М.Н. Денн и С.И. Домогацкой.

¹ Вашингтон Питер. Бабуин мадам Блаватской. История мистиков, медиумов и шарлатанов, которые открыли спиритизм Америке. М., 1998. С. 284.

Изучали работы Р.Штейнера. С арестом и высылкой Е. Васильевой и арестом Л.П. Владимировича кружок распался»¹.

Никакой «политики» в деятельности последователей Рудольфа Штейнера в СССР не было, хотя отдельные члены общества и выезжали в 1920-е годы за границу: уже упоминавшийся нами Андрей Белый (в 1921—1923 гг.), М.А. Чехов (в 1923 г.), В.Н. Татаринов (в 1923 г.), Н.М. Моисеева (1927). Там они встречались как с самим Рудольфом Штейнером (умер в 1925 году), так и с его женой Марией Яковлевной (урожд. Сиверс). Этого оказалось достаточно, чтобы попасть в поле зрения сотрудников ОГПУ.

В 1926—1927 годах были проведены первые аресты среди петербургских антропософов: Б.А. Леман, Е.И. Васильева (в 1928 году Е.И. Васильева умерла в ссылке) и др. Однако основное, московское ядро антропософов в 1927 году уцелело. Но весной 1931 года дошла очередь и до него.

В мае 1931 года московское ОГПУ отчиталось перед вышестоящим начальством о ликвидации им «*нелегальной контрреволюционной организации антропософов, ставящей конечной целью своей деятельности уничтожение существующего строя и реставрацию капитализма в СССР*»². Аресты среди антропософов начались еще 27 апреля 1931 года, когда были взяты под стражу 4 человека. 8 мая арестовали еще четверых, причем среди них оказались и близкие к Андрею Белому люди: актер и режиссер МХАТа В.Н. Татаринов и московский врач П.Н. Васильев (муж сожительницы Андрея Белого Клавдии Николаевны Васильевой). 20 мая 1931 года в Москве был арестован А.С. Петровский, 27 мая — Б.П. Григоров. Все они были помещены в изолятор временного содержания Бутырской тюрьмы. Наконец, 30 мая 1931 года была арестована вместе со своей подругой актрисой М.А. Скрябиной в Детском Селе у Андрея Белого и К.П. Васильева. 2 июня она была доставлена в Москву. Взволнованный ее судьбой,

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 204.

² Спивак Моника. Андрей Белый в следственном деле антропософов // Лица. Биографический альманах. Вып.9. СПб., 2002. С. 277.

Андрей Белый через своего друга режиссера В.Э. Мейерхольда нашел путь к начальнику Секретно-политического отдела центрального аппарата ОГПУ Я.С. Агранову. 24 июня Андрей Белый срочно приезжает в Москву, а уже 27 июня он находился в кабинете у Я.С. Агранова. В результате уже 3 июля 1931 года К.Н. Васильева была на свободе¹.

Всего по делу антропософов 1931 года проходило 27 человек: Васильева Клавдия Николаевна (р. 1886); Петровский Алексей Сергеевич (р. 1881), сотрудник Библиотеки им. В.И. Ленина; Григоров Борис Павлович (р. 1883), преподаватель Московского энергетического института; Васильев Петр Васильевич (р. 1885), врач; Моисеев Владимир Михайлович (р. 1897), библиограф НИИ при Академии им. В.И. Ленина; Моисеева Наталья Михайловна (р. 1901), преподаватель музыки; Татаринцов Владимир Николаевич (р. 1879), режиссер МХАТа; Невейнова Елена Васильевна (р. 1902), технический секретарь Академии им. В.И. Ленина; Кезельман Елена Николаевна (р. 1889), домохозяйка; Клименкова Надежда Степановна (р. 1894), преподаватель музыки; Твердова Маргарита Александровна (р. 1896), инструктор трудотерапии; Зайцев Петр Никанорович (р. 1889), литератор; Лугач Роза Владимировна (Вульфовна) (р. 1889), библиотекарь; Каликина Лидия Васильевна (р. 1888), педагог; Скрябина-Татаринова Мария Александровна (р. 1901), артистка МХАТа-2; Татаринова Надежда Николаевна (р. 1880), библиотекарь; Выборнова Татьяна Андреевна (р. 1893), артистка; Иконникова Магдалина Александровна (р. 1894), чертежница; Шанько Т.В. (р. 1909), библиотекарь; Шанько Екатерина Александровна (р. 1879), домохозяйка; Красновский Михаил Константинович (р. 1912), учащийся музыкального техникума; Голенищев Анатолий Иванович (р. 1881), делопроизводитель; Красновский Константин Николаевич (р. 1884), юрист; Краснушкина Евгения Николаевна (р. 1880), библиотекарь; Макин Георгий Александрович (р. 1892), технический регистратор; Анненкова Ольга

¹ С п и в а к М о н и к а. Андрей Белый в следственном деле антропософов // Лица. Биографический альманах. Вып. 9. СПб., 2002. С. 268.

Николаевна (р. 1884), преподаватель английского языка; Рудакова Евгения Николаевна (р. 1907)¹.

Однако главного идейного руководителя московских антропософов того времени Андрея Белого в этом списке мы не найдем. И это, видимо, главная загадка этого дела. Обвинительное заключение по нему датировано 29 июня 1931 года. Приговор по делу был оглашен 8 сентября того же года. Вопреки ожиданиям, он оказался сравнительно мягким: три года ссылки в отдаленные местности СССР. Причем многие из антропософов оказались на свободе досрочно. Конечно, свою роль в таком исходе их «дела» сыграли, несомненно, высокие покровители, имевшиеся у руководителей этого мистического сообщества (Максим Горький, Яков Агранов, Всеволод Мейерхольд и другие). В то же время не следует сбрасывать со счетов и определенные колебания, которые мы наблюдаем у властей по отношению к несомненно сочувствующей советской власти масонствующей российской интеллигенции, к числу которой мы, несомненно, можем причислить не только антропософов, но и представителей других парамасонских мистических сообществ.

Тем не менее аресты среди бывших антропософов продолжались и в последующие годы. Назовем только некоторые из дел, сфабрикованных ОГПУ — НКВД СССР во второй половине 30-х — начале 40-х гг.: профессора Ленинградского восточного института, научного сотрудника Института востоковедения, китаиста Юлиана Константиновича Шуцкого, антропософки Риммы Николаевны Николаевой, ученого-метеоролога, бывшего доцента Томского университета Алексея Аркадьевича Синягина (1905—1938) и Андрея Константиновича Спаринапте (1893—1937).

¹ Спивак Моника. Андрей Белый в следственном деле антропософов // Лица. Биографический альманах. Вып. 9. СПб., 2002. С. 318—325.

Бывший антропософ Ю.К.Шуцкий был арестован 2 августа 1937 года в Ленинграде. Уже 3 сентября 1937 года он признал, что являлся участником «контрреволюционной анархо-мистической организации «Орден тамплиеров». «Завербован» в эту организацию он был якобы Федором Борисовичем Ростопчиным еще в 1935 году. После высылки Ф.Б. Ростопчина из Ленинграда деятельность организации была продолжена. Назвал Ю.К. Шуцкий и состав «организации»: Римма Николаевна Николаева, Василий Николаевич Комаревский, Георгий Валентинович Гориневский, Леонид Васильевич Успенский и Алексей Аркадьевич Снягин¹. 26 октября 1937 года Ю.К. Шуцкий дополнил свои показания, назвав среди участников антропософского мистического кружка Всеволода Николаевича Васильева, Андрея Константиновича Спарionaпте, С.Г. Спасскую-Каплун и А.Д. Лебедеву.

10 февраля 1938 года Ю.К. Шуцкий был расстрелян. Показаниям же его было суждено сыграть важную роль в инициировании НКВД новых арестов среди ленинградских мистиков. 8 мая 1938 года была арестована Р.Н. Николаева (расстреляна 5 октября того же года). Та же участь постигла 29 октября и А.К. Спарionaпте. Как и большинство других подследственных, он также вынужден был в конце концов признать 4 ноября 1937 года, что являлся до момента своего ареста участником антисоветской контрреволюционной организации антропософского направления. «В названную организацию, — заявил он, — я был завербован в 1928—1929 гг. антропософами Васильевым Всеволодом Николаевичем и Николаевой Риммой Николаевной в городе Ташкенте». Расстреляли его 19 ноября 1937 года. Что касается метеоролога Алексея Аркадьевича Снягина, работавшего до ареста доцентом Томского университета, то за ним чекисты пришли только 13 августа 1938 года². Показания его

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 304—304.

² Там же. С. 312.

как две капли воды похожи на показания других подследственных. Такой же была и его участь. 18 февраля 1928 года А.А. Синягин также был приговорен к высшей мере наказания, и в тот же день приговор был приведен в исполнение.

2. ТАМПЛИЕРЫ

Теософскими и антропософскими кружками отнюдь не исчерпывается оккультно-мистическое подполье Москвы и Ленинграда 1920—1930-х годов. Заметную роль наряду с ними в духовной жизни российской интеллигенции того времени играли кружки и группы тамплиерского и розенкрейцерского толка. Самым крупным из них в Москве 1920-х годов по праву может считаться «Орден тамплиеров» («Орден Света») или масонская ложа А.А. Солоновича¹.

У истоков этой организации стоял Аполлон Андреевич Карелин (1863—1926), более известный в своем кругу под эзотерическим именем рыцарь Сантей. Популярный писатель на темы из русского общинного быта, он начинал как народник, позже перешел к эсерам, а к 1905 году окончательно сформировался как анархист.

Эмигрировав за границу, читал лекции в организованной русскими масонами Высшей школе социальных наук в Париже, где и был, видимо, посвящен в «вольное каменничество». В Россию Карелин вернулся осенью 1917 года с репутацией теоретика анархо-коммунизма. Здесь он сразу же был введен в состав ВЦИКа и развернул кипучую деятельность: была учреждена Всероссийская Федерация анархистов и анархо-коммунистов, создан «Черный крест» (организация, оказывавшая помощь анархистам) и знаменитый клуб анархистов в Леонтьевском переулке. В 1920 году А.А. Карелин основывает в Москве так называемый «Вос-

¹ Никитин А. Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия, 1992, №№ 4/5, 6/7, 8—12, 1993, № 1—7.

точный отряд» «Ордена тамплиеров» и начинает подготовку кадров для его будущих дочерних структур.

«Не помню, при каких условиях я познакомился с Карелиным, — писал в своих показаниях Ю. Завадский, — кто и когда меня к нему привел, знаю только, что он мне представлялся человеком, принятым советской властью и вполне лояльным. Он жил в 1-м Доме Советов и сам мне рассказывал о своих хороших отношениях с А.С. Енукидзе, которому, в свою очередь, я как-то рассказал о своем знакомстве с Карелиным... В те времена, воспитанный моим учителем по театру Е.Б. Вахтанговым в большой мере идеалистически, я интересовался всевозможными философскими и мистическими проблемами. Карелин меня тогда заинтересовал своей философией — я сейчас совершенно не в силах восстановить в памяти (так это для меня далеко сейчас) подробное содержание его взглядов, но помню только, что они были очень отвлеченными и туманными, касались, главным образом, проблем подсознательной работы, проблем душевных и духовных сущностей и т. д.

У Карелина я встречал Смышляева, жену Солоновича, мою сестру — В.А. Завадскую, Аренского и ряд лиц, которые, промелькнув, вовсе не остались в моей памяти. Белая роза — его любимый цветок — часто стояла у него на столе. Карелин рассказывал легенды, потом слушатели задавали вопросы и беседовали... Иногда вместо Карелина у него в квартире вел с нами такие беседы Солонович...»

Дружеские беседы А.А. Карелина со своими новыми друзьями имели вполне целенаправленный характер, связанный с его усилиями по основанию в России так называемого «Восточного отряда» «Ордена тамплиеров», в члены которого сам он и был, видимо, посвящен во Франции.

Первые шаги в этом направлении под предлогом необходимости использования форм орденской организации для распространения анархистских идей были предприняты А.А. Карелиным еще в 1918—1919 гг. Как показывал в 1933 году следователям ОГПУ весьма осведомленный М.И. Сизов, датой основания А.А. Карелиным своего ордена может

считаться 1920 год¹. Среди первых «посвященных» в него были артисты В.А. и Ю.А. Завадские, преподаватели ряда московских вузов А.А. Солонович, Д.А. Бем, искусствовед А.А. Сидоров, художник Л.А. Никитин, научные работники Н.И. Проферансов, М.И. Сизов, Н.П. Киселев, М.В. Дорогова². В 1921 году к кружку А.А. Карелина примкнули ученики розенкрейцера Б.М. Зубакина: писатель П.А. Аренский, С.М. Эйзенштейн, М.А. Чехов, В.С.Смышляев (два последних были посвящены Б.М. Зубакиным уже в Москве). Характерно, что среди первых рыцарей-тамплиеров наряду с розенкрейцерами Б.М. Зубакина мы видим и представителей других мистических кружков тогдашней Москвы, таких, как антропософы (М.Н. Жемчужникова, М.И. Сизов, М.В. Дорогова), и «Орден орионийцев» (все те же М.И. Сизов и М.В. Дорогова).

Важную роль в «Ордене тамплиеров» в середине 1920-х годов играл Борис Михайлович Власенко (1896—после 1967-го). Выпускник юридического факультета Московского университета, он входил в кружок самого А.А. Карелина (Г.И. Аносов, А.А. и А.О. Солонович, М.И. Сизов, Н.К. Богомоллов и Н.И. Проферансов) и был посвящен в 10-ю степень ордена, что позволяет отнести его к числу высших руководителей этой полумасонской структуры. Высланный в 1925 году ОГПУ на Урал, после освобождения он обосновался с 1928 года в Ташкенте.

Усилия А.А. Карелина этого времени были направлены на отбор и подготовку будущих руководителей кружков ордена, причем следует подчеркнуть, что кадры он черпал, прежде всего, из московской масонствующей театрально-художественной и преподавательской среды. Численность его «братьев» в эти годы настолько выросла, что в 1924 году появились так называемые «филиации» или, проще говоря, дочерние структуры ордена: «Орден Света» и «Храм ис-

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998. С. 62.

² Там же. С. 62.

куств» в Москве, «Орден Духа» в Нижнем Новгороде, орденские кружки в Ленинграде, Свердловске, Сочи, Батуме и даже далеком Ташкенте.

Наиболее крупным из них был «Орден Света». Возник он, как полагает историк А.Л. Никитин¹, «скорее всего на рубеже 1923—1924 годов» (мы же полагаем, что только весной 1924 года). Руководителем его вскоре становится преподаватель Экономического института имени Г.В. Плеханова Александр Сергеевич Поль (1897—1965).

В целом «Орден тамплиеров» ставил перед собой две задачи: 1) работу «братьев-рыцарей» над собой и своей душой, как избранный ими путь служения человечеству; и 2) распространение ими света знаний в обществе и борьба с предрассудками и тьмой невежества. Первая задача решалась «братьями-рыцарями» на основе постижения ими истин евангельского христианства, вторая — путем синтеза древнего гнозиса с данными современной науки. *«Рыцарь — понятие этическое, как лицо, совершающее нравственные поступки»², — утверждали члены этого сообщества. От кандидатов в рыцари «Ордена тамплиеров» требовались не только высокие морально-этические данные, но и достаточно высокий образовательный и общекультурный уровень.*

Всего в ордене было предусмотрено семь степеней посвящения, и каждой из них соответствовала определенная орденская легенда: об Атлантах, потомки которых якобы жили в подземных лабиринтах в Древнем Египте, об Эонах, взявших на себя роль посредников между миром Духов и людей, о Св. Граале — священной чаше с кровью Христа и т. п.

Обряд посвящения в орден был прост: после ознакомления посвящаемого с соответствующей орденской легендой руководитель кружка слегка ударял рукой по его плечу, имитируя таким образом удар плашмя мечом при посвящении средневекового рыцаря, и на этом церемония счита-

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998. С. 123.

² Там же. С. 115.

лась законченной. Символом ордена являлась восьмиконечная голубая звезда — олицетворение надзвездного мира восьми измерений.

Подробное описание картины посвящения в орден дал в своих показаниях Ф.Ф. Гиршфельд:

«Проводивший посвящение старший рыцарь с белой розой в руке рассказывал вступающим в орден легенду о Древнем Египте. К посвящаемому подходили два других старших рыцаря (мужчина и женщина), призывая его быть мужественным, блюсти честь и хранить молчание. Затем принимавший ударял посвящаемого рукой по плечу, имитируя удар плашмя мечом в рыцарском посвящении, и предлагал ему выбрать орденское имя. В разных кружках эти имена начинались с разных букв. При вступлении неофиту сообщалось следующее: орден имеет семь степеней, во главе его стоит командор; рыцари переводятся из степени в степень в зависимости от их деяний (практически это делалось по прослушиванию определенного количества орденских легенд); цель ордена — борьба со злом (которое заключается во всяком проявлении власти и насилия); в орден не принимаются члены политических партий (принадлежность к анархическим группировкам допускается)». Средства ордена составляли ежемесячные отчисления рыцарями одного или полутора процентов их заработка.

В архивно-следственном деле имеются показания Е.А. Поль с описанием рождественской трапезы, происходившей в конце 1924 года: *«Мы сидели за круглым столом, накрытым скатертью, в середине которого стояла чаша с вином, накрытая белым покровом с черным крестом посреди. Сверху лежала какая-то веточка. На столе лежало Евангелие, заложённое голубой лентой. Праздник начался с вопроса младшего из присутствовавших о том, есть ли совершенная красота. Все остальные по очереди отвечали на этот вопрос, после чего можно было приступить к еде. Затем руководитель рассказывал какой-то миф, содержание которого совершенно не помню. Праздник закончился пением хором гимна архангелу Михаилу. Надо прибавить, что на стене висело изображение*

рыб, а в руке корифея была небольшая черная палочка, которой давался знак к действию...»¹

Отличительным же знаком рыцарей второй и последующих степеней была белая роза — олицетворявшая возвышенность и чистоту помыслов «братьев». Дочерней организацией ордена в Москве была ложа «Храм искусств» и «Общество милосердия» (руководитель — В.Р. Никитина), где и группировались художественные и артистические круги масонствующей московской интеллигенции. В Нижнем Новгороде и в Сочи действовали филиалы московской организации — соответственно «Орден Духа», куда входили студенты агрономического факультета Нижегородского университета (М.А. Владимиров, С.Н. Раева и другие, всего 12 человек — т. н. «нижегородское дело» июля—октября 1930 года), и «Орден тамплиеров и розенкрейцеров» (Н.А. Ладженский, Я.Т. Чага).

Что касается приемов, при помощи которых производилось пополнение «личного состава» кружка, то ничего оригинального здесь не было. *«Если им кажется, что вы податливый человек, вам начинают предлагать переходную литературу: оккультные романы йогов, каббалистов, теософов и антропософов, Карпендера, Эмерсона, церковных мистиков, Бердяева, Булгакова, литературу по сектантству, индусскую, персидскую и т. п. мистическую литературу, соответственно тому, что окажется более подходящим. Вам читают лекции, направленные против материализма, или даже в первое время против наименее удобных форм материализма. Затем вводят в кружок взаимопомощи, изучения Евангелия, изучения философии и т. п. Затем начинают незаметно прививать свой псевдопневматизм, антисемитизм, ненависть к науке и технике и к индустриальной культуре. Прививают любовь к средневековью, к магии и т. д. ...»²* А то, что мно-

¹ Показания Е.А.Поль 14.10.1930 г. Из дела «Ордена Света». В кн.: Шиповская Е.А. Исповедь Рыцаря Света. М., 1998. С. 167.

² Аникст Ю. Трубадур мистического анархизма // Дело труда (Париж), № 50—51, июль—август 1929 г.

гие русские интеллигенты были весьма податливы на такого рода ухищрения, очевидно.

Вот что показывал 14 октября 1930 года А.В. Уйттенховен:

«На повторный вопрос об эволюции моего мировоззрения могу сообщить следующее: интерес к вопросам философского характера возник у меня очень рано (мне было тогда лет четырнадцать), и первым был интерес к анархизму, выразившийся в чтении Эльцбахера и Ницше. Чтение Эльцбахера (книга «Анархизм», где излагаются разные системы анархизма) привело меня к изучению Льва Толстого и к увлечению его «Евангелием», так что в течение нескольких лет (до 1915—1916 гг.) я считал себя толстовцем. От этого периода осталась у меня склонность к вегетарианству (мяса я не ем до сих пор, рыбу — изредка) и некоторые взгляды на искусство (например, нелюбовь к Шекспиру). Знакомство с различными религиозными системами (через Толстого) привело к изучению буддизма и теософии. Первое выразилось в том, что в университете я занялся изучением санскрита, прерванным призывом меня на военную службу в мае 1916 г. В университете же прочитал почти все книги по теософии, имевшиеся на русском языке. Пребывание на военной службе до октября 1917 г. (когда я вернулся с Юго-Западного фронта) прервало это изучение, возобновившееся отчасти осенью этого же года. В университете я занятия не возобновлял, т. к. интересующие меня предметы (санскрит и экспериментальная психология) не начинали читаться. В это время я нашел (по объявлению на обложке книги) библиотеку Теософского общества, некоторое время брал там книги и познакомился с некоторыми теософами — председателем московского общества Герье, библиотекарем Зелениной, Н.А. Смирновой, П.Н. Батюшковым. Из теософской литературы мне больше всего нравились книги Р. Штейнера, но тогда же я узнал, что Штейнер не теософ, а антропософ. Они привели меня к антропософии, и это увлечение (вытеснив теософию) продолжалось вплоть до осени 1920 г. Попав в это время за границу (в г. Ригу, в качестве секретаря военного атташе), я стал изучать последние работы Штейнера в области социального организма. По возвраще-

нии в Москву в 1922 г. я прочел в Антропософском обществе доклад «Очередная утопия», в котором резко критиковал идеи Штейнера, после чего всякие связи, кроме личных, с антропософией были прерваны...»¹

Несколько иной характер имела духовная эволюция коллеги А.В. Уйтгенховена по «Ордену» Н.К. Богомолова. «Одного анархо-коммунизма мне казалось мало, казалось необходимым подвести под него более обширные основания идеологического порядка. Толстой связывал свое учение с христианством... Так я вошел в число членов-соревнователей Толстовского общества в Москве. Посещал собрания общества и много думал, какой путь правильный: с применением насилия или без применения насилия? Решение этого вопроса я считал для себя важным. На этом пути мне пришлось обратиться даже к прочтению Евангелия и литературы по истории христианства. Должен оговориться, что я вообще не церковник, не хожу в церковь. К церкви, как властной организации, как к организации принципиально иерархического порядка, у меня всегда было ярко отрицательное отношение. Нужно проводить резкую грань между церковью и христианством, беря последнее как одно из учений о нравственности. Прочитавши некоторые источники, я увидел в поучениях церкви, что вопрос об оправдании государства и власти, оправдании насилия является нелогичным, двойственным и явно неверным. Размышления над текущей политической деятельностью как в СССР, так и за границей привели меня к мысли, что применение насилия и должно становиться все менее действенным для тех, кто его применяет. Насилие не дает тех результатов, которых ожидают от него... Ознакомление с мистическими идеями, с учением Христа по Евангелию показало мне и с этой стороны правильность основных установок анархизма, как я их понимал, то есть принципов любви, красоты, безвластия, принципа добра... Слова Христа «не убий», «взявший меч от

¹ Никитин А. Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия, 1993, № 6. С. 60.

меча и погибнет» явились для меня определяющими мое личное поведение...»

Учение московских мистиков не претендовало на оригинальность и представляло собой сплав гностицизма, теософии, розенкрейцерства, средневекового тамплиерства и оккультной египтологии. Одним из центров практического воплощения мистического знания членов ордена стала в 1923—1924 годах Белорусская государственная драматическая студия в Москве, среди преподавателей которой подвизались в эти годы Ю.А. Завадский, В.С. Смышляев, П.А. Аренский. Первоначально студия была создана при МХАТе. Однако в связи с тем, что его основная труппа гастролировала за рубежом, в качестве опекуна студии утвердился 2-й МХАТ.

Уже первый спектакль Белорусской студии — «Царь Максимилиан», по А.М. Ремизову (1924), — был решен в форме средневековой мистерии с использованием рыцарской символики. В таком же мистическом духе был решен и второй спектакль — «Апраметная». Во 2-м МХАТе мистическая идеология его руководства сказалась, прежде всего, в постановке «Золотого горшка» Э.Т.А. Гофмана (переработка П.А. Аренского, художник Л.А. Никитин). Неудивительно, что спектакль этот так и не был пропущен цензурой.

Одним из центров кружка в эти годы, помимо Музея Кропоткина, была квартира Л.А. и В.Р. Никитиных в доме на углу Арбата и Денежного переулка (д. 57). Собрания, происходившие у Никитиных, показывала на следствии пианистка И.В. Покровская, носили *«определенно организованный характер... Программа была следующая. Читали стихи А. Блока, К. Бальмонта, Н. Гумилева, рассказывали легенды и сказки, читали доклады на разные художественные и мистические темы, как-то: иероглифы в Египте, Врубель и его творчество, портрет и его развитие. С этими докладами выступал Никитин. Были музыкальные номера и чай. Никитин же водил нас в музеи — в Шукинский, Кропоткинский, Морозовский, Музей изящных искусств. По прочтении докладов бывал*

обмен мнениями. Жена Поля пела следующих композиторов — Глиера, Рахманинова, Чайковского, Римского-Корсакова. Я играла и аккомпанировала».

Неожиданный арест А.А. Солоновича в апреле 1925 года приостановил работу кружков, которая возобновилась только осенью. К этому времени был освобожден из Суздальского концлагеря и сам А.А. Солонович, что объясняется, как полагает А.Л. Никитин, «провалом широкомасштабной провокации ОГПУ против анархистов, задуманной как раскрытие терактов против правительства (в частности, Зиновьева). Вслед за провокацией должен был начаться широкий процесс над анархическим движением в целом. В этом причина массовых арестов анархистов весной 1925 года. Однако провокация не удалась, а внимание ОГПУ переключилось на «троцкистско-зиновьевскую оппозицию», уничтожение которой заняло три года.

Для анархо-мистиков это было время передышки, время реализации наиболее значительных планов в области организации орденских кружков и в области искусства. Именно тогда, с осени 1925 года, вернувшийся в Москву Солонович становится во главе анархической секции Кропоткинского комитета. Секция почти полностью обновляет свой состав и резко меняет направленность работы. На ее собраниях, конечно, не читают орденских легенд, однако ставят вопросы, связанные с орденским учением»¹.

Главным источником пополнения личного состава ордена, членами которого стали в эти годы Н.К. Богомолов, Д.А. Бем, Л.И. Дейкун, Г.И. Ивакинская, А.Е. Смоленцева, Н.А. Лодыженский, Н.И. Проферансов, И.В. Покровская, В.И. Сно, А.В. Уйттенховен, его жена И.Н. Уйттенховен-Иловайская и др., по-прежнему оставалась московская творческая интеллигенция: художники, музыканты, литераторы. Попадались, впрочем, и недоучившиеся студен-

¹ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия, 1993, № 1. С. 45.

ты — Илья Рытавцев и даже бывший морской офицер Евгений Смирнов.

Конечно же, ничего сверхъестественного или особенно интересного на занятиях в кружках ордена не происходило. И никаких сокровенных тайн новоиспеченные рыцари-тамплиеры от своих учителей не узнали, да, очевидно, и узнать не могли. Однако надежды на это они не теряли. Орденскую атмосферу этого времени хорошо передает в своих воспоминаниях Е.А. Шиповская (Поль). В тамплиеры она была посвящена П.А. Аренским в 1925 году. Само посвящение произвело на нее тогда огромное впечатление. Нечего и говорить, как много надежд и ожиданий связывала она с этим важным шагом своей жизни. Но вот прошло пять лет. И что же? *«Ничего значительного, — пишет она, — в моей духовной жизни в этот период не происходило. Я продолжала посещать собрания нашего орденского кружка, руководители которого менялись. Так, однажды Аренский сказал, что мы должны познакомиться с учением о космическом строительстве и посвящении, изложенном в 22-х арканах Каббалы, зашифрованных в символах. Это было поручено рыцарю и руководителю другого отряда Алексею Алексеевичу Сидорову, человеку очень талантливому, ученому, поэту и художнику, профессору какого-то института. Он занимался с нами у себя дома и однажды поручил мне напечатать с изготовленных им самим деревянных клише карты арканов, каждый из которых, как известно, выражает определенную философскую концепцию эволюции духовного мира. Я приходила к Сидорову в его отсутствие и успешно выполнила эту работу.*

Забегая вперед скажу, что, когда по возвращении из ссылки я встретилась с Сидоровым на улице лицом к лицу, он отвернулся и сделал вид, что меня не узнал. Меня это очень обидело, потому что общение с ним было очень интересным.

Другим руководителем отряда, сменившим Аренского, стала Мария Вадимовна Дорогова, с которой мы тогда встретились впервые. Все мы знали, что Сидоров, будучи тогда ею увлечен, посвятил ей большую поэму на рыцарский сюжет. В это время в кружке были сестры — Надежда Михайловна Ронжина и

Вера Михайловна Разумова, а также писатель Георгий Петрович Шторм. Но все эти занятия меня не удовлетворяли»¹.

Сами московские тамплиеры несколько не сомневались в своей принадлежности к сообществу, ведущему свое начало от средневекового ордена храмовников или тамплиеров (основан в 1118 году в Иерусалиме). Стремлением подчеркнуть эту преемственность можно объяснить и парадные одежды «рыцарей» — белые льняные плащи с красным восьмиконечным крестом и белые холщовые пояса — символ чистоты помыслов у тамплиеров.

Однако настоящими тамплиерами, восходящими к традиции ордена «Рыцарей Храма», члены московского «Ордена Света», конечно же, не были. И тамплиерство, усвоенное ими благодаря А.А. Карелину, имело скорее всего не исторический, а общекультурный характер². Не принадлежали «братья рыцари», судя по всему, и «ни к одной ветви масонства, хотя какие-то связи А.А. Карелина с Великим Востоком Франции (или сходной системой) и представляются возможными»³.

В то же время нельзя не учитывать, что символика божественного света, которой придерживались московские тамплиеры, является едва ли не основной в учении «вольных каменщиков». Уже только на этом основании их вполне можно записать «по масонскому разряду». Сближает их с масонами и особый пиетет перед Евангелием от Иоанна, Апокалипсисом, и особенно перед образом Иоанна Крестителя, день которого является, как известно, главным праздником для масонов. Не следует забывать и о том, что в древнем шотландском обряде 17-й градус — «Рыцарь Востока и Запада» — также отмечен почетным знаком восьмиугольника. На лицевой стороне его изображали обычно

¹ Шиповская Е. А. Исповедь Рыцаря Света. Воспоминания. М., 1998. С. 50.

² Никитин А. Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия, 1993, №3. С. 25.

³ Там же, № 6. С. 55.

агнца с книгой Семи Печатей. Ассоциировались же они как с Апокалипсисом, так и с печатями мистического молчания из масонских легенд.

На масонскую сущность «Ордена Света» указывают и семь степеней его внутренней структуры: ведь действительных степеней и в шотландском масонском обряде насчитывается тоже семь: ученик, подмастерье, мастер, тайный мастер, рыцарь избранник Девяти, князь розенкрейцер (соответствует 18-му градусу), рыцарь—кадош (соответствует 30-му градусу). Да и в специальной литературе связь масонства с тамплиерством в общем-то не вызывает больших сомнений. Споры, скорее, идут здесь о формах и времени передачи традиций, нежели о самом факте ее существования.

Можно, таким образом, констатировать, что идейные установки и этические нормы, положенные в основание «Ордена Света», роднят его «братьев рыцарей» не столько со средневековыми тамплиерами, сколько с «вольными каменщиками» нового и новейшего времени. Неприязнь к православию и традиционным русским национальным ценностям, поиски некой новой философии, призванной синтезировать анархическое мировоззрение с мировоззрением раннего христианства, широкая пропаганда необходимости организации коммун, артелей и союзов анархистского толка не оставляют сомнений относительно масонского характера «Ордена Света».

Именно так и воспринимали его современники. Заслуживает внимания свидетельство скрипача Большого театра З.М. Мазеля о посещении им вместе с М.А. Чеховым «заседаний масонской ложи в Москве». О масонской ложе Солоневича, в которую его приглашали в 1924 году московские «братья», показывал на допросах в ОГПУ руководитель «Братства Серафима Саровского» в Ленинграде Иван Андреевский¹. Критика большевизма велась «братьями ры-

¹ Антонов В.В. Братство прп. Серафима Саровского. СПб. Епархиальные ведомости. Вып. 16. СПб., 1996. С. 94.

царями» явно с масонских позиций, так как в революции они видели не «диктатуру пролетариата», а «духовное и социальное преобразование человека, раскрытие всех его потенциальных сил и способностей, победу Света над Мраком, Добра над Злом». Обескураживающие реалии советской действительности не только ставили их в оппозицию к большевистскому режиму, но и показали ошибочность прежних представлений о скором и, главное, легком осуществлении масонского идеала. «Человек, — писал А.А. Солонович, — есть «Гроб Господень», освободить который можно только новыми крестовыми походами Духа, для чего и нужны новые рыцарские ордена — новая интеллигенция, если хотите, которая и положит в основу свою непреодолимую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве»¹.

К этому времени Алексей Александрович Солонович — преподаватель МВТУ им. Баумана — был известнейшим в своем кругу теоретиком мистического анархизма. Его лекции в Кропоткинском музее, где он возглавлял секцию анархистов, или на дому пользовались большим успехом у слушателей. После смерти А.А. Карелина 20 марта 1926 года А.А. Солонович становится духовным лидером не только ордена, но и всего движения. Наиболее крупным и, к сожалению, несохранившимся теоретическим трудом А.А. Солоновича является его трехтомное исследование «Бакунин и культ Иалдобаофа» (одно из воплощений Сатаны), ходившее в машинописном виде по рукам среди членов сообщества. А.А. Солонович был разочарован результатами Октябрьского переворота 1917 года. Большевики, доказывает он в своей книге, растоптали идеалы Октября, «предали», «задушили» революцию, последними вспышками которой он считал Кронштадтский мятеж и крестьянские восстания 1921—1922 годов.

«После Октябрьской революции моя установка по отношению к советской власти, — показывал он в ходе допроса 14 сентября 1930 года, — была: принципиально не признал со-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312, т. 2, л. 16.

ветской власти, как и всякой другой, но фактически считал невозможным и нецелесообразным вести против нее борьбу, так как такая борьба могла бы дать только победу буржуазии, ибо такова была общая ситуация и, в частности, положение самого анархического движения. Однако считал возможным и необходимым вести пропаганду анархических идей в легальных и лояльных формах. До 1919 г. я входил в Московский Союз анархистов, а затем во Всероссийскую Федерацию анархистов-коммунистов и анархистов. Состоял членом секретариата (кто входил в секретариат, кроме меня, я принципиально отказываюсь говорить)...

После смерти Кропоткина организовался Кропоткинский комитет, в который я вошел (других членов принципиально отказываюсь называть). Моя работа в комитете заключалась в музейной деятельности — собирании средств при помощи подписных листов, пожертвований, выступлений публичных и пр.; в архивной — собирании биографических материалов, писании очерков, библиотечной работе; в организационной — организации анархической секции комитета, научной секции, социально-экономической и литературной, причем сам я состоял в анархической и научной секциях. Наконец, была пропагандистская работа, которая заключалась в написании статей и в лекциях по различным вопросам, связанным с личностью, мировоззрением и отдельными идеями Кропоткина... Мои лекции, читаемые в музее Кропоткина, дома или по приглашению на какой-либо квартире, стенографировались анархическим кружком и потом давались мною читать желающим. Их задачей было показать, как от любого мировоззрения можно прийти к анархизму. Особенное значение здесь имели религиозно-мистические установки, так как они свойственны очень многим людям, и гораздо целесообразнее не суживать анархизм до одного частного типа мировоззрения, но расширить его, показать его совместимость с любым...»¹

«По следам Иалдобаофа, — предупреждал А.А. Солоно-

¹ Никитин А. Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия, 1992. № 12. С. 11.

вич, — ползут лярвы, и бесовская грязь пакостит души людей и их жизни». Нигилистически, как и всякий масон, относился он и к Русской православной церкви, которая нуждалась, по его мнению, не только в очищении от якобы при-сущего ей догматизма, но и в коренном реформировании.

А.Л. Никитин, ссылаясь на «обскурантизм», «доносительство» и ряд других «грехов» Русской православной церкви, пытается оправдать эту позицию. *«Изучая различные силы, действующие в истории общества, — пишет А.Л. Никитин, — Солонович не мог, конечно, обойти вопрос о Церкви — достаточно острый для России 20-х годов. Большевики не просто разрушили Российскую православную церковь, но и занялись физическим уничтожением людей, так или иначе с ней связанных. Сейчас, когда спала первая волна запоздалого сочувствия, все чаще задаются вопросом: как такое могло произойти? Как могла это допустить сама Церковь, занимавшая, по словам ее апологетов, «стержневое» место в сознании русского народа? Да и общество в целом довольно равнодушно смотрело на гибель национальных святынь. Именно в то трагическое время была заметна явная враждебность широких масс к Церкви; или поиски новых духовных ценностей. Те же тамплиеры — лишь одно из многих направлений религиозно-мистической жизни общества тех лет (вспомним популярность теософских и антропософских организаций, толстовцев и т. п.). Пожалуй, это можно назвать поисками новой религии, основанной на постулатах христианства, однако отрицающей его прежнюю организационную структуру.*

Не претендуя на исчерпывающее решение этой сложной проблемы, можно сказать, что к началу XX века организация Русской православной церкви себя в достаточной степени дискредитировала: подчиненностью бюрократической машине государства, догматизмом, а порой и малой культурой. В отличие от католицизма и протестантизма, Православная церковь оппонировала обществу и науке и в организационном плане действительно была феодальным пережитком.

Для Солоновича церковная иерархия всегда представляла «властнической структурой», построенной на подчинении и

принуждении. Он резко выступал против той Церкви, которая подменяла учение Христа о любви и терпимости — нетерпимостью к инакомыслящим, то есть несвободой духа. Солонович обращается к проблеме, обсуждавшейся еще на вселенских соборах: возможно ли наличие благодати у человека недостойного только на том основании, что он утверждён вышестоящей церковной инстанцией, когда «избранничество» подменяется «назначением»¹.

«Церковь еще задолго до революции потеряла паству, вызывая со стороны населения, в первую очередь образованного, неприязнь своим обскурантизмом, сотрудничеством с государством в области запретительной и доносительной, своим сопротивлением давно назревшим внутренним реформам. Она не сумела объединить общество и противопоставила себя науке, которая бурно развивалась в XIX веке...

Не так ли было и в нашем случае? Анархо-мистицизм — не религия. Он не давал программы действий, не требовал исполнения устава, не вмешивался в личную и духовную жизнь человека. Анархо-мистицизм пытался убедить своих адептов лишь в том, что данная жизнь, имея физический конец, отнюдь не означает конца для духовной личности, которой не все равно, как будет пройден краткий, но обязательный отрезок земного существования.

В мире распада и разрушения, в мире крушения, казалось бы, всех ценностей, эта философия, питаемая достижениями человеческого духа всех времен и всех культур, опиравшаяся на один из наиболее понятных для европейцев идеалов нравственной чистоты — рыцарство, — заинтересовала и увлекла множество людей. Их сознание было не способно смириться с разрушением многовековой культуры, с физическим уничтожением миллионов людей, по большей части не понимавших, что с ними происходит. Те же, которые понимали, видели, что у них отнята не только религия, но и вера. Они не верили существующей Церкви, ибо видели, как она предавала их прежде и

¹ Никитин А. Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия, 1992. № 12. С. 14.

предаёт теперь, пойдя на сотрудничество с убийцами. Они убедились, что пропасть разделяет Церковь (организацию) и Учение, которое служителями Церкви было искажено.

Нужна была новая вера и новая религия. Эту потребность и использовал поток чувственной мистики, оккультизма, интерес к тайным (и нетайным) учениям Востока. Но новые учения характеризовались либо ярко выраженным «учительством», либо попыткой уловить души обещанием наделить «сверхъестественными» силами. Человек опять оказывался игрушкой в руках посредников, теряя представление о собственном пути и предназначении, о той естественной духовной эволюции, которая раздувает искорку, упавшую от Логоса в косную материю, в пламя, рвущееся к изначальному источнику Света.

Христианская церковь учила человека смирению и выполнению своих обязанностей. Масонство провозгласило необходимость активных действий в кругу этических задач. Обращение анархо-мистиков к гнозису потребовало от человека не только упражнений, а нравственности, но и знаний об окружающем мире (в том числе полученных мистическим путем). Это не обогащало его материально, не наделяло сверхъестественными способностями, однако давало спокойную уверенность в том, что он движется вперед, в назначенном ему направлении, для дальней, непостижимой, но прекрасной цели»¹.

Московские тамплиеры, по А.Л. Никитину, просто обязаны были заполнить тот вакуум, который образовался в духовной жизни общества в начале века, и подобрать ту паству, которую потеряла в это время Русская православная церковь. Со стороны населения, особенно образованных классов, православная церковь вызывала очевидную неприязнь из-за своего «обскурантизма», сотрудничества с государством в области запретительной и доносительской, а также своим сопротивлением реформаторским ожиданиям русского общества, считает А.Л. Никитин. Не пожалев чер-

¹ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия, 1993, № 7. С. 24.

ной краски для своей, православной церкви, которая «не сумела объединить общество и противопоставила себя науке, которая бурно развивалась в XIX веке», в качестве ориентира для наиболее адекватной оценки роли «Ордена Света» в духовной жизни страны А.Л. Никитин выбрал... итальянского масона Дж. Гамберини, хотя, казалось бы, немало и своих.

«Возникла ситуация, аналогичная той, о которой (применительно к Западу) говорил Дж. Гамберини, некогда Великий Мастер «Великого Востока Италии», отмечая «универсализм» масонства: «Благодаря протестантской реформе этическое единство западного мира прекратило свое существование в силу распада христианства. Европейцы доказали, что они могут вполне обходиться без единства веры. Однако они оказались не в состоянии развиваться при отсутствии этического единства, общей нравственной ткани, связующей их воедино. Когда окончательно погибла иллюзия Священной Римской империи, а религиозное единство вступило в полосу трагического кризиса, вот тогда европейцы и обратились к масонству. Оно приняло их в объятия своего конкретного универсализма, который тем прочнее, чем меньше в нем идеологических примесей».

И выпады А.Л. Никитина против православной церкви, и его пассажи как о «новой вере», так и о «новой религии», которые якобы были нужны русским людям (каким? Уж не Вячеславу ли Иванову со товарищи?), и его рассуждения о «множестве людей», увлеченных «одним из наиболее понятных для европейцев идеалов нравственной чистоты — рыцарством», озадачивают. Очевидно, он не только глубоко вжился в тему, но и, быть может, сам того не замечая, впитал в себя и основные мировоззренческие установки «братьев рыцарей». А они, как мы знаем, независимо от того, в какие бы бутафорские одежды они ни рядились: тамплиеров ли, мартинистов или розенкрейцеров, — в принципе одни и те же и легко вписываются в простую, но емкую формулу — граждане мира.

«Сейчас я понимаю, — пишет А.Л. Никитин, — что все они жили по заветам ордена — по тем же заветам, по кото-

рым жили и действовали члены московского кружка Новикова и Шварца в конце XVIII века, «работавшие над камнем», — над собственной личностью, чтобы освободить от уз невежества, себялюбия и других пороков ту божественную искру, которая должна указывать каждому дорогу к свету истинного знания и любви, помочь противостоять распаду личности.

Собственно говоря, это и было самым важным в том деле, которое начиналось на «воскресниках» у Никитиных на Арбате разговорами о культурных и духовных ценностях, с катастрофической быстротой выпадавших из круга тогдашней жизни, с ее варварской идеологией «обостряющейся классовой борьбы». На собраниях в кружках не только читали легенды, о которых мы еще будем говорить. Здесь велись беседы о самовоспитании, борьбе с собственными недостатками, о необходимости овладения знаниями и мастерством в избранной сфере деятельности, чтобы через нее преобразовывать к лучшему окружающий мир, воспитывать нравственное чувство¹. Яснее и не скажешь.

Разгром «Ордена Света» и связанные с этим аресты во многом были подготовлены борьбой, которую развернули в конце 1920-х годов против А.А. Солоновича его противники во главе с видным анархистом А.А. Боровым. Стремясь во что бы то ни стало убрать А.А. Солоновича из Кропоткинского музея и «захватить» его, А.А. Боровой со своими сторонниками — т. н. «политические» анархисты — не стеснялись в средствах, выставляя в печати А.А. Солоновича и Кропоткинский комитет во главе с В.Н. Фигнер и С.Г. Кропоткиной (вдовой анархиста) как цитадель реакции и черносотенства².

Апофеозом разнузданной кампании против московских анархо-мистиков стала статья Юрия Аникста против

¹ Никитин А. Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия, 1992, № 6—7. С. 27.

² Никитин А. Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии, 1991, № 8. С. 89.

А.А. Солоновича, опубликованная в 1929 году в парижском анархическом журнале «Дело труда»¹:

«Преподаватель Московского высшего технического училища по курсу математических упражнений; наследник покойного А.А. Карелина по «анархическим» и оккультно-политическим делам и организациям, Алексей Александрович Солонович, несомненно, талантливая и незаурядная личность. Внешнее безобразие придает энергии его внушения особую силу, особенно действующую на восторженных натур и женщин. Громадная активность, пропагандистская и организационная, искупает его организационную бездарность, окружая его постоянно видимостью организационного кипения, вереницей эфемерных организаций. Бесконечные ордена и братства: Света, Духа, Креста и Полумесяца, Сфинкса, Взаимопомощи и т. п., целая иерархия оккультных, политических, «культурных» организаций, посвященных Иалдабаофу и его альтер эго — архангелу Михаилу, феерией болотных огней вспыхивают на темных и извилистых тропинках его жизни...»

Талант Солоновича своеобразен. Он пишет стихи. Но они никуда не годны по форме и их нельзя понимать: это какой-то набор звонких слов и образов. Он читает лекции и доклады, ошеломляет ими публику до одурения: столь они блестят эффектами остроумия, сравнений, неожиданных «новых» (хотя и вычитанных) взглядов и оборотов. Но, как я ни пытался самое позднее на другой день после их произнесения узнать от его слушателей, о чем же говорил в лекции Солонович, ни разу ни один, несмотря на все потуги, не мог ничего, кроме внешних эффектов, припомнить...

Он написал труд «О Христе и христианстве», «Волхвы и их предтечи», «Бакунин-Иалдобаоф» и т. п. — бесконечный ряд трудов, кроме оккультных «Голубых сказок», пьес (подражая Карелину), медитаций и т. п. О «Бакунине-Иалдобаофе» он ухитрился в два года написать шесть громадных томов (на самом деле три, хотя и в шести экземплярах. — Б.В.)...»

¹ Аникст Ю. Трубадур мистического анархизма // Дело труда (Париж), 1929, № 50—51 (июль — август). С. 17.

Отрекомендовав его как «отъявленного антисоветчика и антисемита», Ю. Аникст припомнил командору, помимо уже известной нам рукописи о М.А. Бакунине, едва ли не все его прегрешения перед советской властью, начиная от симпатий к кронштадтским мятежникам 1921 года и кончая принадлежностью к зарубежному масонству — словом, весь тот букет, который скоро будет предъявлен ему уже в качестве официального обвинения.

Первый «звонок» для анархо-мистиков прозвенел еще в ноябре 1929 года, когда ОГПУ была арестована группа молодежи во главе с Н.Р. Лангом, работавшая при библиотеке Кропоткинского музея над библиографией трудов П.А. Кропоткина¹. Однако по-настоящему за них взялись только в августе — сентябре 1930 года. 7 августа был «изъят» Н.А. Ладыженский, 14 августа в Магесте арестовали Н.И. Профрансова — одного из руководителей сочинского филиала ордена. Наиболее же крупная волна арестов пришлась на 11 сентября 1930 года, когда за одну ночь были арестованы Е.Г. Адамова, Г.И. Аносов, Н.К. Богомолов, Ф.Ф. Гиршфельд, Г.Д. Ильин, И.В. Покровская, Н.Н. Русов, А.И. Смоленцева, А.А. Солонович, И. Н. Уйттенховен (Иловайская), Н.В. Водовозов, Ю.Г. Завадский, И.И. Леонтьев, В.Н. Любимова, Е.Н. Смирнов, Н.А. Никитина, В.Ф. Шишко. 14 сентября были арестованы Д.А. Бем, Е.К. Бренев и И.Е. Рытавцев, 15 сентября — Г.К. Аскарлов, А.А. Польш, 16 сентября — Л.А. Никитин, 24 сентября — В.И. Сно, 25 сентября — И.Е. Корольков, 26 сентября — Е.А. Польш, 7 октября — А.В. Уйттенховен и Н.А. Леонтьева, 11 октября — А.В. Андреев, 13 октября — П.А. Корнилов, 1 ноября — В.Р. Никитина. Всего по делу проходило 33 человека².

В ходе допросов некоторые члены сообщества пытались затушевать его подлинную сущность, делая упор на несерьезном, игровом характере «Ордена Света». «В период

¹ Никитин А. Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии, 1991, № 8. С. 101.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312, т. 2, л. 1.

1924—1925 годов, — показывал 23 января 1931 года Л.А. Никитин, — увлеченный формами романтического искусства, я близко подошел к представлениям о рыцарстве как универсальной форме романтической культуры... Никаких организационных форм, никакой мысли о воссоздании рыцарства в орденом смысле у меня не было, и потому никаких уставов, никаких программ какого-либо действия тоже не предполагалось... Лабораторные занятия, требовавшие участия иногда нескольких лиц, породили, по-видимому, у некоторых представление о действительном наличии рыцарской организации, чему могло многое способствовать. Во-первых, наименование работы «Орденом Света» произошло от как бы некоего лозунга или девиза, под которым эта работа проводилась. Дело в том, что, взявшись за идею рыцарства как материала для разработки, я прежде всего постарался отбросить все то историческое и классовое, что было связано с рыцарством Средневековья, взяв здесь рыцарство как бы в некой его абстракции. Таким образом, был поставлен вопрос о вообще «светлом» рыцарстве, понимая под этим отсутствие всякого рода каких-либо иных его определений... Наряду с этой основной работой наметилась также возможность идеологической проработки вообще проблем искусства под лозунгом искусства большого стиля в духе мистерии с привлечением соответствующей терминологии вроде «храма искусства». Мистериальная основа такого искусства взята была именно потому, что вообще представляла собой форму синтетического искусства, из которой в дальнейшем развился театр и другие виды искусства. Все это в целом, однако, не ставило никаких политических целей и задач, и те организационные формы, в которые это выливалось, существовали постольку, поскольку какой-то минимум организованности должен был быть для осуществления самой работы...» Успеха, однако, эта тактика не имела.

Уже в ходе следствия выяснилось, что ряд арестованных, несмотря на приятельские отношения с «рыцарями», сами таковыми не являлись. Так, Н.Н. Русов, И.В. Покров-

ская, Г.К. Аскарлов, как вынуждено было признать следствие, никакого отношения к организации А.А. Солоновича не имели. Категорически отрицала свое участие в ордене и Н.А. Леонтьева. Немногословными были и показания А.И. Смоленцева, В.Р. Никитиной, И.Е. Рытавцева.

Судя по всему, сами следователи не слишком интересовались орденскими делами. Главное внимание их было сосредоточено на констатации нелегального характера собраний и антисоветских высказываниях членов кружка. К моменту ареста ОГПУ, уже давно следившее за московскими анархо-мистиками, имело среди них своего агента — некоего Я.К. Шрайбера (Шрейбера). Существенную помощь следствию оказали и сами арестованные (Ф.Ф. Гиршфельд, И.В. Покровская, Н.В. Водовозов, В.Ф. Шишко), которые не только сами дали откровенные показания, но и охотно изобличали своих несговорчивых товарищей. Сознался и «командор» ордена А.А. Солонович¹.

Обвинительное заключение по делу «контрреволюционной организации «Орден Света» (дело № 103514, 1930 год, по первоначальной нумерации) за подписью помощника начальника 1-го отдела СО ОГПУ Э.Р. Кирре было утверждено 9 января 1931 года, а уже 13 января Особым совещанием Коллегии ОГПУ (С.А. Мессинг, Г.И. Бокий в присутствии прокурора Р.П. Катаняна) была решена и участь арестованных: А.А. Солонович, П.Е. Корольков, Г.И. Аносов, Д.А. Бем, Н.И. Проферансов — по 5 лет тюрьмы. 5 лет лагерей получил Л.А. Никитин. По 3 года тюрьмы получили И.Н. Уйттенховен, П.А. Корнилов, В.Н. Любимова, Е.К. Бренев. На этот же срок, но уже концлагерей были осуждены А.С. Поль, В.Р. Никитина, К.И. Леонтьев, Е.Н. Смирнов, Е.Г. Адамова, Н.А. Леонтьева, А.И. Смоленцева. Трехлетняя ссылка была определена Н.К. Богомоловой-Николиной, Е.А. Поль, Н.А. Ладыженскому (Западная Сибирь), А.В. Андрееву (Урал), Н.А. Никитиной (Сред-

¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312, т. 2, л. 10—17.

няя Азия), А.В. Уйттенховен и И.Е. Рытавцеву (Северный Край), Г.Д. Ильину (Восточная Сибирь). В отношении же сотрудничавших со следствием Н.В. Водовозова, Ф.Ф. Гиршфельда, И.В. Покровской, Н.Н. Русова, В.Ф. Шишко и Г.К. Аскарлова дело было прекращено. Та же участь постигла в конце концов и дело Ю.Г. Завадского, за которого хлопотали К.С. Станиславский и А.С. Енукидзе.

Освобожденный 10 июня 1933 года досрочно из тюремного заключения командор «Ордена тамплиеров» Алексей Александрович Солонович был выслан в Нарымский край. Однако и там вездесущее ОГПУ в покое его не оставило. 21 января 1937 года А.А. Солонович вновь был арестован и скончался во время следствия. Умерли в лагерях и ссылке Л.А. Никитин (в 1942 г.), Н.И. Проферансов (в 1934 г.). Были расстреляны П.А. Корольков (1937), Е.Н. Смирнов (в 1937 г.), Д.А. Бем (в 1938 г.), Е.К. Бренев (в 1938 г.), Ф.Ф. Гиршфельд (1938)¹.

Волна арестов, прокатившаяся в 1930—1931 гг. среди мистиков, напугала участников этого движения. Особое беспокойство проявили в этой связи антропософы, устремившиеся из Москвы и Ленинграда в провинцию — Ташкент, Батум и др. (Р.Н. Николаева, Ю.К. Шуцкий, В.Н. Васильев, А.В. Великанова, А.К. Спарина и др.). Только после того, как непосредственная опасность арестов миновала и ОГПУ, казалось, стало забывать об антропософах, они опять стали возвращаться в Москву и Ленинград. Но ОГПУ, как оказалось, ничего не забывало. И, оказавшись в Москве и Ленинграде, вчерашние участники антропософского движения тут же оказывались под его наблюдением.

Первые аресты среди бывших мистиков начались в конце 1934 года. 14 декабря был арестован вернувшийся в 1933 году из Ташкента в Москву бывший член «Ордена тамплиеров» Борис Михайлович Власенко (1896—1970-е). 27 февраля 1935 г. постановлением Особого совещания ОГПУ он и

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998. С. 323.

его супруга Евгения Владимировна Власенко были заключены в ИТЛ сроком на пять лет. Продолжением дела Власенко может считаться новое дело бывшего члена «Ордена Света» Александра Владимировича Уйттенховена (1897—1966). Высланный в 1931 году в Архангельск, он был здесь неожиданно вновь арестован. Случилось это 15 февраля 1935 года, причем причина ареста была банальна — упоминание о нем в показаниях вновь арестованных его бывших коллег. *«Мое отношение к советской власти, — заявил А.В. Уйттенховен своим следователям, — резко отрицательное. До 1930 года я, как анархист, считал, что советская власть является злом, но наиболее допустимым из всех форм политической власти. С 1930 года, во время ссылки, я убедился, что советская власть — одна из худших форм политической власти, быть может, несколько лучше незамаскированного фашизма нынешней Германии»*¹. Несмотря на демонстративную неприязнь к советской власти, наказание, определенное А.В. Уйттенховену 26 мая 1935 года, было сравнительно мягким — всего три года ИТЛ в Сиблаге. Умер он в 1966 году.

А.В. Уйттенховен интересен для нас еще и тем, что он оставил после себя «Волшебный роман», или описание совершенно неожиданной жизни одного бельгийца в России (иное название «Союз советских социалистических лагерей»), частично опубликованный, правда уже в наше время, в журнале «Источник»².

Основная задача чекистов в отношении анархо-мистиков заключалась в том, чтобы показать, что, несмотря на репрессии, они отнюдь не сложили «оружия» и представляют собой не разрозненные кружки и группы старых друзей-единомышленников, а некие филиалы тщательно конспирированной всесоюзной контрреволюционной организации. *«Собственно говоря, — показывал в этой связи*

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 238.

² Источник. Документы русской истории. 2001, № 4. С. 52—65.

13 июля 1937 года явно подыгрывавший следствию Федор Борисович Ростопчин (1904—1937), — «*Орден тамплиеров*» есть филиал анархической организации, возглавляемой Солоновичем Алексеем. В составе ордена тамплиеров большинство были анархистами... Являясь рыцарем ордена тамплиеров, в который я был посвящен Дороговой, я вел работу по вербовке новых лиц в эту организацию. Так, например, незадолго до ареста в 1935 году в Ленинграде я завербовал в орден тамплиеров Шуцкого Юлиана Константиновича, научного работника. Кроме того, я был связан с участником анархо-мистической организации Синягиным Алексеем Аркадьевичем и Николаевой Риммой. Я ними я встречался до моего ареста»¹.

Центральной фигурой, с которой ОГПУ пыталось связать еще оставшихся на свободе анархо-мистиков, был Алексей Александрович Солонович (1887—1937). Приговоренный по делу «Ордена Света» к пяти годам ИТЛ, он был, однако, 10 июня 1933 года неожиданно освобожден и выслан в далекий поселок Каргасок Томской области Западно-Сибирского края. К этому времени здесь уже была целая колония бывших анархистов, высланных сюда из центральных районов страны. Кому понадобилось превращение этого богом забытого места в новый анархистский центр, остается только предполагать. Очевидно, что сделало это ОГПУ все же не зря. Расчет, судя по всему, был на то, что, оказавшись в близкой ему идейной среде, А.А. Солонович возьмется за старое и постарается сплотить здесь что-то вроде новой контрреволюционной группы. Так оно, в сущности, и произошло. Правда, как оказалось, особым авторитетом среди бывших анархистов А.А. Солонович не пользовался. Тем не менее собрать вокруг себя небольшой кружок друзей и единомышленников ему все же удалось. Центральной идеей, с которой носился в это время А.А. Солонович, стало создание некоего «Всероссийского альянса анархистов», высшая мера наказания возможным участни-

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 293.

кам которого была, можно сказать, гарантирована. К сожалению, поняли это А.А. Солонович и его друзья не сразу.

Деятельным помощником Солоновича был уже известный нам Д.А. Бем. Как и Солонович, он также был в 1931 году приговорен по делу «Ордена Света» к пяти годам ИТЛ, а затем неожиданно переведен из Ярославского политизолятора в Нарым. В Каргасоке он оказался в августе 1934 года. Конечно же, никакой случайности в этом совпадении не было. Д.А. Бем был специально завербован ОГПУ, чтобы следить за Солоновичем. Кроме того, здесь же, в Каргасоке, оказался и ряд других знакомых А.А. Солоновичу анархистов: Г.Г. Волков, И.И. Иоффе, И.И. Шаревский. Задача, которая ставилась ОГПУ перед этими людьми, и в частности перед Волковым, заключалась в том, чтобы «помочь» А.А. Солоновичу с организацией «Всероссийского альянса анархистов». Неудивительно, что, оказавшись в Каргасоке, Д.А. Бем становится ближайшим другом А.Л. Солоновича. Другим его ближайшим помощником стал М.С. Мокринский, также завербованный НКВД. Поражает не только неосмотрительность в выборе помощников и друзей, но и ничем не оправданная болтливость А.А. Солоновича. *«XVII съезд ВКП(б), — говорил он в сентябре 1934 года, — это сборище мерзавцев и негодяев... Большевики притесняют не только беспартийных, но и друг с другом живут как кошка с собакой. Чуть левей или правей генеральной линии — пожалуйста в застенок на Лубянке, где поплатились своей жизнью умные люди. ГПУ временно задушило анархизм, но не анархист тот, кто ноет и преждевременно складывает оружие; сейчас безумие устраивать многочленные анархистские собрания, но тесное общение маленьких групп необходимо»¹*. Конечно же, обо всех высказываниях такого рода «друзья» А.А. Солоновича немедленно докладывали в НКВД. Как полагает А.Л. Никитин, речь может идти о тщательно подготовленной ОГПУ «грандиозной политической провокации», которая была направлена не

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 240.

только против ссыльных, но и уже освобожденных к этому времени анархистов, проживавших в Москве и Ленинграде. Уже известный нам Г.Г. Волков должен был специально объехать все сколько-нибудь заметные центры сосредоточения анархо-мистиков — в Ульяновске, Семипалатинске, Пензе и др. с целью установления их связи с кружком А.А. Солоновича. Впрочем, с заданием, по причине непробудного пьянства, Г.Г. Волков не справился и 25 июля 1935 года был арестован. Миссия его была, однако, продолжена еще одной подсадной уткой в лице И.И. Шаревского. Летом 1934 года он опять-таки совершенно неожиданно был освобожден из ссылки и вернулся в Москву. Здесь он сразу же начинает восстанавливать старые анархистские связи и хлопотать о создании анархистской группы¹. Тем временем 25 января 1937 года в Каргасоке был арестован А.А. Солонович. Вместе с ним подверглись аресту и его ближайшие соратники: Д.А. Бем, М.С. Мокринский, С.М. Зильберг, П.А. Фисун, Н.А. Болотова, В.Ф. Фролов, О.Х. Проккопенко и ряд других. Понимая, что это конец, А.А. Солонович отказался от дачи показаний, был избит и объявил, в конце концов, голодовку. Доставленный 23 февраля 1937 года в больницу ОМЗ НКВД в Новосибирске, он умер 4 февраля от сердечной недостаточности².

Следствие между тем продолжалось. *«Мне известно, — показывал 5—7 марта 1937 года Д.А. Бем, — что анархист Солонович Алексей Александрович, отбывая ссылку в селе Каргасок Нарымского округа, вел работу по созданию анархо-мистической организации в Советском Союзе. Организация ставила своей целью свержение советской власти и установление анархистского строя»*.³

Судьба каргасокских фигурантов по делу «альянса» была следующей. Выездной сессией Военной коллегии

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 237.

² Налимов В. В. Канатоходец. М., 1994. С. 412—415.

³ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 245.

Верховного суда СССР 29 октября 1937 года М.С. Мокринский, С.М. Зильберг и П.А. Фисун были приговорены к высшей мере наказания и в тот же день расстреляны. Н.С. Болотова и О.Х. Прокопенко получили по десять лет исправительно-трудовых лагерей. 4 июня 1938 года был расстрелян и Д.А. Бем¹.

Однако, помимо каргасокского кружка во главе с А.А. Солоновичем, существовал еще и московский кружок тамплиеров. Возглавляла его жена А.А. Солоновича Агния Онисимовна Солонович (род. в 1888 г. в г. Карачеве). К анархистам она примкнула еще в 1916 году и до ареста работала машинисткой в Музее им. П.А. Кропоткина в Москве. Невзгоды, обрушившиеся на нее и на ее мужа, не сломили эту, вне всякого сомнения, сильную женщину, идейно убежденную анархистку. И после освобождения она поддерживала тесную связь со своим мужем, находившимся в ссылке в уже известном нам селе Каргасок, и в соответствии с его указаниями стремилась продолжить орденскую деятельность, доведя дело до посвящения в 1935 году в первую орденскую степень Ю.Н. Проферансова и В.В. Налимова. Одновременно с этим продолжал работать под руководством А.О. Солонович ее собственный мистический кружок (А.О. Болотова. М.А. Назаров и его сестра, Е.А. Назарова). Тесным образом с А.О. Солонович и М.А. Назаровым были связаны также Е.В. и Г.В. Гориневские². Были введены А.О. Солонович в свой кружок и новые лица: инженер ЦАГИ Б.В. Коростелев и филолог Д.С. Недович — матерый, как впоследствии оказалось, провокатор, регулярно докладывавший в НКВД начиная с 1933 года обо всем, что происходило в кружке. Неудивительно, что, войдя в доверие к А.О. Солонович, Д.С. Недович тут же стал добиваться официального посвящения в орден и в 1935 году добился-таки своего. Более убедительного доказательства

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 296.

² Там же. С. 240.

того, что подпольная деятельность ордена тамплиеров продолжалась, было, пожалуй, и не придумать — а это, собственно, и нужно было чекистам, прежде чем они решились пойти на новые аресты среди мистиков.

Тем временем приехавшая к находившемуся в ссылке в Каргасоке уже известному нам Д.А. Бему его знакомая пианистка из Новосибирска Н.С. Болотова настолько увлеклась А.А. Солоновичем, что осталась с ним на правах его новой жены. Для жены старой, А.О. Солонович, это был, несомненно, сильный удар, и так получилось, что как раз в это время, 20 июля 1936 года, член ее московского кружка Иосиф Исаевич Иоффе (род. в 1913 г. в Самарканде) пишет официальное заявление в ОГПУ, в котором сигнализирует о существовании в Москве под непосредственным руководством А.А. Солоновича нелегальной анархистской группы в составе Юрия Николаевича Проферансова, Иосифа Исаевича Шаревского, Василия Васильевича Налимова и Игоря Брешкова. *«Группа, — доносил И.И. Иоффе, — находилась под идейным руководством Алексея Александровича Солоновича и состояла с ним в организационной связи сначала через Назарова Михаила Алексеевича, Пахомову Ольгу Сергеевну и, наконец, в последние годы непосредственно была связь через Агнию Онисимовну Солонович»¹.*

ОГПУ, однако, не торопилось с арестами. Развязка наступила только поздней осенью 1936 года, когда в ночь на 22 октября в Москве были арестованы: А.О. Солонович, Е.В. Налимов, И.И. Шаревский, 24 октября 1936 года арестован Ю.Н. Проферансов в Минске, 27-го — старший сын Солоновичей — С.Л. Солонович и его шурин В.К. Покровский. 31 октября 1936 года был арестован и С. Брешков, 15 ноября сестра Агнии Онисимовны А.О. Болотова², 27 октября 1936 года — М.А. Назаров, 19 марта 1937 г. — Г.В. Гориневский, 9 мая 1937 г. поэт и переводчик П.А.Аренский.

Следствие к этому времени уже близилось к концу. «Ка-

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 241.

² Там же. С. 242.

жется, в начале 1935 года, — показывала 3 декабря 1936 года Е.А. Назарова, — *Агния Солонович в присутствии Назарова М. произвела обряд посвящения меня и Недовича в низшую степень ордена. Перед посвящением Солонович обратилась к нам с речью, в которой указывала, что целью ордена является борьба со злом внутри себя, то есть самоусовершенствование, и вне себя — то есть борьба со всем насилием, откуда бы оно ни исходило. Далее она говорила, что орден — тайный, поэтому необходимо молчать об его существовании*¹. «Агния Онисимовна Солонович, — показывал 27 мая 1937 года другой подследственный, Борис Васильевич Коростелев, — *приблизительно в начале 1935 года у себя на квартире в присутствии Назарова Михаила Алексеевича предложила мне вступить в «Орден тамплиеров». Одновременно она рассказала мне краткую историю ордена и сообщила, что этот орден существует в настоящее время во всем мире и его члены есть и в нашей стране*².

Фигурировало в деле и высказывание Григория Полякова на одном из собраний мистиков в присутствии самой Агнии Солонович 7 мая 1934 года в Сокольниках. «*Власть забрали воинствующие евреи-марксисты, превратившие страну в застенок; сейчас идет грызня за власть, что значит слабость внутри партии. Отсюда задача — везде, где только можно, разваливать советский аппарат, лезть в ударники, делать карьеру и вредить незаметно, подпольно*³.

Однако Агния Онисимовна, хорошо понимая, что ее ждет, все отрицала. Тем не менее при помощи провокатора И.И. Иоффе⁴, показаний Ю.Н. Проферансова и ряда других следствию удалось, нарисовав более или менее убедительную картину «преступной деятельности» А.О.Солонович и связанных с нею лиц, предъявить арестованным офи-

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 243.

² Там же. С. 300.

³ Там же. С. 240.

⁴ Там же. С. 239.

циальное обвинение. Что же касается приговора, то и он не заставил себя долго ждать.

Постановлением ОСО НКВД СССР от 9 июля 1937 года были приговорены: Г.В. Гориневский и С.Р. Ляшук, П.А. Аренский и С. Брешков, Б.В. Губерт-Поспелова, Б.В. Коростелев, В.В. Налимов, Ю.Н. Проферансов, А.О. Болотова — к пяти годам ИТЛ. Еще раньше, 29 июня 1937 года, выездной сессией военной Коллегии Верховного суда СССР были приговорены к высшей мере наказания М.А. Назаров, А.О. Солонович, И.И. Шаревский, Ф.Б. Ростопчин. Наконец, 29 октября 1937 года был расстрелян М.С. Мокринский¹.

3. РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ

В феврале 1928 года в Москве были проведены аресты по делу оккультного розенкрейцерского ордена «Эмеш Редивиус» во главе с Вадимом Карловичем Чеховским (1902—1929) и Евгением Карловичем Тегером (р. 1890). Главной своей задачей руководители ордена ставили, с одной стороны, практическое решение вопроса о передаче мыслей на расстоянии, а с другой — овладение при помощи оккультных методов стихийными духами или элементариями. Е.К. Тегер, немец по происхождению, еще в юношеские годы увлекся анархизмом и оккультным знанием. После Октябрьского переворота 1917 года он перешел на сторону советской власти и даже работал некоторое время в качестве советского консула в Афганистане. Вернувшись в начале 1920-х годов в Москву, Е.К. Тегер организовал здесь в 1923 году небольшой розенкрейцерский кружок (А.И. Ларионов, Ф.П. Веревин), ставящий своей задачей овладение тайнами средневековых розенкрейцеров. В 1925 году в кружок вошел молодой метеоролог В.К. Чеховской, В.В. Преображенский и ряд других лиц. В Москве, на Малой Лубянке,

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 300.

д. 16 члены кружка арендовали небольшой подвал у домкома, где и проводили свои опыты.

В феврале 1928 года, как уже отмечалось, В.К. Чеховской и Е.К. Тегер были арестованы, а вместе с ними та же участь постигла еще десятка два тесно с ними связанных членов кружка. После проведенного ОГПУ расследования этого дела руководители сообщества Тегер и Чеховской были отправлены в концлагерь на Соловки. Тегера вскоре, впрочем, перевели по болезни в Среднюю Азию, где он и сгинул. Чеховской же в октябре 1929 года был расстрелян за участие в подготовке побега группы заключенных¹.

Признанным лидером московских розенкрейцеров первой половины 1920-х годов был инженер путей сообщения Владимир Алексеевич Шмаков. Сын черносотенца Алексея Семеновича Шмакова (1852 — 1916), известного публициста, специалиста по еврейскому вопросу, он получил известность в оккультных кругах Москвы и Петербурга своим фундаментальным исследованием по тайному знанию «Священная книга Тота». В 1922 году, то есть уже при советской власти, выходит в свет еще одно фундаментальное исследование В.А. Шмакова — «Пневматология». Из других работ В.А. Шмакова можно указать еще и на его книгу «Закон Синархии», увидевшую свет в Киеве в 1994 году². Выдающиеся способности и фундаментальные знания, которыми обладал В.А. Шмаков в области тайной науки, позволили ему организовать в 1922 году на своей квартире в Москве небольшой розенкрейцерский кружок. Его посещали известный философ и богослов П.А. Флоренский, искусствовед А.А. Сидоров, биофизик М.И. Сизов, инженер В.П. Веревин, врач М.В. Дорогова, филолог-языковед В.В. Белюстин. Круг занятий членов кружка был вполне традицио-

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 186.

² Шмаков В. Закон Синархии. Учение о двойственной иерархии монад и множеств. Система эзотерической философии. Киев, 1994.

нен для оккультистов: лекции по арканологии (философия мистики), практические занятия по каббалистике и прочее¹.

Любопытные показания об этом кружке и его членах дал в 1944 году Д.С. Недович. *«Вопрос: Что из себя представляет упомянутый вами Владимир Иванович Жданов? Ответ: Со Ждановым я знаком еще с 1919 года. Встречался с ним первое время у тамплиера Шмакова Владимира Алексеевича — сына известного антисемита, который использовал библиотеку своего отца при изучении еврейской религиозно-мистической философии каббалы и писал в то время каббалистическую книгу «Великие арканы Таро». В этой книге Шмаков придавал универсальное значение двадцати двум символическим изображениям, воплощавшим эти арканы и сосредоточившим в себе якобы всю мировую мудрость. Об этих арканах Таро Шмаков читал у себя на дому лекции. Лекции Шмакова слушали: я, Недович, художник Масютин Василий Николаевич (эмигрировал в 1920—1921 гг.), священник Флоренский Павел Александрович (находится в ссылке) и названные мною А.Н. Ларионов и М.Д. Асикритов»².*

В 1924 году В.А. Шмаков покидает СССР (умер в 1929 году в Аргентине от «удара»). Преемником его в роли руководителя кружка стал Всеволод Вячеславович Белюстин (1899—1943) — сын сенатора, окончил Александровский лицей по филологическому отделению. В годы Гражданской войны в России он оказался в Крыму, откуда переехал в 1922 году в Москву. Благодаря хорошей языковой подготовке был принят в 1924 году в Наркомат иностранных дел СССР в качестве переводчика. Здесь Белюстин проработал вплоть до 1932 года, когда его уволили как бывшего дворянина. По свидетельству знавших его, В.В. Белюстин был умен, образован, красив и хорошо воспитан.

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 179.

² Орден российских тамплиеров. Т.2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 336.

Это, однако, ничуть не мешало ему выдавать себя (по крайней мере, он никогда не опровергал этого) за очередное воплощение легендарного розенкрейцера графа Сен-Жермена¹ (1701 (по другим данным, 1695) — 1784²). «Сен-Жермен» в переводе означает «святой брат». Именно под таким псевдонимом (подлинное имя его неизвестно) появлялся время от времени в Париже авантюрист — сын, как полагают, трансильванского князя Ференца Ракоци II. Впрочем, в других европейских городах и столицах он появлялся совсем под другими именами (граф Салтыков, принц Рагоци и др.). Дело, впрочем, тут не в именах, а в том, что этот смуглый господин, среднего роста, с черными волосами и правильными чертами лица, будучи членом тайного общества розенкрейцеров, выдавал себя за великого мага, способного творить чудеса: излечивать смертельно больных, превращать медные пятаки в золото и, конечно же, предсказывать будущее³. Летом 1962 года Сен-Жермен посетил Санкт-Петербург. Считается, что потрясения Великой французской революции 1789 года были предсказаны им еще в 1777 году во время беседы с Марией-Антуанеттой. Король, впрочем, от встречи с ним уклонился.

Разумеется, такой «великий человек» не мог просто так взять и умереть, как прочие люди. Он и не умер, считают розенкрейцеры. Иначе говоря, смерть его, утверждают они, была всего лишь «философской смертью» — трюк, понадобившийся ему для того, чтобы тут же перевоплотиться в другое (тоже, разумеется, знаменитое) лицо. За такое очередное воплощение графа и выдавал себя наш герой.

Конечно, В.В. Белюстин был авантюрист, но авантюрист, несомненно, талантливый и очень умный. В 1926 году

¹ Никитин А.Л. Московский Сен-Жермен, или Работник комиссариата иностранных дел — глава тайного мистического ордена // Знание — сила, 1998, № 6. С. 119—130.

² Володарская О. По следам Сен-Жермена // Наука и религия, 1996, № 11. С. 35.

³ Жан Поль Луве. Сен-Жермен — бессмертный розенкрейцер. М., 1999.

на основе распадавшегося кружка В.А. Шмакова он организует свой собственный «Московский орден манихеистов» или, как они себя называли, неорозенкрейцеров орионийского посвящения. Общее число членов его составляло 16 человек: М.И. Сизов, С.В. Палисадов, В.В. Новиков, В.Л. Волкова, А.Л. Толмачева-Виппер, М.В. Дорогова, Ф.П. Веревин, художник В.П. Монин, инженер В.И. Жданов, супруги Грушевы¹. Большая часть членов этого сообщества активно участвовала в работе ряда других оккультных кружков и групп Москвы 1920-х годов, в частности «Ордена тамплиеров».

Цель ордена В.В. Белюстина, как и в близком к нему по направлению кружке Чеховского—Тегера, заключалась в овладении магическими способностями средневековых розенкрейцеров². Что же касается средств достижения этой цели, то ими было признано достижение астрального посвящения, то есть возможности существования в двух мирах — реальном физическом мире и мире астральном, потустороннем. Как обязательная ступень на пути выхода в астрал рассматривалось овладение «братьями» первоначальными навыками ясновидения и телепатии.

С арестом в 1928 году Тегера и Чеховского и ликвидацией их кружка та же участь должна, казалось бы, постигнуть и кружок Белюстина. Этого, однако, не произошло, хотя сам Белюстин и был арестован. Но продержали в заключении его недолго, и уже через три месяца ОГПУ отпустило его на свободу. В результате, несмотря на легкий испуг, члены его кружка спокойно работали вплоть до весны 1933 года. Здесь нет необходимости в подробном изложении учения неорозенкрейцеров вследствие его исключительно книжного происхождения. Из доступной оккульт-

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 181 — 182.

² О розенкрейцерах см.: Холл Менли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994. С. 514—637.

ной литературы была почерпнута символика и обрядность ордена.

Некоторое представление о ней дает текст священного гимна «Великое заклинание владыки Телема» (т. е. Астрала), коллективно исполнявшегося членами кружка:

«О великий Телем, Духо-Материя проявленной Вселенной! Твоя стихия объемлет необъятные бездны Мироздания и пребывает во мне, ибо Вселенная и я — едины. О Великий Огонь, Принцип Жизни! Ты горюшь в каждом атоме бытия и сознания Сущего и пылаешь во мне неугасимой искрой Жизни... О Великий Воздух, принцип Творчества! Ты замыкаешь Миры в круг свето-идей и хранишь их сокровенной Тайной... О Великая Вода, принцип Произрождения! Ты проникаешь в недра всех Вещей и течешь во мне алым потоком... О Великая Земля, принцип Смерти и Возрождения! Ты поглощаешь Материю, дабы открыть Духу Врата Свободы... Благословляем и славословим тебя, Неизреченная Пентаграмма Стихий, пребывающая в Великой Пентаграмме Человека и пробуждающая ее лучи к извечному Творчеству в Боге, Человеке и Вселенной!..»¹

После этого происходил великий вызов Владык пентаграммы Стихий. Покой погружался во мрак. Присутствующие преклоняли колена и погружались в ментальное созерцание серебряного диска с фиксацией возможных зрительных восприятий.

После того как покой освещался, присутствующие поднимались с колен, подходили к престолу и замыкали вокруг него магическую цепь. Далее происходило вознесение предметов ритуала (крест, жезл, меч, чаша, пантакль, магические зеркала — квадратные, черно-матовые, курильница) и Великое заклинание Владык Пентаграммы Великих Стихий. Наконец присутствующие размыкали магическую цепь и, поклонившись Верховному жрецу (т. е. Белюстину), возвращались на свои места.

Далее помещение вторично погружалось во мрак, дабы

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 188.

присутствующие могли испытать «личный экстаз» и узреть возможные ментальные образы.

Помещение снова освещалось. Верховный жрец благословлял присутствующих священными предметами ритуала. Присутствующие поднимались и, начиная с младшего и кончая старшим, преклоняли колена и, поклонившись Верховному жрецу, возвращались на свои места, после чего совершалась Священная молитва, присущая Пентаграмме Великих Стихий.

Затем присутствующие по очереди подходили к престолу, держа меч в правой опущенной руке, опускались перед ним на колени, вставали и во главе с Верховным жрецом по очереди обходили вокруг него и вокруг малых престолов и, поклонившись Верховному жрецу, возвращались на свои места. Все это должно было символизировать мистический обряд обручения адептов ордена со Стихиями.

«Надо признаться, — пишет А.Л. Никитин, — что сохранившиеся рукописи открывают нам удивительный мир, в котором жили московские розенкрейцеры». Вселенная представляла перед ними в виде семи «космических кругов», включающих в себя различные звездные системы, каждая из которых имела собственное имя и о которых им было все известно — от количества обитаемых и необитаемых миров вплоть до числа комет, бороздящих межзвездные просторы. Соответствующим образом они рассматривали историю Земли, историю человечества и историю России — как поле битвы Света и Тьмы, поле битвы Добра и Зла. Они приняли дуализм древних манихейцев как основу мироздания и потому считали, что каждый розенкрейцер должен пройти два посвящения — не только светлое, но и темное, чтобы уметь распорядиться силами тьмы¹.

Уже упоминавшийся С.В. Палисадов показывал в 1933 г. *«Различается «ток Света» и «ток Тьмы», что дает нам Белое и Черное посвящение. Белое Посвящение, основанное на*

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 189.

«токе Света», способствует эволюционному восхождению в область раскрытия сознания и достижения совершенства. Черное Посвящение, базирующееся на «токе Тьмы», привлекает в область материи и затемняет сознание, мешая эволюции.

В астрале происходит вековая, непрекращающаяся борьба светлых и темных сил, причем успех бывает то на одной, то на другой стороне. Настоящий переживаемый момент является моментом господства темных сил, т. е. сил, принуждающих к остановке на пути эволюции благодаря порабощению сознания материей. Избавление от уз материи совершается при сознании иллюзорности физического плана и направления сознания на мир идей.

Приблизительно получается концепция Ормузда—Аримана, или бога Добра и бога Зла как борющихся начал. Как известно, эта концепция отразилась в христианстве в виде будущего пришествия Антихриста, сына Сатаны, который будет править Землей. Отсюда попы провозглашали «Антихристом» каждое лицо, которое вставало на их дороге. Очень близкие им по своей духовной немощи теософы, кажется еще в 1924 г., рассматривали большевизм как некое проявление сатанизма. От них эта концепция перешла в мистические кружки и т. д.; благодаря чему в настоящее время сплошь и рядом можно слышать, что большевики, как и вожди их, суть сатанисты. Этому еще способствовал циркулировавший по Москве в 1924 г. слух, что в Кремле есть «Люциферианский Центр». Таким образом, сравнение коммунизма с сатанизмом есть результат концепции «добра—зла», толкуемый в обратном смысле.

Розенкрейцеры обычно уделяют много места философскому понятию «добра—зла», рассматривая первое как освобождение от уз материи, а второе — как «окутывание» материей. В официальном орденом учении «добро—зло» трактуется только с метафизической точки зрения. В практической магии, указывающей путь борьбы со злом, даются более кон-

кретные указания относительно носителей зла в астрале и способах борьбы с ними»¹.

Что касается целей кружка В.В. Белюстина, то сошлемся здесь на А.Л. Никитина. Московские розенкрейцеры, пишет он, «стремились к власти — сначала, как исторические розенкрейцеры к власти над стихийными силами Земли и космоса, затем — к власти над мировыми силами зла, чтобы стать владыками мира и благодетельствовать человечество»².

Аресты 1933 года положили конец ордену неорозенкрейцеров. Арестовали 22 апреля 1933 года и самого Всеволода Вячеславовича Белюстина. Однако в связи с его согласием стать секретным осведомителем ОГПУ на «мистическом фронте» постановлением Коллегии ОГПУ он был 21 июня этого же года освобожден³. Не пострадали, за редким исключением (Ф.П. Веревин, М.В. Дорогова, супруги Трущевы), и другие члены ордена. Все это, конечно, неспроста. В.В. Белюстин, как мы уже знаем, работал на ОГПУ. Но очевидно, что и других неорозенкрейцеров до поры до времени ОГПУ берегло. Время их, казалось, пришло только в 1940 году. Именно на 4 мая этого года приходится новый, и на этот раз уже по-настоящему серьезный арест «графа Сен-Жермена». Взяли В.В. Белюстина в далеком Сталинабаде (Душанбе), где он преподавал немецкий и английский языки в местном педагогическом институте. В это же время, 10 июля 1940 года, был арестован и обосновавшийся в поселке Гудауты в Абхазии Б.В. Астромов⁴.

В Москве им предложили выступить в качестве свидетелей затевавшегося НКВД большого процесса против уче-

¹ Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 190.

² Там же. С. 189—190.

³ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 342.

⁴ Оппоков Виталий. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия, 1995, № 2. С. 107.

ных-востоковедов, которых он намеревался представить в качестве шпионов, работавших на разведки целого ряда зарубежных государств. В качестве других свидетелей по этому процессу, наряду с показаниями В.В. Белюстина и Б.В. Астромова, предполагалось использовать и показания других масонов, в частности С.А. Палисадова и Е.К. Тегера. Однако безусловное согласие на это дали только В.В. Белюстин и С.В. Палисадов, что выдает их, как говорится, с головой как бывших сотрудников ОГПУ. Что же касается Б.В. Астромова и Е.К. Тегера, то они отказались участвовать в готовившемся судебном спектакле. Конечно, не стоит думать, что именно их позиция явилась тому причиной, но процесс этот так и не состоялся. Что касается В.В. Белюстина, то ему на этот раз уйти от ответственности не удалось. 10 лет лагерей — таков был приговор по его делу Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 апреля 1941 г. Умер он в лагере в 1943 году. Такая же участь постигла и Б.В. Астромова. Его следы затерялись на просторах ГУЛАГа.

4. ЧЕКИСТЫ И МАСОНЫ

Самое поразительное — что даже начавшаяся война не охладила рвения чекистов по ликвидации еще оставшихся на свободе мистиков. 24 июня 1941 года был арестован уже известный нам театральный художник Леонид Алексеевич Никитин (1896—1942), осужденный ранее по делу «Ордена тамплиеров»¹. В 1934 году он был освобожден и поселился в городе Загорске Московской области. В этот же день та же участь постигла и бывшего теософа Бориса Алексеевича Смирнова (Русецкого) (1903—1993), а также А.Н. Ершова и Н.Ю. Суллу (С.И. Шумский). Приговор 16 декабря 1941 года в отношении арестованных мистиков был суровым: 10 лет исправительно-трудовых лагерей. «Сдал» их

¹ Никитина В. Р. Дом окнами на закат. М., 1996. С. 143—150.

всех, как это выясняется в свете последних разысканий¹, их товарищ, художник-искусствовед Алексей Алексеевич Сидоров (1891—1978)². Труды этого выдающегося советского ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР, работавшего в последние годы в Институте истории искусств, широко известны в нашей стране. Его исследования по древнерусской книжной гравюре, искусству оформления книги, истории и теории русской графики начала XX века получили высокую оценку среди специалистов. Хорошо известен А.А. Сидоров и как страстный коллекционер. Одним словом, умер Алексей Алексеевич в 1978 году с репутацией крупного ученого, преданнейшего друга книги и видного советского библиофила. И только в самое последнее время благодаря новым разысканиям в архивах ФСБ московского историка А.Л. Никитина стали известны факты, позволяющие охарактеризовать А.Л. Сидорова не только как видного ученого и библиофила, но и масона, тамплиера и розенкрейцера, входившего в свое время в группу М.В. Дороговой и В.В. Белюстина, а также как одного из «выдающихся»³ кадровых сотрудников органов идеологического и политического сыска тех лет, или, говоря проще, секретного агента НКВД с 1933 года.

А между тем квартира А.А. Сидорова в Москве всегда славилась не только радушием и гостеприимством своего хозяина, обширнейшей библиотекой едва ли не по всем отделам оккультного знания, но еще и была традиционным местом встреч или, лучше сказать, посиделок для интересующихся тайным знанием. И только немногие знали или догадывались, кем на самом деле является любезнейший Алексей Алексеевич.

Одним из таких лиц был известный мистик, художник

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 332.

² Горячева Л. Алексей Алексеевич Сидоров. М., 1974.

³ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 331.

Борис Алексеевич Смирнов (Русецкий). «В 1939 году, — показывал он (1941 г.), — я через Соколова-Вольского познакомился с профессором-искусствоведом Сидоровым Алексеем Алексеевичем... Из бесед с Сидоровым я узнал, что он являлся масоном, и как бывший в ранге мастера ложи, по словам Сидорова, он имел связь с другими оккультными кружками, существовавшими в Советском Союзе. По линии масонства имел связи за границей. Мне он тоже предлагал стать его учеником по линии масонства... Примерно в апреле или мае 1941 года во время нахождения на квартире Сидорова он мне сказал, что хорошо знает о моих антисоветских убеждениях, взглядах и настроениях. Далее Сидоров заявил, что формы борьбы с советской властью; к которым прибегаю я и Соколов-Вольский, слишком слабы и неэффективны. Тут же он предложил мне заняться более серьезной борьбой с Советским государством или, как он выразился, «заниматься настоящей работой, серьезной». Я понял, что он предложил мне заняться шпионажем. Считая это для себя неприемлемым, я отказался»¹.

Как «наседку» НКВД характеризовал в 1937 году А.А. Сидорова в приватном разговоре с Д.С. Недовичем и известный поэт-мистик Александр Илларионович Ларионов (1889—1993), прямо предупредив его, что Сидоров «сдает людей» и как человека его следует безусловно остерегаться², и предупредил, как оказалось, вовремя. «В 1939 году, — вспоминал позже (1944 г.) Д.С. Недович, — мною заинтересовался искусствовед Алексей Алексеевич Сидоров. Он пригласил меня к себе, угощал и настойчиво расспрашивал, не вхожу ли я в какую-нибудь группировку мистического характера. Говорил, что теперь мало осталось людей старой культуры, которым, говорил он, нужно объединяться и привлекать новых любителей мистики. Тогда Сидоров предложил объединиться с ним и привлечь Никитина Леонида Алексеевича и Асикритова Михаила Даниловича. На мой вопрос, что же это объединение должно из себя представлять, Сидоров заявил, что он —

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 332.

² Там же. С. 333.

один из последних масонов, расформированных революцией. Раньше с ним работали двое: некий Кириченко-Астромов-Ватсон (имени он не назвал), проживающий где-то на Кавказе, и Белюстин Всеволод (отчества не упоминал), проживающий в Средней Азии... Вопрос следователя: Вы дали согласие на объединение? Ответ: Я отказался, а вернее, я от него сбежал после того, как он сделал мне масонское рукопожатие...»¹

И хотя от А.А. Сидорова Дмитрий Саввич благополучно сбежал, сделать это в отношении НКВД ему не удалось, с чем, собственно, и были связаны его последующие несчастья.

Родился он в 1889 году в Вологде, в семье горного инженера. В 1912 году окончил историко-филологический факультет Московского университета, после чего работал хранителем Музея изящных искусств. С 1921 года — профессор искусствоведения на факультете общественных наук МГУ. Действительный член Академии художественных наук (ГАХН) с 1922 года.

Но это одна, показная сторона биографии Д.С. Недовича. Вторая, потаенная ее сторона заключалась в том, что этот видный искусствовед и анархо-мистик являлся в то же время деятельнейшим членом «Ордена тамплиеров» и был вхож практически во все оккультно-мистические кружки и группы тогдашней Москвы. Это позволяло ему быть в курсе практически всего, что происходило тогда в этой области, и регулярно докладывать обо всем увиденном и слышанном в ОГПУ, осведомителем которого он являлся с 1932 года. Звездный час провокаторской деятельности Дмитрия Саввича пришелся на 1936 год, когда он много помог следователям НКВД при фабрикации дела так называемой «московской группы» «Всероссийского альянса анархистов» во главе с А.О. Солонович. Можно констатировать, что на совести Дмитрия Саввича не одна сломанная и загубленная человеческая жизнь. Возмездие настигло провокатора в 1944 году. 5 октября этого года он был неожиданно аресто-

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 333.

ван за расшифровку перед своей знакомой «своей секретной связи с органами НКГБ». Выдала Дмитрия Саввича его близкая приятельница М.К. Лемке¹.

В результате доблестные чекисты обвинили своего бывшего сотрудника в двурушничестве и предательской деятельности, а также созданию у себя на дому «мистической антисоветской группы». По тем временам этого вполне хватило на десятилетний срок. Умер он в камере Бутырской тюрьмы в октябре 1947 года².

М.В. Дорогова (1889—1981) также, по всей видимости, была связана с НКВД. Первый ее арест случился 14 апреля 1933 года. Однако уже 21 июня этого же года она была освобождена. 2 ноября 1935 г. последовал новый арест, и как член «контрреволюционной мистической организации» Мария Вадимовна получила 15 января 1936 года три года ссылки. Однако дальше случилось «чудо»: по чьему-то приказу она неожиданно была снята с этапа и вернулась в Москву. И больше арестам уже не подвергалась³.

Конечно, А.А. Сидоров, Д.С. Недович и М.В. Дорогова — это наиболее выдающиеся из провокаторов, запущенные ОГПУ — НКВД в среду российских мистиков. Однако в целом эффективность работы карающего и надзирающего органа Страны Советов во многом определялась усилиями не отдельных, пусть и выдающихся мастеров провокации, а целой армией рядовых членов мистических сообществ, согласившихся в силу обстоятельств на сотрудничество с ОГПУ — НКВД СССР. Только из числа лиц, проходивших по делу «Московского ордена тамплиеров», в этой неблагоприятной роли засветились: Д.А. Бем, А.С. Поль, Г.Г. Волков, Н.И. Ладыженский, А.Ф. Евстратова, Н.В. Водовозов, Г.Е. Ивакинская и др. Конечно, многим из них по воле своих палачей также пришлось разделить печальную участь

¹ Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 334.

² Там же.

³ Там же. С. 342.

выданных ими товарищей. И дело тут не только в том, что у чекистов не было резона жалеть вынужденно согласившихся на сотрудничество подследственных. Замысел чекистской провокации как раз и строился на том, чтобы провокаторы полностью разделили участь своих товарищей. Ведь только в таком случае они могли рассчитывать на полное с их стороны доверие. Во всяком случае, когда уже известный нам Александр Сергеевич Польш возвратился в феврале 1934 года¹ из ссылки, никому и в голову не могла прийти мысль о его сотрудничестве с НКВД, квартира его сразу же превратилась в своеобразный островок тамплиерства в Москве².

¹ Шиповская Е. А. Исповедь Рыцаря Света. М., 1998. С. 67—68.

² Орден российских тамплиеров. Т. 2. Документы 1930—1934 гг. М., 2003. С. 323.

Заключение

Противоречивые чувства вызывает знакомство с реалиями борьбы по ликвидации ОГПУ — НКВД СССР так называемого «окультно-мистического подполья» в нашей стране. С одной стороны, все эти так называемые «духовные искания» нашей интеллигенции и, что особенно важно, та непомерно высокая цена, которую пришлось заплатить ее отдельным представителям за эти искания (зачастую это была сама жизнь), не могут не вызвать известного сочувствия. Нравственный поиск, стремление выйти за пределы серой повседневности бытия и погрузиться в волшебный мир ирреальности, потусторонности в общем-то понятны и даже в какой то мере естественны для всякого думающего человека, особенно когда речь идет о людях мыслящих, творческих. Понятно и стремление других людей, тоже по-своему творчески одаренных, но не нашедших своего места в обычной жизни, используя эту склонность человека ко всему таинственному и необычному, попытаться реализовать себя в совершенно другой плоскости, создавая различного рода новые религии, ложи и «ордена».

Конечно же, масонские кружки и ордена 1920—1930-х гг. возникли не на пустом месте. Идеальная, а иногда и организационная основа их четко прослеживается в обширном масонско-окультном подполье, сложившемся в России еще в дореволюционные годы. Несмотря на деструктивный характер деятельности этого подполья, удивляться тому, что царская охранка оказалась здесь совершенно бессильной, не приходится. Поражает другое — удивительная легкость, с какой «клевали» на эту наживку наша дореволюционная творческая интеллигенция (В.Я. Брюсов, Вяч. Иванов, Андрей Белый, Александр Блок, Д.С. Мережковский и другие). Очень уж легко самозванные духовные «учителя» находили себе паству в нашей стране, хотя, казалось бы,

прежде чем войти в ту или иную ложу, оккультный или бо-гоискательский кружок, стоило бы нашему интеллигенту задуматься: а что или кто стоит за проповедниками тайного знания, новой веры и новой религии. Спириты, теософы, мартинисты, филалеты, розенкрейцеры, софианцы... Ордена разные, но результат один — эрозия национального самосознания, причем под ударом всегда оказывалась «живущая сила Руси» — ее государственность, национальные основы и православие. И это в самые, можно сказать, судьбоносные годы начала XX века, когда страна неудержимо катилась к революции и своему краху.

Понимали ли это сами члены исследованных нами орденов и религиозно-мистических кружков, представлявших, как правило, «сливки» тогдашней российской интеллигенции, отдавали ли они себе ясный отчет в своих действиях?

Конечно же, у разных интеллигентов и в разных кружках многое было по-разному. Но в целом, как представляется, ответ на этот вопрос может быть только положительным. Да, сознавали. В массе своей (и в этом, несомненно, одна из причин трагедии нашей дореволюционной государственности) это был вполне сознательный выбор. Слишком уж силен был среди нашей тогдашней интеллигенции дух неверия, вражды к государству и богоборчества.

Во многом поучителен и трагический опыт духовных исканий российской интеллигенции в советские годы. При всей противоречивости и неоднозначности ее отношения к большевикам и происходившим в стране переменам (для многих уход в мистику был в то время своеобразным бегством от социалистической действительности), космополитизм, острая неприязнь к православной церкви и русским национальным началам по-прежнему являлись определяющими для духовного облика большинства членов религиозно-мистических интеллигентских сообществ 1920—1930-х годов. Исключения, как, например, православное «Братство Серафима Саровского», о котором подробно рассказано в этой книге, конечно же, были, однако, к сожалению, это

были именно исключения. Отнюдь не они определяли духовный климат в интеллигентском сообществе этого времени.

Трудно сказать, то ли по этой, то ли по другим причинам, но оккультистов в первые годы советской власти ОГПУ не трогало. К ликвидации их кружков оно приступило только с 1925 года, причем с самого начала отношение к ним было неоднозначным, и в руководстве этого ведомства (Глеб Бокий, Яков Агранов), как и в Наркоминделе (Г.В. Чичерин), существовали определенные планы использования «масонов» в интересах Советского государства, причем не только для внутренних, так сказать, нужд (исследования в области паранормальных явлений в лаборатории А.В. Барченко), но и при решении вопросов внешней политики (Трансгималайская экспедиция Н.К. Рериха 1925—1928 гг.). Окончательная ликвидация парамасонских кружков и групп растянулась вследствие этого вплоть до конца 1930-х годов.

Наиболее востребованными нашей интеллигенцией 1920-х годов оказались тамплиеры, сумевшие увлечь в свои ряды таких видных представителей театрально-художественного и научного мира, как режиссеры Ю.А. Завадский, Р.Н. Симонов, В.С. Смышляев, актер М.А. Чехов, литераторы П.А. Аренский, Г.П. Шторм, литературовед Д.Д. Благой, искусствовед А.А. Сидоров и др. Что касается других мистических сообществ, то вследствие чрезмерного увлечения их руководителей мистицизмом и чересчур скрытного характера деятельности их личный состав был более зауряден, хотя и здесь можно назвать известные имена: М.А. Булгаков, М.М. Пришвин, С.Д. Меркуров. Обращают на себя внимание и довольно тесные контакты между членами различных религиозно-мистических кружков этого времени. Так, антропософы М.В. Дорогова, М.Н. Жемчужникова и М.И. Сизов являлись в то же время и рыцарями тамплиерского «Ордена Духа». А М.И. Сизов и М.В. Дорогова входили к тому же еще и в неорозенкрейцерский «Орден манихистов» В.В. Белюстина. В обоих орденах, т. е. тамплиеров и розенкрейцеров, одновременно состоял и крупный совет-

ский искусствовед и «по совместительству» масон А.А. Сидоров. Другими словами, несмотря на то что ордена, в котором они состояли, и кружки, которые они посещали, были разные «по духу», по целям и житейским отношениям, все эти люди были близки и делали одно общее дело.

Первыми, кто принял на себя удар репрессивной машины Советского государства, оказались масоны и мистики Ленинграда, уже давно, как оказалось, находившиеся «под колпаком» ОГПУ: «Русское автономное масонство» Б.В. Кириченко-Астромова и ордена мартинистов и мартинезистов во главе с Г.О. Мебесом и М.А. Нестеровой. Аресты среди них были проведены в конце 1925 — начале 1926 года. В следующем, 1927 году ОГПУ были «изъяты» (по тогдашней терминологии) руководители ленинградских антропософов, члены ордена «Рыцарей Святого Грааля» во главе с А.Г. Гошерон-Делафосом и «Братства истинного служения» (руководители Г.А. Тюфяев, В.Г. Лабазин), в 1928-м арестованы члены «Братства Серафима Саровского» и «Космической академии наук», среди которых оказался и известный впоследствии академик Д.С. Лихачев. Тогда же, в 1928 году, в Ленинграде была разгромлена парамасонская структура «Воскресенье» во главе с А.А. Мейером, а в Москве чекистами был успешно ликвидирован оккультный орден розенкрейцерского толка «Эмеш Редивиус» во главе с В.К. Чеховским и Е.К. Тегером. В 1930-м — самая крупная дочерняя организация «Восточного отряда ордена тамплиеров» — орден «Рыцарей Света» во главе с А.А. Солоновичем. В том же 1930 году в связи с арестами прекратилась деятельность и московских антропософских кружков. В 1933 году по той же причине вынужден был свернуть свою деятельность и московский «Орден манихеистов» (неорозенкрейцеров арионийского посвящения) во главе с В.В. Белюстиным. Дольше всех продержались розенкрейцерский орден «Рыцарей Духа» во главе с Б.М. Зубакиным и «Единое Трудовое Братство» А.В. Барченко, которые были ликвидированы только в 1937 году.

Следует подчеркнуть, что никакой связи с границей

эти религиозно-мистические сообщества, за исключением антропософов и отчасти «Воскресенья», не имели и все их «духовные поиски», их масонство, тамплиерство и розенкрейцерство носили в известной степени доморощенный, а отчасти и книжный характер. К тому же, как оказалось, мистические кружки и ордена были буквально напичканы провокаторами, не только без зазрения совести сдававшими своих духовных братьев, но и в ряде случаев даже возглавлявшими их. Именно этим обстоятельством и объясняется, на наш взгляд, то, что вспыхнувший было в середине 1920-х годов интерес к масонским и парамасонским структурам со стороны ОГПУ на предмет возможного использования их в интересах Советского государства сравнительно быстро угас.

Как бы то ни было, к началу Великой Отечественной войны старые масонские и парамасонские центры, богоскательские кружки и братства были ликвидированы. Для возникновения же новых не было подходящих условий. Когда же наконец с перестройкой и распадом СССР такие условия в 1990-е годы наконец появились, то опять, как и в начале века, как грибы после дождя стали появляться у нас и разного толка масонские и парамасонские оккультные ордена и братства. Создается впечатление, что трагический и по-своему поучительный опыт духовных исканий российской интеллигенции XX века никого и ничему так и не научил.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ОККУЛЬТИСТЫ И ОГПУ

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ, ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Документы архива ФСБ Российской Федерации

№ 1

Б.В. КИРИЧЕНКО (АСТРОМОВ)

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1888 г. в небогатой дворянской семье. Отец был железнодорожник (последние 15 лет до смерти — умер в 1925 г. — он был ревизором станционного счетоводства в г. Камышине — на Волге). Воспитание получил патриархальное, так что вначале был верующим христианином. Но когда в гимназии священник сообщил педагогическому совету, что один ученик признался ему на исповеди в краже книги из гимназической библиотеки, и того исключили, я перестал быть верующим.

Поступив по окончании в 1903 г. киевской 2-й гимназии на Восточный факультет СПб университета, жизнь вел рассеянную, тем более что жил в общежитии при университете (где жил в то же самое время и тов. КРЫЛЕНКО). Политические убеждения мои еще не совсем тогда установились.

Началась Русско-японская война. Как студент я имел отсрочку, но, не внеся платы за право учение за полугодие,

я был исключен из университета и как военнообязанный был призван в войска. Не желая тянуть лямку в мирной армии, я решил лучше поехать на войну и посмотреть Дальний Восток. Это мне удалось, т. к. из Киева в Маньчжурию отправлялся 6-й саперный батальон, в котором я и устроился в качестве вольноопределяющегося.

На войне, познакомившись со всеми уродливостями солдатской жизни (см. мою статью в моем архиве — «10 лет назад», написанную в 1914 году для журнала «Новое Звено»), пережив 2 отступления (от Досичао и от Ляояна) и дослужившись до старш. унтер-офицера, я в ноябре 1905 г. был уволен в запас. Приехав к Рождеству в Россию, я привез с собой захваченный на войне туберкулез и контузию в голову. Врачи настаивали на моем скорейшем отъезде на юг. Тогда родители отправили меня в Италию, где я мог и лечиться и учиться. Первые полгода я прожил в г. Генуе, где скоро был выбран секретарем генуэзской секции Союза русских эмигрантов. Цель Союза состояла в помощи русским эмигрантам, прибывавшим в этот порт. Заседания нашей секции происходили в помещении Биржи труда (Camera des Jovures? — соответствует русскому профсоюзу). Из нашей кассы взаимопомощи, состоявшей из членских взносов и пожертвований проживавших в Генуе русских эмигрантов, оказывалась денежная поддержка каждому вновь прибывавшему эмигранту в течение 3-х дней по 5 лир в день. В гавани мы сговорились с харчевней, которая за 3 лиры давала обед и ужин каждому пришедшему с нашим билетиком. Обычно такая плата бралась лишь с того, кто вносил сразу за месяц. По соглашению с Dormi dogio Popolare (странноприимный дом), содержимым на средства местной масонской ложи, нашим эмигрантам в течение 10 дней предоставлялся даровой ночлег. Обычно работа находилась, особенно квалифицированными, и раньше этого срока. Помню, среди пользовавшихся нашей помощью были 2 матроса с «Потемкина», приехавшие из Румынии.

Из Генуи мною было послано в русские газеты воззвание к русскому студенчеству, учившемуся за границей (в это

время в Германии начались гонения на наших студентов), с предложением оказать им всемерную поддержку, в случае их переезда в Италию, где климат лучше, жизнь дешевле, а преподавание поставлено не хуже, чем в Германии (см. мой архив — вырезка из газеты «Товарищ» в СПб). К ноябрю 1906 г., т. е. к началу учения, я переехал в г. Турин, где поступил в университет на юридический факультет. В Туринском университете я был единственный русский, не считая 2 студенток на медицинском факультете. В это время русским консулом был назначен итальянец, ни слова не говоривший по-русски — директор университета, который предложил мне давать ему уроки русского языка. Кроме того, я преподавал русский язык в Berlitz Scool (школе Берлица — см. мой архив). Однажды ко мне является один наш эмигрант из Москвы, некий Владимир Маркета, живший в Милане, и знакомит меня с эмигрантом, студентом Московского университета Борисом Вигилевым, который после подавления московского восстания бежал без всяких документов за границу. Чтобы поступить в заграничный университет, нужно было ему зачетное свидетельство, которое его родным неофициально обещали выдать в канцелярии Московского университета, если Б. Вигилев пришлет доверенность, засвидетельствованную одним из русских консулов. Но ни один из консулов, конечно, никогда не засвидетельствовал бы доверенность без регистрации паспорта, а такового у Вигилева не было — даже внутреннего русского. Я это сейчас же устроил, поручившись русскому консулу за ВИГИЛЕВА, как своего приятеля, которого обокрали в дороге и он теперь выписывает снова свои документы. Тем более что Вигилев происходил из дворян, и его приставка «де» к фамилии по-итальянски, совершенно убедила консула, что «nobile», т. е. дворянин, не может быть революционером.

Спустя несколько месяцев Вигилев благополучно получил из Москвы свои документы и поступил в Пражский университет (см. в моем архиве его благодарственное письмо).

Таким образом, я еще со студенческой скамьи начал служить трудящемуся классу.

В Турине я стал бывать в семье знаменитого Цезаря Ломброзо (он был масон-гарибальдиец) и сотрудничать в его журнале «Архив криминальной антропологии, психиатрии и судебной медицины», где между прочим поместил ряд портретов и биографий русских революционеров последнего времени (Балмашева, Ив. Каляева, М. Сазовова, Мар. Спиридоновой; Коноплянниковой — убийцы ген. Мина, — и др.). Присутствовал у Ломброзо также и на медиумических сеансах с Европ. Паладино. Если бы не смерть Ломброзо в 1909 г. (год окончания мною университета), я бы остался при нем в качестве ассистента и занялся бы научной деятельностью. В это время я выпустил свою первую брошюру «Condomna Condizionolle» («Условное осуждение»), где развивал тезисы школы Ломброзо, что преступника нужно не карать, а лечить.

Приехав в СПб в 1910 г., надо было жить, пить и есть, помощи от родителей я уже не мог получать, т. к. им нужно было поднимать на ноги младших братьев. Я поступил на службу в Рос. банк и Русско-итальянскую торговую палату (в качестве секретаря сельхозотдела).

О моем отношении к масонству уже сказано в моем допросе, так что я не буду повторяться. Скажу лишь, что за период времени с 1910 по 1917 г. я занялся литературно-экономической деятельностью, написав ряд статей в журнале «Русско-итальянской торговой палаты» (напр., «Генуэзский илеватор», «Возрождение русского льна» и др., в «Русском экспорте» («Государственные зернохранилища», Русско-сербские торговые отношения» и др.), в «Торгово-промышленной газете» («Экспорт кустарных изделий») и др. и ряд рассказов и восточных сказок. Кроме того, я часть своего времени уделял общественности (был членом общества Славянского научного единения, где вице-председателем был проф. Бехтерев) и спорту (был членом общества «Сокол», Шуваловской школы плавания, общества «Спорт и гигиена» и членом редакции спортивного журнала «Стадион», заведывая воздухоплавательным и водным отделами его). В Италии я тоже занимался водным спортом.

Началась война 1914 г. Меня как запасника призвали, но как нижнему чину мне было легко освободиться, благодаря контузии головы. Однако, боясь возможности скорого пересмотра этого, я добился от Российской экспортной палаты (где я состоял секретарем Ближневосточного отдела) заграничной командировки на Балканы. Там я пробыл больше года, уехав лишь перед наступлением Болгарии на Сербию. Результатом моих впечатлений появилась 1 ч. брошюры «В тылу полей кровавых (Сербия и Болгария)», сильно искаженная военной цензурой. Возвратясь в СПб и перейдя на службу ревизором в Государственные сберегательные кассы, я взял командировку во Владивосток, чтобы быть дальше от военной службы. Но это не помогло. В конце 1916 г. я был телеграммой вызван братом в СПб (он был адъютантом гвардии запасного батальона Финляндского полка). Я был снова переосвидетельствован и, ввиду больших потерь на фронте и недостатка пушечного мяса, был признан годным. Брату удалось меня устроить у себя в батальоне. Перспектива ехать через 1—2 мес. с маршевой ротой на позиции мне не улыбалась. Чтобы протянуть время, я решил зачислиться в одну из школ прапорщиков (в училищах была страшная муштра). Брат меня устроил на ускоренные курсы при бывшем Пажеском корпусе, где не нужно было даже жить. На этих курсах я провел все время керенщины до Корниловского восстания, когда был выпущен прапорщиком и прикомандирован к гвардии Финляндского запасного полка (в качестве помначальника учебной команды), с которым и участвовал во взятии Зимнего дворца в начале Октябрьской революции.

В ноябре 1917 г., когда вся почти интеллигенция саботировала, я был командирован в Рос. банк для перевозки в Тифлис 25 млн. руб. Кавказской армии, не получавшей уже несколько месяцев жалованья. Тов. Пятаков, бывший тогда комиссаром Госбанка, разрешил эту выдачу, боясь, что армия откроет фронт туркам и те перережут мирное местное население.

Выехал я 19 ноября 1917 г. в банковском вагоне с блин-

дированной кладовой и 12 чел. охраны при 2-х пулеметах. Путешествие шло довольно сносно, если не считать препирательств с железнодорожной администрацией из-за прицепки вагона на пересадках. В Ростов-на Дону мы попали на станцию во время боя между казаками и Красной Гвардией. Мне советовали подождать окончания боя (паровоза не было), но я силами своей охраны, вручную, перекатил вагон версты на 3 от станции до ближайшего полустанка, где случайно оказался свободный паровоз, который и повез нас дальше. Это нас спасло. Дело в том, что по отъезде нашим из Петербурга кто-то дал телеграмму в Новочеркасск Каледину, что большевики посылают в Тифлис деньги для агитации. Сейчас же им была послана в Ростов/Дон телеграмма задержать наш вагон, а нас арестовать. Только перекатив собственными силами под огнем наш вагон, мы и спаслись. О дальнейших деталях поездки, новых нападениях на нас, наконец, благополучной сдаче денег Тифлисской конторе Госбанка в присутствии представителя Президиума Совета рабочих и солдатских депутатов я касаться не буду. Они зафиксированы в протоколе, подписанном всеми участниками поездки (см. мой архив. Протокол и рапорт начальника охраны Госбанка). На обратном пути наш пустой вагон был задержан в Ростове/Дон и препровожден в Новочеркасск. Каледин, очень недовольный, что упустил такой куш, приказал вагон реквизировать, а нас арестовать. Я добрался лично до него и между прочим говорю: «Ваше превосходительство, Вы называете большевиков узурпаторами, а между тем они больше проявили государственной широты взгляда, послав деньги армии Временного правительства, уже свергнутого ими у нас на Севере». Мои слова произвели на него впечатление, и он не только нас освободил, но даже приказал вернуть оружие (вагон, конечно, был конфискован). Мне и охране он предложил остаться у него, но никто не согласился, боясь перемены его настроения, я сейчас же просил его дать нам пропуск на выезд в Петербург. Пропуск подписан им лично (см. мой архив), и в нем он воспользовался моей фразой об «общегосударственном

значении» нашей командировки. В первой попавшейся теплушке мы в тот же день выехали в Петроград. Приехали к новому, 1918 году. Все же нам повезло, если бы мы попали на сменившего его ген. Краснова, тот без всяких разговоров он расстрелял бы нас.

После этого состоялись выборы в охранной команде Госбанка, и меня почти единогласно выбрали помкомиссара охраны и помкоменданта Госбанка.

Следующая моя поездка в Киев была менее опасна физически, но тяжела нравственно. Приходилось пробиваться через море серых шинелей демобилизованных, запрудивших все пути. Что творилось на вокзалах, не видевшему это лично, трудно себе представить. В довершение всего мост у ст. Ворожбы был взорван белыми, и движение прекратилось. К счастью, я узнал, что в 20 верстах стоит экстр. поезд командира красной дивизии т. Кожуры, которому дано боевое задание пробираться в Киев. Захватив с помощью своей охраны паровоз, мы двинулись к нему на соединение. Кожура сейчас же согласился к своим двум вагонам прицепить и наш, тем более что его паровоз «заболел» и мы дали ему наш.

Задание мною было благополучно выполнено. Считаю нужным упомянуть о 3-й командировке в Баку, которая едва не стоила мне жизни и сильно отразилась на моем здоровье.

Тов. Н.Н.Крестинский, комиссар Народного банка, дал мне задание провезти в Баку для нужд нефтяных рабочих 50 (кажется) млн рублей золотом. Через центральную Россию проехать было уже нельзя (там орудовали Краснов и Деникин), а потому я избрал круговой путь через Оренбург, Ташкент, Бухару, Самарканд и Красноводск. Пробившись благополучно сквозь оравы Дутова (секретарь Крестинского т. Качуринер, везший следом за мной 15 млн для Ташкента, не добрался и до Оренбурга и должен был возвратиться назад, в СПб), я приехал в Ташкент, где меня ждала неожиданность. Краевой Совет нар. комиссаров, сидевший без денег, не хотел отпускать мои деньги, говоря, что им

нужнее. На мои указания, что остановится работа в Баку, а Центру нужна нефть, они обещали сколько угодно нефти, до 10 тысяч цистерн в месяц («Мы все равно в Красноводске в землю ее льем»). «Да ведь нужны цистерны, товарищи, — говорю я, — ни у вас их нет, ни от нас не протолкнуть». Несмотря на это, я уже получил приказ деньги сдать из вагона на хранение в Ташкентское отделение Госбанка. Тогда, чтобы протянуть время и дожидаться возвращения Пред. Совнаркома т. Кобзева я дипломатично заболел. Через 2 дня т. Кобзев вернулся; я к нему и начинаю уговаривать его, рисуя тяжелое положение без нефти петербургской промышленности, обещая сейчас же по приезде в Центр привезти специально для них деньги (через 2 месяца деньги были им привезены), и наконец добился его согласия. Он без ведома своего комиссара финансов написал мне мандат (см. архив) с требованием оказывать мне полное содействие в пути. В ту же ночь я прицепился к блиндированному поезду со штабом командующего войсками Иванова и вместе с ним поспешил уехать из Ташкента. Как мы проехали Бухару, где только что закончилось восстание басмачей, ежечасно останавливаясь и собственными силами поправляя рельсы, мосты и полотно, — доехали до Баку, я подробнее говорю в своем докладе о поездке т. Крестинскому (см. мой архив. Доклад от июня 1918 года и мою заметку «Как меня расстреливали в Саратове захватившие временно город правые эсеры»).

Кажется, согласно статуту Ордена Красного Знамени за подобные деяния можно хлопотать о награждении этим орденом. Вот краткие сведения о моей службе Соввласти за период с 1917 по 1920 г.

Я не буду касаться моего дальнейшего прохождения гражданской службы после демобилизации по болезни в начале 1920 года (это есть в моем допросе), лишь расскажу происшедший у меня разговор с членом Президиума Коминтерна, а тогда комиссаром Петрогуботдела юстиции тов. Я.И. Анвельдтом. Тов. Анвельдт назначил меня в 1921 г. юрисконсультom в Смольный. Тогда я пришел к нему и от-

кровенно сказал, что я — масон, а потому, может быть, он передумает. Тот, пристально посмотрев на меня, сказал — «я знаю, что вы порядочный человек». И я был назначен. Этот разговор всегда можно проверить, т. к. т. Анвельдт находится в Москве. Труднее проверить разговоры мои с Председ. Сов. нар. суда в Ленинграде тов. Филиповой, спрашивавшей меня неоднократно, почему я не вступаю в коммунистическую партию, потому что тов. Филипова, захваченная эстонским правительством и не желая попасть ему в руки, покончила с собой в 1923 г. в Ревеле, но один такой разговор происходил в присутствии нарсудьи тов. Арнольд, которая теперь служит во ВЦИКе и, наверно, помнит мой шуточный ответ: «Все равно я уже синдикалист. Ведь и Джон Рид — тоже синдикалист». Это был период моего увлечения масонством.

Каковы мои политические убеждения. Как масон — я гражданин мира, т. е. для меня теперь (во времена студенчества еще существовали) не существует национальных и государственных границ. Для меня все равны: русский, еврей, татарин, индус, китаец и т. д., француз, итальянец и американец; хотя тянет меня к Востоку. Как масон — я стремлюсь к счастью и прогрессу всего человечества, когда не будет ни войн, ни болезней, ни страданий; и вижу, что у нас, в СССР, через диктатуру пролетариата это будет со временем достигнуто в малом масштабе, т. е. в пределах СССР.

Значит, нужно стараться поскорее: а) изжить этот переходный период — диктатуру и б) расширить Советы до Всемирного Союза Советов всех освобожденных народностей.

Д.П.З. V Отд., ком. 72.

Д-р Б. АСТРОМОВ

3/II-26 г. С подлинным верно.

Печатается по машинописной копии, хранящейся в Архиве УФСБ РФ по СПб и Ленинградской области. Д. 12517, т. 1, лл. 69—78.

ПОКАЗАНИЯ
БОРИСА ВИКТОРОВИЧА АСТРОМОВА¹

8 марта 1926 г.

Предупрежденный, что за ложные показания буду привлечен к ответственности по ст. 178 УК, показываю:

Из организаций, занимающихся оккультизмом, мне известны главным образом «Русский автономный мартинизм», где я сам был с 1918 по 1921 год членом. История ордена такова: в 1910 году Верховным советом ордена мартинистов, находящимся в Париже, был прислан в качестве Генерального представителя в России некий Чеслав фон Чинский, поляк, небезызвестный гипнотизер и хиромант, но человек с уголовным прошлым. Он основал в Петербурге Генеральную делегацию ордена мартинистов, Генеральным секретарем которой сделался Г.О.М.² Чинский привез с собой посвячительные тетради и ритуал, которые с французского языка были переведены на русский.

¹ Астромов, или Ватсон (наст. фамилия Кириченко), Борис Викторович. Родился в 1883 г. в г. Богучар Воронежской губернии. В 1903 г. поступил на восточный факультет С.-Петербургского университета, участник русско-японской войны. В качестве помощника начальника учебной команды гвардейского Финляндского запасного полка принимал участие в штурме Зимнего дворца 25 октября 1917 г., юриконсульт Смольного (1921 г.). Генеральный секретарь «Автономного ордена мартинистов строгого восточного послушания» (1919—1921), Генеральный секретарь «Автономного русского масонства» (1922—1925). Накануне ареста — финансовый инспектор губоно. Постановлением Коллегии ОГПУ от 18 июня 1926 г. осужден на 3 года лагерей. После отбытия наказания, которое по амнистии 1927 г. было сокращено на четверть, вновь арестован и постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 24 августа 1928 г. сослан в Сибирь сроком на 3 года. После освобождения проживал в г. Гудауты Абхазской АССР. В 1940 г. вновь арестован. Дальнейшая судьба неизвестна.

² Григорий Оттонович Мебес.

Орден мартинистов ставил своей целью пропаганду и распространение оккультных идей в России путем привлечения и объединения интересующихся этими идеями.

Вскоре деятельность Чинского возбудила против него недовольство среди мартинистов, а также привлекла внимание тогдашнего правительства, которое выслало Чинского из столицы. После этого во главе ордена стал Г.О.М., который расширил и дополнил посвятельный материал, привезенный Чинским из Парижа, и в конце концов объявил русский филиал мартинизма автономным, что вызвало большие недовольства в Париже, и Верховный совет прервал отношения с Г.О.М. Капитул Р[усского] а[втономного] мартинизма во главе с Г.О.М. мотивировал свое решение об отделении поверхностностью и недостаточностью знаний парижских мартинистов, а также властолюбивыми попытками управлять орденом мартинистов в России из Парижа. Первым Генеральным секретарем капитула мартинистов был Антошевский Иван Казимирович, бывший одновременно редактором оккультного органа мартинистов «Изида». Со смертью Антошевского (1916 или 1917) Генеральным секретарем, вернее инспектором, стал Богданов Василий Васильевич, работающий и сейчас у Г.О.М.

В годы войны, точной даты не помню, в Ленинграде на Крестовском острове поселилась Мария Альфредовна Нестерова, дочь одного из компаньонов фирмы «Эрлингер» в Москве, и основала в своем особняке «Общество чистого знания». Особняк был прекрасно оборудован для занятий практикой оккультизма, усиленно посещался, и Нестерову принимали, по слухам (которые тогда многие распространяли), за германскую шпионку.

Это «Общество чистого знания» имело издательство под названием «Китеж». В 1917—1918 годах Г.О.М. возвратился из Вологды, где был преподавателем физики в течение около двух лет, а может, и меньше, и присоединился к Нестеровой, причем «Общество чистого знания» было закрыто, а некоторые члены его вошли в орден мартинистов, который за время отсутствия Г.О.М. был в законсервированном состоянии.

Вскоре орден мартинистов во главе с Г.О.М. и Нестеровой переехал на Греческий проспект (угол 5-й Рождественской ул.), где пребывает и в настоящее время.

Во время моего там пребывания в 1919 году, когда Г.О.М. получил место председателя Педагогического совета сельскохозяйственного училища на ст. Березайка бывш. Николаевской жел. дор., он разделил орден мартинистов на два: орден мартинезистов строгого восточного послушания, где Наместником поставил Нестерову, а Генеральным секретарем был я, и — собственно мартинистов восточного послушания, где Наместником был назначен Богданов Василий Васильевич, Генерального же секретаря у них не было благодаря малочисленности (всего 4 человека).

Внешне мартинизм в обоих течениях имеет три степени: ассоциата А, ассоциата В, инициатуса и супериор-инкогнитуса. Каждая степень имела свои посвятительные тетради (см. мой архив). Основные цвета мартинизма: красный (плащи и маски) и белый (ленты знака, представляющего из себя металлический круг с шестиконечной звездой внутри).

Посвящаемый видит без маски только председателя-посвятителя своего и Генерального секретаря, которого обязаны знать все члены ордена, а остальные присутствуют в красных плащах и масках. Посвящаемый прочитывает отрывки из посвятительной тетради своей степени, председательствующий делает резюме этой тетради, после чего вновь вступающим произносится клятва (читаемая Генеральным секретарем), заключающая указание на направление его работы в данной степени, а также обет молчания обо всем, касающемся ордена. Ритуал посвящения общий для всех степеней, но при посвящении присутствуют братья посвящаемой степени и старшие.

За время моего пребывания в мартинизме там велись следующие занятия: Г.О.М. читал лекции по арканам (см. его Энциклопедию оккультизма)¹, по истории религий читала лекции Нестерова. Кроме того, Г.О.М. читал лекции о

¹ Курс энциклопедии оккультизма, читанный Григорием Оттоновичем Мебесом в 1911—1912 гг. в Петербурге. Вып. 1—2. СПб., 1912.

Зогаре (часть Каббалы) и отдельные монографические лекции. Я читал лекции о масонстве.

В ордене были установлены взносы по 2 рубля в месяц в кассу взаимопомощи, но так как этих денег не хватало на расходы, то приходилось иногда делать дополнительные сборы с членов. Кассой взаимопомощи ведал казначей (в мое время доктор Маркович), дела коего ревизовало особо назначаемое ежегодно лицо.

При посвящении взималась плата себестоимости степенного знака.

Помимо теоретических занятий, велась и практическая работа цепью по развитию в себе психических способностей телепатии, психометрии.

В отдельной группе велись занятия по хиромантии, а также по составлению гороскопов. Писались письменные работы на заданные темы, различные для каждой степени. Из лиц, работавших в разное время у Г.О.М., мне известны:

- 1) Антошевский Иван Казимирович¹
- 2) Нестерова Мария Альфредовна
- 3) Родынский Михаил Антонович
- 4) Богданов Василий Васильевич
- 5) Комаров
- 6) Ефремов Николай Васильевич
- 7) Клименко Алексей Викторович
- 8) Овсянников Николай Сергеевич
- 9) Колокольцева
- 10) Баресков Андрей Петрович
- 11) Петров (доктор)
- 12) Преображенский
- 13) Леонович
- 14) Семигановский Анатолий Николаевич

¹ Антошевский Иван Казимирович (1873—1917) — редактор оккультного журнала «Изида», Генеральный инспектор «Автомного ордена мартинистов» (1912—1917).

-
- 15) Полисадов Сергей Владимирович¹
 - 16) Россовская Вера Александровна
 - 17) Молчанов Николай Петрович
 - 18) Голубин
 - 19) Азанчевская
 - 20) Петров Михаил Михайлович
 - 21) Козырев Петр Дмитриевич
 - 22) Латынин Всеволод Александрович
 - 23) Латынин Борис Александрович
 - 24) Вруни Георгий Юльевич
 - 25) Патцнер Агнесса Николаевна
 - 26) Будагова Вера Михайловна
 - 27) Демченко Екатерина Георгиевна
 - 28) Демченко Олег Владимирович
 - 29) Гаразина Татьяна Александровна
 - 30) Дольска Елена
 - 31) Васильев
 - 32) Штейнберг Мария Владиславовна
 - 33) Штейнберг Мария (дочь)
 - 34) Трапицын Валентин Иванович
 - 35) Трапицына Зинаида Степановна
 - 36) Сандалова Мария
 - 37) Головина-Жукова Юлия Митрофановна
 - 38) Гестковская
 - 39) Куриленко Александр
 - 40) Пяст Владимир
 - 41) Маркович Михаил Семенович
 - 42) Слободова Софья
 - 43) Леонтович Николай

В[опрос]: Почему уходили люди от Г.О.М.?

О[ответ]: Разочаровывались в работе и в руководителях, а некоторых исключали.

¹ Полисадов С.В. в 1921 г. вместе с Б.В. Астромовым вышел из ордена, мастер стула московской ложи «Гармония», принадлежавшей к «Автономному русскому масонству» (1922—1925). По делу ленинградских масонов С.В. Полисадов привлечен не был. В «Автономном русском масонстве» он занимал должность заместителя Генерального секретаря и обладал правом самостоятельного открытия новых лож.

Из других оккультных организаций мне известны:

1) Группа Лободы Георгия Осиповича, образовавшаяся из оккультного общества «Сфинкс», легально существовавшего до 1918 года. Как велико общество и состав его, мне неизвестно. Полагаю, что состав женский, и занимаются там больше столоверчением и молитвословиями.

2) Остаток эзотерического «Ордена восточного послушания» Семигановского под названием «Внутренняя (эзотерическая) церковь». Руководят кружком священник Ларионов Сергей Дмитриевич и Киселев Борис Львович. У них ведутся лекционные занятия по истории оккультизма. Состав кружка не знаю.

3) Кружок Клочкова Григория Владимировича с антихристианским направлением. Он работает вместе с женой Патцнер. Знаю, что после ухода из ордена мартинистов у Клочкова бывал Трапицын с женой, который читал там лекции по истории буддизма.

4) «Орден рыцарей Грааля» под руководством некоего Гошерона де ля Фосс. Занимаются они оккультизмом. Придерживаются чрезвычайно пышного ритуала. Предполагаю в них христианское направление.

5) Кружок доктора Барченко Александра Васильевича¹. В свое время он бывал в обществе «Сфинкс» и пытался с ним соединиться, но безуспешно. Из членов кружка Барченко знал Шандаревского Петра Сергеевича и Кондалайна А.А. Среди оккультистов Барченко не пользуется хорошей репутацией, так, например, могу указать на распространение им среди учеников рукописи, выдаваемой им за свою, которая есть не что иное, как плохой перевод с французского одной из книжек Элифаса Леви.

¹ А.В. Барченко упоминается в деле Г.И. Бокия (1937 г.) как человек, который вовлек в 1918 г. этого известного чекиста в руководимую им масонскую ложу «Единое Трудовое Братство» (см.: Ваксберг Аркадий. Массон, зять масона // Литературная газета, 1990, 26 декабря. С. 11). А.В. Барченко, в свою очередь, был связан с известным оккультистом Г.И. Гурджиевым.

б) Знал группу Ломана (жив[ет] на Адмиралтейском канале), занимающуюся также оккультизмом и принадлежащую к антропософии, т. е. учеников Рудольфа Штейнера¹.

7) Из одиночек оккультистов знаю: 1. Наумова Александра Адельфиевича, ушедшего из кружка Ларионова и занявшегося магнетическим лечением знакомых; 2. Хлебникова Михаила Владимировича (?), у коего на квартире в свое время помещалось общество «Сфинкс»; 3) Беклемишева Николая Николаевича², который, думаю, за старостью оккультизмом уже не занимается.

8) Из одиночек масонов Великого Востока Франции знаю:

а) Зарудного А[лександра] С[ергеевича]³

б) Морозова Николая Александровича⁴

¹ Штейнер Р. (1862—1925) — немецкий философ-мистик, основатель Антропософского общества (1913) с центром в Дорнахе (Швейцария), в своих трудах развивал идею превращения теософии в «экспериментальную науку», ставящую своей целью раскрытие «тайных сил» человека.

² Беклемишев Н. Н. (род. в 1857 г.) — отставной майор, председатель Лиги обновления флота, директор Музея изобретений и усовершенствований, деятельный член открытого в 1910 г. русского отделения французского оккультного ордена «Рыцарей филалетов», к которому принадлежал вел. кн. Александр Михайлович. Делегатом ордена в России была В. В. Архангельская-Авчинникова (см.: Аврех А. Я. Масоны и революция. С. 284).

³ Зарудный А. С. — петербургский адвокат, один из защитников по делу Бейлиса в 1913 г., член «трудовой фракции», товарищ министра юстиции Временного правительства. Упомянут в «Биографическом словаре русских масонов» Н. Н. Берберовой (Берберова Н. Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986. С. 126).

⁴ Морозов Н. А. (1854—1946) — известный народоволец, с 1882 по 1905 г. отбывал одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости. С 1918 г. и до последних дней жизни — директор Научно-исследовательского института физической культуры им. Лесгафта. С 1908 г. принадлежал к «Великому Востоку Франции» (ложе «Полярная звезда» в Петербурге). См.: Соловьев О. Ф. Масонство в России // Вопросы истории, 1988, № 10. С. 14.

- в) Грузенберга Семена Оскаровича¹
 г) Геккена Вениамина Григорьевича²
 д) Некрасова [Николая Виссарионовича]³

Вышеизложенное записано со слов моих правильно, в чем и подписываюсь

8. III — 26 Б. Астромов.

Допросил уполномоченный [подпись]

Архив УФСБ РФ по СПб и Ленинградской области.

Уголовное дело № 12517, 1926 г., лл. 92—95.

№ 3

ПОКАЗАНИЯ

МАРИИ АЛЬФРЕДОВНЫ НЕСТЕРОВОЙ⁴

20 апреля 1926 г.

Предупрежденная, что за дачу ложных показаний буду привлечена к ответственности согласно ст. 177—179 У.К., показываю:

¹ Грузенберг С. О. — сын адвоката, защитника по делу Бейлиса в 1913 г., О. О. Грузенберга (1866—1942). В отличие от отца, принадлежавшего к «Великому Востоку народов России» (см.: Берберова Н. Н. Люди и ложи. С. 122.), сын не зафиксирован в известном «Биографическом словаре русских масонов» Н. Н. Берберовой. Скорее всего он входил в одну из лож, непосредственно подчинявшихся «Великому Востоку Франции».

² Принадлежность к масонству В. Г. Геккена в исторической литературе не отмечена (см.: Берберова Н. Н. Люди и ложи. С. 119).

³ Некрасов Н. В. (1879—1940) — кадет, министр путей сообщения, министр финансов Временного правительства. Один из секретарей Верховного совета народов России (см.: Русское политическое масонство 1906—1918 гг. Документы из архива Гугеровского института войны, революции и мира / Вступ. ст. и коммент. В. И. Старцева // История СССР, 1990, № 1. С. 142).

⁴ Нестерова М. А. — род. в 1878 г., дочь одного из компаньонов фирмы «Эрлингер» в Москве. В годы Первой мировой войны поселилась в Петрограде, где основала «Общество чистого знания». Жена Г. О. Мебеса. Накануне ареста — учительница одной из ленинградских школ. Место ссылки и дальнейшая судьба неизвестны.

В[опрос]: Какая эзотерическая школа у Вас была?

О[твет]: Руководила школой Старого восточного послушания, причем отвечала за правильность руководства перед Григорием Оттоновичем Мебесом. Эта школа организована мною весной 19-го года и работала до последнего времени. Школа ставила своей задачей общеобразовательные цели и затем этико-эстетическое развитие. Устав и программа школы нигде не были зарегистрированы, и школа, следовательно, не является легальной. Ничего противного существующему строю в школе не преподавалось. Всего приблизительно через школу прошло человек 35. Школа отличалась текучестью состава.

В. Кто персонально являлись Вашими учениками?

О. Отказываюсь назвать.

В. В какой форме велось этико-эстетическое воспитание учеников?

О. Воспитание этого порядка велось по стилю 22 арканов Таро и носило практико-педагогический характер. Велось некоторыми учениками дыхательные упражнения. Наиболее «подвинутыми» учениками цепью проводились упражнения по развитию астрального зрения, т. е. по «улавливанию» в темноте астральных клише, но результаты этих опытов оказались неудовлетворительными.

Ученикам давались указания лояльного отношения к власти и морального и этического отношения к людям. Многим были тяжелы строгие моральные требования, и они уходили.

В. Проводилось ли руководство личной жизнью учеников и как глубоко это руководство входило?

О. Вмешательство в личную жизнь входило постольку, поскольку личная жизнь ученика не шла вразрез с обычной моралью и этикой порядочного человека. Только в этом случае ученику указывалось на неправильность его действий и предлагалось исправиться или покинуть цепь. Никаких исключений по другим соображениям не происходило.

В. Пользовались ли Вы и Григорий Оттонович авторитетом у учеников?

О. Ученики подчинялись нашим указаниям и любили нас.

В. Как находили учеников?

О. Через оккультную литературу искали Григория Оттоновича, а с другой стороны, ученикам уже опытным давалось указание присматриваться к окружающим их людям и тех из них, кто интересовался оккультизмом и желали этического воспитания, подводить.

В. Вели ли Вы сами всю школу или у Вас были подготовительные группы?

О. Сначала всю группу я вела сама, а когда ученики (фамилии коих отказываюсь назвать) «подросли», им была поручена самостоятельная подготовка начинающих, и я, таким образом, вела работу с подготовленными.

В. Существовала ли еще какая-либо школа и кто ею управлял?

О. Существовал мартинизм как исторический памятник, в составе 2—3 человек, которые работы не вели. Это является остатком мартинизма, которым управлял Антошевский Иван Казимирович под руководством Мебеса. Считаю необходимым добавить, что мартинизм, возглавляемый Мебесом, является не парижским течением, а восточным послушанием, независимо от какого-бы ни было западного течения.

В. Почему Ваша работа с учениками должна была храниться в тайне даже от правительства?

О. Сохранение тайны вообще я считаю мерой педагогического характера во всех случаях жизни. Правительство в данном случае исключения не составляет. Ученики могли правительству лишь назвать имена руководителей. Если бы ученики разгласили работу правительству, то они были бы исключены из школы. Обещания частично брались устно, частично письменного характера.

Школа именовалась «Группой Прометей». Иногда слово «группа» заменялось словом «ложе». Среди учеников производились посвящения по примеру масонских посвящений с несколько упрощенным ритуалом.

Семигановский Анатолий в 1918 году руководил само-

стоятельной группой под руководством Мебеса, но за неправдивые действия и слова был отчислен из мартинизма со всеми своими учениками. Помимо изложенного, ему ставилось в вину еще то, что он сам, как и некоторые его ученики, злоупотребляют наркотиками. Других подробностей его отчисления я не знаю.

В. Как производились взносы?

О. Никаких обязательных назначенных взносов и сборов не было. Ученики собирали сами и вносили мне общей суммой. Мне известно, что некоторые ученики не вносили совершенно или временно. Суммы я получала небольшие, и если разложить на всех учеников, то получится в среднем три рубля в месяц на человека.

Сборы ученики делали по собственной инициативе, и никогда им не говорилось «собирайте или приносите то или иное из продуктов». Допускаю известное моральное воздействие на учеников, когда я не скрывала своих забот о Мебесе, дабы поставить его в лучшее материальное положение или дать ему возможность поехать в Крым на отдых.

Ропота или недовольства со стороны учеников, находившихся с нами, я никогда не слышала и не замечала. По слухам раз или два до меня дошло, что ушедшие ученики говорили о сборах неприязненно.

Мебесу Григорию Оттоновичу известно, что ученики помогают нам материально, не знает он, конечно, деталей, как это происходит, и сумм, которые передаются.

Сборы происходят нерегулярно и случайно. Собранные деньги передаются случайными учениками. Постоянных сборщиков нет.

В. Предлагали ли ученикам приносить лучшие продукты на ваши семейные праздники и праздники оккультные?

О. Такие праздники действительно отмечались общей трапезой, но устраивались они по инициативе учеников, которые приходили к нам пить чай со своими продуктами. Таким образом, наша вина заключается в том, что мы ели принесенные пироги и прочие яства.

В. Сборы на поездку Г.О.М. в Крым происходили по инициативе учеников или под Вашим нажимом?

О. Сборы происходили по инициативе учеников, но с моего ведома. Участвовали в этом те, кто имел деньги или хотел что-нибудь ликвидировать для этого. О сборе мне сказали сами ученики. После я узнала, что одна из учениц (фамилию коей назвать отказываюсь) жалела о ликвидированных ею золотых вещах для взноса.

В. Какой разговор Вы имели по этому поводу со Слободовой Софьей Васильевной?

О. Никакого разговора со Слободовой я не имела по поводу сборов на поездку Г.О. М. в Крым. Фразы «мужья мешают давать» я ей не говорила. Слободова и является той ученицей, которая пожалела о проданных драгоценностях.

В. Посылали ли Слободову к Будаговым собирать деньги на поездку?

О. Нет, не посылала. Хотя бы потому, что дочь Будаговой была уже не в цепи.

В. Когда Мебес был в Крыму, получили ли Вы заявление некоторых учеников, возмущающихся производимыми Вами сборами, и как Вы ответили на него?

О. Я получила несколько обвинительных пунктов от некоторых учеников. Главными пунктами обвинения были: неправильный лекционный подход Г.О.М.; дискредитирование личности Христа освещением в моем курсе «Христианство»; недопущение лучших учеников к Мебесу. Пунктов о сборе не помню, но не отрицаю их. На это письмо я не ответила, а подписавшие его ученики были отчислены. Фамилии учеников назвать отказываюсь.

В. Почему Г.О.М. был вызван из Крыма досрочно?

О. Он не вызывался, а приехал сам, так как собранные деньги были исчерпаны (приблизительно было собрано рублей сто двадцать). Собраны были деньги с учеников семи. Бумага была получена мною, когда Г.О.М. уже ехал обратно.

В. Вызывалась ли для объяснений в связи с бумагой Слободова и что у нее спрашивалось?

О. Слободова вызывалась, но несколько по другому поводу. Одна из исключенных учениц пришла к «действительной» и сообщила ей, что в обсуждении бумаги участвовала Слободова, разделяя их пункты обвинения, попутно выра-

зила сожаление о ликвидированных вещах, но подписать бумагу отказалась. Слободова была мною вызвана, обвинена в двуличности, созналась и в наказание получила полугодовое запрещение интимных бесед со мной и Г.О.М. После испытания она вновь была восстановлена в правах действительных учениц.

В. Какие мистические браки у вас совершались?

О. Никаких мистических браков¹ у нас не совершалось. Была пущена легенда о том, что у одной из учениц (фамилию назвать отказываюсь) от мистического брака с Г.О.М. родился ребенок. Фактически я знала о том, что у нее был роман, мимолетный, который закончился ребенком. Роман происходил с моего ведома, хотя я заранее предсказывала его неудачу.

В. Вмешивались ли в личную жизнь ученицы Штейнберг Марии Николаевны?

О. Помогала матери «ворчать» на дочь. Противилась позднему приходу дочери домой. Для собственной надобности ее труд не использовала. Не посылала на базар продавать вещи. К ученикам собирать продукты ее не посылала, в частности к Будаговым и Головиной. Занятиям ее в университете не противилась.

В. Подсылали ли Будагову-дочь к Семигановскому и зачем?

О. Когда о Семигановском стало известно, что он выдает тайны работы, то к нему действительно была подослана Будагова, с собственного желания, которой Семигановский разболтал, что он единственный Верховный руководитель мартинизма и оккультизма в России, рассказал о своей группе. Будагова о результатах доложила. Вскоре по этой и указанным причинам Семигановский был исключен из ордена.

В. Совершался ли мистический брак над Будаговой и Демчинским — Вашими учениками?

О. Да, однажды был совершен обряд мистического

¹ Мистический брак, по свидетельству Б.В. Астромова, скреплялся торжественной клятвой мартинистов перед пятиконечной звездой.

брака по большой просьбе Будаговой и с согласия Демчинского.

В. Почему противились разводу Будаговой с Демчинским, когда она у Вас испрашивала разрешения?

О. Об этом разговора с Будаговой не имела, и развод совершился, когда Будагова перестала быть ученицей.

Ничего добавить к изложенному не имею.

Изложенное записано со слов моих правильно, в чем и подписываюсь.

М. Нестерова

Допросил уполномоченный [подпись]

20.IV — 1926

Архив УФСБ РФ по СПб и Ленинградской области.

Уголовное дело № 12517, 1926 г., лл. 444—446 об.

№ 4

ПОКАЗАНИЯ

ГРИГОРИЯ ОТТОНОВИЧА МЕБЕСА¹

28 апреля 1926 г.

Предупрежденный, что за дачу ложных сведений буду привлечен к ответственности в порядке ст. 177—179 У.К., показываю:

Эзотеризмом интересовался с давних пор (могу сказать, с молодости). В 1910 году, имея уже вполне сложившееся эзотерическое мирозерцание, знакомлюсь с фон Чинским, тогдашним делегатом ордена мартинистов парижского послушания; через два месяца посвящаюсь им в Неведомого начальника (полное март. посвящение); в конце 1910-го

¹ Мебес Г. О. (род. в 1868 г. в Риге) окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета. Накануне ареста — учитель математики 2-й совтудршколы г. Ленинграда. 18 июня 1926 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ осужден на 3 года лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

(или в начале 1911-го), несмотря на снабжение меня Парижской Высшей герметической школой Почетным дипломом на степень доктора герметизма и очень почетное и доверчивое обращение со мною фон Чинским, я неофициально ухожу из ордена, недовольный поверхностным отношением к науке и Преданию большинства членов ордена, его печати, а также периодической печати дружественного с ним Парижского каббалистического ордена Креста — Розы. В 1911—1912 гг. работаю самостоятельно, прочитываю несколько публичных лекций; в 1912—1913 читаю лекции у себя на дому. В этот период времени, собственно, и возникает у меня Автономный разряд мартинизма русского послушания (термин «русский» после Октябрьской революции заменен термином «восточный», и тот и другой термины фактически означали — «не зависящий от Парижа»), что не мешает мне в 1912 г. исполнить по просьбе Чинского два-три поручения по части справочной и по посвящению отдельных лиц. В конце 1912-го (или в начале 1913-го) я официально сообща Папюсу, что я категорически утверждаю не только фактическую, но и формальную свою автономию, и прошу провозгласить это печатно, что и выполняется журналом *Initiation* (правда, в очень мягкой и почтительной ко мне форме, но все же категорично). Работу в Автономном своем мартинизме веду по своему плану, но по большей части через Антошевского (с младшими подходящими); характер работы и ее интенсивность испытывали периодами изменения, в зависимости от способностей подходивших. Антошевский умирает летом 1917 г. В 1918—1919 годах Автономный мартинизм имеет учеников, но успехами и этикой его я недоволен. Тогда я утверждаю новый разряд — мартинезистический строгого послушания (O.M.S.O.Or.). Термин «послушание» здесь является переводом лат. *Oboedientia*, а не *Observantia*. В этот разряд немедленно устремляются серьезные ученики, а разряд мартинистический быстро теряет младших и средних учеников, сводясь к «музею воспоминаний» в лице трех старых моих учеников, прошедших полный курс мартинис-

тического разряда, занимающихся дальше по моим указаниям, но не имеющих времени посвящать себя младшим «подходящим». Главою мартинезистического разряда являюсь я, но активная работа поручена М.А. Нестеровой. Я считаю себя ответственным за школу перед внешним миром; М.А.Н.¹ ответственна передо мной. Мартинезизм работал до настоящего времени. Его программы (в литературной форме) заключены были неявно в 4 тетрадах: ассоциата, инициата, кандидата на Нев[едомого] нач[альника] и полноправного преемственно посвященного Нев. нач. Вследствие серьезности программной работы понадобилось создать нечто вроде «преддверия» к школе в виде групп элементарного обучения. Такими группами были:

1) Stella Nordica: мужская группа, долженствовавшая в основу элем[ентарных] подходов (этических и историко-философских) взять символизм Легенды Хирама. Лицо, которому группа была поручена, не сумело ни комплектовать группу, ни распорядиться толково упрощением упомянутого символизма и применением его толкования к условиям времени. Группа объявлена была закрытой, а лицо, ею управлявшее, вскоре совершенно отрезалось от учителей в силу неприемлемости для последних его этики и его принципиальных подходов к делу². Я даже неправильно употребил термин «управлявшее»; надо было сказать «с порученной задачей не справившееся».

2) «Агни»: мужская группа, оказавшаяся «мертворожденной», ибо при обсуждении ее построения не удалось установить ни подходящей «легенды», ни подходящих символических форм внешнего распорядка. Обсуждение этих вопросов привело к решению отказаться от проектирования мужских групп с особым типом программно символизма

¹ Мария Альфредовна Нестерова.

² Речь идет о Б.В. Астромове. Конфликт с Г.О. Мебесом привел к тому, что он вынужден был покинуть орден и открыл в том же 1921 г. из числа оставивших школу Мебеса свою собственную, независимую ложу «Три северные звезды».

и мужчин подводить к «Группе Прометея», создав в ней для этого мужскую подгруппу, никакой особой легенды, кроме общегрупповой, не разрабатывающую.

3) «Группа Прометея».

А) Женская подгруппа имеет три ступеньки. Программных тетрадей нет. Степень успешности занятий отдельных лиц определяет благословение за зеленую, желтую, красную ленточки. Ритуал благословения носит огнепоклоннический характер, так как программная легенда повествует о похищении Прометеем у богов Огня как символа Милосердия, изучения Предания и этического обновления.

В) Мужская подгруппа — три ступеньки. Тетрадей нет. Ленточек нет. Легенда та же, но ритуал благословения упрощен до крайности.

Обеими подгруппами руководит М.А. Нестерова. Помогают ей ученицы из старших (конечно, только по женской группе).

На вопрос о том, сколько лет требуется для прохождения всей подготовки (от подхода к младшим группам до степени полноправного Нев[едомого] начальника), могу указать среднее число — 4—5 лет и максимальное — 8—10 лет.

Вся работа по школе велась мною и М.А.Н. только в Ленинграде. Иногородних делегатов не имелось, и сам институт делегирования признается мною неортодоксальным и нецелесообразным, ибо его отрицательные стороны мне исторически известны, хотя бы на примере Парижского мартинизма.

Лично я работаю программно только с полноправными Нев[едомыми] нач[альниками], расширяя их философское миросозерцание и критико-исторические подходы к Преданию и к этиологии религиозных верований.

В общем плане работы своей идейно преследую нижеперечисленные цели: мне желательно заставить ученика в строгой постепенности самоанализа пересмотреть все свои знания, все свои верования, все свои привычки, все свои этико-эстетические подходы к жизни. Для облегчения этой работы я с ним рассматриваю сложный философский, научный, жизненный и т. п. материал в очень широких преде-

лах — от грубейших суеверий почти дикого человека до тончайших методологических потуг человека высококультурного. Таким планом работы думаю развить в человеке, во-первых, сознательность, во-вторых, бодрое, мужественное отношение к жизни и спокойное довольство своим положением, как бы скромно оно ни было. Никаких догматических тезисов не навязываю, но как учитель ставлю обязательство работать по моему плану и вести себя согласно тому, что я считаю обязательным минимумом порядочности и серьезности.

На вопрос о том, как я отношусь к дивинации, отвечаю, что считаю уместным для работающих у меня проверять в жизни данные френологического, физиогномического характера, а также данные теории психологических «планетных» типов и так называемых «аналогично-групповых планетных влияний». Что касается астрологии, то она, по моему, интересна только с точки зрения ознакомления с ее терминологией, проникшей далеко за пределы учения о дивинации, а отчасти и с точки зрения истории религий. Лично я к астрологии отношусь ультраскептически, но годичный гороскоп для Северного полушария составляю, признавая за ним педагогическое значение в смысле указания на опасность тех или других человеческих слабостей: люди всегда лучше запомнят указание на определенные слабости, чем на слабости вообще, хотя бы эти определенные слабости были выбраны случайно.

На вопрос о том, какое я себе отвожу место, как оккультисту и знаю ли я себе равного по эрудиции в этой области в пределах территории СССР, вынужден ответить, что самого себя судить не могу, а стараюсь только применить честно те скромные познания, которыми обладаю.

По поводу того, что в 1911—1912 гг. Гальяр де Баккара слушал мои лекции, могу сказать только, что я знал его лишь в лицо. Относительно тогдашней его репутации я слышал только, что его считают мальчишкой, способным на «нескромные» поступки, причем один из поступков даже приводился.

О Любарском скажу только, что он заведомо лечил маг-

нетизмом и внушением за деньги. Для меня такой поступок представляется аморальным. Гадать за деньги стыдно. Лечить за деньги нельзя. Учить за деньги можно только при условии не назначать вперед гонорара, а довольствоваться тем, что подарят по собственному желанию.

Раскрывать псевдонимы и называть своих учеников я не могу — не позволяет совесть. «Подготовительные группы» или, вернее, частные беседы некоторых достаточно подвинувшихся учеников с посторонними школе лицами, интересующимися эзотеризмом, велись с целью осторожно определить, не окажется ли кто пригодным для группы Прометея. Эти группы не представляли собой постоянного (непрерывного) явления. Беседы возникали у какого-нибудь лица, потом прекращались, если оно разочаровывалось в собеседниках. Не могу точно указать число лиц, ведущих такие беседы. Их было не более пяти. Ответственность за характер их работы беру я. Назвать их не позволяет совесть. На вопрос о политической благонадежности этих беседований могу ответить, что сам я на этих беседах не присутствовал, но что я морально уверен и лояльности лиц, руководивших беседами; эта уверенность моя простирается не только на то, что беседы не могли принять направление, противное сов[етской] власти, но и на то, что лица, ведущие (собственно ведущие) беседы, остановили бы всякую попытку в отдельной фразе неприличным выражением обнаружить склонность к фразерскому политиканству. Семигановский действительно два раза на моих глазах и под моим контролем руководил опытами по отгадыванию мысли или образа, на которых сосредоточивалась группа учеников. У нас одновременно с ним было два его бывших ученика. Назвать их по фамилиям мне не позволяет деликатность, но я считаю себя морально вправе сказать, что один из них был исключен за болтовню, а другой (способный) — за морфиноманию. Сам Семигановский был исключен из мартинизма за болтовню, присвоение себе не присущего ему авторитета и распространение ложных слухов о моем якобы отъезде в Вологду с оставлением его заместителем. Слухи эти дошли до меня. К Семигановскому

охотно вызвалась пойти одна дама из учениц М.А.Н. (с моего согласия) и обнаружила справедливость нареканий на Семигановского. Конечно, это — шпионаж, но С. мог бы принести много вреда. В таких случаях бывали доносы, но всегда от лиц, негодовавших на злоупотребления доверием учителей и неуважение к Преданию.

Молчаливость, скрывание имен и псевдонимов, тетрадей и т. п. считаются мною необходимыми спутниками школьной работы: болтовня (даже только о характере собств. занятий) отвлекает от сосредоточения и превращает ученика сначала в клубиста, а потом даже в сплетника.

Ученик, не окончивший полного курса занятий, все же мог вынести из школы: 1) добавочные сведения по истории культуры, 2) некоторое восполнение среднего образования, 3) общую дисциплинированность, 4) известную дозу скромности и приветливости.

Лекции, читавшиеся в школе, обнимали собой: Символизм мажорных арканов Торота. Учение о планетных типах. Ознакомление с элементами Каббалы и средневековой философии вообще. Ознакомление с историей увлечения магией и психологическими основаниями этого увлечения. Расценку значения шести ортодоксальных систем индийской философии и буддизма. Очерки по истории философии вообще. Расценку отдельных лит[ературных] произведений как памятников культуры. Очерки по истории религий.

Никакие рел[игиозные] догматы не навязывались. Допустим и атеизм, при условии добросовестной его аналитич[еской] расценки. Алтарь в молельне учителей существует: 1) для напоминания себе о том, что человек слаб и даже в своем уважении к «чистому знанию» нуждается в обстановке, напоминающей ему о принятых на себя добровольно обязательствах служить науке и быть этичным; 2) для того чтобы ученики видели, что учитель не превозносит себя над людьми и самому себе напоминает эзотерическими символами, что он когда-то был скромным студентом для себя, не утверждающим, что он все свои символы носит в себе.

Исповедь от учеников требуется в пределах преподаваемого: сознаться, что знаешь, чего не знаешь; что понял,

чего не понял. Вмешательство учителя в личную жизнь имело место лишь по двум вопросам: 1) явно недобросовестное отношение ученика к принятой им на себя внешней (экзотерической) работе на службе у Республики или у частного лица, или учреждения. Так, например, принятие на себя места, для которого не подготовлен, или совместительство, явно имеющее целью «зашибание деньги», а не полезную работу; 2) непорядочность в житейских отношениях (например, путанные романы Астромова).

Роман Леонтовской с женатым человеком (хотя бы и уверявшим, что он *de facto* свободен) возбуждал крайнее неудовольствие М.А.Н., которая делала предупреждения Л-ой до фактич[еского] начала романа; по наступлении же беременности Л-ой М.А.Н. сосредоточивала ее внимание на значении материнства и резких упреков ей не делала.

Когда по 1 и 2 пунктам поведение ученика считалось уклоняющимся от нормы порядочности, ученику предлагалось или исправить свое поведение в определенный срок, или оставить школу.

Денежные сборы различного назначения производились по инициативе кого-либо из учеников вполне добровольно. Допускаю, что иногда кто-нибудь давал из самолюбия, чтобы не отстать от присутствовавших. Сборов под моральным гнетом не допускаю. М.А.Н. на это не способна. Посылка ученика к ученику В. за деньгами и продуктами от имени учителей, без того, чтобы сам ученик В. на это предварительно напросился, конечно, была бы насильственной методой. Так послать допустимо, только если есть больной и ему нужно лекарство, но тогда учительство ни при чем. Могу допустить только, что М.А.Н. на вопрос о моем здоровье могла когда-нибудь ответить, что я страдаю от отсутствия чего-либо; такая откровенность представляется мне возможной в момент какого-нибудь сильного беспокойства за мое физическое благосостояние в смысле учета здоровья или сил.

Учета помощи деньгами и продуктами не было. М.А.Н. и я старались не знать, кто сколько когда дает. Я отлично знаю, что были (и теперь налицо имеются) такие, которые по бедности совсем ничего не давали.

По вопросу о том, сколько учеников прошло через мои руки, отвечаю, что до 17-го года учет учеников велся не мною, а Антошевским. В период с 19-го года моему и М.А.Н. влиянию (прямому и косвенному) подвергались в школе не более 40 человек. В это число, конечно, не входят беседовавшие вне школы с моими учениками; число таких даже приблизительно не могу учесть. Многие называют себя моими учениками, не видев меня даже в лицо, а только прочитавши «Энциклопедию».

Киев обращался ко мне за справками по оккультным вопросам в 1923—1924 гг. письмами, на которые (в случае уплаченного ответа) анонимно и не моим почерком давался стереотипный ответ: Г.О.М. не открывал справочного бюро по вопросам эзотеризма. Просят письмами не беспокоить. В 1925 г. таких писем было только одно или два.

Слепое подчинение моих учеников своему учителю и хорошая дисциплина в школе, по-моему, объясняются определенностью моей репутации и стараниями моими занять учеников серьезным делом.

[Подпись] Г. Мебес

28.IV — 1926 г.

*Архив УФСБ РФ по СПб и Ленинградской области.
Уголовное дело № 12517, 1926 г., лл. 503—512.*

№ 5

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Б.В. АСТРОМОВА

4 февраля 1926 г. ¹

В[опрос]: Какие цели преследовало масонство, организуемое Вами (Автономное Русское масонство) и какие задачи себе ставило?

О[твет]: Во-первых, самосовершенствование и самодис-

¹ Текст написан от руки и заверен собственноручной подписью Б.В. Астромова.

циплинирование каждого человека, вступающего в масонство, путем развития в нем следующих качеств:

а) для ученической степени:

I — молчание обо всем том, что он узнает в ложе или о ложе, II — послушание своему непосредственному руководителю (т. е. безусловное выполнение всех без исключений его поручений), III — верность данному слову;

б) для товарищеской степени:

IV — непоколебимое мужество, т. е. развитие в себе смелости, находчивости, твердости, V — щедролюбие, т. е. воспитание в себе доброго желания по мере сил помогать ближнему;

с) для мастерской степени:

VI — любовь к человечеству, т. е. уничтожение в себе сословных, национальных и племенных предрассудков, VII — любовь или не боязнь смерти, что достигалось культивированием веры в перевоплощение, в бессмертие души.

Во-вторых, масонство ставило целью подготовку достойных членов на служение обществу. Программа служения обществу изложена в заглавном листе поданного мной доклада.

Практическая подготовка руководителями вступающих членов велась по тетрадам и катехизисам соответствующих трех степеней. Порядок прохождения тетрадей был следующим:

Ученическая степень:

1. Краткий катехизис русского масона из 22 вопросов.

2. Катехизис из 3 вопросов, спрашиваемых при посвящении.

Даваемые после посвящения:

3. Полный катехизис.

4. Объяснение ученического ковра.

5. Тайные знаки, слова, прикосновения.

Товарищеская степень:

1. Краткий из 3 вопросов катехизис, спрашиваемый при вторичном посвящении.

После вторичного посвящения:

2. Изъяснение товарищеского ковра.

3. Знаки, слова, прикосновения.
4. Полный катехизис товарищеской степени.

Мастерская степень:

1. Жизнеописание Адонирамово.

Дается после посвящения:

2. Полный катехизис мастерской степени.
3. Изъяснение ковра мастерской степени.

4. Вопросы к товарищу, посвящаемому в третьего мастера.

5. Тайные знаки, слова, прикосновения.

Кроме того, для посвящения в ученическую степень необходимо: знать 5 арканов по «Энциклопедии оккультизма», Г.О.М.¹ и представить письменную работу о своих кабалистических животных.

Для посвящения в товарищескую степень необходимо знать еще 3 следующих аркана и подать письменную работу о своих 7 планетах.

Для посвящения в мастерскую степень нужно прочесть еще 5 следующих арканов и подать письменную работу о распределении в себе 3 планов, т. е. физического, астрального, т. е. души с ее страстями и эмоциями, и ментального плана с его идеями.

После прочтения краткого начального катехизиса (перед посвящением) вступающий член обязуется представлять мистическую (т. е. представить свои искания в области масонства) краткую автобиографию.

Член ложи, для которого были неприемлемы те или иные этические требования, предъявляемые к нему, имел право заявить об этом, свободно выйти из ложи, причем он обязывался при этом только обетом молчания обо всем, что он знал. Никаких репрессий, ввиду его откровенного заявления, к нему со стороны ложи не применялось.

¹ Курс энциклопедии оккультизма, читанный Г.О.М. в 1911—1912 годах в г. Петербурге. Вып. 1—2. СПб., 1912 г. Под инициалами Г.О.М. скрывался руководитель ордена мартинистов в России «черный» оккультист Григорий Оттонович Мебес.

В. Как реагировала ложа, если ушедший член не исполнил обета молчания?

О. Относилась к нему с презрением и переставала иметь с ним всякое общение.

В. Для чего существовали слова, знаки и прикосновения в ложе?

О. Во-первых, это старинный обычай, когда эти внешние знаки служили для распознавания между собой вольных каменщиков, а во-вторых, они позволяли по первому знаку узнавать, какой степени данный масон одного с ним ордена. Опознавательные знаки и проходные слова в различных орденах различны, прикосновение же ученической и товарищеской степеней варьируются в различных орденах, а мастерское прикосновение почти везде общее.

В. Как производятся процессы посвящения?

О. Для ученической и товарищеской степеней ритуал посвящения общий (одинаковый), в товарищеской степени лишь число путешествий с 3 увеличивается до 5, в мастерской степени ритуал посвящения особый, причем посвящаемый кладется в гроб и символически переживает смерть. Кроме того, при посвящении масону сообщается особая походка, соответствующая каждой степени, которую он обязан продемонстрировать, когда его об этом спросят старшие масоны (см. архив — ритуалы посвящения).

В. Зачем применялись посвящения и какой смысл и значение они имеют?

О. Посвящение — это традиционный пережиток старины, и своей декоративностью они действуют на психику посвящаемого и помогают ему расшифровать некоторые масонские символы.

За последнее время ритуал посвящения все более и более упрощается.

В. Были ли в ложе членские взносы или иные, их размеры и формы расходования?

О. Были установлены членские взносы по одному рублю с человека в месяц, но они почти никем не плати-

лись ввиду стесненного положения большинства членов. Были, кроме того, вступительные взносы при каждом посвящении: 2 руб. при ученическом, 4 руб. — при товарищеском и 6 руб. — при мастерских посвящениях, которые шли на покупку замши для фартуков, перчаток, лент и других знаков, которые каждой степени полагались и выдавались на руки посвящаемому. Отчет о расходовании средств велся в каждой ложе мастером стула или назначаемым им казначеем согласно особому уставу. В частности, по ложе «3-х Северных Звезд» и позднее, по ложе «Кубического камня» ввиду малочисленности состава и нерегулярности поступаемых взносов, которых не хватало даже для оплаты помещения ложи, письменного отчета не велось.

В. Что побудило Вас выдавать диплом гр. Кюну Р.А. на открытие масонской ложи в Нью-Йорке?

О. Дипломы о присвоении ему степени выдаются только мастерам. Ученики же и товарищи, если они выезжали в другой город, получали просто удостоверения о своей степени, чтобы там пристать к существующей ложе. Патенты на открытие ложи выдавались только членам Генеральной ложи, если они об этом заявляли. За диплом взималась плата в размере его технической стоимости. В частности, Кюну был выдан диплом по его инициативе.

В. Выдавались ли Вами еще кому-либо дипломы на открытие лож?

О. Мною выдан, кроме Кюна, еще диплом, вернее патент, на открытие лож гр. Полисадову Сергею Владимировичу¹ в Москве, и никому больше.

Патенты подписываются обычно 3 членами Генеральной ложи своими посвященными именами на древнееврейском языке. В частности, диплом Кюна был подписан

¹ По делу ленинградских масонов Сергей Владимирович Полисадов привлечен не был. В «Автономном Русском масонстве» он занимал должность заместителя Генерального секретаря. Каких-либо сведений о его дальнейшей судьбе выявить не удалось.

больше чем 3 подписями и вызвал к нему недоверие (подписи древнееврейскими буквами), как к агенту большевиков, тем более что сам Кюн — еврей. Патент Кюна содержал подписи Великого мастера Теляковского (посвятительное имя Saquach) и двух великих надзирателей, великого обрядоначальника, казнохранителя или оратора и Генерального секретаря (см. архив: фотография этого диплома).

Патент Полисадову также содержит много подписей, в частности подпись Теляковского¹.

В. В чем конкретно заключалось обвинение Вас младшими братьями по смешиванию мистики с эротикой?

О. В том, что будто я, пользуясь своим положением руководителя, старался учениц совратить к сожителству с собой. Фактически это места не имело, так как за последнее время я совершенно отказался от учениц. Кроме того, меня обвинили в том, что, пользуясь авторитетом руководителя, я заставил одну ученицу (причем имени не называли) вступить со мной в противоестественные половые отношения. Фактически это также не имело места.

В. Как масонство смотрит на половые отношения и семью?

О. Прежде всего, масонство не требует церковного брака, предоставляя это желанию сторон, но оно требует: 1) чтобы масон не ухаживал за женой масона. Он может жениться на ней каким угодно способом, но муж-масон обязан быть извещен об этом; 2) не разводясь со своей женой (или не разъехавшись с ней), масон не имеет права заключать новый брачный договор, в каком бы то ни было виде (регистрация, церковный брак или торжественное взаимное обещание перед пятиконечной звездой, что называется мистическим браком).

За нарушение этих двух условий масон карается исклю-

¹ Теляковский Владимир Аркадьевич (1861—1924) — директор петербургских императорских театров (с 1901 г.).

чением из ордена на определенный срок и поражением в правах.

За такое нарушение в 1924 г. масон Гредингер был исключен на год из ордена и на два года был поражен в правах. А масон Снопков был уволен в бессрочный отпуск, что равносильно совершенному исключению.

В. Как масонство смотрит на религию?

О. Масонство стоит вне религии. Оно не признает личного бога, а признает лишь Непознаваемую Первопричину или Абсолют, под именем великого архитектора Вселенной. Каждый масон может принадлежать к любой религии, и это является делом его личной совести. В некоторых ложах вступительные клятвы произносятся над книгой с чистыми листами, на которых подразумеваются верования данного человека.

В. Взаимоотношения масонства с политикой?

О. Всякие разговоры о политике в ложе запрещаются, и масона не спрашивают о его политических убеждениях. Вступающему в масонство предъявляются требования незапятнанного прошлого в смысле этики и морали, а также в смысле гражданском (несостояние под судом и наказанием). Им запрещается участие в противоправительственных заговорах против своей страны.

В. Было ли связано Русское Автономное масонство с заграничными или другими орденами в СССР?

О. С заграничными масонствами Р[усское] А[втономное] М[асонство] не связано и никаких взаимоотношений с ними не имеет. У меня лично никаких связей с заграничными масонами в смысле переписки с ними и взаимного осведомления не имеется. Персонально знаю и знаком с масонами:

В Англии с викарием Ломбарт[ом] (масон 30 степени). Познакомился с ним в 1913—1914 гг. (примерно), когда он был в Петербурге, а когда он уехал в Англию, точно не знаю.

В Америке знаю Кюна Р.А. Около двух месяцев назад

послал ему заказное с обратной распиской письмо с вложенным киносценарием и до сих пор никакого ответа от него не имею. Полагаю, что он переехал из Нью-Йорка в другой город.

Во Франции знаю Освальда Вирта, имеющего собственную ложу философско-алхимического направления. Познакомился с ним в бытность мою во Франции в период 1911—1912 г. Живет он в Париже.

В Италии знаю масона — профессора Туринского университета Ахилла Лория. Познакомился в бытность мою в Туринском университете.

С другими масонскими орденами в СССР Автономное Русское масонство не имеет связей. Лично же я знаю руководителя ордена мартинистов и часть членов этого ордена.

В. Закрыв протоколом ложу «*Petra cubica*» и написав заявление о своем выходе из масонства, предпринимали ли Вы какие-либо шаги по организации новой ложи и намерены ли в дальнейшем работать по организации масонских лож?

О. Не предпринимал и не собираюсь предпринимать, так как решил совершенно порвать с масонством, какого бы толка оно ни было, и заняться исключительно личной оккультной работой.

Вспомнил, что в 1921 г. или 1922 г. я через посредством уехавшей на родину в Лондон англичанки Сиверс Ольги Эсперовны послал приветственное письмо Ломбарту, но ответа от него так и не получил.

Из иностранных масонов я ни с кем не переписывался и не переписываюсь с 1914 г. Переписку с Кюном во внимание не принимаю, так как он принадлежит к Русскому Автономному масонству. Переписка с ним была довольно оживленная в 1923 году, т. к. он сообщал о своих неудачах в смысле устройства на работу и о подозрительном отношении к нему американского масонства. В 1924 году я получил от него несколько писем с вырезками из нью-йоркских газет о брачных похождениях одного общего знакомого, некоего Линского.

В. Не пытались ли Вы через Кюна осуществить связь или подчинение с каким-либо иностранным масонством?

О. Не пытался и считаю это неприемлемым и не соответствующим конструкции Автономного масонства.

В. Имеете ли Вы самостоятельные труды по масонству?

О. Подготовлена у меня к печати брошюра (4—5 печатных листов) «Искатели истины», которая является переработкой моей публичной лекции, прочтенной в 1924 году в здании б. «Петершуле»¹.

В. Что побудило Вас читать эту лекцию?

О. Мне предложил прочесть эту лекцию о масонстве представитель лекционного бюро гр. Алапин и уплатил за нее два миллиарда. Значит, это относится к 23-му г., ко времени непостоянной валюты, а не к 24-му г.².

Вышеизложенное записано со слов моих правильно, в чем и расписываюсь.

¹ Сохранилось оглавление этой брошюры (см.: Отдел рукописей (далее — ОР) Музея истории религии в Санкт-Петербурге. Коллекция II, оп. 2, л. 1—10б. Еще раньше, в декабре 1923 года, Б.В. Астромовым была написана статья «Парижская коммуна и масоны», в которой он попытался поставить под сомнение популярный в то время в стране тезис о «мелкобуржуазных тенденциях масонства», использовав для этой цели манифест парижских франкмасонов «К товарищам масонам Франции и всего мира» 1871 года в защиту парижских коммунаров. Этот документ, заканчивавшийся призывом «Да здравствует федеративная коммуна Франции с Парижской коммуной во главе!», дает, как полагал Б.В. Астромов, все основания для того, чтобы «золотыми письмами сиять на скрижалях истории человечества» (ОР Музея истории религии в Санкт-Петербурге. Колл. II, оп. 2, № 1, лл. 1—3). Напечатать эту любопытную статью ему, к сожалению, не удалось. Продолжая работать над этой темой, Б.В. Астромов подготовил книгу по истории масонства «Искатели истины», предисловие к которой согласился написать известный масон Н.А. Морозов (Шлиссельбургский), принадлежавший к «Великому Востоку народов России». Свою работу Б.В. Астромов посвятил «подрастающему поколению свободной России» (ОР Музея истории религии в Санкт-Петербурге. Колл. II, оп. II, № 2, л. 3.).

² Лекция состоялась 15 июня 1923 г. См.: Масоны. На лекция д-ра Б.В. Астромова // Красная газета, 1923, 16 июня. Веч. вып.

№ 6

МОЛИТВА, ОБРАЩЕННАЯ К ВЕЛИКОМУ АРХИТЕКТОРУ ВСЕЛЕННОЙ.

ВЕЛИКАЯ ЛОЖА «АСТРЕЯ»
АВТОНОМНОЕ РУССКОЕ МАСОНСТВО¹

В.А.В. (Великий Архитектор Вселенной). Услышь нас.
Мы ошибаемся мыслью, словом и делом — прости нас.
Мы слабы сердцем, душой и умом — укрепи нас.
Научи нас молитве, сливающейся с Божеством.

Научи нас Вере, творящей чудеса.

Научи нас Любви, обнимающей все сущее.

Научи нас радостной жертве во Имя Твое.

В.А.В. Прости ошибки всем братьям нашим.

Пролей мир в души всяк братьев наших.

Озари эманациями Любви Твоя все существа земные.

Озари благословением Твоим все живущее во всех сферах и планах Вселенной.

Озари Светом Твоим все ступени Мистической Лестницы, от ступени Падших Ангелов и до ступени Светлых Учителей.

В. А. В. Да будет над нами Воля Твоя.

№ 7

МАСОНСКАЯ КЛЯТВА ЛОЖИ

«ТРИ СЕВЕРНЫЕ ЗВЕЗДЫ»

АВТОНОМНОЕ РУССКОЕ МАСОНСТВО, 1924 г.²

Перед книгою Старого... и Нового... Заветов, перед сим Оружием, символизирующим Элементы человеческой деятельности, КЛЯНУСЬ сознанием Целесообразности своей

¹ Текст от руки.

² Текст от руки.

жизни свято чтить Авторитет Высших Цепей, видимо или невидимо для меня проявляющихся в Массонстве, и точно исполнять веления своего Мастера Стула, облеченного во власти этими Цепями.

Если когда изменю сей клятве, то да буду наказан: угрызениями Совести, собственным презрением и сим оружием, над коим Присягу произношу; да войдет оно острием в сердце мое, да истребит всех мне любезных и да остановится эволюция моя.

№ 8

Б.В. АСТРОМОВ РОССИЙСКОЕ АВТОНОМНОЕ МАССОНСТВО¹

В современной России массонству не уделяется почти никакого внимания, и только изредка промелькнет отзыв о нем, как о мелкобуржуазном направлении. Это и не удивительно — мало кто из теперешних деятелей вообще слышал о существовании массонства, а из тех, кто знает о нем, почти никто не знаком с его целями, стремлениями и идеологией. Между тем все это далеко небезынтересно для правительства СССР. И если кто-либо вдумается в сущность этой вековой ассоциации, то он придет к неоспоримому выводу, что считать массонство врагом коммунизма вообще и советской власти в частности совершенно не приходится. Практичнее было бы выработать какой-либо *modus vivendi*, использовать массонство в качестве лишнего фактора в тот промежуточный период государственного капитализма, который мы сейчас переживаем.

¹ Публикуется по машинописной копии, переданной Б.В. Астромовым в Ленинградское ОГПУ для сведения. Текст удостоверен подписями Б.В. Астромова, его заместителя С.В. Полисадова и печатью Великой ложи «Астрея».

Тем более перед лицом деятельноорганизованного воинствующего клерикализма, когда необходимо учитывать две силы противоположного лагеря, даже стоящие вне марксизма.

Всякая дальновидная власть во время своего строительства должна не только разрушать оставшиеся в наследие от старого организма группировки, но и попытаться захватить их тем или другим способом, приспособив на служение своему государственному плану. Конечно, для этого нужно ближе и глубже познакомиться с этими организациями (в данном случае я говорю об Автономном Русском масонстве), чтобы не смешивать их с другими, похожими на них внешне — и различными внутренне — группировками.

Тогда эпитет «мелкобуржуазный», всецело приложимый к политическому западному масонству, не будет приклеиваться к русскому. Известно, что среда влияет не только на отдельные личности, но и на целые коллективы. Русское масонство, запрещенное при царском режиме, жило на «нелегальном положении» в то время, как западное масонство свободно развивалось и даже захватило в свои руки власть (например, во Франции и в Италии). В России масонство поневоле должно было уйти в подполье, внутрь себя, и, одевшись как бы сектой (вроде «толстовства»), заняться философскими проблемами или удариться в мистицизм (главным образом московская ветвь русского масонства).

Здесь я касаюсь только Автономного Русского масонства, преемственно развивавшегося от екатерининского или александровского, но не так называемого «кадетского» масонства, пересаженного к нам в начале XX века из Франции и всецело воспринявшего его идеологию. Кадетские ложи, легально существовавшие во время Керенского, шли тем же путем, что и французские братья, и, несомненно, если бы керенщина продержалась дольше, вылились бы в политическую партию. Достаточно напомнить, что весь ка-

бинет министров, вместе с Керенским¹, Милюковым², Маклаковым³, Некрасовым⁴ и другими масонами, подчиненными «Великому Востоку Франции» и плясавшими под дудку французского посла масона г. Нуланса⁵ (так в тексте. — В.Б.).

Так что же сближает Автономное Русское масонство с коммунизмом? Прежде всего — пятиконечная звезда, являющаяся малым гербом СССР и принятая в Красной Армии. Эта звезда — весьма почитаема в масонстве как символ гармонично развитой человеческой личности, победившей свои страсти и нейтрализовавшей крайности добра и зла.

Дальше, коммунизм на своем знамени начертал: всеобщее самоопределение и братство угнетенных народов. Русские масоны тоже призывают к такому братству, называя себя гражданами мира, — и в этом заключается новое сходство между указанными двумя направлениями.

Наконец, стремясь к установлению равенства воспитания и жизненных условий, масонство ничем не отличается

¹ Керенский Александр Федорович (1881—1970). Юрист. С марта 1917 г. эсер. Министр юстиции, военный и морской министр, министр-председатель (премьер-министр) Временного правительства России (с 8 (21) июля 1917 г.). В 1912 г. принят в ложу «Малая Медведица», принадлежавшую к «Великому Востоку народов России».

² Милюков Павел Николаевич (1859—1943). Историк, публицист. Лидер кадетской фракции в Государственной думе. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства России. Принадлежность П.Н. Милюкова к «Всемирному братству» отвергается исследователями (см.: Берберова Н.Н. Люди и ложи. // Вопросы литературы, 1990, № 1. С. 165.).

³ Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957). Кадет. Член юридического совета при Временном правительстве. В июле 1917 г. назначен послом России во Франции. Масон, принадлежавший к «Великому Востоку народов России».

⁴ Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940). Кадет. Министр путей сообщения, министр финансов Временного правительства. Один из секретарей «Верховного Совета народов России».

⁵ Нуланс Жозеф. Посол Франции в России в 1917 г. Масон, принадлежавший в «Великому Востоку Франции».

от коммунизма, ставящего себе те же задачи, причем лозунг коммунизма об уничтожении частной собственности встречает полный отклик в масонстве, которое также (правда, по другим соображениям) против частной собственности, развивающей излишний эгоизм и другие инстинкты, которые привязывают людей к жизни.

Затем намечается разница между масонством и коммунизмом, заключающаяся в различных способах проведения своих идей. В то время как коммунизм для осуществления своей программы считает настоятельно необходимой борьбу классов и диктатуру пролетариата, масонство идет к тому же самому путем добровольного отказа членов Общества Вольных Каменщиков от своих прав и привилегий — чему яркие примеры мы видим в истории: достаточно вспомнить декабристов, а из Французской революции — принца Филиппа Орлеанского, отказавшегося от своих прав королевского принца и принявшего имя Филиппа Эгалите, т. е. Филиппа Равного; герцога Лозена, одного из вождей революционной армии французского Конвента, и т. п. Отлично понимая, что добровольный отказ от своих классовых преимуществ предполагает глубокое осознание несправедливости существующего распределения ценностей, русское масонство прежде всего требует от своих сочленов нравственной культуры, работы над шлифовкой своего собственного характера, после чего деятельность Вольного Каменщика должна быть направлена не на свое личное благо или благо отдельных людей: будь то его семья или нация, а на все человечество в целом. Отказ от эгоизма — вот в чем заключается эволюционный путь. Он не исключает революционный. Наоборот, они дополняют друг друга, подобно тому, как зеленый цвет есть дополнительный к красному, мужчина — к женщине, тепло — к холоду и т. д. Только тогда тот или другой процесс может правильно и успешно развиваться, когда в нем участвуют оба эти фактора.

Как первую попавшую под руку иллюстрацию, насколько русское масонство влияло на своих сочленов в смысле аполитичности, укажу на то, что ни один из русских масо-

нов не саботировал после низвержения Временного правительства. Даже такие крупные бюрократы, как бывший министр Тимирязев¹ и бывший директор театров Теляковский, не только не принимали участия в забастовке, но и других старались отговорить от нее. Например, известное всем выступление Тимирязева в ноябре 1917 года на Всероссийском съезде промышленности и торговли. Насколько лояльно до своей смерти служили они советской власти, видно из того, что похороны Тимирязева были приняты на свой счет государством, а Теляковский до самой смерти (октябрь 1924 г.) получал персональную пенсию по назначению Совнаркома. А ведь они могли подобно Коновалову² и компании сбежать за границу и прекрасно там устроиться, а не таскать с Октябрьского вокзала на улицу Красных Зорь на своих 65-летних плечах пуды гнилого картофеля, как это делал в мрачное время блокады покойный Теляковский.

Далее, не все люди смогут из-под палки менять свои убеждения, да и вообще одно принуждение — плохой воспитатель.

Еще Наполеон I говорил, что на штыки можно опереться, но спать на них нельзя. Каждое насилие, каждый удар в силу неизбежности закона мирового равновесия должны в конце концов повлечь за собой контрудар, и чем сильнее будет напряжение первого, тем резче скажется действие второго — ибо угол отражения всегда равен углу падения.

Если же известные идеи проводятся теми, кто их глубоко прочувствовал, исповедует их и готов всем пожертвовать для их осуществления, то такая работа, конечно, окажется плодотворной.

¹ Тимирязев Василий Иванович (1849—1919). Министр торговли и промышленности (1905—1906, 1909), член Государственного совета (1906—1917). Председатель Англо-русской торговой палаты.

² Коновалов Александр Иванович (1875—1948). Крупный фабрикант. Один из лидеров фракции прогрессистов в Думе. Министр торговли и промышленности Временного правительства, заместитель премьер-министра А.Ф. Керенского. Умер в эмиграции.

Итак, преследуя одни и те же цели, признавая справедливыми и подлежащими проведению в жизнь одни и те же воззрения, коммунизм и Русское масонство совершенно не должны подозрительно смотреть друг на друга, наоборот, пути их параллельны и ведут к одной вершине¹. Только путь российского масонства — это путь медленной и интеллектуальной работы, путь тихой сапы. Путь коммунизма стремительный — это штурм. Но ведь штурму предшествует длительная инженерная подготовка, и плох тот стратег, который откажется от сапера. Своей деятельностью Русское масонство незаметно, но неуклонно разъедает буржуазию, требуя, чтобы она отказалась от своего классового эгоизма, чем значительно облегчается работа коммунизма. Русское масонство идет от отдельных личностей к массам, тогда как коммунизм идет от масс к отдельным личностям. Это фигурально можно было бы сравнить с пешеходом (масонство) и автомобилем (коммунизм). Дорога и цель их одни, на дороге они друг другу не мешают, так как автомобиль не

¹ Указания на близость целей большевиков с целями, которые ставит перед собой «Всемирное Братство», — не новы. «Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки к масонским», — писал в этой связи в 1932 г. председатель Архиерейского Собора Русской православной церкви за рубежом митрополит Антоний. Одним словом, «ученики подражают своим учителям», отмечал он (Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Терра, 1990. С. 177). Аналогичные мысли развивал и известный исследователь истории масонства В.Ф. Иванов. «Международное масонство и социализм — дети одной темной силы. Цель масонства и социализма одна. Они только временно расходились в методах действий», — отмечал он (см.: Иванов В.Ф. Тайная дипломатия. Харбин, 1937. С. 128). Ценность рассуждений Б.В. Астромова на эту тему заключается в том, что с проповедью близости большевизма и масонства выступает масон, причем масон далеко не рядовой. О широком распространении такого рода взглядов свидетельствуют воспоминания В.П. Зубова. «Моим соседом по камере, — вспоминает он о своем пребывании в московской Бутырской тюрьме в 1922 г., — был француз. Он утверждал, что он масон. Так как большевики тоже масоны, то его тотчас освободят, лишь на «верхах» узнают, что он арестован». См.: Зубов В.П. Страдные годы России. Мюнхен, 1968. С. 124). К сожалению, В.П. Зубов ничего не сообщает о дальнейшей судьбе этого «масона».

сможет взять в свою карету всех. И пешеход тоже доберется «до Киева». А по теории оккультизма и пешеход и автомобиль все равно к конечной цели придут одновременно. Эта блестящая цель — обращение человечества в единую братскую семью — все равно будет достигнута лишь тогда, когда все люди проникнутся альтруизмом¹.

Наблюдая безвыездно 7 лет коммунизм, масоны теперь видят, что это здоровая сила, способная не только на разрушение, но и на создание. Только слепой, не желающий видеть, не замечает, что по всей стране началось строительство, появились зеленые ростки и залечиваются раны, нанесенные Гражданской войной и разными интервенциями. В такое время преступно стоять в стороне, не принимая участия по мере сил в этой общей созидательной работе. Участвуя в ней, можно будет быстрее добиться того, что на старомасонском языке зовется «Златым Астрейным Веком», то есть равных условий жизни для всех угнетенных, соединенных дружбой, братством и взаимным уважением. Поэтому Русское масонство по своей идеологии аполитично, т. е. оно не стремится, что является главной приманкой для западноевропейского масонства, к захвату власти.

Благодаря своей умозрительности это для него мелко. Оно развивает в своих членах скорее пассивность, так что те жизнелюбят, но не жизнедействуют. Сейчас оно аполитично более чем когда-либо, так как соввласть добилась предела его политических чаяний — союза свободных народностей. Остается территориально и практически закрепить это.

В силу этого связь с заграничным масонством, безусловно, опасна, так как она заставляет служить чужим, часто враждебным и почти всегда неизвестным нам целям, так что политиканство, если бы такое проявилось в рядах Русского масонства, мы считаем явлением болезненным, уродливым и отклонением от нашего устава. С этим нужно беспощадно бороться и пресекать его, подобно тому, как хи-

¹ Мы верим вместе с Джеком Лондоном, что «духовные радости и альтруизм придут к нам не от грязного обжорства наших дней».

руг отсекает гангренозные органы ради спасения всего субъекта. Вот почему Русское масонство в 1815 году оторвалось от насадившего его английского и объявило себя совершенно автономным (мартинизм это сделал в 1912 году).

Кроме того, Русское масонство давно изжило и переросло христианство, бог которого, создав людей, предписывает им утешение в себе всего того, что составляет красоту и радость жизни. И чем больше мучает и терзает себя человек, тем больше радуется отец его небесный. Будучи «всеблагим», он за грехи и ошибки, сделанные в течение 60—70 лет жизни, заставляет людей вечно страдать в «геенне огненной». Будучи «всемогущим», он разрешает «дьяволу» свободно властвовать над людьми, и, если последние изнемогают в неравной борьбе с сильнейшим противником, — они оказываются осужденными на те же вечные муки.

Основатель монизма венский проф. Эрнест Геккель говорит: «Если человек хочет жить в правильно организованном обществе и чувствовать в нем себя хорошо, он должен заботиться не только о своем собственном счастье, но также и о счастье той общины (или государства), к которой он принадлежит, и о тех близких, которые входят в этот Социальный Союз. Человек должен знать, что их благополучие, их страдание — его страдание».

Таким образом, по теории монизма, эгоизм и альтруизм имеют одинаковое право на существование. Моральная равноценность любви к себе и любви к ближнему есть краеугольный камень монистической философии.

Масонская мораль идет дальше. Она учит, что даже здоровый эгоизм личности тормозит духовную ее эволюцию, устремляя взгляд человека исключительно на земные блага жизни.

Идеал, к которому стремится философское масонство, есть самопожертвование — прекрасно иллюстрирует это Розенкрейцерский Пеликан, кормящий собственной кровью и мясом своих детенышей. Что может быть выше и чище разумной материнской любви к своим птенцам!

Будучи «всеправедным», он допускает покаяние детей за грехи родителей и т. д. и т. д.

Вот во что выродилось когда-то революционное христианство.

Но без морали и нравственности не может жить ни один народ.

«Наша революция основана на справедливости, — писал Робеспьер своим избирателям, — а потому все клонящееся к ослаблению в народе нравственного чувства — контрреволюционно».

Видя, что христианство весьма дискредитировано в широких массах, и боясь, что от этого пострадает народная нравственность и увеличится преступность и хулиганство, многие русские масоны с надеждой сейчас смотрят на ленинизм, как на несущий своего рода новую мораль и пришедший на смену христианству.

Восточные народы, в частности китайцы, уже и так приняли ленинизм. Поэтому ленинизм, совершив революцию форм, должен для своего упрочения совершить еще революцию нравов.

Мне могут возразить, что эволюционный путь слишком длинен и долог. В мировой истории, где роль играют не годы и десятилетия, а века и тысячелетия, — достижения измеряются не временем, а своей крепостью. Поэтому, раз стремления коммунизма совпадают в общих чертах со стремлениями Русского масонства, раз и тот и другой ясно отдают себе отчет в том, что вредно и недопустимо в современной жизни, и раз в их тактике нет антагонизма, — им, казалось бы, возможно работать параллельно, ибо, повторяю, масонство своим путем приобретает многих твердых, убежденных и верных людей, работающих по своему внутреннему сознанию не за страх, а за совесть, и притом из числа интеллигенции, сотрудничество с которой для коммунизма будет весьма полезно, тем более что эта область, где чистому коммунизму труднее всего приобретать себе искренних сторонников. Ведь убеждать людей нужно, исходя из их классового самосознания, применяясь к их психике, иначе не будет успеха.

Не надо забывать, что революционный путь своими стремительностью и натиском выбрасывает много здоро-

вых элементов, приемлющих коммунизм и пригодных для советского строительства, но просто не поспевающих за темпом революции.

Под знаменем масонства они могли бы быть объединены к использованию.

Интересно в данном случае проследить различие нашей психологии и психологии так называемых белогвардейцев всех оттенков, оторвавшихся от родной почвы и обивающих пороги иностранных «благодетелей». В то время как мы радуемся каждому новому успеху, приветствуем каждый шаг на пути к восстановлению народного хозяйства, — те со скрежетом зубовным встречают малейшее улучшение, происходящее здесь у нас в СССР.

Может быть, некоторые глубокомысленные политики назовут нас попутчиками — пусть так, не надо бояться слов. Но мы попутчики до последней остановки — то есть до чистого коммунизма, и наша мечта — чтобы эта станция скорее наступила и чтобы скорей закончился период «государственного капитализма».

Сейчас мы переживаем исторический момент: мы стоим на грани двух рас. Белая дряхлеющая раса, после 12-тысячелетнего периода существования в 2000 году сменяется желтой расой (последней из нашего четвертного цикла). Она во главе с Китаем, переживающим ныне свою первую организованную революцию (наш 1905 г.), поднимет весь 900-миллионный Восток и даст толчок для выхода его на мировую арену. Белая раса, конечно, будет еще существовать, но главенствующую роль играть не будет, как в настоящее время сошла на второстепенное, чтобы не сказать более, место ранее господствовавшая черная раса, или как постепенно вымирает предшествовавшая нашей раса красная. А ведь каждая из них жила многие тысячи лет и имела высокую культуру, различные тайны которой до сих пор не раскрыты, — например, неизвестен ни состав искусственных драгоценных камней, ни способ хранения мертвых тел в течение сотен и тысяч лет, ни состав цемента, скрепляю-

щего египетские пирамиды, ни непосредственный способ притяжения электричества из воздуха и многие другие.

И вот, готовясь уступить место и первенство нашим младшим братьям — желтой расе, мы должны не бороться с ними, скупно цепляясь за наши достижения, а должны подготавливать им благодатную почву для расцвета и продолжения нашего дела — эволюции прогресса всего человечества.

Вместе с тем идея индивидуализма должна, конечно, умереть при свете коллективизма, эксплуатация и насилие уйти в вечность всеобщего счастья, прогресса и братства.

И пусть западное политиканствующее масонство, потерявшее ключи к своей науке и живущее на задворках парламентаризма, защищает белую расу и разделяет с ней общую судьбу.

Русское автономное масонство, по духу чуждое западному, должно идти вместе с коммунизмом к новому светлому будущему — Всемирному Союзу всех угнетенных народов.

Практически в чем же может выразиться работа Авт[ономного] Русск[ого] масонства по перемагничиванию русской интеллигенции?

Ничего не предрешая, мы считаем, что прежде всего должно быть устранено недоверие советской власти к Русскому масонству, недоверие, повторяем, основанное на недоразумении, вызванном малой осведомленностью власти о духе и, пожалуй, даже о физиономии Русского масонства. Только тогда возможны положительные результаты.

Лояльное отношение Авт[ономного] Русск[ого] масонства к совласти (что можно доказать многими примерами) дает, казалось бы, право на такое доверие, результатом чего должно быть мирное существование масонских лож. Ведь существует же Крестинтерн рядом с С[ельско]-хоз[яйственными] Союдами, примыкающими к платформе II Интернационала. Почему не может существовать русское «красное масонство» в СССР, как противовес «политическому» масонству Запада?

Конечно, масоны не претендуют на открытую легализа-

цию, т. к. это будет скорее вредно, чем полезно, для их работы. И тогда смогут обвинить в «чекизме» или «рептильности», что непременно оттолкнет от масонства русскую интеллигенцию. Роль масонства, главным образом, заключается в том, чтобы убедить лучшую часть ее в «закономерности» переживаемых событий, а следовательно, в неизбежности их. Успехи биофизики все более подтверждают учение древности о том, что человек со дня своего рождения находится под воздействием вполне закономерных мощных космических биофизических факторов.

Здесь реальная работа Автономного Русского масонства выразится прежде всего в укреплении в правосознании русской интеллигенции прежде всего идей интернационализма и коммунизма, а также в борьбе с клерикализмом. Антиклерикализм является одним из лозунгов Вольного Каменщичества, призывающего своих членов с первых шагов их деятельности к беспощадной борьбе с суевериями, предрассудками и прочими условностями жизни. Между тем неудовлетворенная склонность русского интеллигента к метафизике и философствованию может толкнуть его в церковность, где он легко рискует стать добычей иезуитов или лиц, склонных к политиканству.

Нам скажут, что в руках у советской власти есть карательный аппарат. Верно. Но вряд ли входит в ее задачи плодить «мучеников религии» (с точки зрения Запада) и тем заострять оружие своих зарубежных врагов.

Какие же гарантии Русское масонство может представить власти в том, что в своих ложах оно не будет занимать антисоветской агитацией?

Сошлемся на историю. В 1818 г. гроссмейстер Великой Автономной ложи «Астрея» Мусин-Пушкин — Брюс передал генерал-прокурору Вязмитинову списки лож своего Союза и все ритуалы, по которым велись работы. Почему же сейчас, в 1925 г., масоны не смогли бы сообщить Власти то же самое?

Итак, можно было бы предложить следующий *modus vivendi*:

А) Советская власть терпит существование масонских

лож и ячеек, входящих в Союз Генеральной ложи «Астрея», не преследуя ее членов за их принадлежность к Союзу.

Б) Генеральная Ложа «Астрея», в свою очередь, согласно своему уложению 5815 (1815)¹ года обязуется не иметь никаких тайн от правительства СССР и не находиться в связи или союзе ни с одним иностранным Востоком или иностранным масонским орденом.

Примечание: Генеральная Ложа «Астрея» гарантирует, кроме того, пробуждение в своих членах миролюбия и отказ от участия в политических авантюрах как на территории Республики, так и вне ее возникающих.

Автономное Русское масонство лояльно выполнит эти обязанности, и тем более охотно, что они вытекают из его программы, которая сейчас почти полностью осуществляется Конституцией СССР.

Если это не соответствует видам Советского правительства или если гарантии не считаются достаточными, ему стоит по примеру царского правительства запретить существование масонства, чтобы ложи закрылись и прекратили свою деятельность.

15.VIII.25

Генеральный Секретарь Великой Ложи «Астреи» д-р Б. Астромов (Управляющий мастер ложи «Кубического Камня» на Востоке Ленинграда).

Зам. ген. секретаря «Великой ложи «Астрея» (Управляющий мастер ложи «Гармония» на Востоке Москвы) С. Полисадов.

¹ Попытки Б.В. Астромова связать свою ложу с деятельностью русских лож александровского и даже екатерининского времени несостоятельны. Подлинной причиной такого рода пассажей было желание отвести подозрения в самостоятельном характере своей организации. Не случайно «братья» и «сестры» упрекали Б.В. Астромова в том, что, выйдя из «Ордена мартинистов», он не имел права открывать новых лож. Это, однако, не так, поскольку Б.В. Астромов сохранял за собой все масонские степени и связанные с этим права (он был посвящен в 4-ю мартинистскую степень, равную 30-й масонской, что давало ему право посвящения в младшие степени). Обстоятельство это было подтверждено по требованию Б.В. Астромова Г.О. Мебесом.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛОЖИ «АСТРЕЯ»

22 октября 1925 г.¹

Заслушав доклады Генерального секретаря и его заместителя о результатах переговоров с правительством СССР о дальнейшей деятельности Автономного Русского масонства и убедившись в неизменном недоверии сов. власти к этой деятельности, недоверии, вытекающем из непризнания ею за эволюционным направлением права на параллельное его существование с направлением революционным, а также будучи лояльной по отношению к существующей власти и не желая становиться на путь противодействия ее политике, что являлось бы несогласным с уставом Автономного масонства, Генеральная ложа «Астрея» постановляет:

а) прекратить всякую проповедь вольнокаменнических идей;

б) сократить до минимума принятие в свою среду новых профанов — как несвоевременное, впредь до изменения взглядов Правительства на Автономное Русское масонство;

в) копию сего постановления прочесть в малых ложах и передать по назначению.

Ген. секретарь доктор Б.В. Астромов.

Зам. Генерального секретаря С.В. Полисадов.

Член Генеральной ложи М. Севастьянов.

¹ Писано от руки. Документ удостоверен собственноручными подписями Б.В. Астромова, С.В. Полисадова и М.М. Севастьянова. Справа от подписи — посвятельные имена членов Генеральной ложи «Астрея», написанные древнееврейскими буквами. Напротив двух последних посвятельных имен подписи отсутствуют. В правом нижнем углу плохо сохранившийся оттиск печати Генеральной ложи «Астрея», на котором читается имя «Адонирам».

№ 10

ПИСЬМО Б.В. АСТРОМОВА
ЧЛЕНАМ ЛОЖИ «КУБИЧЕСКОГО КАМНЯ»

10.XII — 1925 г.¹

Брожение среди членов малой ложи «Кубического камня», обнаружившее их недисциплинированность и негармоничность — необходимые условия для продуктивной работы, — заставляют нас в развитие постановления Генеральной ложи «Астрей» от 22 октября 1925 года закрыть и распустить означенную ложу «Кубического камня», обязав участников ее лишь обетом молчания.

Мастер Стула Кубического Камня на Востоке Ленинграда Erphoach.

Скрепил:

Помета: Сей Указ был прочтен.

№ 11

ПИСЬМО Б.В. АСТРОМОВА «БРАТЬЯМ»
ВЕЛИКОЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛОЖИ «АСТРЕЯ»

12.XII — 1925 г.²

Дорогие друзья!

Меня гнетет отсутствие людского материала, годного воспринять всечеловеческие идеалы Российского Автономного масонства.

¹Текст от руки, почерком Б.В. Астромова. Подписан посвятельным именем Б.В. Астромова «Ефрех». Отсутствие подписи напротив пометы: «скрепил» и приписка Б.В. Астромова: «Сей указ был прочтен» указывают на то, что в данном случае мы имеем дело с копией указа, написанного задним числом.

²Текст от руки, почерком Б.В. Астромова. Внизу собственноручная подпись Б.В. Астромова. В правом нижнем углу печать Генеральной ложи «Астрей».

Кроме того, внимательно наблюдая в течение последних лет нашу жизнь, я пришел к заключению, что скорейший выход России из экономического и политического тупика, изолированности возможен лишь при полном единстве живых сил, участвующих или могущих участвовать в социалистическом строительстве. Такое единство действия, умение «хотеть и мочь» сейчас есть, по-моему, только у РКП, поэтому участие в иных фракциях или группировках, хотя бы преследующих общие с коммунизмом идеалы, но расходящиеся с ними в тактике, — нежелательны и даже вредны. Ввиду сего я слагаю с себя звание члена Генеральной ложи «Астрея» и Генерального секретаря и ухожу в частную, личную жизнь.

Ephroach (in protanis д-р Б.Астромов).

№ 12

ПИСЬМО Б.В. АСТРОМОВА И.В. СТАЛИНУ

11.02.1926 г.

Тов. Сталин!¹

Обращаюсь к Вам, как к одному из руководителей советской политики и Секретарю Центрального Ком[итета] ВКП(б).

10 января с.г.² я сложил с себя звание Генерального секретаря и члена Генеральной ложи «Астрея» Автономного Русского масонства, развязал себе руки, возвратив свободу действий и лишив возможности в будущем кому-

¹ Машинопись. Внизу собственноручная подпись: «Д-р Б.В. Астромов». Приписка: «Мой адрес: Ленинград, ДПЗ, V отдел» и помета: «11.11.26» сделаны Б.В. Астромовым от руки. Очевидно, что перед нами одна из копий этого документа.

² Б.В. Астромов ошибается. Это произошло 12 декабря 1925 г. (см. публикуемый документ № 10).

нибудь обвинить меня в некорректном отношении к Автономному Русскому масонству. Моя же политическая ориентация никого из масонов не касается и дело моей со- вести.

Таким образом, я могу совершенно независимо разговари- вать с Вами.

В поданном в авг. м. прошл. года вместе с управляю- щим мастером московской ложи «Гармония» Полисадо- вым докладе наблюдающему органу СССР о возможности совместной деятельности Авт[ономного] Рус[ского] мас[онства] и коммунизма была вскользь брошена фраза: «Красное масонство свободно могло бы существовать рядом с буржуазным — ведь существуют же Профин- терн и Коминтерн рядом с рабочими и крестьянскими союзами, примыкающими к Амстердамскому соглаше- нию»¹.

Теперь я хочу указать на красное масонство не только как на объединение коммунистически мыслящих, но как на форму и маскировку, которую мог бы принять Коминтерн. Ни для кого не секрет, что Коминтерн (негласное москов- ское правительство и штаб мировой революции, как его на- зывают на Западе) является главным камнем преткновения для заключения соглашений с Англией, Францией и Аме- рикой, и, следовательно, задерживается экономическое возрождение СССР.

Между тем, если бы Коминтерн был перелицован по образцу масонства, т. е. принял бы его внешние формы (ко- нечно, упростив и видоизменив многое), ни Лига Наций, ни кто другой ничего не осмелились бы возразить против его существования, как масонской организации. Особенно Франция и Америка, где имеются целые ложи с социалис-

¹ Такой фразы в августовском докладе Б.В. Астромова 1925 г. нет, хотя общий смысл его предложения передан им верно (см. публикуе- мый документ № 7).

тическим большинством и где правительство большей частью состоит тоже из масонов (напр., Президент, ТАФТ, не бывший раньше масоном, сейчас же по избрании был посвящен в масоны).

Принятие Коминтерном масонской личины — совсем несложно и коснется лишь внешности. Каждая национальная секция его могла бы образовать отдельную ложу — мастерскую, а представители их (президиум) сформировали бы генеральную ложу.

Я удивляюсь, как рабоче-крестьянскому правительству раньше не пришло в голову воспользоваться этой старорабочей, профессиональной организацией, захваченной буржуазией. Конечно, реформировав ее и очистив ее, согласно духу и заветам ленинизма (ведь позаимствовали же рабочие организации идею скаутизма и завели у себя отряды пионеров). Тем более что Соввласть уже взяла масонские символы: пятикон[ечную] звезду, молоток и серп.

Наконец, сама пропаганда ленинизма, благодаря масонской конспирации и дисциплине, могла бы вестись успешнее, особенно в странах Востока, где так склонны ко всему таинственному.

Все, что я здесь пишу, только отдельные мысли, необработанные и недетализированные.

Мне хотелось бы этими строками лишь дать толчок, пробудить Вашу творческую, созидательную мысль.

А может быть, это Вас заинтересует. Тогда я готов служить своими знаниями и опытом в этой области в качестве советчика-консультанта или как Вы найдете удобным.

11. II. 1926 г. Б. Генеральный секретарь Генеральной ложи «Астрея» (д-р Астромов).

Мой адрес: Ленинград, ДПЗ, V Отдел.

№ 13

«Великое Наставление».
Текст и комментарии
(Братство Святого Грааля)

O. de S.G.
Великое Наставление¹
S.R.A.I.AideI.

ВВЕДЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ НАСТАВЛЕНИЮ

Последний, уже тусклый мираж бесследно исчез.

Если Путник, утомленный долгими скитаниями по бесплодной, раскаленной и смрадной пустыне, где дикие чудовища стерегут тебя за каждой скалой, где неба не видно из-за серных испарений, поднимающихся ввысь и застилающих твой полный отчаяния взор, если все преследуемые тобой, казавшиеся прекрасными цели оказались миражом, рассеивающимся при твоём приближении, если, наконец, твои призывы о помощи остались тщетны, пробудив лишь многократное и тонушее в безотрадной дали глумливое эхо, вспомни, сисься вспомнить древний символ, символ страдания, но и спасения — Крест.

Всю душу твою вложи в этот символ и вызови его перед собою...

И вот в густой тьме блеснет тебе Свет.

Узким, режущим мираж, как клинок, лучом проникнет он к тебе...

С прозрачным шелестом отлетят от тебя зловещие птицы, нехотя раздвинутся мрачные тени, со скрежетом отползут мерзкие гады и звери, но помни — они недалеко и стерегут тебя...

Желай, желай всеми силами души твоей приблизиться к источнику Луча того, призови все элементы разума и сердца

¹ Архив УФСБ РФ по СПб. и Ленинградской области. Д. 14368, лл. 312—439. Печатается по рукописи.

твоего, соедини их в одном общем смертельного напряжения порыве и тогда... тогда увидишь ты вызванный тобой спасительный символ, вдали высоко перед тобой — Единый Светлый Образ среди несущихся по мрачным небесам обрывков черных туч.

Тогда иди, иди смело навстречу посылаемым тебе лучам этого образа... За тобой издали поползут призрачные тени долины скорби, не желая отпустить свою жертву.

И горе тебе, если остановишься или обернешься! Призраки тут и как голодная стая бросятся на тебя!

Стремись вперед, смотри на Крест и... вспоминай.

Вспомни о Том, Кто Чистейшею Кровию Своею оросил его; Чьи безвинные страдания перенесены были и за тебя... Вспомни, что ты христианин...

Да, ты скажешь, что христианство не откликнулось на полный ужаса зов твой, что ни один луч не прорезал смрадной дымки, окутывавшей пустыню, но знай, путник, что ТОГДА оно не могло дать ответа тебе, ибо ТВОЕГО христианства не было на пути твоём.

Не христианство не отвечало тебе, а ты не мог услышать его благостного, идущего из недр несотворенного голоса, ты — шедший за миражами.

Вспоминай глубже, вспоминай дальше, и иди, и стремись к парящему перед тобой Символу...

И вот свет усиливается, воздух долины не так смраден, призраки отстали, стало не так мрачно и голо... Легкое отрадное дуновение гонит прочь черные тучи.

Иди, иди вперед, не останавливайся...

Видишь ли, на горизонте загорается светом заря? — Это заря Духа Твоего... Смотри, как гармонично сливаются первые робкие розовые лучи этой зари с идеально белым сиянием Креста!

Теперь ты различаешь перед собою узкую извилистую тропу... Крута и терниста она, но не бойся, следуй ею! Если ты не потеряешь ее и не отвлечешься в сторону, то она выведет тебя из долины смерти.

Заря разгорается... Небо озарено ее волшебным блеском... Вперед, бодрись! Долина скорби, долина вечной ночи

уже позади! Все реже и глуше раздаются в ушах твоих ее стелания.

Постепенно меняется характер местности. Вместо угрюмых скал высятся мягких очертаний холмы с нежной растительностью. Вперед! Пусть не манит тебя мягкая трава к отдыху. В этой долине отдых будет гибелью — близка еще долина скорби. Вот и цветы, усеивающие склоны холмов, — проходи мимо них, не трогай их — ты не знаешь, что под ними... Вдыхай аромат расцветающих при свете зари растений, но пусть не опьяняется существо твое его волшебной сладостью — тебе нужны все твои силы и разумение, чтобы достигнуть блистающей перед тобой Цели.

Не бойся ничего и не прельщайся ничем!

Проходи одинаково равнодушно по нависшему над пропастью камню и по роскошным и душистым садам. Пусть одинаково не трогают тебя шум горного потока, голоса зверей и птиц и шелест прохладной роши.

Заря обратилась в сияющий, торжествующий день. Вся природа поет под лучами царственного светила. Местами зной склоняет тебя к отдыху в тени дивных садов, но нет, иди, иди без остановки. Вспоминай то, что ты успел забыть, приветствуй красоту окружающей тебя природы, пой гимны всемилостивому Творцу всего сущего, но иди, иди вперед.

Тропа становится круче, воздух знойнее. Ты видишь боковые тропы и дороги, уходящие вдаль в тени величественных лесов, к берегам кристальных свежих рек, тебе чудятся белоснежные дворцы, павильоны, мраморные колоннады... Но ты не льстись на все это и иди своей узкой каменистой тропой, иди за сияющим вдали Символом.

Ты изнемогаешь... Призывай в минуты слабости имя Того, Кто бесконечен в милосердии Своем, и иди.

Ты изранен, твои стопы отказываются повиноваться... Мужайся, скоро твоим страданиям конец!

Видишь ли, далеко впереди руководивший тобою Крест остановился и парит над тенистыми садами? Ощущаешь ли влагу близких вод? Не поет ли душа твоя чему-то, к чему приближаешься ты? Еще усилие, вперед!

Ты в тени заповедных рощ, где всякий листок дышит неземным спокойствием и неизмеримой важностью хранимых ими тайн. Ты вдыхаешь уже кристальную прохладу священной тени их, и трепет восторженного предчувствия заполняет существо твое. Мучительно сладко трепещет истрадававшее сердце твое... Слезы умиления навертываются на глаза... Еще шаг... Стой!

Перед тобой, утопая в зелени священных садов, стоит дивный храм, сияющий, как драгоценный камень в венце Божества. Над ним реет светлый Символ, приведший тебя, созданный твоим страждущим духом.

Преклони усталые колена, путник, вознеси жаркое моление Творцу всего сущего и взывай, чтобы двери храма того отверзлись перед тобой. Но молчат строгие колонны, не шелохнется медная дверь, пока с чистым сердцем не подойдешь ты к обители Знания и блаженства.

Собери все силы духа твоего, все благоговение твое, всю мощь желания твоего и почувствуй идущую от храма небесную, чистую, как снег на вершинах гор, гармонию... Пойми, впитай ее в существо свое, и тогда... с неземным аккордом, подобным ангельскому хору или гармонии сфер, тихо растворятся тяжелые двери.

Смело иди и славь Творца, давшего тебе дивную долю!

г. Петроград

30. V. 1922 г.

Глава первая

«ВЕЛИКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ»

«Pages» — «Отроки»

1.

«Отроки», внимайте словам этого наставления, ибо только тогда обретете вы свой образ готовых стать рыцарями, когда полностью и в совершенстве сотворите то, что начертано для вас в книге этой.

2.

Твердо знайте эти правила, исполнение которых поведет вас по стезе Света к вратам истинного рыцарства Истины.

3.

Создайте в разуме своем тот полный достоинства образ, который скрыт под словами этого наставления, образ, который и есть венец трудов ваших, — образ рыцаря Света и Добра в мире земной суеты.

4.

Чти Духом своим и уважай разумом своим руководителей твоих, ибо они проводники Высшего Света для твоих темных очей. Пусть, полная искренней простоты, чуждая показного поклонения благодарность будет данью твоею этим бескорыстным учителям твоим.

5.

Знай, что ничтожество знаний твоих обязывает тебя вполне, безотчетно и беззаветно повиноваться указаниям всех выше тебя в Аппарате стоящих, ибо каждый из них — столп знаний, не постигнутых тобою, опора в твоем стремлении к свету, кладезь нравственного перед тобою совершенства.

6.

Непоколебимо верь в мощь и чистоту всего Аппарата как целого, всей душой отдавай себя доверию к ордену, ибо они суть очаги Мудрости извечной.

7.

Не ищи тайно того, что еще не дано тебе, ибо не знаешь цветка, который хочешь сорвать, и под его блистающей дивными красками и благоухающей короной может лежать свернувшись змея.

8.

Не желай большего, чем дается тебе твоими наставниками, ибо время твое еще не настало и они знают, что могут вынести слабые плечи твои: скромность в самой жажде достижения есть нужная тебе добродетель.

9.

Не чуждайся братьев и соратников твоих по Духу — «отроков». Уважай в них то, что привело и тебя к стезе Истины. Будь вполне открыт сердцем к ним и братски доброжелателен к ним. Помни, что они, что каждый из них — это ты сам, и вы все вместе — войско светлого принципа.

10.

Но в работе изучения передаваемых тебе знаний не полагайся на суждения этих дорогих тебе, но малоопытных братьев. Обсуждай эти знания лишь с ближайшим со товарищем твоим, ведомым тем же наставником, что и ты сам. В этом залог истинного преуспеяния твоего на стезе мудрости и чистоты образа приобретаемого знания.

11.

Преклоняйся перед величием, величавым спокойствием, чарующей прелестью и мощностью проявления природы, созданной Вселенной, видимой твоими очами. Ты — малая часть этой дивной Вселенной.

12.

Всегда помни, что природа в сумме есть выраженный вовне истинный лик Единого Творческого Первопринципа, а потому благоговей перед необъятностью и конечной гармоничностью ее универсального строя.

13.

Ты знаешь имя нашего ордена. Пусть же на устах твоих будет печать молчания. Для мира ты не знаешь ни ордена, ни имени его. Не думай, что орден скрывается от человечества, нет, но ты еще слишком мало знаешь Его, не можешь охватить его дивного образа, чтобы говорить смертным, ибо не будет истины в словах твоих — ты сам не воспринимаешь еще ее. Мудрее не говорить ничего, чем говорить неистинное о том, что тебе свято. Истины оскорбить нельзя, но ты затемнишь в самом себе зарождающуюся, юную еще в тебе тень Истины.

14.

Желай добра всякому человеку, всякому живому существу, ибо человек — часть тебя самого, а всякое живое существо — младший брат твой. Желание добра очищает и укрепляет душу. Будь всегда готов помочь в чем можешь всему живущему, потому что, помогая другим, помогаешь самому себе. Но если помочь не можешь, то все же желай помочь — ты не можешь нарушить кармы другого, но укрепишь твои духовные силы.

15.

Сторонись темных оккультных сил, непонятных еще тебе, но чувствуемых тобою. Не пытайся проникнуть в их суть и один не нападай на них, ибо ты еще недостаточно силен, чтобы одолеть тлетворное влияние их или обуздать их. Если же ты сам подвергся нападению их и столкновение неизбежно, призови руководителя своего, дабы получить поддержку и указания.

16.

Если ты исповедуешь какую-либо веру, религиозное учение, исповедуй ее искренно, всей душой. Не будь рабом тех религиозных традиций, которые непонятны тебе, или потеряли для тебя смысл, или не нужны душе твоей. Отдавайся религии постольку, поскольку дух твой сам принимает ее, без приверженности к тем внешним ее формам, которые утратили внутреннее содержание для духа и разума твоих, ибо если ты перерос эти древние традиции, берегись их — они станут иллюзией. Горе тебе, если мистерия в душе твоей обратится в пустой мираж, ибо, рассыпавшись, мираж этот усет прахом душу твою.

17.

Твердо сознавай свой долг в жизни земной. Не бойся смело и прямо глядеть в глаза долгу твоему и непреклонно следуй велениям его — это твой внутренний закон добра. Этот внутренний закон-долг выполняй насколько можешь

лучше, чище и полнее, не жалея на то своих сил. В этом труде найдешь ты удовлетворение твоим элементам деятельности внешней.

18.

Будь человеком, люби, будь любим, борись, побеждай, но не оскверни души твоей ненавистью. Помни, что то, что люди зовут жизнью, есть игра обманчивых красок мировой иллюзии, а потому приобретай без жадности приобрести и теряй без сожаления о потерянном. Это касается мира человеческой деятельности. Борись, но не обманывай. Обман есть убийство и лишь плотнее закутывает вокруг тебя без того бесконечно сложные сети кармы.

19.

Знай, что вся человеческая жизнь есть лишь школа; живя — учишься; данный тебе урок есть твоя карма. Этот урок ты не можешь не выполнить, а потому будешь жить, пока не отдашь все. И лишь учаась жизнью, будешь развивать спящие в тебе силы и возможности.

20.

Упорно и строго наблюдай свои чувства и мысли. Наблюдая за ними, ты будешь вернее оценивать совершаемые тобою действия, ибо мысль и чувство суть истинные начала всякого действия. Чтобы дела твои были чисты — очищай и мысли и чувства свои.

21.

Не будь тщеславен, ибо тщеславный теряет в разуме своем свой истинный лик. Но всегда помни свое человеческое достоинство, никогда не позволяй увлечь себя ниже этого своего достоинства.

22.

Если заметишь, что поддался злобной мысли или нечистому чувству к ближнему, мощным усилием воли сбрось с себя их влияние, утвердив в разуме твоём «я человек», и не медля принимайся за создание мысли или чувства, проти-

воположных созданным тобой темным образам. Пусть добро возьмет верх над злом; пусть волны света затопят в тебе элемент тьмы.

23.

Будь умерен в пище и питье. Но не твори из этого естественного воздержания обряда; эта умеренность должна быть следствием власти в тебе высшего над низшим и почвой для равновесия разума твоего. Но не истощай постом сил твоих — будь бодр телом, ибо лишь бодрое тело будет верным орудием духа твоего.

24.

Мужчина — берегись злоупотреблять своим естественным влечением к женщине; женщина — берегись злоупотреблять своим естественным влечением к мужчине. От тебя не требуется отказ от мира низших ощущений, но умей обуздывать разумом влечение твоего тела. Помни, что тело есть орудие духа и в своем влечении к другой половине рода человеческого должно подчиняться лишь велению духа. Твердо знай, что неумеренность в сношениях с другим полом лишает человека психической энергии, привлекает к нему нечистые астральные существа и делает более грубой связь высшего существа твоего с низшим. Но не делай из этого вида воздержания ритуала — пусть один разум руководит тобой в выборе пределов.

25.

Упражняй здоровым трудом или ритмическими движениями тело свое, чтобы оно могло бодро нести дух твой. Пусть достаточный сон, но не лень дает отдых телу твоему.

26.

И когда все исполнишь и скажешь: «Я преодолел все трудности наставления» — получишь в душе своей образ своей сущности — тот образ, который есть то, чем ты должен быть, —

ты — отрок.

Глава вторая

«ВЕЛИКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ»

«Chevaliers»

1.

«Рыцари Св. Грааля», внимайте словам этого Наставления, ибо только тогда обретёте вы свой образ — белоснежной птицы вечности, готовой мощным взмахом крыльев своих подняться над темным миром человеческого потока и рассечь бездонные воды бесконечности, когда полностью и в совершенстве сотворите то, что начертано для вас в книге этой.

2.

Твердо знайте эти правила, исполнение которых поведет вас по стезе светлого рыцарства Истины к вратам, за которыми обретете вы крылья духа своего.

3.

Создайте в Разуме и Душе ваших тот полный силы, светлого спокойствия и непоколебимой верности образ, который скрыт под словами этого Наставления, образ, который и есть венец трудов ваших, — образ лебедя — Птицы Вечности, величаво парящей над миром земной суеты.

4.

Отдавай дань глубокого уважения и благодарности твоим руководителям, наставляющему тебя «сугне», ибо помни, что он и только он вырастит крылья у души твоей.

Ты — Рыцарь Светлого Принципа, но он парит в Высях Бесконечности, и его зоркое духовное око улавливает сверху то, бытие чего ты лишь ощущаешь сердцем твоим; он вещает тебе о том, что сам ты постигнуть не можешь.

5.

Старательно обдумывай все, что тебе говорит руководитель. Также вникай в сокровенный смысл его указаний и распоряжений тебе, стараясь по мере сил исполнить его волю. Если внутренний смысл его распоряжения тебе не

ясен, если непонятна его цель или процесс исполнения, если оно противно твоим убеждениям и взглядам и не находится в соответствии с принципами твоей природы — проси разъяснения; если, наконец, и разъяснение не приведет это указание в гармонию с существом твоим — проси указаний у «*garde*», руководящего твоим наставником; помни, что указания и положения «*garde*» имеют для тебя значение абсолютное, ибо только силою Духа его ты дважды рожден, ибо ты — создание Духа его.

6.

Будь мощным звеном Аппарата, выполняя возложенную на тебя в нем задачу. Сознай его могущество и содействуй ему. Желай отдать душу свою на пользу и величие ордена. Вдыхай сладостный аромат его неземной атмосферы и со священным словом на устах души своей стремись к великому делу служения Истине.

7.

Братски люби других рыцарей, ибо они благородные и испытанные соратники твои. Пусть душа твоя будет открыта им. Также и ты в братском общении с ними найдешь сокровища, которых, быть может, еще нет у тебя. Отдай свое, и ты сам, не теряя себя, овладеешь этими сокровищами.

8.

Но в работе изучения передаваемых тебе знаний не полагайся на суждение всех рыцарей, ибо свойственный им аспект этих знаний может не быть предназначенным тебе. Делись обретаемой мудростью лишь с теми рыцарями, которые созданы создавшим и тебя «*garde*». В этом залог истинной чистоты знания твоего и мощи Аппарата.

9.

Будь отечески снисходителен и терпелив к твоим «*pages*», ибо ты и только ты можешь и должен сделать их достойными сынами ордена, ибо они — дети души твоей. Помни, что образ их будет отражением и твоего образа. Пусть же лучшая часть существа твоего отразится в них, чтобы не ужасался дух твой деяний твоих. Помни, что ты дашь отчет наставникам твоим в духовном росте их.

10.

Заботься о равном преуспевании твоих «pages», помня верховный принцип: Гармонии в равновесии. Также будь **равно** благожелателен к ним. Ты обязан быть для них **одинаково** любящим наставником, хотя бы для того пришлось тебе перевести их образ в мир идей.

11.

Если «page» проявит злую волю, склонность к темным силам и путям, послушанию или неспособность воспринять передаваемую тобою мудрость, — проси об удалении его своего руководителя «сугне», ибо лишь он может прервать безболезненно для Аппарата ту связь, которая силою его же духа создана.

12.

Во всех случаях оказывай помощь своим «pages» в возможных соприкосновениях их с темными силами. Будь чуток к их призыву. Если твоих сил недостаточно — призывай «сугне».

13.

Прилежно следи за всякими явлениями природы, как внешними, так и скрытыми от глаз профана, стараясь помощью обретенной тобою мудрости найти истинное имя каждого из них.

14.

Старайся находить истинное место всякому явлению, как вне, так и внутри тебя живущему; отыщи их связи взаимные и с твоей внутренней непреходящей сутью.

15.

Умей, найдя истинные имена отдельных явлений и связующие их нити причинности, гармоничности и аналогии, сочетать их в сторону единства, по возможности до предельных граней доступных тебе идей Вселенского Единства.

16.

С глубоким и неподдельным достоинством носи в мире человеческом свое высшее звание, непрестанно страшась

уронить орден, звание рыцаря коего ты удостоен; блюди эту священную чистоту как в делах, в желаниях, так и в мыслях твоих.

17.

Будь верен — пусть это станет главным девизом твоим.

18.

Будь доброжелателен ко всему сущему. Помогай ближним делом, словом, желанием и всею мощью мысли твоей. Пусть вокруг главы твоей будет ореол добра, по нему узнают тебя Великие, по нему почувствуют тебя смертные, от него обратятся в бегство злые.

Будь всегда и во всем рыцарем Света — борись с тьмою и со злом.

19.

Будь тверд как скала в духе своем с сильными, бесконечно кроток со слабыми; ибо сильные не нуждаются в твоей кротости и не поймут истинного источника ее, приняв ее за раболепство, к которому уже привыкли, а слабые устроятся твоей твердостью и не поймут истинного источника ее, приняв ее за гонение, к которому уже привыкли.

20.

Старайся рассеять мрак, окружающий твоих близких; поучай их мудрости и принципам Горнего Света, но берегись быть навязчивым: не насилуй мысли противящихся принять слова твои, ибо, значит, не пришло еще время их, и карме угодно дать другому исполнить долг просвещения очей их. Помни, что если ты смог подняться над волнами иллюзии тяжелой тропой труда, но не всякий еще может следовать той же тропой.

21.

Вещай о высшем Знании, об извечной Мудрости, о добре и зле, об иллюзии и абсолюте, но помни, что ни один смертный не должен слышать от тебя ни священного для тебя Имени Системы, ни о самом ордене, ни об имени достоинства твоего, ибо имя Системы будет лишь праздным

звук для ушей профана, сущность ордена останется ему непонятной, а имя достоинства твоего может ввести его в соблазн и вовлечь в этот соблазн и тебя, который должен нести в себе гордость достоинства своего, а не имени его.

В этом молчании скрыта сила твоя, могущая быть направленной на благо ближних твоих.

22.

Будь смел и полон решимости действовать в каждую минуту, если то потребует. Будь смел как духом, так и телом, ибо страх не должен быть доступен тебе. Однако решения свои осознай и, лишь осознав их, действуй без страха поражения.

23.

Не удаляйся от жизни человеческой; иди в ногу, в ритм с мощным, стихийным шествием человечества; не удаляйся от него, но не забывай среди звуков иллюзии, что ты уже дважды рожден.

24.

Не избегай и не страшись то бурных, то нежных ощущений своих от прикосновения к человеческой жизни. Еще менее бойся страданий личных, ибо в ощущениях — реакция духа твоего на прикосновение иллюзии, а от нее создается образ твой в разуме твоем, страдание же выковывает силу души твоей и исчерпывает твою карму. Ты должен страдать лично, пока не перестанешь уметь лично страдать, а потеряв способность так страдать — станешь сверхличным.

25.

Старайся всеми силами не причинять страдания ближним; не делай и не говори приятной неправды, но, если возможно и не является само по себе ложью, не говори и неприятной правды в случаях, когда это не может принести ущерба их эволюции.

26.

В жизни человеческой выше всего ставь долг свой. Будь

рыцарем долга, как ты рыцарь Света и Истины. Ради долга своего будь готов терпеть страдания, унижения, даже людское презрение.

27.

Будь справедлив во всем и ко всем, забывая степень участия твоего в делах житейских. Не только поступай справедливо, но думай и желай справедливо, ибо справедливость есть отражение высших законов Вселенной в душе человека.

28.

Люби человечество со всеми его заблуждениями, слабостями, страданиями и жестокостью.

29.

Но, любя людей, не поклоняйся ни одному человеку, как человек, и не открывай никому тайников духа твоего, ибо не поймут тебя и лишь вовлекутся в соблазн.

30.

Но, любя всем существом своим — ты, мужчина, женщину, — ты, женщина, мужчину, — можешь один раз в жизни раскрыть достоинство твое, но лишь когда это позволяет нравственное достоинство предмета любви твоей и уверенность в молчании с его стороны: ибо скрытая сила твоя, нужная для воздействия на людей, не может проявляться в пределах того, что стало уже личным твоим.

31.

Учись вполне и безраздельно властвовать над своими чувствами; не умертвляй их, пока живешь жизнью человечества, но управляй ими. Мысли свои проверяй и осознай до дна, до источника каждой из них и умей следить за их рождением, нарастанием и окончательным выражением в разуме твоём.

32.

Будь умерен во всех жизненных делах твоих. Пусть тело твое будет бодро и здорово, одушевленное вечно ясным и сильным в своем спокойствии духом.

33.

Бойся уныния — оно есть начало утраты ясности духа. Будь самостоятелен в выборе духовной атмосферы в жизни человеческой.

34.

Что воспримешь от людей — никогда не пускай во врата души твоей без оценки. Пускай в них лишь здоровое и светлое — и здорова пребудет душа твоя. Злое же и неразумное освети разумом своим и потопи в волнах той мудрости, какая дана тебе. И, лишь извлеки из злого и неразумного все возможное доброе и истинное, впусти это переработанное, обновленное за порог души твоей.

35.

И когда все исполнишь и скажешь: «Я преодолел все трудности Наставления» — получишь в душе своей образ своей сущности, тот образ, который есть то, чем ты должен быть, —

ты — рыцарь.

К НАСТАВЛЕНИЮ (ПОСЛЕ ВТОРОЙ ГЛАВЫ)

Читай в открытой перед тобою книге Природы, не только той, что видит наш грубый физический глаз, но и в сокровенной сути Ее, то есть в тончайших Ее проявлениях, недоступных измерениям человеческих инструментов.

Так, упражняя твои познавательные силы, устремляя взор твой внутрь Природы, приблизишься ты к Истине.

Центр Истины, центр природы, центр бытия есть безатрибутный и лишь пребывающий Абсолют.

Стремление к этому Центру есть залог всякой чистоты и красоты.

Ты, призванный встать твердой ногой в мирах, сокрытых от глаз профана и безумца, должен постоянно помнить, как высоко достоинство твое, храня девственную чистоту вложенной в тебя Божественной Искры.

Необъятное знание, мудрость и сила будут уделом твоим, но помни...

Великое Наставление!

* * *

Дважды рожденный, совершенный и несовершенный, сильный и слабый, мудрый и безумный — ты двойствен в жизни земной, но дай и в ней победить светлому аспекту твоей внутренней сущности.

Живи так, как живут все люди, пусть люди будут думать, что ты смертный человек, и неси на себе всю тяжесть этого.

Пусть никто не знает твоего достоинства, кроме тех, кто названы в Наставлении.

И только помни, посреди кипящей вокруг тебя житейской злобы, что твоя сущность принадлежит Светлому Принципу; будь тверд и суров к себе как скала, пусть слабость людская чужда будет твоей душе да ясен пребудет твой разум, отмеченный перстом Великих.

Борись со злом всеми силами и во всех его проявлениях. С «невидимым злом» борись не видимыми глазом людскими средствами, но с видимым, «людским» злом — лишь людскими приемами, — приемами честного и высокого душой смертного, ты — **бессмертный**.

Будь неумолим ко злу, скрытому как в людях, так и в вещах.

Знай все, но говори лишь то, что подобает говорить человеку, потому что ты стал человеком, ты воплотился и лишь несешь в глубине Духа твоего истинное свое Божественное Имя.

Трудись, люби, проводи в жизнь людскую светлые принципы здорового добра, не размягчай свою твердую душу, но будь милосерд к вредящим тебе лично.

Не только знания твои и могущество не должны вводить тебя в соблазн, но даже и в мысли не пускай сознание возможности обратить мудрость в свою же пользу.

Забудь свои великие силы и лишь помни чистый огнен-

ный Источник их, ту Благодать, веяние которой пробудило тебя к жизни от мертвого сна.

Помни, что и человеком ты должен быть центром светлых сил, неся твердо свой ореол небесной гармонии и несокрушимой силы.

Люди не все и далеко не сразу поймут твой дивный мир, но таков удел истинной чистоты: чистое не видят, потому что очи людские привыкли видеть нечистое даже в чистом.

Оберегай свою чистоту, но будь человеком: узнай их слабости, страдания, непреодолимые и незрелые порой стремления к идеалу, измерь глубины их падений и быстроту восхождений к своему источнику —

Изведай все это, но помни...

Великое Наставление!

* * *

В минуты слабости и даже отчаяния «человека» в тебе вспомни о тех вершинах, какие дано было тебе достигнуть, и произнеси мысленно Священное Слово — и слабость твоя исчезнет, а злые силы, вечно стерегущие тебя, отойдут в страхе.

Помни Великий Символ — и не бойся никогда.

За невидимый вред твоей Идее карай невидимо и немолимо.

Знай всегда, что ты — посланник Света и Добра — элементов сверхземных — в мире земном, полном черного невежества и слуг тьмы.

Избегай толпы, ищи иногда уединения, чтобы наедине со своей душой или теми, кого ты любишь, мог обрести свою кристальную чистоту и крепость, свойственную тебе.

Но если толпа душит тебя, все же приучай себя к борьбе с ее излучениями, дабы не допустить их в близость души твоей.

Ищи красоту всюду, даже в том, что люди почитают безобразным, — и ты будешь счастлив, даже как человек.

Глава третья

«ВЕЛИКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ»

«Cygnes» — «Лебеди»

1.

«**Cygnes, chevaliers de S.Graal**», внимайте словам этого Наставления, ибо только тогда обретете вы свой образ твердого как скала Хранителя запретного, готового с гибкостью блестящей стали, верностью зеркальных вод и незыблемостью гранита отразить образы Бездны от покровы Священных тайн, когда полностью и в совершенстве ощутите то, что начертано для вас в книге этой.

2.

Глубоко воспримите эти наставления, верное ощущение которых поведет вас путем смелого величавого парения над бездной к Садам Блаженства и окруженным ими вратам, за которыми обретете вы непроницаемую для смертного броню Духа своего.

3.

Создайте в существе вашем тот полный истинного отречения от сущности суеты, мощного парения и всепроникающего созерцания образ, который скрыт под словами этого Наставления, образ, который и есть Венец трудов ваших, — образ **Стража** — хранителя тайн, непоколебимо ограждающего порог запрета.

4.

Взлетай на обретенных тобою Крыльях Духа на высоты, на которых можешь понять своего наставника «*garde*», всеми силами старайся приблизиться к нему и отразиться в нем, увидя то, что в тебе еще от Бездны, ибо он постиг разумом то, что ты, видя оком души, не претворяешь еще в Мудрость. Ты уже — **лебедь** — птица **Вечности**, свободно всем существом способен ты отныне вдыхать губительный для смертного воздух Вечности и живешь в нем, но помни,

что «запретное» скрыто от тебя и, лишь перестав отражать с собой принесенное от Бездны в броне «*garde*», — сможешь ты проникнуть туда — за врата, куда введет тебя твой наставник.

5.

Пусть мощные крылья поднимают тебя ввысь, и да не покинет тебя сила души твоей в полете твоём, дабы не ввергнуться в Бездну, над которой воспарил, — ощути помощь «*garde'a*» и вечно бдительный над тобою, но тобою не видимый взор «*chef'a*».

6.

Не пытайся в надежде на рожденную мощь крыльев Духа проникнуть далее, чем указывает «*garde*»: тщетны будут усилия твои, ибо разобьются о непоколебимую твердость его, нет средств сломить ее и, только обессилев, падешь в Бездну.

7.

Раскрой все врата чувств твоих стройномногоголосому, вечно звучащему из неведомых тебе высот истинной Родины твоей ангельскому хору, доносящемуся до Врат Запрета и отражающемуся в Страже, голос которого вторит ему! Не тщишься различить в этом вечно длящемся и горными красками переливающимся, нежно звенящем серебром аккорде голос Родины Вселенской от голосов старших братьев твоих: это — одно!

8.

Пусть серебряная цепь чистой радости, братски дружного полета всей белоснежной стаи Вечности, скует «лебедей»; ободряй братьев твоих в их усилиях в высь, не покидай отстающего, но не замедляй полета своего — твои усилия этой серебряной цепью передадутся и им.

9.

Ощути всем существом твоим окрыленные ослепительно белые души «лебедей», и пусть ложная гордость не препятствует тебе обогатить себя новыми силами от более

мощных братьев, — любовью своей обогатишь ты и их. Выбирай то, что твое, и будь собой и звеном Белой стаи.

10.

Ты в себе должен ощущать все целое: альфу и омегу, и главу, и стопы светлого Сонма, не видя их. Твои крылья должны нести всю мощь его, твое око да будет оком его.

11.

Будь сильным и к Истине ведущим наставником твоим «chevaliers». Чувствуй их и знай совершенно. Пусть ни один изгиб души их не скроется от твоего зоркого ока. Ты ведаешь, что они реализованная опора Apparata, — блюди за крепостью ее.

12.

Они на тропе — веди их. Различай не замедление их движения, а лишь побуждающуюся возможность его и спокойно уверенным усилием влей новые силы в душу их.

13.

Провидь направляемую на них темную силу и блюди, чтобы, борясь с ней и выковывая свои силы, рыцари не остались без твоей помощи в минуту изнеможения в борьбе с сильнейшим врагом.

14.

Создай из них верных бойцов ордена, будь смелым вождем им и помни, что должен отрастить крылья души их.

15.

Впитывай чувствами твоими красоты поклонения Свету и умей дать лицезреть дух формы его рыцарям твоим.

16.

Где ученики твои — там и духовный взор твой.

17.

Усердно распознавай грани существа твоего во всем Хаосе Вселенной. Найдя их — ты увидишь в хаосе высочайший порядок. Прочувствуй свое чувство себя. Где пределы его? Где пространство, вне тебя лежащее? — Не часть ли тебя мерцающие в синеве небес светила: горящее любовью

солнце и вестники беспредельности звезды? Не часть ли тебя пожирающее все живое и превращающее землю в пустыню солнце и пророки и зрители ночных злодеяний звезды? — Самая совершенная область земли не только купается в лучах света, но и окунается в темный конус.

18.

А где мера времен твоих? Для тебя, дважды рожденного, — нет ни времен, ни граней их. Но для рожденного Бездной тебя — пределы воздвигнуты там, где видишь отражение свое в Бездне, и сам ты в Бездне, где не видишь себя, но, если захочешь, — увидишь. Эти пределы, в совокупной их мгновенной необъятности скользящей точки света, увидят раскрытые очи дважды рожденного тебя и видят то тусклые, то разверстые очи всего отвечающего тебе кольцом Бездны, что доходит до слуха твоего и что не доходит. Но и скрытое завесой — вечно разрываемой и вечно возрождающейся меры — будущее ты сам, но ты более свой, чем все остальное, ибо есть покоящееся в тебе вне изломов выявления, но непрерывно скользящее в Бездну, ее наполняющее и дающее ей силу охвата. Поэтому властвуй над мерой скольжения, дабы не быть схваченным Бездной.

19. •

Будь возвышен — пусть это станет главным девизом твоим.

20.

Только это да зоркость ока и мощь крыльев вырвут тебя из цепких объятий Бездны, когда прочувствуешь пределы твоей Сущности, ибо тут — в полете твоём чертишь ты крылом по губительной поверхности искристых вод иллюзии, и горе тебе, если ослепишься многообразием и обширностью образа твоего, дробимого струями и разносимого кругами предательской влаги, ибо в ослеплении своем не узришь себя вне этих отраженных образов и станешь от Бездны сам.

21.

Тут ты на самой грани гибели или взлета! Но дерзай основать всю мощь свою на крыльях Духа и взвейся священным порывом в высь небес, и ты спасен до времени.

22.

Но, взмывая над морем иллюзии, не уставай обращать свой зоркий взгляд на оставленную тобой Бездну, не страшись ввергнуться в нее, ибо не можешь еще отрешиться от части тебя, оставленной внизу, и не можешь не созерцать ее. И чем выше будет полет твой, тем суровее будет лед страха сковывать сердце твое при виде оставленных тобой низин, но...

23.

так будет до той поры, пока не сможешь поднять из Бездны до своей высоты из всех пределов твоего «Я» все оставляемое тобой истинное ложе для ускользящего в Бездну прошедшего «тебя непроявленного».

24.

Возьми от солнца его созидательную, любвеобильную силу, от звезд — их аромат бесконечности, от тьмы — ее роковую неизбежность; возьми все истинно твое, и пусть поднимется оно с тобой над бездной — матерью детей твоих.

25.

И все же помни, что это — личное твое... Это наследие Бездны. Но оно не может притягивать тебя к Бездне: крылья Духа сильнее иллюзии. Взмах их гонит тьму. Тебе не дано познать крылья свои, но чувствовать их ты можешь, ты должен. Твоя личность может, но не должна бороться с крыльями. Пусть она думает, что у крыльев есть свои очи и своя воля, и отдается подчас непонятным ей порывам их. Но верь, что крылья эти во сто крат более ты сам, чем личность твоя.

Если при виде белоснежных стен Храма могучим взмахом вознесут тебя крылья эти, пусть личность твоя поднимается на них также — в этом залог спасения ее. Пока она нужна тебе — это опора в полете твоём, это форма дара твоего бессмертия твоему.

26.

Итак, если ты отделил «тонкое» от «грубого», если выпил ты вино бессмертия личности твоей, если сбросил с себя то, что отягощало крылья твои — плод личного в проходящем, смело начинай полет свой над Бездной.

27.

Но, несясь над нею, — созерцай ее, созерцай все изгибы и переливы струй ее, не имеющих уже власти над тобой, улавливай скрытую суть движений вод ее.

28.

Пусть тонкий выбор чувств будет путем твоим; возвышенность, зоркость, порыв, чистое созерцание — орудием твоим.

29.

Но помни природу грозящих тебе опасностей и предвидь главную из них:

30.

Если вел ты в волнах иллюзии тяжелую борьбу с чувством своим, если в героических порывах разбивал оковы притяжений, если видел лишь тропу вверх, то...

31.

поднявшись над водами Бездны, увидишь ты все обратное, ибо здесь грань волшебных отражений и превращений того, что подлежит оценке.

32.

Низкими покажутся тебе деяния твои и высоким образ разбитых тобой миражей.

33.

Не отдай своего могущества этому призраку, ибо опасность велика. Не прельщайся своим оком и своею силой, ибо притягательными рисуются тебе свойства твои в отражении образа твоего в Водах Бездны. Ты любишь то, что несет отблеск красоты ввысь.

34.

Помни опасность обратных отражений пройденного пути, но не будь рабом страха падения и не беги шума борьбы.

35.

Ты должен услышать истинный призыв скорби и всею мощью устремиться на призыв тот.

36.

Но помни, что личное твое, вызывающее ответ Бездны, — не твое! И что отвечающее тебе через кольцо Бездны не должно отвечать тебе, а лишь тому личному твоему, что есть вместо тебя — отражение тебя, парящего, в Водах Бездны.

37.

Если отвечающие будут отвечать тебе самому и ты при-
мешь ответ их себе — горе тебе, ибо Бездна вновь охватит
тебя.

38.

Продолжай свой полет над Бездной, поднимай строй
существа твоего и, зорко наблюдая Бездну и томящихся в
ней и изливая существо свое в ложе взятого от Бездны
принципа, слушай горние голоса и лови свет, идущий отту-
да, где Свет этот есть и Блаженство, и Мудрость, и Гармо-
ния.

39.

И будет Бездна привлекать тебя, а позднее отталкивать,
но ты не притягивай и не отталкивай ее.

40.

То смутным сном, то ярким снопом миражных искр
дарит тебя Бездна, но ты совершай полет свой и, очищая
свое личное, что взято от иллюзии, отдавай Бездне же то,
что уже не нужно тебе.

41.

И вместо Бездны увидишь Сады Блаженства, сияющие
изумрудным блеском красок своих, дышащие ароматом Бо-
жественных даров гармонии; и над садами этими совер-
шишь ты свой стремительный полет.

42.

И увидишь Врата...

43.

И у врат — стража, наставника твоего, но не того, кото-
рый был одним из отвечающих через кольцо Бездны, а чис-
тым, как золото доспехов его, принципом.

44.

И если не несешь ничего из Бездны, то не отразишься душевной сущностью своей в ослепительной броне его — охраняющего порог запрета, которая отражает лишь образы Бездны...

45.

И раскроет Врата, и войдешь...

46.

И обретешь броню души своей, ибо, лишившись всего, что от Бездны, в своем личном станешь отражать ее.

47.

И когда все исполнишь и скажешь: «*Я преодолел все трудности Наставления*», получишь в душе своей ослепительно белоснежный крылатый образ своей сущности, тот образ, который есть то, чем ты должен быть, —

ты — лебедь.

Глава четвертая

«ВЕЛИКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ»

«Guardes» — «Стражи»

1.

«Guardes, chevaliers de SG», внимайте словам этого наставления, ибо только тогда обретете вы свой образ безошибочного, как видение законов причинности, и уверенного, как отражающий себя — повелителя рыцарей чаши, мудро ведущего сонм свой к внутри и вовне сияющим Чертогам Священного Знания, — когда полностью и в совершенстве поймете то, что начертано для вас в книге этой.

2.

Непреложно примите эти поучения, верное понимание которых откроет вам мощью собственного прозрения вашего в ослепительные построения законов, которые лишь все

суть Истина и победы над вождем врагов ваших; тончайшие изгибы прикосновения вашего к наполненному Истиной отрицанию Истины, где узрите сущность Вождя, отдающего власть.

3.

Создайте в высшей доступной вам сфере мысли тот недостижимый даже для высочайшей волны личного, твердый и не поколебимый никаким искушением тончайших чар интеллекта образ, который скрыт под словами этого Наставления, который и есть венец трудов ваших, — образ Вождя Рыцарей Чаши, мощной десницей направляющего светлую рать свою и светящего бойцам увенчанной Великими главой своей.

4.

Храни свято и нерушимо То, что, находясь за тобой и внутри тебя, не видимо тобой, но ведомо тебе.

5.

Да непроницаем пребудет взор твой и нем язык твой, и да молчит сердце твое Разуму твоему для всего, что понято тобой из находящегося по ту сторону порога, как перед смертными, так и перед братьями твоими.

Нет в том себялюбия, ибо смертный еще не может вместить; и нет в том завистливости и желания первенства, ибо брат полон тех же сокровищ, не ставших им самим, как они же стали самим тобой, и уже не может вместить.

6.

Понимай голос Вождя твоего и знай, что его голос есть отражение твоего ощущения Системы, но во всей чистоте его. Следуя ему — последуешь за голосом Системы в тебе самом.

7.

Но различай этот голос от Вечноживого Слова, доходящего до слуха твоего из-за порога.

8.

Где порог тайны, хранимой тобой?

9.

Поистине, то ведомо тебе, ибо лежит в тебе на грани разумения твоего и неуразумеваемого, имеющего для тебя ценность.

10.

Будь тем, что ты несешь в себе предназначенного к победе.

11.

Отражай дерзновенные желания похитителей жизни для неживого, поглощая лишь запретное, сияющее изнутри.

12.

Будь неуязвим, но не застынь, чтобы не быть как мрамор под резцом.

13.

Но для этого ты должен быть закован и сам перековать и закалить отражавшую образы Бездны броню твою.

14.

И приступишь к ковке.

15.

Будешь ковать то, что выявлено в тебе, но лежит внутри тебя, и качество брони будет принимать то, что куешь в себе, и каждый удар молота есть новый шаг в глубину и новое выступление наружу и носит все качества победы.

16.

Стих о молоте

Молот подобен силе, которая есть в тяжести, то, что не измеримо тобой в тебе и делает тебя наполненной чашей.

Дивна Чаша та, ибо это — ты, и ты со всеми братьями, и не ты и не братья, а то, что наполняет твою и их чашу, но не то, чем ее наполняет.

И поистине твоя чаша есть броня, и то, чем наполнена она, есть ты — молот, и то, что наполняет ее, — есть Чаша.

Молот подобен силе, которая есть в остроте и меткости, заставляющей с лязгом и стоном звенеть выковываемое, исходящее от того, что в Чаше твоей; и сила та утончает,

разбивает, разделяет, бросает вниз, чтобы вновь соединить, скрепить и, возвысив, влить в Чашу твою.

Этим молотом Духа твоего будешь ковать.

17.

Первым же ударом разбей то, что дает форму тому ковкому, что есть основа брони твоей, то, что, создав ее свойствами по чужой воле, сущностью — по своей, держит ее в этой форме и укрепляет в этой форме и подобно само этой форме.

И это будет первая победа Вождя в тебе!

И высока и прекрасна может быть форма, и потому образ того, что надлежит быть поработчено тобой, и может оно иметь силы нести тебя вверх, но если это то, что держит форму, если это личное и вложено в форму ради этой же формы — не щади его, ибо, не обезвредив его покорением Вождю, но не убийством, не сможешь придать броне те свойства, которые желает Вождь в тебе.

18.

Наноси удары.

И размягни, и переплавь, и придай новые формы, и освобождай силы, и вновь сковывай их по воле Вождя, и одинаково властвуй над темным и светлым, и смешай их, и переплавь в новую форму, и пойми их ценность, измеряемую не прежним качеством, а мощью их.

19.

И, вперя острый как меч взор твой в выковываемое, поймешь, что легче победить сильное и непокорное, чем слабое и плавкое. Ибо мощен удар твой и не страшна тебе противоборствующая сила, но страшна облакающая и следующая по форме твоей, но не по свойствам плодовковки твоей слабость.

Победи и то, и другое.

Пусть не дрогнет молот в деснице твоей ни от яростного шипения, подобного змеиную, от жара горна твоего, ни от мелодичного звона и роя горячих и блестящих, слезам подобных, искр, летящих от расплавленной, блещущей нежными красками сущности.

20.

Как несущий молот, как кующий, как Рыцарь Чаши, не знай устали, которая есть слабость, которая есть сострадание, а позже оно же и страдание кующего, ибо без перерыва и жалости выполни ковку брони, и да не затупится молот твой о камень в круге ударов, а да раздробится камень тот под ударом твоим.

21.

И последним ударом срази все, что осталось подлежащего ковке, и в том же движении распластай все выковываемое, которое есть поистине твое, и оторви от себя, и не бойся кровоточащей раны сердца твоего, ибо рана эта и само сердце сражены будут твоим же ударом и смешаны будут с броней.

И, оторвав от себя, посвети броню всему страждущему и сложи ее на угнетенных, и сладко им будет время это, ибо состоит из сил смешанных противоположностей, и почувствуют крепость защиты и сладкий звон металла, который скрыт и в них и который гнетет их, а в броне лишен жесткости.

22.

И скорбь великая вонзится в броню, ибо выйдет на борьбу с тобой из тех, кого закрыл.

23.

И последним ударом разгладь броню, и да послужит тебе скорбь эта наковальной под распластанной броней.

И тучей безвредных брызг разлетится наковальня под последним ударом твоим.

24.

И облечешься в броню вновь и поймешь ее, как плод труда твоего, и обернешься к Вождю, и увидишь ее...

25.

...подобной сиянию звезды, и поймешь силу сияния того и силу нужды сияния того.

26.

Прекрасен блеск ее и светит смертным, и отталкивает их, и светит «лебедям», и притягивает их.

27.

И свет тот двойственен.

28.

И идет изнутри, но не просвечивает, а лишь заставляет броню гореть огнем горним,

29.

и падает снаружи, но не проникает в недра твои, а вновь обращается наружу, но искрясь жизнью твоей.

30.

И непроницаема, и надежна, и дивно прекрасна броня твоя — холодная, как сталь, и жаркая, как луч солнца.

31.

И обратись к Вождю в тебе, к достойному победы, и огляди тщательно образ его, дабы запечатлеть его в сердце твоём — да не потеряешь его в пылу битвы.

32.

Пойми образ его.

33.

Тверд и силен он, не дрогнет рука его и не затуманится острый, как сталь, взор его от голосов и ароматов цветов растущих, распускающихся и увядающих, чтобы снова пышно взойти у ног его.

34.

Пойми и пути, приведшие Вождя к полю и к мощи и твердости его.

35.

Ничто из того, что рождается, не рождается мощным — и Вождь рожден: пойми пути к мощи его.

36.

Вначале он лишь видел отверстыми очами цветы, быв-

шие уделом его, и давал имена им по аромату и цвету их, и тогда шел и искал лучших, и удалялся от негодных ему.

И цветов и полей было много, а он — один!

37.

И говорил громко: «Этот цветок хорош ароматом, но вид его противен взору моему, тот прекрасен окраской, но душист пряным дыханием своим», и шел дальше.

38.

И видел он, что почва каменистая давала цветок нежный, но без аромата, болото — с опьяняющим ароматом, но грубый ствол, тучная земля — с иглами и шипами.

39.

И познавал, почему то хорошо, а это худо, и, лишь дав имя Безымянному, узрел, и взял твердой десницей нить пути своего и по нити той пошел, оставшись там, где нить ту обрел.

И шел, и был недвижим, и овладел всей нитью пути своего, и все виденные им цветы были на нити той, и почвы, и имена, и качества их.

40.

И лишь тогда узнал, что ближе, что дальше, что доброе может быть злым и злое добрым и почему половина близкого ближе к дальней половине далекого, чем к близкой половине близкого.

41.

И стал твердой ногой и не шел далее, ибо потеряли цветы власть над ним и перестал искать других и остался на поле том, где стал твердо; и росли, и разливали аромат цветы поля того, и обвивались вокруг ног его, и не видел их, и стоял в образе покоя с устремленным в горний мир взором.

42.

Но тогда услышал нежный зов, и шел он с высот, и сладостен, и неуловим, но как звезда блестящ был звук тот.

43.

И цветам земли подобны были образы те, но никогда не имели корня в почве полевой, и аромат их не доходил до обоняния тварей земных, и чары красок их не изливались в очи детей праха.

44.

Пойми силу этих звездных, серебрянозвучащих цветов, и становись господином их, ибо прежде, чем не поймешь и не овладеешь принципом их, не будешь понимать мощь Вождя в тебе.

45.

И когда приблизишь слух твой звуку зова цветов тех, познаешь, что пение их идет снаружи и сверху, но и из тебя исходят подобные звездные цветы, подобные тающим звукам струны или как будто мощно скованные из льда, горящего на горних вершинах, под все озаряющим ярко, но не размягчающим лучом солнца кристаллические венки из цветов вершин тех — и несказанно прекрасны, и смертельно холодны для детей праха венки те — не их смертную главу достойны венчать они.

46.

И лишь потому слышишь падающие извне к стопам твоим благоухающие гирлянды, что есть они и в тебе самом.

47.

И один и два будет три, и да будет оно — ты сам, но закованный в броню и неотрывно глядящий на Вождя в тебе.

48.

Познай, что звуки те — суть поющее Слово твое, и Оно есть Слово Вождя в тебе, и ты сам — слово Вождя, и что все множество вне тебя словес поющих — есть то, что поет всегда и никогда, но слышное лишь тебе через соответствие.

49.

Помни, что есть звуки — звук и нет звучания, что есть они вне тебя и в тебе, и нет их сначала отдельно, а потом слитно, что есть вечно созданные созвездия, и нет их создания.

50.

Узришь, что звездные цветы и звуки подобны волнам, которые едины во множестве по славе чар своих... И одна волна горит изумрудом, другая алмазом, и еще другая яхонтом.

51.

Хотя хрупкими или тающими кажутся тебе цветы те — знай, что несокрушима мощь их, ибо несут тайну бессмертия и не знают увядания, даже в смертном.

52.

И в заоблачных высях могут парить цветы и звуки те — тщишься поднимать к ним ослепляемый взор твой.

53.

И знай, что поистине семена цветов этих и звучаний звездных в тебе, свободном от праха, ибо не свойствами праха рождены, и хотя по виду подобны, но противны по сути цветам земли.

54.

И великие силы скрыты в них, и как рождены, проявляют силы те, и не рождены, а пребывают и лишь рождаются в мире несовершенства твоего.

55.

Пойми, что то дети твои, но страшись принять великую множественность их за раздельность, ибо суть Единство твое, да не найдешь гибели в растерзании недостойными чадами твоими единства мысли твоей.

56.

Презираешь прелести и коварство цветов земных, но бойся, рыцарь, чар цветов горних! Пусть ни сверкание, ни кристаллический холод и полный тайной мощи в тончайшем узоре блеск их не поработят тебя. В этом глас мудрости твоей, в этом опасность твоя!

57.

Но да будешь господином и строителем силы их!

58.

И будет гореть сердце твое к битве; и дух брани за Чашу да владеет тобой!

59.

И гляди неустанно на Вождя в тебе, и начинай терпеливо и спокойно, твердой рукой, но с пылающим жаждой сердцем, закованным броней силы твоей, ткать узор из цветов горних, и да будет узор тот отражением Вождя в тебе.

60.

Будешь ты строитель, ты и сила созиданья, ты и создаваемое.

61.

Ты, рыцарь, осиянный лучом Истины вне меры человеческой, ты же и сияющий несказанным лучом тем, стоя на Выси Горней, познаешь все, что рассекается неодолимым мечом ока твоего на выси той — око же твое подобно солнцу, освещающему тьму.

62.

Но помни, что склоняется взор твой долу, когда свершаешь служение той тайне, что вне тебя и внутри тебя, что в братьях твоих и в жизни горней чистых.

И тайной да пребудет для тебя тайна та!

63.

Не тщися поднять око твое, ибо, если и сможешь, то неизреченная мощь Света Тайны той поразит слабый взор твой, и погаснет око для всего сотворенного.

64.

И, лишь ставши полным в силах Духа твоего, с удостояния Великих и с помощью Сильных, когда твое одно станет двумя, тремя, четырьмя и единым, — неуязвимым станет взор твой: да не отвернешься от лучей Славы Горней. — Но то лежит на гранях достижений, далью несовершенств твоих поглощаемых.

65.

И когда тонким узором соткешь образ Вождя в тебе, когда скажешь, что хорошо, то — свершится...

66.

И грозно сверкнет мечом очей своих Вождь, и нападет на тебя, и победит, и станет тобой.

Ты же будешь Вождем в себе.

И подчинишь себе все доступное достижению твоему в круге, замкнутом гранями понимания твоего.

67.

Ставши Вождем в себе — смело гляди на сияющий Венец Вождя Рыцарей Чаши и следуй голосу его извне, как давший победу Вождю в тебе; и повторит песнь боевую Вождь в тебе, ту, что мыслит Вождь Рыцарей Чаши, ибо Он в тебе вечно превращает мысли Его в клич победы, предшествующей бою, как истинно рожденный от звона копыа горней мощи.

68.

И когда все исполнишь и скажешь: «*Я преодолел все трудности Наставления*» — получишь в Разуме Души твоей всеотражающий, несокрушимый и пламенный в борьбе за Чашу образ победителя твоей сущности, тот образ, который есть то, чем ты должен быть —

ты — *garde!*

К НАСТАВЛЕНИЮ

Комментарии к IV главе

Теперь, когда ты высоко поднялся над миром страстей, когда вязкая атмосфера страстей и чувств людских потеряла власть над тобой — ты должен найти в себе силы перестроить все существо твое, подчинить Разуму в тончайших его проявлениях все элементы сущности твоей, но Разум этот

сделать единым с голосом истинного тебя, который вещает то же, что и «chef» твой.

Не приходи в отчаяние при виде крутизны предстоящего тебе пути — силы твои неисчерпаемы и вливаются в тебя огненным непрерывным потоком, истекающим от Чаши Жизни.

Велик труд твой, но велико и достоинство твое!

Ты — Светлый Хранитель и непобедимый Воин неизреченной Тайны — Красоты, Гармонии и Могущества совершеннейших, но... помни Великое Наставление!

Надлежит тебе победить все личное, даже в сверхличном, но не уничтожай это личное, а лишь преврати в послушную, ограждающую истинного тебя и представляющую лицо твое миру силу.

Зная твердо, что творишь образ свой по мыслям твоим, думай о том, что есть твоя пребывающая и тебя поглощающая на протяжении веков сущность, и твори низший образ твой по формам великой сущности той, которая есть истинно вождь в тебе.

Ты, победивший пороки, победы и добродетели, ибо ни одна сила не должна иметь власти над тобой, кроме той неизреченной Силы Жизни Горней, что питает бессмертный Дух твой.

Ты должен творить свою непобедимую стойкость и помнить, что Великие облекли тебя в высокое достоинство Хранителя той лучезарной и стремящейся излучаться Силы, что погубит смертного, но питает исповедимо тебя и братьев твоих.

Верши подвиг твой, ибо поистине должен излучить в мир Славу Силы Чаши, но не саму Силу, которая не может идти далее тебя. Ее поглощай, да не убьет приближающегося.

Но помни, что горе тому, кто по невежеству или силой зла, в нем заключенного, пытается проникнуть за порог Запрета, — быстр и гневен должен быть ответ твой, да звучит в нем гнев не твой, а Того, чье имя у тебя в сердце, а не на устах.

Рожденный от Копья, неси жало его в уме твоём и на языке и во взоре твоих — да страшится злое молниеносного удара твоего!

Ты должен видеть все доступное высоте Разума твоего, но никогда не узришь то, что скрыто в охраняемой тобой Святыне, — поистине зрячий во тьме ночей, ты будешь слеп, поднимая взор твой к самому солнцу.

Только эта слепота несовершенства твоего позволяет тебе поднимать взор твой к Чаше Истины и в благоговейном восторге невинности служить Ей — да не сражён будешь мощью пламени горнего, от Нее исходящего.

Поэтому не тщишься прозреть на видение Славы, от Чаши текущее, — которое есть пребывающее и вечноживущее Сокровище, тобой хранимое, тебе ведомое, но твоими очами не видимое.

И потому служишь, что не прозрел еще в росте совершенства твоего, потому не ропщи на слепоту восторга твоего, а храни его как Ореол Славы — «Грааль» осеняющей.

Да поет в Душе и Разуме твоих вечный глас Истины Сил Живых на струнах очищенных свойств твоих. Да будешь велик и светел стройностью и лучезарностью хранимого тобой.

И обрати всю силу стремления твоего к свету, на создание живых связей созданного тобой образа с непреходящим образом Вождя в тебе, который и есть порождение копье-носных носителей идеи триединства человеческого и осиянных венцом, Великими зажженным, Вождей Рыцарей Чаши.

Ты должен понять пути роста Вождя в тебе, всегда совершенного, но прежде в тебе молчаливого, а ныне рожденного к жизни новой и призванного вещать о Славе Истины.

Не страшны тебе бури и темные волны соблазнов чувств твоих, но бойся чар интеллекта и помни... Великое Наставление!

Страшись тонкого яда, исходящего с ароматом тончайших цветов вершин горних, от кристально прозрачных, ис-

крящихся всеми красками славы солнечной, и вместе странно, загадочно холодных в огне своей лучезарности узоров, ставшей прекраснообразной мысли твоей; да не соблазнишься их красотой ради этой их красоты и не скована будет сила твоя в ледяных объятиях новых властителей твоих — они же суть твои создания!

Сколь ты истинный, выше их порождений твоих сил!

Властвовать ими призван ты, их создатель, и нет у тебя властителя иного, как Сила и Слава Чаши, ты, хранитель «Грааля»!

И, превратив всю силу свойств личности твоей в мощь образа истинного Вождя в тебе и поработив создания твоих мыслей, которые создадут образ образа того, на мгновение застынешь перед неминуемой битвой, ареной которой ты будешь, и из века предназначенным победителем и побежденным.

И в едином молниеносном и страшном в своей близости новизны сотрясении сольется все разделенное в тебе во едино, и Вождь истинный твой воцарится в тебе.

И с ужасающей очевидностью узришь, что истинно ты — Хранитель «Грааля», светлое порождение Высшего в Низшем.

Узришь всю неразрывную близость chef'a твоего к твоей высшей Сущности, ставшей тобою всем, и в новой кипучей крови существа твоего услышишь звенящий призыв Копья!

И сам в себе, как драгоценная чаша, заключишь обретенные сокровища, исшедшие от «Грааля» и ставшие твоими.

И с братьями твоими — стражами вместишь наподобие чаши кипучее, стремящееся излучаться Чистейшее Вино Истины, да не проточится ни единая капля Вина того наружу и не станет пищей недостойных — да не погибнут сами и других не погубят в злом опьянении Вином Горним.

Ты Рыцарь Чаши — Святейшего Грааля!

Глава пятая

«ВЕЛИКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ»

«Chefs» — «Вожди»

1.

«*Вожди Рыцарей Чаши*» — внимайте словам этого Наставления, ибо только тогда обретете Вы свой образ неугаσιμο горящего Светом Очага Жизни, преломленного тройным, — носителя Копья Горней Мощи — пламенно вниз и стойко вверх обращающего связующую, своду подобную силу свою, когда полностью и в совершенстве осознаете то, что начертано для вас в книге этой.

2.

Во всей чистоте осветите силы, отраженные в словах этого Наставления, верное осознание которых — чудом сгорания и восстановления того в Вас, что есть качество не Ваше, но приносимое Вами для выявления скрытого и Власть несущего — вознесет Вас потоком восходящим славы отказа и применения в протяжении и в сознании власти, озарит для Вас алмазное жало бессмертия, в свободной от напряжения смерти обреченного деснице Рыцаря Воли Горней.

3.

Осознайте в совершенстве тот презирающий тончайшие чары интеллекта, отряхнувший от себя власть упоения свойствами власти горней и горящий светом белым образ, который скрыт под словами этого Наставления, который и есть венец трудов ваших — образ дающего помощь Рыцаря Воли Горней, носителя Копья Горней Мощи, поражающего и связующего, поддерживающего и воинствующего, как лежащий выше разумного, неосязаемого и как алмаз твердого.

4.

Осознай свойства Власти, и да будут эти свойства качествами всего существа твоего, ибо лишь ставший подобным

свойствам одного из четырех видов Власти — найдешь вне и внутри себя силы Вождя, ведущего к победе.

5.

Власть есть вторичное, противоположное, силе подобное, что выявляется через исполнение первичного, отражающегося на поверхность воли — отдания Власти, что есть служение.

6.

Итак, властвуй, отдаваясь служению Рыцарям Чаши, и чем совершеннее отдашь истинно свое из четверного, тем полнее и мощнее будет Власть твоя.

7.

Но бойся принять тени Рыцарей Чаши за них самих и да не послужишь теням тем!

Ибо не родится от служения того Власть твоя — она же есть истинная мера явленной, текучей изнутри сущности твоей!

8.

Осознай *меры и пути* рождения Власти твоей от того, что вне тебя, да не блуждает взор твой на пути твоём, но да будешь непоколебим во власти.

9.

«Жезл Единения», сопряженный с алмазным «Копьем Горней Мощи», — оно же двойственно в единстве своем — есть истинное первое и второе в третьем, и первое, второе и третье в трех, и три и четыре в четвертом.

10.

Четыре же отражается в четверной силе Вашей.
Осознай силы рождения Власти твоей!

11.

«Жезл Единения» подобен Слову Горнему, Волей Горнею проникающему вглубь и несущему Власть сжимания и облекания в серебряный круг звучания алмазным светом горящего «Копья Горней Мощи».

Он же звенит яростью неявленной воздействия остроты жала своего, готового проникнуть, вечно тяжелой мощью своею связующего и опирающегося и блеском влажности отражающего Свет Горний.

12.

И не властитель «Жезла Единения», и не носители «Копья Горней Мощи», а принцип «Жезла Единения» и «Копья Горней Мощи», в двойственности своей, — суть тройное в тайном Единстве своем.

13.

И великая Сила, ниспадающая с Вершин Горних, извинаясь, проникает толщу выявления, и наступает распад Единства Горнего.

14.

И Воля, изъявленная в Слове Горнем, облечена яростью воинствующей Копья, и тяжелая мощь его, вечно связующая и опирающаяся, поглощает власть сжимания и воздействует мощью своею.

15.

И сила, проникающая Слова Горнего, вооружена остротой жала «Копья Горней Мощи», и блеск влажности его, отражающий Свет Горний, поглощает Власть облекания и воздействует лишь Волею, из Мира Горнего творимую, в отражающемся в выявлении принципе их, заключенною.

16.

Единое в Горнем при выявлении непримиримо, и раторгаются узы свойств Власти.

17.

Власть же есть сила, заключенная в отрицании ее выявления, над кем властвовать надлежит, но лишь отрицании в обратном действующей силе.

18.

И бурным пламенем яро горит Воля выявления, чистым пурпуром — и светит, и опаляет — и ты, рыцарь, становись

этим пурпуром Власти, да выявишь в совершенстве его свойства, подобно камню, *рубином* именуемому.

19.

Но бойся быть непурпурным! Будь чужд бледности, да не замолчит в четверном ярость Воли; не гори яростью скрытой, огнем черным, да не низринешься на круг вражеский.

И есть выявление деятельное Власти деятельной.

20.

И заострено жало «Копья Горней Мощи», и дрожит на грие его готовая разить Власть проникновения — лазурной выси подобная, отражаемой поверхностью вод земных.

И ты, рыцарь, становись этой Властью проникновения, да выявишь в совершенстве ее свойства, подобно камню, *аквамарином* именуемому.

21.

Но бойся быть непрозрачным! Пусть на лазурном своде Власти твоей не будет облаков сил низших, да не затуманится в четверном Власть проникновения; не разнуздывай бури в силе заострения, да не утратишь равновесие цвета твоего.

И есть выявление скрытое Власти деятельной.

22.

И два суть выявление Власти деятельной!

23.

Блестит влажностью отражения Света Горнего «Копья Горней Мощи» и хранит власть облекания — синим глубиnam подобная — и ты, рыцарь, становись этой Властью облекания, да выявишь в совершенстве ее свойства, подобно камню, *сапфиром* именуемому.

24.

Но бойся не быть текучим! Пусть не утрачивается стремление твое облечь, да не затруднено будет свойство это в четверном; не допускай течений в существе Власти твоей,

ведущих в внешнему, да не исказишь его вне того, что истинно лишь внутри.

И есть выявление скрытое Власти скрытой!

25.

Тяжко опирается связующей и расторгающей мощью свою «Копье Горней Мощи», выявляя Власть сжимания, и связует и нагнетает мощно — и ты, рыцарь, становись этой Властью сжимания, да выявишь в совершенстве ее свойства, подобно камню, *аметистом* именуемому.

26.

Но бойся быть неплотным! Не допускай рассеяться мощности твоей вовне — да не ущерблена будет тягость бремени в четверном; и не дай погаснуть тому свету сквозь толщу массы твоей скользящему, который есть огонь Воли отраженной, да не прекратишь изъятие Воли Горней.

И есть выявление деятельное Власти скрытой!

27.

И два суть выявление Власти скрытой!

28.

И четыре суть — Единое в Горнем — реализованная Мысль Глубин Горних — изумрудом бездонным горящая!

29.

Дабы осознать Волю Горнюю, узнай изумрудную Мысль глубин Горних, доходящую до сознания твоего через преломленный «тройным» Свет Очага Жизни — так, как осознание сил, через нее преломленных, должно произойти на пути Власти твоей.

30.

Слово Горнее, преломленное «тройным», но не ранее, несет в недрах своих отражение Сил «Очага Жизни Горней» для очей отверстых.

Силы «тройного» и Власти, выявленной «четверным», сосуду подобны для вмещения отражения сил «Очага Жизни». Он же явлен будет Чудом Единения, от «Жезла» исходящим.

И отраженные Силы Горние подобны силам «тройного» и власти «четверного» и в Единстве сущности своей суть — отраженная во множественности Чаша Жизни Горней.

И Истинный Грааль в том, и то, что истинно отражено от Него и вновь отражено обратной силой истинной Власти вашей в единстве с «тройным» и Единым, что есть выражение Слова Горнего.

И неизреченна Слава, и непобедима Сила, и бесконечна Власть Очага Того — преклони Власть твою под озарением Воли Чаши Той — Тайна Грааля сокрыта от взоров твоих за Силами Чаши той — ее же Вождю не познать.

31.

Пусть очищенный отречением от преходящего слух твой различает голос Сил Очага Жизни, но лишь преломленный «тройным» от голоса Сил Горних, исходящих из «тройного».

Силы Очага Жизни исходят от Отражающего Себя — через «тройное» проникают к тебе, истекая через «тройное в единстве».

Силы Горние исходят от Миров Горних — проникают к тебе через «тройное», истекая от «Единого в тройном» через «единое в двойственности», единым в двойном потоком.

32.

Силы Горние видны тебе как исходящие от братьев — соратников твоих, прошедшие путь, еще неведомый сознанию твоему, и подобны рулю, направляющему ладью твою.

33.

Силы Очага Жизни, видные лишь чистому оку, Вечно звучащее Слово, слышное лишь чистому слуху, — зовут песнь духа твоего, влекут тебя к мирам горним, подобно ветрилам ладьи твоей.

34.

И влечет неудержимо Чаша Святая, и не знаешь куда, и влекут Силы Горние — зов братьев, — и виден путь.

И могучие братья-рыцари тебя посвящают, и «Копье Горней Мощи» — посвящающий, но не они истинный Посвятитель твой, вечно незримо питающий свет духа твоего.

Стихи о Посвятителе

35.

Осознай Божественные Силы Чаши!

Нет же сил явленных, могущих пронзить завесу Сил тех.
Лишь «Копье Горней Мощи» дарует носителю своему
власть проникновения.

Итак, не тщись вырвать Тайны Грааля, пока не овладеешь Копьем, но осознай дивный строй сил, от Него исходящих.

36.

Дивен лик Чаши той — подобной океану, отражающему солнце, — символ победного Света; в нем каждая капля, отражающая солнце, есть символ Света и несет мощь, от океана взятую, — так многолика сила Чаши, не истекающая, но отраженная во множестве.

И радость Света, и страх тьмы Символ несет в величии Единства и в отраженном подобии множественности.

37.

И увенчана, и осиянна Чаша!

Изумрудным оком зрит Она в очи приближающегося к Ней невежды — холодно и бездонно глубоко; но до краев полна питьем, сияющим царственным пурпуром, и неизреченно теплым алым светом озаряет сердца избранников.

Но невежда ока — избранник духа — влеком к Граалю.

38.

Вкусивший Влаги Жизни — смерти не познает.

Вкусивший бессмертный — сочетания сил тленного и нетленного свяжет узлом единства.

39.

Взирающий на Чашу и возносящий к источнику отражения отраженный луч Славы — трижды блажен и несет исходящий и проникающий, дыханию подобный, круговорот сил горних — равный отраженному величию Единства во множественности.

40.

Узревший Венец Грааля над ковчегом раскрыл очи души,
да не закроются вовек.

41.

Сила Чаши истекающая единая — ее же не познает
Вождь — непорочна в единстве своем, незрима и неиспове-
дима.

Лишь преломленная «тройным» и утратившая мощь
беспредельного движения, извивающегося над гранями вы-
явления, питает она тройственность выявления, скользя по
пределам «тройного» и мощно настигая «четверное», раз-
вертывая сияющие изгибы тройственных звеньев, единых в
Воле, но несущих отныне всю множественность выявления
Божественных свойств своих.

42.

И наследие «тройного» в пределах единства — Власть
неизбежности победного действия — первая жертва Единого,
пригвожденного к Кресту выявления.

И безымянна, и бела сиянием чистоты девственной.
Невидима оку твоему и ослепляет взор, отбрасывая неиз-
бежно стремление проникнуть.

43.

И наследие Единого в двойственности живущего в трой-
ном пределе единства — бессмертие двужальное, — и нет
единства двойственности в выявлении тройственного, да
раздвоится сила та и засверкает радостью единения и рас-
терзанием оживотворения — вторая жертва Единого, при-
гвожденного к кресту выявления.

И мера сил твоих даст тебе осознание сил первого жала,
и прекрасна в Величии Радости победной.

И сам примешь благоговейно жертву Святого Единого
во втором жале силы бессмертия, и растерзаешь, и будешь
жить, и осознаешь Божественное Величие жертвы той.

44.

И наследие Единого в тройственности тройного предела
единства — сияние славы о трех лучах, — и нет единства

тройственности в выявлении тройственного, и тройко загорится сияние Славы:

— блистательной, проникающей, дышащей ароматом вершин *мудростью*;

— облекающей, теплом веющей, порабощающей *красотой, и*

— всепримирающей, уравнивающей, идущей тропой единения, гармонией; —

третья жертва Единого, пригвожденного к Кресту выявления.

И, давши обратную силу твою, дашь осознание тройственности силы той в четверном выявлении.

И станет Единое проявленным в тебе.

45.

И неизменно истечение сил горних Чаши, ибо Единое в проявлении не замыкает в кольцах устремления качеств единого в тройном, и вторичное не смывает свойств двойственного в единстве тройного, и третичное не отражает свойств тройного в единстве, но мощь неизменных тройных в единстве пределов сил горних дает число выявлений своих, да разделится неделимое Волей ради Чуда выявления.

46.

Но Грааль творит Волю свою святую над тобой, рыцарь Его, облекая изменчивые изгибы воинствующей сущности твоей — той, что растет и умалется, распалется и охлаждается, свет источает и мраком затемняется, что живо в жертве и умирает в равновесии — то мягким светом зари согревающий, то гневной сталью звенящий.

Осознай неизменность принципа сил Чаши и законов выявления сил тех, и да озарит тебя осознание неизменности руководства силами твоими колеблющимися в выявлении и наполнении сосуда Власти четверной, тебе врученной.

47.

Чаша Жизни Горней — твой истинный Посвяtitель!

48.

Осознай тождество твое — Вождя Рыцарей Чаши — с Властью единой в четверном, да будет Власть твоя ведома рыцарям, и да преклонятся перед нею, но невидимо для них ведет их к победе.

49.

Но страшись власти власти той над сущностью твоею, что есть и Вождь и не Вождь, да не будешь рабом деяний твоих, властвующей над тобой властью совершенных.

50.

И та власть власти упоению Вином Горним подобна и несет погибель в пучинах множественности единства твоего, где мраком иллюзии окутан будешь, да потеряешь крылья духа и сопряжешься с кольцом Бездны, откуда поднялся полетом лебединым.

51.

И деяния власти властвующей — звеньям цепи подобны, да куются силой выявления, незримо для ока твоего облекающая сокровенную сущность твою, — да не расторгнет силою сияния твоего звеньев тех, — в том же мудрость змеиная, пока не закует всю силу духа, отдалив сопряжение его с Вождем, что есть выявленная сокровенная суть.

И узрит око, и источник сил твоих отторгнут от сознания твоего.

52.

Поэтому да не соблазнится упоением тем сердце твое и отверстым пребудет око твое.

53.

Осознай знаменья, внутри и вне, деяний мудрости змеиной, да не уstraшен, но предварен будешь.

54.

Умаление в очах твоих Рыцарей Чаши и сопряженное с ним удаление твое от пределов выявления — *первое знаменье.*

55.

Направление сил, отраженных явлением, не к источнику сил отражающихся, а к властвующей сущности твоей, да не волею твоею, а мудростью змеиною через слепоту меньших братьев твоих совершается — *второе знаменье*.

56.

Упоение, сладости подобное, от вида, оку твоему открытого на течение сил перекрещивающихся, от Власти твоей исходящих и от пределов выявления Рыцарей Чаши отражающихся.

57.

Заглушенный голос Власти Горней утопает в звенящих гласах трубных власти твоей — она же от четверного в едином — *третье знаменье*.

58.

Рост сил сущности твоей замедленный в движении круговом расширяющемся в Мире Горнем дробится, множась беспредельно в выявлении четверных свойств, да видишь образ свой во всем множественном искажении свойств твоих.

59.

И когда осознаешь в существе своем присутствие знамений тех в многообразном их единстве или в единовластной их множественности — знай, что время настало для исхода сил солнечных из горящей скрытой сути твоей, да пожрут лукавство змия и да спадут рождающиеся оковы твои.

60.

И освободи силы те, что скрыты Властью твоею, и освети Рыцарей Чаши, и найди в них то истинно твое и не тобой зарожденное, но лишь возвращаемое, что будет достойно принять венец Вождя.

61.

И осознай радость отдачи Власти истинно твоей и не тобой рожденной тому, что не тобою зарождено, но возвращено.

62.

И удаляемое станет близким, умаляемое — возвеличится.

63.

И освети кипящий поток сил отраженных Мира Горнего, к стопам твоим притекающий, и узришь в сияющих струях его, твоею Властью осененных и плененных, искрами раздробленными сверкающий образ Очага Жизни.

64.

Оторвешь от себя силы прибоя потока того, бросишь в него Власть твою и отдашь тому миру, — он же в «тройном», откуда путь лежит к стопам твоим.

65.

И замолкнет глас трубный Власти четверного, и беззвучно засияет в четверном Власть, «тройным» преломленная, Единого Очага Горней Власти.

66.

И отбросишь кубок упоения, и будешь властвовать, отдавая Власть твою ежечасно, чтобы вновь принять ее и сложить на пути тока сил горних, — да увлечена будет от четверного закона выявления в побеждающее и Волю Горнюю творящее Единство в «тройном».

67.

И, победив сам, будешь вести к predeterminedной Воле Горней победе Рыцарей Чаши.

68.

Но победа твоя многолика в предсуществующем копьеобразном образе своем.

Не только мудрость змеиная и несовершенство выявленного суть силы, победить которые ты должен, но и весь путь твой жертвам кровавыми обильному Венцу твоему — должен быть единой победой над силами выявления, нисходящим потоком властвующими.

69.

Осознай стезю победного шествия властвующей сути твоей к венцу, сияющему светом глубин горних, да грядешь от победы к победе волей непреходящего в тебе единства с Очагом Жизни.

70.

Победа, открывающая врата к стезе побед твоих, есть победа над страхом наготы, ибо не должен убоиться совлечь с груди твоей брони духа твоего, что есть перекованная тобой сила свойств явленных — истинно твоих.

71.

И совлеки — останешься открыт... но сила истинно твоя, но не твоя в тебе, столь могуча в излучении Власти своей в четверном выявлении, что победителю в тебе, ставшему тобой, боязнь да не скует потока сил, Свет источающих, они же — страх змию.

72.

Совлеченную броню повергни под стопы победителя, он же — есть ты сам, да будет подножием силы его.

73.

И узришь, как броня та претворится в скалу под стопой твоею — и тверда, граниту подобная, и непоколебимо надежна, и бесформенна в своем, едином от множественного Единства, выявлении.

74.

Но чудом единения Единого от Очага Жизни Горней исходящим — скала та есть выявление Единства во множественном единстве, да пребывает нерушимо вовек.

75.

И если должен был преклонять взор твой перед величием тайны Грааля, ему же служил, — ты слепец, зрением одаренный, подними очи твои и зриай смело, ставши выявленной в четверном Властью, ибо то, что могло ослепить

тебя, поглощено шедшим по стопам твоим Рыцарем Чаши, да стоит у врат предельных сияния, ослепляющего зрячего.

76.

И, взирая на токи сил, от «тройного в единстве» истекающих, осознай путь твой, к Венцу ведущий.

77.

И различишь в потоке сил тех струи, от «Жезла Единения» исходящие, — и возьми от них Единство во множественности звучания — струя же алмазу подобна и белее снегов горних — и поглотись сущностью своею, и претворится в единое по существу, но многообразное в выявлении четверном творение.

78.

И узришь струи, от «Копья Горней Мощи» текущие и как бы золотом и серебром отливают, — и возьми от них звон, Воле Горней подобный, и непоколебимость, Воле Горней подобную, и поглотись сущностью своею, и претворится в силу деяния и воздержание от деяний, и суть едины по существу, но двойственны в принципах выявления и многообразны в выявлении четверном.

79.

Сопряжешь творение струй, от «Жезла Единения» истекающих, и силы, претворенные из струй, от «Копья Горней Мощи» исходящих, и узришь тайну рождения Власти в тебе.

80.

И свойствами сил тех засияет Венец Власти твоей, но твоей в выявлении четверном.

81.

И будет гореть светом пурпурным...

82.

И будет сиять прозрачностью лазурной...

83.

И будет блестеть влажностью вод...

84.

И будет сверкать мощью неявленной...

85.

Но свет Венца твоего будет светом явленного в четверном, и нет в нем до поры света глубин Горних.

86.

И лишь осознание сил, «тройным» преломленных, от Грааля исходящих и в тебе как выявлению четверном протекающих, и тобою, как четвертичным в единстве отраженных, — зажжет изумрудное око Света глубин Горних на Венце Власти твоей.

87.

И озарит всю сущность твою:

— прострешь длань твою долу — и согбенны будут силы, властвующие потоком сил нисходящих;

— и послужишь Рыцарям Чаши — и преклонятся перед Властью твоею;

— и воззовешь к Силам Горним — и услышан и оваян Ими будешь.

88.

И тяжел Венец. И вопьются тернии его в главу твою, и понижут сознание твое. И грому подобен глас Власти твоей — да свершится тройственное Единство в четверном.

89.

И когда все исполнишь и скажешь: «Я преодолел все трудности Наставления» — получишь в сознании твоем полный величия в покое Истинной Власти, осиянный Мудростью миров Горних, образ наследника Копья Горней Мощи, тот образ, который есть то, чем ты должен быть, —

ты — chef!

№ 14

Тексты и указания к совершению мистерий и Великих Служений Крещения, Преображения и Страстей (Братство Истинного Служения)

Переписано с рукописного экземпляра бр. Антона, Первого Посвященного лжи Ищущих Влаги Братства Истинного Служения

МИСТЕРИЯ ДУХА СВЯТОГО И ВЕЛИКОЕ СЛУЖЕНИЕ КРЕЩЕНИЯ

Часть первая

ПРОРОЧЕСТВО

(Псалом 94). Придите, воспоем Господу, воскликнем твердыне спасения нашего! Предстанем лицу Его со славословием, в песнях воскликнем Ему. Ибо Господь есть Бог великий и Царь великий над всеми богами. В Его руке глубины земли, и вершины гор — Его же. Его — море, и Он создал его, и сушу образовали руки Его.

Придите, поклонимся и припадем, преклоним колена пред лицом Господа, Творца нашего. Ибо он есть Бог наш и мы — народ паствы Его.

После сего Третий брат, стоящий около вспомогательного стола, читает Молитву Манассии, во время чтения которой Первый брат с Крестом Господним, а Второй брат с окурениями обходят Храм, освящая его и подготавливая к мистерии.

По окончании молитвы Первый брат удаляется в святилище, замыкая его за собою. Второй и Третий склоняются перед престолом.

Первый брат: Бойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его, и поклонитесь сотворившему небо и землю, и источники Вод.

Кто же поклоняется зверю и образу Его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его.

Второй и Третий братья: Велики и чудны дела Твои, Господи, праведны и истинны пути Твои, Царь святых.

Хор: Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего. Ибо Ты один свят, все народы придут и поклонятся перед Тобою, ибо открылись Суды Твои.

После сего приемлет Третий брат Писание и не подымаясь читает Псалом 89 до 10 стиха включительно. В это время Второй брат приемлет свиток и склоняется перед вратами Святынища. По окончании чтения:

Второй брат: Обратись, Господи! Доколе? Умилосердись над рабами Твоими. Рано насыти нас милостию Твоею, и мы будем радоваться и веселиться во все дни наши.

Третий брат: читает псалом 82, во время чтения которого отвергается завеса Святынища и Первый брат приемлет из рук Второго свиток и, вознеся его над головой, зримо для Храма склоняется по сану перед Престолом Святынища (алтарем). Второй же брат удаляется в глубь Храма, откуда, по окончании псалма, раздаётся его голос.

Второй брат: Воздайте Господу, племена народов, воздайте Господу славу и честь, воздайте Господу славу имени Его, несите дары и идите во двory Его, поклонитесь Господу во благолепии святыни, трепещи пред лицом Его вся земля! (Храм должен преклониться ниц.)

Правда откровений Твоих вечна, вразуми меня, я буду жить вовеки. Взываю всем сердцем моим: услышь меня, призываю Тебя, спаси меня. Близок Ты, Господи, и все заповеди Твои истина. Воззри на бедствие мое и избавь меня; ибо я не забываю закона Твоего.

Тут Первый брат покидает святынище. Разворачивает

свиток, бывший у него в руках. Третий поддерживает свиток, Второй брат во главе Хора произносит указанное дальше.

Первый брат: читает Пророка Малахию IV от 1 по 3.

Второй брат и Хор: Благословен Ты, Господи Боже отцов наших, и хвальный, и провозносимый во веки, и благословенно Имя Славы Твоей, святое и преславное, превозносимое веки.

Первый брат: читает Пророка Малахию IV от 4 по 6.

Второй брат и Хор: Благословен Ты в Храме святой славы Твоей, и прехвальный и преславный веки. Благословен Ты, видящий бездны, восседающий на херувимах и превозносимый веки!

Первый брат: читает Пророка Малахию IV от 7 по 9.

Второй брат и Хор: Не отними от нас милости Твоей ради Авраама, возлюбленного Тобою, ради Исаака раба твоего и Израиля святого Твоего, которым Ты говорил, что умножишь семя их как звезды небесные.

Первый брат: читает Пророка Малахию IV от 10 по 12.

Второй брат и Хор: Мы умалены, Господи, паче всех народов и унижены ныне на всей земле за грехи наши, и нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всеожжения, ни жертвы, ни места, чтобы принести жертву и обрести благодать Твою.

Первый брат: читает Пророка Малахию IV от 13 до конца.

Второй брат и Хор: Благословите, священники Господни, Господа, пойте и превозносите Его веки. Благословите, рабы Господни, Господа, и духи и души праведные, праведные и смиренные сердцем благословите Господа, пойте и превозносите Его веки. Ибо послал он обетование свое, и разрушил прах сердец народа своего, и прославил себя по всей земле!

Тут Третий брат собирает свиток и, склонившись и прижав благословение Первого, удаляется в Святилище. Первый брат замыкает Завесу. Второй приближается к престолу и речет.

Второй брат: Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Его!

Часть вторая

ТАИНСТВО

Второй брат (заканчивая возглас): Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривые выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими, и узрит всякая плоть спасение Божие!

Первый брат: Благословен Господь Бог наш, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг спасения нам в доме Давида, отрока Своего.

Тут вступает голос Третьего брата, пребывающего в Святилище, и читает Ев. Луки I: 70—79. Во время чтения перебрасывает Первый брат Второму на плечо полотенце и вручает великий крест, благословив. Засим удаляется в Святилище. Третий читает Матфея III: 1, 2, 4—7 до слов вступающего Второго брата.

Второй брат: Порождения ехидны, кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам», ибо Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Пусть не смущается сердце ваше о том, Христос ли я, Илия ли или пророк, и скажите учителям вашим, сомневающимся в крещении моем, что идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостоин развязать ремень обуви. Я крещу вас водою, он будет крестить Духом Святым, и лопата уже в руке Его, и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу в житницу, и солому сожжет огнем неугасимым.

Присутствующие в Храме проходят под благословение Второго брата, пока Третий читает Ев. Луки III: 23 — до конца, а Первый отверзает врата Святилища и, сняв знаки сана, облачается в покровы воинствующего брата.

Внезапно загорается яркий свет на посланном Вторым полотенце, и Первый брат взывает.

Первый брат: — Сей есть сын Мой возлюбленный, в котором Мое благословение.

Тут склоняется Второй брат и речет:

Второй брат: — Мне бы надо креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?

Первый брат: Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду.

Второй брат осеняет благословением столп света.

Второй брат: Вот Агнец Божий, Который берет на себя грех мира (И к Храму.) Я не знал Его, но для Него пришел крестить в воде чтобы он явлен был Израилю. Я не знал его, но Пославший меня крестить в воде сказал мне: «На Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего в нем. Тот есть крестящийся Духом Святым». И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий.

Пока гаснет столп света, закрывается Святилище и Первый брат разоблачает покровы и налагает на себя знаки сана.

Хор: Духа Свята принявшему Слава, Сыну пречистому, Сыну Божию, единокровному Слава.

Пришедшему в мир во искупление грехов — Слава.

Слава Обетованному через пророков, Моисеем завещанному Слава.

Слава Отцу Непознаваемому, Сына пославшего во спасение мира. Слава! Слава! Слава!

Часть третья

ИСКУШЕНИЕ

Третий брат располагается с писаниями у вспомогательного стола. Второй брат, принявши ручной знак Антихриста, становится на равном конце престола, как и вспомогательный стол, перед престолом склоняется Первый брат.

Хор: Воспойте Господу новую песнь, ибо он сотворит чудеса. Его десница, Его святая Мышца доставит Ему победу.

Явил Господь спасение Свое, открыл перед очами наро-

дов правду свою, вспомнил он милость и к Иакову, и верность дому Израилеву. Все концы земли увидели спасение Бога нашего.

Третий брат читает Ев. Луки IV: 1—2.

Второй брат: Если Ты Сын Божий, вели камню сему сделаться хлебом.

Первый брат: Написано, что не хлебом будет жить человек, но всяким словом Божиим.

Второй брат: Оглядишься на лежащие пред Тобою, я дам Тебе власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее, итак, если поклонись мне, все это будет Твое.

Первый брат: Отойди от меня, Сатана, написано: Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи.

Второй брат: Вот крыло Храма под тобою, если ты сын Божий, бросься вниз, ибо написано: ангелам своим заповедает о Тебе сохранить Тебя.

Первый брат: Но сказано также, не искушай Господа Бога твоего.

Тут Второй брат приближается к поднявшемуся Первому и повергает знак Антихриста под ногу свою и, призвав благословение Первого брата, производит окурение Храма. Третий брат читает Псалом 62, после чего:

Хор: Велики дела Твои, Господи, ибо, неверных обратив, больных исцеляя, Себя и Отца Своего прославляя, снисшедший в мир со Престола Славы Твоей и вочеловечившийся от Девы, явил нам залог спасения в жизнь вечную. (Первый удаляется в Св.).

Второй брат: Каким знамением Ты докажешь, что имеешь власть так поступать?

Первый брат: Разрушьте Храм сей, и я в три дня воздвигну его.

Второй брат: Храм сей строился 46 лет, и ты в 3 дня воздвигнешь его? (Первый покидает Святилище).

Хор: Веруем, Господи, что Ты истинный Христос, при-

шедший в мир грешные спасти и праведные возвеличить, больных исцелить, алчущих насытить, неверных обратить и всех помиловать и спасти.

Первый брат: Покайтесь, ибо Царство Божие настало, веруйте в добрую весть о спасении.

Второй брат: Возлюбите Господа Бога вашего всем сердцем вашим, всею душою вашею, всею крепостию вашею, всем разумением вашим и ближнего как самого себя.

Первый брат: Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели дела ваши и прославляли Отца Небесного. Будьте милосердны, как милосерд Отец ваш Небесный.

Хор: Придите, поклонимся и припадем ко Христу. Спаси нас, Сыне Божий, поющие тя Аллилуйя!

Все удаляются в Святилище и продолжают обычным порядком Великое служение.

Необходимые примечания

Особые предметы для мистерии:

1. Высокий вспомогательный стол (налой).
2. Щит Господень.
3. Копие.
4. Великий крест.
5. Полотенце.
6. Знак Антихриста.

Указания свершающим мистерию.

Чтение: Книга Мудрости, глава XII. Евангелие от Иоанна I: 1—23.

Первому брату: надлежит соблюсти 33-часовой пост. Перед мистерией совершить омовение, принять от Второго брата Причастие истинной веры.

Второму и Третьему братьям: надлежит соблюсти 24-часовой пост. Перед мистерией совершить омовение и принять Причастие истинной веры.

Все упоминающиеся тексты должны быть выписаны на

листах и собраны по порядку, дабы не разделять молчаниями Таинства. Один из хоров (в конце II части и начале III) обычно опускается, чаще заключительный II части.

Мистерия начинается после Хора: Нет в мире, кроме свята Бога... и совершается строго вышеизложенному тексту, таким образом момент рождения в Великом служении Крещения пропускается (не упоминается).

Конец

№ 15

МИСТЕРИЯ О ЧАШЕ И СЛУЖЕНИИ ПРЕОБРАЖЕНИЯ (БРАТСТВО ИСТИННОГО СЛУЖЕНИЯ)

Часть первая

ПОУЧЕНИЕ

Аллилуйя! Спасение и слава, и честь, и сила Господу нашему, хвалите Бога нашего. Все рабы Его и боящиеся Его малые и великие. Возрадуемся и воздадим Ему славу, ибо наступил час Его. Аллилуйя!

Во время хора удаляется Первый брат в Святилище, а Второй и Третий располагаются с Книгой Мудрости и Евангелием по бокам Святилищных врат. При окончании хора Третий брат открывает Евангелие и читает: от Матфея главу 10 до конца, после чего раздается из закрытого Святилища голос это:

Первый брат: Истинно, истинно говорю вам, придите ко мне, все труждающие и обремененные, и Я успокою вас, возьмите иго мое на себя и научитесь от Меня, ибо кроток есмь и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко, и блаженны несущие его. Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное,

блаженны плачущие, ибо они утешатся, блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся, блаженны милостивые, ибо они помилованы будут, блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они наречены будут сынами Божиими, блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное. Блаженны вы, когда поносят вас и будут гнать всячески и неправедно злословить за Меня.

Хор (Псалом 92): Господь царствует. Он облечен величием, облечен Господь могуществом и препоясан: потому вселенная тверда и не подвигнется. Престол Твой утвержден искони; Ты от века.

Во время исполнения хором Псалма отверзает первый из свершающих Мистерию книгу писаний и возлагает ее на положенный в середине Храма вспомогательный стол (книга отверзта на Послании Павла евреям) и по окончании Псалма читает Первую главу сего Послания, пока все это совершается, Хор продолжает:

Хор: Возвышают реки Господи, возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои. Но паче шума вод многих, сильных волн морских, силен в вышних Господь.

Второй брат (четко выделяя свой голос из Хора): Откровения Твои несомненно верны ... (И опять, как и подобает, Хор.) Дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие годы.

При следующем за сим чтением из середины Храма полагают Второй и Третий братья бывшие у них в руках книги и приемлет Второй секиру, Третий окурения и нижеследующим возгласом приветствуют отверзающиеся врата и появляющегося в них с Крестом Господним в руках Первого брата:

Второй и Третий братья: Превозносите Господа Бога нашего и поклоняйтесь на святой горе Его, ибо Свят Господь Бог наш.

И, следуя за Первым братом, трижды обходят Храм,

изображая восхождение на гору Елеонскую во время сего шествия.

Первый брат: Восходя на гору Елеонскую, оставил Иисус учеников своих долу, позволив следовать за собою лишь уготованным Мудрости, было же их трое числом, Петр, Иаков и Иоанн, и взошли они за Иисусом на гору Елеонскую и пребывали там в молитве и внимали Мудрости поучений Господних.

Закончив шествие, удаляются Братья в Святилище и поочередно снимают с себя знаки сана и приемлют в руки: Первый — Книгу Истинного Служения, Второй — Посох Учительский и Третий — Великий Крест, с каковыми и располагаются перед вратами Святилища со стороны Храма.

Часть вторая

ТАИНСТВО

Первый брат (поднимаясь с К.И.С.): Велики и славны дела Твои, Господи, нет сил перед Таинством Твоим, нам недостойным, во грехе и скверне погрязшим.

Второй брат (поднимаясь и приближаясь к Первому): Не Иоанн Ты Креститель, и не Илия, и не Иеремия, также и не один из Пророков, но Ты — Христос, Сын Бога Живого.

Третий брат (поднимаясь и присоединяясь к ним): Велик и славен Ты по всей земле, и до века не перейдет слава Имени Твоего.

Тут гаснет свет и воцаряется в Храме и Святилище полный мрак. В темноте входят Братья в Святилище и располагаются так: Первый брат лицом к Храму с Крестом Господним в руках и облачением через плечо, Второй и Третий лицом к нему с Евангелием и Книгой Мудрости.

Тут ярко озаряется Святилище.

Первый брат: Если кто хочет идти за Мною, отвергнув себя, возьми Крест свой и следуй за мною.

Низко склоняют главы Второй и Третий, и наступает тьма, в которой

Первый брат: Сей есть сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение, Его слушайте.

И сейчас же в тьме опять выходят из Святилища Братья и склоняются, как были в конце «Поучения», и в руках у них загораются светильники.

Второй брат: Учитель, хорошо нам здесь. Сделаем три кущи, Тебе, Моисею и Илии.

Третий брат: Как же говорили книжники, что Илии надлежит прийти прежде?

Первый брат: Правда, Илия должен прийти прежде и устроить все, но Учитель сказал: Илия уже пришел, и не узнали Его, а поступали с ним как хотели, так и Сын Человеческий пострадает от них.

Второй брат (подымается и, как бы запрещая, воздымает Посох): Не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых.

Тут возжигаются огни в Храме и удаляются Братья в Святилище, где возжигают Огонь Алтаря и вновь возлагают на себя знаки сана.

Часть третья

УТВЕРЖДЕНИЕ

Хор: Нисходящему духу следуя, припадаем к Тебе, Владыко, и в уповании на Милосердие Твое славословим Тебя, Сыне Святой. Непознаваемого Отца духом от духа рожденный на вечный век, пришедший в мир грешных ради спасения, не остави уповающих на Тебя и молящихся Отцу Твоему обещания Твоего ради. Миром о мире душ наших молим и об светоточашей мудрости Твоей, нисходящей в Сиянии Славы Твоей, вочеловечившийся от Девы приснославимый Господь и Христос.

Тут появляется, выходя из врат Святилища, Первый брат, неся в руках своих великую Чашу, за ним следует Второй брат с Крестом Алтаря и Третий, по выходе своем из Святилища приемлющий Крест Престола. Став все трое лицом к Храму, Братья выслушивают Хор:

Хор: Подобно Моисею и Илии с Ликом Своим сочетав бремена земные и приняв добровольную чашу мук искупления ради грехов, человеком содеянных, озарил недостойных Светом Своим, Славой Своей утвердил Слово Ученья Святого.

Первый брат: Сей есть сосуд страдания, чаша мук и смерти Господних, сосуд, исполнившийся грехами и беззакониями земли.

Второй брат: Днесь приемлет Господь наш и Учитель чашу сию, ради завет Отца с народом, дабы очистить мир и кровью мук Своих искупить исполненную грехов чашу мира.

Третий брат: Нас ради человек и нашего ради спасения сшедший с небес Господь и Учитель наш Иисус, Христом нареченный, приемлет Великую Чашу откровения и познания, утверждая Себя в народе. Славословьте Его.

Хор: Осанна в вышних Богу, благословен грядый во имя Господня. Осанна сыну Давидову!

Тут удаляются Братья в Святилище, откуда сквозь замкнутые двери раздается голос Третьего брата, читающий:

Третий брат: Истинно, истинно, истинно Слово Откровения и нерушимо в веках веков; ибо Смертью и Воскресением утвердил Его Иисус пред народом и первосвященниками. И неоднократно посрамлял Иисус книжников и разбивал искушающие речи их, но не открывался, кроме как Апостолам, и, возведя избранных на гору, явил и Свет Таинства, и во имя Спасения принял чашу страдания, чашу полную, сосуд, исполнившийся беззакониями мира, и показал избранныкам Своим Моисеевы скрижали, Илиево откровение и Свое Светозарное Откровение, озаряющее и

Моисея, и Илию, и сияющее в веках до скончания дней, и принял чашу Искупления. Сойдя же с горы, перед народом открыл себя и Утвердил Имя подлинного Отца Своего, и принял поклонение Делу Своему, ибо Чаша была уже в руках Его, и Уста Его готовы были пить горькую влагу Ее во славу Отцу, человекам во Спасение. Аминь.

Тут выходят из Святынища Второй и Третий братья и отдаляются вглубь, Первый же брат остается в замкнутом Святынище.

Второй брат: Сей человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в него и римляне овладеют нами.

Третий брат: Лучше нам, чтобы один человек умер из людей, нежели чтобы погиб весь народ.

Медленно возвращаются, их встречает возглас Первого брата, выходящего из Святынища.

Первый брат: Сей есть Христос, обещанный потомок Давида, грядущий на ослати.

Хор: Осанна Сыну Давидову. Благословен грядый во имя Господня, осанна в вышних!

Тут приемлет Третий брат с престола Евангелие и продолжается Великое Служение обычным порядком.

Необходимые примечания

Особые предметы для мистерии:

Великая чаша

Облачение (наплечное)

Посох учительский

Великий крест

Копие

Книга писаний

Высокий вспомогательный стол (надой)

Указания свершающим мистерию:

Книга Мудрости, глава I, Евангелие от Иоанна XIV:

15—21 вкл.

Свершающим мистерию братьям надлежит исполнить посты и омовения по общему для мистерий правилу.

Все упоминающиеся тексты должны быть выписаны на листах и собраны по порядку, дабы не разделять молчанием Таинства.

Мистерия начинается после Хора (Великое служение, момент «Проповедь»): Придите, поклонитесь и припадите ко Христу. Спаси нас, Сыне Божий, поющие Тя аллилуйя. Таким образом, «аллилуйя» Хора и «аллилуйя», являющаяся первым словом мистерии, сливаются в один раз произносимое слово.

Конец

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

*Глава 1. РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЕ
КРУЖКИ И ОРДЕНА В РОССИИ (1900—1917 гг.)*

1. Русские теософы и антропософы начала XX века 11
2. Иллюминаты, филалеты и розенкрейцеры. Тайна ложи
«Мезори». Мистическая казнь графа Витте. 29
3. «Орден мартинистов» в России. Царская ложа
«Крест и Звезда» 41
4. От «Святой Софии» к «Люциферу»: духовные искания
русской интеллигенции. 62

Глава 2. ЛЕНИНГРАДСКИЕ МИСТИКИ 1920-х годов

1. «Орден мартинистов» Г.О. Мебеса первых
послереволюционных лет. «Красное масонство»
Б.В. Астромова 89
2. «Орден рыцарей Святого Грааля»
А.Г. Гошерон-Делафоса. 127
3. «Братство истинного служения»
Г.А.Тюфяева и В.Г. Лабазина 134
4. Масонство и большевизм. 142

Глава 3. «ВОСКРЕСЕНЬЕ» А.А. МАЙЕРА 151

*Глава 4. «ХЕЛЬФЕРНАК» И «БРАТСТВО
СЕРАФИМА САРОВСКОГО» И. М. АНДРЕЕВСКОГО
«Космическая академия наук» Э.К. Розенберга 187*

*Глава 5. «СОВЕТСКИЙ КАЛИОСТРО»: Б.М. ЗУБАКИН
И ЕГО «РЫЦАРИ» 213*

Глава 6. «ШАМБАЛА СНИЯЮЩАЯ»

1. «Единое Трудовое Братство» А.В. Барченко 271
2. «Великий план» Н.К. Рериха 306
3. «Чекистская ложа» в Москве 333

**Глава 7. МОСКОВСКИЕ МИСТИКИ 1920— 1930-х гг.
И ИХ СУДЬБА**

1. Теософы и атропософы	356
2. Тамплиеры	364
3. Розенкрейцеры	396
4. Чекисты и масоны	405
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	411
ПРИЛОЖЕНИЯ	416

Виктор Степанович Брачев **ЧЕКИСТЫ ПРОТИВ ОККУЛЬТИСТОВ**

Редактор *Е. Прудникова*
Художественный редактор *С. Силин*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Г. Киселева*
Ответственный за выпуск *А. Светлова*

ЛР № 065715 от 15.03.1998.
ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5.
Тел.: (095)745-58-23
ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел
издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: marinovich.yk@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед». Крупнейшие магазины сети
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе — фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-183-12-12.

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на Соколе».

Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.04.2004.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 28,73.

Тираж 4000 экз. Заказ № 4402153.

Отпечатано с готовых монтажей на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Виктор
Брачев

ЧЕКИСТЫ ПРОТИВ ОККУЛЬТИСТОВ

Советская власть была далеко не так атенстична, как кажется на первый взгляд. Масонские и оккультные организации в пред- и послереволюционной России, их сложные, подчас враждебные, а иногда деловые взаимоотношения с правительством Советской России – этой закрытой теме посвящена книга петербургского историка Виктора Брачева.

В этой книге впервые раскрываются факты искусственного создания масонско-оккультных лож органами ОГПУ и НКВД для засвечивания и отслеживания действий «врагов советской власти». С другой стороны, масонские лидеры заявляли о том, что «стремление к коммунизму совпадает в общих чертах со стремлениями русского масонства». Это красноречивое признание раскрывает механизм управления миром единым тайным правительством.

ISBN 5-499-06001-4

9 785699 060016 >